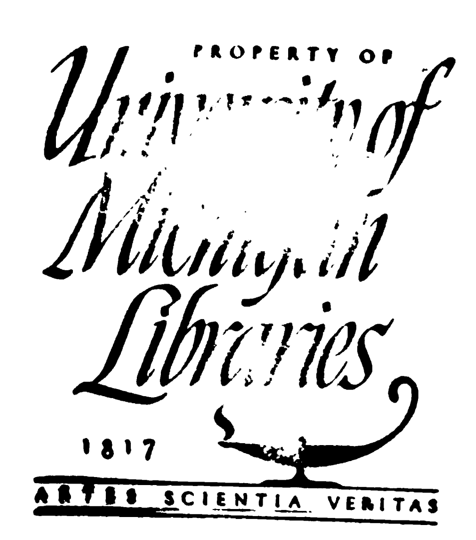
PROPERTY OF
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1964

БІОГРАФІЯ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА.

ТОМЪ I.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА.

КНИГА I.

Родъ Кошелевыхъ.—Очеркъ движенія образованія и преимущественно журналистики съ XVIII столѣтія.—Культурное значеніе Москвы.

Изданіе О. Ѳ. Кошелевой.

МОСКВА.
Типо-литографія И. Н. Кушнерева и Ко., Пименовская ул., д. Кушнеревой.
1889.

mar Aug-17.58

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

KH1

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Александръ Ивановичъ Кошелевъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ нашихъ дѣятелей, которые до конца жизни сохранили свою независимость и принимали горячее участіе во всѣхъ вопросахъ и задачахъ, волновавшихъ общество, принося на служеніе ему и личный свой трудъ, и матеріальныя средства. Тотчасъ послѣ его кончины печать всѣхъ направленій и оттѣнковъ отдала ему должную справедливость и указала его значеніе въ исторіи своего времени (См. Приложеніе I.).

Поэтому біографія Александра Ивановича представляетъ общественный интересъ, наравнѣ съ біографіями всѣхъ замѣчательныхъ людей,—до послѣдняго времени стоявшихъ во главѣ общественнаго движенія и такъ недавно сошедшихъ въ могилу.

Супруга покойнаго, Ольга Ѳедоровна Кошелева, передала мнѣ всѣ бумаги и обширную переписку своего мужа, и я рѣшился, изъ уваженія къ памяти покойнаго, заняться, насколько съумѣю, составленіемъ его біографіи.

Біографія всякаго сколько-нибудь замѣчательнаго человѣка есть исторія его времени. Насколько онъ являлся произведеніемъ теченій господствовавшихъ въ обществѣ данной эпохи, настолько же самъ онъ служилъ ихъ представителемъ; поэтому поверхностное знакомство съ окружающей средой, гдѣ пришлось дѣйствовать Александру Ивановичу, было бы недостаткомъ для читателя и непростительною ошибкою для автора. Александръ Ивановичъ началъ жить въ одну изъ самыхъ интересныхъ и бурныхъ эпохъ ближайшаго прошлаго; онъ сталкивался со всѣми замѣчательными людьми своего времени. Именно поэтому біографія его представляетъ серьезный интересъ. Общественная дѣятельность Александра

Ивановича конечно не была настолько крупною и видною, чтобы избрать именно его центромъ для исторіи своего времени. Но у насъ, гдѣ дѣятельность человѣка далеко зависитъ не отъ него самого и гдѣ часто энергія можетъ проявляться, только намѣренно скрываясь въ тѣни, скромная и невидная дѣятельность, въ стѣсненной обстоятельствами сферѣ, имѣетъ болѣе культурное значеніе, нежели блестящія и преждевременныя попытки. Къ числу такихъ людей относился Александръ Ивановичъ, такъ что для правильной его оцѣнки ближайшее знакомство съ средой, гдѣ приходилось ему дѣйствовать, становится существенно необходимымъ.

При этомъ я считаю нужнымъ оговориться о самой формѣ моего изложенія. Приступая къ нему, я былъ очень поверхностно знакомъ съ исторіей русской литературы и въ особенности журналистики, гдѣ Александръ Ивановичъ занимаетъ видное мѣсто. Перечитавши по возможности все, что было написано по этому предмету, я пришелъ къ убѣжденію въ необходимости изучить старую журналистику по источникамъ. Лучшіе труды по исторіи русской литературы и журналистики, несмотря на свои достоинства, страдаютъ нѣкоторою односторонностью. Всѣ они представляютъ рядъ выдающихся именъ и опредѣляютъ ихъ значеніе въ исторіи русской мысли и общественнаго развитія, но за то все остальное они смѣшиваютъ въ какой-то безцвѣтный, не заслуживающій вниманія фонъ, гдѣ отложилось одно невѣжество, равнодушіе и ненависть къ прогрессу. Такимъ образомъ эти выдающіяся имена являются какъ бы случайными, появившимися внѣ условій окружающей жизни, оторванными отъ почвы; несомнѣнный внутренній ростъ имѣвшей вліяніе въ свое время, но теперь забытой литературы и самаго общества, мѣнявшаго свое направленіе и свои задачи, достаточно не выяснены. Между тѣмъ каждый изъ выдающихся нашихъ дѣятелей долго подготовлялся цѣлымъ рядомъ предшественниковъ и только благодаря таланту болѣе рельефно и блестяще выразилъ то, что еще до него медленно и ощупью назрѣло въ общественномъ и литературномъ сознаніи. А. Н. Пыпинъ совершенно справедливо говоритъ: „Мы обыкновенно забываемъ, гдѣ былъ корень нашихъ собственныхъ идеаловъ и стремленій, но вернувшись къ исторіи, мы нерѣдко найдемъ начатки ихъ еще въ давнемъ прошедшемъ, между прочимъ, въ александровской эпохѣ, которая въ свою очередь была подготовлена концемъ прошлаго вѣка“ (В. Евр. 1887 г., XII, 672). Это

преемство идей и направленій мнѣ хотѣлось подтвердить, по крайней мѣрѣ, въ области журналистики тѣмъ подробнымъ и скучнымъ перечнемъ такихъ забытыхъ именъ, которыя читатели встрѣтятъ въ первой книжкѣ моего труда, составляющаго лишь введеніе къ начатой мною біографіи. Я самъ сознаю, что это совершенно сырой матеріалъ, который легко можно было значительно сократить, представивши его въ сжатой и рельефной картинѣ, но эта дальнѣйшая переработка лежала внѣ прямой моей задачи, для нея я не имѣлъ времени и предоставляю ее автору болѣе талантливому, который захочетъ разобраться въ собранномъ мною матеріалѣ. Самый же матеріалъ я считалъ не настолько ненужнымъ, чтобы совсѣмъ выбросить его изъ печати. Само собою разумѣется, что въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ не придется прибѣгать къ такимъ постороннимъ для предмета отступленіямъ. При этомъ считаю долгомъ просить читателей обратить вниманіе на помѣщенныя въ концѣ сочиненія „поправки и дополненія", гдѣ исправлены многія важныя ошибки, вкравшіяся въ самый текстъ.

Н. Комюпановъ.

Молодые годы А. И. Кошелева.

(1806—1830 гг.).

Родъ Кошелевыхъ подраздѣляется на два рода различнаго происхожденія и, кромѣ того, существуютъ еще четыре вѣтви, которыхъ связь съ главными родами не опредѣлена [1]).

Первый родъ составляетъ потомство Аршера Кошелева, который, по преданію, выѣхалъ изъ Литвы въ Россію при великомъ князѣ Васильѣ Іоанновичѣ и получилъ помѣстья въ Рязани, Козельскѣ и Бѣлевѣ. Достовѣрная генеалогія этого рода начинается съ начала XVII столѣтія, отъ Ивана Семеновича Кошелева, которому пожалована была вотчина дяди его, убитаго въ Козельскѣ. Послѣдній былъ козельскимъ городовымъ дворяниномъ, подписался выборнымъ на соборѣ 3 января 1642 г., служилъ воеводою въ Болховѣ и пожалованъ въ московскіе дворяне (1652 г.). Дѣти и внуки Ивана Семеновича всѣ занимали видныя мѣста въ служиломъ сословіи. Такъ, сынъ его Дмитрій служилъ у стола Государева при пріемѣ грузинскаго царя (6 іюня 1658 г.), былъ переписчикомъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель Казанскаго уѣзда (1678), ѣздилъ за царицею (1688), былъ межевщикомъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель (1692) г.). Другой его сынъ, Василій, былъ воеводою въ Красной слободѣ (1668), въ Турецкой волости (1667) и Козельскѣ (1676), головою въ Чигиринскомъ походѣ (1678—1679), былъ раненъ, пожалованъ въ стряпчіе (1679 г.), былъ въ начальныхъ людяхъ (1686), обозный голова въ Крымскомъ походѣ (1688), стольникъ (1692) и стрѣлецкій полковникъ (1699—1704). Внуки Ивана Семеновича носили званіе стольниковъ; одинъ изъ нихъ былъ стрѣлецкимъ полковникомъ (1684—1692), а другой сражался подъ Азовомъ, Нарвою и Полтавою и, кромѣ другихъ службъ, былъ главнымъ коммиссаромъ генеральной пограничной коммиссіи

по польской границѣ (1737), наконецъ вышелъ въ отставку изъ должности коменданта въ Переволочахъ, съ чиномъ генералъ-маіора (1754). Дальнѣйшее потомство уже не пользуется такимъ виднымъ служебнымъ положеніемъ,—родъ захудалъ; но изъ правнуковъ родоначальника Ивана Семеновича двое были предводителями дворянства, одинъ—въ Боровскѣ (1777), а другой—въ Дмитровѣ 1789). Перейдя въ девятнадцатое столѣтіе уже низшими чинами—прапорщика и подпоручика, немногіе Кошелевы поднимаются выше и только двое были: Иванъ Ивановичъ—оберъ кригсъ-коммиссаромъ († 1823), а братъ его Александръ Ивановичъ умеръ бездѣтнымъ генералъ-маіоромъ († 1823). Къ этому роду Александръ Ивановичъ не принадлежалъ.

Другой родъ происходитъ отъ Василія Кошелева, жившаго въ концѣ XV столѣтія. Изъ его ближайшихъ потомковъ извѣстны:. Александръ, прозваніемъ Кошель, и Иванъ, носившій уже фамилію Кошелева. Первымъ извѣстнымъ лицомъ въ этомъ роду сдѣлался Иродіонъ Михайловичъ, генералъ-маіоръ (1628), генералъ-поручикъ, шталмейстеръ (1733—1738), кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, умершій 1760 г. Онъ былъ женатъ два раза и вторая его жена была Маргарита Ивановна Глюкъ, дочь пастора, у котораго жила Императрица Екатерина I, чему, по всей вѣроятности, онъ и былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. У Иродіона Михайловича было трое сыновей:

1) Старшій, Александръ Иродіоновичъ, женившійся на А. Е. Еремѣевой. У него былъ сынъ Иродіонъ Александровичъ, ротмистръ лейбъ-гвардіи коннаго полка (1787), дѣйствительный каммергеръ, предсѣдатель коммиссіи прошеній, членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный статскій совѣтникъ и оберъ-гофмейстеръ (1811), умершій въ 1827 г. Жена его была урожденная В. П. Плещеева († 1809); дѣтей у нихъ не было. Иродіонъ Александровичъ приходился роднымъ дядею Александру Ивановичу. Такъ какъ онъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на судьбу послѣдняго въ его молодости, то въ свое время мы къ нему вернемся. Другой сынъ Александра Иродіоновича, Андрей Александровичъ, маіоръ, имѣлъ только двухъ дочерей: Дарью Александровну, вышедшую замужъ за дѣйствительнаго тайнаго совѣтника П. Ст. Валуева († 1836 г.), и Маргариту Александровну, замужемъ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Ан. Андр. Волковымъ († 1806).

2) Иванъ Родіоновичъ—тайный совѣтникъ, женатый на Настасьѣ Васильевнѣ Арсеньевой. Онъ имѣлъ одного сына, полковн. Петра Ивановича, умершаго бездѣтнымъ, и четырехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Марія, была замужемъ за генер.-маіоромъ Николаемъ Петровичемъ Высоцкимъ, племянникомъ князя Потемкина; другая (Елена) была за кн. Горчаковымъ, третья (Анна) за Ал. Мих. Кавелинымъ.

3) Младшій сынъ, Иродіонъ Иродіоновичъ, статск. совѣтникъ, воронежскій вице-губернаторъ (1759), умеръ 1786 г. и женатъ былъ на Матр. Прок. Пушниковой. У Иродіона Иродіоновича было шесть сыновей: a) старшій—Иванъ Иродіоновичъ (1753—1818), отставной гвардіи подполковникъ (1777), у котораго отъ перваго брака были четыре дочери (²), а отъ втораго одинъ сынъ, Александръ Ивановичъ, котораго біографію мы надѣемся изложить; b) второй Николай Иродіоновичъ, ассессоръ Тульской уголовной палаты (1791), умершій бездѣтнымъ; c) третій—Дмитрій Иродіоновичъ, дѣйствит. статск. совѣтникъ (1799), тобольскій гражданскій губернаторъ (1799—1801), камергеръ и губернаторъ Литовской губерніи (съ 1 ноября 1801 — 1803), тамбовскій гражданскій губернаторъ (1803), умеръ въ 1828 г., а сынъ его Александръ Дмитріевичъ, гвардіи штабсъ-капитанъ, былъ лебедянскимъ предводителемъ дворянства (1840—1846); d) четвертый—Сергѣй Иродіоновичъ, гвардіи подпоручикъ; e) пятый—Андрей Иродіоновичъ; f) шестой—Петръ Иродіоновичъ, премьеръ-маіоръ (1806), коллежскій ассессоръ (1815), умеръ въ 1830 году.

4) Кромѣ сыновей, у Иродіона Михайловича были три дочери отъ перваго брака: Евдокія, замужемъ за Василіемъ Андреевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ, а отъ второго—Маргарита, замужемъ за генер.-маіор. кн. Ал. Ник. Волконскимъ, сыномъ придворнаго шута императрицы Анны, и Марія, бывшая фрейлиною при Елизавѣ Петровнѣ и умершая въ 1782 году незамужнею (³).

Изъ побочныхъ вѣтвей были лица болѣе другихъ замѣчательныя:

По первой вѣтви—Григорій Гавріиловичъ, помѣщикъ Рязанскаго уѣзда, умершій въ Тамбовѣ въ 1671 г. отъ раны, полученной въ стычкѣ со Стенькою Разинымъ; изъ потомковъ его Петръ Григорьевичъ былъ стольникомъ (1678—1692); Иванъ Аѳанасьевичъ, дѣйствит. статск. совѣтникъ, былъ предсѣдателемъ рязан-

ской уголовной палаты (1801—1812); Валерьянъ Ивановичъ, камергеръ, дѣйствит. статск. совѣтникъ (1840), духовщинскій уѣздный предводитель дворянства.

По второй вѣтви: Иванъ Никитичъ, письменный голова въ Можайскѣ (1634); Петръ Алексѣевичъ стольникъ (1696); Максимъ Елисѣевичъ, ассессоръ, товарищъ воеводы Шацкой провинціи (1733).

По третьей вѣтви: Иванъ Дмитріевичъ, за московское осадное сидѣнье (1610) получилъ въ отчину помѣстье Московскаго уѣзда (1613); Степанъ Андреевичъ—дворянинъ московскій (1692 г.).

По четвертой вѣтви—Григорій Ивановичъ, помѣщикъ рязанскаго уѣзда, пожалованъ былъ чиномъ Московскаго дворянина въ 1692 году.

Изъ лицъ, не вошедшихъ ни въ одну роспись, извѣстны были:

Гавріилъ, Михаилъ и Өедоръ Никитичи, торопецкіе городовые дворяне, пожалованы помѣстьями 2 октября 1550 г.

Михаилъ—голова стрѣлецкій (1598).

Петръ—шутъ лже-Димитрія II-го, бѣжалъ съ нимъ изъ Тушина въ Калугу (29 декабря 1609 г.) и былъ свидѣтелемъ убіенія лже-царя (11 декабря 1610), о чемъ первый извѣстилъ калужанъ.

Никифоръ Михайловичъ, дворянинъ московскій (1629), былъ при посольствѣ въ Даніи (1631—1632), на службѣ въ Москвѣ (1833), воевода въ передовомъ полку въ Михайловѣ (1636); былъ при встрѣчѣ персидскаго посла (5 февраля 1639).

Григорій Яковлевичъ, дворянинъ московскій (1630), объѣзжій голова въ Москвѣ (1631—1633), воевода въ Камскомъ острогѣ (1635).

Кошелевъ, капитанъ-поручикъ, членъ посольства къ мадагаскарскому королю, которое получило полномочную и довѣрительную грамоту (3 декабря 1723 г.) о принятіи этого короля подъ покровительство Россіи.

Кошелевъ—бригадиръ и воевода Вологодской провинціи † 1778 г.

Кошелевъ—генералъ-маіоръ, правитель Камчатской области (1803), камчатскій комендантъ (1805) г.).

Дѣдъ Александра Ивановича, Иродіонъ Иродіоновичъ, младшій сынъ случайнаго человѣка Иродіона Михайловича, бывшій воронежскій вице-губернаторъ, былъ богатый человѣкъ и пользовался большимъ почетомъ въ Москвѣ, гдѣ поселился, по выходѣ въ отставку. Здѣсь онъ безпрестанно задавалъ пиры, въ особенности

когда пріѣзжали сильные люди, съ которыми онъ былъ въ родствѣ или доброй пріязни. Вслѣдствіе того имѣніе его разстроилось и шестерымъ его сыновьямъ осталось много долговъ, для уплаты которыхъ они распродали имѣнья, оставивши себѣ только небольшія вотчины въ Рязанской и Ярославской губерніяхъ.

Старшій сынъ Иродіона Иродіоновича, Иванъ Родіоновичъ, былъ отцомъ Александра Ивановича. Оставшись послѣ отца 14-ти лѣтнимъ юношей, Иванъ Родіоновичъ отданъ былъ на руки дядѣ своему, Мусину-Пушкину, бывшему тогда посломъ въ Лондонѣ. Выучившись вскорѣ англійскому языку, Иванъ Родіоновичъ, съ позволенія дяди, поступилъ въ Оксфордскій университетъ и пробылъ тамъ 3 года. Когда ему было 20 лѣтъ, онъ пріѣхалъ курьеромъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ понравился кн. Потемкину, который взялъ его въ генеральсъ-адъютанты и оказывалъ ему особенное расположеніе. Но разъ Императрица, замѣтивъ его умъ и красоту, призвала его къ себѣ; этого было достаточно, чтобы Потемкинъ командировалъ Кошелева во внутреннія губерніи, откуда онъ болѣе въ Петербургъ не возвращался. Въ царствованіе Императора Павла Иванъ Родіоновичъ вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника и поселился въ Москвѣ, женившись на княжнѣ Меньшиковой. Отъ этого брака Иванъ Родіоновичъ имѣлъ четырехъ дочерей и сына, умершаго въ дѣтствѣ. Послѣ смерти первой жены, Иванъ Родіоновичъ женился на Дарьѣ Николаевнѣ Дежарденъ (Desjardins), дочери французскаго эмигранта, родившейся въ Россіи и крещенной по православному обряду. Отъ этого брака родился Александръ Ивановичъ 9 мая 1806 года. Французской крови по матери, Александръ Ивановичъ получилъ отъ природы нѣкоторыя черты французскаго характера. Онъ не обладалъ глубиной того отвлеченнаго, спекулятивнаго мышленія, которое составляетъ отличительное свойство германской расы и легко усвоивается чисто-русскими натурами, воспитанными подъ нѣмецкимъ вліяніемъ; но за то онъ получилъ ту живость и ясность пониманія, которая даетъ французамъ такое преимущество въ распространеніи культурныхъ понятій въ средѣ общества,—несмотря на относительную легкость воззрѣнія,—и влечетъ неудержимо къ практической дѣятельности. Поэтому, несмотря на свой умъ и значительную начитанность, несмотря на то, что онъ, какъ увидимъ ниже, принималъ живое и дѣятельное участіе во всѣхъ теоретическихъ во-

просахъ, волновавшихъ въ свое время кружокъ, къ которому примыкалъ, Александръ Ивановичъ сравнительно мало выступалъ на литературное поприще, пока дѣятельность словянофиловъ не получила практическаго значенія. Онъ былъ по преимуществу практическій общественный дѣятель и только впослѣдствіи, когда само дѣло того потребовало, онъ сдѣлался серьезнымъ и убѣжденнымъ публицистомъ.

Изъ воспоминаній дѣтства Александра Ивановича первое живое и опредѣленное, по словамъ его, относится къ эпохѣ 12 года. Послѣ Бородинской битвы Александръ Ивановичъ, шестилѣтнимъ ребенкомъ, совершилъ переѣздъ изъ подмосковной (Бронницкаго уѣзда село Ильинское) чрезъ Коломну въ Тамбовъ, гдѣ проживалъ дядя Александра Ивановича, бывшій тамъ губернаторомъ, Дмитрій Иродіоновичъ. Въ декабрѣ 1812 года Кошелевы вернулись въ подмосковную и тамъ поселились, пріѣзжая оттуда на время въ обгорѣлую Москву.

Первоначальное воспитаніе Александръ Ивановичъ получилъ отъ родителей. Воспитанникъ Оксфордскаго университета, отецъ его былъ извѣстенъ въ Москвѣ подъ именемъ „либеральнаго лорда" и пользовался уваженіемъ; послѣ выхода въ отставку онъ жилъ скромно и занимался науками, особенно исторіей. Мать Александра Ивановича была также женщина умная и образованная; изъ писемъ Александра Ивановича видно, что, живя въ деревнѣ, она получала книги отъ книгопродавца Урбена (Urbain) и часто оставалась недовольною выборомъ. Иногда сынъ переписывался съ матерью насчетъ ея чтенія. Такъ, онъ одобряетъ мать за то, что она принялась за романъ Вальтеръ Скотта и самъ хочетъ познакомиться съ авторомъ въ оригиналѣ, говоря, что онъ ему понравился, по переводу на французскій языкъ его исторіи Наполеона. Напротивъ, онъ не согласенъ съ мнѣніемъ матери о сочиненіяхъ Colnêt, одного изъ редакторовъ *Gazette de la France*. Александръ Ивановичъ находитъ произведенія Кольне крайне плохими; безпрестанныя повторенія, насильственныя остроты, принужденные каламбуры такъ ему показались противны, что, встрѣчая въ газетѣ статью, подписанную этимъ авторомъ, онъ ее бросаетъ.

Съ самаго начала отецъ хотѣлъ отдать Александра Ивановича въ Пажескій корпусъ: 10 лѣтъ Александръ Ивановичъ (какъ видно

изъ письма къ И. Р. Кошелеву кн. А. Н. Голицына) зачисленъ былъ въ пажи, съ оставленіемъ на воспитаніи въ домѣ родителей. Впослѣдствіи, какъ видно, отецъ передумалъ и Александръ Ивановичъ пошелъ совсѣмъ по другой дорогѣ.

Отецъ училъ Александра Ивановича русскому языку и слегка географіи и исторіи, мать—французскому, а дядька-нѣмецъ—нѣмецкому. Мальчикъ смолоду полюбилъ чтеніе, такъ что мать отнимала у него книги; 11—12 лѣтъ онъ сдѣлалъ изъ 8 томовъ только что вышедшей исторіи Карамзина, которая произвела на него особенно сильное впечатлѣніе, извлеченіе, заслужившее одобреніе его отца.

7 ноября 1818 года отецъ Александра Ивановича скончался, оставивъ его на тринадцатомъ году на попеченіе матери: ей преимущественно обязанъ онъ своимъ образованіемъ; и во время всей молодости, до самой смерти своей (¹) мать имѣла большое вліяніе на образованіе сына. Послѣ Александра Ивановича сохранилось до 269 писемъ (²) къ матери; переписка эта, обнимающая періодъ съ 1826 г. до отъѣзда его за границу, заботливо сохраненная матерью въ подлинникахъ на *французскомъ языкѣ*, свидѣтельствуетъ о тѣхъ искреннихъ и теплыхъ отношеніяхъ, которыя существовали между обоими. Переписка эта, съ дополненіями изъ собственныхъ „записокъ“ Александра Ивановича, составляетъ главный матеріалъ, по которому можно возстановить исторію молодыхъ его годовъ. Въ письмахъ къ матери Александръ Ивановичъ описываетъ каждый свой шагъ, свои служебные труды, выѣзды, впечатлѣнія, книги, которыя онъ читалъ, частныя свои занятія, планы въ будущемъ,—однимъ словомъ, онъ весь въ этихъ письмахъ, разоблачающихъ, безъ всякихъ прикрасъ и утайки, его внутреннюю, интимную жизнь. Вотъ выдержки изъ писемъ, по которымъ можно оцѣнить всю силу привязанности Александра Ивановича къ матери.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Александръ Ивановичъ пишетъ:

„Бываютъ минуты, когда такъ хочется васъ видѣть, что еслибы не удерживалъ разсудокъ, такъ и полетѣлъ бы къ вамъ, несмотря на весь вредъ, могущій отъ того произойти. Я не скучаю, потому что некогда; но есть минуты хуже скуки. Чувствуешь страшную пустоту, чувствуешь ко всему отвращеніе,—такъ бы и взялъ у птицы крылья, чтобы летѣть къ той, возлѣ которой обрѣ-

теть полное спокойствіе. Новость, разнообразіе оглушили меня на первыхъ порахъ, но теперь я поуспокоился и думаю, что привычка возвратитъ мнѣ то, что я утратилъ“ (22 октября 1826).

„Вы душа моей жизни, и лишь утѣшительное сознаніе, что вы счастливы и здоровы, лишь надежда чрезъ нѣсколько времени васъ увидѣть даютъ силу переносить съ нѣкоторою храбростью прозу петербургской жизни. Газеты, обѣды внѣ дома, скучное общество,— вотъ элементы этой жизни, которая, правду сказать, начинаетъ надоѣдать“ (7 января 1827).

„Ничто такъ не заставляетъ, какъ разлука, цѣнить счастье имѣть возлѣ себя нѣжную мать, друга,—если смѣю употребить это выраженіе,—совершенно лишеннаго эгоизма. Когда не покидаешь любимаго человѣка, не умѣешь взвѣсить свою любовь, не пользуешься въ полной мѣрѣ счастьемъ быть любимымъ и любить! Но теперь, милая маменька, ежедневно чувствую, насколько растетъ моя любовь къ вамъ, — чувствую, что любовь ваша составляетъ сущность моей жизни (19 марта 1827)“.

Въ свою очередь, мать платила сыну самою горячею привязанностью, гордилась имъ и въ письмахъ своихъ старалась руководить каждымъ его шагомъ. Писемъ матери сохранилось въ подлинникѣ очень мало, всего 5—6 писемъ. Въ одномъ изъ нихъ мать Александра Ивановича говоритъ ему: „Не думай, милое мое дитя, что ты такъ далекъ отъ увлеченій; повѣрь, найдется гораздо болѣе людей, способныхъ увлечь тебя, болѣе нежели ребенка; чтобы рѣшиться на послѣднее, надо быть чудовищемъ, а чтобы тебя увлечь въ твоемъ возврастѣ, надо быть только негодяемъ. Такихъ много, а потому совѣтую тебѣ пуще всего соблюдать осторожность и не быть самоувѣреннымъ. Эта большая самоувѣренность можетъ быть очень опасною. Если я на что именно кладу свою надежду, то это на любовь твою ко мнѣ; знаю, что ты не сдѣлаешь ничего, что могло бы меня огорчить, на это разсчитываю гораздо болѣе, нежели на твои 22 года“. Не разъ вспоминалъ Александръ Ивановичъ, что мать не стѣсняла его нисколько ни въ порядкѣ занятій, ни въ выборѣ друзей; но она умѣла руководить имъ силою своего нравственнаго вліянія, не проявляя его наружу, что именно и привязываетъ къ своимъ родителямъ молодежь, ревниво отстраняющую всякія внѣшнія попытки къ ограниченію своей самостоятельности. Мать Александра Ивановича въ этомъ случаѣ видѣла

прекрасный примѣръ и помощницу въ матери Кирѣевскихъ, А. П. Елагиной, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ ниже: Александръ Ивановичъ въ своихъ запискахъ признаетъ, что обѣ эти женщины имѣли на него благодѣтельное вліяніе („Зап.“, стр. 9).

Мать Александра Ивановича по зимамъ жила въ Москвѣ и воспитаніе свое Александръ Ивановичъ получилъ въ этой столицѣ. Поэтому, прежде всего, необходимо дать нѣкоторое понятіе, что̀ въ началѣ двадцатыхъ годовъ представляла тогдашняя Москва въ культурномъ отношеніи.

Г. Скабичевскій сдѣлалъ слѣдующую мѣткую и вѣрную характеристику русскаго общества до времени Екатерины. „Это была эпоха поголовнаго рабства, во время котораго никто не былъ обезпеченъ ни за свою жизнь, ни за свою спину, ни за свое имущество, начиная отъ крестьянина и до любаго временщика, рѣшающаго судьбы милліоновъ. Это было общество грубое до звѣрства, суевѣрное до крайняго фетишизма. Въ этомъ обществѣ не было ни малѣйшаго понятія о чувствѣ человѣческаго достоинства, чести и нравственной независимости, напротивъ того, робкая приниженность, грубая лесть и прихлебательство считались лучшими достоинствами человѣка, признаками ума и практичности, въ то время какъ звѣрская жестокость съ низшими считалась признакомъ характера и внушала глубокое уваженіе“.

Насколько грубость и звѣрство были чертами, присущими русскому обществу, мы приведемъ два факта, замѣчательно характеристичные.

Корбъ разсказываетъ въ своемъ путешествіи,—со словъ Петру В. одного изъ стрѣльцовъ, стоически выдерживавшаго истязанія пристрастнаго допроса,—что въ Москвѣ было основано общество пріученія себя къ пыткамъ. Въ члены этого общества поступали только выдержавшіе пытку и, по мѣрѣ выносливости, переходили на высшія степени. Пытанный стрѣлецъ признавался, что віска и огонь ему ни почемъ, потому что онъ выдерживалъ мученія отъ положеннаго въ ухо горячаго угля. Члены, поступившіе въ общество, но не выдержавшіе пытки, были отравляемы, и такихъ общество отправило на тотъ свѣтъ до четырехъ сотъ („Дневникъ“ Корба, стр. 283 и 284).

Когда въ коммиссіи уложенія возникъ вопросъ объ освобожденіи дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія, депутатъ отъ тамбовскихъ

однодворцевъ Василій Веденевъ высказалъ опасеніе, что если дворяне освободятся отъ страха тѣлеснаго наказанія, то отъ нихъ житья не будетъ. Въ поданномъ по этому поводу „голосѣ" Веденевъ говорилъ: „теперь дворяне, по закону, не избавлены отъ тѣлеснаго наказанія", часто „исполненіемъ то видится" — и, тѣмъ не менѣе, дворяне не могутъ удержаться отъ того, чтобы не причинять насилія другимъ жителямъ. „Если нынѣ, при новосочиненномъ законѣ, установлено не подвергать благородныхъ никакому тѣлесному наказанію, то не почувствуется ли въ обществѣ народному жительству стѣсненіе?" („Сѣв. Вѣстн." 1886, VIII, 177 и 178).

Но у этой темной картины была, все-таки, свѣтлая сторона. Старая Русь охраняла семейное начало въ видѣ патріархальной семьи, гдѣ, на ряду съ ея жестокимъ, формальнымъ принужденіемъ, все-таки, иногда обнаруживалась связь нравственная и свободная. Старая Русь выработала извѣстныя религіозно-нравственныя традиціи, которыя, конечно, не предупреждали пороковъ и недостатковъ, развивающихся вслѣдствіе невѣжества, но до нѣкоторой степени служили охранительною уздой для общества.

А между тѣмъ толчокъ, данный Россіи Петромъ, не могъ остановиться и потребность къ образованію росла въ обществѣ; она поддерживалась самою Императрицей, которой нельзя отказать въ наклонности къ просвѣтительной дѣятельности, пока послѣдняя не затрогивала личныхъ ея интересовъ и привилегій. Что сравнительно съ предъидущею эпохой въ эпоху Екатерины образованіе успѣло уже пустить корни, по крайней мѣрѣ, среди дворянскаго сословія, — доказываютъ засѣданія знаменитой коммиссіи уложенія, гдѣ депутаты изъ разныхъ губерній явились достаточно для своего времени созрѣвшими въ политическомъ отношеніи, чтобы выставить всѣ неудобства и недостатки существующаго административнаго порядка и не только намѣтить, но и далеко опередить все содержаніе послѣдующихъ реформъ Екатерининскаго царствованія. Меньшинство, въ лицѣ, наприм., Коробьина и Протасьева, поднявшихъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, шло еще далѣе. Только извѣстнымъ распространеніемъ образованія, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ сферахъ, можно объяснить ту широкую, хотя чисто-правительственную и незаконченную преобразовательную дѣятельность, которою проникнуто было начало царствованія Императора Александра I. Конечно, эти зачатки обра-

зованія были слабы и сосредоточивались только вверху; но нельзя сказать, чтобы русская мысль не работала въ Екатерининскую эпоху. Разъ пробужденная любознательность,—говоритъ Ешевскій,—требовала тогда себѣ удовлетворенія, быть можетъ, съ бо̀льшею настойчивостью, чѣмъ въ наше время, и жадно бросилась на всякую умственную пищу. Безчисленное множество иностранныхъ сочиненій всякаго рода переводилось, печаталось и переписывалось людьми всякаго званія. Все, что было сколько-нибудь замѣчательнаго въ числѣ произведеній французской или нѣмецкой литературъ, можно смѣло искать въ русскомъ переводѣ. Болотовъ, переводящій какое-то нѣмецкое сочиненіе въ лагерѣ, наканунѣ битвы и, притомъ, безъ всякой мысли объ изданіи, можетъ служить лучшимъ образцомъ этихъ любознательныхъ людей прошлаго столѣтія. („Сочин." III, 437 и 438). Къ этимъ попыткамъ нельзя относиться строго, съ высоты требованій современности. Напротивъ, надо осторожно и съ уваженіемъ уловить слѣдъ этихъ слабыхъ ростковъ, потому что изъ нихъ,—какъ бы они ни казались намъ мелкими и не заслуживающими вниманія,—развилось все послѣдующее, какъ изъ зародышной клѣточки, проходящей всѣ фазы низшаго развитія, образуется высшій организмъ.

Что же могли русскіе люди найти въ современной имъ иностранной литературѣ? Какое вообще направленіе представляла литература XVIII вѣка?

Восемнадцатый вѣкъ, безспорно, исполнилъ великую задачу освобожденія человѣчества отъ отжившихъ средневѣковыхъ формъ и вывелъ его на новый путь. Но, по непреложному закону историческаго развитія, этотъ прогрессъ сопровождался извѣстными временными патологическими симптомами. Отбрасывая болѣзненные наросты, XVIII вѣкъ расшаталъ и тѣ устои, безъ которыхъ правильное общественное развитіе не можетъ совершаться. Въ матеріалистической философіи Гольбаха, Ламетри и отчасти Дидерота человѣкъ являлся продуктомъ чисто-физіологическихъ отправленій и все, что лежитъ внѣ этихъ отправленій, все, что составляетъ духовную сторону жизни, было безпощадно вычеркнуто. Такой односторонній и грубый матеріализмъ никогда не удовлетворялъ человѣчество и всегда возбуждалъ реакцію. Первою исторической формой этой реакціи въ XVIII столѣтіи былъ мистицизмъ, масонство. Такимъ образомъ, задача масонства — протестъ про-

тивъ грубаго матеріализма во имя нравственныхъ, этическихъ потребностей человѣка былъ законный и имѣлъ глубокій историческій смыслъ: этимъ и объясняется широкое его распространеніе и принадлежность къ масонству такихъ выдающихся личностей, какъ Лессингъ, Байронъ и др.

Что же произошло, когда въ наше грубое и невѣжественное общество, но еще не расшатанное и сдержанное своими религіозно-патріархальными традиціями, воздухъ европейской цивилизаціи занесъ верхи умственнаго и общественнаго броженія?

Философія энциклопедистовъ гораздо шире и глубже распространилась въ тогдашнемъ обществѣ. Главною причиной ея распространенія у насъ, какъ и вездѣ, было то, что она стояла за правое дѣло, въ ней заключался несомнѣнный залогъ торжества, во имя великихъ началъ, которыя она, безпорно, принесла съ собой человѣчеству, во имя освобожденія отъ тѣхъ предразсудковъ и общественныхъ формъ, которыя лежали тормазомъ на пути общечеловѣческаго развитія. Но быстрота и ширь ея распространенія условливались и отрицательными качествами этой философіи, ея темною стороной, неразлучною спутницей всякаго свѣтлаго явленія жизни. Философія матеріализма тѣмъ скорѣе усвоивается обществомъ, чѣмъ ниже его умственное развитіе: простая по своей односторонности и поверхностной ограниченности, она легче переваривается только что возбужденною мыслью; она не требуетъ усилій, не возбуждаетъ борьбы и заманчиво ласкаетъ грубые инстинкты животной природы человѣка. На первыхъ порахъ эти темныя стороны однѣ привились къ нашему обществу и расшатали его. Философію энциклопедистовъ наше высшее общество усвоило изъ вторыхъ рукъ. Тогдашнее дворянство воспитывалось иностранными, по преимуществу французскими, гувернерами, среди которыхъ рѣдко попадались люди дѣйствительно просвѣщенные, но большинство принадлежало къ числу проходимцевъ, усвоившихъ себѣ только верхи современнаго скептицизма и растлѣвающее его вліяніе на общество. Скептицизмъ тогдашняго русскаго общества не шелъ далѣе самаго дешеваго и неглубокаго отрицанія всѣхъ религіозныхъ и нравственныхъ традицій, не ограничиваясь религіознымъ суѣверіемъ и общественными предразсудками, дѣйствительно подлежащими искорененію. Скептицизмъ этотъ былъ не искренній; онъ не переходилъ въ жизнь и быстро исчезалъ, какъ

скоро требовалъ какихъ-либо личныхъ пожертвованій, или просто надоѣдалъ, какъ всякое безсмысленное повтореніе заученныхъ модныхъ фразъ.

Примѣромъ такого увлеченія скептическою философіей, въ смыслѣ празднаго вольнодумства, служитъ сама Екатерина, такъ рѣзко и круто отъ нея отказавшаяся въ концѣ своего царствованія.

Но, тѣмъ не менѣе, общество расшаталось и потеряло свои устои. Доказательствомъ этому служатъ общіе отзывы о „порчѣ нравовъ" и протестъ во имя идеализаціи старины, которыми наполнены записки современниковъ и другіе литературные памятники того времени; еще несомнѣннѣе подтверждаютъ это всѣ факты тогдашней общественной жизни, чѣмъ ближе мы съ нею знакомимся. Случилось то, что происходитъ теперь на нашихъ глазахъ. Великая реформа 19 февраля была, конечно, однимъ изъ самыхъ крупныхъ и благодѣтельныхъ событій въ русской исторіи, крѣпостное право пало, какъ самый значительный, несправедливый и вредный тормозъ нашего развитія; но оно было тоже до извѣстной степени сдерживающею силой, общественною уздой въ средѣ крестьянскаго населенія. И вотъ временно,—пока эта старая узда не замѣнилась новою, болѣе культурною, въ смыслѣ народнаго образованія и воспитанія,—нравственность въ средѣ крестьянства упала и „поврежденіе нравовъ" есть фактъ, который въ данную минуту слишкомъ осязателенъ, чтобы можно было его оспаривать и спокойно закрывать глаза.

Протестъ того времени во имя идеализаціи стараго былъ и недостаточенъ, и несостоятеленъ, ибо жизнь никогда не поворачиваетъ назадъ. Необходимо было, чтобы лучшіе люди, которымъ претила эта общественная распущенность и которые сознавали необходимость нравственныхъ устоевъ въ обществѣ, собрались вокругъ какого-нибудь знамени, выставили какое-нибудь положительное ученіе, которое бы возстановило потерянные устои въ томъ видѣ, какъ этого требовала современная общественная жизнь. За неимѣніемъ ничего другаго, эти люди у насъ схватились за масонство. И, на самомъ дѣлѣ, ничего другаго подъ руками у нихъ не было. Западная жизнь, откуда шла болѣзнь, сама почти не выставляла никакого другаго противовѣса; философская мысль только начинала зарождаться въ отдѣльныхъ единицахъ и кружкахъ и

не успѣла еще оказать свое вліяніе на успокоеніе общества (⁶). Само русское общество не подготовлено было даже къ воспринятію этой философской мысли въ смыслѣ готовой и обработанной системы, а тѣмъ менѣе могло оно создать ее самобытно, ибо для этого необходимъ длинный и непрерывный процессъ умственнаго развитія, котораго у насъ не было. Поэтому у насъ возникло и широко, даже въ провинціяхъ, распространилось масонство; поэтому въ него вступили всѣ лучшіе люди тогдашней эпохи: Новиковъ, Шварцъ, Лопухинъ, Радищевъ, Херасковъ, Тургеневъ, Бибиковъ, гр. Н. И. Панинъ, кн. Репнинъ и мн. др. Разсматривая всѣ до сихъ поръ напечатанные документы по исторіи масонства въ Россіи, мы видимъ безпрестанное сложеніе и разложеніе масонскихъ ложъ, переходъ отъ одной системы къ другой (⁷), исканіе чего-то лучшаго, протестъ лучшихъ людей противъ высшихъ степеней, т.-е. противъ того именно, что было нелѣпаго и вреднаго въ масонствѣ. Это доказываетъ, что въ нашемъ масонствѣ собрались живыя и здоровыя силы общественнаго организма. Дѣятельность ихъ не слѣдуетъ преувеличивать, она также, въ большинствѣ случаевъ, захватывала не глубоко и не переходила непосредственно въ жизнь даже и людей самыхъ убѣжденныхъ. Братъ И. П. Елагинъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся масоновъ первоначальной эпохи, желая очистить масонское ученіе отъ „обрядовъ странныхъ и объясненій темныхъ и здравому разсудку противныхъ“, жалуется, что масоны „иного таинства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить и при торжественной вечери за трапезой несогласнымъ воплемъ ревѣть пѣсни и насчетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Бахусу“. Но, несмотря на то, суровый обличитель масонства, „совершенный по-истинѣ его ревнитель, черпавшій изъ праведныхъ кладезей, сохраняющихъ его таинства“, въ качествѣ директора петербургскаго театра, вывихнулъ себѣ ногу, дѣлая пируэтъ передъ фигуранткою, и былъ уволенъ отъ директорства за то, что всячески мѣшалъ браку одной актрисы съ актеромъ, несмотря на взаимную ихъ склонность. Тѣмъ не менѣе, масонство у насъ имѣло болѣе глубокое значеніе, нежели на Западѣ: оно у насъ, за отсутствіемъ философской мысли въ то время, спасло лучшихъ людей отъ крайностей матеріализма и общественной распущенности; оно сплотило ихъ между собою и

придало имъ силу; оно способствовало распространенію нравственныхъ и гуманныхъ принциповъ въ обществѣ; оно первое начало подкапывать сословное неравенство. Елагинъ передаетъ, что въ числѣ преимуществъ, завлекавшихъ въ масоны, было „равенство съ такими людьми, кои въ общежитіи знамениты и чинами, и достоинствами, и знаками отъ меня удалены суть, равенство, честолюбію и гордости человѣка ласкающее, да хотя на самое краткое время буду равнымъ власти, иногда и судьбою нашей управляющей". Ешевскій приводитъ посвященіе П. А. Татищеву нѣмецкой масонской книги („Frei maurer"—Bibliothek, III Stuck, 1785), гдѣ приведена программа дружескаго общества, разосланная и въ Германіи; здѣсь, между прочимъ, высказана цѣль—„соединить ради общей пользы въ одинъ союзъ людей, обыкновенно раздѣленныхъ возрастами, образомъ жизни, различными занятіями и самыми средствами для жизни". („Сочин." III, 419).

Таково у насъ непосредственно культурное значеніе масонства; далѣе увидимъ, какимъ образомъ, чрезъ посредство Новикова и Шварца, масонство связано съ начатками просвѣщенія въ Россіи.

Съ XVIII столѣтія, съ той самой поры, какъ мы стали мало-по-малу *перенимать* европейское просвѣщеніе, Москва сдѣлалась центромъ, откуда оно распространялось въ остальной Россіи. Это и понятно: Москва была городомъ исключительно дворянскимъ. Съ перенесенія столицы въ Петербургъ все неслужащее, сколько-нибудь зажиточное дворянство пріютилось въ Москвѣ; почти всякій достаточный помѣщикъ изъ губерній, окружающихъ Москву, имѣлъ тамъ домъ, куда переселялся на зиму. Тамъ поселялись „опальные" члены знатныхъ родовъ и богатаго дворянства, покидавшіе службу рѣдко вслѣдствіе наклонности къ покойной жизни, большею частью по разнаго рода неудовольствіямъ и неудавшимся разсчетамъ. Среди этого пестраго общества, предававшагося жизни разнузданной и несдержанной никакими выработанными въ цивилизованномъ обществѣ принципами, во многихъ его членахъ замѣтно было стремленіе къ просвѣщенію; при этомъ московское барское общество отличалось нѣкоторою независимостью и проникнуто было духомъ оппортюнизма, который, впрочемъ, далеко въ глубь не шелъ и совершенно вѣрно охарактеризованъ былъ извѣстнымъ выраженіемъ Грибоѣдова: „шумимъ, братецъ, шумимъ". Тѣмъ не менѣе,

Москва не любила Екатерины и холодно встрѣтила ее при самомъ вступленіи ея на престолъ и впослѣдствіи, во время пріѣздовъ ея въ Москву (напримѣръ, въ 1775 году). Съ своей стороны, и Екатерина не особенно была расположена къ Москвѣ, замѣчая въ духѣ тогдашняго высшаго общества не то, что она желала бы видѣть. Взаимная холодность еще болѣе увеличилась, когда на мѣсто гр. Чернышева, просвѣщеннаго и либеральнаго вельможи, начальникомъ Москвы назначенъ былъ графъ Брюсъ, властолюбивый и строгій администраторъ, котораго москвичи скоро не взлюбили за его грубый произволъ и ничѣмъ не вызывавшуюся суровость.

Какъ ученіе энциклопедистовъ, такъ и масонство распространилось въ московскомъ обществѣ. Лонгиновъ сообщаетъ извѣстіе о весьма рѣдкой книгѣ „Переводы изъ энциклопедіи", 3 ч. Москва, 1767 г. Въ числѣ переводчиковъ этой книги поименованы извѣстный А. И. Бибиковъ, который, во время изданія книги, былъ предсѣдателемъ въ коммиссіи уложенія, С. М. Кузьминъ, лицо неизвѣстное, гр. Ан. П. Шуваловъ, племянникъ основателя Московскаго университета, авторъ извѣстнаго „Посланія къ Нинонѣ" (epitre à Ninon), С. Ф. Стрекаловъ, впослѣдствіи статсъ-секретарь, М. М. Херасковъ, кн. Ф. А. Козловскій, бывшій питомецъ университета, служившій въ коммиссіи уложенія, С. и А. В. Нарышкины, А. А. Ржевскій, бывшій впослѣдствіи въ должности директора при академіи наукъ, С. Г. Домашневъ, долго путешествовшій за границей и съ 1775—1783 гг. бывшій директоромъ и вице-президентомъ академіи, П. Д. Веніаминовъ, проф. ботаники при Московскомъ университетѣ, С. Г. Забѣлинъ, проф. медицины, П. И. Погоретскій, докторъ медицины, воспитанникъ Лейденскаго университета, А. А. Барсовъ, профессоръ краснорѣчія, А. П. Мельгуновъ, президентъ камеръ-коллегіи, впослѣдствіи генералъ-губернаторъ ярославскій, костромской и архангельскій, Д. В. Волковъ, президентъ мануфактуръ-коллегіи, любимецъ Петра III, написавшій манифестъ 21 февраля 1762 г. объ уничтоженіи тайной канцеляріи, рѣшенномъ по его совѣту, М. Г. Собакинъ, лицо неизвѣстное, гр. Ап. Еп. Мусинъ-Пушкинъ, президентъ бергъ-коллегіи, кн. Н. Н. Трубецкой, впослѣдствіи другъ Новикова и одинъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ дружескаго общества. Послѣ списка переводчиковъ напечатано приглашеніе „къ желающимъ принять участіе въ томъ полезномъ трудѣ" и при-

сылать свои труды къ издателю сихъ листочковъ, директору Московскаго университета Хераскову. Предпріятіе это остановилось на самомъ началѣ. Изъ этого видно, что образованное меньшинство того времени серьезно заинтересовано было философскимъ движеніемъ, возникшимъ во Франціи, и для его распространенія лица, занимавшія самыя различныя положенія въ обществѣ, соединялись въ тѣсные кружки и предпринимали организованныя предпріятія; замѣчательно, что повидимому самое изъ нихъ серьезное примыкало къ Московскому университету.

Масонство также проявило самостоятельную жизнь только въ Москвѣ и, притомъ, послѣ переѣзда туда Новикова. Въ концѣ 1780 года среди московскаго масонства проявилось стремленіе къ объединенію, къ пріобрѣтенію самостоятельности и къ отысканію истиннаго масонства. Ложи, основанныя прежде и принимавшія различныя системы, продолжали работать самостоятельно, но вліятельные и энергичные въ нихъ люди, вожди этихъ ложъ, соединились въ 1780 г. въ нейтральной ложѣ „Гармонія“, составлявшей внутреннее братство и стремившейся къ правильной организаціи союза всѣхъ московскихъ ложъ и пріобрѣтенію самостоятельности. Въ „Гармоніи“ сначала было девять членовъ: кн. Н. Н. Трубецкой, Херасковъ, кн. А. А. Черкасскій, И. П. Тургеневъ, кн. Энгалычевъ, А. М. Кутузовъ, Новиковъ и Шварцъ; вскорѣ къ ней присоединились кн. Ю. Н. Трубецкой и Татищевъ, который избранъ былъ ея предсѣдателемъ, вмѣстѣ съ Новиковымъ. Масонскія ложи въ Россіи подчинены были Швеціи; для пріобрѣтенія самостоятельности весною 1781 г. отправленъ былъ за границу Шварцъ, съ цѣлью добиться этой самостоятельности и искать „степеней древняго истиннаго масонства“. Заручившись рекомендательнымъ письмомъ отъ гросмейстера курляндскихъ ложъ, Шварцъ явился въ Германіи къ принцу Фердинанду Брауншвейгскому, который стоялъ во главѣ ложъ системы „строгаго наблюденія“, которую признало значительное большинство ложъ въ Германіи; ей сочувствовали во Франціи, она проникла и въ Швецію, такъ что въ масонской средѣ она представляла единственную по возможности прочную и болѣе постоянную организацію. Система эта въ 1741 г. занесена была въ Германію изъ Франціи и, извѣстная также подъ именемъ Тампліерской, связывала свое ученіе съ исторіей рыцарей храма и была одною изъ самыхъ искаженныхъ и

уклонившихся отъ первоначальной задачи масонства. Герцогъ, на домашней своей конференціи, призналъ независимость русскаго масонства отъ шведскаго, съ обязательствомъ учредить въ Москвѣ два орденскіе капитула, по системѣ строгаго наблюденія. Это и было исполнено въ 1782 г., по возвращеніи Шварца, причемъ Шварцъ получилъ званіе орденскаго настоятеля или диктатора всего русскаго масонства, Новиковъ—его делегата, а кн. Трубецкой и Татищевъ избраны были ближайшими начальниками обоихъ капитуловъ. Масонскій конвентъ въ Вильгельмсбадѣ въ 1782 г. окончательно возвелъ Россію въ независимую, осьмую по счету масонскую провинцію. Между тѣмъ, Шварцъ, за границею, въ своемъ исканіи „древняго истиннаго масонства" остановился на розенкрейцерахъ. Какъ происхожденіе этой системы, окруженное всевозможными баснями и легендами, такъ и ученіе ея, гдѣ самую важную роль играютъ теософія, алхимія и кабала, весьма темнаго свойства. Во время проѣзда Шварца главную роль въ розенкрейцерствѣ игралъ бывшій пасторъ, берлинскій мистикъ Вельнеръ, мастеръ берлинской ложи трехъ глобусовъ, куда онъ ввелъ алхимическія работы. Шварцъ сошелся съ Вельнеромъ и получилъ отъ него полномочіе составить изъ избранныхъ братій кругъ розенкрейцеровъ, имѣвшій сношенія уже прямо съ Вельнеромъ. Въ 1782 году въ Москвѣ учредилось русское розенкрейцерство, подъ именемъ „братій злато-розоваго креста", гдѣ, подъ начальствомъ Шварца, соединились: Новиковъ, кн. Трубецкіе, Кутузовъ, Гамалея, Лопухинъ, Тургеневъ, Чулковъ, Херасковъ, кн. Энгалычевъ, кн. Черкасскій, Чеботаревъ, Багрянскій, братъ Новикова (А. И.), купецъ Туссень, врачъ Френкель и впослѣдствіи Поздѣевъ и бар. Шредеръ. Основанія, руководившія занятіями этого кружка, совершенно согласны съ принятыми Сентъ-Мартеномъ, книга котораго „О заблужденіяхъ и истинѣ" была у нихъ въ особенномъ уваженіи и о которой похвальный отзывъ помѣщенъ въ „Покоющемся Трудолюбцѣ" (ч. IV, стр. 11). Замѣчательно, что та же книга произвела особое впечатлѣніе на Елагина, по словамъ котораго она, „явившись въ отечествѣ нашемъ и ставъ почти общимъ всѣхъ читающихъ упражненіемъ, произвела своимъ неудобовразумительнымъ сокровенныхъ въ ней таинствъ предложеніемъ разнообразныя о себѣ разсужденія". Оттого этотъ кружокъ началъ называться у насъ и за границею—мартинистами. До сихъ поръ въ точности не разъясненъ вопросъ, почему Шварцъ

и его друзья остановились именно на системѣ розенкрейцерства и въ чемъ выражалось вполнѣ ихъ ученіе,—были ли они всѣ солидарны между собою, или въ направленіи отдѣльныхъ лицъ происходили болѣе или менѣе существенныя отклоненія. Новиковъ, въ показаніяхъ, данныхъ Шешковскому, говоритъ: „въ магіи и кабалѣ и не могли изъ насъ никто упражняться, какъ то по бумагамъ видно, находясь въ нижнихъ еще только градусахъ, и мнѣ о сихъ наукахъ, кромѣ названія ихъ, неизвѣстно. А въ химіи должны были мы уже упражняться, но не начинали и по неохотѣ, и потому, что ни первыхъ основаній показать намъ было еще некому" (Лонг. 112). Лопухинъ, въ своихъ запискахъ, цѣлью масонства признаетъ „познаніе творца и творенія", чрезъ что „открывается человѣку связь его съ нимъ и цѣль его созданія". Въ „Покоющемся Трудолюбцѣ" Новикова помѣщено Бильфельдово разсужденіе „о тщетныхъ наукахъ и художествахъ", гдѣ астрологія называется „наукою мошенниковъ", какой судьбѣ обыкновенно подвергались всѣ химерическія науки, какъ магія, волшебство, алхимія, всеобщее врачеваніе, распускаемое для питья золото, квинтъ-эссенція и всеобщее или универсальное лѣкарство" (ч. II, 75—96; Незеленый, 377 и 376). Но въ томъ же журналѣ помѣщено письмо съ того свѣта въ Москву отъ муміяга къ сыну малыя земли Муравью, живущему въ муравейникѣ (ч. III, 213—225), гдѣ говорится объ „электрической любви между духами и о химическомъ очищеніи или сублимированіи духа послѣ смерти" и статья „О наукѣ, называемой кабалѣ" (ч. IV, 94—106), гдѣ признается священная кабала, изустно ввѣренная Моисеемъ 70 старцамъ. Разсказывая о чудесахъ, произведенныхъ кабалистами, статья выражается: „но есть ли что-либо изъ сего справедливаго, это развѣ одинъ кабалистъ знать можетъ; мы же не могли утверждать, не можемъ навѣрное и отрицать того, что̀ всегда пребудетъ неизвѣстною тайной". Между тѣмъ, извѣстно, что нѣкоторые изъ розенкрейцеровъ (напр., Трубецкой) занимались дѣланьемъ золота".

Какъ бы то ни было, 24 апрѣля 1792 г. Новиковъ былъ арестованъ въ селѣ Авдотьинѣ, 1 августа послѣдовалъ указъ о заключеніи Новикова на 15 лѣтъ въ крѣпости и о допросѣ кн. Н. Трубецкаго, И. Лопухина и И. Тургенева; указомъ 16 сентября 1796 г. запрещены были всѣ вольныя типографіи. Такимъ образомъ, хотя вся строгость закона направлена была на мартинистовъ, масон-

свія ложи, можетъ быть, за весьма малыми и совершенно тайными исключеніями, нерестали дѣйствовать при Екатеринѣ и начали возстановляться только уже въ началѣ царствованія Императора Александра I. Но о ходѣ масонскаго движенія за то время до 1812 г. въ Москвѣ никакихъ свѣдѣній не обнародовано.

Чтобъ удовлетворить запросу на просвѣщеніе со стороны московскаго барства, 12 января 1755 г. основанъ Московскій университетъ.

Въ самомъ указѣ объ учрежденіи университета въ Москвѣ мотивами къ тому приведено было: 1) великое число живущихъ въ Москвѣ дворянъ и разночинцевъ; 2) положеніе столицы въ сердцѣ Русскаго государства; 3) дешевыя средства къ содержанію; 4) обиліе родства и знакомствъ у студентовъ и у учениковъ; 5) великое число домашнихъ учителей, содержимыхъ помѣщиками въ Москвѣ. Съ той поры университетъ сдѣлался средоточіемъ образованія для Москвы и на первое время для цѣлой Россіи. „Святилище наукъ" временъ Хераскова и позднѣйшихъ „alma mater" сороковыхъ годовъ, „Московскій университетъ есть единственное высшее учебное заведеніе въ Россіи,—писалъ Бѣлинскій въ 1839 году.—Онъ не знаетъ себѣ соперниковъ; у него есть исторія... Въ Московскомъ университетѣ есть духъ жизни, а его движеніе, его ходъ къ усовершенствованію такъ быстръ, что каждый годъ онъ уходитъ впередъ на видимое разстояніе" („Сочин.", т. 3, стр. 152).

Блестящею эпохой Московскаго университета до 1812 г. было управленіе двухъ знаменитыхъ кураторовъ, Хераскова (съ іюля 1775 года по 1803 г.) и Мих. Ник. Муравьева (1803 г. до іюля 1807 г.).

Херасковъ былъ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего времени. Онъ ободрялъ первыя попытки Богдановича и Фонъ-Визина, потомъ Державина, впослѣдствіи Карамзина и Дмитріева, поддерживалъ первые шаги Жуковскаго, Тургенева и ихъ товарищей; онъ былъ свидѣтель и участникъ всего лучшаго въ литературѣ XVIII вѣка. Связанный узами дружбы и родства съ лицами, принадлежавшими къ большому свѣту (*), Херасковъ сближалъ съ обществомъ покровительствуемую имъ молодежь, и домъ его всегда былъ открытъ для всякаго, кто имѣлъ стремленіе къ просвѣщенію и литературѣ (Лонгиновъ). Однимъ словомъ, назначеніе Хераскова было однимъ изъ самыхъ удачныхъ выборовъ Екатерины,

умѣвшей употреблять людей согласно съ ихъ достоинствами и призваніемъ.

Кураторство Хераскова ознаменовано было въ жизни университета двумя важными событіями: учрежденіемъ при университетѣ вольнаго благороднаго пансіона и приглашеніемъ изъ Петербурга Новикова къ завѣдыванію университетскою типографіей.

Извѣстно, что, для пополненія Московскаго университета студентами, вмѣстѣ съ открытіемъ его (26 апрѣля 1755 г.) учреждены были двѣ гимназіи, одна для дворянъ, а другая для разночинцевъ, изъ которыхъ отличные ученики, по экзамену, поступали прямо въ университетъ. Въ первый разъ университетъ произвелъ студентовъ изъ учениковъ своихъ гимназій на актѣ 27 апрѣля 1759 г.; до тѣхъ же поръ студенты его были изъ питомцевъ духовныхъ академій или семинарій. Въ 1779 году Херасковъ, въ отсутствіи двухъ другихъ кураторовъ — Шувалова и Мелиссино, открылъ особые классы для воспитанниковъ дворянскаго происхожденія; а въ 1783 г. эти классы выведены были изъ университета въ собственное помѣщеніе и составили отдѣльное закрытое заведеніе подъ именемъ „вольнаго благороднаго пансіона". Это было единственное учебное заведеніе, гдѣ получали вполнѣ или до университета образованіе тѣ молодые люди, которые подготовлялись къ военной службѣ и потому не поступали въ корпуса. Число воспитанниковъ быстро увеличивалось и иногда доходило до 400. Это показываетъ, насколько пансіонъ удовлетворялъ потребностямъ въ образованіи тогдашняго дворянства и сосредоточивалъ въ Москвѣ все „благородное" юношество, стремившееся получить сколько-нибудь достаточное образованіе, а не спеціальную военную выправку, пріобрѣтавшуюся въ корпусахъ. Замѣчательно, что съ 1791 до 1824 года стоявшій во главѣ этого учрежденія человѣкъ, чрезъ руки котораго прошло, можно сказать, почти все выдающееся и болѣе образованное дворянское меньшинство двухъ-трехъ поколѣній, А. А. Прокоповичъ-Антонскій, былъ изъ студентовъ Кіевской академіи [10]). Ученые и литературные труды Прокоповича-Антонскаго не важны и теперь забыты, хотя онъ первый издавалъ ученый журналъ, но несомнѣнное право на память о немъ даетъ ему педагогическая его дѣятельность. Прокоповичъ былъ педагогъ по призванію. Его благодушно-примирительный характеръ выражался во всѣхъ его личныхъ отношеніяхъ; въ его ректорскомъ кабинетѣ сгла-

живались и умиротворялись мелкія самолюбія, часто разъединявшія профессорское общество; въ обществѣ любителей русской словесности онъ мастерски умѣлъ успокоивать раздражительную авторскую щепетильность и неумѣренныя притязанія однихъ, излишнюю робость и безпомощность другихъ; въ пансіонѣ, по словамъ Жихарева, онъ былъ ласковъ и снисходителенъ, никогда никому не дѣлалъ выговоровъ, а умѣлъ держать себя такъ, что всѣ его уважали и боялись. Кромѣ того, Антонскій обладалъ рѣдкимъ, но необходимымъ для педагога даромъ отгадывать способность въ ученикахъ. Талантъ открывалъ онъ сразу, тотчасъ же давалъ ему ходъ и старался поддержать на первыхъ порахъ. Образованіе, даваемое въ пансіонѣ, носило элементарно-энциклопедическій характеръ. Кромѣ наукъ гимназическаго курса, въ составъ преподаванія входили: нравственная философія, право естественное (впослѣдствіи отмѣненное), право римское, государственное хозяйство, основанія права частнаго, гражданскаго, и уголовныхъ законовъ, практическое россійское законовѣдѣніе и военныя науки (фортификація и артиллерія). Пользуясь своими связями, Антонскій старался обставить свое заведеніе лучшими преподавателями. Такъ, въ числѣ ихъ были послѣдовательно: Страховъ, Геймъ, Снегиревъ, Давыдовъ, Павловъ, Калайдовичъ, Болдыревъ, Шлецеръ, Тимковскій, Цвѣтаевъ, Сандуновъ, Мерзляковъ, Каченовскій, Двигубскій, Щепкинъ, Кошанскій, Чеботаревъ, Перевощиковъ, Чумаковъ, Мягковъ, Максимовичъ, Плавильщиковъ, Погодинъ, Раичъ. При такой обширной и смѣшанной программѣ весьма важно было то, что каждому изъ воспитанниковъ дозволялось, по собственному выбору, сосредоточиваться на извѣстныхъ предметахъ, которые и признавались для него главными на экзаменахъ, такъ что воспитанникъ по нимъ переводился въ высшій классъ, а не на основаніи общаго передвиженія. Кромѣ того, въ самой школьной дисциплинѣ старались ввести болѣе облагороженные пріемы и тѣлесное наказаніе въ то уже время было совершенно изгнано изъ стѣнъ благороднаго пансіона. Въ пансіонѣ, при этихъ условіяхъ, развился между воспитанниками духъ товарищества, который связывалъ на всю жизнь школьными воспоминаніями людей, получившихъ съ самой ранней юности одинаково хорошее и благородное направленіе. На ряду съ этимъ въ пансіонѣ получилъ преобладаніе вкусъ къ умственнымъ занятіямъ, соединенный съ нѣкоторымъ лоскомъ, необходимымъ для тогдашняго общества. Съ этою цѣлью

устраивались домашніе театры, балы, концерты, чтеніе лучшихъ произведеній на преподаваемыхъ языкахъ, занятіе литературой рѣчи, стихотворенія и разговоры воспитанниковъ на торжественныхъ актахъ.

Само собою разумѣется, что энциклопедическое образованіе, дававшееся въ тогдашнихъ пансіонахъ, было весьма поверхностно и не могло подготовить къ серьезному занятію наукою, но этого тогда еще и не требовалось. Мы видѣли, въ какомъ дикомъ состояніи было общество до Екатерины, въ эту переходную эпоху, когда начала въ него проникать тревожная и неустановившаяся западно-европейская цивилизація; общество не могло вдругъ утратить свой первобытный характеръ и смягченіе нравовъ, обусловленное до нѣкоторой степени уже проникавшимъ образованіемъ, еще не имѣло силы окончательно побороть всѣ жесткіе и грубые элементы, завѣщанные старою Русью. Такому обществу были не по плечу наука и высшее образованіе; съ него было довольно, если укрѣпится стремленіе къ образованію, какъ существенной потребности человѣческаго общежитія, чувство нравственнаго достоинства и гуманное отношеніе къ окружающимъ. Энциклопедическое образованіе, которымъ большею частью въ школѣ заканчивали знакомство съ наукою, было даже очень полезно и вполнѣ соотвѣтствовало условіямъ времени и заведенія, такъ какъ именно это энциклопедическое образованіе давало людей настолько развитыхъ и гуманныхъ, чтобъ оказывать полезное вліяніе въ дальнѣйшей своей дѣятельности. Не даромъ реакція, со Стурдзою и Магницкимъ въ главѣ, больше всего вооружалась именно противъ такого энциклопедическаго образованія.

Начало такого образованія положилъ въ значительной степени благородный пансіонъ; въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, онъ подготовилъ поколѣніе, давшее, въ свою очередь, людей сороковыхъ годовъ ([11]).

Большинство людей, съ которыми Александръ Ивановичъ въ молодые годы вступилъ въ близкія отношенія, наприм., кн. Одоевскій, Титовъ, Шевыревъ, Авр. С. Норовъ, были воспитанниками благороднаго пансіона.

Несравненно важнѣе было другое событіе—приглашеніе Новикова. Назначенный 28 іюня 1778 г., въ день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, кураторомъ университета, Хера-

сковъ, пріѣхавъ въ Петербургъ съ Татищевымъ, уговорилъ Новикова принять на себя завѣдываніе университетскою типографіей и тотъ переселился изъ Петербурга въ Москву въ концѣ апрѣля 1779 года. Неизвѣстно, знакомъ ли былъ лично до тѣхъ поръ Новиковъ съ Херасковымъ; можетъ быть, между ними еще прежде были масонскія связи, тѣмъ болѣе, что Тургеневъ, другъ Хераскова и тоже масонъ, участвовалъ, въ качествѣ сотрудника, въ петербургскихъ изданіяхъ Новикова. Въ „Опытѣ историческаго словаря россійскихъ писателей“ (1772 г.) Новиковъ считаетъ Хераскова однимъ изъ лучшихъ писателей; имя послѣдняго стоитъ въ числѣ подписчиковъ на многія изданія Новикова. Но, независимо отъ личнаго знакомства, приглашеніе Хераскова было понятно, потому что Новиковъ въ то время уже былъ *силою* въ обществѣ и направленіе его вполнѣ опредѣлилось. Доказательствомъ тому служитъ, что, еще до Хераскова, ему предлагалъ участвовать въ учрежденіи типографіи харьковскихъ училищъ губернаторъ Слободской губерніи, ген.-майоръ Щербининъ.

Въ 1758 г. Новиковъ былъ одинъ изъ первыхъ учениковъ университетской гимназіи въ Москвѣ; а въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1760 г. опубликовано имя Новикова, выключеннаго изъ Московскаго университета за лѣность и нехожденіе въ классы. Можетъ быть, самое преподаваніе не пріохотило Новикова къ ученію; какъ бы то ни было, Новиковъ не обладалъ серьезнымъ образованіемъ. Карамзинъ, близко его знавшій, въ своей запискѣ Императору Александру говоритъ, что Новиковъ, „*безъ воспитанія, безъ ученія*, писалъ остроумно, пріятно и съ цѣлью нравственною“. Новиковъ самъ признавалъ, что его „первымъ учителемъ былъ Богъ“. Въ 1815 г. онъ писалъ Карамзину: „не забывайте, что съ вами говоритъ идіотъ (невѣжда), не знающій никакихъ языковъ, не читавшій никакихъ философовъ и они никогда не лѣзли въ мою голову; это—странность, однако, истинно было такъ“. Въ тѣхъ же письмахъ онъ отвергалъ новыя открытія въ астрономіи и химіи, называя ихъ бредомъ.

Но это не помѣшало Новикову сослужить дѣлу русскаго образованія ту великую службу, которой оно тщетно ожидало отъ людей болѣе образованныхъ и ближе къ нему поставленныхъ.

Новиковъ записанъ былъ солдатомъ въ Измайловскій полкъ и, будучи унтеръ-офицеромъ, взятъ былъ въ 1767 г. въ коммиссію

о сочиненіи проекта новаго уложенія, опредѣленъ въ коммиссію „о среднемъ родѣ людей“ содержателемъ дневной записи и во время диспутовъ прикомандированъ былъ въ общее собраніе къ держанію дневной же записи. Въ этомъ занятіи съ нимъ чередовались Ѳ. Шишковъ, М. Лыковъ и П. Соймоновъ. Уже одно это назначеніе заставляетъ предполагать, что выдающіяся способности Новикова были общеизвѣстны; въ наставленіяхъ Екатерины о выборѣ лицъ для веденія дневныхъ записокъ коммиссіи прямо сказано: „къ держанію протоколовъ опредѣлить особливыхъ людей изъ дворянъ со способности“. Г. Незеленый предполагаетъ, что возбужденіе и начало дѣятельности Новикова, быть можетъ, кроется въ коммиссіи объ уложеніи, гдѣ Новиковъ имѣлъ полную возможность изъ словъ депутатовъ ознакомиться съ направленіемъ народнаго русскаго ума и съ истинными потребностями русской жизни.

Въ 1768 г. Новиковъ изъ коммиссіи уволенъ и отставленъ поручикомъ. Издательская дѣятельность Новикова началась весьма рано. Изъ документовъ, сообщенныхъ Пекарскимъ (Дополн. къ „Истор. масон.“) видно, что Новиковъ началъ печатать переводы и оригинальныя сочиненія („Сонетъ“) еще начиная съ 1766 г., когда ему было 22 года. Полнаго списка всѣхъ изданій, напечатанныхъ Новиковымъ, нѣтъ и потому нельзя судить, издавалъ ли онъ сочиненія и переводы случайно, по мѣрѣ того, какъ они до него доходили, или онъ имѣлъ въ этомъ случаѣ какую-нибудь опредѣленную систему и самъ до извѣстной степени участвовалъ въ выборѣ произведеній. Но, для рѣшенія отчасти этого вопроса, есть возможность прослѣдить журнальную дѣятельность Новикова, тѣмъ болѣе, что ей именно онъ обязанъ, главнымъ образомъ, своимъ значеніемъ. Чтобы точнѣе оцѣнить значеніе Новикова въ исторіи нашей журналистики, мы скажемъ нѣсколько словъ о ея началѣ и развитіи, до выступленія Новикова.

Первое періодическое изданіе, выходившее въ Россіи, были „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ“. Эти первыя русскія „Вѣдомости“ возникли по волѣ Петра Великаго и первый ихъ листъ появился въ Москвѣ 2 января 1703 г. „Вѣдомости“ эти печатались сначала въ Москвѣ, а съ 1711 г. иногда въ Петербургѣ, неопредѣленно, по накопле-

нію матеріала и по мѣрѣ надобности; онѣ продолжались по 1728 г. Въ этомъ году изданіе „Вѣдомостей" перешло окончательно къ петербургской академіи наукъ и 2 января 1728 г. вышелъ первый нумеръ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" подъ редакціей адъюнкта Миллера. Тогда же Миллеръ выпустилъ при „Вѣдомостяхъ" „Мѣсячныя историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія" (1728 г.), гдѣ помѣщались статьи, относящіяся до внѣшней иностранной исторіи, промышленности, медицины и проч. Продолженіе этихъ примѣчаній (1729—1742 гг.) ежемѣсячно по два листа было гораздо обширнѣе; въ немъ приняли участіе академики Эйлеръ, Гмелинъ, юристъ Бекенштейнъ и нѣкоторыя постороннія лица. Въ этихъ примѣчаніяхъ помѣщались подробныя объясненія, относящіяся къ извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ „Вѣдомостяхъ", популярныя историческія статьи, объяснявшія связь современныхъ происшествій съ прежними, естественныя событія, обращавшія на себя общее вниманіе, даже легкія статьи и стихотворенія. Успѣхъ этихъ примѣчаній побудилъ Миллера приступить къ изданію болѣе обширнаго журнала. Въ мартѣ 1754 г., въ своемъ предложеніи конференціи академіи наукъ, онъ заявилъ, что „число любознательныхъ читателей и учащихся мало-по-малу возростаетъ", и потому необходимо удовлетворить ихъ любознательности „изданіемъ болѣе полнымъ и всестороннимъ, которое доставляло бы читателямъ пищу для ума и средства къ дальнѣйшему саморазвитію". Съ этою цѣлью предпринято было академіею изданіе, подъ редакціей Миллера, „Ежемѣсячныхъ сочиненій" (съ 1755—1765 г. названіе нѣсколько разъ не вполнѣ измѣнялось) (12).

Здѣсь главное значеніе имѣли ученыя статьи, оригинальныя и переводныя, которымъ надо отдать полную справедливость, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ (въ особенности самого Миллера и Рычкова) не потеряли свою цѣну и въ настоящее время. Затѣмъ помѣщались стихотворенія извѣстныхъ поэтовъ (преимущественно Сумарокова, Третьяковскаго, Хераскова, Нартова и др.) и переводныя статьи для легкаго чтенія нравственно-сатирическаго содержанія. Въ то время такой характеръ журналовъ преобладалъ въ западной литературѣ. Миллеръ оказалъ важную услугу нашей журналистикѣ, — которая на первое время должна была преимущественно наполняться переводами,—указаніемъ англійскихъ журналовъ, издававшихся Стилемъ и Аддисономъ: „The Tatter" (Болтунъ,

1710) и „The Spectator" (Зритель). Журналы эти представляли высоко-талантливый образецъ, положившій начало новѣйшей журналистики, и немедленно вызвали подражанія во Франціи и въ Германіи. Опытъ Миллера увѣнчался успѣхомъ, и публика, по словамъ митрополита Евгенія, читала журналъ его съ жадностью. Это доказывается тѣмъ, что Миллеръ сейчасъ же вызвалъ подражателей.

Точно также, какъ впослѣдствіи въ Москвѣ интеллигентный кружокъ сосредоточивался около университета, въ Петербургѣ русскій интеллигентный кружокъ пріютился въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ, который, до нѣкоторой степени, на первыхъ порахъ имѣлъ значеніе для петербургской литературы, сходное съ университетомъ для Москвы ([11]). Здѣсь попытка Миллера впервые вызвала подражаніе и появился первый частный журналъ „Праздное время, въ пользу употребленное" (1759—1760 гг., 4 части). Изданіе это писалось и печаталось въ корпусѣ; въ числѣ сотрудниковъ его поименованы Нартовъ, Порошинъ, кн. Вас. Бѣлосельскій и Ник. Титовъ. Изданіе это было чисто-литературное и содержало въ себѣ почти исключительно статьи переводныя. Въ 1759 г. явилась „Трудолюбивая Пчела", подъ редакціей А. П. Сумарокова, прекратившаяся, по истеченіи года, за недостаткомъ средствъ. Здѣсь уже печатались, кромѣ переводовъ, оригинальныя статьи самого издателя; Сумароковъ, въ своемъ журналѣ, первый началъ критику нашихъ общественныхъ нравовъ, хотя и весьма легко, въ разныхъ притчахъ и коротенькихъ замѣткахъ; онъ перенесъ это съ собою и въ послѣдній годъ (1760) предъидущаго журнала, куда онъ перешелъ послѣ прекращенія своего.

Затѣмъ журнальная дѣятельность въ Петербургѣ прекратилась, но за то съ 1760 г. начинается цѣлый непрерывный рядъ періодическихъ изданій, связанныхъ съ университетомъ и „Московскими Вѣдомостями", вплоть до 1830 г., когда прекратился „Вѣстникъ Европы".

Тотчасъ послѣ основанія Московскаго университета 26 апрѣля 1756 г. вышелъ первый нумеръ доселѣ существующихъ „Московскихъ Вѣдомостей", въ то время какъ университетскую типографіей завѣдывалъ ассессоръ университетской конференціи Херасковъ. Редакціей „Вѣдомостей" завѣдывали профессора университета Поповскій, Барсовъ и Вельяминовъ.

Вслѣдъ затѣмъ явился первый литературный журналъ въ Москвѣ: „Полезное Увеселеніе“, подъ редакціей М. М. Хераскова (съ декабря 1760 по іюнь 1762 г.). Журналъ этотъ замѣчателенъ потому, что, кромѣ Хераскова и жены его, главными вкладчиками были студенты Московскаго университета. Въ числѣ сотрудниковъ журнала поименованы: Д. и П. Фонъ-Визины, Домашневъ, Приклонскій, Поповскій, Нартовъ, Поземникъ, А. и С. Нарышкины, Хрущовъ, Богдановичъ, здѣсь выступившій на литературное поприще, Санковскій, Ржевскій, Соколовъ, Як. Булгаковъ, Рубанъ, Каринъ, Золотницкій, Аничковъ, Пав. Жуковъ, Орловъ и т. д. Журналъ этотъ состоялъ преимущественно изъ стихотвореній, но были и прозаическія переводныя статьи, бо̀льшею частью изъ древнихъ авторовъ.

Вторымъ повременнымъ изданіемъ въ Москвѣ было „Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и произведенію удовольствія, или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, также до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ“, подъ редакціею проф. Рейхеля (1762 г.), гдѣ принимали участіе студенты Ден. и Пав. фонъ-Визины, гр. Арт. Воронцовъ, Корсаковъ, Калиновскій, Агентовъ, Як. Дашковъ, Золотницкій, Марковъ и др. Журналъ этотъ, какъ видно по заглавію, имѣлъ характеръ ученый и практическій и не содержалъ въ себѣ ни стиховъ, ни беллетристики.

Въ 1763 г. Херасковъ предпринялъ другой журналъ—„Свободные Часы“, гдѣ сотрудниками его явились Сумароковъ, Ржевскій, Майковъ, Санковскій, Каринъ, Пермскій и др. Типъ этого журнала былъ тотъ же, какъ и перваго, съ тою разницей, что переводная прозаическая часть была усилена и появлялись статьи болѣе серьезнаго содержанія, напримѣръ: нѣсколько статей подъ заглавіемъ „Опытъ объ историкахъ“ (Геродотъ, Ѳукидитъ, Ксенофонтъ, Полибій), „О высокомѣріи“, „О истинномъ пути къ прославленію себя и другихъ“.

Сотрудники Хераскова вскорѣ выступили и на самостоятельное журнальное поприще.

И. Ф. Богдановичъ издавалъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ 1763 года, журналъ „Невинное Упражненіе“. Во всемъ изданіи не встрѣчается ни подъ одною статьей подписи автора и, какъ кажется, всѣ статьи и переводы принадлежатъ самому издателю. Между

прочимъ, въ этомъ журналѣ Богдановичъ помѣстилъ свой переводъ Волтеровой поэмы „На разрушеніе Лиссабона“ и переводъ кн. Дашковой „Объ эпическомъ стихотвореніи“.

Окончившій въ 1763 г. курсъ въ университетѣ Вас. Дем. Санковскій издавалъ въ 1764 г. журналъ „Доброе Намѣреніе“, гдѣ помѣщались статьи и переводы Рубана, В. Петрова, Слатвинскаго, Пермскаго, Костровскаго, Веницеева, Павла Фонъ-Визина, Вершницкаго, Перепечина и Пустовойтова. Здѣсь, кромѣ стиховъ самого издателя и Фонъ-Визина, былъ довольно серьезный выборъ переводныхъ прозаическихъ статей, между прочимъ, изъ „Spectator'а“.

Съ 1764 по 1769 г. собственно литературная журнальная дѣятельность, за исключеніемъ изданій академіи, прекратилась. Въ 1769 году вдругъ появляется сразу нѣсколько журналовъ сатирическаго направленія ([14]).

Внѣшнею причиной этого внезапнаго наплыва сатирическихъ изданій принимаютъ обыкновенно толчекъ, данный самою Императрицею Екатериной. Кромѣ несомнѣнно ей присущаго сатирическаго оттѣнка въ самомъ ея характерѣ, внутреннее настроеніе общества, взволнованнаго начавшеюся тогда войной съ Турціею, могло вызвать въ ней желаніе чѣмъ-нибудь занять общество и отвлечь его вниманіе. Но этого недостаточно; причину ранняго у насъ появленія сатиры слѣдуетъ искать глубже. Причину эту весьма вѣрно указалъ Добролюбовъ въ своей статьѣ о „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“: „Молодое развивающееся общество русское чувствовало, конечно, само свое несовершенство; видно, что ему многое нужно было у себя исправить и передѣлать. Но не въ его волѣ было вдругъ отрѣшиться отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, имѣвшихъ большею частью историческое происхожденіе, проникнувшихъ весь характеръ народа и нерѣдко связанныхъ съ самымъ его общественнымъ устройствомъ. Для этого нужно было время, приготовленіе; нужно было, чтобы появилось сначала сознаніе недостатковъ; чувство необходимости ихъ исправленія сначала должно было теоретически овладѣть умами, чтобы потомъ практически выразиться въ жизни. Сатира явилась въ этомъ случаѣ дѣятелемъ, какъ и всегда является въ обществѣ. Это общество, столько перенесшее и выстрадавшее, такъ часто останавливаемое враждебными обстоятельствами въ нравственномъ ходѣ своего развитія, или стѣсняемое въ самыхъ чистыхъ и высокихъ своихъ стремленіяхъ, связан-

ное во всемъ по рукамъ и ногамъ, вслѣдствіе совершенно неравномѣрнаго распредѣленія въ немъ умственныхъ и вещественныхъ преимуществъ,—это общество, не имѣя возможности дѣйствовать, искало отрады, по крайней мѣрѣ, въ словѣ, умномъ, смѣломъ, благородномъ, выводившемъ на посмѣяніе все низкое и пошлое и выражавшемъ живое стремленіе къ новому, лучшему, разумному порядку вещей. Во всемъ, что есть лучшаго въ нашей словесности, отъ первыхъ народныхъ пѣсенъ до произведеній Гоголя и (скажемъ отъ себя) сатиры Щедрина, видимъ мы эту иронію, то наивно-открытую, то лукаво-спокойную, то сдержанно-желчную. Она нашла себѣ представителей и въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка".

Въ литературномъ отношеніи имѣютъ больше всего цѣны сатирическія произведенія Новикова. Многія изъ нихъ, по мѣткости и живости, не только несравненно выше всего современнаго, но даже не устарѣли и для настоящаго времени, чему можетъ служить письма Фалелея и его родственниковъ, перепечатанныя въ „Исторической хрестоматіи" Галахова. Новиковъ нападалъ не только на щеголей и щеголихъ, на неправильныхъ судей и вообще на обыденные и преобладающіе недостатки того времени; онъ не щадилъ въ своей сатирѣ „на лицо" людей высокопоставленныхъ и затрогивалъ вопросы, пугавшіе своею смѣлостью современниковъ. Въ помѣщенныхъ въ „Живописцѣ" „Отрывкахъ изъ путешествія въ ***"), по всей вѣроятности, принадлежащихъ И. П. Тургеневу, высказывается такой смѣлый протестъ противъ крѣпостнаго права, который не уступаетъ знаменитому путешествію Радищева и даже неправильно ему приписывался. Замѣчательно, что всѣ сатирическіе журналы Новикова къ концу ослабѣваютъ. Причина этому понятна: трудно одному человѣку набрать достаточно матеріала для періодическаго изданія, задавшись такою одностороннею задачей. Едва ли справедливо, что журналы Новикова останавливались отъ независящихъ обстоятельствъ; рѣзкія статьи, конечно, возбуждали толки и неудовольствія, но были защитники, отдававшіе справедливость добрымъ стремленіямъ автора. При этомъ интересны отношенія Новикова къ Императрицѣ, выразившіяся въ полемикѣ между „Трутнемъ" и „Всякою Всячиной". Новиковъ защищалъ пользу и необходимость личной сатиры, „Всякая Всячина", напротивъ, придерживалась умѣренности и находила, что цѣль исправ-

ленія общества достигается не однимъ бичеваніемъ пороковъ, но и указаніемъ примѣровъ добродѣтели. „Всякая Всячина", говоря объ авторѣ, избравшемъ своею задачей исключительно сатиру, говоритъ: „такое несчастное сложеніе, наполненное злостью и злословіемъ, при свободности языка и съ острыми выраженіями, вредъ великій нанести можетъ молодымъ людямъ". Вообще распространено мнѣніе, что „Трутень" превращенъ былъ по желанію Императрицы, за слишкомъ смѣлое затрогиваніе крестьянскаго вопроса и за выходки противъ знатныхъ и чиновныхъ лицъ; но прямыхъ доказательствъ на это нѣтъ. Если бы Екатерина такъ строго относилась къ поднятію вопроса о крестьянахъ и за это косвенно запретила „Трутень", то Новиковъ, конечно, никогда не рѣшился бы помѣстить въ „Живописцѣ" упомянутые выше „Отрывки изъ путешествія". Правда, Екатерина совсѣмъ не была обрадована тѣмъ бойкимъ направленіемъ, которое приняла сатира того времени. Екатерина смотрѣла на сатиру, какъ на остроумное занятіе, на веселье, но вовсе не какъ на протестъ противъ недостатковъ общества; а когда сатира начала безпощадно бичевать взяточничество и административныя злоупотребленія, Екатерина вступилась за нихъ и „Всякая Всячина" вину этого порядка вещей складывала не на лицъ и учрежденія, а на само общество, которое ихъ терпѣло и поощряло. Но отъ этого неудовольствія до какого-либо преслѣдованія тайнаго или явнаго въ эту эпоху царствованія Екатерины было еще далеко. Въ 1772 г. сама Екатерина выступила на сатирическое поприще тремя своими комедіями: „О время", „Именины г-жи Ворчалкиной" и „Г-жа Вѣстникова съ семьей". Новиковъ начинаетъ свой „Живописецъ" обращеніемъ къ автору „О время", гдѣ онъ, осыпая автора похвалами, посвящаетъ ему изданіе и говоритъ, что авторъ „открылъ ему дорогу, къ которой онъ всегда стремился". Екатерина напечатала въ „Живописцѣ" свой отвѣтъ и заявила, что она не прочь отъ участія въ журналѣ. Съ этой поры начинаются благосклонныя отношенія Новикова къ Императрицѣ и изъ его вызова принять на себя представленіе г.-м. Щербинина о заведеніи типографіи въ Харьковѣ нельзя не заключить, что Новиковъ въ то время имѣлъ доступъ къ Екатеринѣ. Послѣ „Ежемѣсячныхъ сочиненій", издававшихся Миллеромъ, наибольшимъ успѣхомъ среди читателей пользовались сатирическія изданія Новикова. „Живописецъ" читался съ жад-

ностью, выдержалъ шесть изданій и обратился въ книгу для *народнаго чтенія*. Самъ Новиковъ, въ предисловіи къ третьему изданію, упоминая о быстромъ расходѣ своего журнала, говоритъ: „Сіе сочиненіе попало на вкусъ *мѣщанъ* нашихъ: ибо у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся. Люди же, разумъ свой знаніемъ французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги въ число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми головными уборами, привозимыми изъ Франціи, какъ-то: пудрою, помадою, книгами и проч." Новиковъ, между прочимъ, указываетъ книги, находившіяся въ то время въ обращеніи у *мѣщанъ*: „Троянская исторія", „Синопсисъ", „Юности честное зерцало", „Совершенное воспитаніе дѣтей", „Азовская исторія" и нѣкототорыя другія (¹⁴).

Кромѣ своей литературной дѣятельности, Новиковъ еще въ Петербургѣ приготовился совершенно къ той дѣятельности, которую онъ такъ широко и съ такимъ успѣхомъ развилъ въ Москвѣ. Онъ, на суммы, поступавшія отъ подписчиковъ на „Утренній Свѣтъ", началъ заводить училища. Въ ноябрѣ 1777 г. имъ было открыто Екатерининское училище при церкви Владимірской Божіей Матери, а въ сентябрѣ 1778 г. Александровское училище при церкви Благовѣщенія. Въ этихъ училищахъ, по отчету за августъ 1779 г., показано въ первомъ 32 человѣка приходящихъ, а во второмъ—26 пансіонеровъ, 26 приходящихъ и 9 за плату, т.-е. всего 93 человѣка. Въ „Живописцѣ", отвѣчая на письмо изъ Ярославля объ обществѣ, старающемся о напечатаніи книгъ, Новиковъ указываетъ, что Императрица учредила „собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ на россійскій", и опредѣлила ежегодно на выдачу гонорара переводчикамъ 5,000 р. Разъясняя всю пользу этого общества, Новиковъ настаиваетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о необходимости правильной организаціи книжной торговли, преимущественно въ провинціяхъ, по частной иниціативѣ.

Между тѣмъ, въ концѣ петербургскаго пребыванія настроеніе духа Новикова подверглось значительной перемѣнѣ. Онъ остановился на томъ распутіи, о которомъ мы уже говорили и которое вызывалось безотраднымъ направленіемъ крайняго матеріализма и распущенностью нравовъ. „Находясь на распутіи,—говорилъ онъ,— между волтеріанствомъ и религіей, я не имѣлъ точки опоры или

краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе, а потому неожиданно попалъ въ общество масоновъ". Новиковъ вступилъ въ масоны въ іюнѣ 1775 года въ ложу „Астреи" Елагинской системы и, неудовлетворенный дѣятельностью этой ложи, гдѣ члены въ собраніяхъ почти играли масонствомъ, какъ игрушкою, ужинали и веселились, вмѣстѣ съ другими основалъ ложу Германской (Цинцендорфской) системы или по имени учредителя ея въ Петербургѣ Рейзелевской, гдѣ намѣстнымъ мастеромъ сдѣлался И. П. Чаадаевъ, родной дѣдъ извѣстнаго П. Я. Чаадаева.

Это настроеніе совершенно измѣнило характеръ журнальной дѣятельности Новикова, что и отразилось на „Утреннемъ Свѣтѣ". Прежде всего, уже самое „предувѣдомленіе" къ журналу ставитъ одною изъ главныхъ его задачъ опроверженіе ученія энциклопедистовъ, „нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей сочиненій, подобныхъ блеску сусальнаго золота". Далѣе „предувѣдомленіе" вноситъ въ программу „все пространство поля высокаго, средняго и общаго нравоученія" и „всеобщей сатиры", направленныхъ противъ тѣхъ людей, „кои сами свое высокое человѣческое достояніе ногами попираютъ". Такимъ образомъ, характеръ сатиры сталъ другой: она не только не направлена „на лицо", но даже потеряла мѣстный, національный колоритъ; осмѣивая недостатки съ общечеловѣческой точки зрѣнія, она утратила всякій живой смыслъ. „Утренній Свѣтъ" по преимуществу наполнялся переводами изъ древнихъ писателей и изъ новыхъ (въ особенности Юнгъ, Паскаль); есть переводы изъ Бэкона и педагогическія статьи изъ Федера и Кампе. Въ одной изъ статей есть перечисленіе писателей, названныхъ *подлыми*; къ нимъ отнесены: Свифтъ, Рошефукольтъ, Руссо, Вольтеръ, Бель, Ламетри и Гельвецій. Весь журналъ проникнутъ идеей отвлеченнаго идеализма, хотя этотъ идеализмъ не получилъ еще никакого опредѣленнаго міросозерцанія и борется съ болѣе нормальнымъ отношеніемъ къ природѣ, наукѣ и жизни. Масонскую окраску журналъ имѣетъ въ весьма слабой степени. Въ главной статьѣ „Къ издателямъ „Утренняго Свѣта" по поводу масонскаго сочиненія Крата Репоа, впослѣдствіи конфискованнаго у Новикова,—гдѣ прямо говорится о таинствахъ масонства и связи ихъ съ древними мистеріями,—авторъ выражается: „О, сколь бы желательно, если-бъ подобныя таинства еще понынѣ находились, хотя я и самъ сомнѣваюсь, находятся ли они; но не во вредъ служили бы

просвѣщеннымъ временамъ". Такимъ образомъ, передъ отъѣздомъ въ Москву, несмотря на поступленіе Новикова въ масоны, онъ еще находился въ періодѣ „сомнѣнія" относительно масонства, но за то планы его для распространенія образованія уже совсѣмъ созрѣли.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Новиковъ встрѣтился съ Шварцемъ и съ тѣхъ поръ дѣятельность ихъ сдѣлалась общею и неразрывною. Соединенная дѣятельность Новикова и Шварца представляетъ исходную точку, гдѣ начинается новый толчекъ въ народномъ нашемъ образованіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало культурнаго значенія Москвы и ея университета.

Личность Шварца въ высшей степени замѣчательна; немногіе изъ иностранцевъ, переселявшихся въ Россію, принесли настолько пользы нашему отечеству. Уроженецъ Трансильваніи, Шварцъ смолоду посвятилъ себя ученой части и, познакомившись въ 1776 г. за границею съ кн. И. С. Гагаринымъ, вступилъ воспитателемъ дѣтей въ домъ друга его, А. М. Рахманова, жившаго въ Могилевѣ. Шварцъ былъ убѣжденный и ученый теозофъ и смотрѣлъ на масонство съ гораздо болѣе серьезной точки зрѣнія, нежели Новиковъ, съ которымъ Шварцъ часто расходился по этому поводу. Но за то глубокая и разносторонняя ученость Шварца какъ нельзя болѣе пополняла пробѣлъ въ этомъ случаѣ у Новикова и имѣла большое значеніе для дѣятельности послѣдняго. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Могилевъ Шварцъ пріѣхалъ въ Москву и познакомился съ кн. Н. Н. Трубецкимъ, принявшимъ его въ свою масонскую ложу. По смерти Рахманова, Шварцъ въ 1779 г. переселился въ Москву. Въ августѣ 1779 г., по приглашенію Хераскова, онъ получилъ мѣсто учителя нѣмецкаго языка въ гимназіи и каѳедру профессора въ университетѣ и скоро пріобрѣлъ на Хераскова большое вліяніе. Въ это же время Шварцъ сблизился съ Новиковымъ, котораго издательская дѣятельность была извѣстна Шварцу. Шварцъ оцѣнилъ въ Новиковѣ тѣ качества, которыя дѣйствительно ему были присущи,—„особенную ревность къ просвѣщенію и горячую любовь къ отечеству", соединенныя съ желѣзною и ни предъ чѣмъ не уступавшею энергіей, на поприщѣ, гдѣ, по словамъ самого Шварца, „слѣдовало рисковать всѣмъ, надѣяться немногаго". Новиковъ былъ дорогимъ человѣкомъ для Шварца, ибо въ умѣ послѣдняго возникъ обширный планъ распространить просвѣще-

ніе по возможности во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Для этого Шварцъ, понимая недостаточность усилій отдѣльнаго лица, рѣшился устроить общество съ цѣлью: 1) распространить въ публикѣ по возможности правила воспитанія; 2) помогать предпріятію Новикова по изданію и распространенію переводовъ и полезныхъ сочиненій; 3) привлекать изъ-за границы достойныхъ иностранныхъ воспитателей, или, что еще лучше, приготовлять русскихъ наставниковъ. Интересно, съ какою обдуманностью, постепенностью и настойчивостью Шварцъ приступилъ къ исполненію своего плана. Съ самаго своего появленія на каѳедрѣ Шварцъ привлекъ къ себѣ вниманіе и привязанность своихъ слушателей и учениковъ. Еще въ то время, когда отношенія профессора къ студентамъ не отличались близостью и взаимнымъ сочувствіемъ, Шварцъ, не ограничиваясь лекціями, бесѣдовалъ со слушателями, давалъ имъ книги изъ своей библіотеки и въ сухія отношенія между профессоромъ, ограничивающимся исполненіемъ своихъ обязанностей, и равнодушною къ нему аудиторіей умѣлъ внести связь, не разрывавшуюся до самой смерти уважаемаго наставника. Вліяніе Шварца было таково, что родители молодыхъ людей приходили благодарить его, звали его къ себѣ и онъ скоро сталъ близкимъ человѣкомъ во многихъ домахъ. Шварцъ началъ свое преподаваніе нѣмецкаго языка въ гимназіи по методу Плюшо (Pluchot: „La mecanique des langues et l'art de les enseignier“), не ограничиваясь сухимъ изложеніемъ этимологическихъ формъ и указывая внутреннее строеніе языка, но не вдаваясь въ недоступныя для учениковъ метафизическія гипотезы. Въ университетѣ Шварцъ, преподавая нѣмецкій языкъ, читалъ общую теорію словесности, что было не лишнее, такъ какъ каѳедру русской словесности въ то же время занималъ Чеботаревъ, вовсе не преподававшій никакой теоріи и ограничивавшійся разборомъ старыхъ писателей. А тогда и лучшіе критики занимались при этомъ только грамматическою правильностью языка и критикою отдѣльныхъ выраженій. Судя по руководствамъ (Рамлера, Готшеда и Гейнацъ), преподаваніе Шварца не выходило изъ рамокъ господствовавшей тогда схоластики, но, во всякомъ случаѣ, Шварцъ,—независимо отъ того, что онъ пріохотилъ слушателей преимущественно къ серьезной нѣмецкой литературѣ, вмѣсто господствовавшей въ его время легкой французской, которой Шварцъ не сочувствовалъ,—содѣйствовалъ также образованію правильнаго

русскаго слога, выработка котораго началась въ эпоху Новиковско-Шварцевой переводной дѣятельности и докончена была Карамзинымъ. Въ своей рѣчи, читанной въ день празднованія 25-ти лѣтняго юбилея, 24 апрѣля 1780 года (De virtutibus et vitiis stili germanici, о достоинствахъ и недостаткахъ нѣмецкаго слога), Шварцъ, вооружаясь противъ педантизма и подражательности, признаетъ главнымъ достоинствомъ слога простоту, непринужденность и живость. По возвращеніи изъ-за границы Шварцъ читалъ въ 178²/₃ году курсъ естетики, гдѣ онъ, кромѣ нѣмецкихъ писателей, разбиралъ классиковъ и авторовъ итальянскихъ, англійскихъ, французскихъ и русскихъ. Приведенныя имъ руководства (Аристотель, Цицеронъ, Квинтиліанъ, Горацій, Баттё, Рамлеръ, Юмъ, Буало, Баумгартенъ) доказываютъ, что эти лекціи имѣли компилятивный характеръ и не могли представлять стройной и выработанной системы; но, тѣмъ не менѣе, сравнительное историческое изученіе древней и новой литературы не могло не принести слушателямъ большой пользы.

Дѣятельность Шварца не ограничивалась университетомъ и въ несравненно большей степени проявлялась въ другихъ его учрежденіяхъ.

Въ 1779 г. Прокофій Акинфовичъ Демидовъ пожертвовалъ въ Московскій университетъ 20,000 руб., съ тѣмъ, чтобъ на проценты содержались шестеро студентовъ, предназначаемыхъ въ учителя и профессора. Воспользовавшись этимъ пожертвованіемъ, Шварцъ подалъ куратору Хераскову мысль объ основаніи 13 ноября 1779 г. *педагогической семинаріи*, имѣвшей цѣлью приготовленіе профессоровъ и вообще наставниковъ для юношества. Шварцъ до самой своей смерти былъ душою этого заведенія. Онъ самъ занялъ тамъ мѣсто инспектора, принесъ въ даръ капиталъ въ 5,000 р. и нѣкоторыя вещи; онъ же преподавалъ воспитанникамъ методу ученія и обученія, сдѣлавшись, такимъ образомъ, первымъ у насъ профессоромъ педагогики. Членами и преподавателями въ семинаріи назначены были профессора и старшіе учителя гимназіи: такъ, филологъ Маттеи читалъ особо студентамъ семинаріи объясненія греческихъ и латинскихъ классиковъ. Изъ этой семинаріи вышли, сдѣлавшіеся потомъ профессорами, Аршеневскій, Гавриловъ, Сохацкій и др. Къ сожалѣнію, въ печати нѣтъ извѣстія ни о дальнѣйшей судьбѣ, ни о результатахъ этой семинаріи; вѣро-

ятно, она переименована была въ *учительскій институтъ*, инспекторомъ котораго въ 1797 г. былъ сдѣланъ профес. Сохацкій; его вскорѣ замѣнилъ Баузе, читавшій тамъ педагогику и методику, а затѣмъ съ 30 октября 1808 года профессоръ Буле. По всей вѣроятности, педагогическій институтъ при Московскомъ университетѣ не возобновился послѣ погрома 1812 года. Вскорѣ Шварцъ открылъ учрежденіе, которое поставило его въ еще болѣе тѣсныя связи со студентами и расширило его живое участіе въ тогдашней литературной дѣятельности. 13 марта 1781 г. было открыто, по мысли Шварца, собраніе университетскихъ питомцевъ. Собраніе это имѣло двоякую цѣль: 1) упражненіе въ сочиненіяхъ и переводахъ изъ древнихъ и новыхъ писателей и изданіе ежегоднаго журнала въ пользу бѣдныхъ и 2) нравственное усовершенствованіе членовъ, для чего, при начатіи собранія, очередной членъ долженъ былъ сказать рѣчь по какому-либо нравственному предмету. Въ числѣ членовъ этого собранія и сотрудниковъ издаваемаго журнала упоминаются, между прочими, Ѳ. Ключаревъ, Багрянскій, Гавриловъ, Тургеневъ, Трипольскій, Сохацкій и Малиновскій. Это было самое любимое учрежденіе Шварца, на которое онъ положилъ свои лучшіе труды, жертвовалъ въ него деньгами и вещами, доставлялъ окончившимъ курсъ членамъ его, посредствомъ своихъ связей, видныя служебныя мѣста и вообще заслужилъ глубокое и искреннее уваженіе. Собраніе это продолжало существовать и послѣ смерти Шварца: такъ, въ 1789 г. оно праздновало день своего учрежденія. Первымъ предсѣдателемъ былъ Прокоповичъ-Антонскій, которому собраніе много обязано, а когда Прокоповичъ занялся исключительно благороднымъ пансіономъ, его мѣсто занимали Сохацкій и Подшиваловъ. Собраніе собиралось еженедѣльно и членами его были магистры и баккалавры словесныхъ наукъ и старшіе студенты, принимавшіеся по выбору. Послѣ рѣчи очереднаго члена читались оригинальныя и переводныя статьи въ прозѣ и стихахъ, а также рецензіи; все читанное подробно обсуждалось, происходили толки о новыхъ книгахъ и вообще о вопросахъ, касающихся изученія языка и словесности. Здѣсь студентъ Мерзляковъ читалъ первыя свои стихотворенія; въ своихъ воспоминаніяхъ о Ѳ. Ѳ. Ивановѣ онъ съ восторгомъ говоритъ объ этихъ собраніяхъ.

По этому примѣру, уже послѣ смерти Шварца, учредилось въ 1799 году собраніе питомцевъ благороднаго пансіона.

Въ 1780 г., вскорѣ послѣ поступленія Шварца въ университетъ, конференція поручила ему преобразованіе университетской гимназіи. Шварцъ, найдя въ ней большіе недостатки, съ неимовѣрнымъ трудомъ привелъ ее въ порядокъ и измѣнилъ планъ ученія въ 1781 г. Это поссорило Шварца съ проф. Шаденомъ, по плану котораго устроены были гимназіи при университетѣ и который былъ въ нихъ ректоромъ и главнымъ преподавателемъ до 1772 г. Своими педагогическими пріемами онъ расходился съ Шварцемъ, и послѣдній въ своей университетской рѣчи намеками осуждаетъ, конечно, Шадена, за сухость и педантизмъ его преподаванія. Усиленныя занятія разстроили здоровье Шварца, и для его возстановленія и для обозрѣнія учебныхъ заведеній за границею Шварцу разрѣшенъ былъ отпускъ въ томъ же 1781 г. Путешествіе Шварца, совершонное имъ съ сыномъ Татищева, имѣло, какъ мы видѣли, не одну эту цѣль: онъ везъ съ собою важныя порученія отъ московскихъ масоновъ, и мы видѣли также, насколько онъ ихъ исполнилъ. Но Шварцъ не упускалъ изъ вида, во время своего путешествія, и своей учено-педагогической цѣли. Онъ сошелся съ знаменитымъ Бернулли и педагогомъ Бюшингомъ въ Берлинѣ, съ Іерусалемомъ, гр. Ангальтомъ и др.

По возвращеніи въ Россію (въ началѣ 1782 г.) Шварцъ тотчасъ же открылъ *филологическую* или *переводческую* семинарію для переложенія лучшихъ авторовъ и нравоучительныхъ сочиненій на русскій языкъ. Семинарія эта возникла благодаря обязательству Татищева содержать на свой счетъ шесть и дружескаго общества— десять воспитанниковъ. Воспитанники эти поступили изъ семинарій. Шварцъ читалъ для воспитанниковъ семинаріи у себя на дому приватныя лекціи философской исторіи, которыя вскорѣ привлекли стороннихъ посѣтителей и перенесены были, по тѣснотѣ помѣщенія, въ домъ, занимаемый Новиковымъ. Кромѣ того, съ 3 сентября по 31 декабря Шварцъ читалъ у себя по воскресеньямъ лекціи „о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ“. Въ біографіи Шварца („Слов. проф. Моск. унив.“, ч. II, стр. 594) сказано, что лекціи эти сохранились въ рукописи, но, къ сожалѣнію, онѣ нигдѣ не напечатаны,—лишь извлеченіе помѣщено въ журналѣ Невзорова „Другъ Юношества“ (1813 г., январь, стр. 85—101). Насколько можно судить *вообще* о чтеніяхъ Шварца, видно, что они имѣли характеръ религіозно-идеалистическій, ставившій цѣлью человѣче-

ской жизни—искать небеснаго и не цѣнить земное. Шварцъ не отвергалъ наукъ: „онѣ суть также дары, происходящіе отъ Бога"; но онъ „отвергалъ совершеннѣйшую на нихъ надежду и забвеніе чрезъ то, что человѣкъ умствованіемъ и надеждою на свои силы отвращается отъ Бога и подвергаетъ себя проклятію". Лабзинъ, его ученикъ и почитатель, говоритъ, что Шварцъ разбиралъ на лекціяхъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ламетри и пр. „Какъ будто новый свѣтъ,—прибавляетъ онъ,—просіялъ тогда слушателямъ. Какое направленіе и умамъ, и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ!" Сильное и благотворное вліяніе Шварца на своихъ слушателей засвидѣтельствовалъ и Л. Максимовичъ. Насколько въ лекціяхъ Шварца проводилось его розенкрейцерство, судить данныхъ нѣтъ. Изъ отзыва одного изъ его учениковъ („Біогр. слов.", ч. II, стр. 594) можно бы, казалось, заключить, что на своемъ университетскомъ курсѣ объ эстетикѣ Шварцъ, между прочимъ, говорилъ о справедливости физіогномики и хиромантіи, чудесномъ открытіи магіи и кабалы и проч. Но насколько это вѣрно, или даже въ какомъ смыслѣ объ этомъ упомянуто, остается неизвѣстно, такъ какъ этотъ отзывъ представляетъ такой безтолковый и безсмысленный наборъ словъ, откуда нельзя вывести никакого заключенія. Къ этому мы прибавимъ, что догадка г. Незеленова, будто педагогическія статьи, помѣщенныя въ изданіи Новикова: „Прибавленія къ „Моск. Вѣдомостямъ" 1783 г.", о которыхъ г. Незеленый говоритъ, что „онѣ принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній, появившихся у насъ въ XVIII вѣкѣ („О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія", „Фамильный разговоръ", „Письмо о домашнихъ учителяхъ", „О раннемъ началѣ ученія дѣтей", „О сократистическомъ способѣ ученія", „О эстетическомъ воспитаніи") принадлежатъ перу самого Новикова, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія („Новиковъ", стр. 325—349). Всѣ эти статьи тѣсно между собою связаны, представляютъ нѣчто вродѣ цѣлаго курса науки о воспитаніи и образованіи и, безспорно, принадлежатъ самому Шварцу, имъ самимъ написаны или составлены подъ его ближайшимъ руководствомъ. Вотъ доказательства:

1) Сочиненія эти представляютъ близкое и глубокое знакомство со всею западною педагогическою и философскою литературой, что недоступно для Новикова, не знавшаго иностранныхъ языковъ,

и совершенно приложимо къ Шварцу, ученость и начитанность котораго не подлежатъ сомнѣнію. Русскимъ языкомъ Шварцъ владѣлъ настолько, что увлекалъ слушателей не только содержаніемъ, но и изложеніемъ своихъ лекцій (16).

2) Новиковъ никогда не занимался педагогіей, Шварцъ же былъ педагогъ по преимуществу, и это была главная задача и важнѣйшая заслуга всей его дѣятельности. Шварцъ, какъ мы видѣли, преподавалъ педагогику въ своей семинаріи и весной 1772 года передалъ конференціи 13 сочиненій о воспитаніи („Біогр. словарь", ч. II, стр. 591).

3) Печатаніе главнаго сочиненія—„О воспитаніи и наставленіи дѣтей"—прервано было помѣщеніемъ сочиненія, присланнаго изъ Германіи по тому же вопросу; въ предисловіи къ нему сказано, что эта присылка обусловлена поддержкою изданія „благосклонными отзывами почтенныхъ особъ и обѣщаніями вспомоществовать". Редакція воспользовалась присланнымъ сочиненіемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи; очевидно, что нѣмецкое сочиненіе было обѣщано и до нѣкоторой степени составлено по заранѣе обусловленному плану. Не будетъ натяжки предположить, что Шварцъ, во время своего путешествія за границу, обдумалъ свое сочиненіе съ какимъ-нибудь извѣстнымъ германскимъ педагогомъ и получилъ отъ него, по пріѣздѣ въ Россію, самое изложеніе вопроса, для напечатанія въ одномъ изъ Новиковскихъ изданій.

Тотчасъ по возвращеніи Шварца изъ-за границы у него начались непріятности. Почти одновременно съ пріѣздомъ Шварца вернулся изъ-за границы, въ февралѣ 1772 г., старшій университетскій кураторъ И. И. Мелиссино. Сначала онъ, повидимому, близко сошелся со Шварцемъ, но вскорѣ между ними возникли неудовольствія. Поводомъ къ этому было оскорбленное самолюбіе. Мелиссино, вообще, было не по сердцу, что въ его отсутствіе такъ много и, притомъ, къ лучшему перемѣнился университетъ, но онъ сознавалъ невозможность возстать явно противъ учрежденій, польза которыхъ была очевидна и всѣми признана. Мелиссино сначала былъ даже однимъ изъ ревностныхъ членовъ дружескаго общества. Но, видя, что основанное имъ при университетѣ въ 1771 г. „вольное россійское собраніе" совсѣмъ убито, Мелиссино предложилъ Шварцу соединить свое общество съ дружескимъ, надѣясь сохранить при этомъ званіе общаго предсѣдателя. Отказъ Шварца вызвалъ Мелис-

сино на открытыя непріятности, причемъ Мелиссино воспользовался услугами противниковъ Шварца, профессоровъ Барсова и Шадена. Возникли обвиненія противъ Шварца въ масонствѣ, и его частныя лекціи на дому были прекращены; начались непріятности и по профессорской должности Шварца. Шварцъ не выдержалъ и заболѣлъ; въ концѣ 1782 года Шварцъ оставилъ университетъ; осенью 1783 г. болѣзнь его значительно усилилась, а 17 февраля 1784 г. онъ скончался въ подмосковной своего друга Н. Н. Трубецкаго, въ селѣ Очаковѣ.

Всѣ труды совершены были Шварцемъ въ самый короткій срокъ (съ августа 1779 по конецъ 1782 г.), и потому нельзя не удивляться дѣятельности и энергіи этого замѣчательнаго подвижника въ исторіи русскаго просвѣщенія. Широкая издательская дѣятельность и трагическая судьба Новикова отчасти заслонили личность Шварца, но оба друга, въ дѣлѣ, ими предпринятомъ, должны стоять одинаково высоко, тѣмъ болѣе, что внутренняя организація дѣла принадлежитъ Шварцу. Немудрено, что друзья и ученики Шварца съ глубокимъ сожалѣніемъ и признательностью проводили его въ могилу. 26 марта 1784 г. они собрались въ особое засѣданіе, чтобы почтить память умершаго учителя, и издали сборникъ, посвященный его имени. Здѣсь, подъ предсѣдательствомъ М. Прок.-Антонскаго, участвовали: Максимовичъ, Лабзинъ, Подшиваловъ, А. Прок.-Антонскій, Сохацкій, Тимковскій, Псіолъ, Росинскій Доброгорскій, Молчановъ. Всѣ эти лица пользовались большею или меньшею извѣстностью въ тогдашней литературѣ и четверо изъ нихъ занимали впослѣдствіи профессорскую каѳедру въ Московскомъ университетѣ. Чувства, одушевлявшія собравшихся, такъ выражены въ заключительной строфѣ посвященной Шварцу оды:

Онъ еще на насъ взираетъ,
Слышитъ наши голоса;
Вѣрный братъ не умираетъ,
Всходитъ къ Богу въ небеса.
Пастырь нашъ, еще ты съ нами,
Съ нами другъ нашъ и поднесь;
Хоть не зримъ его очами,
Но въ сердцахъ нашъ пастырь весь.

Чувствуя, что силы отдѣльныхъ лицъ недостаточны для исполненія задуманнаго ими дѣла, Шварцъ и Новиковъ употребили всѣ

усилія, чтобы создать съ этою цѣлью общество изъ сочувствующихъ лицъ. Общество это составилось, прежде всего, изъ друзей обоихъ основателей. Но такъ какъ они не располагали денежными средствами, то общество встало на ноги только съ привлеченіемъ въ него богатаго и пресыщеннаго удовольствіями П. А. Татищева. Это привлекло въ общество нѣсколько другихъ богатыхъ и знатныхъ лицъ: кн. Черкасскаго, князей Трубецкихъ, бригадира Чулкова, московскаго почтдиректора Ѳ. П. Ключарева и др. Такимъ образомъ составилось извѣстное *дружеское общество*, въ которомъ приняли участіе многіе изъ профессоровъ: Шнейдеръ, Баузе, Чеботаревъ (бывшій секретаремъ общества) и другіе. По инициативѣ общества, Шнейдеръ безвозмездно читалъ публичныя лекціи о духѣ законовъ. Сушковъ къ числу членовъ дружескаго общества причисляетъ Род. Ал. Кошелева. Хотя Р. А. Кошелевъ жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, въ этомъ нѣтъ ничего несообразнаго; Кошелевъ былъ въ большой дружбѣ съ Лѣнивцевымъ, а Лѣнивцевъ стоялъ во главѣ братій „злато-розоваго креста" въ Петербургѣ, и, такимъ образомъ, связь Р. А. Кошелева съ мартинистами могла завязаться, несмотря на его отсутствіе изъ Москвы. Если это вѣрно, то слѣдуетъ заключить, что дружеское общество не ограничивалось членами изъ мѣстныхъ москвичей, но имѣло своихъ сторонниковъ въ Петербургѣ и даже, какъ сейчасъ увидимъ, въ губернскихъ городахъ.

Общество, прежде всего, приняло участіе въ содержаніи переводческой и педагогической семинарій,—въ первой 10, а во второй 35 воспитанниковъ, вызванныхъ изъ академій и семинарій. Въ числѣ ихъ упоминаются: Матвѣй Десницкій и Стефанъ Глаголевскій, впослѣдствіи митрополиты Михаилъ и Серафимъ, братья Антоновскіе, Сохацкій, Дмитревскій. Члены дружескаго общества разобрали выписанныхъ студентовъ на свое попеченіе и каждый изъ нихъ назывался воспитанникомъ того или другаго. Такъ, А. А. Пров.-Антонскій былъ воспитанникомъ И. В. Лопухина, братъ его — Новикова, Глаголевскій и Десницкій, кажется, Татищева. Содержавшіеся на счетъ общества студенты помѣщались въ собственномъ домѣ общества, подъ особеннымъ надзоромъ проф. Шварца. Изъ числа окончившихъ курсъ общество послало, для усовершенствованія, за границу извѣстныхъ своею трагическою судьбой питомцевъ переводческой семинаріи Невзорова и Колокольникова (на счетъ Лопухина), Некрасова и Страхова. Кромѣ

того, общество занималось изданіемъ и раздачею учебниковъ въ такомъ размѣрѣ, что, еще при самомъ его открытіи, роздано было ихъ по семинаріямъ на 3,000 рублей.

Изъ дружескаго общества, послѣ указа 1783 г. о вольныхъ типографіяхъ, выдѣлилась, въ смыслѣ организованнаго коммерческаго предпріятія, „Типографическая компанія". Членами этой компаніи были: бригадиръ Чулковъ, полк. Ладыженскій, кн. А. А. Черкасскій, И. Вл. Лопухинъ, П. Вл. Лопухинъ, бригадиръ И. П. Тургеневъ, маіоръ А. М. Кутузовъ, кн. Н. Н. Трубецкой, кн. Ю. Н. Трубецкой, Гамелея, кн. П. Энгалычевъ, оба брата Новиковы и ротмистръ прусской службы бар. Фридрихъ-Леопольдъ фонъ-Шрёдеръ. Всѣ они, за исключеніемъ Ладыженскаго и П. Вл. Лопухина, принадлежали къ розенкрейцерамъ. Лица эти, для составленія компаніи, внесли очень значительныя для того времени суммы: два брата Лопухины 20,000 р., князья Трубецкіе 10,000 р., кн. Черкаскій 8,000 р., Тургеневъ, Чулковъ, Ладыженскій по 5,000 р. каждый, бар. Шрёдеръ 3,500 р., Кутузовъ 3,000 р., итого 57,500 р.; братья Новиковы книгъ, по оцѣнкѣ 25 к. за рубль, на 80,000 р. Коммиссія учредила новую обширную типографію, которая должна была поставить точнымъ и правильнымъ образомъ издательскую и типографскую отрасль книжнаго дѣла.

Типографическая компанія мало-по-малу заслонила дружеское общество, которое вскорѣ (въ 1786 году) незамѣтно исчезло. Въ началѣ 1786 г. къ компанейской типографіи присоединились типографіи самого Новикова и Лопухина и такимъ образомъ составилось обширное предпріятіе подъ руководствомъ Новикова, который принялъ на себя всѣ обязанности, прежде выполнявшіяся дружескимъ обществомъ. Такъ, въ концѣ 1786 г. молодой Багрянскій посланъ былъ за границу для усовершенствованія въ медицинѣ уже отъ компаніи, а не отъ общества. Въ домѣ Гендрихова (бывшемъ Шипова, на Лубянской площади), пріобрѣтенномъ компаніей, вмѣстѣ съ типографей помѣщалась и аптека, изъ которой бѣднымъ отпускались лѣкарства даромъ.

Въ 1784 г. мартинисты распространили свою дѣятельность и въ провинціи. Лопухинымъ основана была ложа въ Орлѣ, гдѣ предсѣдателемъ былъ орловскій вице-губернаторъ З. Я. Карнѣевъ, а членами губернаторъ Неплюевъ и Н. Я. Свербеевъ; затѣмъ были ложи въ Вологдѣ и Симбирскѣ, основанная И. П. Тургеневымъ (вице-губерна-

торъ Голубцовъ), Петербургѣ (Лѣнивцевъ), Могилевѣ (Веревкинъ). Лѣнивцевъ, какъ видно изъ „Записокъ Ю. Н. Бартенева“ („Рус. Арх.“ 1886 г. кн. 5, стр. 79), извѣстенъ былъ въ Петербургѣ за человѣка отличнаго ума и благочестія. Голицынъ говоритъ, что онъ „нашелъ въ Лѣнивцевѣ сильное и убѣждающее краснорѣчіе; оно, притомъ соединено было съ какою-то необыкновенною мягкостью и ясностью изложенія“. Лѣнивцевъ былъ близкій другъ Р. А. Кошелева и Лабзина и скоро сошелся съ кн. А. Н. Голицинымъ, котораго всѣ эти три лица посвятили въ мистицизмъ. Изъ записокъ же Бартенева, со словъ кн. Голицына, видно, что послѣдній положилъ первыя начала мистическому настроенію Императора Александра. У Е. И. Якушкина есть объявленіе объ изданіи на 1786 г. въ Ярославлѣ „Уединеннаго Пошехонца“, заявленное отъ „Ярославскаго типографическаго общества“. Нѣтъ прямыхъ указаній, что Ярославское изданіе имѣло непосредственную связь съ Мартинистами, но, во всякомъ случаѣ, появленіе въ XVIII вѣкѣ единственнаго провинціальнаго журнала вызвано было началомъ умственнаго пробужденія въ губерніяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ ([15]).

Переходимъ теперь къ опредѣленію значенія самого Новикова.

Издательская дѣятельность Новикова была весьма обширна: университетская типографія, поставленная имъ на ряду съ лучшими европейскими, въ три года выпустила больше книгъ, нежели сколько изъ нея вышло за всѣ прежніе 24 года ея существованія. Новиковъ щедро платилъ сочинителямъ и переводчикамъ и даже выдавалъ гонораръ за рукописи, почему-либо подлежавшія уничтоженію. Просматривая приведенные у М. Н. Лонгинова каталоги, можно видѣть, что Новиковъ издавалъ книги всевозможнаго содержанія: духовныя, нравственныя, ученыя, беллетристическія и пр. Всего показано книгъ, напечатанныхъ и приготовленныхъ въ университетской типографіи, 411 заглавій, въ типографіи Лопухина и компаніи 29, книгъ запрещенныхъ, отобранныхъ, разнаго содержанія 313, изъ коихъ напечатано у Новикова и въ типографіи членовъ компаніи 197 заглавій. Въ текстѣ у Лонгинова приведено 121 заглавіе книгъ духовнаго содержанія, въ особенности уважаемыхъ масонами, и 36 собственно мистическихъ, изъ которыхъ подверглись сожженію:

1) „Апологія или защищеніе В. К.“, пер. съ нѣм. И. П. Тургенева;

2) „Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ Свбднм Кмнщк“, пер. съ нѣм. Оболдуева;

3) „Карманная книжка для Ц. К.“, пер. съ нѣм. его же;

4) „О заблужденіяхъ и истинѣ“, Сенъ Мартеня, пер. Страхова;

5) „Химическая Псалтырь или философическія правила о камнѣ мудрыхъ“, соч. Парацельса, пер. съ нѣм. Кутузова, и

6) „Хризомандеръ“, пер. съ нѣм. Петрова, гдѣ содержится наставленіе для добыванія золота и философскаго камня и всѣ темныя правила герметической науки.

Новиковъ развилъ и правильно организовалъ книжную торговлю: открыто было нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ, по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, даже, говорятъ, въ нѣкоторыхъ селахъ; заведена была первая публичная библіотека въ Москвѣ, печатались первыя росписи выходящихъ книгъ.

Но самое важное значеніе имѣло продолженіе журнальной дѣятельности Новикова.

Журналы, издававшіеся Новиковымъ въ Москвѣ, распредѣляются на два отдѣла:

Первый отдѣлъ составляютъ журналы, издававшіеся въ видѣ прибавленія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“; сюда относятся:

1) „Экономическій Магазинъ“ (1780—1789 годы). Въ 1778—1779 г. извѣстный сельскій хозяинъ того времени и авторъ замѣчательныхъ записокъ, Ан. Т. Болотовъ, издавалъ еженедѣльное періодическое изданіе, подъ названіемъ „Сельскій Учитель“, очень распространенное въ средѣ сельскихъ хозяевъ. Такъ какъ Болотовъ долженъ былъ прекратить это изданіе, то Новиковъ уговорилъ его выпускать подъ приведеннымъ заглавіемъ „Экономическіе Листки“, въ видѣ приложенія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

2) „Городская и деревенская библіотека“ (1782—1786 гг.). За исключеніемъ немногихъ оригинальныхъ сочиненій, „Библіотека“ наполнялась переводами, преимущественно повѣстей изъ сочиненій Арнода, Дидерота и другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ то время литераторовъ. Главнымъ сотрудникомъ былъ В. А. Левшинъ, а затѣмъ князья А. и С. Голицыны, Пав. Сумароковъ, Грибовскій, Вас. Протопоповъ, А. Ф. Малиновскій и другія лица, скрывшія свои имена подъ буквами.

3) „Прибавленіе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ (1773—1784 г. не полный), гдѣ помѣщались статьи содержанія педагогическаго, эко-

номическаго и историческаго. Здѣсь помѣщены были статьи, о которыхъ мы уже говорили, большая оригинальная статья о торговлѣ вообще, цѣлый рядъ описаній знатнѣйшихъ городовъ и географическихъ или этнографическихъ статей, статьи по исторіи, естествознанію и проч. Здѣсь же напечатана „Исторія ордена Іезуитовъ", вызвавшая указъ Императрицы, запретившей эту „ругательную статью".

4) „Дѣтское чтеніе для сердца и разума" (1785—1789 гг.). Статьи о воспитаніи, помѣщенныя въ „Прибавленіи къ „Московскимъ Вѣдомостямъ", и заинтересовавшія общество, побудили Новикова приспособить „Прибавленія" преимущественно для воспитателей и юныхъ читателей. Редакцію „Дѣтскаго Чтенія" принялъ на себя Ал. Андр. Петровъ, которому помогалъ другъ его Н. М. Карамзинъ. Содержаніе первыхъ восьми частей „Дѣтскаго Чтенія" весьма разнообразно и занимательно для дѣтскаго чтенія, такъ что эти части долгое время оставались лучшимъ образцомъ дѣтскаго журнала; но послѣдующія части (9—15), состоящія исключительно изъ большихъ переводныхъ повѣстей Карамзина, переходившихъ иногда изъ одной части въ другую, не могли интересовать дѣтей и журналъ измѣнилъ своему назначенію (19).

5. „Магазинъ натуральной исторіи, физики и химіи", подъ редакціей А. А. Прокоповича - Антонскаго, послѣднее приложеніе, выходившее при Новиковѣ, составленное на основаніи трехъ французскихъ словарей: словаря естественной исторіи Бомара, химическаго словаря Маккера и физическаго словаря Сиго де-ла-Фонъ.

Другой отдѣлъ составляютъ отдѣльные журналы Новикова, въ которыхъ, главнымъ образомъ, выразилось направленіе самого Новикова и Шварца. Къ числу этихъ журналовъ принадлежатъ:

1) „Утренній Свѣтъ", продолженіе петербургскаго изданія съ апрѣля по сентябрь 1780 г.; 2) „Московское ежемѣсячное изданіе" 1781 г.; 3) „Вечерняя Заря" 1782 г., издававшаяся М. И. Антоновскимъ, Л. Максимовичемъ, Давыдовскимъ, Брауншвейгомъ, Могилянскимъ, Фабьяномъ, Тимановичемъ, Лабзинымъ и Пельскимъ; 4) „Покоющійся Трудолюбецъ" 1784 г.

Мы видѣли, что еще въ Петербургѣ Новиковъ началъ изданіе „Утренняго Свѣта", гдѣ онъ выступилъ противъ матеріализма, проповѣдуя, съ своей стороны, религіозно-нравственный идеализмъ, съ слабымъ оттѣнкомъ масонства. Этотъ характеръ его дѣятель-

ности вполнѣ созрѣлъ въ Москвѣ. Въ другѣ своемъ Шварцѣ Новиковъ встрѣтилъ единомышленника, обладавшаго серьезною и многостороннею ученостью. Нѣтъ сомнѣнія, что Шварцъ принималъ дѣятельное участіе въ редакціи Новиковскихъ журналовъ: это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что со смертью Шварца въ 1784 г. журнальная дѣятельность Новикова въ Москвѣ прекратилась, хотя невзгода постигла его уже гораздо позже, въ 1787 году. Благодаря участію Шварца, Новиковскіе журналы получили болѣе единства и стройности и воспользовались всѣмъ, что иностранная литература того времени представляла подходящаго въ данномъ направленіи. Чтобы найти рабочую силу, Новиковъ обратился къ молодому поколѣнію: сотрудниками его являются ученики и студенты Московскаго университета и питомцы педагогической и переводческой семинаріи. Въ этомъ случаѣ Новиковъ, какъ мы видѣли, имѣлъ почву уже подготовленную: Херасковъ, при изданіи журналовъ, также пользовался, главнымъ образомъ, сотрудничествомъ студентовъ. Но соединенная педагогическо-литературная дѣятельность Новикова и Шварца оставила несравненно болѣе глубокіе слѣды; ученіе ихъ не только привилось къ молодому поколѣнію и возбудило въ немъ дѣятельность, но и создало запасъ литературныхъ силъ для всей ближайшей эпохи. Изъ числа сотрудниковъ Новикова вышло большинство литературныхъ дѣятелей конца XVIII и первой половины XIX столѣтія. Сотрудниками „Вечерней Зари“ и „Покоющагося Трудолюбца“ поименованы, между прочими: А. Ф. Малиновскій, впослѣдствіи начальникъ московскаго архива; А. М. Максимовичъ, впослѣдствіи профессоръ; А. Ф. Лабзинъ, поэтъ, переводчикъ драматическихъ пьесъ, издатель „Сіонскаго Вѣстника“ и нѣсколькихъ латинскихъ сочиненій; А. А. Антонскій; М. Антоповскій, издававшій журн. „Бесѣдующій Гражданинъ“ въ 1789 г.; Сохацкій и Подшиваловъ, бывшіе непосредственными преемниками Новикова въ московской журналистикѣ; Псіолъ, переводчикъ комедіи „Поединокъ или сила предразсудка“, повѣсти Даббевиля „Ложный похититель Мальтійскаго ордена кавалеръ Даббевиль“ и издатель „Меланхолическихъ вечеровъ“, изъ разныхъ французскихъ писателей; Пельскій, другъ Карамзина, перевелъ „Эрмитажный театръ Екатерины II“ (1801) и безнравственный романъ „Кумъ Матвѣй“ (1803), послѣ смерти его издана книжка стиховъ и прозы („Мое кое-что“, 1803 г.); Благодаровъ, переводчикъ духовно-мисти-

ческихъ и нравоучительныхъ сочиненій и трагедіи „Титъ“, соч. де-Беллуа, авторъ „Полезнаго и увеселительнаго чтенія для юношества“ (1788 г.) и соч. „Егорушка, или человѣкъ, самъ собою довольный“ (1793 г.); Молчановъ, перев. съ французскаго „Неистоваго Роланда“(*). Въ „Московскомъ ежемѣсячномъ изданіи“ принимали участіе: Малиновскій, кн. Ф. Козловскій, Пав. Воейковъ, Мих. Жуковъ, Дм. Серебряковъ, Вас. Еропкинъ, Лавр. Давидовскій, Дм. Рыкачевъ, Андр. Брянцевъ, впослѣдствіи проф. философіи, Ив. Рокотовъ, П. Палязинъ, И. Мещериновъ, Вас. Даниловъ. Переводчиками для „Московскихъ Вѣдомостей“ при Новиковѣ были питомцы университета: Ляхонинъ, Рыкачовъ, Поповъ, Степановъ, Давидовскій, А. Андр. Поповъ и А. Ф. Малиновскій.

Общій характеръ Новиковскаго направленія можно выразить рядомъ слѣдующихъ общеизвѣстныхъ положеній: мысль и вѣра не должны становиться въ противорѣчіе другъ другу; вѣра дополняетъ изысканія ума, умъ поддерживаетъ своими доводами вѣру. Умъ нашъ ограниченъ; гдѣ кончается доступная ему область, тамъ начинается область вѣры. Умъ, или разсудокъ, и вѣра примиряются и сливаются въ человѣческомъ *разумѣ*. Точно такъ же тѣсно и неразрывно связаны умъ и совѣсть. Образованіе ума безъ соотвѣтствующаго нравственнаго развитія не имѣетъ цѣны и можетъ вести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Г. Незеленый замѣчаетъ, что въ этихъ положеніяхъ Новикова, кажется, должно видѣть зародыши той философіи, которая такъ цѣлостно развилась въ новѣйшее время въ сочиненіяхъ Кирѣевскаго и Хомякова („Новиковъ“, стр. 307). Это вѣрно, потому что какъ Новиковъ, такъ и славянофилы свели свои системы къ вышеприведеннымъ общимъ положеніямъ; но дѣло въ томъ, какія посылки составили оба направленія при добываніи своихъ результатовъ и насколько эти посылки сходны, чтобъ установить между ними преемство? Этотъ вопросъ мы постараемся разъяснить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же мы ограничимся замѣчаніемъ, что первый, заговорившій у насъ о Новиковѣ и отдавшій ему должную справедливость, былъ И. В. Кирѣевскій, въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1829 г. (въ альманахѣ „Денница“ 1830). Извѣстно, что Кирѣевскій приготовилъ къ печати, кромѣ того, обширную статью о Новиковѣ, но она была запрещена. Новиковъ въ своихъ журналахъ старался основать свой взглядъ на *психологическихъ данныхъ*, на анализѣ связи души съ тѣломъ,

свойствъ ума, воли, чувствъ и вообще внутреннихъ и внѣшнихъ проявленій человѣческой природы. Такимъ образомъ, пріемъ его былъ правильный; но насколько онъ былъ вѣрно примѣненъ, въ настоящее время мы объяснять не будемъ и ограничимся слѣдующими замѣчаніями. Религіозно-нравственный идеализмъ Новикова давалъ полный просторъ мысли и знанію; онъ не только возставалъ противъ всѣхъ предразсудковъ и невѣжества, но даже въ одной статьѣ („Покоющагося Трудолюбца", ч. IV, стр. 56—73) есть такое мѣсто относительно XVIII вѣка: „О вѣкъ просвѣщеннѣйшій, въ которомъ удалена вся сила мнимой набожности! Всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тебѣ всѣмъ, что ни имѣютъ они священнѣйшаго; твоимъ неусыпнымъ бдѣніемъ всѣмъ возвращена свобода, похищенная пустою набожностью человѣческаго рода; благодаря тебѣ, явилось человѣколюбіе ко всѣмъ, даже и къ иновѣрнымъ, только бы они были честные граждане; твой плодъ есть нынѣшнее распространеніе наукъ, которымъ величайшею препоною было пустосвятство" (Незеленый, стр. 374 и 375). Этой цитаты достаточно, чтобъ указать ту точку зрѣнія, на которой стоялъ Новиковъ въ своей борьбѣ съ матеріализмомъ. Что касается масонскаго оттѣнка въ журналахъ Новикова, то, безъ сомнѣнія, мы его находимъ, но весьма слабый и не выдвигаемый впередъ. Новиковъ все еще относится къ масонству съ сомнѣніемъ: онъ вѣритъ, что масонство скрываетъ какую-то тайну; но какъ скоро эта тайна для него дѣлается явною, онъ самъ же сейчасъ отъ нея открещивается. При этомъ замѣчательна перемѣна, происшедшая въ убѣжденіяхъ Новикова, именно при концѣ его журнальнаго поприща, въ 1784 году и уже послѣ смерти Шварца. Въ первомъ письмѣ Коловіона (Новикова) изъ числа напечатанныхъ А. Н. Пыпинымъ („В. Евр." 1872, № 1, стр. 181—189) Новиковъ говоритъ: „вообще, высокодостойный намѣстникъ, *съ извѣстной вамъ болѣзни моей*, я ощущаю въ себѣ, по милосердію Спасителя, великую перемѣну. Съ сего времени я почитаю новую эпоху въ жизни моей: въ сіе время и съ сего времени столь живо ощутилъ я милосердую десницу Спасителя, исторгшаго меня изъ челюстей ада и изъ когтей сатаны, такъ что, несмотря на то, что, когда я разсматривалъ должности мои и каковымъ быть я долженъ, то туманюсь и мержу собою; но когда взгляну на то, чѣмъ я былъ прежде, то слезы раскаянія и благодарность изливаются. И теперь уже омываю донесеніе мое слезами. Буди вѣчно

хвалимъ, прославляемъ и превозносимъ милосердый спаситель грѣшниковъ, св. орденъ его и наши мудрые и милосердые отцы и высокославные начальники. Вѣрю я и увѣренъ, что ихъ чистыми и непорочными молитвами, въ которыхъ они истинно подражаютъ образу ихъ милосердаго Спасителя, и что они, по божественнымъ словамъ у Св. Павла, яко крѣпкіе носятъ немощи безсильныхъ, ощущаемъ толикія милосердія Божіи“. Подъ именемъ этого освобожденія изъ „челюстей ада и когтей сатаны“ Новиковъ разумѣетъ небреженіе къ обученію братій въ духѣ настоящаго масонства и вообще свою „умственность“. Г. Незеленый совершенно справедливо сближаетъ эти отреченія Новикова съ извѣстною перепиской Гоголя и указываетъ ту страшную, трагическую судьбу, которая доводитъ до отчаянія многихъ лучшихъ представителей нашей литературы въ моментъ полнаго развитія ихъ силъ (стр. 430).

Помимо статей религіознаго, философскаго и нравственнаго содержанія, Новиковъ въ своихъ журналахъ иногда затрогивалъ и общественные вопросы; здѣсь онъ всегда высказывался съ самой гуманной точки зрѣнія. Въ разгаръ военнаго шовинизма Екатерининской эпохи онъ прославлялъ благодѣянія мира; онъ въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ ясно высказывалъ мысль о несправедливости помѣщичьяго права и ярко рисовалъ картину тяжести крестьянской работы и жизнь („Письмо къ другу“. „Трудолюбецъ“, т. IV, стр. 224—230); стоялъ за равноправность мужчинъ и женщинъ въ дѣлѣ образованія; касался вопросовъ о любви, бракѣ, отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ; печаталъ превосходныя статьи противъ поединковъ.. Сатира въ московскихъ журналахъ, потерявъ свой мѣстный колоритъ, потеряла съ тѣмъ вмѣстѣ и живость, и силу; но прежнія ея достоинства воскресли въ нѣкоторыхъ сатирическихъ статьяхъ и послѣдняго періода. Таковы „Наставленія молодому Суетону, вступающему въ свѣтъ“ („Вечерняя Заря“, 70—73), „Новая логика“ („Покоющійся Трудолюбецъ“, т. II, стр. 196—215). Вообще изданія Новикова представляютъ замѣчательную эпоху въ исторіи нашей журналистики. Послѣ Новикова преобладающее мѣсто въ московской журналистикѣ заняли Сохацкій и Подшиваловъ, образовавшіеся въ его школѣ; но это было уже далеко не то: не стало ни многосторонней начитанности Шварца, ни свѣтлаго ума и здраво-гуманныхъ убѣжденій Новикова.

Замѣтимъ въ заключеніе, что въ 1787 году, когда невзгода

уже разразилась надъ Новиковымъ, онъ вспомнилъ прежнее направленіе своей издательской дѣятельности, когда съ такимъ рвеніемъ приступилъ къ обнародованію документовъ для изученія Россіи. Еще въ 1785 году онъ напечаталъ „Краткое историческое повѣствованіе о началѣ родовъ князей Россійскихъ“ кн. М. М. Щербатова. Въ 1787 году онъ напечаталъ „Исторію Скиѳскую“ Лызлова (3 части, изъ которыхъ первая печатана была 1 изд. 1776 года), первую часть перевода „Исторіи Россійской“ Левека и „Родословную книгу князей и дворянъ Россійскихъ и вѣзжихъ“. Въ 1788 году Новиковъ напечаталъ второе, значительно пополненное изданіе „Древней Россійской Вивліофики“, „Дѣянія Петра Великаго“ Голикова и началъ печатаніе „Новаго полнаго географическаго словаря Россійскаго государства“, составленнаго Л. Максимовичемъ (1788—1789). Это была послѣдняя лебединая пѣснь его издательской дѣятельности.

При Новиковѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, „Московскія Вѣдомости“ постоянно выходили съ приложеніями; публика къ нимъ привыкла и ими дорожила. Понятно, что преемникъ Новикова по содержанію Университетской типографіи и изданію „Вѣдомостей“, колл. асс. Свѣтушкинъ, долженъ былъ такъ или иначе выполнять эту обязанность. Литературнаго матеріала у новой редакціи не было налицо и потому она рѣшилась выпускать, въ видѣ особаго приложенія, къ каждому № „Вѣдомостей“ по печатному листу перевода извѣстнаго тогда и выдержавшаго нѣсколько изданій французскаго историко-біографическаго словаря, подъ заглавіемъ: „Словарь историческій, съ пріобщеніемъ къ оному дѣяній и житія великихъ князей и государей всероссійскихъ и прочихъ мужествомъ, подвигами и дарованіями отличившихся ко благоденствію и славѣ монарховъ своихъ и отечества особъ“ (1790—1798 г., 14 частей). Переводъ и дополненіе этого словаря сдѣланы были Вас. Ив. Окороковымъ, помощникомъ архитектора Баженова при строеніи Кремлевскаго дворца и участникомъ въ арендованіи Свѣтушкинымъ Университетской типографіи. Добавленія о русскихъ извѣстныхъ людяхъ не лишены нѣкотораго значенія, такъ какъ приводятся свѣдѣнія о многихъ малоизвѣстныхъ писателяхъ того времени, хотя, говоря вообще, эти свѣдѣнія весьма кратки и неполны.

Вскорѣ Свѣтушкинъ и Окороковъ предприняли изданіе журнала подъ названіемъ: „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій“ (12

книж. въ Универс. тип. у Окорокова 1791 г.). Журналъ этотъ, по намѣренію самихъ издателей, долженъ былъ „непосредственно столько же служить для разума, сколько продолженіемъ „Покоющагося Трудолюбца" (VII, 99).

Журналъ въ продолженіе перваго года своего существанія не имѣлъ особаго редактора, а заправлялъ имъ В. И. Окороковъ, бывшій неоффиціальнымъ издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей" и приложеній къ нимъ. Со втораго же года журналъ перешелъ подъ редакцію В. С. Подшивалова (подпись В.) ([21]). Стихотворная часть въ этомъ журналѣ незначительна и очень слаба. Изъ извѣстныхъ въ свое время стихотворцевъ тамъ помѣщали: кн. Гагаринъ (К. П. Г.), Нелединскій-Мелецкій (Ю. Н. М. одну пѣсню, ч. VIII, стр. 195), Скворцовъ (А. С.), Лабзинъ (А. Л—нъ), кн. Ег. Циціановъ, Ник. Муравьевъ („Лизино убранство"), Подшиваловъ (В.), А. Лопухинъ, Мерзляковъ, помѣстившій двѣ эпиграммы и одну пѣсню („Взвейся выше, понесися"). Кромѣ того, тамъ же помѣщена пѣсня „Несчастной дѣвицы" (X, 482), замѣчательная по простотѣ и искренности чувства. Мерзляковъ помѣстилъ, кромѣ того, единственную выдающуюся оригинальную статью „О лирическомъ стихотворствѣ" (I, 278), гдѣ излагаются правила перевода на русскій языкъ классиковъ и характеристики нѣкоторыхъ изъ греческихъ поэтовъ. Нѣтъ прямыхъ указаній, но можно предположить съ нѣкоторою достовѣрностью, судя по слогу и содержанію, что ему же принадлежатъ двѣ другія статьи: „Вліяніе правовъ на чувствованіе изящности" (IV, 181) и „Отрывокъ о слогѣ" (тамъ же, 372). Прозаическая часть почти исключительно состоитъ изъ переводовъ или извлеченій, хотя это не вездѣ указано или нѣтъ ссылки на оригиналъ. Изъ лицъ извѣстныхъ переводами или составленіемъ мелкихъ и неважныхъ подражаній, кромѣ самого редактора и его жены, занимались Петровъ, Лопухинъ, Осиповъ, А. Дашковъ, Аверинъ, Савинъ и Вышеславцевъ; но бо́льшею частью переводами занимались студенты университета подъ руководствомъ редакторовъ.

Вообще московскіе журналы Сохацкаго и Подшивалова имѣютъ характеръ изданій преимущественно переводныхъ; по разнообразію авторовъ и количеству помѣщенныхъ въ нихъ переводныхъ отрывковъ съ ними не можетъ сравниться ни одинъ изъ журналовъ XVIII вѣка. Переводы эти не только не имѣютъ никакого опредѣленнаго направленія, но даже никакой внѣшней системы;

каждый переводчикъ руководился собственнымъ выборомъ и его переводъ или передѣлка, безъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній, помѣщались редакціей, лишь бы они изложены были сколько-нибудь сноснымъ языкомъ. Отрывки изъ первоклассныхъ писателей такъ коротки и такъ неудачно выбраны, что не даютъ о нихъ никакого понятія; преимущественно помѣщались второклассные авторы, пользовавшіеся значительнымъ успѣхомъ въ свое время и на ряду съ ними вовсе не замѣчательные и теперь забытые. Въ первыхъ книжкахъ самое видное мѣсто занимаютъ переводныя, такъ называемыя восточныя повѣсти: „Баркасъ", восточная повѣсть; „Видѣніе дервиша Алмета"; „Царская вдова"; „Можетъ ли быть пріятна божеству жизнь безполезная человѣческому обществу", восточная повѣсть; „Галебъ"; „Асенефа"; „Калифъ и дервишъ"; „Геманъ". Потомъ переводное направленіе нѣсколько опредѣлилось. Особенно понравился читающей публикѣ Мейснеръ, котораго значеніе въ нашей переводной литературѣ XVIII столѣтія весьма важно, ибо переводы изъ него мы встрѣчаемъ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ того времени. Редакція говоритъ, что Мейснеръ такъ полюбился многимъ, что „мы, побуждаемы будучи искреннимъ желаніемъ угодить публикѣ, почли за пріятную для себя обязанность преимущественно заняться симъ авторомъ. Слѣдующій (десятый) томъ по числу, а можетъ быть и остальные, по большей части будутъ наполнены его сочиненіями" (IX, 296). Мейснеръ (1753—1807 гг.) былъ въ 1785 г. профессоромъ эстетики и классической литературы въ Прагѣ, писалъ оперетки, комедіи и въ особенности прославился своими историческими разсказами и романами, въ которыхъ требовалась только извѣстная пылкость воображенія и способность къ разнообразію, но не вѣрность характеровъ и условій изображаемой эпохи. Многіе изъ историческихъ разсказовъ и романовъ Мейснера выдержали по нѣскольку переводовъ на французскій языкъ. Изъ Мейснера помѣщены: „Послѣдняя ночь архіепископа Краммера"; „Мелаева Собака"; „Біанка Капелло"; „Художникъ съ сыномъ"; „Твореніе любви"; „Маскарадъ"; „Эмилія и Леонора"; „Густавъ Линдау"; „Діего де Кампенаресъ"; „Путь къ маршальскому достоинству"; нѣсколько отрывковъ изъ Алкивіада; отрывки изъ „Криминальныхъ бумагъ"; нѣсколько прозаическихъ его басенъ (подражаніе Даг. Гольцману). Другой писатель, давшій значительный матеріалъ для перевода, былъ Арно. О немъ редакція

говоритъ: „Арнодъ не меньше, когда еще не болѣе Мейснера, пріобрѣлъ славы и уваженія въ своемъ отечествѣ. Минуты его отдохновенія, минуты чувствительнаго человѣка (délassements de l'homme sensible) написаны съ такою же живостью, какъ и чистою моралію" (XI, 135). Арно (Fr. Baculard d'Arnaud, 1718—1805 г.), одно время жившій при дворѣ Фридриха Великаго, называвшаго его вторымъ Вольтеромъ, былъ въ свое время очень плодовитый, но теперь совершенно забытый писатель, сочиненія котораго носятъ печать меланхолическаго, подчасъ мрачнаго сантиментализма. У насъ Арно пользовался большимъ значеніемъ. Существовало даже особое періодическое изданіе, посвященное переводамъ изъ Арно, подъ заглавіемъ „Сокращенности достопамятныхъ происшествій", изъ сочиненія Г. д'Арно, названное имъ „Чтеніе по сердцу человѣка чувствительнаго" (délassements d'un coeur sensible) изданнаго въ 1786 г.; оно выходило ежемѣсячно по книжкѣ, съ значительными перерывами, въ теченіе 1794—1796 гг. Имя переводчика неизвѣстно. Романы и повѣсти Арно почти всѣ переведены въ концѣ XVIII столѣтія на русскій языкъ и изданы отдѣльно. Изъ Арно переведено въ нашемъ журналѣ нѣсколько мелкихъ вещей, вродѣ, напримѣръ: „Прогулка шаха Аббаса", „Альфредъ Великій", „Исповѣдь одного свѣтскаго человѣка", „Важное чтеніе для молодыхъ дѣвицъ", „Добрый человѣкъ", „Слѣдствіе опытности или самая лучшая книга" и проч.

Затѣмъ большое впечатлѣніе произвелъ на публику переводъ „Павла и Виргиніи" аббата Бернардина де Сентъ-Пьера, сдѣланный женою Подшивалова, такъ что редакція сочла за нужное помѣстить изъ Бомарова „Лексикона натуральной исторіи" описаніе растеній и птицъ, встрѣчающихся въ этомъ сочиненіи. Далѣе помѣщены изъ извѣстнаго нѣмецкаго педагога и писателя для юношества Кампе (1746—1818 г.), Описаніе путешествія англійскаго командора Бирона (1764—1766 г.): „Печальныя приключенія г-жи Годенъ на пути изъ Ріо-Бамбы чрезъ Амазонскую землю", „Примѣръ жестокости индійцевъ" (изъ его „Sammlung interessanten Reisebeschreilungen für die Jugend" 1785 — 1793); изъ Мармонтеля, о которомъ редакція выражается, какъ „о добромъ старикѣ, еще продолжающемъ украшать литературу", „Еленинъ треножникъ" и „Заблужденія добродушнаго отца"; изъ Флоріана (1758—1794 г.): „Испанская вечеринка"; „Геро и Леандръ", лирическій монологъ;

„Минонъ“, греческая повѣсть; изъ Мерсье (1740—1814): „О любви“; отрывокъ изъ путешествія Верна, котораго соотечественники величали французскимъ Стерномъ („Le voyageur sentimental ou ma promenade à Iwerdun, 1781 г., Le voyageur sentimental en France sons Robespierre“); изъ Кардинала Берни: „Разсужденіе о пріятностяхъ сельскихъ“ (²¹).

Для поясненія сообщаемъ нѣсколько свѣдѣній о менѣе извѣстныхъ писателяхъ. Мерсье (L. S. Mercier, 1740—1814 г.), въ своемъ „Essai sur l'art dramatique“, возставалъ противъ классической драмы, называя Расина и Буало „зачумленными въ литературѣ“. Своею извѣстностью онъ обязанъ театральнымъ пьесамъ, изъ которыхъ имѣли болѣе всего успѣхъ „l'habitant de Guadeloupe“, „le Desarteur“, „la brouette du vinaigrier“. Мерсье принималъ дѣятельное участіе въ революціи и написалъ извѣстные „Очерки Парижа“ („Tableau de Paris“), съ точки зрѣнія морально-юмористической, имѣвшіе большой успѣхъ не только во Франціи, но и въ Германіи. Кардиналъ де Берни (Pierre de Bernis, 1715—1724 г.) былъ одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ дипломатовъ и писалъ мелкія сочиненія прозою и стихами, въ томъ числѣ поэму „De la religion“. Англійская и нѣмецкая литературы были слабо представлены въ этомъ журналѣ. Изъ нѣмецкой литературы помѣщенъ отрывокъ графини Штольбергъ, сестры извѣстныхъ лириковъ братьевъ гр. Штольбергъ изъ кружка геттенгинскихъ бардовъ (видѣніе) и отрывокъ изъ Гартига (Graf F. A. de Hartig, 1758—1797 г.), который былъ чешскій литераторъ, писавшій бо̀льшею частью по-французски. Переводный отрывокъ заимствованъ изъ самаго извѣстнаго его сочиненія „Essai sur les avantages, que retirent les femmes de la culture des sciences et des lettres“, 1757 г. Далѣе помѣщенъ отрывокъ изъ Шиллеровой „Таліи“ („Царица любви и черныя сестры“) безъ окончанія, причемъ редакція замѣтила, что „Шиллеръ, прославившійся своими драматическими сочиненіями, почитается теперь въ числѣ первыхъ нѣмецкихъ писателей“. Изъ англійской литературы встрѣчаются отрывки изъ Томсоновой поэмы „Времена года“, этого высшаго образца въ XVIII столѣтіи описательной поэзіи, гдѣ рисуются напоминающія живопись картины природы и среди нея человѣкъ, для оживленія пейзажа, но не въ смыслѣ дѣйствующаго лица. Кромѣ того, есть переводъ прозою и стихами изъ Мак-

ферсоновой подделки, изданной подъ именемъ Оссіана, надѣлавшей столько шуму во всей Европѣ и оказавшей вліяніе на литературы всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, не исключая и нашей. Наконецъ, помѣщены переводы балетовъ: „Александръ и Кампана, или побѣда Александра надъ самимъ собой" г. Ноффре, „Сципіонъ", героическій пантомимъ-балетъ, отрывокъ изъ сочиненія Антона Валя (псевдонимъ Гейне?), имени котораго я не могъ найти ни въ одномъ словарѣ; изъ книги „Litteratura Turchesa" Тодерини, Венеція 1787 г. (Извѣстіе о турецкой литературѣ); изъ натуральной исторіи аббата Ришарда (о выборѣ пищи, о вліяніи климата на жителей). Наконецъ, статьи, заимствованныя изъ различныхъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ изданій: „Spectator" Стиля и Адисона, „Varietés literaires" итальянскаго изданія „Кофейный домъ", ручной Лейденской библіотеки, „Mannigfaltigkeiten", „Neues Deutsches Museum", „Дамской библіотеки" и проч. Изъ оригинальныхъ статей помѣщены: „Опытъ вещественнаго Россійскаго словаря" (II, 275), довольно остроумный; въ книжкѣ IV есть особое приложеніе, гдѣ подъ именемъ „Нравоучительныхъ писемъ" сдѣлана была единственная попытка поднять вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ окружающей средѣ. Мы уже видѣли, какъ серьезно Новиковскія изданія смотрѣли на воспитаніе. Въ одномъ изъ писемъ разсказывается случай, какъ одинъ отецъ вылечилъ отъ упрямства своего трехлѣтняго сына тѣмъ, что водилъ его въ лѣсъ, гдѣ охотникъ нарочно при немъ пріучалъ побоями къ повиновенію собаку и на третій день, подъ предлогомъ неисправимаго упрямства, застрѣлилъ. Правда, приведено возраженіе, что такая система можетъ скорѣе ожесточить, но не исправить ребенка; но возраженіе довольно слабо и, во всякомъ случаѣ, рецептъ,—даже если смотрѣть на него съ отрицательной стороны,—очень оригиналенъ. Насколько журналъ понизился въ серьезныхъ статьяхъ, видно изъ слѣдующаго приступа въ статьѣ „О страстяхъ": „Я не намѣренъ приводить въ замѣшательство или обременять читателей метафизическимъ объясненіемъ оныхъ, ниже стараться открыть, какъ онѣ въ душѣ изображаются или изъ какихъ онѣ причинъ или связей происходятъ; но разсмаривать буду нѣкоторыя изъ нихъ, обыкновеннѣйшія или опаснѣйшія, какъ онѣ вообще при человѣческой природѣ встрѣчаются" (III, 107). Вообще журналъ не только не былъ продолженіемъ Новиковскихъ изданій, но онъ не имѣлъ никакого

направленія и никого примѣненія въ Россіи; онъ почти сплошь наполнялся переводною и, притомъ, самою пустою беллетристикой въ формѣ повѣстей, сказокъ, анекдотовъ и проч.,—съ „пріятной моралью". Наполнялся, повидимому, журналъ совершенно случайно: такъ, въ III книжкѣ явился переводчикъ съ англійскаго и нѣмецкаго В. К. и занялъ цѣлый отдѣлъ (стр. 242—330), помѣщая мелкія статьи, неизвѣстно откуда заимствованныя и не представляющія никакого интереса. Публика, по признанію самой редакціи, была недовольна такимъ направленіемъ журнала. Въ XI книжкѣ, между прочимъ, говорится: „Нѣкоторые изъ читателей нашихъ говорили, для чего мы помѣщаемъ сказки? Но мы думаемъ, что худыхъ только вносить не надобно, а такія, которыя содержатъ вѣрное изображеніе общежитія, полезны и нужны. Впрочемъ, въ удовольствіе сихъ читателей, въ слѣдъ за нѣкоторыми анекдотами, мы пустимъ нѣсколько важнѣйшихъ матерій". Оканчивая журналъ, редакція дѣлаетъ такое заявленіе въ послѣдней книжкѣ (XII, 246—249): „Вообще, при выдаваніи чтенія, намъ дѣланы были слѣдующія поправки: 1) для чего данъ такой пышный титулъ, 2) для чего мало мы помѣщали важныхъ матерій, 3) для чего сообщали иногда очень длинные и, наконецъ, 4) для чего въ изданіи „Для вкуса, разума и чувствованій "мало находится сочиненій. Вотъ оправданіе. Титулъ былъ данъ первымъ четыремъ частямъ „Чтенія", въ которыхъ мы хотя и участвовали, однако же вѣдованіе оныхъ не отъ насъ зависѣло. Недостатокъ въ важныхъ матеріалахъ происходилъ отъ того, что мы писали не для однихъ стариковъ и ученыхъ. На многоглавую публику угодить трудно. Одни желали строгой философіи и мозголовныхъ наблюденій; другіе — пріятной морали, сказокъ, анекдотовъ, повѣстей. Для чего сообщали мы иногда піэсы очень длинныя? Отвѣтъ: аглинской „Спектаторъ" одинъ въ своемъ родѣ, да и въ томъ нерѣдко прерывались матеріи. Гдѣ взять на 104 или на 105 листовъ въ годъ небольшихъ сочиненій? Да и гдѣ лучше хорошій писатель, каковыхъ мы *иногда* переводили, можетъ показать свои таланты, свою неутомимость, свой жаръ, какъ не въ обширныхъ сочиненіяхъ? Что касается, наконецъ, до сихъ сочиненій, *то мы ихъ мало получали, а самимъ намъ заниматься ими многія препятствовали причины.* Сочиненія вообще требуютъ много времени, требуютъ зрѣлости въ литературѣ, до которой мы еще не достигли. И такъ, хорошій переводъ до

извѣстнаго времени можетъ быть лучше всякаго сочиненія нашего" ([23]).

За вышеприведеннымъ журналомъ слѣдовало непосредственно: „Пріятное и полезное препровожденіе времени" (1794—1798 гг., 20 частей, въ типографіи Ридигера и Клауде); редакторами были Подшиваловъ и Сохацкій, а за послѣдній годъ одинъ Сохацкій. Изъ всего ряда изданій настоящей редакціи это былъ самый блестящій журналъ. Увѣдомляя объ этомъ изданіи въ послѣдней книжкѣ „Чтенія для вкуса", редакція заявляетъ: „кажется, что сіе названіе довольно просто; и такъ, мы присовокупимъ только увѣренія, что будемъ въ немъ, можетъ быть, помѣщать больше сочиненій, можетъ быть, больше *краткихъ* и важныхъ піэсъ, наблюдая вообще какъ въ силѣ, такъ и въ выборѣ оныхъ большую разборчивость". Стихотворный отдѣлъ былъ очень обширенъ и въ немъ принимали участіе извѣстнѣйшіе изъ тогдашнихъ поэтовъ: Державинъ, помѣстившій два стихотворенія (стихи на кончину В. К. Ольги Павловны и „Спящую Нину"), Мерзляковъ, Дмитріевъ, кн. Шаликовъ, В. Л. Пушкинъ, Ерм. Костровъ (стихи на день рожденія Д. И. Х.), Шатровъ (на смерть Кострова), кн. В. М. Долгорукій (на кончину Шувалова), Воейковъ, В. Нарѣжный. За ними слѣдовала цѣлая масса менѣе извѣстныхъ: кн. П. Гагаринъ, Ал. Аргамаковъ, М. Магницкій, Ал. Ханенко, Ал. Лабзинъ, Д. Вельяшевъ-Волынцевъ, кн. Гр. Хованскій, Ив. Kованько, Даурецъ Монохонъ, Пав. Соковнинъ, Панкр. Сумароковъ, А. Княжнинъ, Эвг. Люценко, Ал. Лопухинъ, Д. Кавелинъ, Котельницкій, Яценко, П. Кайсаровъ, М. Кайсаровъ, кн. Ал. Черкасскій, П. Сохацкій (на коронованіе Импер. Павла I), Андр. Максимовичъ, В. Жуковъ, Я. Дунинъ-Барковскій, кн. Сибирскій, Якубовичъ, Тимковскій, кн. П. Козловскій, С. Родзянка и нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ. Въ числѣ этихъ поэтовъ замѣчательную личность представляетъ Даурецъ Монохонъ. Настоящая фамилія его была Смирновъ; онъ былъ вольноотпущенный кн. Голицына, воспитанъ его сыномъ, зналъ прекрасно французскій языкъ, занимался литературой и посылалъ статьи въ журналъ, подписываясь псевдонимомъ Даурецъ Монохонъ (по-монгольски смирный). Смирновъ былъ сосланъ въ Тобольскъ при Екатеринѣ за сдѣланный имъ фальшивый вексель въ 20,000 р.; Екатерина писала о немъ губернатору Чичерину: „посылаю тебѣ птицу; держи его въ ежовыхъ рукавицахъ". За-

мѣчательно, какое участіе принимали въ этомъ журналѣ дамы. Въ качествѣ поэтовъ участвуютъ: Анна Турчанинова, кн. Ал. Шаликова, М. Обрютина, Н. Магницкая, А. Магницкая, Н. С—на, К—на, С. В—а и др.; въ качествѣ переводчицъ: кн. Е. Щербатова, кн. Нат. Оболенская, М. Боске, Матрена Неронова, Кологривова, Е. Баскакова, Е. Масалова, Е. Титова и др. Число оригинальныхъ статей значительно болѣе, но статьи эти не представляютъ ничего серьезнаго; это или неумѣлыя подражанія, или высокопарный наборъ словъ въ сантиментально-возвышенномъ тонѣ. Самымъ щедрымъ поставщикомъ оригинальныхъ статей былъ П. Ю. Львовъ, воспитанникъ московскаго благороднаго пансіона, членъ Россійской академіи и Бесѣды любителей русскаго слова (21). Это былъ самый плодовитый послѣдователь Шишкова, котораго часто осмѣивалъ журналъ Крылова „Зритель“ подъ именемъ „Антиричардсона“. Онъ пробовалъ себя во всѣхъ родахъ: писалъ и славянскія пѣсни въ подражаніе Вейсу, и оригинальныя русскія повѣсти, и идилліи въ подражаніе древнимъ и новымъ поэтамъ, и восточныя сказки, и историческіе разсказы, но все это запечатлѣно было глубокою бездарностью и ничѣмъ не оправдываемою претензіей. Львовъ отлично охарактеризованъ въ сатирическомъ стихотвореніи „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ (Лонгиновъ, „Совр.“ 1857, № 5, стр. 66):

«Я сочинялъ для дамъ
Памелу русскую, воздвигнулъ Славѣ храмъ,
Надутымъ слогомъ, пухлымъ, дикимъ,
Писалъ похвальныя слова мужамъ великимъ,—
Предлинныя слова въ шесть, семь слоговъ ковалъ
И въ Академію Россійскую попалъ.
За рѣчь послѣднюю я получилъ медаль
Округло-плоскую, златую».

Послѣ него, не много, впрочемъ, отъ него отличаясь, наполняли журналъ своими статьями В. Нарѣжный, Шаликовъ, кн. Сибирскій, Покровскій (подъ псевдонимомъ „Философъ горы Алаунской“), Приклонскій и авторъ, обозначавшій свои произведенія буквою И., подобно Львову, писавшій во всевозможныхъ родахъ. Въ числѣ авторовъ оригинальныхъ статей попадаются: Дашковъ („Осеннее утро“), Фед. Уваровъ („Сновидѣніе“), Яценко, С. Порошинъ. Изъ числа извѣстныхъ авторовъ помѣщены: Богдановича—„Письмо

къ дѣвицѣ Ф. о россійскомъ стопосложеніи"; Жуковскаго: „Мысли при гробницѣ", пансіонское его сочиненіе (XVI, 106), „Миръ и война" (XX, 259), „Жизнь и источникъ" (280) и стихотворенія „Добродѣтель" (XVIII, 153) и „Майское утро" (XVI, 286); Крылова, подъ псевдонимомъ „Нави Волыркъ", „Несчастный Менесъ или примѣръ сыновней любви къ матерямъ", переводъ съ итальянскаго. Въ журналѣ этомъ принималъ участіе и Карамзинъ, но онъ не подписывалъ своихъ статей. Изъ оригинальныхъ статей замѣчательнѣе другихъ: „Нѣсколько писемъ моего друга", „Мѣдь звенящая" Яценки и „Философическія бредни" П. Б. Въ „Письмахъ моего друга" разсказывается разлука съ его любезною Амаліею и, между прочимъ, описывается жизнь въ деревнѣ; тамъ авторъ встрѣтилъ во время прогулки играющихъ крестьянскихъ дѣтей, которыя сейчасъ же, увидя барина, прекратили свою игру. По этому случаю авторъ предается слѣдующимъ размышленіямъ: „Видно сильные не всегда бываютъ добры. Вмѣсто того, чтобы умножить свое веселіе весельемъ подчиненныхъ, они стараются ограничивать ихъ радости, желая чтобы тѣмъ ихъ почитали. Но не лучше ли заставить любить себя, нежели принудить почитать? Или имъ несносно смотрѣть на веселыя творенія, когда и посреди всей пышности они не могутъ найти истиннаго удовольствія? Зачѣмъ означать власть свою надменною важностью, суровыми словами и жестокосердіемъ?" (IV, 148 и 149). Затѣмъ разсказывается сцена пожертвованія младшаго брата, изъявившаго желаніе охотой идти въ рекруты за старшаго, — сцена, во время которой авторъ, „растерзанный свидѣтель его великодушія, смѣшивалъ радостныя и вмѣстѣ печальныя слезы съ слезами смятеннаго семейства" и думалъ: „для чего бы не жить американцу и европейцу, негру и бѣлому въ любви и мирѣ? О, люди, люди!" Въ статьѣ Яценко помѣщенъ разсказъ крестьянина и дворецкаго, какъ послѣ благодѣтельнаго отца-помѣщика сынъ совершенно разорилъ крестьянъ и съ одного семейства вытребовалъ 10,000 руб., грозя брата и сына отдать въ солдаты. Въ „Философическихъ бредняхъ" описывается жалкое положеніе семейной жизни, гдѣ жена не обращаетъ вниманія на мужа и проводитъ жизнь въ праздной разсѣянности; въ заключеніе авторъ говоритъ: „Согласитесь, что я сдѣлалъ великую глупость, купивъ за все мое имѣнье жену, которую едва вижу, говорящую со мною только о своихъ долгахъ и усмѣха-

ющуюся мнѣ только тогда, какъ увидитъ руки мои, протянутыя къ ней съ золотомъ. Если когда-нибудь разорюсь, то какъ скученъ и глупъ буду ей казаться! А что всего болѣе мнѣ досадно, то всѣ говорятъ мнѣ, что у меня прекрасная жена и что я счастливѣйшій въ свѣтѣ изъ мужей. Счастливѣйшій развѣ потому только, что имѣю счастье платить ея долги" (XIX, 429).

Въ IV части, между прочимъ, заявлено: „Нѣкоторое число молодыхъ людей, отчасти соединенныхъ родствомъ, а отчасти дружбою, намѣревались издать особенный журналъ и посвятить его прекрасному полу, взявъ пастушескія имена по начальнымъ буквамъ настоящихъ именъ своихъ, какъ, напримѣръ, Аркасъ, Дафнисъ, Палемонъ и проч., и составивъ посвященіе изъ куплетовъ отъ каждаго пастуха" (IV, 363 прилож.) Журналъ не состоялся и потому въ настоящемъ изданіи помѣщены приготовленныя для него произведенія: „Скрывшійся Амуръ", „Прологъ пастушеской драмы Аминтъ", „Пастушеская повѣсть Аминтъ". Замѣчательно, что въ нѣсколькихъ статьяхъ высказывается, въ формѣ очень напыщенной и сантиментально-пасторальной, предпочтеніе спокойной и простой деревенской жизни. Въ видѣ критическаго опыта, М. Бекаревичъ помѣстилъ „Нѣчто о Ломоносовѣ", что возбудило полемику, „Рецензію на нѣчто о Ломоносовѣ" доброжелателя россійской литературы и „Отвѣтъ на рецензію" доброжелателя доброжелателю русской литературы. „Нѣчто" Бекаревича заключаетъ въ себѣ одинъ только напыщенный и голословный панегирикъ Ломоносову; что же касается доброжелателей, то они подняли громкій, но пустой и ничтожный споръ о словахъ: напримѣръ, можно ли выразиться: „жадность къ просвѣщенію, такъ какъ слово „жадность" обозначаетъ чувство грубое и низкое" и т. п. Анд. Тургеневъ помѣстилъ переводныя съ нѣмецкаго статьи объ изящномъ, а Котельницкій недурную статью: „Гораціевы оды". Впрочемъ, по исторіи литературы только и есть замѣчательнаго, что переводы изъ дополненій къ Зульцеровой „Теоріи изящныхъ наукъ и художествъ", изданн. въ Германіи обществомъ ученыхъ. Оттуда переведены: „Краткая исторія греческой поэзіи" (VI, 149), „Нѣчто о романахъ" (VI, 202), „Краткая исторія римской поэзіи" (VII, 336). Къ этому же разряду относятся отрывки изъ Армстронга (1771—1797 г.), шотландскаго поэта и политическаго писателя, бывшаго, въ то же время, сотрудникомъ въ

разныхъ журналахъ („О вкусѣ") и Рич. Стиля, извѣстнаго англійскаго издателя журналовъ („О свойствѣ идиллій", вольный переводъ).

Въ журналѣ встрѣчаются описанія нѣкоторыхъ странъ и народовъ: такъ, помѣщены извѣстія объ островѣ Св. Елены, Мароккскомъ и Фецкомъ государствахъ и др. Есть оригинальныя статьи въ этомъ же родѣ: „Записка о Молдавіи" отъ бывшаго очевидца въ послѣднюю войну В. М. и „Россіянинъ въ Англіи"—простое и чисто-внѣшнее, но не лишенное интереса и наблюдательности описаніе пребыванія тамъ автора. Но, все-таки, главное содержаніе журнала заключается въ переводной части, гдѣ въ числѣ переводчиковъ встрѣчаются болѣе или менѣе извѣстныя въ свое время имена: Вельяминовъ-Зерновъ, Вельяшевъ - Волынцевъ, Вышеславцевъ, Десницкій, Ибрагимовъ, Петровъ, Пельскій, Тимковскій и другіе.

Переводная литература отличается большимъ разнообразіемъ; но заявленное публикою требованіе краткости испортило все дѣло: незначительные отрывки, выдернутые изъ различныхъ авторовъ, не даютъ никакого о нихъ понятія. На первомъ планѣ встрѣчаются тѣ же авторы, что и въ предъидущемъ журналѣ: Мейснеръ (Султанъ Массуди, анекдоты изъ жизни Нуширвановой, Кузана, Вивонъ и Рюйтеръ, Эццелинъ—желѣзная рука и мн. др.), Арно („Влюбленный англичанинъ" и др.), Бернардинъ де-сентъ-Пьеръ (отрывки изъ étude de la nature, „Индійской хижины", „Аркадіи" и пр.), Флоріанъ („Лаокадія", „Камирей" и лучшія его повѣсти, „Галатея" и два отрывка изъ „Естеллы"), Кампе (извѣстіе о небольшомъ путешествіи г. Кампе въ Висмаръ), Мерсье („Нантуанское озеро", „Сокровище", „Дружба", „Жрица истины" и мн. др.). Кромѣ того, изъ французскихъ авторовъ помѣщены: Жанъ-Жакъ-Руссо (о самоубійствѣ), г-жа де-Жанлисъ („Памела или пріемышъ"), Беркень, Доратъ, г-жа Монтекло, Леонардъ, Монтескье (о вкусѣ, пріятность порядка и разнообразія), г-жа де-ла-Фиттъ („Маленькая королева"). Для ясности прибавляемъ краткія замѣтки о менѣе извѣстныхъ авторахъ.

Жанлисъ (Fel. comt. de Genlis, 1746—1830 г.) пріобрѣла извѣстность своимъ сочиненіемъ „Adel et Théodore ou lettre sur l'education" (1782 г.); вскорѣ затѣмъ графиня сдѣлалась ярою противницей философскаго направленія и свободы совѣсти, и въ 1787 г. напечатала свое сочиненіе „Религія, разсматриваемая какъ единственное основаніе счастья и истинной философіи". Въ

1793 г. она, вмѣстѣ съ Орлеанскою фамиліей, оставила Францію, была выгнана изъ Берлина, скиталась по Европѣ и въ это время начала свою карьеру писательницы романовъ („Матери-соперницы", „Маленькіе эмигранты", „Маленькій Лабрюйеръ" и проч.), которую она значительно расширила по возвращеніи во Францію въ 1800 г., гдѣ и поступила подъ покровительство Наполеона. Въ концѣ XVIII и началѣ XX в. Жанлисъ была любимою писательницей: почти всѣ ея комедіи и романы изданы на русскомъ языкѣ. Арн. Беркенъ (Berquin, 1749—1791 г.), кромѣ идиллій, романа „Sandfort et Merton" и мелкихъ вещей, издавалъ „Bibliotheque des villages" p. 1790 и главную славу пріобрѣлъ дѣтскою книгой „Amides enfants", въ подражаніе Вейссу, получившею въ 1784 г. награду отъ академіи. Доратъ (Dorat, 1734—1780 г.), очень плодовитый французскій поэтъ, написавшій массу произведеній такъ называемой легкой поэзіи и нѣсколько театральныхъ піесъ, отличающихся сухостью и совершеннымъ отсутствіемъ чувства. Леонардъ (N. G. Leonard, 1774—1793 г.), французскій поэтъ и романистъ, написалъ нравственныя идилліи въ подражаніе Геснеру и нелишенные таланта два романа: „Новая Клементина или письма Генріетты Бельвиль" (1774 г.) и письма двухъ влюбленныхъ, жившихъ въ Лондонѣ, содержащія трагическую исторію Терезы и Фальдони, 1783 г. Лафитъ (M. E. Bouée, dame de Lafite, 1750 — 1794) издала, между прочимъ, „Разговоры, драмы и нравственныя сказки, предназначенныя для воспитанія юношества" (1781 и 1783 г., имѣли нѣсколько изданій), откуда и заимствованъ отрывокъ въ переводѣ. О г-жѣ Монтекло свѣдѣній я не нашелъ. Гораздо полнѣе въ этомъ журналѣ представлена англійская литература. Такъ мы встрѣчаемъ отрывки изъ Попе („Лѣто или Алексисъ"); Джонсона („Сновидѣніе"); Софіи Ли (Miss Sohpie Lee, 1751—1824 г.), писательницы нѣсколькихъ слабыхъ романовъ (наиболѣе извѣстны „The young Lady's Tale" и „The Clergymen's Tale") и драматическихъ піесъ, имѣвшихъ нѣкоторый интересъ; Стерна и Юнга („Духъ Юнговъ"). Стернъ, какъ видно, возбуждалъ большое сочувствіе въ тогдашней читающей публикѣ. Редакція помѣстила не только отрывки изъ „Тристрама Шанди" и „Сантиментальнаго путешествія", но и извлеченія изъ подражателей Стерну. Такъ, есть извлеченіе изъ nouveau voyage sentimental par M. de Goriy, sous le nom de Jorik, voyage sentimentla

des entants, voyage sentimental en France, цѣлый рядъ переводовъ изъ извѣстнаго, довольно талантливаго подражанія Стерну „Lettres sur l'Italie“ par M. de Paty. Переводъ отрывка изъ „Новаго Іорика“ въ настоящемъ журналѣ сопровождается такимъ замѣчаніемъ: „*Безподобный* Стернъ! ты произвелъ многихъ подражателей, которые и чрезъ то уже имѣютъ въ глазахъ моихъ великую цѣну, что *тебѣ* подражали“. По всей вѣроятности, изъ тогдашняго расположенія къ Стерну Карамзинъ, еще до своего путешествія, вынесъ свое къ нему сочувствіе и написалъ „Письма русскаго путешественника“ подъ его вліяніемъ. Религіозно-унылая поэзія Йона играла большую роль еще въ Новиковскихъ журналахъ и статьи подъ заглавіемъ „Духъ Юнговъ“ встрѣчаются не разъ какъ въ этомъ, такъ и въ послѣдующихъ новременныхъ изданіяхъ Сохацкаго и Подшивалова. Въ настоящемъ журналѣ помѣщено русское подражаніе одной изъ Йоновыхъ ночей Шалимова. Въ первый разъ въ московской журналистикѣ встрѣчается „Судъ о Шакспирѣ“, заимствованный изъ жизни его, приложенной къ французскому переводу его сочиненій, и отдѣльно „Жизнь Шакспирова“. Но всего болѣе настоящій журналъ знакомитъ съ Германскою литературой. Германская литература въ общемъ ходѣ своего развитія имѣетъ много сходства съ нашею, что и понятно, такъ какъ она также позднѣе вступила въ міровой литературный обмѣнъ. Конецъ XVII столѣтія отмѣченъ въ литературѣ и жизни Германіи распространеніемъ французскаго вліянія, котораго самымъ блестящимъ представителемъ является Готшедъ (1700—1766 г.), но уже съ начала XVII столѣтія это вліяніе оспаривалось распространеніемъ въ Германіи англійской литературы. Дѣйствіе послѣдней, прежде всего, отразилось на Гагедорнѣ и Галлерѣ. Въ то же время, по примѣру англійскихъ журналовъ Стиля и Аддисона, журналистика распространилась въ Германіи. Съ 1714 по 1800 годъ появилось тамъ болѣе пяти сотъ журналовъ и газетъ. Первая выходила въ Гамбургѣ; за нимъ на то же поприще выступили Цюрихъ и Лейпцигъ. Первыми дѣятелями на журнальномъ поприщѣ были Бодмеръ (1721 г.) въ Цюрихѣ, Готшедъ (1725 г.), Бидерманъ (1727 г.) въ Лейпцигѣ и Брокесъ (1724 г.) въ Гамбургѣ. Затѣмъ, вплоть до появленія Лессинга, продолжается періодъ лирическихъ пѣснопѣній, во время котораго въ Германіи появилось нѣсколько послѣдовательно смѣнявшихся литературныхъ цент-

ровъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ своихъ представителей, свои характеристическія особенности и свое значеніе въ общемъ ходѣ нѣмецкой литературы. Таковъ Лейпцигскій кружокъ съ Геллертомъ и Клопштокомъ во главѣ; кружокъ при университетѣ въ Галле, старшій (Пира и Ланге) и младшій (Глеймъ, Уцъ и Гёцъ), куда впослѣдствіи присоединился Клейстъ; группа швейцарскихъ поэтовъ въ Цюрихѣ (Бодмеръ, Брейтингеръ, Геснеръ); позднѣйшая группа гёттингенскихъ бардовъ (Фоссъ, графы Штольберги и др). Отъ лирической поэзіи германская литература начала переходить къ болѣе серьезнымъ созданіямъ эпической и драматической и вмѣстѣ съ тѣмъ, начиная освобождаться отъ подражательности, мало-по-малу создавала самобытную, народную литературу. На границѣ этого перехода стоитъ Виландъ, въ которомъ всѣ направленія иностранной и нѣмецкой литературы нашли отголосокъ и который поражаетъ разнообразіемъ своего мѣняющагося характера, хотя выдающійся талантъ на всѣ его произведенія клалъ печать силы и оригинальности. Одновременно съ нимъ, Лессингъ, самый крупный дѣятель той эпохи, своею критикой выводилъ нѣмецкую литературу на настоящій самобытный и народный путь и въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ онъ самъ первый примѣнялъ свои критическія положенія къ литературнымъ созданіямъ. Подъ вліяніемъ реформы, произведенной Лессингомъ, пройдя бурный періодъ, гдѣ молодая нѣмецкая литература предавалась необузданнымъ порывамъ кипучей и не перебродившей дѣятельности, въ она лицѣ Гёте, Шиллера и Гердера завоевала себѣ всемірное значеніе.

Отрывки изъ всѣхъ этихъ нѣмецкихъ писателей нашли мѣсто въ московскихъ журналахъ: Гагедорнъ, Галлеръ, Клейстъ, Геснеръ („Меналкъ и охотникъ", „Дафнисъ" и нѣсколько другихъ идиллій), Геллертъ („Ринзольтъ и Люція", „Дориса", „Два африканца", „Вольнодумецъ"), Виландъ („Селимъ и Салима", „Граціи", „Діогенъ и Іерга"). Кромѣ того, встрѣчаются отрывки изъ менѣе извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей: Гартига (письма въ родѣ элегій Тибулловыхъ); Морица, Штилле (нѣсколько большихъ повѣстей, „Горный мудрецъ", „Альмантъ и Кодеманъ", „Царскія добродѣтели"); Бильдербека; Козегартена („Гробы въ Дустрѣ"); Циглера (сцены изъ трагедіи „Матильда Гисбахъ"); Вейссе; Гедике; Эбергардта; сцена изъ комедіи Коцебу: „Adelheid von Wulfingen"; Лихтвера и друг.

Гагедорнъ создалъ родъ легкой пѣсни въ нѣмецкой литературѣ,

кромѣ того, писалъ басни и поэтическіе разсказы. Галлеръ, названный *великимъ* по заслугамъ своимъ относительно естествознанія и медицины, въ своихъ юношескихъ поэтическихъ произведеніяхъ перерабатывалъ философскія мысли Лейбница, Вольфа и англійскаго моралиста Шефетсбюри о вѣрѣ и нравственности и въ элегическомъ тонѣ выставлялъ, какъ образецъ, простую и неиспорченную жизнь альпійскихъ горцевъ. Галлеръ пользовался у насъ большимъ сочувствіемъ и имѣлъ большое вліяніе на Карамзина, который перевелъ поэму его „О происхожденіи зла". Клейстъ образовался, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Попе, Томсона и Галлера; поэзія его, въ особенности элегіи и разсказы, носятъ печать героическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ замкнутаго и меланхолическаго настроенія, которое, въ свое время, произвело сильное впечатлѣніе на читателей. Геснеръ (1730—1787 г.) тоже воспитанъ былъ англійскою литературой; у него идиллія, несмотря на приторную сантиментальность, не лишена поэтическаго настроенія, и потому онъ имѣлъ сильное вліяніе на французскую литературу и вызвалъ тамъ цѣлый рядъ подражателей; не менѣе значительно было вліяніе его и у насъ, такъ какъ подражательная наша литература того времени, — стихотворная и прозаическая,—преимущественно наполнялась идилліями, написанными подъ непосредственнымъ вліяніемъ Геснера и его подражателей. Безъ перевода изъ Геснера не обходился ни одинъ изъ нашихъ журналовъ того времени. Однимъ изъ самыхъ популярныхъ нѣмецкихъ писателей былъ Геллертъ (1715—1769 г.), въ которомъ по преимуществу среднее сословіе нашло своего представителя и который, независимо отъ сильнаго на него вліянія англійскихъ образцовъ, былъ по натурѣ нѣмецъ и внесъ въ свои произведенія національный элементъ. Его популярности въ особенности содѣйствовало нравственное его настроеніе, согрѣтое искреннимъ религіознымъ чувствомъ, которое онъ проводилъ и въ своихъ сочиненіяхъ, и въ собственной жизни. Морицъ,—одно время редакторъ Фоссовой газеты и другъ Гете, у котораго жилъ въ Веймарѣ,—написалъ, между прочимъ, романы: „Anton Reiser" (1785—90 г.), „Andreas Hartkopf" (1786 г.) и издалъ „Путешествіе нѣмца въ Англію". Бильдербекъ,—писатель романовъ и драматическихъ піесъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія и издатель журналовъ, творецъ идиллій изъ школы Фосса, — былъ одаренъ блестящею фантазіей, которая часто увлекала его къ не-

естественному пафосу и напыщенности, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его произведеній проявляется неподдѣльное и искренное чувство лиризма. Циглеръ,—драматическій писатель, не представляющій ничего выдающагося,—вмѣстѣ съ Иффландомъ и Коцебу обогащалъ современную нѣмецкую сцену произведеніями, которыя на минуту удовлетворяли господствующему вкусу публики своимъ разнообразіемъ, но тотчасъ же безслѣдно забывались. Вейссъ—лирическій поэтъ, драматургъ и писатель для дѣтей, очень плодовитый во всѣхъ родахъ. Редакція изъ его сочиненій для перевода и подражанія избрала „Amasonenlieder" (1761 г.) и лирическія произведенія (Lirische gedichte). Вейссъ издавалъ журналъ „Дѣтскій другъ" („Kinderfreund", 1776—1782, 24 книжки, 2 изд. 1781 г.), сходный съ l'amis des enfants Berquin. Гедике (Fr. Gedike, 1754—1803 г.) былъ педагогъ и издатель классиковъ, перевелъ гимны Пиндара (Pindar's Olympische Siegeshimne, 1779 г.). Ебергартъ (I. A. Eberhard, 1739—1809 г.) въ своей „Апологіи Сократа" былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей раціонализма въ религіи; написалъ нѣсколько серьезныхъ сочиненій по философіи и эстетикѣ, былъ неудачнымъ противникомъ Канта и издавалъ журналы: „Philosophische Magazin" (1788—1791) и „Philosophische Archive" (1792—1795 г.). Лихтверъ,—незначительный стихотворецъ,—написалъ: „Езоповы басни" (1748 г.) и дидактическую поэму Права разума („Das Recht des Vernunft"). Пасторъ Демме (1760—1822) выступилъ на литературное поприще подъ именемъ Штиле романомъ „Pachter Martin und sein Vater", обратившимъ на себя общее вниманіе, пользовался нѣкоторою извѣстностью за свои разсказы. Кромѣ этихъ главныхъ литературъ, встрѣчаются переводы и изъ другихъ. Изъ швейцарской литературы помѣщены отрывки изъ Вернеса (Vernes, 1726—1791 г.), издававшаго въ Женевѣ плохой періодическій сборникъ подъ заглавіемъ le Choix littéraire, 24 т., 1755—60); онъ заявилъ себя въ письмахъ и разговорахъ, противникомъ Руссо и написалъ „Confidence philosophique", — опровер женіе въ формѣ романа философіи энциклопедистовъ. Изъ итальянской литературы помѣщены отрывки изъ Данта („Міръ покаянія"); Бартоли, который (1717—1788 г.) былъ въ 1745 г. профессоромъ словесности въ Туринѣ, занимался археологіею и написалъ нѣсколько стихотвореній, писемъ и мелкихъ сочиненій. Франческо Соавъ (Francesco Soave, 1743—1806 г.) былъ профессоромъ по-

эзіи и краснорѣчія въ университетѣ въ Падуѣ, стремился къ поднятію уровня образованія и къ замѣнѣ устарѣлыхъ педагогическихъ пріемовъ новыми и усовершенствованными; его „Novelli morali", содержатъ небольшіе разсказы нравственнаго содержанія, отличающіеся простотой и изящнымъ языкомъ. Онъ имѣлъ большой успѣхъ въ Италіи и во Франціи (послѣдній переводъ M-me Colet, 1844); въ журналѣ помѣщены: „Алкменъ или благополучіе", арабская сказка. Помѣщенъ также отрывокъ изъ Риккабони (Пустыня въ Арденскомъ лѣсу", подражаніе); Риккабони (1714—1792 г.), актриса по-неволѣ, писала романы, имѣвшія большой успѣхъ въ XVIII столѣтіи; многіе изъ нихъ явились въ русскомъ переводѣ отдѣльными изданіями. Наконецъ помѣщены отрывки изъ голландскаго писателя Риквисъ Фейта („Совѣсть") и изъ записокъ Франклина, писанныхъ имъ самимъ.

Григ. Глинка, первый профессоръ „изъ дворянъ" россійской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, какъ это замѣчено было, несовсѣмъ, впрочемъ, справедливо, въ „Вѣстникѣ Европы", перевелъ отрывокъ изъ итальянской повѣсти „Агнеса Ченси", не указывая имени автора. Тотъ ж самый Глинка помѣстилъ переводъ изъ Энгеля „Убогій Яковъ", гдѣ выхваляется въ поселянахъ трудолюбіе, умѣренность и воздержаніе отъ всякой роскоши. Енгель (Engel, 1741—1802 г.) былъ драматическій писатель, котораго нѣкоторыя піесы („Das Edelknabe", „Die Apotheke") пользовались заслуженнымъ успѣхомъ; кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько легкихъ философскихъ сочиненій, въ томъ числѣ „Der Philosoph für die Welt", откуда и заимствованъ отрывокъ, переведенный Глинкою. Глинка въ послѣсловіи „Къ издателю" говоритъ: „Этотъ родъ поученія для простонародія, въ моихъ глазахъ, можетъ принести самую великую пользу и особенно въ такой землѣ, какова наша, гдѣ крестьянинъ еще на первой степени образованія и гдѣ онъ не знаетъ другихъ поученій, кромѣ тѣхъ, которыя сообщаются ему высокопареніемъ не дѣйствующихъ на него словъ безъ мыслей или мыслей безъ словъ, пустымъ, слабымъ и растянутымъ велерѣчіемъ, и по своему образованнымъ. Друзья, воспользуемся временемъ, когда оно еще наше, воспользуемся силами нашего ума, жаромъ благихъ видовъ нашихъ, пока еще не наступилъ часъ смертнаго раскаянія о потерянномъ нами времени. Укроемся въ мирный свой кабинетъ и напишемъ что-нибудь для добрыхъ нашихъ поселянъ; они съ охотою теперь

насъ послушаютъ; кто знаетъ, какіе изъ нихъ родятся ученые въ будущихъ временахъ отъ различныхъ случаевъ и обстоятельствъ" (18, 407).

Мелкія статьи заимствованы изъ слѣдующихъ изданій: Spectator, the Rambler (Бродяга, Джонсона), Bibliotheque choisie de contes, de faceties et de bons mots, Nouvelle bibliothéque de campagne, Ленгетовой лѣтописи, Les charmes de l'enfance et les plaisirs de l'amour maternel, par Jauffret, Французская Антологія, Essai sur les éloges par M. Thomas, Amusements philosophiques, Questions sur l'Encyclopedie, Архенгольцевой Минервы, von der Selbsterkentiss и т. д.

Слѣдующій журналъ былъ „Иппокрена или успѣхи любословія" (1799—1801 гг., 11 частей, иждивеніемъ Хр. Клаудія); редакторомъ былъ Сохацкій.

Въ объявленіи объ изданіи редакція говоритъ: „Главное желаніе и попеченіе издателей посвящено будетъ на то, чтобы піесы были самыя соотвѣтственныя, отборныя и оцѣненныя здравою и безпристрастною критикой. Онѣ должны заключать въ себѣ то наставительныя и важныя, то *чувствительныя и нѣжныя* матеріи въ стихахъ и прозѣ, въ сочиненіяхъ и переводахъ, изображенныя слогомъ чистымъ, приличнымъ, натуральнымъ, яко плоды *краткой благонамѣренной* литературы, между всѣми просвѣщенными народами растворяющей жизнь благородную *невиннымъ и полезнымъ* удовольствіемъ". Между тѣмъ, уровень журнала, сравнительно съ предъидущимъ, сильно понизился. Въ стихотворномъ отдѣлѣ изъ извѣстныхъ поэтовъ участвовали Державинъ (Гдѣ столь простыя, непритворныя), кн. Шаликовъ и кн. Ив. Долгоруковъ, затѣмъ журналъ наполняютъ своими стихами лица совсѣмъ забытыя и бездарныя или только начинающія: кн. А. Голицынъ, Люценко, Тимковскій, кн. Козловскій, Колоколовъ, кн. Сибирскій, Вас. Жуковъ, Остолоповъ, Пав. Андреевъ, Анд. Крыловъ (переложеніе Псалмовъ), Ф. Ф. Ивановъ, Гр. Глинка („Колыбель", XI, 30), Дм. Столыпинъ, Соковнинъ, Якубовичъ, кн. Кугушевъ, Мих. Невѣровъ, Ѳ. Ключаревъ, П. Кайсаровъ, М. Кайсаровъ; даже Каченовскій помѣстилъ стихотвореніе: „Чувство по прочтеніи Орла" (III, 96) и произаическую галиматью: „Отпускная жаворонку" (II, 278). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ журналѣ опять встрѣчаются нѣсколько дамъ, поэтовъ и переводчицъ; къ первымъ принадлежатъ

кн. Авд. Шаликова, кн. Е. М. Долгорукова, Ан. Жукова, Варв. Караулова, Мар. Ѳомина; ко вторымъ — Наталья Кологривова, Елис. Баскакова, Мар. Боско, кн. Екат. Щербатова, Елис. и Екат.Ниловы и другія, обозначавшія свои имена цифрами и знаками. Въ этомъ же журналѣ Жуковскій помѣстилъ стихотвореніе „Платону, неподражаемому достойно славящему Господу“ (VIII, 64), съ помѣтою Виѳанія, 25 декабря 1800 г. Замѣчательно, что среди этихъ бездарныхъ стихотвореній напечатана „Ода въ честь моему другу“ (ч. IV), приписываемая Голеннищеву-Кутузову, который дважды былъ попечителемъ Московскаго университета (1798—1803 и 1810—1812 гг.), издавалъ журналъ „Другъ просвѣщенія“ (1804—1806 гг.) и былъ отъявленный врагъ Карамзина, стремившійся вредить ему всевозможными доносами. Въ этой одѣ курсивомъ выписываются многія мнѣнія Карамзина, съ указаніемъ въ выноскахъ на тѣ піесы, изъ которыхъ они приведены, какъ нѣчто безнравственное и зловредное, чего „Другъ“ старался тщательно избѣгать въ своей жизни. Въ прозаической части попадаются чаще статьи не переводныя, но написанныя въ подражаніе иностраннымъ образцамъ и оттуда заимствованныя, не представляющія ничего оригинальнаго. Такія статьи помѣщали В. Нарѣжный („Римская древность“, „Мстящіе евреи“, басни въ прозѣ сатирикъ, розы, дубъ и пр.), П. Львовъ (очень много и во всѣхъ родахъ, но одно бездарнѣе другаго), Каменевъ, („Раміеръ или самоубійца“ и пр.), Ладыженскій, кн. Сибирскій, Анд. Чеботаревъ и др. Были даже помѣщены оригинальное, но нелѣпѣйшее представленіе Львова— „Картина славянской древности или празднество славянофиловъ по окончаніи жатвы, отправляемое въ честь Святовиду и Триглавѣ“, и „Кровавая ночь или конечное паденіе дому Кадмова“, В. Н., заимствованное изъ греческой трагедіи (?).

По части переводовъ въ настоящемъ журналѣ первое мѣсто остается за англійскою литературой. Сюда относятся: отрывки изъ сочиненій Йона; красоты Стерна и нѣсколько отрывковъ изъ его „Тристрама Шанди“ (1759 г.) и „Чувствительнаго путешествія (1767—1768 гг., части V, VII и VIII); Томсонъ—гимнъ временамъ года и уединенію; Попе—молитва высочайшему Богу; нѣкоторыя черты изъ Мильтоновой поэмы; изъ Шекспира монологи изъ Гамлета, изъ Генриха IV; изъ Коулея (1618—1667 гг.), писавшаго оды, элегіи, драматическія піесы и опыты въ эпиче-

своимъ родѣ,—поэта, замѣнившаго естественное и искреннее чувство напускнымъ жаромъ, но обладающаго по, крайней мѣрѣ, подвижностью, разнообразіемъ и наклонностью къ неподдѣльной веселости, оживляющей мелкія его стихотворенія; изъ Гре—элегія на сельскомъ кладбищѣ, впослѣдствіи переведенная Жуковскимъ; изъ Пріора (1664—1721 гг.), поэта школы Попе, извѣстнаго своими шутливо-искренними пѣснями (Sones) и прелестными, но серьезными небольшими разсказами; отрывокъ изъ Бѣккингема (I. Sheffield Ducof Buckingham, 1649—1720 гг.), написавшаго поэму „The Vision“ и обязаннаго своею извѣстностью болѣе высокому своему положенію, нежели достоинствами своихъ произведеній, теперь забытыхъ; изъ извѣстнаго англійскаго публициста и одного изъ первыхъ раціоналистовъ въ религіозныхъ вопросахъ Боллинброка (1678—1751 гг.); посланіе изъ Италіи Аддисона къ лорду Галифаксу въ 1801 году; изданныя послѣ смерти письма Йона къ Фонтепелю; нѣсколько статей изъ „Зрителя“ Стиля и Аддисона и изъ „Опекуна“ (Guardian,—о безсмертіи); былъ даже помѣщенъ *невозможный* переводъ цѣлой трагедіи Аддисона—„Смерть Катона или рожденіе римскаго единодержавія“, за подписью доктора Гартъ. Редакція, повидимому, очень цѣнила Томсона: въ журналѣ помѣщены стихи въ честь Томсона Бернса (прозою), ода на смерть Томсона Коллина и русское воззваніе къ Томсону. По исторіи литературы помѣщены были отрывки изъ извѣстнаго сочиненія англійскаго богослова и знатока еврейской литературы Лоута (K. Lowth, 1710—1783 г.) „De sacra poësia Hebraeorum“ (1753 г.), о священной поэзіи евреевъ,—сочиненія, дважды изданнаго въ Германіи и дважды переведеннаго по-французски (послѣдній разъ въ 1839 году). Изъ французской литературы помѣщены переводы изъ Арно „Délassements d'un homine sensible“; изъ Бернарденъ Сентъ-Пьера (отрывки изъ изученія природы); Бартелеми (о друзьяхъ); г-жи де-Жанлисъ (Пиренейскіе пастухи или отрывокъ изъ путешествія въ 1778 г.); изъ поэмы Делиля о воображеніи; изъ идиллій Леклерка; изъ Томаса—мысли и отрывокъ изъ его éloge du Guay—Troins; изъ Руссо—письма къ Сарѣ; изъ Bonnet de nuit, Мерсье—гробница въ Гинделъсбанкѣ и нѣсколько небольшихъ его статей, переведенныхъ Ив. Татищевымъ; письмо г-жи де-Ламбертъ къ ея дочери о воспитаніи.

Леклеркъ (I. B. Leclerc, 1756—1826 г.), горячій сторонникъ

Руссо, принимавшій дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи, былъ писатель въ пасторальномъ родѣ и издалъ „Mes promenades champêtres ou poèsies pastorales 1786 г. и Idylles et contes Champêtres“ 1798 г. Маркиза де-Ламбертъ (A. T. Marquise de Lambert, 1647 — 1733 г.) была въ Парижѣ хозяйкою извѣстнаго салона (1710 — 1733 г.), гдѣ соединялось все лучшее общество Парижа и всѣ знаменитости, такъ что попасть туда считалось за величайшую честь. Она писала много, но не предназначала своихъ сочиненій къ печати, благодаря существовавшему тогда предразсудку противъ ученой женщины; но ея сочиненія изданы были большею частью послѣ смерти, имѣли большой успѣхъ и переведены на многіе языки. Сочиненія ея изложены большею частью въ видѣ писемъ къ дочери и касаются, главнымъ образомъ, воспитанія и различныхъ моральныхъ и эстетическихъ вопросовъ.

Нѣмецкая литература представлена сравнительно слабо: изъ Галлера отрывокъ о вѣчности и утренніи мысли; изъ Козегартена— Эдельвина, Ритогаръ и Ваада; отрывки изъ Клейста; изъ Гёте— „Художникъ и гражданинъ“; изъ Коцебу: „Кто бы это думалъ или несчастное приключеніе съ другомъ“. Различныя мелкія статьи заимствованы изъ слѣдующихъ изданій: Tombeaux d'Harvey, польскій историческій журналъ (нѣчто объ англичанахъ и образѣ ихъ жизни); Miscellaneus д-ра Эскина; Les merveilles du corps humain (польза и употребленіе рукъ); отрывокъ изъ Voyage en Constantinople etc. en 1790 et 1791, lettre XXXVI; les Charmes de l'enfance et les plaisirs de l'amour maternel; Lettres à Emilie sur la Mythologie (Девкаліоновъ потопъ, о Зевесѣ); le Reveur Sentimental; les Bigarrures de l'esprit humain; le Spectateur du Nord (краткіе некрологи Мармонтеля, Монтекло, Добантона и Превиля); Menschen kunde; статьи изъ энциклопедіи—горесть, печаль, непріятность (IX, 305), чистосердечіе, откровенность, искренность, простосердечіе (379).

Въ „Ипокренѣ“ началъ принимать дѣятельное участіе своими переводами Каченовскій и помѣстилъ критическую статью Полныя сочиненія Г. Леонарда“ В. А. Жуковскій (IV, 81, 97). Въ видѣ курьеза слѣдуетъ отмѣтить, что помѣщены присланные изъ суздальской и владимірской семинарій переводы съ латинскаго поэмъ Каспара Барлея, профессора философіи въ Амстердамѣ и латинскаго стихотворца XVII вѣка—„Каинъ, убившій Авеля“, „Падшій

Адамъ", „Авраамъ, выходящій изъ Халдеи", „Авраамъ, закалающій Исаака", „Іосифъ, узнающій братій своихъ въ Египтѣ".

Изъ статей, относящихся до Россіи, помѣщена всего *одна*: повѣсть втораго Муртазы Рулы-хана, сына Магомеда Ганатъ-хана II, жившаго въ Астрахани, подъ покровительствомъ императрицы Екатерины, пер. съ армянскаго (XI, 36).

„Новости Русской Литературы" (1802—1805 гг.), 14 частей, въ Университ. тип. у Любія, Гарія и Попова; редакторомъ былъ Сохацкій, а съ девятой книжки (1804 г.) проф. Побѣдоносцевъ. Редакція въ началѣ своего журнала помѣстила слѣдующее обращеніе къ читателямъ: „Симъ періодическимъ изданіемъ, равно какъ и прежними, мы желаемъ подать охотникамъ въ литературѣ удобное средство къ представленію предъ глазами публики ихъ талантовъ и столь благороднаго занятія. Не одного только тону и роду могутъ быть здѣсь сочиненія, ибо они посвящаются для читателей не одного характера, свѣдѣній, пола и возраста; но вообще существо ихъ должно состоять въ томъ, чтобы они заключали въ себѣ все благонравное, наставительное и невинно пріятное. Изъ сей точки зрѣнія мы за долгъ поставляемъ смотрѣть на всѣ присылаемыя къ намъ піесы. Но переводы принадлежатъ ли къ новостямъ русской литературы? По всему праву, если только они выработаны старательно, точно, чисто и съ сохраненіемъ, или въ необходимыхъ случаяхъ съ замѣною красоты оригиналовъ („Новости Р. Лит.", 1, 6 и 7). Позднѣйшій редакторъ, Побѣдоносцевъ, заканчивая свой журналъ, выражался слѣдующимъ образомъ: „Предъ строгими читателями, которые хотѣли бы находить все новое и любопытное, обработанное со всевозможнымъ тщаніемъ, извиняюсь тѣмъ, что я не получалъ ни одного иностраннаго журнала, не имѣлъ случая и пользоваться ничьею библіотекой, тѣмъ, что, кромѣ обязанности издателя, исполняю другую, можетъ быть, важнѣйшую, требующую бо́льшаго вниманія: разумѣю должность человѣка, которому препоручено образованіе юношества въ мѣстѣ почтеннѣйшемъ, судя по выгодамъ, доставляемымъ отъ него отечеству" („Нов. Р. Лит.", XIV, 409).

Послѣ такого наивнаго признанія трудно ожидать отъ журнала не только опредѣленнаго направленія, но и сколько-нибудь толковаго и систематическаго свода; это былъ случайный сборникъ доставляемыхъ въ редакцію статей. Въ отдѣлѣ стихотвореній

попадается изъ извѣстныхъ именъ Батюшковъ, помѣстившій тамъ одно изъ раннихъ своихъ произведеній „Посланіе къ стихамъ моимъ“ (XIII, 61), А. Измайловъ. За тѣмъ слѣдуютъ имена, въ настоящее время совсѣмъ забытыя и въ свое время не пользовавшіяся извѣстностью: Кованько, Ленкевичъ, кн. Кугушевъ, Похвистневъ, С. Бобровъ, Ф. Ключаревъ, Н. Столыпинъ, А. Максимовичъ, М. Магницкій, Руссовъ, Г. Каменевъ, Грузинцевъ, Н. Кошанскій, Ф. Львовъ, И. Смирновъ, В. Колосовъ, Политковскій, Ив. Волковъ, Авр. Крыловъ (переложеніе псалмовъ), В. Анастасевичъ, Котельницкій, Ф. Ишимовъ, Еф. Смагинъ, Уманецъ, Л. Надеждинъ, Калайдовичъ, Ал. Поповъ, Пл. Тимковскій, кн. Ив. Щербатовъ, Пав. Свиньинъ, какой-то Ботамвецъ, помѣстившій, между прочимъ, очень хорошее стихотвореніе: „Мой уголокъ“, подражаніе Беранже (XIII, 110) и нѣсколько другихъ, еще менѣе извѣстныхъ и еще болѣе бездарныхъ. Изъ числа этихъ неизвѣстныхъ поэтовъ замѣчателенъ былъ Анастасевичъ, конечно, не по тѣмъ плохимъ переводамъ съ польскаго, которые онъ помѣщалъ въ „Новостяхъ“. Анастасевичъ былъ довѣренное лицо и ближайшій исполнитель всѣхъ распоряженій кн. Чарторижскаго по Виленскому округу; впослѣдствіи онъ занималъ мѣсто помощника начальника отдѣленій польскихъ и малороссійскихъ правъ въ коммиссіи составленія законовъ и издалъ статутъ великаго княжества Литовскаго (1811 г.). Онъ также издавалъ журналъ „Улей“ и былъ замѣчательнымъ библіографомъ, составившимъ каталоги библіотекъ Плавильщикова и Смирдина. Изъ дамъ въ этомъ журналѣ принимали участіе кн. Н. Щербатова (поэтъ), Анисья Вельяминова-Зернова, Катерина Корсакова (поэтъ).

Оригинальныя статьи въ прозѣ не представляютъ ничего интереснаго и выдающагося. Въ началѣ журналъ наполнялъ своими статьями самаго разнообразнаго содержанія неутомимый П. Львовъ: тутъ помѣщены и его элегіи, и отрывки изъ „Храма славы“, и „Нума Помпилій“, и „Подражаніе Петраркѣ“, и сантиментальная повѣсть— Даша, деревенская дѣвушка, и пр. и пр. Здѣсь же помѣстилъ отрывки изъ своего нелѣпаго сочиненія „Твердость духа нѣкоторыхъ россіянъ“ корпусный учитель Гераковъ извѣстный ([25]) столько же своею бездарностью и отсталостью убѣжденій, сколько доносомъ на Пнина, по поводу замѣчательнаго его сочиненія „Опытъ о просвѣщеніи“ (1804 г.). Въ изданіи принимали участіе въ качествѣ не столько оригинальныхъ сочинителей, сколько переводчиковъ, профессора: Бол-

дыревъ, Цвѣтаевъ, Каченовскій, Калайдовичъ, Тимковскій; кромѣ того, изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ литераторовъ помѣщали свои статьи Ан. Княжнинъ, Каменевъ, Воейковъ, Вельяминовъ-Зерновъ, извѣстный юристъ, состоявшій въ коммиссіи по составленію законовъ, издатель „Сѣвернаго Меркурія", Валуевъ, директоръ Оружейной палаты, основатель Московской Коммерческой Академіи. Въ журналѣ были сдѣланы попытки критики Грузинцевымъ, помѣстившимъ Экзаменъ Хорева, Экзаменъ Лизы или торжество благодарности,—драмы, имѣвшей въ то время блестящій успѣхъ на сценѣ,—Разсужденіе о драматическихъ твореніяхъ, Похвалу г. Сумарокову. Здѣсь же помѣщена извѣстная привѣтственная рѣчь Екатеринѣ Георгія Коннсскаго, съ рецензіею и критическими замѣчаніями. Въ журналѣ печатались, между прочимъ, піесы, присланныя отъ воспитанниковъ благороднаго пансіона, „для одобренія разцвѣтающихъ талантовъ, отъ которыхъ можно надѣяться зрѣлыхъ плодовъ и счастливыхъ успѣховъ". Въ числѣ оригинальныхъ произведеній помѣщена плохая драма А. Пр—ни—„Невинность не погибаетъ".

Въ переводной литературѣ на первомъ планѣ стоятъ мелкіе разсказы изъ Дюкре-Дюмениля (1715—1794 г.), одного изъ извѣстныхъ французскихъ дипломатовъ, писавшаго мелкія сочиненія прозою и стихами и поэму „De la Religion"; изъ Томаса и мало извѣстныхъ авторовъ де-Лаво и Бланшета; изъ „Delassements d'un homme sensible"; изъ поэмъ Де-Лиля—О воображеніи и Сады; изъ Бартелеми—„Путешествіе юнаго Анахарсиса", которое переведено было цѣлымъ обществомъ, состоявшимъ изъ Нартова, Хвостова, Дмитревскаго, Дружинина и другихъ, подъ заглавіемъ „Путешествіе младшаго Анахарсиса въ Грецію, въ половинѣ IV вѣка, (въ 1804—1809 г., изданіе Россійской академіи); изъ Фонтенеля—„Разговоръ Омира съ Езопомъ въ царствѣ мертвыхъ"; изъ Лафонтена—Тулкемъ страннопріимецъ и огорченный Гименей; изъ Флоріана — Леонъ, Марсянскій герой, отрывокъ; изъ Бернардена де-Сентъ Пьера — Удовольствіе меланхоліи; изъ Монтеня — Кроміонъ; изъ Беркеня—Жестокосердый сынъ; изъ Жанъ-Жака Руссо — Мысли, Сократъ и Солонъ; изъ Вольтера — о горахъ и раковинахъ; его же — два письма къ Фридриху, наслѣдному принцу, съ отвѣтомъ, два письма къ одной знатной дѣвицѣ въ Ліонѣ, выдержки изъ его Faceties; изъ „Oeuvres posthumes de d'Alambert", переписка его съ Фридрихомъ Великимъ, Дидеротомъ, Кондорсетомъ, аббатомъ

Гальяни и письмо къ Императрицѣ Екатеринѣ; де-Сентъ Ламбертъ—Восточныя басни; Лантье—„Рѣдкое великодушіе", выдержки изъ его „Voyage d'Anténor en Grèce" и „Voyage en Suisse"; Бланшара—Нѣчто о любви; изъ романа Леонарда—„Тереза Фальдони или письма двухъ любовниковъ, жившихъ въ Ліонѣ", и нѣсколько мелкихъ отрывковъ; Жоффруа—„Возвращеніе весны"; Эльмонтъ де-Монтрель—„Галатеины слезы"; Дюмутье—„Констанція и Вальмонъ, дружескія утѣшенія"; Сегюра—„Дѣтская любовь" и отрывки изъ сочиненія „Des femmes, leur condition et leur influence dans l'ordre social"; Деланденъ—„Фигаро или Вѣрная собака"; отрывки изъ Философіи природы „Deslile de Sales"; Oussé, отрывки изъ „Voyage sentimental en Suisse"; Каракчіолли—„Свойство любви дружбы" и изъ писемъ папы Климента XIV Ганганелли — Изображеніе человѣка.

Лантье (Eh. de Lantier, 1734 — 1826 г.) написалъ нѣсколько комедій, имѣвшихъ успѣхъ, сказки въ стихахъ и прозѣ и проч., самое извѣстное его сочиненіе—„Voyage d'Antenor en Grèce".

Жоффруа (Tul. d. Geoffroy, 1743—1814 г.), извѣстный французскій критикъ, нападавшій на старые авторитеты, редакторъ „Journal de Monsieur" (1781—1791 г.), „L'ami du Roi" (1790 г.), сотрудникъ „Journal des Debats", „La Question" и другихъ журналовъ начала нынѣшняго вѣка, напечаталъ переводъ идиллій Теокрита (1800 г.) сдѣланный имъ въ молодости.

Деландинъ (Delandine 1756—1820 г.), извѣстенъ болѣе своими историческими трудами, былъ плодовитымъ писателемъ, составилъ, между прочимъ сочиненіе, о миѳологіи (L'enfer des peuples anciens 1784 г.) и издавалъ журналъ „Le conservateur de la bibliotheque choisie" (1787—1788 г.).

Каракчіолли (L. A. Caraccioli, 1721—1803 г.), французскій писатель, извѣстенъ болѣе всего изданіемъ „Интересныя письма папы Климента XIV" (4 vol. Paris, 1721), подложность которыхъ долгое время оставалась неизвѣстною. Каракчіолли написалъ множество сочиненій въ разныхъ родахъ, но они всѣ не заслуживаютъ вниманія и теперь забыты.

По теоріи словесности были помѣщены Батте: „О поэзіи вообще и ея раздѣленіи", причемъ указано, что первая часть его сочиненія вышла въ переводѣ, и Лагарпа—„Вкусъ и геній". Кромѣ того, помѣщены обширныя выписки изъ сочиненія Мишо: „Histoire des progrès

et de la chûte de l'empire de Mysore". Изъ нѣмецкой литературы помѣщены: изъ Гагедорна; Галлера—„Къ моей отчизнѣ"; Клейста; Генера—„Осеннее утро"; Уца; Виланда—„Умирающая Поликсена Еврипидова", „Езонъ и Солонъ", „Письмо о преимуществѣ мудраго человѣка", Письмо о связи пріятнаго съ полезнымъ; Лессинга—„Образецъ дружбы", „Смерть", „Герой"; гр. Штольберга; Геллерта; отрывокъ изъ писемъ Маттисена; изъ Таліи—Шиллера—Дѣйствіе театра и сцены изъ трагедіи „Донъ-Карлосъ"; нѣсколько мелкихъ статей изъ Вейсса; изъ Герстенберга; бар. Кронегка; Глейма; Шписа („Несчастная Катерина"); Крамера; нѣсколько мелкихъ статей изъ Лихтвера; Коцебу—Свѣтлана и трагедія Аделаида; четыре статьи изъ Еккартсгаузена; письмо Шлегеля о различіи человѣческихъ мыслей. Помѣщенъ отрывокъ изъ neu entdeckte Gedichte Ossians, подъ заглавіемъ „Тарскія пѣсни".

Герстенбергъ (Gerstenberg, 1737—1828 г.), поклонникъ Шекспира, проповѣдывавшій реальность и естественность въ поэзіи, получилъ извѣстность, главнымъ образомъ, своею трагедіей „Уголино", которая, помимо присущихъ ей недостатковъ, заставившихъ забыть ее въ настоящее время, все-таки, носила на себѣ печать яркаго таланта. Кромѣ трагедій, Герстенбергъ писалъ отдѣльные разсказы („Невѣста", „Аркадія на островѣ Наксосѣ") и издалъ томъ „Prosaische Gedichte" (1759 г.). Глеймъ (Gleim, 1719—1803 г.) писалъ шуточныя и серьезныя пѣсни, романсы, которые онъ первый ввелъ въ Германіи, басни и проч. и сдѣлался въ особенности извѣстнымъ послѣ изданія своихъ „Пѣсней прусскаго гренадера", гдѣ впервые было искренне и живо затронуто народное чувство. Уцъ (1720—1796 г.) принадлежитъ къ первымъ лирикамъ своего времени; многія изъ его стихотвореній и теперь нравятся музыкальностью стиля, жаромъ и искренностью своего лиризма, силою и серьезностью вложенной мысли. Шписъ (1755—1799 г.) былъ плодовитый романистъ во вкусѣ Радклифъ: переводы его романовъ у насъ были сильно распространены. Крамеръ (K. G. Cramer, 1758—1817 г.), нѣмецкій романистъ, котораго лучшій романъ былъ „Erasmus Scheicher" (4 т. 1789 г.); другіе его романы плохи, отличаются невѣрностью характеровъ, неправдоподобіемъ вымысла и полнымъ отсутствіемъ художественности. Въ этомъ же журналѣ помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ Гольберга, знаменитаго датскаго поэта, автора комедій и историка (1684—

1754 г.), который создалъ національную драматическую литературу въ Даніи, кромѣ того, писалъ басни (1751 г.) и письма содержанія историческаго, философскаго, моральнаго и политическаго. Переводами театральныхъ піесъ Гольберга въ особенности занимался Нартовъ и нѣкоторые изъ нихъ долго держались на нашей сценѣ.

Англійская литература почти вовсе исключена; помѣщены только изъ Ловта статьи объ „Еврейской одѣ“ и извѣстіе о Робертѣ Блумсфильдѣ, авторѣ поэмы „Сельскій работникъ“, съ переводомъ изъ нея отрывка. Далѣе, въ журналѣ помѣщенъ переводъ письма Якова Душа, проф. въ Альтонѣ, къ бар. Бернсдорфу, каммергеру при датскомъ дворѣ—о блаженствѣ добродѣтельнаго человѣка. Встрѣчаются очень коротенькіе отрывки изъ древнихъ писателей: Ливія, Виргилія, Салюстія, Геродота, Плутарха, Сенеки, Лукана (Фарсалида), изъ разговора Сократа „Федонъ“. Кромѣ того, помѣщены три переводныя драматическія піесы, безъ указанія именъ авторовъ—„Слѣдствіе знакомства съ порочными людьми“ съ нѣмецкаго, „Военная Школа“ съ французскаго и „Пожаръ или награжденная добродѣтель“. Мелкія статьи заимствованы изъ слѣдующихъ повременныхъ изданій и сочиненій: Lettres d'un ecclesiastique, Архенгольцевой Минервы, le Gardien (Молитва Фенелона), das Reich der Todten, Moniteur; Англійскаго Магазина, the Englisch Lyceum, the flowers of the Britisch Litterature, Filicaia, италъянскаго журнала; поэмы L'homme des champs; Manuel des boudoirs, Spectateur du Nord, Elite de bonts mots, Delices de la solitude, Morale des orientaux, Morale en exemples, Journal de Paris, Abeille du Nord, Gallerie Anglaise, Journal des dames et des modes, Courrier de Londres, Improvisateur francais, Dictionnaire des fais et dits mémorables, Marqueterie—litteraire, Dictionnaire historique d'éducation, Histoire des chiens célébres, Contes noirs et blancs, Journal encyclopedique, Nouvelle bibliotheque de sociètè, Empire des roses, Journal des dames; Философскій Словарь (дружба). Voiage-de Pythagore.

„Минерва“, журналъ россійской и иностранной словесности, 1806 г., 3 части, издававшійся проф. Побѣдоносцевымъ (у Сопикова ошибочно приписанъ Сохацкому).

Это былъ самый жалкій изъ всего ряда приведенныхъ журналовъ. Въ стихотворномъ его отдѣлѣ помѣщали только: кн. Кугушевъ свою нескончаемую піесу „Оружейная палата“, начавшу-

юся еще въ „Новостяхъ", Невзоровъ, Усолецъ, Смагинъ, К. Андреевъ, Е. Брд—скій и какой-то, К—въ. Оригинальныхъ статей помѣщено всего пять-шесть, самыхъ ничтожныхъ, повидимому, принадлежавшихъ самому автору, и въ томъ числѣ сцена изъ трагедіи „Ермакъ, покоритель Сибири", соч. Плавильщикова, поставленной тогда на сцену. Переводы заключаются въ самыхъ незначительныхъ и коротенькихъ отрывкахъ изъ всевозможныхъ писателей,— Вольтера (Петръ Великій), Шатобріана, Лабрюэра, Фонтенеля, Лагарпа, Делаво, Мабли, Бартелеми, Руссо (Безсмертіе души), Дюкре-дю-Мениля, Масильона, Томаса, путешествіе Верне, сцена изъ Шекспировой трагедіи „Ричардъ III", Лейхтенберга, Боа Прео, г-жи Жанлисъ (самая длинная повѣсть: „Чудный сафирный талисманъ"), Флоріана, Шамфора и друг. Есть продолженіе переписки между Фридрихомъ и Вольтеромъ, начатой въ „Новостяхъ". Чтобы охарактеризовать этотъ журналъ, достаточно привести одинъ примѣръ. Журналъ хотѣлъ дать читателямъ понятіе о Боссюэтѣ; и вотъ онъ предлагаетъ рядомъ три кусочка: Боссюэтъ, какъ ораторъ—Мори, какъ историкъ—Шатобріанъ, какъ витія—Томасъ. Главнымъ источникомъ для журнала служили: „Abeille du Nord" и Journal de Paris": оттуда переводились даже анекдоты о Петрѣ Великомъ; затѣмъ „Journal historique", „Mercure Universel de l'Europe", „Choix d'Anecdotes", „Journal des dames et des modes", „Pièce sinteressantes et peu connues", „Manuel des boudoirs", „Morale en exemples", „Almanach des prosateurs", „Conservateur".

Отсутствіе въ повременныхъ изданіяхъ Сохацкаго и Подшивалова политической части дополнено было появленіемъ отдѣльнаго „Политическаго журнала", продолжавшагося съ 1790 — 1830 г., съ нѣсколько разъ измѣненнымъ названіемъ. Основателемъ этого журнала и издателемъ его былъ проф. Сохацкій, къ которому съ 1801 г. присоединился проф. М. Г. Гавриловъ ([26]). Послѣ смерти Сохацкаго (18 марта 1819 г.), изданіе принялъ на себя одинъ Гавриловъ, а послѣ его смерти (21 января 1829 г.) изданіе докончилъ сынъ его, проф. А. М. Гавриловъ. Журналъ этотъ былъ переводъ „Политическаго журнала", издававшагося въ Гамбургѣ обществомъ ученыхъ людей. Журналъ, по своей программѣ, кромѣ современной исторіи, долженъ былъ заключать въ себѣ географію и статистику, почему съ 1807 г. онъ сталъ носить болѣе полное названіе „Историческій, статистическій и географическій журналъ или

современникъ исторіи свѣта". По истеченіи двѣнадцати лѣтъ, Сохацкій и Гавриловъ, въ первой книжкѣ за 1802 г., опредѣляли слѣдующимъ образомъ характеръ своего журнала: „Одинъ только политическій журналъ предложилъ всю связь современной исторіи въ такой полнотѣ, что ни одно политическое подлинное происшествіе, ни одно историческое важное приключеніе не осталось безъ упоминанія. Такимъ образомъ, политическій журналъ сдѣлался полнымъ архивомъ современной исторіи. Другое существенное различіе политическаго журнала отъ обыкновенныхъ вѣдомостей состоитъ въ томъ, что *прагматическая* (исторія прагматическая показываетъ причины, связь и слѣдствія всѣхъ важныхъ политическихъ происшествій) современная исторія означаетъ пунктъ, на которомъ должно остановить вниманіе и судъ про всѣ политическія происшествія. Прагматически изслѣдывающее повѣствованіе само по себѣ уже придаетъ особенную *новость* происшествіямъ, хотя они слегка и стали прежде по газетамъ извѣстны. Не смотря на такое опаздываніе извѣстія, каждая книжка всегда содержитъ не только новыя обстоятельства и связныя описанія извѣстныхъ уже происшествій, но знатное число о такихъ новостяхъ, которыя ни въ какихъ вѣдомостяхъ не встрѣчаются. При этомъ сочинитель, не зависимъ будучи отъ всякаго вліянія, отъ всѣхъ партій, съ прямою свободой духа обрабатываетъ здѣсь исторію своихъ временъ. Будучи преданъ только единой истинѣ, „онъ не воскуритъ ѳиміамъ идоламъ своихъ дней"... Редакція ограничивалась извлеченіемъ и переводами статей гамбургскаго журнала, не прибавляя ничего своего, за исключеніемъ самыхъ короткихъ извѣстій о нашихъ внѣшнихъ событіяхъ, пропущенныхъ въ журналѣ. Журналъ содержалъ въ себѣ довольно подробное и связное изложеніе политическихъ извѣстій изъ различныхъ государствъ, важнѣйшіе дипломатическіе акты, массу интересныхъ современныхъ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ, свѣдѣнія статистическія и перечень сочиненій по исторіи, географіи и статистикѣ, выходившихъ въ Германіи; въ нѣкоторомъ отношеніи журналъ, до извѣстной степени, сохраняетъ свою цѣну и теперь. События въ немъ излагались совершенно объективно, не представляя никакого опредѣленнаго политическаго направленія и оцѣниваясь съ нѣмецко-гамбургской точки зрѣнія, вѣрной существующему легальному порядку вещей. Съ самаго начала журналъ отнесся сочувственно къ

революціонному движенію во Франціи. „При всѣхъ безпокойныхъ народныхъ движеніяхъ,—сказано въ журналѣ,—произошло начало новой эпохи человѣческаго рода, и эпоха *поправленія судьбы* такъ называемыхъ низкихъ состояній—*угнетеніе самопроизвольной власти*, ограниченіе министерскаго и подминистерскаго деспотизма, владычества аристократіи или вельможъ возлѣ престоловъ. Такъ зломъ произведено добро! Такъ 1782 годъ учинился вѣчно незабвеннымъ между годами многихъ столѣтій“ (1790, 1, 8 и 9 г.). Но это сочувственное отношеніе къ великимъ задачамъ французской революціи сейчасъ же смѣняется осужденіемъ бурнаго хода событій. Приведя тѣ различные пути, которыми въ разныхъ странахъ народы стремились достигнуть свободы,—редакція говоритъ: „всѣ сіи безконечныя различія имѣли только то общее, что вездѣ было возмущеніе, пролита кровь гражданъ, и люди и земли учинились бѣдными и несчастными!“ (стр. 12). Уже со второй части 1789 г. взглядъ журнала на событія совершенно измѣнился и текущія событія совершенно заслонили истинный смыслъ совершающагося переворота. Въ обозрѣніи французскихъ событій конца 1789 г., журналъ выражается: „издатели сего журнала въ восьмой части прошедшаго (1788 г.) сообщили въ особой статьѣ, какъ *Парижъ сильною рукою возвращаетъ вольность*! Вскорѣ затѣмъ послѣдовали тѣ происшествія, которыя уже не вольность, но неистовство имѣли за основаніе“. Этотъ политическій взглядъ на французскую революцію журналъ сохранялъ до конца.

Сатирическое направленіе представлено было въ московской журналистикѣ „Сатирическимъ Вѣстникомъ“, который выходилъ неопредѣленно частями въ продолженіи 1790—1792 г. (IX частей). Издателемъ его былъ Николай Ивановичъ Страховъ. Кто былъ этотъ Страховъ и не былъ ли онъ, судя по отзыву, братомъ проф. физики П. И. Страхова (25) — неизвѣстно. Журналъ этотъ былъ подражаніемъ издававшейся въ Петербургѣ въ 1789 г. „Почты духовъ“, издававшейся И. А. Крыловымъ, гдѣ, по мнѣнію А. Н. Пыпина, участвовалъ Радищевъ (двѣ части, — гдѣ заключаются ежемѣсячные выпуски, окончившіеся августомъ мѣсяцемъ). Оба эти журнала изложены въ формѣ писемъ. Крыловъ свою сатиру излагаетъ въ видѣ переписки различныхъ адскихъ духовъ съ пріѣхавшимъ въ Петербургъ арабскимъ волшебникомъ Малькульмулюмъ, обнародованной его секретаремъ; Страховъ печатаетъ вы-

мышленныя корреспонденціи изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ. Относительно литературной отдѣлки, журналъ Крылова стоитъ гораздо выше. Академикъ Гротъ, разсматривая „Почту духовъ", говоритъ, что „тогда какъ прежніе журналы, выставляя главнымъ образомъ бытовую сторону общества, ограничиваются описаніемъ существовавшихъ золъ, Крыловъ заглядывалъ въ ихъ причины, обнажалъ нравственныя язвы, изъ которыхъ они проистекали. У него сатира глубже, рѣзче и разнообразнѣе. Она обнимаетъ всѣ слои общества, всѣ сословія, и потому принимаетъ характеръ вполнѣ общественный. Къ этому надобно прибавить и то, что зависитъ собственно отъ таланта писателя; Козицкій, Новиковъ, Эминъ и друг. были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ". Нѣкоторыя письма содержатъ въ себѣ типичные живые разсказы, напоминающіе мастерство „дѣдушки Крылова". (Пис. VII отъ Сильфа Дальновида, гдѣ изложенъ разговоръ сводни съ молодой дѣвушкой, увлекаемой ею въ развратъ, 1, 63; письмо XI отъ Гнома Зоря, гдѣ описывается имянинный столъ у купца Плуторѣза). Вообще, въ „Почтѣ духовъ" Крыловъ является тѣмъ тонкимъ наблюдателемъ-художникомъ, какимъ впослѣдствіи явился „дѣдушка Крыловъ" въ своихъ басняхъ. Сатира Крылова часто здѣсь развиваетъ съ бо̀льшею полнотою и ясностью тѣ же мысли, которыя мы встрѣчаемъ позднѣе въ его басняхъ; иногда одни и тѣ же образы повторяются и здѣсь и тамъ. „Московскій журналъ" далеко уступаетъ въ формѣ изданію Крылова и напоминаетъ бытовую сатиру прежнихъ журналовъ; что касается до внутренняго содержанія, то онъ останавливается, главнымъ образомъ, на явленіяхъ, уже подмѣченныхъ „Почтою духовъ", и даже повторяетъ, безъ измѣненія, высказанный ею взглядъ. Оба журнала между прочимъ проникнуты постояннымъ и живымъ протестомъ противъ крѣпостнаго права, который проведенъ въ „Московскомъ журналѣ" настойчивѣе и съ нескрываемымъ негодованіемъ.

Главными предметами для сатиры въ обоихъ журналахъ являются: щегольство и исключительное господство мо̀ды, вытѣснившее всѣ другіе интересы въ жизни; страсть къ мотовству и распространеніе роскоши во всѣхъ сословіяхъ, доводящее до разоренія; волокитство и увозъ дѣвицъ; заведеніе любовницъ; браки по разсчету; пустота свѣтской жизни и отсутствіе истинныхъ понятій о

честности; наклонность къ злословію (шпынство, какъ тогда называли); неблагодарность, азартная игра и шулерство; приглашеніе неспособныхъ и недостойныхъ учителей и гувернеровъ; предпочтеніе искусства въ танцованіи всѣмъ другимъ достоинствамъ; распространявшаяся мода къ притворнымъ болѣзнямъ, въ особенности къ истерикамъ, обморокамъ и близорукости у дамъ, послѣднее съ цѣлью обзавестись лорнетомъ; взяточничество и неправосудіе, на что особенное вниманіе обратила „Почта духовъ"; недостатокъ стремленія къ образованію и неохота къ чтенію книгъ. „Московскій журналъ" упоминаетъ, что книги читались обыкновенно, когда парикмахеръ завивалъ голову или на сонъ грядущій. „Почта духовъ" приводитъ неблагопріятныя сужденія о наукахъ дворянина живущаго въ деревнѣ, живущаго въ городѣ, офицера и наслаждающагося роскошью богача. Видно, что всѣ изчисленные недостатки были самою существенною и всего болѣе чувствительною болѣзнью того времени. Подъ вліяніемъ этого сознанія оба журнала до нѣкоторой степени сочувствуютъ старому порядку вещей. „Сатирическій Вѣстникъ" выставляетъ впередъ „противоположительность" старинныхъ нравовъ съ нравами и обычаями нынѣшними. „Почта духовъ" замѣчаетъ, что „отъ новаго воспитанія мало по малу искореняются здѣсь честные люди стараго вѣка, которыхъ называютъ иногда невѣжами; а на мѣсто ихъ вступаютъ люди большаго свѣта, которые дѣлаются столь же худыми воинами, сколь дурными гражданами и которыхъ все совершенство состоитъ только въ томъ, что на нихъ кафтанъ хорошаго покроя."

Но тѣмъ не менѣе, какъ мы уже замѣтили, оба журнала горячо возстаютъ противъ крѣпостнаго права. Говоря объ обычаѣ помѣщицъ набирать дѣвокъ филейницъ „для плетенія кружевъ", „Московскій Сатирическій Вѣстникъ" прибавляетъ: „Кто можетъ повѣрить, чтобы суетность и пустота свѣтской и общественной жизни до столь высочайшей степени возмогли загладить чувствованія человѣколюбія, что рѣшились претворить подобныхъ себѣ въ тѣ простыя махины, которыя предопредѣляются для удовлетворенія прихотей и самыхъ ребячествъ, отъ коихъ, однако же, между тѣмъ простирается та безпрерывная цѣпь горестей, которая и составляетъ безотрадность, мрачность и безполезность вѣка нынѣшнихъ людей." Послѣ извѣстія о томъ, что у одного любителя псовой охоты поколѣли собаки, журналъ упоминаетъ, что „трудно описать радость

тѣхъ несчастныхъ и разоренныхъ мужиковъ, на счетъ коихъ изобилія и гладу содержаны были сіи рѣзвобѣгающія твари." Про одного изъ щеголей журналъ замѣчаетъ, что онъ „сдѣлалъ фракъ съ синими пуговицами въ такую цѣну, которую онъ получилъ за двухъ проданныхъ имъ крестьянъ." Относительно размноженія дворовыхъ, журналъ говоритъ: „нѣкто изъ разумнѣйшихъ гражданъ нашихъ сдѣлалъ изчисленіе, что на 5,000 жителей дворянъ число парикмахеровъ, слугъ и служанокъ простирается здѣсь болѣе нежели до 100.000 человѣкъ. Тщеславные, а если по справедливости сказать, малоразсудительные дворяне, собирая около себя такое множество праздныхъ людей, питаютъ и одѣваютъ ихъ богато на счетъ глада и наготы несчастныхъ и грабимыхъ ими земледѣльцевъ". Упоминая объ общемъ пристрастіи дворянства къ попугаямъ замѣчено, что „въ случаѣ неимѣнія денегъ соглашаются также обмѣнивать сихъ птицъ и на людей." Описывая невыгодныя черты приглашеннаго въ домъ наставника изъ русскихъ, журналъ между прочимъ замѣчаетъ, что въ числѣ его качествъ было и знаніе „какъ воздерживаться не давать хлѣба крестьянамъ; какая цѣна, если ставить крестьянъ оныхъ въ рекруты; какимъ образомъ побоями можно ихъ довести до того, что они, несмотря на всѣ притѣсненія, только что будутъ отзываться однимъ словомъ: много довольны и пожалованы." Приводя завѣщаніе Скупягина, авторъ такъ излагаетъ одинъ изъ совѣтовъ его, ведущихъ къ скорому обогащенію: „скупать за дешевую цѣну разныя деревни; при таковой же покупкѣ наиприлежнѣйше узнавать должно, нѣтъ ли какихъ въ той деревнѣ денежныхъ крестьянъ, а у нихъ сыновей или дочерей, дабы купивши пристрастить ихъ тѣмъ, что дочерей возьмутъ во дворъ, а сыновей отдадутъ въ рекруты, отъ чего случается, что даютъ они за сіе столько денегъ, что вся деревня окупается даромъ. Потомъ должно годныхъ въ рекруты изъ той деревни всѣхъ распродать, отъ чего хотя крестьяне и разорятся, только барыша будетъ великое множество. Напослѣдокъ такую деревню можно продать хотя за половинную цѣну, а такимъ образомъ продолжать скупать и продавать деревни." Должность управителя заключается, по мнѣнію журнала, въ безпрестанныхъ упражненіяхъ въ дракѣ и разореніи крестьянъ, а сельскія занятія помѣщика въ деревнѣ состоятъ въ томъ, чтобы нѣкоторыхъ пересѣчь, смѣнять старость, выдать замужъ дѣвокъ, выбрать для про-

дажи годныхъ въ рекруты и собрать запасъ, оброкъ и деньги. Говоря объ употребленіи разныхъ гаданій и о вѣрѣ въ порчу, авторъ говоритъ о производимыхъ вслѣдствіе того домашнихъ розыскахъ и прибавляетъ: „подозрѣнія производятъ по пристрастію, дѣло разсматриваютъ опрометчиво и сѣкутъ и мучатъ безщадно.“ Описывая всѣ бѣдствія, происходящія отъ игры, авторъ указываетъ, что „тотъ, кто проигралъ, грабитъ своихъ крестьянъ и, напослѣдокъ ни съ чѣмъ оставя несчастныхъ мужиковъ, продаетъ ихъ или проигрываетъ за безцѣнокъ такому же вертопраху, который, равно ихъ грабя, сокращаетъ и обременяетъ несчастную ихъ жизнь.“ Дворянскій обычай окружать себя шутами ведетъ къ такимъ послѣдствіямъ: „изъ не глупаго и добраго крестьянина или крестьянки простое средство вдругъ сдѣлать дурака или дуру, шута или шутиху—состоитъ только въ слѣдующемъ обрядѣ: посадить на стулъ, остричь голову до гола, надѣть шахматное платье и привѣсить колокольчики. Такъ легко располагаютъ участью подобныхъ себѣ!“

„Почта духовъ“, говоря о дороговизнѣ модныхъ бездѣлицъ, гдѣ сталь и солома сбываются за цѣны несравненно дороже серебра,— приводитъ защитительную рѣчь купца, находящаго весь вредъ въ томъ только, что мужики умираютъ съ голоду. Говоря о корыстолюбіи правителей и неизбѣжномъ послѣдствіи—возвышеніи налоговъ, авторъ находитъ, что „смерть воина, сраженнаго во время битвы скоропостижнымъ ударомъ, не столь мучительна, какъ смерть бѣднаго земледѣльца, который истаиваетъ подъ бременемъ тяжкой работы, который въ потѣ лица своего снискиваетъ себѣ пропитаніе и который, истощивъ всѣ свои силы для удобренія земель, видитъ поля, обѣщающія вознаградить его обильною жатвою, расхищаемыя корыстолюбивымъ государемъ“. Промотавшійся франтъ, сожалѣя о своемъ разореніи, между прочимъ дѣлаетъ такое признаніе: „я не могу теперь взглянуть ни на одинъ мой кафтанъ и ни на одну мою ливрею, которыя бы не приводили мнѣ на память заложеннаго села, или деревни, или нѣсколькихъ душъ проданныхъ въ рекруты дворовыхъ“. Въ числѣ лѣкарствъ отъ меланхоліи для особъ, имѣющихъ животную натуру, авторъ рекомендуетъ госпожѣ, чтобы она дралась съ своей служанкой. Барыня, заставъ мужа спящимъ и укоряя его въ бездѣятельности, говоритъ ему: „Развѣ ты не вспомнишь, что уже скоро будетъ время идти ко всенощной, а тебѣ прежде еще этого надобно мужиковъ пересѣчь

за то, что они до сего дня не успѣли до ненастья въ городъ съѣздить и убраться съ поля". Помѣщичье хозяйство, точно также, какъ въ „Московскомъ журналѣ", изображается въ такомъ видѣ: „Богатый помѣщикъ преобращаетъ свой хлѣбъ и своихъ крестьянъ въ модные товары; лучшіе люди отнимаются съ полей (на полѣ оставляются только старые и малолѣтные), мѣняются на разныя бездѣлки, а достальные, вмѣсто того, чтобы доставать хлѣбъ изъ земли своими руками, за каретами и въ переднихъ у своихъ господъ, ждутъ спокойно, пока ихъ накормятъ". „Одна модная лавка можетъ разорить въ годъ до ста тысячъ крестьянъ; но эти сто тысячъ хлѣбопашцевъ здѣсь меньше уважаются, нежели одинъ французъ, торгующій шляпами, помадою и стальными пуговицами". Измѣна любовницы заставляетъ промотавшагося щеголя понять, что каждый приходъ къ ней опустошаетъ два или три крестьянскихъ дома.

Кромѣ этихъ главныхъ общественныхъ недостатковъ „Московскій журналъ" ограничивается сатирой надъ различными мелкими проявленіями обыденной жизни (27). „Почта духовъ" поднимается выше. Говоря о государяхъ, авторъ осуждаетъ ихъ тщеславіе и страсть къ войнѣ: „язвы и тифы, говоритъ онъ, менѣе причиняли вреда людямъ, нежели нѣкоторые государи и ихъ министры; много было такихъ государей, которымъ хотя потомство приписываетъ великія похвалы, однако же они не менѣе другихъ вреда людямъ причинили". Говоря о корыстолюбіи правителей, авторъ выражается: „гораздо бы лучше было для нѣкоторыхъ государей, чтобы потеряли они половину своихъ подданныхъ на сраженіи, или при осадѣ какого города, нежели, собравъ ихъ имущество къ себѣ въ сундуки, поморить послѣ съ голоду. „Ревность государей къ распространенію своего закона не менѣе причинила вреда людямъ, какъ и другія ихъ пристрастія". Авторъ при этомъ указываетъ въ особенности на религіозную нетерпимость. Описывая шаткость людскихъ убѣжденій, авторъ саркастически замѣчаетъ, что „тотъ одинъ истинный владѣтель, что можетъ цѣлый народъ философовъ заставить дурачиться по своей волѣ. Средство для этого простое: стоитъ только отнять свободу и смѣлость". Придворное состояніе, по мнѣнію автора, самое безполезное: „во всѣхъ различныхъ состояніяхъ жизни, человѣкъ можетъ находить полезныя упражненія; одни только придворные ни о чемъ больше не трудятся, какъ объ удовольствіи собственнаго своего честолюбія". Авторъ не щадитъ красокъ, описывая пороки вельможъ и тяжелый

гнетъ, накладываемый ими на общество: въ одномъ изъ писемъ онъ изображаетъ мастерски пріемную вельможи, въ другомъ онъ рисуетъ цѣлую сцену лести и обмана, которыми вельможи стараются совратить только что вступившаго на престолъ юнаго государя.

Крыловъ, кромѣ частныхъ явленій въ общественной и домашней жизни, вооружается и противъ общихъ пороковъ, присущихъ всякому обществу—праздности, алчности къ богатству и пр. Вообще взглядъ его на жизнь не отличается веселымъ и примирительнымъ настроеніемъ; разумъ человѣческій въ его глазахъ болѣе достоинъ жалости, нежели удивленія; бо́льшая часть людей злобны и развращенны, поэтому Крыловъ находитъ, что не мѣшаетъ каждому до нѣкоторой степени сдѣлаться мизантропомъ и, отстраняясь отъ людей, уйти въ самого себя. Съ этой точки зрѣнія сонъ представляется для него лучшимъ препровожденіемъ времени. „Люди,—говоритъ онъ,—тогда только могутъ считать себя счастливыми, когда наслаждаются мечтательными воображеніями. Слабые смертные, когда всѣ ваши заботы сопровождаются печалями и когда несчастіе повсюду за вами слѣдуетъ, чтобы быть вамъ совершенно благополучными, спите лучше и никогда не пробуждайтесь“.

Журналъ Крылова осмѣиваетъ распространившееся въ то время мистическое направленіе и въ этомъ смыслѣ главными науками признаетъ іудейскую кабалистику и небесную азбуку, гдѣ каждая звѣзда представляетъ буквы, по которымъ можно узнать все, что дѣлается на землѣ. Авторъ возстаетъ противъ господствовавшаго вкуса къ чтенію: умныя книги читаютъ купцы и мѣщане, а вельможи читаютъ веселыя сказки, дѣтскія выдумки и шутливыя басни. При этомъ авторъ осмѣиваетъ современное ему литературное направленіе, сочиненія рифмокрадовъ, воображающихъ, что дурной переводъ ничѣмъ не отличается отъ оригинальнаго произведенія, страсть къ стихотворству, которая сильнѣе нежели въ другихъ мѣстахъ. Отдавая полную справедливость наукѣ и „мудрымъ людямъ“, „философамъ“, ею занимающимся, Крыловъ однако же осуждаетъ тщеславіе ученыхъ, которое заставляетъ всякаго изъ нихъ превозносить до небесъ ту науку, въ которой онъ упражняется и желалъ бы, при прославленіи ея, помрачить всѣ другія науки. Предпочтенія предъ всѣми другими науками заслуживаетъ нравственная наука, такъ какъ не наука дѣлаетъ людей благополучными, а честность и добрая совѣсть. Вообще Крыловъ указываетъ

на ограниченность разума и признаетъ настоятельную потребность вѣры и религіи.

Журналъ Крылова продолжался всего восемь мѣсяцевъ и прекратился вслѣдствіе неимѣнія подписчиковъ: въ августѣ мѣсяцѣ ихъ оказалось всего четыре. „Сатирическій Вѣстникъ“ тянулся гораздо долѣе: его вышло шесть частей въ 1790 году, двѣ въ 1791 и одна въ 1792 году. Очевидно, публика плохо поддерживала оба изданія. Но нельзя сказать, чтобы они не находили читателей и не встрѣчали сочувствія. Оба журнала потребовали вскорѣ новыхъ изданій: „Почта духовъ“ издана была вновь въ 1802 году, „Сатирическій Вѣстникъ“ въ 1795 году. Замѣчательно, что всѣ сколько нибудь серьезные сатирическіе журналы, не выдерживая долговременнаго продолженія, требовали, послѣ окончанія, перепечатанія вновь.

Московская журналистика, сосредоточенная при университетѣ, дополнялась періодическими изданіями воспитанниковъ благороднаго пансіона. Изданія эти представляютъ цѣлый непрерывный рядъ, который мы разсмотримъ послѣдовательно, не стѣсняясь хронологіею.

Первымъ такимъ изданіемъ былъ сборникъ „Распускающійся цвѣтокъ“ 1787 г., изданный подъ руководствомъ В. С. Подшивалова. Оригинальною въ этомъ сборникѣ была только стихотворная часть. Въ ней помѣщены: Дм. Баранова (басни Лисица - офицеръ, Слонъ, Свиньи и другіе звѣри, Влюбленный піитъ, эпиграммы), И. Сипягина (басня Снѣгъ, Прекрасныя Сократовы слова, Сальвини въ темницѣ, Прелестѣ), Молчанова (Утреннее размышленіе изъ Геллера, Пѣснь истины); по одному стихотворенію Бѣлавина и Ягловскаго и нѣсколько стихотвореній, принадлежащихъ неизвѣстнымъ. Въ числѣ стихотвореній помѣщено одно, присланное со стороны и принадлежащее, какъ сказано въ примѣчаніи, всѣмъ извѣстному лицу—„Лисица Казнодѣй“. Судя по слогу и этой припискѣ, стихотвореніе это должно принадлежать Ив. И. Дмитріеву, но въ собраніяхъ его сочиненій оно не помѣщено. Прозаическая часть вся переводная, безъ означенія имени авторовъ, за исключеніемъ четырехъ идиллій изъ „Попія“, переведенныхъ Сипягинымъ. Переводъ состоитъ преимущественно изъ мелкихъ отрывковъ дидактическаго содержанія и небольшихъ разсказовъ, изъ числа которыхъ нѣсколько подлиннѣе восточная повѣсть „Пингренонъ“, пер. М. Хлюстина, и поэма „Геро и Леандръ“, пер. Сипягина.

Изъ числа означенныхъ лицъ Д. Барановъ участвовалъ въ „Зеркалѣ свѣта“, издаваемомъ Туманскимъ (1787 г.), „Аонидахъ“ и „Вѣстникѣ Европы“ за 1802 г.; Сипягинъ помѣстилъ стихотвореніе въ „Чтеніи для вкуса и разума“; о Хлюстинѣ скажемъ ниже.

Затѣмъ слѣдовало „Полезное упражненіе юношества“, сборникъ 1789 г., подъ руководствомъ И. М. Снегирева. Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщены: Д. Баранова („Эпистола къ моему бывшему другу“, „Старикъ“, „Домъ изъ картъ“, „Любовь“, „Аминтъ и Дорида“, „Эпиграммы“, „Пустынникъ“, „Розовый кустъ“); Ив. Сипягина („Притча“, „Корабль“, „Буря и ведро“); Дм. Вельяшева-Волынцева (Стихи на гробъ Вертера, Эпитафіи, Эпиграммы, Загадка, Рондо, Вечеръ, Зима); Раевскаго („Стансы добродѣтели“, „Стихи суетѣ“); Аргамакова (Басня); Протасова (Стихи на золото); Зыбелина („Остроумный отвѣтъ“, переводъ) и нѣсколько стихотвореній неизвѣстныхъ поэтовъ. Въ этомъ сборникѣ въ переводной прозаической части мелкіе расказы и повѣсти преобладаютъ надъ статьями дидактическаго содержанія; изъ болѣе крупныхъ повѣстей переведены, безъ означенія имени авторовъ: „Норстонъ и Сусанна, или коловратность рока“ (пер. Ос. Чернышева), „Два возраста“ (его же), „Братская любовь“ (пер. съ франц. Ал. Данилевскаго), „Разговоръ объ истинномъ благополучіи“ (пер. съ франц. Мих. Трофимовскаго), „Женившійся мертвецъ“ (пер. Кар. М.). Въ этомъ сборникѣ помѣщена обстоятельная статья „Объ обычаяхъ германскихъ“, пер. съ франц. Ал. Кикина. Изъ лицъ, впослѣдствіи сдѣлавшихся извѣстными, помѣщены стихотвореніе, эпиграммы и два коротенькихъ переводныхъ отрывковъ Ив. Инзова, впослѣдствіи бывшаго новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и извѣстнаго по своимъ отношеніямъ къ Пушкину, и два прозаическіе отрывка С. Озерова, впослѣдствіи сенатора.

Изъ числа означенныхъ лицъ помѣщали свои стихотворенія и прозаическія статьи подражательныя или прямо переводныя: Аргамаковъ въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ и въ „Ипокренѣ“; Вельяшевъ - Волынцевъ въ „Препровожденіи времени и въ „Аонидахъ“; Н. Хлюстинъ въ „Зеркалѣ свѣта“ Туманскаго (1787 г.), „Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ (1795 г.), „Утреннихъ, часахъ“ изд. Ив. Рахманиновымъ; въ „Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени“; М. Хлюстинъ въ „Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени“.

„Утренняя заря". Сборникъ 1802—1808, VI частей.

Поводомъ къ этому изданію, какъ видно изъ предисловія, послужило слѣдующее обстоятельство: „нѣсколько молодыхъ благородныхъ людей для успѣшнѣйшаго образованія своего вкуса и для большаго усовершенствованія себя въ отечественномъ языкѣ собираются однажды въ недѣлю читать свои сочиненія и переводы, сообщаютъ другъ другу свои о томъ мысли и замѣчанія и общими взаимными усиліями исправляютъ свои упражненія. Число сихъ упражненій теперь довольно велико, и лучшія изъ нихъ рѣшились трудившіеся издать въ свѣтъ подъ именемъ „Утренней зари". Такимъ образомъ, журналъ этотъ былъ органомъ „Собранія университетскихъ питомцевъ", оживленнаго въ 1789 г. стараніями Жуковскаго.

Стихотворный отдѣлъ представляетъ начальные опыты Жуковскаго, С. Родзянки, С. Соковнина, Грамматина и Милонова. Жуковскій помѣстилъ слѣдующія стихотворенія: „Могущество, слава и благоденствіе Россіи", „Къ Тибуллу", „Человѣкъ", первоначальную редакцію "Сельскаго кладбища" изъ Грея, „Въ день моего рожденія", „Къ поэзіи", „Миръ; прозою: „Надежда", „Мысли на кладбищѣ", „Истинный герой". Здѣсь же началъ свое стихотворное поприще М. Магницкій, одою къ россійскому юношеству, прочтенною на актѣ 21 декабря 1794 года. Изъ воститанниковъ, получившихъ впослѣдствіи извѣстность на поэтическомъ поприщѣ, здѣсь помѣстили свои произведенія Ив. Петинъ (басни), Як. Лизогубъ, Петръ Свиньинъ, А. Офросимовъ, А. Раевскій и др. Мерзляковъ помѣстилъ стихотворенія: „Тѣнь Кукова на островѣ Овги—ги", „Природа-учитель" и переводъ „Посланія Горація къ Пизонамъ".

Изъ оригинальныхъ прозаическихъ статей, кромѣ рѣчей, произнесенныхъ воспитанниками на актахъ, весьма замѣчательна статья о воспитаніи, но, къ сожалѣнію, кѣмъ она составлена—опредѣлить невозможно. Что это статья оригинальная, доказываетъ помѣщеніе ея въ избранныхъ сочиненіяхъ изъ „Утренней Зари", куда переводныя статьи не вошли. Изъ переводовъ помѣщено: изъ Томаса („Essais sur les éloges", „Бесѣда Марка Аврелія съ самимъ собой", „О грекахъ", „Похвальное слово Декарту" и пр.); изъ Блера („Поэзія, ея происхожденіе и эпохи", „О еврейской поэзіи"); Шлецерово введеніе въ исторію; изъ Робертсона (Исторія Америки, Торговля и мореплаваніе древнихъ); отрывки изъ „Esprit

d'Anacharsis" („О воображеніи", „Объ астрономіи" и пр.). Далѣе слѣдуютъ мелкія статьи: отрывки, принадлежащіе Ж. Бат. Руссо („Зима"); Мейснеру („Сцилла и Миносъ" и др); Геллерту („Ода на кончину М."); Мармонтелю („Рѣчь Помпея къ войску предъ Фарсальскимъ сраженіемъ"); Мабли („Исторія должна быть училищемъ нравственности и политики"); Верна („Похороны", „Темницы" и пр.); Фенелона („Изреченія мудрости", прислано Магницкимъ уже по окончаніи курса); Гольдсмита („Примѣръ твердости въ несчастіяхъ"); Мори („Фенелонъ"); „Questions sur l'Encyclopedie„ („Разговоръ между философомъ и натурою") и нѣкоторыхъ друг. Между переводчиками встрѣчаются имена лицъ, впослѣдствіи пріобрѣтшихъ извѣстность: Ал. и Ник. Тургеневы, М. Кайсаровъ, Пав. Свиньинъ, Д. Дашковъ.

„Избранныя сочиненія изъ Утренней Зари", 2 части, 1809 г. Въ первой части перепечатаны почти всѣ стихотворенія, а во второй оригинальныя прозаическія статьи: рѣчи, говоренныя на актахъ, статья о воспитаніи и четыре мелкихъ отрывка (въ томъ числѣ три Жуковскаго).

„И отдыхъ въ пользу", сборникъ на 1804 годъ.

Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія: Жуковскаго („Добродѣтель"), С. Родзянки, Н. Грамматина, Петина, С. Соковнина, А. Петрова, Даргомыжскаго. Прозаическій отдѣлъ состоитъ почти исключительно изъ переводовъ, а именно: изъ Мармонтеля (Отрывокъ), Коцебу (Обхожденіе съ людьми, Старость); изъ Стерна („Заключенные въ темницѣ"), Расина („Какъ должно писать исторію"). Въ числѣ переводчиковъ изъ извѣстныхъ лицъ участвовали Соковнинъ, Д. Дашковъ, Ив. Петинъ, Лизогубъ, Н. Лунинъ. Болѣе крупныя переводныя статьи, безъ означенія откуда заимствованы: Религія, Письмо отца къ сыну, восточная повѣсть Ацетъ, Науки, художества, литература, ученые и художники во Франціи и въ Германіи (пер. Серг. Порошина). Остальныя статьи коротенькія и неважныя, бо́льшею частью съ дидактическимъ содержаніемъ.

„Въ удовольствіе и пользу", сборникъ, ч. I, 1810 г., ч. II—1811.

Въ стихотворномъ отдѣлѣ этого сборника участвовали преимущественно Саларевъ, а затѣмъ Анд. Раевскій, С. Чаплинъ и Анд. Родзянко; они же были главными вкладчиками прозаическихъ оригинальныхъ и переводныхъ статей. Кромѣ означенныхъ лицъ, по-

мѣщали свои стихотворенія: начинавшій поэтъ Милоновъ („На разлуку съ друзьями", 1, 267), Комаровъ, Забѣлинъ, С. Гудимъ, М. Гамалея, А. Прожина и П. Сушковъ („Къ дружбѣ"). Изъ оригинальныхъ статей помѣщены рѣчи и разговоры на актахъ, нѣсколько коротенькихъ историческихъ отрывковъ Саларева („Смерть Игоря"), Раевскаго („Василько въ темницѣ") и нѣкоторыя другія. Переводныя статьи посвящены, главнымъ образомъ, теоріи литературы. Сюда относятся двѣ обширныя статьи: „О началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изобрѣтеніи письменъ" и „О прямомъ употребленіи разума въ изслѣдованіи истины", гдѣ кратко излагаются теорія образованія языка и начальныя основанія логики и риторики; а также переводные отрывки изъ Блера (Сравненіе древнихъ и новыхъ авторовъ), Лагарпа („О эпиграммѣ и надписи") и Кондильяка („О происхожденіи поэзіи"). Большинство остальныхъ переводовъ также относится къ этой области, а именно отрывки изъ Томаса („Мысли объ языкахъ"), Бартелеми („Басня и аллегорія"), Almanach des prosateurs, (Критика), Мармонтель („Дарованіе поэта"). Въ журналѣ помѣщены также изъ иностранной литературы самые бѣглые очерки извѣстныхъ писателей: изъ предисловія Попе къ его переводу Иліады (Гомера), Шамфора (Мольеръ и Лафонтенъ), Лагарпа (Корнель и Расинъ), Левека (Орфей) и съ французскаго о Фенелонѣ и Цицеронѣ. Есть неизбѣжная, небольшая и довольно легкая статья о воспитаніи (изъ Жоффруа) и нѣсколько отрывковъ историческаго содержанія: Объ идолопоклонствѣ китайцевъ (изъ Histoire des differents peuples du monde), Религія Египтянъ (изъ Lettres sur l'Egypte), О нравахъ и характерѣ первобытныхъ Римлянъ" изъ Саллюстія и, наконецъ, хронологическій перечень именъ греческихъ и латинскихъ писателей (съ нѣмецкаго) и арабскихъ философовъ. Собственно литературную часть составляютъ также самые коротенькіе отрывки изъ Дидерота („Дружба ученыхъ"), Волнея (Источникъ золъ общественныхъ) Делароша (Рѣчь Аттиллы къ воинамъ), Рамблера (Жизнь, аллегорія); Мейснера („Сципіонъ и Аллюцій") и, наконецъ, единственная, восточная повѣсть „Морая", переведенная съ англійскаго. Въ числѣ переводчиковъ появляется Мих. Дмитріевъ (очеркъ „Младшій Плиній", съ французскаго).

„Калліопа", сборникъ на 1815, 16, 18 и 20 годы.

Въ стихотворномъ отдѣлѣ участвовали наиболѣе: А. Мансуровъ, Е. Познанскій, В. Чюриковъ, Н. Бобрищевъ-Пушкинъ и В. Верде-

ревскій. Познанскій перевелъ стихами двѣ сцены изъ трагедіи Вольтера „Смерть Цезаря“ и довольно большой отрывокъ изъ „Оссіана“ (Мальвина). Изъ менѣе доставившихъ встрѣчаются Саларевъ, Н. Сушковъ, присылавшій свои произведенія и послѣ выхода изъ пансіона, М. Родзянко, Н. Прокоповичъ-Антонскій. Въ послѣдній годъ выступили на сцену Писаревъ, помѣстившій восемь стихотвореній, Шевыревъ („Къ друзьямъ“) и Д. Ознобишинъ („Трубадуръ“). Стихи вообще довольно плохи и нѣтъ ни одной пьесы, выдержанной до конца. Прозаическій отдѣлъ состоитъ почти исключительно изъ переводовъ. Переводныя статьи представляютъ отрывки, нисколько не характеризующіе писателей, и перечисленіе ихъ можетъ имѣть интересъ только съ цѣлью познакомиться, какія произведенія иностранной литературы попадали въ руки пансіонеровъ. Изъ французскихъ писателей встрѣчаются по нѣскольку разъ: Фенелонъ, Томасъ и затѣмъ Ласепедъ, Бюфонъ, Боссюэтъ, Масильонъ, Жанъ Жакъ Руссо („Мысли“), Лабрюеръ, Берни, Рейракъ; изъ нѣмецкой литературы — неизбѣжный Геснеръ, Мейснеръ, Виландъ („Какъ жить въ свѣтѣ“, „Александръ и Діогенъ“, разговоръ), Пфаффель, Вейссъ, Энгель, Рихтеръ, Круммахеръ; изъ англійскихъ писателей Стернъ, Аддисонъ, Джонсонъ, Блеръ, Бэконъ, Робертсонъ („Изъ исторіи Америки“); по классической литературѣ есть переводы изъ Курція, Цицерона, Сенеки. Изъ теоріи словесныхъ наукъ помѣщена оригинальная статья „Объ умѣ и вкусѣ“, отрывки изъ уроковъ логики и риторики по Блеру и Кондильяку, вѣроятно, Ив. Ив. Давидова, и переводъ трехъ отрывковъ изъ Блера („Урокъ о поэзіи“, „О строеніи языка и о произношеніи“). Въ числѣ переводчиковъ названы: Н. Прокоповичъ-Антонскій, Ив. Воейковъ, Политковскій, А. Курбатовъ, Гавр. Поповъ, Чюриковъ, Илар. Васильевъ (впослѣдствіи профессоръ), К. Рюминъ. Изъ оригинальныхъ сочиненій замѣчательнѣе другихъ, впрочемъ только по объему, „Похвальное слово Пожарскому“ Саларева; здѣсь же помѣстилъ первое свое литературное произведеніе кн. Одоевскій.

„Избранныя сочиненія въ прозѣ и стихахъ“, труды благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго пансіона, 3 части“, 1824 — 1825 г.

Здѣсь перепечатаны почти всѣ стихотворенія и лучшія оригинальныя и переводныя статьи въ прозѣ изъ вышепоименованныхъ сборниковъ, такъ что настоящее изданіе могло бы вполнѣ ихъ за-

мѣнить, если бы указывались имена авторовъ и въ переводныхъ статьяхъ была бы ссылка на оригиналъ.

Такимъ образомъ, труды воспитанниковъ благороднаго пансіона представляютъ непрерывный рядъ изданій съ 1787 года по 1825 годъ. Это доказываетъ, что вкусъ къ литературнымъ занятіямъ прочно установился въ этомъ учрежденіи, такъ что большинство воспитанниковъ, начавшихъ свои труды въ пансіонскихъ сборникахъ, создали изъ литературы болѣе или менѣе постоянное для себя занятіе и во время остальной своей жизни. Я не говорю уже о болѣе крупныхъ литературныхъ дѣятеляхъ того времени, каковы Жуковскій, кн. Одоевскій, Ознобишинъ, Шевыревъ, А. Воейковъ, Писаревъ; изъ числа менѣе видныхъ Н. Бобрищевъ-Пушкинъ, Вердеревскій, кн. Гр. Гагаринъ, Грамматинъ, Д. Кавелинъ, Кайсаровы, Комаровъ, Лизогубъ, Магницкій, Милоновъ, Петинъ, С. Родзянко, Саларевъ, Пав. Свиньинъ, Соковнинъ, Сушковъ и др. принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ тогдашней литературѣ и журналистикѣ. Большинство ихъ, какъ мы уже видѣли, прямо переходятъ въ сотрудники журналовъ, издававшихся Подшиваловымъ и Сохацкимъ.

Кромѣ изложеннаго ряда повременныхъ изданій, тѣсно связанныхъ съ университетомъ и благороднымъ пансіономъ, въ московской журналистикѣ было явленіе болѣе обособленное и несравненно болѣе важное.

Одной изъ самыхъ важныхъ заслугъ Новиковскаго кружка было привлеченіе къ литературной дѣятельности Карамзина.

По выходѣ изъ Московскаго пансіона проф. Шадена, Карамзинъ поступилъ на службу въ гвардію, гдѣ онъ сблизился съ землякомъ своимъ Ив. Ив. Дмитріевымъ, тоже служившимъ въ гвардіи и участвовавшимъ въ тогдашнихъ журналахъ. Здѣсь Карамзинъ началъ свои литературные опыты переводами съ нѣмецкаго „Разговора Маріи-Терезіи съ Императрицею Елисаветой въ Елисейскихъ поляхъ“ (1782 г.) и идилліи Геснера „Деревянная нога.“ Но вскорѣ смерть отца заставила Карамзина оставить службу и переѣхать въ Симбирскъ, гдѣ было доставшееся ему съ братомъ имѣніе. Въ Симбирскѣ Карамзинъ явился отставнымъ свѣтскимъ гвардейцемъ, блестящимъ, но довольно пустымъ и еще не выработавшимъ своего слога. И. П. Тургеневъ, оцѣнившій дарованіе Карамзина, увезъ его оттуда въ 1785 году въ Москву и ввелъ въ кружокъ Нови-

кова, выдвинувъ Карамзина на литературное поприще. Изъ Новиковскаго кружка Карамзинъ сошелся ближе другихъ съ Петровымъ, Кутузовымъ и Ленцемъ, съ которыми Карамзинъ жилъ въ разное время въ одномъ домѣ. Всѣхъ тѣснѣе была дружба его съ Петровымъ. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Петровъ знакомъ былъ съ древними и новыми языками, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностью къ критикѣ; но, къ сожалѣнію, ничего не писалъ для публики и упражнялся только въ переводахъ, изъ которыхъ извѣстны первые два года журнала „Дѣтское чтеніе", „Учитель", въ двухъ томахъ, и „Багаутгета" санскритская поэма, переведенная съ англійскаго. Характеръ Петрова, угрюмый, молчаливый, подчасъ насмѣшливый, былъ вовсе не похожъ на Карамзинскій; но, тѣмъ не менѣе, самая тѣсная дружба сблизила обоихъ и Карамзинъ горько оплакивалъ кончину своего друга въ извѣстномъ стихотвореніи: „На смерть моего Агатона". Гораздо менѣе сходился Карамзинъ съ Кутузовымъ. Кутузовъ не долго оставался въ Москвѣ при Карамзинѣ, такъ какъ въ первой половинѣ 1787 г. Кутузовъ отправился въ Берлинъ, гдѣ и умеръ въ 1789 г., не встрѣтившись съ Карамзинымъ во время заграничнаго его путешествія. Кромѣ того, Кутузовъ былъ однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ и крайнихъ послѣдователей мартинизма, къ которому Карамзинъ не оказывалъ никакой склонности. Но, во всякомъ случаѣ, нравственное вліяніе Новиковскаго кружка сказалось во всей послѣдующей дѣятельности Карамзина. Онъ усвоилъ себѣ всѣ гуманныя стремленія, отличавшія людей Новиковскаго кружка: религіозную вѣротерпимость, уваженіе къ личности человѣка независимо отъ его общественнаго положенія и значенія, сознаніе, что, и внѣ государственной службы, одною частною дѣятельностью можно принести общую пользу, неуклонное стремленіе къ просвѣщенію и потребность литературнаго общенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, благодушное, примирительное отношеніе къ окружающей средѣ и политическій индифферентизмъ. Впрочемъ, этотъ индифферентизмъ до нѣкоторой степени объясняется полнымъ въ то время незнакомствомъ, какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ, съ иными формами политическаго быта.

Ленцъ, сынъ пастора изъ Лифляндіи, былъ однимъ изъ видныхъ нѣмецкихъ поэтовъ такъ называемаго бурнаго періода. Судьба его была странная и интересная. Въ молодые годы онъ

встрѣтился въ Страсбургѣ съ Гёте, пріѣхавшимъ изучать юриспруденцію въ тамошнемъ университетѣ. Въ своей „Поэзіи и правдѣ“ Гёте говоритъ объ Ленцѣ: „я познакомился съ нимъ въ концѣ моего пребыванія въ Страсбургѣ. Видѣлись мы рѣдко, потому что я не принадлежалъ къ его обществу, но, тѣмъ не менѣе, желаніе встрѣчаться было у насъ обоихъ. Оба мы любили мѣняться мыслями, такъ какъ при одинаковости лѣтъ имѣли и одинакіе взгляды“ (431). Впослѣдствіи Ленцъ переселился къ Гёте въ Веймаръ, но пробылъ тамъ не долго и былъ удаленъ своимъ другомъ. Болѣзненное самолюбіе, заставлявшее его во что бы то ни стало подняться на одну высоту съ Гёте, и разочарованіе въ любви довели его до сумасшествія и, наконецъ, привели въ Москву, гдѣ онъ пріютился въ кружкѣ Новикова и несчастнымъ образомъ покончилъ свою жизнь въ 1792 году. Тѣмъ не менѣ Ленцъ имѣлъ нѣкоторое значеніе въ современной ему нѣмецкой литературѣ и обнаружилъ несомнѣнные признаки сильнаго таланта въ своихъ драмахъ и простое, но глубокое чувство въ мелкихъ произведеніяхъ (Scherer, 502). Карамзинъ говоритъ о Ленцѣ: „Глубокая меланхолія вслѣдствіе многихъ несчастій свела его съ ума, но въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ иногда своими піитическими идеями, и всего чаще трогалъ добродушіемъ и терпѣніемъ“. „Несмотря на свое сумасшествіе, Ленцъ еще въ состояніи былъ работать въ Москвѣ: послѣ него осталось какое-то сочиненіе „О торговлѣ“ и есть свѣдѣніе, что Ленцъ въ Москвѣ написалъ „Піитику безъ правилъ.“ Краткая біографическая о немъ замѣтка, помѣщенная въ 21 № „Телескопа“ 1831 года, переведенная съ нѣмецкаго (она обозначена буквами М. В. и принадлежитъ Тику), ничего не говоритъ о пребываніи его въ Москвѣ, такъ-что прямыхъ указаній на характеръ его отношеній къ лицамъ Новиковскаго кружка нѣтъ. Вообще едва ли есть основаніе искать прямаго, непосредственнаго и сильнаго вліянія Ленца на Карамзина, даже относительно пониманія послѣднимъ Шекспира. Отзывъ Карамзина о Шекспирѣ, предшествовавшій переводу драмы „Смерть Цезаря“, легко могъ быть заимствованъ у Летурнера, который служилъ Карамзину оригиналомъ для перевода; знакомство его съ нѣмецкою литературой могло произойти и безъ посредства Ленца, такъ какъ иностранныя и преимущественно нѣмецкая литература сильно распространились тогда въ образованной части публики и въ особенности въ Москвѣ, среди кружка Новикова и

Шварца подъ его вліяніемъ. Не даромъ Карамзинъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ въ этомъ кружкѣ, имѣлъ въ своемъ кабинетѣ бюстъ Шварца, котораго онъ уже не засталъ въ живыхъ. Надо вспомнить, что эпоха конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ была по преимуществу занята переводами. Въ это время напечатано было преимущественно у Новикова большинство оставшихся намъ отъ XVIII в. переводовъ всѣхъ современныхъ болѣе или менѣе крупныхъ заграничныхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ знанія и перепечатаны были старые переводы, выходившіе уже изъ обращенія и становившіеся рѣдкими въ продажѣ. Въ этомъ движеніи, какъ мы уже видѣли, принимали непосредственное участіе и ближайшіе члены Новиковскаго кружка: Лопухинъ, Лабзинъ, Кутузовъ и нѣсколько другихъ, имена которыхъ нами уже указаны. Къ числу ихъ примкнулъ и Карамзинъ, начавшій съ перевода поэмы Галлера, „О происхожденіи зла“ (1786 г.) и отрывковъ изъ періодическаго изданія Штурма: Размышленія въ дѣлахъ божіихъ въ царствѣ натуры и провидѣнія и проч.“, которыхъ полный переводъ вышелъ въ 1787—89 гг. (12 частей). Этимъ Карамзинъ заплатилъ дань мистическому направленію своего кружка. Но онъ скоро перешелъ на чисто-литературное поприще, участвуя, до своего отъѣзда, вмѣстѣ съ Петровымъ, въ редакціи „Дѣтскаго Чтенія“ и издавъ отдѣльные переводы „Юлія Цезаря“ Шекспира (1787 г.) и „Эмиліи Галотти“ Лессинга (въ 1789 г.). Въ 1789 году Карамзинъ отправился за границу и пробылъ тамъ полтора года. Какое участіе въ его заграничномъ путешествіи принималъ Новиковскій кружокъ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, не денежное. Мысль о заграничномъ путешествіи родилась у самого Карамзина еще гораздо ранѣе и послѣ окончанія пансіонскаго курса онъ мечталъ докончить свое образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, но обстоятельства этому помѣшали.

Вскорѣ послѣ возвращенія Карамзина въ Россію, онъ принялся за изданіе журнала. Журналъ его носилъ названіе „Московскій Журналъ“ и издавался въ теченіе двухъ лѣтъ (1791—1792, восемь частей). Въ объявленіи объ изданіи журнала Карамзинъ говоритъ, что содержаніе его будетъ составлять: I. *Русскія сочиненія въ стихахъ и прозѣ;* при этомъ Карамзинъ заявляетъ, что ему обѣщали прислать нѣсколько пьесъ „первый нашъ поэтъ“ Державинъ и другіе извѣстные поэты. II. *Разныя небольшія иностран-*

ныя сочиненія по бо́льшей части изъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ журналовъ, съ извѣстіемъ о новыхъ важныхъ книгахъ, выходящихъ на сихъ языкахъ. III. *Критическія разсматриванія русскихъ новыхъ книгъ*, а особливо оригинальныхъ: переводы, недостойные вниманія публики, изъ сего исключаются. IV. *Извѣстія о театральныхъ пьесахъ*, представляемыхъ на Московскомъ театрѣ, съ замѣчаніями на игру актеровъ. V. Описаніе разныхъ происшествій, по чему-нибудь достойныхъ примѣчанія, и разные анекдоты, а особливо изъ жизни славныхъ нашихъ писателей. Такимъ образомъ, журналъ Карамзина былъ чисто-литературный и не представлялъ собою ничего новаго, обѣщая не болѣе того, что уже давалъ „С.-Петербургскій Вѣстникъ", издававшійся Брайко (1778—81 гг. См. выше). Вообще темою своего журнала Карамзинъ избралъ по преимуществу „Французскій Меркурій" („Mercure de France"), съ 1790 г. поступившій къ Мармонтелю, который вмѣстѣ съ Лагарпомъ занимался ученымъ отдѣломъ журнала.

Стихотворный отдѣлъ занималъ значительную часть. Главными вкладчиками въ немъ, кромѣ самого Карамзина, были Державинъ, помѣщавшій одно, а иногда и два-три стихотворенія въ каждой книжкѣ, и Дмитріевъ. Державинъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній помѣстилъ здѣсь „Видѣніе Мурзы", „Ласточку" (въ первоначальномъ видѣ), „Къ Калліопѣ", Дмитріевъ—сказку „Модная жена", которая въ свое время имѣла большой успѣхъ и надѣлала много шуму. Изъ другихъ поэтовъ здѣсь помѣщали свои произведенія: Нелединкій-Мелецкій, пріятель Карамзина Петровъ, Капнистъ (ода на счастье), П. Кутузовъ, гр. Дм. Хвостовъ, кн. Урусовъ, Подшиваловъ, Николевъ и даже Львовъ, котораго Карамзинъ называетъ „человѣкомъ съ дарованіемъ и нѣжнымъ чувствомъ". Замѣчательно, что въ журналѣ помѣщены двѣ пѣсни, долго остававшіяся любимыми и перешедшія въ пародъ, самыми плохими поэтами: „Ужь какъ палъ туманъ на сине море"—П. Львовымъ и „Вечеркомъ румяну зорю"—Николевымъ.

Въ оригинальной прозѣ всѣ произведенія, съ немногими исключеніями, принадлежатъ самому Карамзину: Письма русскаго путешественника, занимающія значительную часть журнала, Самоубійца, неоконченная повѣсть Ліодоръ, Софья, Фролъ Силинъ, идиллія Палемонъ и Дафнисъ и, наконецъ Бѣдная Лиза (1792 г.)

и Наталья боярская дочь. Неизвѣстному лицу (Из. К.) принадлежитъ повѣсть „Альфида“ (кн. 4, 258). Этими повѣстями Карамзинъ началъ сантиментальное направленіе, приданное имъ литературѣ.

Переводная часть въ этомъ журналѣ Карамзина все еще занимала видное мѣсто. Въ числѣ переводовъ помѣщены: изъ Мармонтеля его „Вечера“ и нѣсколько мелкихъ пьесъ; отрывки изъ Путешествія и Тристрама Шенди—Стерна; изъ французскаго его подражателя Верна; изъ Гердеря „Лилія и роза“, изъ Морица (изъ его психологическаго магазина „Чудный сонъ“, „Сила воображенія“, изъ Gotter Ehre, нѣчто о миѳологіи, письмо изъ Рима); изъ Макферсонова Оссіяна (Картонъ); изъ „Bagatellen“ Антона Валя („Барухъ“); изъ сочиненія Іоан. Вал. Андрея, автора XVI в. („Антиподы“, Погребенная истина); изъ Байля lettres choisies (письмо Байля къ Шефтсбюри и отвѣтъ послѣдняго); съ польскаго—епископа Нарушевича („Праздникъ старца“); изъ Коцебу („Марія Сальмонъ“, „Прогулки“, „Арабскій философъ Альрашидъ“); переведенный Карамзинымъ отрывокъ изъ „Саконталы“, по нѣмецкому переводу Форстера, на основаніи англійскаго перевода Джонса; изъ Монтескье („Лизимахъ“), изъ аббата Реналя („Похвала Елизѣ Дреперъ), изъ Виланда („Мейстеръ“, „Прекрасная царевна“ изъ его журнала „Корделія“); изъ путешествія Анахарзиса („Платонъ или о происхожденіи міра“), изъ Бутервега („Апполонъ“); изъ Шиллера одинъ актъ драмы Юліана; изъ Флоріана (изъ „Nouvelles nouvelles“ Валерія); изъ Энгеля („Гиласъ и Филоподъ“, „Галилеево сновидѣніе“); изъ Архенгольцевой Британской лѣтописи„ Кораблекрушеніе въ южномъ морѣ“; изъ „Deutscher Monatschrift“ статья Гарвея о досугѣ; изъ Новаго азіатскаго путешествія (Кофейный домъ); изъ „Etrennes sentimentales“ (Шотландская баллада); изъ „Mercure Francais“ (Англійскіе анекдоты). Кромѣ того, помѣщены переводныя статьи: „Жизнь Калліостро“ и изъ Мейстера Characteristik, краткія характеристики—жизнь Клопштока, Саломонъ Геснеръ. Изъ иностранныхъ авторовъ Карамзинъ всего болѣе пристрастенъ къ Стерну: „Стернъ несравненный!—восклицаетъ онъ въ концѣ своего перевода („Лефевръ“, V, 233),—въ какомъ ученомъ университетѣ научился ты столь нѣжно чувствовать! Какой музыкантъ такъ искусно звуками струнъ повелѣваетъ, какъ онъ повелѣваетъ нашими чувствами! Сколько разъ читалъ я „Лефевра“ и сколько разъ лились слезы мои на листы сей исторіи!“

Рецензіи иностранныхъ книгъ по большей части весьма кратки

и ограничиваются простымъ упоминанiемъ; только рецензiя путешествiя Вальяна („Voyage de M-r le Vaillant dans l'interieur de l'Afrique“) нѣсколько пространнѣе и принадлежитъ Шанфору, помѣстившему ее въ „Mercure de France“, откуда она переведена.

Разборы русскихъ книгъ подробнѣе. Разборъ „Кадма и Гармонiи“ Хераскова ограничивается легкими замѣчанiями; авторъ, очевидно, не рискуетъ затронуть славу тогдашняго Нестора русской литературы и припоминаетъ слова англiйскаго поэта, что „погрѣшности въ сочиненiи подобны соломѣ, плавающей по верху воды, а красоты—перламъ, лежащимъ на днѣ; итакъ мало чести прiобрѣтетъ тотъ, кто будетъ всегда собирать первыя“. Но, къ счастью, Карамзинъ не всегда такъ благодушно относится къ разбираемымъ книгамъ и довольно строго отзывается о переводахъ. Такъ, напримѣръ, разбирая переводъ Клариссы Гарловъ, напечатанный въ Петербургѣ въ 1791 г., безъ имени переводчика,—Карамзинъ, показавши всѣ ошибки, признается, что „онъ остановился на третьей страницѣ и отослалъ книгу назадъ въ лавку, съ желанiемъ, чтобы слѣдующiя части совсѣмъ не выходили или гораздо лучше переведены были“. Впрочемъ, критика въ то время была дѣло не легкое. Туманскiй издалъ въ 1791 г. переводъ Палефата, греческаго философа, о невѣроятныхъ сказанiяхъ, съ своими примѣчанiями. Это было толкованiе на разныя мифологическiя легенды. Въ журналѣ Карамзина Подшиваловъ напечаталъ очень легкiя и скромныя замѣчанiя, гдѣ обнаружилъ немногiя ошибки и невѣрности въ примѣчанiяхъ и указалъ на полное незнанiе русскаго языка. Туманскiй страшно обидѣлся и высказалъ мысль,—нѣкогда, впрочемъ, проводившуюся Ломоносовымъ по случаю напечатанной на него критики въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ,—что право разбора научныхъ и литературныхъ произведенiй принадлежитъ только обществамъ, а не частнымъ лицамъ; по мнѣнiю Туманскаго, „частныхъ людей сужденiя, въ газетахъ, журналахъ и пр. сообщаемыя, никогда отъ людей умныхъ уважаемы не были, и извѣстно, что они за подарки истощеваютъ свои хвалы, по пристрастiю, самолюбiю, личной ссорѣ или зависти выискиваютъ всѣ способы унизить трудъ чуждый“. Вотъ какое тогда существовало въ обществѣ мнѣнiе о критикѣ! Разборы театральныхъ пьесъ и игры актеровъ довольно подробны и обнаруживаютъ въ Карамзинѣ вѣрный критическiй тактъ. Такъ, несмотря на презрѣнiе у насъ къ „Эмилiи Галлоти“ старыхъ

классиковъ и тогдашнихъ литературныхъ корифеевъ, Карамзинъ помѣстилъ прекрасный для своего времени и вполнѣ сочувственный разборъ комедіи Лессинга.

Журналъ на первый же годъ расходился въ числѣ 300 подписчиковъ и пришелся по вкусу читателямъ, такъ какъ въ 1802—1803 году онъ потребовалъ новаго изданія. Но, несмотря на успѣхи своего журнала, Карамзинъ счелъ за нужное его прекратить послѣ двухъ-лѣтняго существованія. Повидимому, въ Карамзинѣ уже тогда зародилась мысль главнаго труда, которому онъ посвятилъ цѣлую свою жизнь, — составленія русской исторіи. Оканчивая журналъ, въ послѣдней книжкѣ Карамзинъ говоритъ: „Въ такомъ уединеніи я стану разбирать архивы древнихъ литературъ, которыя (въ чемъ признаюсь охотно) не такъ мнѣ извѣстны, какъ новыя; буду учиться, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ приняться за такой трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ для души и сердца, если не для потомства, то, по крайней мѣрѣ, для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей". Но это не мѣшало Карамзину отъ времени до времени выступать на литературное поприще. Въ 1794 г. онъ издалъ особою книжкой сочиненія свои, помѣщенныя въ „Московскомъ Журналѣ", подъ заглавіемъ „Мои бездѣлки". Въ томъ же году онъ издалъ сборникъ „Аглаю", прототипъ тѣхъ альманаховъ, которые въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ наводнили русскую литературу. Публика была слишкомъ малочисленна, чтобы поддерживать серьезное, постоянное, періодическое изданіе, рабочихъ силъ было мало и онѣ не успѣвали еще сомкнуться въ кружки съ выработаннымъ и опредѣленнымъ образомъ мыслей, а силъ одного человѣка было недостаточно, чтобы правильно и занимательно вести журнальное дѣло; все это вызывало и поддерживало появленіе безчисленнаго числа альманаховъ, гдѣ издатель, не обязываясь срокомъ, имѣлъ полную возможность запастись статьями посредствомъ личныхъ сношеній съ немногими корифеями тогдашней литературы. „Аглая" была, по мысли самого Карамзина, продолженіемъ „Московскаго Журнала" и состояла изъ оригинальной прозы и поэзіи, принадлежавшей преимущественно самому издателю: здѣсь помѣщены „Илья Муромецъ", „Письма Филарета къ Минодору и обратно", „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона" и проч. Изъ постороннихъ лицъ только И. И. Дмитріевъ доставилъ басню „Чижъ",

и нѣсколько стихотвореній помѣщено подъ псевдонимомъ М—въ, подъ которымъ угадываютъ то Мерзлякова, то—скорѣе, впрочемъ—Хераскова (такъ какъ во второмъ изданіи, вмѣсто М—ва, поставлено М. Х.). Въ 1795 году Карамзинъ редактировалъ „смѣсь“ „Московскихъ Вѣдомостей“, помѣщая тамъ разные мелкіе стихи, анекдоты, мысли древнихъ и новыхъ философовъ, свѣдѣнія о новыхъ иностранныхъ книгахъ, статейки по естествознанію и пр. Въ 1796—1799 гг. Карамзинъ издалъ три книжки „Аонидъ“ или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній, по примѣру издававшихся тогда за границей и пользовавшихся большимъ успѣхомъ календарей или альманаховъ, вслѣдъ за изданнымъ въ первый разъ въ Парижѣ „Almanach des muses“. Въ „Аонидахъ“ приняли участіе всѣ сколько-нибудь извѣстные тогда стихотворцы. За Державинымъ, Дмитріевымъ, Херасковымъ, Капнистомъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ, Костровымъ, кн. Шаликовымъ, кн. Ив. Долгоруковымъ, Вас. Пушкинымъ, Влад. Измайловымъ слѣдовали Н. Львовъ, Николевъ, кн. Д. Горчаковъ, кн. Г. Хованскій, Дм. Вельяшевъ-Волынцевъ, Авр. Лопухинъ, Мих. Муравьевъ, Дм. Кавелинъ, П. Кайсаровъ, А. Малиновскій, М. Магницкій, П. Пельскій, Д. Барановъ, А. Клушинъ, Ал. Храповицкій, Дм. Хвостовъ, Ил. Тимковскій, М. Вышеславцевъ, Ѳед. Брянчаниновъ, кн. П. Гагаринъ, Панкр. Сумароковъ, дамы—кн. Ек. Урусова, жена Хераскова и неизвѣстная К. С—а. Въ 1798 году вышелъ „Пантеонъ россійской словесности“—„собраніе переводовъ *всякаго* рода для тѣхъ, которые не читаютъ иностранныхъ книгъ, но имѣютъ вкусъ и любятъ чтеніе“. Здѣсь помѣщены нѣкоторые отрывки изъ классиковъ (изъ Цицерона, Лукановой Фарсаліи, Плутарха, Саллюстія, Тацита) и мелкіе отрывки изъ разныхъ иностранныхъ романовъ и журналовъ (изъ англійскаго романа „Man as he is“, Гольдсмита, путешествія Анахарзиса, записокъ Эро Сешеля и пр.). Въ 1801—1802 г. Карамзинъ написалъ біографіи для издававшагося Пл. П. Бекетовымъ „Пантеона россійскихъ авторовъ“ съ портретами, котораго вышло 4 тетради, гдѣ помѣщены краткія характеристики древнѣйшихъ писателей нашихъ, отъ Баяна до Ломоносова включительно. Этимъ окончилась періодическая литературная дѣятельность Карамзина, вплоть до изданія „Вѣстника Европы“, принадлежащаго уже къ послѣдующей эпохѣ Александровскаго царствованія.

Чтобы понять значеніе Карамзина въ журналистикѣ и въ ли-

тературѣ вообще, необходимо сказать нѣсколько словъ о характерѣ какъ западно-европейской, такъ и нашей литературы.

Въ началѣ XVIII столѣтія самымъ цвѣтущимъ и благоденствующимъ государствомъ въ Европѣ была Англія. Ея политическая и гражданская свобода была упрочена; религіозные споры улеглись; въ торговлѣ и промышленности она завоевала себѣ преобладающее положеніе міроваго рынка и экономическое ея состояніе было цвѣтущее; аграрный вопросъ еще не назрѣлъ и лэндъ-лордъ богатѣлъ и наслаждался подъ охраной покровительственныхъ пошлинъ для мѣстной сельской промышленности; соціальный вопросъ еще не тревожилъ капиталиста и пролетарій безсознательно и безропотно „изъ капель своего пота“ создавалъ могущество предпринимателя. Понятно, что именно здѣсь развился тотъ оптимизмъ, тотъ розово-идеальный взглядъ на міръ, который всюду видѣлъ гармонію и добро. Представителемъ этого оптимизма былъ Шефтсбёри, изобразившій его въ формѣ поразительно привлекательной и художественной, оказавшей сильное вліяніе на литературу не только въ самой Англіи, но повсемѣстно. По мнѣнію Шефтсбёри, міръ есть установленный Провидѣніемъ гармоническій порядокъ, гдѣ явленія, повидимому грозящія бѣдой и разрушеніемъ, на самомъ дѣлѣ только служатъ средствомъ достиженія благихъ цѣлей; сообразно этой гармоніи, сталкивающихся между собой силъ природы, человѣкъ своимъ разумомъ долженъ удержать въ границахъ вложенныя въ насъ страсти, необходимыя для дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, установить между ними гармонію, которая и составляетъ нравственную заслугу, добродѣтель и счастіе людей. Каждый можетъ достигнуть такого счастія, и истинныя удовольствія равняютъ людей. Но это равенство счастія состоитъ не въ равной суммѣ благъ, данныхъ каждому человѣку, а въ равенствѣ чувствъ, съ которымъ наслаждается каждый данною ему долей блага. Это привлекательно-успокоительное міросозерцаніе Шефтсбёри облекъ всею прелестью эстетическаго идеала; онъ снова, говоритъ Гетнеръ, внесъ поэзію и красоту въ опошлившуюся и узко-сердечную жизнь. Нравственное ученіе Шефтсбёри вдохновило поэтовъ: Попе и Томсона въ Англіи, Вольтеръ во Франціи, Галлеръ въ Германіи были прямыми и вѣрными его послѣдователями. Этого мало: вліяніе его міросозерцанія отразилось болѣе или менѣе на всей литературѣ XVIII столѣтія и отчасти способствовало

сантиментальному ея оттѣнку. Но такой крайній оптимизмъ не могъ долго выдерживать передъ суровымъ опытомъ жизни. Въ самой Англіи оптимизмъ очень скоро уступилъ мѣсто сатирическому юмору Дефоа и Свифта, религіозно-элегическому настроенію Попе и сантиментализму Ричардсона и Стерна. Во Франціи тотъ же самый Вольтеръ, который подчинился въ своей поэмѣ „Разсужденіе о человѣкѣ“ (1748 г.) и въ „Естественномъ законѣ“ вліянію Шефтсбери, осмѣялъ и разрушилъ его міровоззрѣніе въ „Кандидѣ“.

Въ то же время возникла англійская журналистика, въ лицѣ Стиля и Аддиссона, которая въ особенности способствовала распространенію литературы среди общества и значительно увеличила массу читающей публики. Англійскіе „нравственные“ журналы посвящены были преимущественно сатирическому описанію нравовъ и юмористическому описанію общественной жизни, но, въ то же время, они предлагали общепонятное и занимательное изложеніе литературныхъ и религіозныхъ вопросовъ. Быстрое распространеніе журналистики въ Западной Европѣ положило начало тому значенію, которое повременныя изданія имѣютъ въ настоящее время.

Переходя затѣмъ къ самому характеру возбужденнаго литературнаго движенія, мы замѣтимъ, что слово *сантиментализмъ* или чувствительность имѣетъ въ нашихъ глазахъ въ настоящее время пошлое значеніе: такъ называются всякія ходульныя, вымышленныя и неестественныя ощущенія и положенія, въ отличіе отъ простыхъ и естественныхъ. Но первоначально сантиментализмъ имѣлъ совсѣмъ иной смыслъ. Восемнадцатый вѣкъ былъ эпохой, когда выступило впередъ и явилось дѣйствующею силой сословіе, до тѣхъ поръ заслоненное и униженное, — мѣщанство, буржуазія. На встрѣчу этому сословію двинулась литература, которая всегда имѣетъ дѣло съ живыми силами, а не съ мертвецами. Въ литературѣ завязалась борьба между классическою литературой, съ ея героями, царями и вельможами, съ ея возвышенными страстями, пышнымъ самоотверженіемъ и напыщеннымъ языкомъ, и между литературой мѣщанской, гдѣ выступали на сцену обыкновенные люди, жизнь съ ея повседневными будничными проявленіями, съ ея мелкими радостями и страданіями, съ ея скромными, не всегда и не для всѣхъ замѣтными жертвами. Въ этомъ смыслѣ европейская литература становилась тогда на почву реализма. Но въ самомъ началѣ реализмъ этотъ не былъ объективнымъ; онъ былъ реализмъ тенден-

ціозный или сантиментализмъ. Литература встрѣтила мѣщанскую среду какъ совершенно для нея неизвѣстную, но она встрѣтила ее сочувственно, съ любовью, она ей вѣрила и ждала отъ нея обновленія; среда эта была для литературы не только предметомъ для наблюденія, отражающагося въ мышленіи, но и предметомъ для непосредственнаго чувства (sentiment). Поэтому литература не могла относиться къ дѣйствительности вполнѣ объективно; она поддалась обману и перенесла въ новую среду всѣ надежды на будущее, возбужденныя вслѣдствіе недовольства настоящимъ. Но этотъ обманъ былъ необходимый и искренній и потому для своего времени не представлялъ выдающагося недостатка. Объяснить это всего лучше можно явленіемъ, происходившимъ у насъ и на нашихъ глазахъ. Точно также, послѣ освобожденія крестьянъ, на первый планъ, въ смыслѣ дѣятельной силы, выдвинулось до той поры пассивное и порабощенное крестьянское сословіе; точно также на встрѣчу этой неизвѣстной силѣ устремилась литература. Но, встрѣтивъ крестьянское сословіе съ любовью, ожидая отъ него обновленія, наша народническая литература вступила на путь тенденціознаго реализма, поддалась сантиментализму, точно также искреннему и необходимому по условіямъ переживаемой исторической эпохи, но преходящему, какъ всѣ временныя и условныя проявленія въ общемъ ходѣ цивилизаціи. Конечно, характеръ явленія измѣнился сообразно разности времени. Сантиментальные писатели XVIII в. въ своихъ пейзанахъ и пастушкахъ отыскивали утратившійся въ обществѣ нравственный идеалъ, воображая, что простота патріархальной жизни, близкой къ первобытному человѣчеству, возвратитъ цивилизаціи необходимыя для нея этическія начала. Въ наше время чувствуется потребность въ соціальномъ идеалѣ, и въ мужицкой средѣ отыскиваютъ новыя начала общественнаго строя, которыя цивилизація не съумѣла осуществить въ теченіе многовѣковаго развитія.

Наша литература подпала вліянію западному въ эту эпоху смѣны направленій, и борьба стараго классицизма съ возникающею мѣщанскою литературой нашла отголосокъ и у насъ. Надо отдать справедливость нашей переводной литературѣ XVIII вѣка: она была трудолюбива и разнообразна. Вы найдете тогда переводы всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ явленій иностранной литературы; и напрасно думаютъ, что у насъ былъ когда-нибудь періодъ *исклю-*

чительнаго господства французской лжеклассической литературы: всегда на ряду съ ней являлись переводы съ нѣмецкаго и съ англійскаго, если не прямо, то по французскимъ переводамъ (см. приложеніе II).

Переводная дѣятельность не была исключительно сосредоточена въ столицахъ, но распространялась и на провинціи: въ особенности Смоленскъ и Орелъ, отчасти Псковъ и Ярославль участвовали въ изданіи переводовъ и въ особенности въ перепечаткѣ появившихся въ столицахъ. Но главнымъ центромъ, все-таки, оставалась Москва, преимущественно со времени Новикова. Конечно, переводы эти не всегда были удовлетворительны и нѣкоторые, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, лучше бы не появлялись; иногда они дѣлались не съ оригиналовъ, а бо́льшею частью съ французскаго или съ нѣмецкаго, который, повидимому, распространенъ былъ больше другихъ, такъ что даже нѣкоторыя французскія сочиненія переведены съ нѣмецкаго. Но вообще на слогъ тогдашнихъ переводовъ нельзя смотрѣть съ теперешней точки зрѣнія и многіе изъ нихъ для своего времени были совершенно удовлетворительны и давали вѣрное понятіе объ оригиналѣ.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что обстоятельства, вызвавшія на Западѣ возникновеніе и борьбу мѣщанской литературы и сантиментализма, у насъ не имѣли мѣста, литература наша осталась рабски-подражательною и на первыхъ порахъ приняла этотъ, для нея чуждый, характеръ сантиментализма. Сантиментализмъ, навѣянный господствовавшею тогда переводною литературой, Карамзинъ нашелъ уже готовымъ, и, подчиняясь ему и по натурѣ, и по характеру своего образованія, и по вліянію на него западныхъ образцовъ, онъ только поднялъ его своимъ талантомъ и, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, придалъ ему болѣе мѣстнаго колорита. „Письма русскаго путешественника“ написаны подъ сильнымъ вліяніемъ Стерна, повѣсти Карамзина—подъ вліяніемъ романовъ Ричардсона и западныхъ его подражателей. Не имѣя подъ собой никакой мѣстной исторической почвы, сантиментальное направленіе было у насъ *напускное*, не имѣвшее никакого другаго значенія, кромѣ смягченія общественныхъ нравовъ, о которомъ мы уже упоминали. Послѣдователи Карамзина, въ сантиментальномъ родѣ, В. Измайловъ, Каменевъ, кн. Шаликовъ, Иванчинъ-Писаревъ, не обладая талантомъ своего учителя, довели направленіе его до смѣш-

наго и придали сентиментализму то пошлое значеніе, которое пріобрѣлъ онъ даже у современниковъ и съ которымъ перешелъ къ потомству. Но, тѣмъ не менѣе, самое направленіе восторжествовало. Разсуждая о книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи (1802 г.), Карамзинъ говоритъ, что изъ всѣхъ книгъ больше всего расходились у насъ романы, а изъ разныхъ родовъ романа—чувствительные.

Кромѣ этого чисто-литературнаго значенія, Карамзинъ важенъ въ нашей журналистикѣ, какъ первый русскій публицистъ и до извѣстной степени практическій общественный дѣятель. Въ послѣднее время привыкли смотрѣть на Карамзина какъ на представителя самаго отсталаго консерватизма. Это несправедливо. Карамзинъ представляетъ цѣльный типъ умѣреннаго либерала, которому у насъ въ послѣднее время придано насмѣшливое прозваніе „постепеновца". Сущность этого либерализма состоитъ въ признаніи status quo и измѣненія его путемъ органическаго процесса, устраняющаго всякую насильственную ломку, не вызванную потребностями жизни. Въ качествѣ умѣреннаго либерала, Карамзинъ возлагалъ всю свою надежду на просвѣщеніе, въ которомъ онъ видѣлъ самое надежное средство къ постоянному и спокойному устраненію всѣхъ недостатковъ существующаго порядка вещей. Карамзинъ сознательно поддерживалъ монархизмъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ требовалъ возможнаго простора для общественнаго мнѣнія и былъ противъ всякой коренной ломки учрежденій, пока необходимость этой ломки, въ той или другой формѣ, не заявлена самимъ обществомъ. Люди, подобные Карамзину, не способны къ инидіативѣ; но, вѣдь, инидіатива въ народной жизни и не можетъ быть предоставлена всякому желающему. Инидіатива есть результатъ усиленной народной дѣятельности, вслѣдствіе безпрестанно задерживавшихъ ее тормазовъ или въ смыслѣ скопленія въ данную минуту назрѣвшихъ внутреннихъ силъ, которыя не довольствуются обыкновеннымъ, спокойнымъ и ровнымъ теченіемъ народной жизни. Инидіатива, при этихъ условіяхъ, сама укажетъ время и найдетъ исполнителя, предъ которымъ умѣренные либералы обязаны посторониться или явиться послушнымъ орудіемъ. Но при обыкновенномъ, спокойномъ теченіи народной жизни, когда нѣтъ никакихъ симптомовъ усиленнаго ея движенія, умѣренные либералы на своемъ мѣстѣ, они—настоящая интеллигентная сила,

руками которой совершается это органическое движеніе впередъ; они имѣютъ право и на нихъ лежитъ обязанность противодѣйствовать всякому нарушенію этого спокойнаго движенія, какъ скоро покой его нарушается чѣмъ-либо внѣшнимъ, а не внутреннею самодѣятельностью самого общества. Что Карамзинъ въ эпоху Императора Александра I имѣлъ основаніе заявить себя, въ качествѣ умѣреннаго либерала, противникомъ реформъ начала его царствованія, мы постараемся объяснить ниже, когда мы будемъ говорить объ этихъ реформахъ. Здѣсь же мы ограничимся указаніемъ, что Карамзинъ въ этомъ случаѣ не стоялъ одиноко, а былъ представителемъ общественнаго мнѣнія. Прежде всего, такъ онъ смотрѣлъ на себя самъ относительно своей журнальной дѣятельности. „Какъ скоро,—говоритъ онъ,—между авторомъ и читателемъ великое разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ“. Съ другой стороны, и публика смотрѣла на Карамзина какъ на выразителя общественнаго мнѣнія: отъ „Вѣстника Европы“ онъ получалъ до 6,000 р. годоваго дохода, тогда какъ всѣ другіе журналы закрывались, по недостатку подписчиковъ, вслѣдствіе убытковъ, понесенныхъ издателями. Г. Пятковскій, далеко не сторонникъ Карамзина, признаетъ такое его значеніе: „Карамзинъ былъ первымъ журналистомъ, подводившимъ какъ русскія, такъ и иностранныя событія подъ мѣрило одного общаго воззрѣнія, первымъ частнымъ человѣкомъ, который пріобрѣлъ этимъ путемъ извѣстное вліяніе на публику, безъ оффиціальной поддержки и какого бы то ни было казеннаго штемпеля. Можно прямо сказать, что въ журналахъ Карамзина тогдашніе образованные люди находили не только тѣ факты, которые ихъ интересовали, но и тѣ воззрѣнія, которыя имъ были больше всего по вкусу. Мнѣнія Карамзина не были крайнія и рѣзкія, но ихъ далеко нельзя было въ ту пору назвать ретроградными; по своей эластичности, они не становятся еще въ разрѣзъ съ умственнымъ движеніемъ эпохи, даже, наоборотъ, способствовали этому движенію, поддерживая любовь къ наукѣ и уваженіе къ человѣческой личности, хотя и уклончиво. Но Карамзинъ осмѣливался высказывать „свое сужденіе“ о вопросахъ, занимавшихъ публику, о важнѣйшихъ правительственныхъ мѣрахъ и тѣмъ способствовалъ развитію общественнаго мнѣнія“ („Моногр. и критика“, ст. II, 146—149).

Таково было вообще движеніе московской журналистики въ

XVIII столѣтія; но, чтобы точнѣе понять это значеніе, необходимо сравнить её съ петербургскою. Число выходившихъ въ теченіе XVIII вѣка повременныхъ изданій въ Петербургѣ было значительнѣе. Но, во-первыхъ, въ числѣ ихъ было нѣсколько оффиціальныхъ, каковы всѣ изданія академіи, „Растущій Виноградъ“, журналъ главнаго народнаго училища, самый „Собесѣдникъ любителей народнаго слова“. Во-вторыхъ, большинство этихъ изданій было очень эфемерно и всѣ они являлись отрывочными, не имѣющими никакой между собою связи; не было такихъ усердныхъ и вліятельныхъ дѣятелей, какъ Новиковъ и Шварцъ; журналы не опирались на такой серьезный и организованный центръ, какъ Московскій университетъ. При этомъ нельзя упускать изъ вида, что большинство самыхъ дѣятельныхъ и имѣвшихъ успѣхъ издателей: Новиковъ, Рубанъ, Башиловъ, Подшиваловъ и Лабзинъ, принимавшіе участіе въ журналѣ „Утренніе Часы“, М. И. Галинковскій, издатель журнала „Корифей или Ключъ литературы“(1802 и 1807 гг.), прежде участвовавшій въ изданіяхъ Сохацкаго и Подшивалова, Антоновскій (издатель журнала „Бесѣдующій Гражданинъ“) и даже отчасти Ив. П. Пнинъ, издатель „С.-Петербургскаго Журнала“, по образованію своему принадлежали Москвѣ.

Въ періодъ оживленія петербургской журналистики между 1769 и 1774 годами, изъ журналовъ, не имѣющихъ исключительно сатирическаго характера, выдающимся былъ журналъ „Вечера“, еженедѣльное изданіе на 1772 годъ (2 части). Журналъ этотъ собственно есть продолженіе московской журналистики. Въ 1771 году Херасковъ оставилъ службу свою въ университетѣ и переселился въ Петербургъ. Здѣсь онъ встрѣтился со старыми своими знакомыми: В. И. Майковымъ, И. Ф. Богдановичемъ, А. А. Ржевскимъ, А. В. Храповицкимъ и другими. Изъ нихъ Майковъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ въ 1762—1768 г., познакомился съ Сумароковымъ и сошелся съ Херасковымъ. Майковъ былъ членомъ того кружка, о которомъ мы уже говорили и который собирался около Хераскова во время изданія имъ московскихъ журналовъ („Полезное Увеселеніе“ 1762 года, „Свободные Часы“ 1763 г.), гдѣ Майковъ принималъ участіе своими стихотвореніями. Членами этого кружка были И. Ф. Богдановичъ, служившій при университетѣ надзирателемъ за классами студентовъ, Фонъ-Визинъ, Я. К. Булгаковъ, П. С. Потемкинъ, Карины, Домашневъ, Санков-

скій и др. Сюда же принадлежатъ Нарышкины, Ржевскій и другіе молодые люди.

Въ средѣ позднѣйшаго петербургскаго общества возникла также мысль издавать журналъ. „Мы всѣ,—говорится въ предисловіи,—составляемъ небольшое общество; сіе общество вознамѣрилось испытать, можетъ ли благородный человѣкъ одинъ вечеръ не играть ни въ вистъ, ни въ ломберъ, и сряду пять часовъ въ словесныхъ наукахъ упражняться“. Такимъ образомъ, журналъ являлся произведеніемъ литературнаго салона людей достаточныхъ и просвѣщенныхъ, посвящавшихъ свои досуги болѣе благороднымъ занятіямъ. „Мы, благодаря Бога, насущный хлѣбъ имѣемъ и пишемъ для того, что намъ писать очень захотѣлось: вотъ чистосердечное наше признаніе. Къ намъ приходятъ отъ лица Минервы раздѣлять съ нами вечерніе часы, тутъ сходятся Ѳемидины наперсники, въ нашихъ опытныхъ вечерахъ ревностное участіе пріемлющіе сыны Марсовы, труды словеснаго вечера принимающіе: вотъ все наше общество.“ Издатели не имѣли никакого опредѣленнаго плана и не придавали сами большой цѣны своимъ упражненіямъ: „О чемъ писать мы будемъ, того еще не знаемъ, потому что мы ничего готоваго не имѣемъ и надѣемся на одни тѣ вечера, которые мы для словеснаго собранія изъ недѣли удѣлили.... Что краткія и неважныя сочиненія краткую на свѣтѣ жизнь имѣютъ и что наши, также какъ и прочія, вѣчному забвенію предадутся, о томъ по чистой совѣсти мы увѣрены, и, можетъ быть, мы для того и трудъ сей на себя приняли, что оный до позднихъ нашихъ потомковъ не достигнетъ“. Въ одномъ изъ писемъ въ редакцію неизвѣстный корреспондентъ проситъ совѣта, въ какомъ родѣ слѣдуетъ ему выступить на литературное поприще, и выражается такъ: „Изъ листковъ вашихъ примѣтилъ я, что вы люди смирные и скромные, къ которымъ смѣло можно прибѣгнуть требовать совѣта въ нужныхъ обстоятельствахъ. Разумъ говоритъ мнѣ: пиши сатиры, онѣ полезны въ нынѣшнее время, а сердце говоритъ: нѣтъ, я этого не стерплю, пиши то, что я велю; я хочу, чтобы жить, описать любовь, всѣ ея пріятности и всю сладость сего чувства“. На это редакторы отвѣчаютъ: „Совѣтуемъ, ежели угодно, подражать нашимъ сочиненіямъ, гдѣ вы меньше сатиръ найдете, нежели другихъ сочиненій; сіе не для того, чтобы мы писать ихъ не умѣли: пороки осмѣивать не весьма трудно, но исправлять ихъ мудрено“. И дѣйствительно, журналъ былъ вполнѣ

смирный и *скромный*, больше все легкія и коротенькія статьи, предназначенныя для увеселенія собиравшихся на литературный вечеръ собесѣдниковъ. Стихотворный отдѣлъ очень неважный: нѣсколько неподписанныхъ стиховъ Майкова, перепечатанныхъ въ полномъ собраніи его сочиненій, изданномъ г. Ефремовымъ, стихи Вольтера въ русскомъ переводѣ Богдановича, длинная пьеса „Потопъ", по расположенію Г. Геснера Е. В. Херасковой, идиллія „Минна дорогая" кн. Ф. А. Козловскаго, а затѣмъ всѣ остальныя стихотворенія неизвѣстныхъ поэтовъ, бо̀льшею частью идилліи, эклоги, басни и мелочи, въ томъ числѣ гимнъ Клеанфа, двѣ идилліи г-жи Дезульеръ и два отрывка въ стихахъ изъ Іоанна II Еврарда. Кн. Ѳ. А. Козловскій былъ молодой вольтерьянецъ, подружившійся съ Майковымъ, и участвовалъ въ Новиковскомъ московскомъ ежемѣсячномъ изданіи; онъ погибъ въ 1770 г. въ Чесменскомъ сраженіи. Несмотря на скромность и смиренство, вечера иногда пускались въ сатиру. Такъ въ статьѣ „Воспитатели", возставая на домашнихъ учителей изъ иностранцевъ, журналъ, между прочимъ, находитъ, что „Франція выметаетъ излишній соръ изъ своей державы, а соръ оный, по своей легкости, полуденными вѣтрами въ наше государство заносится". Въ статьѣ „Упражненіе отставныхъ" говорится, что „съ тѣхъ поръ, какъ россійское дворянство подарено вольностью, многимъ захотѣлось отвѣдать сего пріятнаго подарка; такое лакомство завело нѣкоторыхъ въ неограниченную праздность, гдѣ они въ этомъ дѣлѣ доказываютъ, что они вольны". Въ примѣръ занятій дворянъ, поселившихся въ своихъ имѣніяхъ, журналъ указываетъ па господина Разбиваева, который все время склеиваетъ перебитыя имъ же самимъ рюмки и стаканы; на господина Отдыхаева, который построилъ въ деревнѣ голубятни и гоняетъ голубей; на господина Высѣдова, который сидитъ въ деревнѣ и думаетъ, какъ изъ муки постное масло дѣлать и свѣжій горохъ чрезъ цѣлую зиму сохранять; на господина Досужикова, дворянина стариннаго рода, который легъ спать,—не разбудите его, читатели! Въ „Письмахъ изъ Сатурна", вслѣдъ за прославленіемъ Императрицы Екатерины, по случаю войны съ Турціей, и за описаніемъ коварной политики Франціи, мѣшавшей въ этомъ дѣлѣ Россіи, помѣщено описаніе господствующихъ пороковъ въ обществѣ и не лишенное остроумія изображеніе ученаго мнѣніемъ (недоучившагося Фата),

педанта и кокетки. Есть статья, направленная противъ критики, которой журналъ, наравнѣ со всѣми современными писателями, сильно недолюбливалъ; здѣсь говорится, между прочимъ: „Таковото опасно быть въ тѣ времена писателемъ, когда больше критиковъ, нежели сочинителей, больше ругательствъ, нежели прямыхъ доказательствъ, и, наконецъ, больше худыхъ судей, нежели судимыхъ появилось“. Остальныя мелкія статьи не представляютъ никакого интереса. Въ числѣ ихъ есть, впрочемъ, статья историческая—„О россійскихъ предкахъ“, гдѣ очень кратко и смутно излагается исторія славянъ и пришествіе варяговъ. Изъ переводныхъ статей помѣщены прозаическіе переводы второй Йоновой ночи (о времени; смерти и дружбѣ) и пяти Геснеровыхъ идиллій („Къ Дафніи“, „Идасъ и Миконъ“, „Дафнидъ“ и пр.) и стихами монологъ изъ „Ромео и Юлія“ Шекспира, переводъ котораго принадлежитъ Петрову. Нѣсколько другихъ коротенькихъ переводныхъ отрывковъ не имѣютъ никакого значенія.

Послѣ этого журнала крупнымъ явленіемъ въ петербургской журналистикѣ былъ „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ 1778—1781 г., современный московскимъ журналамъ Новикова. На журналъ этотъ обратилъ вниманіе Добролюбовъ, въ статьѣ своей „Собесѣдникъ любителей русскаго слова“ („Современникъ“ 1857 г.). Издателемъ этого журнала былъ Гр. Леонт. Брайко, который, за прекращеніемъ изданія „Собраніе повѣстей“ (1775—1776 г.), гдѣ онъ принималъ участіе, успѣлъ согласить нѣсколько извѣстныхъ уже въ литературѣ лицъ принять участіе во вновь задуманномъ имъ журналѣ. Никакихъ біографическихъ свѣдѣній о Брайко не сохранилось; въ „Словарѣ свѣтскихъ людей“ митрополита Евгенія, дополненномъ Снегиревымъ, сказано только, что Гр. Брайко перевелъ съ французскаго изъ Бишинговой географіи: „Королевство Англійское или Великобританія и Ирландія“. Спб., 1772 г.

Брайко, какъ редакторъ, былъ замѣчателенъ, особенно для своего времени, правильностью своего взгляда на постановку журнальнаго дѣла. Еще до Карамзина онъ ввелъ въ журналистику раздѣленіе на отдѣлы и придалъ надлежащее значеніе внутреннему и внѣшнему политическому обозрѣнію и критическому отдѣлу. Въ предъувѣдомленіи, помѣщенномъ въ первой книжкѣ журнала, редакція заявляетъ: „желая во всемъ наблюдать *единожды устроенную связь*, издатели сами себѣ предписали планъ, который они при

семъ какъ публикѣ, такъ и сотрудникамъ или споспѣшествователямъ ихъ предпріятія имѣютъ честь сообщать. Каждая книжка будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій, изъ коихъ одно *ученымъ*, а другое *политическимъ* названо быть можетъ. Къ первому назначаютъ сочинители: мелкія сочиненія для увеселительнаго чтенія, состоящія или въ россійскихъ подлинникахъ, или въ переводахъ изъ лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ періодическихъ сочиненій; небольшія стихотворенія и тому подобное; расписаніе всѣмъ въ Россійскомъ государствѣ, отъ времени до времени, выходящимъ сочиненіямъ, съ приложеніемъ краткихъ увѣдомленій о содержаніи оныхъ, цѣнѣ и пр.; выписки изъ примѣчанія достойныхъ твореній, ученыя переписки изъ внутреннихъ мѣстъ государства; воспитательныя учрежденія; новыя открытія, изобрѣтенія; документы къ древней и новой россійской исторіи и т. п. Второе отдѣленіе журнала или политическая онаго статья будетъ въ себѣ заключать: всѣ указы Ея Императорскаго Величества и правительствующаго сената, трактаты, посольства, аудіенціи, повышеніе чинами, оказаніе монаршихъ милостей, путешествія двора, новыя распоряженія въ столицѣ и намѣстничествахъ и проч., извѣстія о прибытіи и отъѣздѣ знаменитыхъ особъ и представленіи оныхъ ко двору, о бракосочетаніяхъ, рожденіяхъ и смертныхъ случаяхъ въ здѣшнихъ знатныхъ фамиліяхъ и проч. Къ сему будетъ пріобщаема краткая выписка знаменитѣйшихъ иностранныхъ новостей и, наконецъ, увѣдомленіе о достойныхъ примѣчанія новыхъ французскихъ и нѣмецкихъ книгахъ". Затѣмъ въ первой статьѣ, озаглавленной „Фрагменты или мысли, взятыя изъ разныхъ авторовъ", вмѣсто предисловія, направленіе журнала между прочимъ опредѣляется слѣдующими выписками, помѣщенными въ началѣ журнала въ видѣ программы отъ редакціи. „Въ наукахъ, равно какъ и въ жизни, нѣтъ ничего лучше, какъ мѣшать важное съ забавнымъ и увеселяя наставлять. Безъ единаго изъ сихъ достоинствъ писатель будетъ или скученъ, или ребячественъ (Плиній). Двѣ причины наипаче вознесли Англію на сію степень величія въ словесныхъ наукахъ и споспѣшествовали ей удержаться на оной. Первая есть свобода мыслить; вторая причина есть переводы книгъ, что всегда было въ великомъ почтеніи у сего народа. Превосходный переводчикъ тамъ не меньше сочинителя почитаемъ и прославляемъ, не меньше онаго ему открытъ путь къ безсмертію, и всѣ тамъ умѣютъ познавать цѣ-

иу услуги, имъ обществу оказанной" (изъ англ. журнала). Необходимость критическаго отдѣла доказывается слѣдующимъ образомъ: „Кажется излишнимъ будетъ доказывать обстоятельно великую пользу, проистекающую отъ критическихъ извѣстій о напечатанныхъ вновь сочиненіяхъ; а наипаче примѣръ всѣхъ европейскихъ народовъ есть кратчайшее и лучшее доказательство".—Говоря о необходимости безпристрастія въ критикѣ, „не смотря ни на чинъ, ни на свойства, ни на славу авторовъ", редакція заявляетъ: „однако, зная наши собственныя слабости и уважая то, что россійскіе писатели и переводчики должны преодолѣвать многія трудности, по причинѣ недостатка въ довольномъ числѣ ученыхъ, критически и образцемъ служащихъ предшественниковъ, и притомъ не имѣя совершенно полныхъ словарей и хорошихъ первоначальныхъ произведеній, руководствующихъ ко знаніямъ, также и основательныхъ, систематическихъ въ юности наставленій, все сіе сообразивъ, станемъ, умягчая строгость критики, *имѣть больше склонности хвалить, нежели порочить*". И все-таки, когда „С.-Петербургскій Вѣстникъ" позволилъ себѣ нѣсколько легкихъ критическихъ замѣтокъ относительно сочиненія Богдановича „Историческія изображенія Россіи", послѣдній страшно разобидѣлся и поднялъ цѣлую бурю (Моск. Вѣдом. 1778 г. № 64). Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщены двѣнадцать стихотвореній Державина, въ томъ числѣ ода „На смерть кн. Мещерскаго", „Ключъ" и „Рожденіе на Сѣверѣ порфиророднаго отрока"; въ ноябрѣ 1779 г. помѣщено было его же переложеніе 81 псалма—„Се Богъ боговъ возсталъ судити", но оно вскорѣ было уничтожено и экземпляры, гдѣ оно было напечатано, отобраны. Кромѣ того есть два стихотворенія Княжнина; извѣстная сатира Капниста „Кто сколько не сердись, а я начну браниться", его же ода „Надежда" и французская ода „На заключеніе мира въ Кучукъ-Кайнарджи"; басня Хемницера, стихотворенія Козельскаго, Пл. Бекетова и другихъ лицъ, не подписавшихъ свое имя. Въ прозаическомъ отдѣлѣ было нѣсколько серьезныхъ статей, относящихся до Россіи: „Сокращенная повѣсть о жизни и писаніяхъ Ал. Сумарокова"; „О найденныхъ между Сарептою и Царицыномъ цѣлительныхъ источникахъ", Георги; „Объ установленіи патріаршества въ Россіи"; „Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ отъ начала ихъ до 1768 г.", Я. Стелина; „Сокращенное извѣстіе о русскихъ танцахъ и театральныхъ въ Россіи бале-

тахъ", его же; „О первомъ прибытіи въ Россію англичанъ и о заведеніи ими въ оной торговли", Бакмейстера; „О происхожденіи и разныхъ перемѣнахъ россійскихъ законовъ", Шлецера; „Извѣстіе о фамиліи Шлёттеровъ". Замѣчательно, что всѣ эти оригинальныя русскія статьи (за исключеніемъ статьи о патріаршествѣ) написаны *по-нѣмецки* лицами, принадлежащими къ академіи. Въ журналѣ помѣщено нѣсколько хорошихъ переводныхъ и даже оригинальныхъ статей (Крафта) по естествознанію и недурная переписка, гдѣ разсказываются послѣдствія сватовства со стороны жениха, открыто заявившаго невѣстѣ о своемъ характерѣ и будущемъ образѣ жизни, гдѣ, между прочимъ, женихъ говоритъ: „Мои люди привыкли содержаны быть какъ вольные, а не какъ рабы". Въ разсказѣ „Пожалуй Иванушка!" проводится мысль, что ласковое и хорошее обращеніе съ людьми пріохочиваетъ ихъ къ исполненію своей службы, такъ что услуги ихъ становятся безукоризненными. Затѣмъ въ одной статьѣ заявлена невозможность повышать людей исключительно по заслугамъ, но „гдѣ человѣки владычествуютъ и человѣки служатъ, тамъ знатность природы, лѣта жизни и долговременность службы суть лучшія къ произвожденіямъ причины, меньше всѣхъ людей огорчающія" (VII, 41). Библіографическій отдѣлъ былъ довольно полный и дѣльный для своего времени, не ограничивавшійся безусловнымъ восхваленіемъ. Такъ помѣщены довольно рѣзкіе отзывы о двухъ переводахъ: „Италья нскій Эзопъ", „Страсти молодаго Вертера", пер. съ нѣм. Гёте 1781 г., и нѣкоторыя другія; по поводу масонскаго сочиненія „Крата Репоа, или посвященіе въ древнее тайное общество египетскихъ жрецовъ", редакція замѣчаетъ: „Есть люди, которые подъ сими завѣсами древности ищутъ еще иныя важныя тайности, но они, можетъ быть, весьма ошибаются, не признавая преимущественнаго сіянія свѣта, наши времена освѣщающаго". Переводная часть заключаетъ въ себѣ тѣхъ же авторовъ, которыхъ мы встрѣчали въ московскихъ изданіяхъ: Виландъ (изъ его „Dialogen des Diogenes, Geheime Geschichte des menschlichen Verstandes und Herzens), Франклинъ, Геснеръ, Клейстъ, Бомарше (Путешествіе въ Испанію), Лессингъ (басни), письма Ганганелли, Галлеръ, Дидеротъ, Арно (Фонго и Кіянгъ), Л. Честерфильдъ, Б. Гольбергъ, Стернъ (Joriks Sentimental Journey), Лихтверъ, Геллертъ, Б. Кронегкъ, Гагедорнъ, Вольтеръ (Добрый браминъ), Унцеръ, Мёзеръ, басня Линнея; изъ книги Bridon (A tour

troùgt Sicily and Malta); изложеніе поэмы Мильтона „Потерянный Рай", выдержки изъ „The Universel Magazine, Journal anglais" и другихъ повременныхъ изданій.

Другое важное явленіе петербургской журналистики былъ „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова" (1783—1784, XVI частей), также современный московскимъ Новиковскимъ журналамъ. Ему посвятилъ обстоятельную и дѣльную статью покойный Добролюбовъ. Въ этой статьѣ невѣрною оказывается только та, хотя бы и чисто-внѣшняя, связь, которую установилъ Добролюбовъ между „Современникомъ" и предъидущимъ журналомъ. Единственное обстоятельство, приводимое Добролюбовымъ,—перепечатка въ „Собесѣдникѣ" изъ Петербургскаго журнала нѣсколькихъ стихотвореній Державина и оды Капниста,—не даетъ права дѣлать заключеніе о связи между обоими изданіями и объясняется просто недостаткомъ матеріала. Характеръ обоихъ журналовъ совершенно разный, а то обстоятельство, что въ обоихъ журналахъ появляются одни и тѣ же сотрудники, и не могло быть иначе, такъ какъ другихъ литературныхъ дѣятелей въ Петербургѣ тогда не было.

„Современникъ" издавался княгинею Дашковой, при непосредственномъ участіи самой императрицы. „Назначенная директоромъ академіи наукъ, кн. Дашкова съ ревностью и напряженною дѣятельностью начала заботиться о процвѣтаніи и возвышеніи русскаго просвѣщенія и русскаго слова" (Добр.). Однимъ изъ проявленій этой заботы было основаніе настоящаго журнала. Чрезъ полгода послѣ того учреждена была „Россійская Академія", съ такою же цѣлью—„хранить и утверждать русскій языкъ". На нее, въ концѣ изданія „Собесѣдника", перешла часть редакціонныхъ занятій: статьи для помѣщенія въ „Собесѣдникѣ" должны были присылаться въ академію и принимались въ той компатѣ, гдѣ присутствуютъ находящіеся при академіи совѣтники. Такимъ образомъ съ самаго своего основанія „Собесѣдникъ" имѣлъ характеръ журнала *оффиціальнаго*. Въ этомъ смыслѣ на его долю доставались очень значительныя преимущества. Прежде всего онъ имѣлъ возможность притянуть къ себѣ всѣ литературныя силы, такъ какъ лучшія изъ нихъ находились на службѣ и должны были дорожить участіемъ въ журналѣ. Дальнѣйшее преимущество заключалось въ самомъ общественномъ положеніи редакціи. „Здѣсь не могли имѣть мѣста никакія опасенія, никакая малодушная робость предъ сильными міра сего.

Литературное слово обличенія и наставленія нисходило съ высоты престола, оно было *со властью*, не щадило порока и низости на самыхъ высшихъ ступеняхъ общественныхъ, не было стѣсняемо никакими посторонними обстоятельствами, которыя въ другихъ случаяхъ такъ часто накладываютъ печать молчанія на уста писателя" (Доброл.).

„Собесѣдникъ" отличался отъ всѣхъ другихъ журналовъ XVIII в., за исключеніемъ чисто-сатирическихъ, тѣмъ что онъ наполнялся исключительно статьями оригинальными. И именно по этому журналу, въ такой мѣрѣ пользовавшемуся преимуществами, можно судить, до какой степени была бѣдна и не выработана тогдашняя наша оригинальная литература. Болѣе половины журнала наполнено произведеніями самой императрицы; затѣмъ, если исключить нѣсколько статей кн. Дашковой, стихотворный отдѣлъ, обильный во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ, и переписку по поводу самого „Современника", остается очень мало: „Пріятное путешествіе", „Египетская повѣсть", довольно обширное „Новѣйшее путешествіе на луну" Вас. Левшина, нѣсколько статей Фонъ-Визина, двѣ небольшія сказки Княжнина, двѣ притчи Дм. Хвостова и нѣсколько другихъ незначительныхъ статей. Стихотворный отдѣлъ „Собесѣдника" былъ, относительно говоря, выше другихъ журналовъ, что объясняется участіемъ въ немъ извѣстнѣйшихъ тогдашнихъ стихотворцевъ. Въ „Собесѣдникѣ" помѣщено шестнадцать стихотвореній Державина, въ томъ числѣ лучшія его произведенія: „Фелица", ода „Богъ", ода „На смерть кн. Мещерскаго", „На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока", „Ключъ". Затѣмъ перепечатанная изъ „Петербургскаго Вѣстника" замѣчательная сатира Капниста, стихотворенія Дмитріева, Як. Княжнина, Нелединскаго-Мелецкаго, Ерм. Кострова, Муравьева, М. В. Храповицкаго, брата извѣстнаго статсъ-секретаря Екатерины, Лабзина, Вас. Жукова ([28]), Голенищева-Кутузова, Козодавлева, Икосова, С. Божова, Козельскаго, Плавильщикова, М. Сушковой, урожденной Храповицкой и нѣсколькихъ неизвѣстныхъ поэтовъ, въ числѣ которыхъ Добролюбовъ полагаетъ Хвостова. Есть даже остававшееся неизвѣстнымъ стихотвореніе Ломоносова. Изъ прозаическихъ статей прежде всего останавливаютъ вниманіе сочиненія императрицы. Ея „Записки касательно русской исторіи" представляютъ первый у насъ лѣтописный сводъ, гдѣ, на основаніи выписокъ изъ лѣтописей, приготовленныхъ Мусинымъ-

Пушкинымъ, Барсовымъ и Чеботаревымъ, изложена исторія Россіи до 1276 г. (въ отдѣльномъ изданіи), съ цѣлью „искуснымъ и подробнымъ изображеніемъ древнихъ доблестей русскаго народа и блестящихъ судебъ его уронить тѣ клеветы, которыя взводили на Россію иностранные писатели". Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ старается выставить въ лучшемъ свѣтѣ даже неправедныя дѣянія великихъ князей, какъ законныхъ, полновластныхъ государей, которымъ подчинены удѣльные, въ качествѣ ихъ подданныхъ, и всѣ выгоды безпрекословнаго повиновенія правительственной власти. „Были и небылицы" представляютъ литературное занятіе Екатерины отъ бездѣлья, которымъ сама она не придавала никакого серьезнаго значенія. Императрица сама говоритъ, что издателямъ „хорошо имѣть возлѣ бока были и небылицы; когда листъ не достаетъ въ книгѣ, тогда заказать можно листъ, аки попадьямъ пирогъ у просвирни. Кто такъ послушливъ, чтобъ взялъ перо и наполнилъ листъ,—правду сказать,—чѣмъ бы ни случилось". Въ „Быляхъ и небылицахъ" есть и сатира, повидимому мѣткая, такъ какъ о ней были толки и писались письма въ самомъ журналѣ. Постояннымъ предметомъ сатиры было осмѣяніе пристрастія къ иноземному, особенно заимствованному изъ Франціи, желанія выйти изъ своего состоянія, непостоянства, мѣняющаго заведенный порядокъ, наконецъ, вообще умничанія. Сатиру понимала Екатерина только какъ *веселое* занятіе и въ этомъ смыслѣ она всего болѣе остерегаетъ, чтобы „проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять". Серьезные вопросы, предложенные Фонъ-Визинымъ, гдѣ сатира захватывала глубже и имѣла претензію воздѣйствовать на общество, возбудили въ Екатеринѣ нѣкоторое негодованіе. Въ „Ежедневной запискѣ общества незнающихъ" Екатерина смѣялась надъ людьми, составившими общество, гдѣ никогда ничего не рѣшается и только идетъ пустая болтовня. Но, несмотря на такой взглядъ Екатерины, сатира въ „Современникѣ" не щадитъ и высшіе слои общества; она „сильно вооружается противъ того, что вообще есть низкаго, гадкаго въ человѣкѣ и что особенно было распространено въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества того времени,—противъ двоедушія, ласкательства, ханжества, суетности, фанфаронства, невѣрности женщинъ и разврата, обмана, презрѣнія къ человѣчеству, корыстолюбія и взяточничества. Большую часть сатирическихъ статей Добролюбовъ приписываетъ самой кн. Дашковой; но насколько это справедливо,

судить нельзя, такъ какъ прямыхъ доказательствъ нѣтъ. Изъ статей подписанныхъ по своей рѣзкости и правдѣ выдаются замѣтки Фонъ-Визина, напримѣръ, „О дворянахъ раболѣпствующихъ", полагающихъ свою честь въ правѣ ѣздить четверней или парой. „Собесѣдникъ" затрогиваетъ также нелюбовь публики къ чтенію и тогдашнее литературное направленіе, осмѣивая авторовъ-подражателей, писавшихъ по-русски французскимъ складомъ, плохихъ стихотворцевъ и лже-издававшихъ отъ своего имени чужія произведенія. Вообще, сатира „Собесѣдника" подняла всѣ тѣ вопросы, которые разработывались въ позднѣйшихъ, нами уже разсмотрѣнныхъ, сатирическихъ журналахъ. Кромѣ сатирическихъ произведеній, въ „Собесѣдникѣ" помѣщены: „Опытъ россійскаго сословника" Фонъ-Визина; „О древнемъ и новомъ стихотвореніи" Богдановича; замѣтка объ языкѣ, гдѣ авторъ излагаетъ несмѣлую и разбитую въ самомъ журналѣ критику противъ нѣкоторыхъ выраженій въ Фелицѣ и другихъ стихотвореніяхъ; „Письмо именотворителю", гдѣ авторъ доказываетъ важность мудреныхъ французско-русскихъ именъ въ повѣстяхъ, особенно чувствительныхъ. Есть, наконецъ, статьи дидактическаго направленія, безъ которыхъ не могъ обойтись ни одинъ тогдашній журналъ, даже облеченныя въ аллегорическую форму (Египетская повѣсть и Новѣйшее путешествіе въ сновидѣніи, В. Левшина). Статья „О системѣ міра" имѣетъ ученый интересъ.

„Собесѣдникъ" былъ хорошо принятъ публикой и вызывалъ въ ней сочувствіе, что видно изъ адресованныхъ къ редакціи и напечатанныхъ ею писемъ, помимо тѣхъ, которыя, очевидно, составлялись въ самой редакціи. Но, несмотря на то, редакція нашла себя вынужденною понижать подписную цѣну, потому что охотниковъ покупать книги было еще меньше, нежели читать ихъ. Это было одною изъ причинъ прекращенія журнала, но едва ли единственною. Къ концу изданія журнала настроеніе императрицы измѣнилось' въ 1785 году началось преслѣдованіе мартинистовъ и съ тѣхъ поръ реакція быстрыми шагами подвигалась впередъ. Тѣмъ не менѣе, академія въ 1809 г. напечатала второе изданіе „Современника".

Въ 1785—1787 г. выходилъ журналъ „Растущій Виноградъ" (XXIV книги), издававшійся отъ главнаго народнаго училища. Учебныя учрежденія гражданскаго вѣдомства того времени состояли въ вѣдѣніи П. В. Завадовскаго (впослѣдствіи графа и перваго министра народнаго просвѣщенія), а директоромъ училищъ былъ

О. П. Козодавлевъ. Редакторомъ журнала первоначально былъ Е. Б. Сырейщиковъ, а потомъ В. Ф. Зуевъ. Журналъ прекратился неожиданно, такъ какъ въ одной изъ статей послѣдней книжки (Похвальное слово наслѣднику французскаго престола, Томаса) обозначено: „продолженіе будетъ". Журналъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ помѣщена интересная статья Козодавлева, излагающая взглядъ его на народное образованіе, подъ заглавіемъ: Разсужденіе о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ (кн. 1 апрѣль, іюнь, іюль, августъ и октябрь 1785 г.), выписка изъ писемъ г. фонъ-Тюммеля изъ Готы къ О. П. Козодавлеву (объ учрежденіи университетовъ, въ кн. за іюль) и письмо Козодавлева къ фонъ-Тюммелю (о народныхъ училищахъ, ноября 1786 г.). Кромѣ того, журналъ этотъ явился оффиціальнымъ противникомъ Новикова и его общества. Такъ, въ журналѣ помѣщены статьи: Древнія заблужденія или записки касательно исторіи ума человѣческаго (февраль и мартъ 1786 г.); Краткое описаніе жизни Постелла, основателя секты мартинистовъ (мартъ); Домовая записка о заразѣ новомодной ереси и о средствахъ, исцѣляющихъ отъ оной, которая начинается такъ: „извѣстно, что проявились на Руси новые еретики, Мартыны или Мартышки" (іюль 1785 г.), „Разсужденіе о началѣ вольныхъ каменьщиковъ или фармазоновъ (октябрь и декабрь 1786, январь 1787 г.)". Мартышками назвала мартинистовъ сама императрица Екатерина.

Мы уже разсмотрѣли выше сатирическій журналъ Крылова „Почту духовъ".

Второй его журналъ былъ „Зритель", ежемѣсячное изданіе, 1792 г. (2 части), гдѣ главнымъ сотрудникомъ былъ Ал. Ив. Клушинъ. Въ предисловіи издатель говоритъ, что онъ „позволяетъ себѣ, выбравъ изъ самой природы, образовать разныя свойства по своему разсужденію, не дерзая ни мало касаться личности; подобно какъ живописецъ, желая написать на своей картинѣ различныя страсти, рисуетъ человѣка во всѣхъ правилахъ естества, но ничьего прямо лица не изображаетъ". Отсюда видно, что главное направленіе журнала, попрежнему, есть сатирическое. Но издатель говоритъ: „безъ стиховъ ежемѣсячникъ, какъ пища безъ питья, или чай безъ сахару". Стихотворный отдѣлъ „Зрителя" имѣлъ содержаніе по преимуществу эротическое. Безъимянныя стихотворенія лучше: судя по слогу, нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, прина-

длежали самому Крылову. Но прямыхъ доказательствъ нѣтъ и въ предположеніи надо быть крайне осторожнымъ. Г. Д. Языковъ доказалъ, что пять мелкихъ безъимянныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ „С.-Петербургскомъ Меркуріѣ“ и приписывавшихся Крылову, на самомъ дѣлѣ принадлежатъ *тогда начинавшему* и довольно плохому стихотворцу П. М. Карабанову (1765—1829 г.), помѣщавшему свои произведенія въ петербургскихъ журналахъ („Зеркалѣ свѣта“ Туманскаго 1786—1787 г., „Новостяхъ“ Голубцова 1799 г. и „Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ 1791 г.). Стихи съ подписью принадлежатъ самому Крылову, (ода Утро, подражаніе французскому и др.), Клушину, Бухарскому; большинство стихотвореній очень плохихъ—Варакину, Свистунову, Теряеву и кн. Гр. Хованскому, помѣстившему много своихъ стихотвореній въ „Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени“ и въ „Аонидахъ“. Изъ прозаическихъ статей выдѣляются статьи самого Крылова, подписанныя и вошедшія въ полное собраніе сочиненій: Ночи, *Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ*, Разсужденіе о дружествѣ, *Мысли философа по модѣ*, *Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ*, Каибъ—восточная повѣсть. Въ особенности хороши сатирическія произведенія Крылова, напечатанныя курсивомъ: ихъ можно съ удовольствіемъ прочесть и теперь, благодаря теплому и художественному юмору, съ которымъ авторъ осуждаетъ пороки, присущіе не только современному ему обществу. Не даромъ Крыловъ былъ высокаго мнѣнія о литературѣ. Говоря о превратностяхъ человѣческихъ наслажденій, онъ помѣстилъ между прочимъ слѣдующія прекрасныя слова: „Что же есть достойнаго человѣка, что можетъ онъ произвести неподверженное разрушенію вѣковъ?—его слова, его мысли, вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками, преоборяетъ ихъ ядовитость, торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оное человѣчеству“ (Ночи). Его благородный, независимый характеръ весьма часто обнаруживается въ протестѣ противъ меценатства, противъ исканія покровительства и устройства своего положенія по расположенію сильныхъ міра: „я гнушаюсь лестью, говоритъ онъ, и хочу быть должнымъ всѣмъ трудамъ своимъ, нежели гордой улыбкѣ слѣпаго счастья, которая снискивается лестью“. Другое произведеніе, не уступающее по юмору Кры-

лову, но очень несвязное по внѣшней формѣ, „Портреты“, принадлежитъ Клушину. Въ журналѣ много нападковъ на современныхъ писателей; есть цѣлая живая статья—„Покаяніе сочинителя Крадуна“, гдѣ описывается неловкое положеніе автора, выбравшаго все свое произведеніе изъ другихъ; журналъ преслѣдуетъ ремесленниковъ-стихотворцевъ, которые, какъ добрый разносчикъ, могутъ прокричать: „по оды, по оды!“ Журналъ возстаетъ противъ современной критики, которая ограничивалась придиркою къ словамъ и разборомъ внѣшней формы литературнаго произведенія; „она не касается до разсматриванія авторомъ мысли, плана сочиненія, характеровъ дѣйствующихъ лицъ, ума и способности,—да и хорошо, что не за свое не берется,—какъ заниматься такою мелочью“. При этомъ журналъ замѣчаетъ, что „есть сочиненія во всѣхъ правилахъ, но страждутъ недугомъ сухости; есть сочиненія, перескакнувшія правила, но полнотою своей привлекательны и дѣйствіемъ своимъ производятъ дѣйствіе въ сердцахъ и душѣ“. У автора есть нѣсколько прозваній тогдашнихъ писателей, которыхъ онъ постоянно преслѣдуетъ и приводитъ въ примѣръ бездарности: П. Ю. Львовъ, подъ именемъ „Антирихардсона“, Княжнинъ, подъ именемъ „Рифмокрада“, и „Мнимый Детушъ“. Въ интересной статьѣ, возбудившей полемику въ журналѣ,—Письмо о театрѣ, излагается теорія драматическаго искусства и высказаны совершенно вѣрныя и замѣчательныя мысли о недостаткахъ переводной и подражательной и о необходимости народной самобытной драматической поэзіи. Журналъ настойчиво продолжаетъ борьбу съ крѣпостнымъ правомъ, начатую „Почтою духовъ“. Въ своихъ „Портретахъ“, Клушинъ говоритъ между прочимъ: „Не могу удержать восклицанія, которое возродилось во мнѣ съ того времени, какъ сей просвѣщенный мужъ триста пахотныхъ мужиковъ сдѣлалъ преполезными гражданами для отечечества, то-есть преобразилъ ихъ въ пѣвцовъ, актеровъ, дансеровъ и музыкантовъ. Послѣдній анекдотъ сего великаго человѣка долженъ составить эпоху въ нашей исторіи. За двѣ своры гончихъ собакъ отдалъ онъ съ величайшимъ хладнокровіемъ пять семей крестьянъ“. Въ другомъ мѣстѣ Крыловъ упоминаетъ: „Крестьянинъ потѣетъ и трудится цѣлый годъ, чтобы выплатить колесо богатой кареты или пуговицу съ кафтана своего господина“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, журналъ возстаетъ противъ отхожихъ промысловъ и отстраненія крестьянина отъ земли. „Кто докажетъ, что хлѣбопашецъ, рабочій, пожившій въ

столицѣ, вкусивши отраву роскоши, далѣе будетъ хорошій земледѣлецъ, трудолюбивый работникъ? и оба они *достаютъ болѣе легкими способами*, упиваются напитками, ихъ состоянію непозволенными, яствами имъ болѣе вредными и дорогими, нежели требуетъ ихъ природа, ихъ воспитаніе... Нива запустѣла, земли не обработаны, семейство разстроено... и се, се тысячи новыхъ тунеядцевъ, поглощающихъ трудъ другихъ! Все вздорожало! потеря для отечества менѣе видимая, чѣмъ ощутительная". Но въ то же время журналъ, говоря о распространеніи роскоши и о всеобщемъ недовольствѣ, приходитъ къ такому заключенію: „Для чего сіе различіе для всѣхъ ощутительно и никто почти не доволенъ своею участью? Для того что мы не хотимъ вникнуть въ порядокъ вещей и познать, что всякое состояніе имѣетъ свои неудовольствія и горести, свое спокойствіе и благосостояніе; для того, что никто почти не хочетъ бросить взоровъ своихъ на самого себя и увидѣть, что Провидѣніе *для каждаго состоянія особенныя назначило свѣдѣнія и способности*". Журналъ вообще высказывается за старину: „Для гражданина все должно быть священно въ землѣ отцевъ его, даже самыя ихъ предразсужденія; извѣстно, что съ науками и просвѣщеніемъ вкрадывается еще болѣе злоупотребленій, которыя, отвлекая отъ отечественнаго подлинника, содѣлываютъ много дурныхъ копій". Въ статьѣ: Нѣчто о врожденномъ свойствѣ душъ россійскихъ—„русскіе противополагаются иностранцамъ и надѣляются всевозможными хорошими качествами и добродѣтелями, неизвѣстными никакому другому народу. Журналъ доходитъ до того, что утверждаетъ, будто нигдѣ нѣтъ въ свѣтѣ меньше суевѣрія, какъ въ Россіи, и нигдѣ тоже нѣтъ больше твердости въ вѣрѣ, какъ въ Россіи. Въ журналѣ этомъ, по показанію Неустроева, на основаніи писемъ Карамзина къ Дмитріеву, участвовали Дмитревскій, Плавильщиковъ, Туманскій и Эминъ, но какія именно статьи принадлежатъ имъ, неизвѣстно. С.-Петербургскій третій журналъ издавался Крыловымъ и Клушинымъ подъ названіемъ „Меркурій" въ теченіи 1793 года. Программа журнала измѣнилась. Въ предисловіи издатель говоритъ: „цѣль изданія нашего двоякая—и желаніе угодить, и быть полезными нашимъ читателямъ. Мы имѣемъ множество періодическихъ изданій, много хорошихъ; но едва ли на нашемъ языкѣ есть два журнала, подобныхъ журналамъ иностраннымъ. Въ нихъ или мало, или совсѣмъ нѣтъ ничего свой-

ственнаго журналамъ". Въ объявленіи о подпискѣ было заявлено: „въ журналѣ помѣстятся стихотворныя и прозаическія сочиненія издателей и другихъ нашихъ писателей; подражанія и переводы изъ иностранныхъ авторовъ, какъ-то: изъ Вольтера, Руссо, Д'Аламберга, Стерна и др.; извѣстія о книгахъ, вновь выходящихъ, часто съ критикою, а иногда съ полною рецензіею, о с.-петербургскомъ россійскомъ и французскомъ театрѣ, ежели на немъ играно будетъ что-нибудь новое или то изъ старыхъ, что публикѣ нашей отлично нравится; россійскіе анекдоты, нерѣдко образующіе духъ и свойство россіянъ, сокращенныя жизни нашихъ и иностранныхъ писателей, смѣсь и пр." Такимъ образомъ сатирическое направленіе, которое составляло душу журнала и мастерство Крылова, отходило на задній планъ; неудивительно поэтому, что журналъ вышелъ очень плохъ и совсѣмъ не похожъ на своихъ предшественниковъ. Стихотворный отдѣлъ дѣйствительно получилъ преобладающее значеніе. Самъ Крыловъ помѣстилъ нѣсколько довольно плохихъ стихотвореній (Утѣшеніе Анютѣ, Мое оправданіе къ Анютѣ, Къ другу моему А. И. Клушину, Ода на случай сожженія фейерверка 15 сент. 1793, Къ счастью, Мой отъѣздъ — пѣсня). Клушинъ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній, въ томъ числѣ очень недурную сказку: Лунатикъ по неволѣ, — затѣмъ Бухарскій, Мартыновъ, кн. Гр. Хованскій, Николевъ, извѣстный педагогъ, вызванный Екатериною изъ Сербіи и сдѣланный членомъ главнаго правленія училищъ Янковичъ де Миріево, Карабановъ, кн. Д. П. Горчаковъ и совершенно неизвѣстный А. Татариновъ. Есть нѣсколько стихотвореній, присланныхъ отъ неизвѣстныхъ лицъ, въ томъ числѣ стихотвореніе Каминъ, первый трудъ В. Л. Пушкина (†). Въ прозаической части прежде всего выдаются сатирическія произведенія самого Крылова—Похвальная рѣчь наукѣ убивать время и Похвальная рѣчь Ермалафиду, гдѣ Крыловъ осмѣиваетъ неумѣлаго автора, ничего не читавшаго, ничему не учившагося и привыкшаго писать не думавши. Подъ именемъ Ермалафида осмѣивается Карамзинъ. Что именно вызвало насмѣшку Крылова надъ начинавшимъ тогда свое литературное поприще, но уже заслужившимъ общее уваженіе по своему таланту писателемъ, сказать трудно. Крыловъ принадлежалъ къ Шишковистамъ, вѣроятно, скорѣе по личнымъ отношеніямъ, нежели по убѣжденію; но однимъ этимъ нельзя еще объяснить

нерасположеніе его къ Карамзину. Всего скорѣе причина скрывается въ самой природѣ Крылова, въ томъ складѣ сатирическаго его ума, который во всемъ подмѣчалъ смѣшную или дурную сторону и самыя лучшія произведенія человѣческаго ума не признавалъ изъятыми отъ насмѣшки. Замѣчательно мнѣніе Крылова о народной литературѣ, которая получила такое важное значеніе въ настоящее время. Въ числѣ литературныхъ преступленій Ермалафида осмѣивается между прочимъ слѣдующее: „на сценѣ появляется цѣлый парадъ въ лаптяхъ, въ зипунахъ и въ шапкахъ съ заломомъ; въ парадизѣ раздались радостныя восклицанія. Сапожники, разнощики, каменьщики—всѣ узнали на сценѣ своихъ земляковъ. Завидливая критика не умедлила на сіе вооружиться; кричали, что разслабляется вкусъ, истребляется благопристойность. Но вся небритая часть была на сторонѣ нашего героя и, утвердя его славу, включила въ число знаменитѣйшихъ дней тотъ день, въ который для бородатыхъ зрителей выставлены на сцену бородатые актеры". Въ журналѣ помѣщенъ разборъ нѣкоторыхъ книгъ: Приключеній Фоблаза, Геронды — поэмы Ирин. Завалишина, и театральныхъ пьесъ: Смѣхъ и горе и Алхимистъ, Клушина. Разборъ послѣднихъ, принадлежащій Крылову, отличается вѣрною и безпристрастною оцѣнкою ихъ недостатковъ, причемъ Крыловъ высказалъ такое замѣчательное для того времени требованіе: „Авторъ не долженъ казаться чудотворцемъ, а подражателемъ природы". Изъ повѣстей помѣщены: Несчастный М — въ, сантиментальная повѣсть Клушина и нѣсколько другихъ переводныхъ и незначительныхъ. Клушинъ помѣстилъ разборъ трагедіи Княжнина Вадимъ, гдѣ онъ излагаетъ содержаніе, но не одобряетъ его. По мнѣнію Клушина, „самое покушеніе Вадима на возвращеніе вольности новгородцамъ, тогда когда они вручили и власть и корону Рюрику, не есть ли покушеніе безразсудное? Желаніе обратить ихъ въ прежнее безначаліе не есть ли покушеніе безразсудное"? Въ переводной части помѣщены Вольтера: Разсужденіе объ англійской трагедіи, о Попе, о Сократѣ. Интересно примѣчаніе Клушина къ переводу первой статьи: „что сказалъ бы Вольтеръ о многихъ нѣмецкихъ драматическихъ твореніяхъ, сихъ *безобразныхъ выродкахъ* литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ, даже самаго важнѣйшаго—единства дѣйствія? Что бы сказалъ онъ о сихъ удивительныхъ пьесахъ, которыя суть ни трагедіи, ни ко-

медіи; гдѣ смѣшанъ плачъ со смѣхомъ безъ всякой нужды; гдѣ эпизодъ затмѣваетъ самое дѣйствіе; гдѣ разговоры пустые и слабые, дѣйствующія лица каррикатурныя; гдѣ все обезображиваетъ и вкусъ, и правила? О піэсахъ, каковы суть: Разбойники, Сара Симпсонъ, Эмилія Галотти, Ненависть и раскаяніе и проч. и пр. Затѣмъ помѣщены переводы: д'Аламберта объ одѣ; Попія, опытъ о человѣческой жизни, пер. Мартынова; нѣсколько идиллій изъ Геснера; изъ Геллера (Дориса), изъ Томаса (о похвалѣ и любви къ славѣ); изъ Санъ-Суси (соч. Фридриха) портретъ Вольтера; съ французскаго о Ричардсонѣ; изъ Esprit de Raynal (открытіе Америки) и переводы статьи о Новой Голландіи. Въ этомъ же журналѣ помѣщены первые литературные опыты Ал. Струговщикова въ видѣ незначительныхъ переводовъ.

„Муза", ежемѣсячное изданіе на 1796 г. (4 части), издатель Ив. Ив. Мартыновъ, извѣстный переводчикъ классиковъ. Мартыновъ былъ усердный, добросовѣстный и благонамѣренный труженикъ, но совершенно бездарный; журналъ его принадлежалъ къ числу самыхъ безцвѣтныхъ въ XVIII столѣтіи, несмотря на то, что Мартыновъ привлекъ къ участію въ своемъ журналѣ многихъ извѣстныхъ лицъ. Въ стихотворномъ отдѣлѣ участвовалъ Державинъ, помѣстившій тамъ: Харита, стихи Суворову-Рымникскому, надгробіе рыльскому именитому гражданину Шелехову, Анакреонъ, на потопленіе Дубянскаго и доказательство творческаго бытія изъ псалма 18; кромѣ того Державинымъ помѣщено было стихотвореніе Въ день рожденія царицы Гремиславы, но оно было уничтожено и не вышедшіе экземпляры были перепечатаны. Кромѣ Державина, въ „Музѣ" помѣщены стихотворенія И. И. Дмитріева, гр. Хвостова, кн. Шаховскаго (первые его опыты), П. Каменева, самого Мартынова и наконецъ Сперанскаго. Стихи Сперанскаго не обличаютъ поэтическаго таланта, но они умны и гладки. Показаніе объ участіи Сперанскаго основано Неустроевымъ на указаніи Д. Ф. Кобеко; но бар. Корфъ въ Жизни гр. Сперанскаго стихотворенія эти приписываетъ В. А. Полѣнову, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, хранящихся у Д. В. Полѣнова. Въ „Музѣ" помѣщено четверостишіе Жуковскаго—Стихи на случай рожденія вел. кн. Николая Павловича, сопровождаемое слѣдующимъ подстрочнымъ пророческимъ примѣчаніемъ Мартынова: „Сочинитель сей аллегоріи маленькой, крошечный стихотворецъ;

какой лучъ надежды блеститъ на зарѣ его!“ Есть также стихи мало извѣстныхъ поэтовъ (Евг. Колычева, М. Щулепникова, Верзилина, Елоховскаго, Караулова, Слѣпецкаго)и стихи безъ подписи. Изъ прозаическихъ статей помѣщенъ Филонъ — самого Мартынова, юмористическое описаніе путешествія его изъ Полтавской семинаріи въ Александровскую академію, во вкусѣ Стерна; но юморъ также мало удавался Мартынову, какъ и поэзія. Сочиненіе это подверглось какому-то преслѣдованію: въ немъ попадается вдругъ цѣлая бѣлая страница и послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ одно междометіе: Эхъ. Кромѣ того, есть двѣ повѣсти Каменева (Софья и Громобой); Письмо къ Миленѣ, или теорія любви и проч. Переводная часть довольно обширна. Здѣсь помѣщены: отрывки изъ Лабрюера, Характеръ или права человѣка; статья о Стернѣ съ переводомъ отрывковъ изъ Тристрама Шанди и 45 главы изъ Смѣси; отрывокъ изъ подражателя ему— Lettres sur l'Italie, par. M. Dupaty; отрывокъ изъ путешествія въ Италію Дюкло; изъ путешествія Анахарзиса Бартелеми (Аристиппъ); неизбѣжный переводъ изъ идиллій Геснера; изъ Унга— ночь; изъ Геллерта (Скромный); отрывокъ изъ Вейсса; изъ Кампе; изъ Бильдербека (Bagatelles litteraires—Едгаръ и Эмана); нѣсколько маленькихъ отрывковъ изъ Мерсье; переводъ Мадагаскарскихъ пѣсенъ Кавалера де Парни, сдѣланный П. Львовымъ; изъ Гальскихъ поэмъ, изданныхъ Смитомъ, Оссіяна и др. съ французскаго (Смерть Арта); изъ Esprit des journaux“ (объ Азіатскихъ театрахъ); изъ „Spectator“ Сонъ; отрывокъ изъ Nougaret—Historiettes du jour.; отрывокъ изъ Socratis Mainomenos; изъ физики знаменитаго аббата Gara de Fangas объ Альбиносахъ; изъ Датской исторіи Маллета о рыцарствѣ. Въ этомъ журналѣ помѣщены три незначительные перевода Карамзина (изъ Bagatellen von Anton Wall и die jungsten Kinder meiner Laune, Коцебу). Въ прозаической же части помѣщены двѣ небольшія переводныя статейки Вел. Кн. Александры Павловны: Бодрость и благодѣяніе одного крестьянина и Долгъ человѣчества.

„С.-Петербургскій Журналъ“ на 1798 годъ (IV части), издателемъ котораго былъ И. П. Пнинъ (1773—1805), обучавшійся сначала въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, а потомъ въ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, вмѣстѣ съ А. Ф. Бестужевымъ, отцомъ Бестужевыхъ декабристовъ. Пятковскій говоритъ, что Пнинъ

принадлежитъ къ числу *замѣчательныхъ* журнальныхъ дѣятелей *конца XVIII* и начала XIX вѣка. Что касается до конца XVIII вѣка, то журналъ Пнина не представлялъ собою ничего выдающагося. Въ статьѣ „О воспитаніи общественномъ" Пнинъ говоритъ о правленіи: „Монархическое есть безъ всякаго сомнѣнія самое лучшее и самое совершенное, менѣе всѣхъ разнымъ неудобствамъ подверженное; республиканское всегда быстро клонится къ своему разрушенію, гдѣ одного честолюбца довольно для опроверженія онаго". Слѣдовательно, Пнинъ былъ нисколько не менѣе монархистомъ, чѣмъ Карамзинъ, котораго Пятковскій причисляетъ къ числу самыхъ отсталыхъ консерваторовъ. Пнинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ переводъ Анненскаго съ французскаго двухъ разсужденій: Разумъ часто заставляетъ почитать предразсудки имъ осуждаемые и О предразсудкахъ,—на который издатель журнала особенно обратилъ вниманіе читателей подстрочнымъ примѣчаніемъ и который нисколько не менѣе отсталъ и нелѣпъ, чѣмъ переводъ Антоновскимъ нѣмецкаго сочиненія: Вѣрное лѣкарство отъ предубѣжденія умовъ (1798 г.), признающаго весь вредъ въ книгопечатаніи и проповѣдующаго необходимость обратиться за наставленіемъ къ Исторіи дикаго человѣка. „Читатель изъ Торжка" въ письмѣ къ редакціи совершенно справедливо отказывается назвать сочиненіемъ этотъ „сборъ словъ и мыслей, взаимно себѣ противорѣчащихъ и безъ всякой связи и порядка нагроможденныхъ"; читатель, какъ и слѣдуетъ, защищая полную свободу книгопечатанія, указываетъ на Англію и Голландію, гдѣ науки не имѣютъ никакихъ препонъ и гдѣ эта свобода, не сопровождаясь безпорядками, напротивъ, послужила поводомъ къ благоденствію и процвѣтанію; и потому, по мнѣнію его, не къ исторіи дикаго человѣка, „но къ исторіи человѣка *гражданственнаго* паче всего прилежать нужно". И вотъ, на ряду съ этимъ, въ журналѣ проповѣдуются такія вещи: „Одна конечно покорность къ предразсудку, отъ природы намъ вложенному, можетъ производить сіе твердое спокойствіе и сіе непремѣнное очарованіе составляющее благополучіе. Человѣкъ, который бы могъ дорого цѣнить то, что онъ имѣетъ, и не за великое ставитъ то, чего ему недостаетъ, *хотя бы и несправедливо такъ судилъ*, при всемъ томъ наслаждался бы *истиннымъ благополучіемъ*" (II, 38). „Начертать исторію предразсудковъ есть изобразить бытописаніе всѣхъ людей" (III, 172). Изъ сочиненія Монтескье О духѣ за-

вонровъ переведена только кн. XIV, гл. 2: О климатѣ—и на нее помѣщены примѣчанія, слѣдовательно отрывокъ, наименѣе способствующій проведенію какихъ-нибудь либеральныхъ тенденцій. Стихотворная часть въ журналѣ очень незначительна: помѣщены плохіе стихи А. Бухарскаго, А. Измайлова, Н. Шатрова, Колычева, Скрипицына и нѣсколько неизвѣстныхъ. Въ прозаической части всего важнѣе напечатаніе сочиненій Фонъ-Визина: Исповѣдь (неоконченная и повидимому пріостановленная) и два Письма, писанныя имъ изъ Франціи къ нѣкоторой знатной особѣ въ Россіи (гр. Н. И. Панину) изъ Парижа въ 1788 году. Затѣмъ интересны статьи самого издателя о воспитаніи (О воспитаніи частномъ, О воспитаніи общественномъ, О воспитаніи военномъ относительно благороднаго юношества), заимствованныя большею частію изъ Филанджіери ([29]). Вопросъ о воспитаніи сильно занималъ умы въ XVIII и началѣ XIX вѣка и заслуживаетъ особой монографіи. Толчокъ дѣлу воспитанія данъ былъ еще въ XVII столѣтіи Локкомъ, котораго знаменитое сочиненіе: О воспитаніи — переведено было на русскій языкъ въ 1759 году профес. И. Поповскимъ. Во Франціи въ XVIII столѣтіи вопросъ о воспитаніи *практически* поднятъ былъ физіократами; Кене, признавая краеугольнымъ камнемъ общежитія образованіе, признаетъ единственнымъ средствомъ борьбы съ недостатками существующаго строя *общественное* воспитаніе. На этомъ основаніи Тюрго, въ запискѣ, поданной Людовику XVI, изложилъ планъ новой, централизованной системы воспитанія, ввѣреннаго „совѣту народнаго образованія", которому подчинены всѣ учебныя заведенія и на который возложено составленіе учебниковъ. Цѣлью этого воспитанія поставлено, на ряду съ обученіемъ, развитіе нравственности, приготовленіе добродѣтельныхъ и полезныхъ гражданъ для государства. Екатерина въ своихъ „Мысляхъ о воспитаніи" руководствовалась Локкомъ и Руссо, а исполнитель ея предначертаній, Бецкій, пришелъ самостоятельно (въ 1764 году) къ установленію плана, весьма сходнаго съ планомъ Тюрго. Это была также централизованная система казенныхъ закрытыхъ заведеній для воспитанія. Желая этимъ путемъ создать породу „новыхъ людей", естественно пришли къ мысли о совершенномъ устраненіи дѣтей отъ сообщенія съ „старою породой", ихъ родителями и воспитателями, и съ самаго дѣтства дѣтей запирали въ стѣны казенныхъ учрежденій, лишая ихъ и семейной обста-

новки, и всякаго сообщенія съ окружающею жизнью. Извѣстно, насколько эта система оказалась неудачной. Между тѣмъ цѣлью этой системы было нравственное воспитаніе молодаго поколѣнія. Конечно, и эта цѣль доведена была до крайности: уже тогда было установлено правило, поощряющее бездарность и губящее дарованіе,—правило, по которому успѣхамъ въ наукахъ предпочиталось хорошее поведеніе. Но тѣмъ не менѣе основная мысль, что рядомъ съ обученіемъ, съ обогащеніемъ ума познаніями, молодое поколѣніе должно получить и нравственное воспитаніе, подготовляющее его къ общественной жизни и дѣятельности, была вѣрна. Замѣчательно, что Бецкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ создать путемъ образованія въ Россіи среднее сословіе, „третій родъ людей", для чего при кадетскомъ корпусѣ, при воспитательномъ женскомъ заведеніи, при Смольномъ монастырѣ (1764), при Академіи Художествъ открыты были мѣщанскія училища. Въ журналистикѣ самое крупное явленіе были статьи Шварца въ прибавленіи къ „Московскимъ Вѣдомостямъ", а затѣмъ немногіе журналы обходили этотъ вопросъ, не исключая даже „Утренней Зари", сборника питомцевъ Московскаго благороднаго пансіона, гдѣ помѣщена серьезная и обстоятельная статья—О воспитаніи. Пнинъ въ 1804 году напечаталъ особую книгу: Опытъ о просвѣщеніи, имѣвшую такой успѣхъ, что въ томъ же году понадобилось новое ея изданіе. По доносу Геракова, одного изъ самыхъ бездарныхъ писателей патріотическихъ произведеній, ([30]) второе изданіе было запрещено только-что установленнымъ тогда цензурнымъ комитетомъ. Поводомъ къ запрещенію было отношеніе Пнина къ крѣпостному праву.

Задачу просвѣщенія Пнинъ опредѣляетъ такимъ образомъ: „Просвѣщеніе, въ настоящемъ смыслѣ примѣнимое, состоитъ въ томъ, когда каждый членъ общества, въ какомъ бы званіи ни находился, совершенно знаетъ и исполняетъ свою должность: то есть когда начальство съ своей стороны свято исполняетъ обязанности ввѣренной оному власти, а нижняго разряда люди ненарушимо исполняютъ обязанности своего повиновенія. Если сіи два состоянія не переступаютъ своихъ мѣръ, сохраняя должное въ отношеніяхъ своихъ равновѣсіе, тогда просвѣщеніе достигло желаемой цѣли" (О просв., 16 и 17). На этомъ основаніи Пнинъ не считаетъ тогдашнюю Францію страною просвѣщенною и говоритъ: „Доколѣ власть во зло употребляетъ довѣренность, обществомъ ей дѣлаемую,

доколѣ подчиненность не перестаетъ выходить изъ своихъ предѣловъ, и доколѣ равновѣсіе гражданскихъ взаимностей теряется, дотолѣ та страна, хотя бы она состояла вся изъ ученыхъ и философовъ, едва ли счастливѣе той, которая покрыта мракомъ невѣжества". Весь проектъ Пнина поэтому основанъ *на признаніи необходимости* неравенства состояній, откуда онъ выводитъ и необходимость неравенства въ просвѣщеніи, установляя для каждаго сословія опредѣленный его размѣръ. Разсматривая положеніе у насъ различныхъ сословій, Пнинъ говоритъ: „Какъ можно, чтобы участь толпы полезнѣйшаго сословія гражданъ (крестьянскаго), отъ котораго зависитъ могущество и богатство государства, состояла въ неограниченной власти нѣкотораго числа людей, которые, позабывъ въ нихъ подобныхъ себѣ человѣковъ, человѣковъ ихъ питающихъ и даже прихотямъ ихъ удовлетворяющихъ, поступаютъ съ ними иногда хуже, нежели со скотами, имъ принадлежащими" (стр. 48). Самый важнѣйшій предметъ, долженствующій теперь занимать законодателя, есть тотъ, чтобы „предписать законы, могущіе опредѣлить собственность земледѣльческаго состоянія, могущіе защитить оную отъ опасеній,— словомъ, сдѣлать оную неприкосновенною. Когда таковые законы получатъ свое бытіе, тогда только наступитъ настоящее время для внушенія сему состоянію его правъ, его обязанностей".

Въ письмахъ „Читателя изъ Торжка" помѣщена критика на развращающія изданія какого-то Г. Г. (Глѣба Громова, по Сопикову): Любовь — книжка золотая, Любовники и супруги, или мущины и женщины, Нѣжныя объятія въ бракѣ или потѣхи и любовницы. Остальныя оригинальныя статьи въ прозаической части не заслуживаютъ вниманія. Изъ переводовъ всего болѣе помѣщено изъ Галлера (Альпійскія горы, Дориса, Утро и пр.); неизбѣжныя идилліи Геснера; изъ Томаса (Посланіе къ земледѣльцамъ); изъ Бартелеми, Путешествія Анахарсиса (Харита и Полидоръ); изъ Парни (Крылья Амура); изъ Voyage dans les départements de la France par les L. A. B.; изъ сочиненій Мейера; изъ Гаэтано Филанджери, автора книги: Наука о законодательствѣ; изъ Шелли (О декламаціи); отрывочныя предложенія, что тогда называлось „мысли" изъ Монтанья, де-Лабрюера, Шаррона, герцога де ля Рошфукольта; ученая статья о движеніи и началѣ онаго. Кромѣ того изъ записокъ Греча видно, что сподвижники Императора Але-

ксандра гр. Строгоновъ, Новосильцевъ, кн. Чарторыжскій занимались вмѣстѣ съ государемъ изученіемъ политической экономіи и плоды трудовъ своихъ печатали въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ" („Рус. Арх." 1873, кн. 5, стр. 731). Сюда относятся: статьи изъ сочиненій Верри (1728—1797), итальянскаго экономиста, который, по отзыву Ж. Б. Сея болѣе нежели кто-нибудь приблизился къ истинному ученію Адама Смита. Статьи эти были: Въ чемъ состоять можетъ торговля между народами, незнающими чеканныхъ денегъ; Что такое чеканныя деньги и какимъ образомъ способствуютъ онѣ къ распространенію торговли; Умноженіе и уменьшеніе государственнаго богатства; Главныя побужденія торговли и первоначальныя основанія цѣны; О купеческихъ и художническихъ обществахъ; О законахъ, запрещающихъ вывозъ товаровъ за границу ([31]). Кромѣ того изложено подробно содержаніе книги: Изслѣдованіе основаній государственнаго хозяйства, соч. Жака Стюарта, по франц. переводу.

Такимъ образомъ довольно распространенное мнѣніе, высказанное между прочимъ г. Пятковскимъ, что русская журналистика развивалась преимущественно въ Петербургѣ,—лишено основанія. Напротивъ, еще въ XVIII столѣтіи въ Москвѣ, опираясь на Московскій университетъ, журналистика впервые стала на ноги, окрѣпла и сдѣлалась явленіемъ прочнымъ и постояннымъ въ русской жизни; а въ лицѣ Карамзина она получила уже въ то время нѣкоторую самобытность и попытку имѣть свое собственное, независимое сужденіе о всѣхъ явленіяхъ внутренней и внѣшней общественной жизни.

Несмотря на реакцію послѣднихъ лѣтъ правленія Екатерины, на гнетъ царствованія императора Павла, когда даже запрещенъ былъ всякій ввозъ книгъ изъ-за границы, русская мысль двигалась и журналистика, въ концѣ XVIII столѣтія, является болѣе серьезною и близкою къ народной жизни. Въ текущій вѣкъ Россія вступила съ радужными надеждами. Извѣстно, съ какою радостью встрѣчено было воцареніе императора Александра I, какъ много возлагали на него надеждъ и какъ, повидимому, самъ онъ шелъ къ нимъ на встрѣчу, далеко оставляя за собой ожиданія. Надо прежде всего отдать должную справедливость Императору и его сподвижникамъ. Начало царствованія императора Александра было эпохою сильнаго движенія въ дѣлѣ народнаго образованія: и самъ Императоръ, и его ближайшіе совѣтники смотрѣли на образованіе, какъ на необходимое условіе и самый надежный оплотъ народнаго благо-

состоянія; они далеки были отъ предразсудка, что образованіе какимъ бы то ни было образомъ можетъ обратиться во вредъ странѣ и что наука будитъ въ массѣ лишь неудовольствіе, распущенность и ослабленіе нравственно-религіозныхъ устоевъ, на которыхъ зиждется общественное спокойствіе. Число учебныхъ заведеній возросло; свобода мысли увеличилась, а вмѣстѣ замѣтно окрѣпло и ея движеніе въ литературѣ и журналистикѣ; цензурныя строгости въ то время проявлялись гораздо рѣже, нежели въ какую-либо другую эпоху русской жизни. Сверхъ этого задуманъ былъ обширный и подвергавшій коренной ломкѣ всѣ существующія учрежденія проектъ общаго государственнаго переустройства, цѣль котораго, по словамъ Сперанскаго, состояла въ томъ, „чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на *началахъ постоянныхъ* и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе достоинства и истинной силы". Нельзя не отдать справедливости Императору и его сподвижникамъ въ искренности ихъ намѣреній и въ смѣломъ стремленіи къ исправленію недостатковъ существовавшаго тогда строя; но теперь, когда можно относиться къ ихъ начинаніямъ спокойно и не страшась упрека въ личномъ къ нимъ отношеніи, нельзя безусловно согласиться съ тѣми, кто за этими реформами признаетъ прочный залогъ успѣха ([32]). Прежде всего эти реформы не касались кореннаго вопроса нашей жизни—освобожденія крестьянъ. „Крѣпостное право такъ въѣлось въ жизнь, что первая мысль объ его отмѣнѣ или ограниченіи у человѣка незнакомаго, какъ Александръ, съ настоящимъ положеніемъ вещей естественно была очень боязливая. Нѣкоторые изъ его совѣтниковъ также были нерѣшительны, потому что, хотя и отвергали крѣпостное право съ нравственной точки зрѣнія, по давней привычкѣ считали его все еще необходимымъ политическимъ зломъ, видѣли въ немъ средства дисциплины и порядка. Самъ Мордвиновъ, при всей своей филантропіи и при всей смѣлости своихъ мнѣній въ другихъ отношеніяхъ, въ крестьянскомъ вопросѣ былъ консерваторомъ и находилъ возможнымъ только самые легкіе и осторожные приступы къ этому дѣлу" (Пыпинъ). Сперанскій, въ своемъ непринятомъ Государемъ планѣ, признавая также все зло крѣпостнаго права, для смягченія его палліативными мѣрами отводилъ неопредѣленныя двѣ эпохи и окончательнымъ освобожденіемъ считалъ возвращеніе крестьянамъ ихъ древняго правa свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому.

Сперанскій отнималъ у народа даже право на образованіе. „Что такое образованіе, знанія для народа не свободнаго,—какъ не средство живѣе почувствовать бѣдственность своего положенія, *источники волненій*, которыя могутъ только способствовать къ большему его порабощенію или могутъ навлечь на страну ужасы безначалія. Изъ человѣколюбія, столько же сколько изъ политики, *слѣдуетъ оставить рабовъ въ невѣжествѣ*, если не хотятъ имъ дать свободы". Такимъ образомъ, между Карамзинымъ, открыто защищавшимъ крѣпостное право (но не его злоупотребленія) и между ближайшими совѣтниками императора Александра, осуждавшими его въ принципѣ, но не рѣшавшимися наложить на него руку на самомъ дѣлѣ,—существеннаго различія не было. Конечно, подобныхъ соображеній не было въ тогдашнемъ обществѣ, но теперь,—когда великое дѣло совершилось совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ оно было предположено Сперанскимъ, можно сказать утвердительно, что осуществленіе конституціи даже въ томъ видѣ, какъ она изложена въ непринятомъ проектѣ Сперанскаго, затормозило бы надолго рѣшеніе крестьянскаго вопроса и немного принесло бы пользы Россіи. Но что болѣе всего кидалось въ глаза современному обществу—это былъ пріемъ въ исполненіи задуманныхъ реформъ. Вызовъ Императрицею депутатовъ въ коммиссію Уложенія, прежде нежели проектъ преобразованій былъ намѣченъ и прежде чѣмъ о немъ возникли какіе-нибудь толки въ правительствѣ,—не прошелъ безслѣдно для общества. Это было лучшее дѣло ея царствованія, которое дало ей право на признательность со стороны общества гораздо болѣе, нежели славныя ея войны и блестящія пріобрѣтенія. Екатерина признавала это сама: „по закрытіи нашей палаты въ Москвѣ, депутаты разъѣхались по домамъ своимъ *съ добрымъ мнѣніемъ обо мнѣ и это ускорило преобразованіе губерній*" (Р. В. Зап. Глинки 1866 г. № 7, 246). Вмѣстѣ съ тѣмъ созывъ коммиссіи внушилъ обществу убѣжденіе, что общественное мнѣніе, въ той или другой формѣ, слѣдовало выслушать прежде приступа къ какому-либо коренному преобразованію внутренняго строя. Проектъ реформъ императора Александра вырабатывался канцелярскимъ способомъ, въ величайшей тайнѣ; составленный Сперанскимъ и не принятый Государемъ планъ являлся не какъ удовлетвореніе заявленныхъ обществомъ нуждъ и желаній, а какъ логическій результатъ мысли одного сановника, правда смѣлой и благородной, но недостаточной въ такомъ важномъ

дѣлъ. Отсюда происходило „темное неудовольствіе", о которомъ говоритъ и Корфъ и которое онъ напрасно выставляетъ исключительно результатомъ тогдашней консервативной оппозиціи; отсюда шло то общее раздраженіе противъ Сперанскаго, которому Императоръ счелъ за нужное принести его въ жертву. Вся *видимая* ошибка Карамзина состояла въ томъ, что онъ ратовалъ противъ *цѣли*, а не противъ *пріема*. Но въ практическомъ смыслѣ это сводилось къ одному и тому же результату; между тѣмъ такой пріемъ былъ сподручнѣе.

Оставляя въ сторонѣ задуманныя, но не исполненныя реформы, укажемъ, какъ благія намѣренія Императора отразились на умственной русской жизни.

Въ Московскомъ университетѣ толчокъ, данный дѣятельностью Шварца и Новикова, требовалъ, для дальнѣйшаго своего развитія, матеріала извнѣ. Существенная часть задачи Шварца и Новикова—борьба противъ грубаго, односторонняго матеріализма—была исчерпана; осталось возбужденіе серьезной мысли, временно удовлетворившееся стремленіемъ къ таинственности мистицизма; но когда это настроеніе выдохлось, съ прекращеніемъ дѣятельности учителей, мысль, предоставленная сама себѣ, ни до чего не доработалась какъ мы видѣли въ безплодной и мало содержательной журнальной дѣятельности Сохацкаго и Подшивалова. Эту задачу—дать новую пищу умственной дѣятельности университетскаго кружка—выполнили новые люди, вступившіе въ управленіе Московскимъ университетомъ.

Съ учрежденіемъ министерства, указомъ 21-го ноября 1803 г. уволены кураторы кн. Голицынъ, Коваленскій, Голенищевъ-Кутузовъ и директоромъ университета опредѣленъ отставной бригадиръ И. П. Тургеневъ, воспитывавшійся въ университетской гимназіи въ семьсотъ шестидесятыхъ годахъ, вмѣстѣ съ М. Н. Муравьевымъ, другъ Новикова и одинъ изъ первыхъ руководителей Карамзина, опредѣленный въ званіе директора 15-го ноября 1800 года. Первымъ попечителемъ университета назначенъ былъ сенаторъ и товарищъ министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ М. Н. Муравьевъ. Воспитанникъ университетской гимназіи и университета, Муравьевъ былъ человѣкъ съ глубокимъ и многостороннимъ образованіемъ, извѣстный въ свое время писатель и сторонникъ изученія классической древности (33), пріятель и покровитель Ка-

рамзина, проложившій ему путь къ занятію русскою исторіей, въ качествѣ оффиціальнаго исторіографа. Батюшковъ говорилъ о Муравьевѣ: „при встрѣчѣ съ нимъ казалось, что снова посѣтилъ землю одинъ изъ тѣхъ свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда рождались подъ счастливымъ небомъ Аттики для разлитія умозрительной и практической мудрости, для утѣшенія и назиданія человѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ“ (рѣчь о вліяніи на языкъ легкой поэзіи). Муравьевъ былъ наставникомъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей въ русской словесности, исторіи и географіи. Тотчасъ по воцареніи Императора Александра сверхъ другихъ должностей, ему повелѣно было состоять при особѣ Государя у принятія подаваемыхъ на Высочайшее имя прошеній. Онъ былъ членомъ комитета, открытаго въ 1802 году для преобразованія учебной части (24) и участвовалъ въ составленіи университетскаго устава; по его приглашенію, въ этомъ дѣлѣ много помогъ совѣтами профессоръ Геттингенскаго университета Мейнерсъ, авторъ извѣстныхъ сочиненій по исторіи учрежденій для образованія (Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten, Geschichte der Entstehung und Entwickelung der hohen Schulen unseres Erdtheils), съ которымъ Муравьевъ былъ въ постоянной перепискѣ. По мнѣнію г. Сухомлинова, нельзя не замѣтить связи между трудами Мейнерса объ университетахъ и первоначальнымъ устройствомъ русскихъ университетовъ,—связи, выражающейся какъ въ общемъ духѣ учрежденій, такъ и во многихъ частностяхъ, отъ свободы преподаванія до положенія попечителей, не обязанныхъ, по первоначальному уставу, жить непремѣнно въ университетскомъ городѣ. Уставъ Московскаго университета утвержденъ 5-го ноября 1804 года и имъ введено было правильное распредѣленіе преподаванія по факультетамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ введены, какъ постоянные и обязательные предметы, умозрительная и практическая философія въ отдѣленіи (факультетѣ) нравственныхъ и политическихъ наукъ и теорія изящныхъ искусствъ (эстетика) и археологія въ отдѣленіи словесныхъ наукъ. Такимъ образомъ, зарожденіе философской мысли въ университетѣ встрѣтило въ то время поддержку и одобреніе въ самомъ правительствѣ.

Муравьевъ жилъ въ Петербургѣ и посѣщалъ университетъ и учебныя заведенія по пути въ Тверь только наѣздомъ; но изъ его

отчетовъ видно, что онъ живо интересовался ходомъ преподаванія и вообще состояніемъ университета и ввѣренной ему учебной части и значительно подвинулъ ихъ впередъ. Собственно по университету дѣятельность Муравьева выразилась, главнымъ образомъ, въ приглашеніи профессоровъ изъ-за границы, снабженіи университета профессорами изъ собственныхъ питомцевъ, учрежденіемъ обществъ при университетѣ и публичныхъ чтеній. Изъ-за границы были вызваны: профессора естественной исторіи Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, ботаники Гофманъ, единственный профессоръ математики изъ за границы Иде, астрономіи Гольдбахъ, права естественнаго и теоріи изящныхъ художествъ Буле, практической философіи, исторіи философіи и права естественнаго и народнаго Рейнгардъ, юридическихъ наукъ Штельцеръ, политической экономіи Шлецеръ, статистики Грельманъ, адъюнктъ этико политическаго отдѣленія Турнейзенъ, нѣмецкой литературы и впослѣдствіи всеобщей исторіи Ульрихсъ и медицины Рейсъ. Почти всѣ они, еще до прибытія въ Россію, пользовались ученою извѣстностью въ Германіи ([35]). Въ тоже время изъ филологической семинаріи Гейне, учрежденной въ Геттингенѣ, вызванъ былъ въ Харьковъ попечителемъ гр. Потоцкимъ, профессоръ Роммель, который, несмотря на кратковременное тамъ основаніе, положилъ начало филологическому изученію изданіемъ въ Харьковѣ нѣкоторыхъ латинскихъ классиковъ и учрежденіемъ филологической семинаріи, гдѣ преподавались основанія высшей грамматики, критики, герменевтики и филологіи. Тотъ же попечитель, по рекомендаціи Буле, вызвалъ окончившаго курсъ въ Геттингенѣ австрійскаго серба Аѳ. Ив. Стойковича. Стойковичу предстояла блестящая политическая роль въ Австріи, которая тогда любезничала съ славянами и обѣщалась открыть отдѣльное министерство для завѣдыванія славянскими дѣлами, преимущественно относительно церкви и народнаго просвѣщенія. Стойковичъ намѣченъ былъ на должность министра, но онъ отказался принять католичество и принялъ предложеніе гр. Потоцкаго. Съ 1803—1813 г. Стойковичъ былъ въ Харьковѣ профессоромъ умозрительной и опытной физики и издалъ тамъ нѣсколько обширныхъ сочиненій по своей части, которыя признаны для своего времени весьма замѣчательными.

Иностранные профессора вызваны были Муравьевымъ чрезъ посредство Геттингенскаго профессора Мейсснера, и изъ нихъ Рейсъ,

Гофманъ, Иде, Буле и другъ его Грельманъ сами принадлежатъ къ геттингенскому университету, имѣвшему большое вліяніе на наше умственное развитіе въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. Первоначально молодые люди, желавшіе усовершенствоваться въ наукѣ, направлялись въ Страсбургъ: тамъ доканчивалъ свое образованіе гр. В. Г. Орловъ. Затѣмъ цѣлью ихъ путешествія дѣлаются преимущественно Лейпцигъ и Геттингенъ.

Лейпцигъ назывался маленькимъ Парижемъ въ Германіи. Лейпцигъ былъ самымъ значительнымъ рынкомъ Саксонско-Польскаго королевства: онъ былъ посредникомъ между романскимъ западомъ и славянскимъ востокомъ; на его важной ярмаркѣ царила самая шумная жизнь, мелькали чужестранцы, невиданныя одежды, длинные караваны, купцы изъ самыхъ далекихъ странъ. Лейпцигскій университетъ издавна пользовался большею славою; въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, Готшедъ, представитель французскаго вліянія, и Геллертъ, поэтъ нѣмецкой буржуазіи, въ которомъ пробивалось уже національное сознаніе,—придали Лейпцигу преобладающее мѣсто въ литературной жизни Германіи. Лейпцигскій университетъ преимущественно избирали для слушанія лекцій знатные иностранцы. Около 1766 года, по возвращеніи изъ-за границы гр. Вл. Григор. Орлова, Екатерина отправила на казенный счетъ двѣнадцать молодыхъ людей, въ томъ числѣ шестерыхъ изъ Пажескаго корпуса, для усовершенствованія въ наукахъ въ Лейпцигскій университетъ, считавшійся лучшимъ, подъ надзоромъ гофмейстера Бакума и духовника, монаха Павла. Изъ нихъ самый даровитый, имѣвшій особенное вліяніе на товарищей, былъ Ф. В. Ушаковъ, состоявшій уже на службѣ, но имѣвшій сильное стремленіе къ образованію; вслѣдствіе разныхъ излишествъ въ жизни, еще во время пребыванія въ Петербургѣ, онъ умеръ въ Лейпцигѣ на двадцать второмъ году. Самый бездарный и наименѣе воспользовавшійся университетскимъ образованіемъ, О. П. Козодавлевъ (умеръ въ 1819 году) былъ самый счастливый и одинъ вышелъ въ люди; по возвращеніи въ Россію, Козодавлевъ примкнулъ къ Россійской академіи, пописывалъ незначительныя комедіи (Перстень 1780 г., Нашла коса на камень 1781 г.), былъ сотрудникомъ „Собесѣдника“, издаваемаго Екатериною и кн. Дашковой, и въ царствованіе Императора Александра I-го былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

и временно народнаго просвѣщенія. Остальными были А. Н. Радищевъ, А. М. Кутузовъ, М. К. Рубановскій, С. А. Олсуфьевъ, товарищъ дѣтскихъ игръ наслѣдника престола Павла Петровича, кн. В. П. Трубецкой, С. Н. Яновъ, съ которымъ былъ друженъ Радищевъ, и четверо неизвѣстныхъ, въ числѣ которыхъ самъ Радищевъ предполагаетъ друга своего отца, Челищева. Въ 1758 г. появилось извѣстное сочиненіе Гельвеція о разумѣ (de l'ésprit), одно изъ сильнѣйшихъ проявленій матеріализма. Проѣзжавшій чрезъ Лейпцигъ русскій офицеръ Ѳ... снабдилъ русскихъ студентовъ этою книгой, рѣзкость которой имъ очень понравилась (36). Кромѣ того и въ самомъ университетѣ профессоръ философіи Платнеръ любилъ останавливаться на соціальныхъ вопросахъ и часто вдавался въ разсужденія о печальной судьбѣ угнетенныхъ массъ. Эти обстоятельства, повидимому не оказавшія вліянія на остальныхъ, печально отразились на судьбѣ Радищева. Радищевъ и Кутузовъ, возвратившись въ Россію въ 1771 году, познакомились съ масонами. Радищевъ никогда тѣсно къ нимъ не примыкалъ, тѣмъ болѣе, что служба привязала его къ Петербургу, но Кутузовъ, поселившійся въ Москвѣ и въ литературномъ отношеніи получившій извѣстность переводомъ Йоновыхъ размышленій (1783 г.) и Мессіады Клопштока (1785 — 1787 гг.), всецѣло посвятилъ себя служенію масонства, вступилъ въ союзъ злато-розоваго креста, подружился съ Новиковымъ и Карамзинымъ и долго жилъ за-границею делегатомъ отъ московскихъ мартинистовъ, съ цѣлью изученія всѣхъ масонскихъ таинствъ. Онъ умеръ въ Берлинѣ въ 1790 году.

Несравненно болѣе значенія въ исторіи русскаго образованія получилъ Геттингенъ. Геттингенскій университетъ основанъ былъ 17 сентября 1737 г., при курфюрстѣ Ганноверскомъ Георгѣ II, просвѣщеннымъ министромъ Ф. Мюнхгаузеномъ, бывшимъ его первымъ попечителемъ, по плану Мосгейма. Съ самой первой поры университетъ получилъ почетную извѣстность и, вмѣстѣ съ Веймаромъ, небольшой Геттингенъ сдѣлался въ исходѣ XVIII столѣтія одною изъ свѣтлыхъ точекъ, откуда просвѣщеніе разливалось по Германіи. Этому университетъ обязанъ былъ своимъ широкимъ уставомъ, гдѣ не ставилось исключительною цѣлью подготовленіе молодыхъ людей къ различнымъ отраслямъ государственной службы и къ профессіональному ученому званію, но открывался свободный доступъ для

занятій всякому, кто желалъ посвятить себя наукѣ и литературѣ. Профессора вызывались со всѣхъ концовъ Германіи, не отдавая предпочтенія мѣстнымъ уроженцамъ, и университетъ быстро наполнился знаменитостями по всѣмъ отраслямъ. Начальное ядро лицъ, положившихъ начало славѣ Гёттингенскаго университета составляли: извѣстный историкъ церкви и богословъ Мосгеймъ, одинъ изъ основателей современной физіологіи и вмѣстѣ поэтъ Галлеръ и знаменитый филологъ Гесснеръ. Къ нимъ преемственно присоединялись юристъ Платтеръ (съ 1747 г.), основатель статистики Ахенвалъ († 1772 г.), знаменитый филологъ и издатель классиковъ Гейне (съ 1763 г.), естествоиспытатель Блуменбахъ (съ 1776 г.), профессора исторіи: Гаттерерь (съ 1759—1799 гг.), изслѣдователь русской исторіи Шлецеръ (съ 1759 г.), Шпитлеръ (съ 1779—1797 гг.) и Геренъ (съ 1787 г.). Въ Гёттингенѣ ученымъ обществомъ, основаннымъ въ 1750 г. по инициативѣ Галлера, начали издаваться „Гёттингенскія ученыя Вѣдомости" („Göttinger gelehrte Anzeigen"), старѣйшій въ Германіи критико-ученый журналъ. Въ такъ-называемый бурный періодъ нѣмецкой литературы (Drang-und Sturm periode), съ 1769 года Готтеръ и Бойе начали издавать въ Гёттингенѣ періодически „Альманахъ музъ" („Musenalmanach"), въ подражаніе основанному въ 1765 г. въ Парижѣ („Almanac des muses"). На страницахъ этого Альманаха появились лирическія поэмы Бюргера, Ганъ, Гёлти, Миллеръ, Фоссъ, братья гр. Штольберги, Лейзевицъ и др. 12 сентября 1772 г., подъ предсѣдательствомъ Фосса, основано было общество подъ названіемъ Hainband, въ которомъ приняли первоначально участіе Миллеръ, Ганъ, Гёлти и Версъ, впослѣдствіи присоединились другіе, но душой этого кружка оставался Фоссъ. Этотъ союзъ гёттингенскихъ бардовъ проникнутъ былъ поклоненіемъ Клопштоку и сжегъ изображеніе Виланда; пѣсни этихъ бардовъ теперь утратили значеніе, но въ свое время онѣ были важны, какъ пробуждающееся стремленіе къ народной самобытной поэзіи. Не даромъ отыскивавшая за границею науки русская молодежь пріютилась въ Гёттингенѣ: воздухъ его молодаго университета былъ свѣжѣе и гостепріимнѣе для пришлыхъ людей, нежели въ другихъ германскихъ университетахъ, скованныхъ обрядностью мѣстно-національной исключительности и традиціями средневѣковой протестантской схоластики. Такимъ образомъ отблескъ этого культурнаго значенія Гёттингена достигъ и

до нашего отечества. Муравьевъ и основатель лицея въ Ярославлѣ П. П. Демидовъ учились въ Гёттингенѣ, слѣдовательно первый изъ нихъ имѣлъ личныя связи съ тамошнимъ университетомъ. Но, независимо отъ того, многіе изъ нашихъ гёттингенцевъ пытались внести свѣтъ и гуманность въ окружающую невѣжественную среду. Въ Гёттингенѣ воспитывался извѣстный нашъ юристъ, костромской урожденецъ Поляковъ, отозвавшійся на конкурсную задачу Вольнаго Экономическаго Общества въ 1766 г. проектами освобожденія крестьянъ съ нѣкоторымъ надѣленіемъ ихъ землею ([37]), въ 1766 году былъ въ Гёттингенѣ студентъ Рудневъ, впослѣдствіи епископъ Дамаскинъ, который постоянно проводилъ мысль о необходимости образованія для всего русскаго народа. Изъ Гёттингена вышли извѣстные у насъ профессора-юристы изъ русскихъ Куницынъ, котораго „Естественное право" (2 часть) предано было уничтоженію и Цвѣтаевъ; въ Гёттингенѣ подъ руководствомъ Гейне образовался профессоръ Тимковскій, въ Гёттингенѣ воспитался извѣстный Ник. Тургеневъ, написавшій тамъ свой Опытъ теоріи налоговъ въ 1810 и 1811 гг., и другъ Жуковскаго, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, А. М. Тургеневъ; тамъ молодой ученый, воспитанникъ университетскаго пансіона Андрей Кайсаровъ еще въ 1806 г. писалъ докторскую диссертацію О средствахъ постепеннаго освобожденія крестьянъ, и въ 1804 г. написалъ на нѣмецкомъ языкѣ и напечаталъ въ Гёттингенѣ Опытъ славянской миѳологіи, въ азбучномъ порядкѣ, въ свое время пользовавшійся большою извѣстностью, такъ что на Кайсарова ссылался даже Добровскій. Изъ записки Муравьева видно, что въ его время въ Гёттингенѣ получили образованіе готовившіеся въ профессора адъюнкты Войновъ, Двигубскій, своекоштный студентъ изъ купцовъ Гусятниковъ, студентъ-медикъ Калкау, бывшій потомъ адъюнктъ-профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей у насъ нѣмецкаго философскаго направленія въ двадцатыхъ годахъ, Галичъ докончилъ свое образованіе также въ Гёттингенѣ ([38]).

Это культурное значеніе Гёттингенскаго университета помянулъ между прочимъ Пушкинъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ":

Съ душою прямо Гёттингенской,
Поклонникъ Канта и поэтъ,
Онъ изъ Германіи туманной

Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь...

Оставляя въ сторонѣ ученые труды въ Россіи другихъ изъ числа вызванныхъ профессоровъ, мы остановимся преимущественно на Буле и Рейнгардѣ.

Самымъ даровитымъ и полезнымъ у насъ представителемъ нѣмецкой науки, перенесенной изъ Геттингена, былъ профессоръ Буле, который познакомилъ первый университетскихъ слушателей съ философіею, въ связи съ эстетикой въ томъ видѣ, какъ они разрабатывались тогда въ Германіи (39). Вообще, Буле принадлежалъ къ числу лицъ, оказавшихъ серьезныя услуги новому своему отечеству. Буле усердно учился по-русски, занимался русскою исторіей и написалъ по этому предмету сочиненіе „Опытъ критической литературы русской исторіи" (Versuch einer kritischen Litteratur der Russischen Geschichte. M. 1810), которое не утратило своей цѣны и въ настоящее время. Философія преподавалась въ университетѣ и ранѣе Буле. Замѣчательно, что первый профессоръ Московскаго университета, Поповскій, ученикъ Ломоносова и переводчикъ поэмы Опытъ о человѣкѣ, Попе (съ франц. 1757 г.), при самомъ своемъ вступленіи сказалъ рѣчь о философіи, напечатанную въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ" за августъ 1755 г. Рѣчь эта для своего времени чрезвычайно интересна. Поповскій говоритъ о философіи, что „отъ нея зависятъ всѣ познанія; она мать всѣхъ наукъ и художествъ". Философія должна преимущественно дѣйствовать на людей, отступившихъ отъ Бога, и приводить ихъ къ богопознанію изслѣдованіемъ самихъ законовъ и явленій естества. Но, что всего важнѣе, это то, что Поповскій признавалъ необходимость распространенія философіи между всѣми образованными людьми. Съ этою цѣлью онъ возставалъ противъ латинскаго языка и требовалъ изложенія ея на русскомъ, допуская, что „нѣтъ такой мысли, кою бы по-россійски изъяснить было невозможно". Объ этомъ же хлопоталъ онъ и въ университетѣ, но попытки его не удались, въ виду отпора со стороны другихъ профессоровъ-иностранцевъ, отстаивавшихъ латынь вплоть до указа Екатерины о преподаваніи на русскомъ языкѣ въ 1767 г. Впрочемъ, самъ Поповскій не читалъ лекцій по философіи.

Въ университетѣ преподаваніе философіи началъ прибывшій вмѣ-

стѣ съ Шаденомъ профессоръ Фроманъ, который читалъ логику, метафизику и моральную философію по руководствамъ извѣстнаго физика и вольтерьянца, лейпцигскаго профессора Винклера, и читалъ частно (privatim) логику и курсъ исторіи на французскомъ языкѣ. Фроманъ въ 1765 г. оставилъ университетъ и поступилъ въ слѣдующемъ году на каѳедру философіи въ Тюбингенъ, гдѣ написалъ интересное сочиненіе: Strictura de situ scientiarum et artium in imperio Russico". Послѣ Шадена каѳедра философіи перешла къ ученику его, Аничкову (1765—1772), который преподавалъ по методѣ своего учителя логику и метафизику, придерживаясь Винклера и Баумейстера. Въ 1772 г., оставивши гимназію, на каѳедру философіи вступилъ Шаденъ. Свое философское образованіе Шаденъ получилъ въ Тюбингенскомъ университетѣ, куда знаменитый Бильфингеръ, впослѣдствіи вызванный въ Петербургскую академію наукъ, занесъ философію Лейбница и Вольфа. Шаденъ съ самаго пріѣзда (1756—1797) преподавалъ въ гимназіи для дворянъ самый краткій конспектъ философіи, по руководству послѣдователя Вольфа, Баумейстера (Elementa philosophiae). Въ университетѣ Шаденъ свои чтенія началъ съ практической философіи и этики, которыя онъ соединялъ съ преподаваніемъ права, политики и общей исторіи всѣхъ нравственныхъ наукъ. Въ числѣ руководствъ по философіи указаны въ біографіи Шадена Винклеръ вольфіянецъ, Федеръ, противникъ Канта и послѣдователь англійской школы моралистовъ XVIII в., и Якоби, который имѣлъ многія точки соприкосновенія съ Кантомъ, но построилъ свою собственную философію, принявъ за основаніе раздѣленіе знанія на *посредственное*, доступное разуму и *непосредственное*, открываемою вѣрою ([40]). Изъ этого перечисленія именъ видно, что Шаденъ держался при преподаваніи философіи эклектическаго метода, т.-е. самого поверхностнаго и неудовлетворительнаго. Съ 1795 г. логику и метафизику началъ преподавать ученикъ Аничкова и Шадена, профессоръ Брянцевъ, и, по смерти Шадена, занявъ каѳедру философіи, сохранилъ ее до своей смерти въ 1821 г. Источниками для своихъ чтеній Брянцевъ указывалъ Федера, Снелли (послѣдователь Канта), Маттерна Рейса; повидимому, онъ не придерживался философіи Вольфа и скорѣе наклоненъ былъ къ философіи англійскихъ моралистовъ. По порученію Муравьева, Брянцевъ перевелъ Фергюссона — „Начальныя основанія нравственной философіи".

Буле въ 1787 г. получилъ каѳедру профессора въ Гёттингенскомъ университетѣ и тамъ еще пріобрѣлъ извѣстность многими историческими сочиненіями, гдѣ заявилъ близкое свое знакомство съ современными философскими ученіями (Einleitung in die algemeine Logik und die Kritik der reinen Vernuft, 1775, Entwurf der Transedental Philosophie 1798, Geschichte der neueren Philosophie seit der Epoche der Widerherstellung der Wissenschaften, 1800—1804). Начавши свое преподаваніе въ Москвѣ съ 1805 года, Буле читалъ въ университетѣ критическую метафизику, логику, опытную психологію, философію права и исторію философіи. Уже одно то обстоятельство, что чтенія философіи Буле были современны Брянцеву, показываетъ, что между ними не было никакого сходства. Какой системы придерживался самъ Буле, неизвѣстно, но внѣ всякаго сомнѣнія, что онъ знакомилъ исторически, и могъ это сдѣлать съ успѣхомъ, съ Кантомъ, Фихте и Шеллингомъ. Впрочемъ, насколько можно судить изъ помѣщеннаго въ „Ученыхъ Вѣдомостяхъ“ разбора сочиненія Шеллинга „Vorlesungen über die Methode des akademischen Studium“, Буле не сочувствовалъ философіи Шеллинга. Распространенію философіи въ Московскомъ университетѣ, также какъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ были профессора иностранцы, мѣшало то обстоятельство, что Буле не владѣлъ русскимъ языкомъ и слѣдовательно чтенія его для мало подготовленнаго большинства оставались непонятными.

Въ 1807—10 году Буле началъ на словесномъ факультетѣ чтенія миѳологіи и археологіи, а на политическомъ—исторію изящныхъ художествъ въ Россіи. Но важнѣе университетскихъ лекцій были частныя лекціи Буле, гдѣ онъ, кромѣ философіи, подробно читалъ эстетику и сопровождалъ ее разборомъ разныхъ авторовъ, съ большею подробностью останавливаясь на избранныхъ писателяхъ древнихъ и новыхъ. Буле, повидимому, не придерживался въ эстетикѣ воззрѣній Канта и новѣйшей философіи и смотрѣлъ на искусство съ психологической точки зрѣнія, какъ на ощущеніе. Въ предисловіи къ своему „Журналу изящныхъ искусствъ“ Буле слѣдующимъ образомъ выражаетъ свое воззрѣніе на искусство: „произведенія механическихъ искусствъ имѣютъ одно предназначеніе—пользу. Напротивъ, произведенія изящныхъ искусствъ должны быть пріятны по своему виду, должны возбуждать *эстетическое удовольствіе.* Чувствованіе прекраснаго рождается отъ нѣкоторой свободной, гармонической

игры чувствъ воображенія и разума вмѣстѣ. Искусство съ произведеніями своими тогда только бываетъ изящнымъ, когда оно возбуждаетъ сіе чувство, и возбуждаетъ потому, что сего желалъ художникъ. Изящное имѣетъ своимъ основаніемъ внимательное наблюденіе симметріи и гармоніи въ чертахъ натуры". Буле особенно развивалъ теорію драматической поэзіи и въ частности комедіи, останавливаясь на латинскихъ комикахъ, Плавтѣ и Теренціи. Есть предположеніе, что Грибоѣдовъ посѣщалъ эти частныя лекціи и пользовался ими еще до поступленія въ университетъ. По этому случаю профессоръ Веселовскій замѣчаетъ: „Есть возможность предполагать, что комедія „Горе отъ ума" набросана была впервые Грибоѣдовымъ въ студенческіе годы и такимъ образомъ сильное вліяніе Буле не осталось безъ живаго отраженія на ранней умственной зрѣлости комическаго писателя, которому суждено было выступить обличителемъ „застоя и невѣжества" („Зап. вліяніе", стр. 128). Впрочемъ, одинъ изъ наставниковъ Грибоѣдова Богд. Ив. Зонъ, человѣкъ очень ученый и образованный, еще прежде далъ Грибоѣдову классическое образованіе; съ нимъ, будучи уже студентомъ, Грибоѣдовъ читалъ латинскихъ классиковъ и любимыми его писателями были Плавтъ и Теренцій (Майковъ). Кромѣ того Буле издавалъ „Московскія Ученыя Вѣдомости" (1805—1807). Въ изданіи „Ученыхъ Вѣдомостей" участвовали нѣмецкіе профессора (Рейнгардъ, Иде, Шлецеръ) и русскіе (Цвѣтаевъ, Венсовичъ), а также нѣкоторые изъ молодыхъ кандидатовъ - математиковъ (Рахманиновъ и др.). „Вѣдомости" заключали въ себѣ краткій, но довольно обстоятельный отчетъ о важнѣйшихъ сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, появлявшихся за границей, причемъ особенное вниманіе обращено было на сочиненія, касающіяся до Россіи; при этомъ разбирались также всѣ сочиненія и переводы, появлявшіяся на русскомъ языкѣ. Такъ, помѣщенъ былъ довольно подробный разборъ Шлецерова перевода Нестора (Nestor, Russische annalen, von Aug. Z. Schlözer), Славянской миѳологіи Кайсарова (Versuch einer Slawischen mythologie von And. Kaisaroff), Памятника законовъ изд. Правикова, Начальныхъ основаній ботаники Двигубскаго, Краткой логики, изданной магистромъ П. Богдановымъ и т. д. Въ „Вѣдомостяхъ" печатались также отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ при университетѣ (Общества соревнователей медицинскихъ и физическихъ

наукъ и только что открывшагося Общества испытателей природы) и свѣдѣнія о задачахъ, предложенныхъ иностранными учеными учрежденіями. Странно только, что самый значительный по объему отчетъ посвященъ нелѣпому памфлету противъ масонства, изданному Робизономъ, профессоромъ физики и секретаремъ ученаго общества въ Эдинбургѣ, подъ заглавіемъ: „Доказательства, собранныя изъ достовѣрныхъ извѣстій о замыслахъ противъ всѣхъ вѣръ и правительствъ Европы, произведенныхъ въ тайныхъ сходбищахъ масоновъ, сенсимонистовъ и *обществъ чтенія*".

„Журналъ изящныхъ искусствъ" на 1807 годъ, остановился на третьей книжкѣ. Цѣль предпринятаго имъ журнала Буле изложилъ слѣдующимъ образомъ: „Изданіе сколько можно будетъ ближе къ генію и характеру россійскаго народа, по всѣмъ отношеніямъ внутреннимъ и внѣшнимъ, къ мѣстному положенію и къ нынѣшнему состоянію изящныхъ искусствъ въ Россіи. Читатели найдутъ въ немъ сочиненія о теоріи изящныхъ искусствъ по общему плану, который обниметъ всю словесную часть искусства, и отрывки о средствахъ и свѣдѣніяхъ вспомогательныхъ, кои для успѣха сего предпріятія необходимы; они увидятъ нѣкоторыя черты исторіи древнихъ искусствъ и новѣйшихъ, и въ особенности россійскихъ; сіе изданіе будетъ наконецъ заключать въ себѣ извѣстія о послѣднихъ открытіяхъ древностей и о новѣйшихъ произведеніяхъ искусства". Въ журналѣ этомъ помѣщались переводныя статьи и кромѣ того три оригинальныя статьи самого Буле, изъ которыхъ двѣ относились къ Россіи и одна—Венеринъ поясъ — къ греческой миѳологіи. Обѣ статьи, относящіяся къ Россіи, очень важны. Въ одной изъ нихъ, подъ заглавіемъ: Древнѣйшая россійская живопись, картины Каппонопіяновы,—Буле первый обратилъ вниманіе на хранящійся въ Ватиканѣ образецъ русской иконописи, который Буле относилъ къ XIII в., но, по новѣйшимъ, болѣе тщательнымъ изысканіямъ, онъ принадлежитъ ко второй половинѣ XVII вѣка ([41]). Въ другой статьѣ Буле сообщилъ алфавитный списокъ русскихъ граверовъ прошлаго столѣтія, съ обозначеніемъ лучшихъ ихъ произведеній. Переводами въ журналѣ Буле занимался Кошанскій, какъ это обозначено въ самомъ заглавіи и подписано подъ нѣкоторыми статьями; были ли другіе участвующіе, не видно.

Къ сожалѣнію, съ 30 октября 1808 г. Буле былъ отвлеченъ принятіемъ на себя отъ Баузе званія директора педагогическаго

института, а въ 1811 г. онъ и совсѣмъ оставилъ университетъ, поступивши библіотекаремъ къ Вел. Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Профессоръ Рейнгартъ началъ самостоятельное изложеніе практической философіи и этики, которыя Шаденъ до него соединялъ съ общею философіей и читалъ вмѣстѣ съ тѣмъ теорію естественнаго права. По его руководствамъ изданы: „Курсъ практической философіи", пер. съ франц. Кувичинской, М., 1807 г., и „Естественное право", перев. съ латинскаго Ив. Сычуговъ, Казань, 1816 г.

Наравнѣ съ приглашеніемъ въ университетъ иностранцевъ, Муравьевъ заботился о пополненіи его русскими учеными. Въ черновомъ проектѣ устава, писанномъ его рукою, сказано: „желательно, чтобы со временемъ лекціи всѣхъ наукъ преподавались на природномъ языкѣ. Университетъ одобряетъ какъ сочиненіе, такъ и преложеніе на россійскій языкъ системъ ученія въ разныхъ наукахъ". Въ его „Запискахъ" выражено: „иначе нельзя завести своихъ профессоровъ, какъ посылая ихъ въ чужіе края, чтобы они выучились тамъ своимъ правамъ, трудолюбію и должностямъ". Вслѣдъ за тѣмъ приводятся имена 21 лица, большею частью воспитывавшихся за границею, и послѣ этихъ именъ въ запискѣ значится NB: „Всѣхъ сихъ ученыхъ по пріѣздѣ можно сдѣлать адъюнктами и профессорами экстраординарными". Ожиданіе это сбылось, такъ какъ большинство указанныхъ лицъ достигло профессорской каѳедры. Въ числѣ ихъ поименованы Мерзляковъ, Тимковскій, занимавшійся за границею греческою литературой, Кошанскій—археологіей и теоріей изящныхъ искусствъ, Чеботаревъ—технологіей, Болдыревъ—восточными языками, Двигубскій—натуральной исторіей и химіей, Цвѣтаевъ — юриспруденціей, Смирновъ, экстроординарный профессоръ россійскаго законовѣдѣнія, профессора медицины Воиновъ, Мудровъ, Котельницкій, Щеголевъ и Яценко, впослѣдствіи издатель „Духа журналовъ" (1815—1821). Кромѣ того, въ бытность Муравьева попечителемъ, въ университетъ поступили профессорами изъ студентовъ Московскаго университа на каѳедру анатоміи, физіологіи и судебной медицины: Венсовичъ, одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ Московскаго университета; А. П. Роговъ, по окончаніи курса поступившій въ 1767 г. учителемъ въ университетскую гимназію, въ 1804 г. былъ сдѣланъ адъюнктомъ этико политическаго отдѣленія и читалъ лек-

сельное право; профессоръ патологіи и общей терапіи Немировъ, профессоръ ветеринарной науки Андреевскій. Изъ постороннихъ университету лицъ: Каченовскій въ 1805—11 г. началъ свое университетское поприще теоріею риторики; уроженецъ Москвы, кончившій курсъ въ Ревельской гимназіи и затѣмъ, уже находясь на военной службѣ, слушавшій лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, де-Сангленъ приглашенъ былъ на мѣсто Гейма лекторомъ нѣмецкой литературы и читалъ военныя науки. Де-Сангленъ издавалъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Рейнгартомъ ежемѣсячный журналъ „Аврору“ и участвовалъ въ издаваемыхъ профессоромъ Буле „Ученыхъ Вѣдомостяхъ“ за 1805 годъ.

Озабочиваясь внутреннимъ устройствомъ университета и улучшеніемъ состава профессоровъ и преподаванія, Муравьевъ обращалъ не менѣе вниманія и на внѣшнюю его сторону, на отношенія университета къ окружающему обществу. Значеніе университета въ общественной жизни не ограничивается ролью исключительно образовательнаго учрежденія; университетъ получаетъ значеніе тогда, когда онъ не замыкается въ стѣнахъ своихъ аудиторій, когда онъ вступаетъ въ живое общеніе со всѣмъ образованнымъ обществомъ, когда онъ проникаетъ въ городскую жизнь, наполняетъ ее и дѣлается средоточіемъ всего умственнаго движенія. Московскій университетъ понималъ эту задачу и старался съ самаго начала выполнить ее возможно добросовѣстнымъ образомъ; съ самой первой поры его открытія въ университетѣ учреждены были торжественныя собранія, гдѣ произносились рѣчи профессоровъ, а въ первое время и учениковъ университета на иностранныхъ языкахъ; происходили публичные диспуты студентовъ, на которыхъ собиралась многочисленная публика. Годичный актъ въ университетѣ, считался тогда, по словамъ Снегирева, праздникомъ для цѣлой Москвы, для цѣлой Россіи и отправлялся съ особою торжественностью; всѣ высокія и знатныя лица свѣтскія и духовныѣ „поставляли себя за честь и удовольствіе, и даже въ нѣкоторую обязанность непремѣнно присутствовать на торжествѣ“. Независимо отъ того читались профессорами публичныя лекціи и дѣлались попытки учрежденія при университетѣ обществъ, съ цѣлью привязать къ университету постороннихъ любителей просвѣщенія и литературныхъ дѣятелей. Но все это имѣло мало успѣха и мало оказывало вліянія на равнодушное общество. Мура-

вьевъ, воспользовавшись поднятіемъ умственнаго уровня, далъ новый толчекъ этимъ стремленіямъ въ университетѣ.

Мысль объ учрежденіи общества при университетѣ постоянно занимала Мелиссино, когда онъ былъ еще директоромъ университета; въ ноябрѣ 1757 г., въ день имянинъ Шувалова, онъ открылъ у себя первое засѣданіе общества, составившагося изъ профессоровъ, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей и высшаго духовенства, но общество это не пошло въ ходъ. Назначенный кураторомъ университета (1771 г.), Мелиссино учредилъ „Вольное собраніе любителей россійскаго языка", цѣлью котораго заявлено было исправленіе и совершенствованіе россійскаго языка, а ближайшимъ къ тому средствомъ „сочиненіе правильнаго россійскаго словаря по азбукѣ". Исторія этого общества, теперь совершенно забытаго, не лишена нѣкотораго значенія для нашего умственнаго развитія.

Общество это открыто было 2 августа 1771 г. Постояннымъ предсѣдателемъ его былъ директоръ университета М. В. Приклонскій, а въ числѣ первоначальныхъ членовъ, кромѣ профессоровъ и студентовъ, считались Н. И. Новиковъ, княгиня Дашкова, М. И. Веревкинъ, И. И. Рычковъ, А. А. Нартовъ, В. Г. Рубанъ, Ф. И. Миллеръ и директоръ с.-петербургской академической гимназіи Бакмейстеръ. Въ 1775 г. въ него вступили М. М. Херасковъ, В. И. Майковъ, Д. И. Фонъ-Визинъ, Д. И. Хвостовъ; въ 1776 г.—кн. Н. Н. Трубецкой, С. И. Плещеевъ, А. П. Сумароковъ, М. Н. Муравьевъ, Ф. О. Туманскій. Въ 1778 г. предсѣдателемъ общества избранъ М. М. Херасковъ, и въ число членовъ вступили Г. Р. Державинъ, П. И. Страховъ, кн. Ал. Авр. Черкасскій, Еф. Леонт. Брайко. Въ 1779 г. поступили Я. Б. Княжнинъ, ректоръ А. А. Дамаскинъ и Д. И. Хвостовъ; въ 1780 г. Я. И. Булгаковъ, Ерм. Ив. Костровъ, кн. К. М. Енгалычевъ, и аускультантомъ (т. е. соревнователемъ) студентъ князь И. М. Долгоруковъ. Затѣмъ, мало по малу къ нему стали примыкать и остальные мартинисты: въ 1780 г. И. П. Тургеневъ, въ 1781 г. И. В. Лопухинъ, въ 1782 г. С. И. Гамалея, Ф. П. Ключаревъ, А. М. Кутузовъ, кромѣ того Штриттеръ, В. В. Чулковъ и ректоръ московской академіи Арх. Павелъ. Такимъ образомъ общество, въ самомъ началѣ, соединило въ себѣ почти всѣ литературныя силы того времени не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ. Со вступленіемъ въ него мартинистовъ, когда они получили преобладающее значеніе въ числѣ *на-*

личныхъ его членовъ, оно естественно распалось, такъ какъ мартинисты, именно въ тоже время (весною 1783 г.) успѣли организовать свое особое, замкнутое общество. „Вольное собраніе“ на первыхъ же порахъ принялось за изданіе древнихъ памятниковъ „для удовольствія общенароднаго и для приведенія въ совершенство россійскія со временемъ исторіи“. Это изданіе, конечно, лишено было критическихъ пріемовъ, но во всякомъ случаѣ починъ имѣлъ значеніе для разработки матеріаловъ. Общество напечатало въ своихъ трудахъ: Двинскій лѣтописецъ, Чинъ и поставленіе царей Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, царя Мануила греческаго, Свадьбу в. кн. Василія Ивановича, Отпускъ въ супружество дочери царя Ивана Васильевича Елены за Литовскаго князя, Послужный списокъ придворныхъ чиновъ съ 1462—1676 годъ, Свадьбу кн. И. Д. Бѣльскаго, Грамоту избранную и утвержденную на царство Бориса Годунова, Духовную патріарха Іова, Посольскій наказъ къ персидскому шаху 1618 года, Дворцовую записку по случаю рожденія Петра Великаго съ дополненіемъ, Статейный списокъ посольства великаго князя Василія Ивановича къ римскому императору Максимиліану. Кромѣ того напечатанъ переводъ съ права мунгальскаго и калмыцкаго народовъ, сообщенный гр. П. Б. Шереметевымъ. Изъ прозаическихъ оригинальныхъ статей помѣщены путевыя замѣтки въ Англіи кн. Дашковой; рѣчь профессора Барсова О пользѣ учрежденія императорскаго московскаго университета, рѣчь профессора Сем. Забѣлина О причинѣ внутренняго союза частей между собою человѣческаго тѣла, разсужденіе О различіи слоговъ М. Н. Муравьева; Краткое описаніе Камчатки командора Кон. Тимоф. Швалева, о древнихъ чинахъ въ Россіи кн. М. М. Щербатова, и статьи Миллера—о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ; о журналѣ Гордона; рожденіе, воспитаніе и первое воцареніе Петра Великаго; нѣкоторое повѣреніе Вольтеровыхъ о Китаѣ примѣчаній, собранное въ краткую Братищеву бытность въ Пекинѣ (сообщенное гр. П. Бор. Шереметевымъ); Описаніе перваго изданія въ печать библіи, Штритера; и Разсмотрѣніе старопечатнаго апостола, изданнаго Скориною въ Вильнѣ, протоіерея П. Алексѣева. Изъ переводовъ помѣщена обширная статья, очевидно съ нѣмецкаго, Ан. Ан. Нартова, Повѣствованія человѣческаго разума, Опытъ о торговлѣ, Г. Гюма, и статья „О шуткѣ“ изъ Зрителя

(Spectator), переводъ кн. Дашковой и ея же извлеченіе изъ одного изъ англійскихъ моралистовъ, доказывающее, что „просвѣщенная любовь самого себя есть основаніе общественныхъ добродѣтелей“, (въ письмѣ къ другу); Вопросы человѣка ничего не знающаго, съ франц. И. И. Мелиссино; Защищеніе ученія, читанное въ засѣданіи франц. академіи 13 апрѣля 1761 г. пер. Плещеева; переводъ изъ Прозаическихъ записокъ Клейста М. Н. Муравьева; Разсматриваніе естества, пер. съ нѣм. М. В. Веревкина; Разговоръ Силлы съ Евкратомъ, переведенный изъ Монтескье кн. Ф. Н. Голицынымъ. Изъ переводовъ особенно замѣчательны, по сопровождающимъ ихъ примѣчаніямъ труды „Англомана“, въ лицѣ котораго Г. Добролюбовъ (ст. 2, прим. 3) видитъ совершенно неосновательно кн. Дашкову. Въ отвѣтъ на это письмо А. Барсова, прямо указано, что оно прислано „постороннимъ любителемъ“, тогда какъ всѣ статьи доставленныя членами были обозначаемы ихъ именемъ. Въ письмѣ Англомана приложенъ переводъ извѣстнаго монолога изъ Гамлета— „Быть или не быть“, съ замѣчаніемъ о недостаткѣ въ русскомъ языкѣ метафорическихъ выраженій, это первый и весьма недурный опытъ перевода стихами изъ Шекспира. Въ другомъ переводѣ письма къ канцлеру казначейства лорду Оксфорту, гдѣ указывается не обходимость составленія особаго общества для установленія правилъ съ цѣлью исправленія англійскаго языка, Англоманъ,—признавая эту потребность еще болѣе настоятельною для русскаго языка, высказываетъ по этому поводу слѣдующее вѣрное и замѣчательное для того времени сужденіе. „Чтобы поправить нашъ языкъ, надлежитъ утвердить грамматическія правила, кои не утверждены, или отъ коихъ многіе удалились и исключить изъ него все то, что ему не свойственно, чтобы распространить оный, должно изобрѣсть многія слова или занять ихъ изъ чужестранныхъ языковъ, чтобы оный установить, должно имѣть лексиконы, опредѣляющіе смыслъ словъ, и другія сочиненія, гдѣ сила ихъ должна необходимо быть съ точностью означена. Весьма противны распространенію, а нѣкоторымъ образомъ и установленію нашего языка обычай, введенный съ нѣкотораго времени, откидывать всѣ чужестранныя слова, кои уже въ общемъ употребленіи и, если такъ осмѣлюсь сказать, натурализованы были, и изображать оныя россійскими словами, которыхъ никто не разумѣетъ или по крайней мѣрѣ не столь ясное поня-

тіе съ ними сопрягаетъ, какъ съ первыми.“ ([42]) Это показываетъ, что еще въ то время, задолго до Карамзина, возникъ споръ о развитіи русскаго языка и объ образованіи слога и даже борьба между приверженцами стараго слога и новаторами въ томъ же видѣ, какъ впослѣдствіи между Шишковымъ и Карамзинымъ. Въ журналѣ помѣщено было нѣсколько стихотвореній, въ томъ числѣ съ подписью Хераскова (Ода о величествѣ Божіи), М. Н. Муравьева (Роща) и В. Майкова (Ода о безсмертіи души въ разсужденіи безконечныхъ нашихъ желаній). Въ 1787 году „Вольное собраніе“ закрылось и Мелиссино открылъ 2 іюля 1789 г. новое „Общество любителей учености“, съ болѣе широкою цѣлью, вообще „споспѣшествовать распространенію въ Россіи наукъ“, но оно не удалось и названо было Шуваловымъ при самомъ своемъ открытіи мертворожденнымъ.

Общества, основанныя при университетѣ во время попечительства Муравьева, имѣли въ виду чисто ученую цѣль; они удержались до сихъ поръ и пріобрѣли болѣе или менѣе важное значеніе въ исторіи русской науки. Въ маѣ мѣсяцѣ 1804 года, Высочайше утверждено было „Общество исторіи и древностей россійскихъ“, 26 сентября 1804 г., „Общество испытателей природы“, 2 января 1805 г., „Общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ“, на самомъ дѣлѣ начавшее свою дѣятельность ранѣе другихъ. Причина, по которой созданныя Муравьевымъ общества оказались прочнѣе прежнихъ, лежала въ духѣ времени. Въ первой четверти настоящаго вѣка значительно увеличилось не только число образованныхъ людей, но и спеціально предавшихся занятію литературой и отчасти наукой. Точно также, какъ прежде, образованные люди сходились между собою и бражничали въ масонскихъ ложахъ, такъ теперь сплачивались между собою и держались вмѣстѣ литераторы и ученые, понимая, что взаимная поддержка для нихъ необходима, чтобы не затеряться въ не-культурной средѣ и что только такимъ способомъ единичные труды каждаго,—рискующіе безслѣдно пропасть—пріобрѣтаютъ значеніе общественнаго явленія, болѣе или менѣе распространявшагося среди публики. Первая четверть XIX вѣка отмѣчена въ развитіи у насъ умственной жизни появленіемъ различныхъ обществъ и группъ между литераторами, оффиціальныхъ и не оффиціальныхъ, блестящихъ и многочисленныхъ или самыхъ скромныхъ и малоизвѣстныхъ.

Существованіе ихъ было кратковременно, но каждое изъ нихъ внесло свою лепту.

Наблюдая вообще ходъ общественнаго историческаго развитія, мы въ настоящее время болѣе нежели когда нибудь поняли, что движеніе сосредоточивается всего непосредственнѣе въ тѣхъ живыхъ кружкахъ, которые собираютъ вокругъ себя выдающіяся личности и которые,—часто не завѣщая послѣ себя никакихъ слѣдовъ, наглядно доступныхъ для позднѣйшаго потомства—тѣмъ не менѣе, для своего времени были самою плодотворною и движущею силою, центрами, гдѣ подготовлялись и вырабатывались дѣятели извѣстной эпохи и гдѣ они пріобрѣтали направленіе, ея характеризующее. Поэтому изучая позднѣйшую эпоху нашего образованія—съ той минуты когда оно слилось съ обще-европейскимъ, благо, что это совершилось такъ сказать на нашихъ глазахъ,—мы не можемъ ограничиваться однимъ разборомъ литературныхъ памятниковъ, какъ ни важно значеніе ихъ въ исторической жизни народа; намъ предстоитъ еще ближе познакомиться съ внутренней жизнью общества въ ближайшую къ намъ эпоху, по возможности вокресить дѣятельность кружковъ въ образованномъ меньшинствѣ,—выражались ли они въ видѣ организованныхъ обществъ, оффиціально признанныхъ или тайныхъ, или въ видѣ учрежденій съ спеціальною цѣлью образованія юношества, или наконецъ просто въ видѣ домашнихъ сходокъ людей, вступившихъ въ тѣсное, умственное общеніе между собой кружковъ, которые служили самыми живыми и дѣйствительными проводниками образованія въ томъ меньшинствѣ, которое было къ нему подготовлено, поставлено въ болѣе благопріятныя условія и представляло верхній культурный слой, въ то время еще стоявшій особнякомъ и имѣвшій мало сношеній съ народомъ, съ массою. Значеніе этихъ кружковъ очень мѣтко оцѣнилъ графъ Уваровъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“: „частныя, такъ сказать, домашнія общества, состоящія изъ людей, соединенныхъ между собою свободнымъ призваніемъ и личными талантами и наблюдающихъ за ходомъ литературы, имѣли не только у насъ, но и повсюду ощутительное, хотя нѣкоторымъ образомъ невидимое вліяніе на современниковъ; и въ этомъ отношеніи академіи и другія оффиціальныя учрежденія того же рода далеко не имѣютъ подобной

силы, такъ какъ они не даютъ знаменитымъ писателямъ, а скорѣе заимствуютъ отъ нихъ жизнь и направленіе.“

Въ нашемъ трудѣ, мы съ особеннымъ вниманіемъ постараемся останавливаться на этой общественно-литературной сторонѣ дѣятельности упоминаемыхъ нами лицъ, на тѣхъ кружкахъ, которые собирали они возлѣ себя въ современномъ обществѣ. Объ этомъ стремленіи литераторовъ того времени сплотиться между собою—есть указанія современниковъ. В. М. Федоровъ (авторъ многихъ театральныхъ пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ въ свое время), говорилъ Жихареву: „литераторы и даже простые любители литературы, какъ масоны, узнаютъ другъ друга по какой-то особенности, которая ихъ характеризуетъ. Ничто не сводитъ такъ скоро и такъ коротко людей, какъ поклоненіе музамъ. Я не могу разъяснить, отъ чего сіе происходитъ: отъ однихъ ли и тѣхъ же вкусовъ и наклонностей и одинаковаго воззрѣнія на предметы; но есть, что-то таинственное, что влечетъ одного литератора къ другому; разумѣется бываютъ исключенія, но они рѣдки. (Днев. чиновн. „Отеч. Зап.“, 1875 г., кн. IV стр. 400). Мицкевичъ, посѣтившій Москву и Петербургъ въ двадцатыхъ годахъ, въ статьѣ своей „Біографическое и литературное извѣстіе о Пушкинѣ“, помѣщенной въ журналѣ „Le Globe“, 25 мая 1837 г., за подписью „Другъ Пушкина“ выражается такъ: „Писатели въ Россіи образуютъ родъ братства, соединеннаго многими связями. Они почти всѣ или люди зажиточные, или чиновники правительства: пишутъ они большею частью для того, чтобы пріобрѣсти славу или общественное значеніе. Талантъ у нихъ не сдѣлался еще товаромъ, а потому рѣдко встрѣчается между ними ремесленное совмѣстничество и жажда интересовъ. По крайней мѣрѣ я не видалъ тому примѣра. Такимъ образомъ литераторы любили собираться между собою, видались почти ежедневно, и весело проводили время среди общихъ чтеній, дружескихъ бесѣдъ и споровъ“ (соч. VII, 312). Мерзляковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Ф. Ф. Ивановѣ между прочимъ пишетъ: „Въ началѣ царствованія императора Александра I, въ Петербургѣ и Москвѣ существовали общества, не думавшія ни объ извѣстности своей, ни о выгодахъ, но жившія единственно удовольствіями, внутри самихъ себя заключенными, однимъ словомъ наслажденіями ученія; говорю о собраніяхъ дружескихъ потому особенно, что я самъ во многихъ изъ нихъ участвовалъ и сіе время жизни моей почитаю и

всегда почитать буду самымъ счастливѣйшимъ, золотымъ, невозвратимымъ временемъ моей жизни. Тогдашнія дружескія бесѣды наши и потому для насъ были памятны, что онѣ безъ всякаго сомнѣнія были предтечами, хотя не прямо, и сего открытаго Общества (любителей россійской словесности). Въ самомъ дѣлѣ тогда быть членомъ литературнаго общества сдѣлалось для каждаго изъ насъ необходимою душевною потребностью, которая, преобразившись въ постоянную наклонность имѣла великое вліяніе на всѣ происшествія нашей жизни; она составила наши связи или пріятныя, или полезныя, но на всегда неразрывныя, опредѣлила кругъ нашей дѣятельности, открыла важныя мѣста и ходъ людямъ достойнымъ; а для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, наполнила праздное или печальное поприще житія—множествомъ утѣшительныхъ и интересныхъ воспоминаній". (Тр. Общ. люб. рос. слов., ч. VI, 102 и слѣд.).

Жихаревъ, въ своемъ дневникѣ, подробно разсказываетъ такія частныя собранія, происходившія въ началѣ 1807 г., (подъ 24 января) въ Петербургѣ. Литературные вечера назначены по субботамъ, у Державина, Шишкова, Захарова и Хвостова, они начнутся съ субботы 2 февраля у Шишкова, которому принадлежитъ честь первой о нихъ мысли. Вѣроятно послѣ кто-нибудь изъ извѣстныхъ особъ захочетъ также войти въ очередь съ нашими меценатами, но покамѣстъ ихъ только четверо. Всѣ литераторы, безъ изъятія, представленные хозяину дома кѣмъ-либо изъ его знакомыхъ, имѣютъ право на нихъ присутствовать и читать свои сочиненія; молодые люди, болѣе или менѣе оказавшіе успѣхъ въ словесности или подающіе о себѣ надежды, будутъ даже приглашаемы, потому что учрежденіе этихъ вечеровъ имѣетъ главнымъ предметомъ приведеніе въ извѣстность ихъ произведеній (Дневн. чиновн. „Отеч. Записки" 1855 г., кн. 5, стр. 185). Жихаревъ разсказываетъ одинъ изъ такихъ вечеровъ у Державина (23 марта 1807 г.), гдѣ присутствовали министръ просвѣщенія Завадовскій и президентъ академіи Оленинъ. Прочтено было Шишковымъ только одно стихотвореніе А. П. Буниной, на смерть ея пріятельницы, не заслужившее похвалы автора дневника; но въ замѣну плохихъ стиховъ, авторъ наслушался умныхъ рѣчей. При этомъ онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „рѣшительно не понимаю отъ чего во всѣхъ здѣшнихъ литераторахъ замѣтно какое-то обидное равнодушіе ко всѣмъ московскимъ поэтамъ, хотя бы заслуженнымъ, къ Мерзлякову, Жуковскому, Пушкину и другимъ.

Н. С. Захаровъ, толкующій безпрестанно о грамматикѣ, говоритъ о нихъ, какъ объ ученикахъ и никакъ не хочетъ согласиться, чтобы они имѣли дарованіе, а между тѣмъ покровительствуетъ такимъ писателямъ, которыхъ Мерзляковъ не пустилъ бы даже на свои лекціи. Изъ москвичей одинъ Ив. Ив. Дмитріевъ здѣсь въ почетѣ, да и то развѣ по тому, что онъ сенаторъ и кавалеръ, а Карамзинымъ восхищается одинъ только Державинъ, и стоитъ за него горой, прочіе же про него или молчатъ или говорятъ, что онъ пишетъ изрядно только прозою. Но что больше удивляетъ меня, что почти всѣ эти господа здѣшніе литераторы ничего не читали изъ сочиненій Мерзлякова и Жуковскаго" (Ibid. кн. 5, стр. 384—388).

Такимъ образомъ взаимное соревнованіе, далеко не дружелюбное, еще въ то время зародилось между московскими и петербургскими литераторами и продолжалось долго, даже едва ли окончилось и въ настоящее время, благодаря разницѣ общественной атмосферы въ обѣихъ столицахъ.

На слѣдующемъ вечерѣ, у Захарова (30 марта) читались сатира кн. Шаховскаго, стихи Марина „Къ Капнисту" и Буниной „Видѣніе". Сатира Шаховскаго, только что начинавшаго тогда свое поприще, все таки была талантливѣе и живѣе всего остальнаго стихотворнаго бреда, которымъ угощали себя взаимно собесѣдники этихъ литературныхъ вечеровъ въ родѣ, наприм., стихотворенія „Къ трубочкѣ", „Къ пѣночкѣ". На послѣднемъ вечерѣ 1807 года, у Хвостова, читали: Шишковъ одну изъ своихъ дѣтскихъ повѣстей, кн. Шихматовъ въ подражаніе VIII сатирѣ Буало, Крыловъ басню „Медвѣдь и пустынникъ", Жихаревъ „Осень". На этихъ вечерахъ зародилась знаменитая „Русская Бесѣда", открытая Шишковымъ 14 марта 1811 года рѣчью о красотахъ русскаго языка. (48)

Крупнымъ событіемъ въ московской жизни того времени было утвержденіе въ іюнѣ 1811 г. устава Общества любителей русской словесности, при попечителѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ.

Первыми членами общества поступили Прокоповичъ Антонскій, профессоръ Страховъ, Сандуновъ, Мерзляковъ, Каченовскій, Цвѣтаевъ, Двигубскій, Гавриловъ, Побѣдоносцевъ, Болдыревъ, посторонніе любители Бекетовъ, Г. С. Гр. Салтыковъ (бывшій попечитель казанскаго округа), Кокошкинъ, Вельяшевъ-Волынцевъ, Дружинъ,

В. Л. Пушкинъ, Р. Ф. Тимковскій, Ф. Ф. Ивановъ, Перовскій, В. Я. Смирновъ и Бордовскій. До 1812 г. въ число членовъ приняты были: А. Ф. Воейковъ, Плавильщиковъ, С. Н. Глинка, Филимоновъ, Шатровъ и Чумаковъ; въ сотрудники—семь молодыхъ людей, въ томъ числѣ братья Калайдовичи и Саларевъ.

С. Т. Аксаковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „Это общество имѣло значеніе и вліяніе. Московская публика приняла живое участіе въ его засѣданіяхъ и начала очень охотно посѣщать ихъ, потому что они получили менѣе сухой, ученый характеръ, а болѣе чисто-литературный, болѣе понятный, доступный людямъ свѣтскимъ, и особенно пріятный любителямъ изящной словесности. Собранія становились многочисленны и блистательны; образованныя женщины лучшаго круга оживляли ихъ своимъ присутствіемъ. Года съ 1816 по 1826 включительно, можно назвать самымъ цвѣтущимъ періодомъ Московскаго Общества любителей россійской словесности, которое съ 1834 года, безъ всякой видимой причины, перестало собираться. А. А. Прокоповичъ-Антонскій былъ постояннымъ предсѣдателемъ общества, въ его блистательное время. Едва ли не ему одному обязано оно своимъ процвѣтаніемъ; Мерзляковъ и Каченовскій были главными его помощниками. (Разн. Соч., стр. 79). Погодинъ, въ воспоминаніяхъ своихъ объ Одоевскомъ разсказываетъ о засѣданіяхъ этого общества: „они по духу времени отличались особенною торжественностью. Начиналось чтеніе священнымъ псалмомъ Шатрова, который прочитывалъ съ трагическимъ напѣвомъ Кокошкинъ. За нимъ слѣдовало разсужденіе Мерзлякова съ громами противъ увлеченій романтизма, хотя сюда же Жуковскій присылалъ сказку о Красномъ Карбункулѣ и Овсяный Кисель. Засѣданіе оканчивалось баснею В. Л. Пушкина „Малиновка" или ей подобной, произносимой восторженно. И все это выслушивалось въ благоговѣйной тишинѣ, принималось къ сердцу, вызывало жаркія похвалы. Засѣданія происходили въ домѣ Университетскаго Пансіона и старшимъ воспитанникамъ предсѣдатель поручилъ пріемъ посѣтителей. Всякое чтеніе въ обществѣ дѣлалось предметомъ живыхъ споровъ и сужденій студентовъ и воспитанниковъ внѣ собранія. Русскій языкъ былъ главнымъ и любимымъ предметомъ въ пансіонѣ и русская литература была главною сокровищницею, откуда молодые люди почерпали свои познанія, образовывались. И въ этой школѣ образовался

слогъ, развился вкусъ Одоевскаго, равно какъ и его товарищей старшихъ и младшихъ (стр. 46 и 47). Въ обществѣ попеременно, являлись и читали свои произведенія всѣ тогдашнія поэты и литтераторы (42), здѣсь же „декламировали" научные произведенія любимыхъ писателей извѣстные тогда чтецы, въ родѣ С. Т. Аксакова, Страхова, Яковлева, превосходно читавшаго гекзаметры Гнѣдича и Жуковскаго,—В. Л. Пушкина. Общество издало въ теченіи 12 лѣтъ 20 частей трудовъ своихъ, 6 частей сочиненій въ стихахъ и прозѣ, 4 части рѣчей Проф. Московскаго Университета съ ихъ жизнеописаніями и пр. Въ трудахъ его помѣщались, кромѣ произведеній изящной словесности, критики Мерзлякова, и преимущественно статьи по языкознанію. Въ трудахъ этого общества положили у насъ начало изученію славянской и русской филологіи Востоковъ и Калайдовичъ, печатали ученыя статьи Болдыревъ, Давыдовъ, Гавриловъ и др. Ближайшею причиною, положившею конецъ блестящей эпохѣ не одного Общества люб. рос. слов., было слѣдующее обстоятельство. Въ сентябрѣ 1826 г. Императоръ Николай I посѣтилъ университетскій пансіонъ и изъявилъ свое неудовольствіе по поводу нѣкоторыхъ упущеній, замѣченныхъ имъ въ этомъ заведеніи. Вслѣдствіе этого Прокоповичъ Антонскій, бывшій директоромъ съ 1791 г., при нѣкоторомъ содѣйствіи попечителя Писарева, не благоволившаго къ Антонскому,—оставилъ должности директора пансіона и ректора университета, и въ то же время отказался отъ званія предсѣдателя Общества люб. росс. слов. Секретарь Общества и инспекторъ пансіона, И. И. Давыдовъ тогда же былъ уволенъ отъ должности инспектора и сложилъ съ себя званіе секретаря общества. Преемники названныхъ двухъ лицъ, предсѣдатель Ф. Ф. Кокошкинъ и секретарь М. Н. Загоскинъ не съумѣли поддержать дѣятельность и значеніе Общества и оно постепенно замирало, все менѣе и менѣе давая о себѣ знать, пока съ 1834 года не перешло въ разрядъ числящихся только на бумагѣ. При предсѣдателѣ Кокошкинѣ и во все послѣдующее время, до возобновленія засѣданій общества въ 1856 году, вышла одна часть „Трудовъ Общества" заключающая въ себѣ седьмой и послѣдній томъ „сочиненій въ прозѣ и стихахъ" (М. 1828).

Литтературныя общества (44) нашли отголосокъ и въ провинціи: такъ они возникли въ Казани, Харьковѣ и др. городахъ. Объ Ярославскомъ обществѣ, котораго членомъ будто бы былъ Мерзля-

ковъ—не существуетъ никакихъ данныхъ, едва ли оно не миѳъ. Нѣсколько подробнѣе разслѣдована исторія Казанскаго общества любителей русской словесности. Казанское общество возникло вскорѣ послѣ открытія тамъ университета (въ февралѣ 1805 г.); составилось домашнее общество, изъ пяти членовъ, собиравшихся разъ въ недѣлю, а основателями и первыми членами были, по словамъ С. Т. Аксакова, Ибрагимовъ, студенты В. Перевощиковъ, Д. Перевощиковъ, Кондыревъ (секретарь), И. Панаевъ, А. Панаевъ, Аксаковъ и гимназическій учитель Богдановъ. Въ спискѣ членовъ по времени вступленія ихъ въ общество (Труд. Каз. Общ. люб. отеч. слов. стр. 51) поименованы только Ибрагимовъ, В. Перевощиковъ, Кондыревъ, Богдановъ и *А. Васильевъ.* Общество это тотчасъ послѣ основанія, постепенно угасало, число членовъ и сроки засѣданій сокращались, но тѣмъ не менѣе оно успѣло разсмотрѣть до 80 сочиненій. Въ 1809 г. попечитель Румовскій задумалъ основать періодическое изданіе при университетѣ; это нѣсколько оживило общество, которое въ свою очередь, вознамѣрилось издавать свои труды. Прежде всего общество, составленное изъ лицъ принадлежавшихъ къ учебному вѣдомству, рѣшено было поднять и оживить приливомъ посторонних силъ; съ этою цѣлью допущены были членами инспекторъ Казанской семинаріи, архимандритъ Израиль и архимандритъ Епифаній, потомъ Епископъ Воронежскій. Уставъ общества отправленъ былъ для утвержденія въ Петербургъ, а въ 1811 г. представлена была Румовскому первая часть трудовъ, подъ редакціею В. Перевощикова и Ибрагимова. Число членовъ значительно увеличилось, въ числѣ другихъ *иногородныхъ,* значатся А. Анастасевичъ, Политковскій, Арцыбашевъ. Но утвержденіе устава и изданіе трудовъ замедлилось; а послѣдовавшая вскорѣ борьба съ Наполеономъ, смерть Румовскаго и перемѣны въ университетскомъ устройствѣ сдѣлали то, что занятія общества въ 1812 году почти прекратились. Общество возобновлено было въ 1814 г., а единственная книжка его трудовъ вышла въ 1817 г. (Общество люб. рос. слов., Н. Попова, Р. В. 1869. Кн. № 17, стр. 52—98).

Публичные курсы открыты были въ Университетѣ въ 180³/₄ году съ сентября по 1 мая; читали Политковскій натуральную исторію, Шлецеръ, по нѣмецки, курсъ исторіи Европейскихъ государствъ отъ разрушенія западной римской имперіи до XVI вѣка; Геймъ систематическое обозрѣніе торговли съ пріобщеніемъ под-

робныхъ свѣдѣній о монетахъ; Страховъ опытную физику. Особеннымъ успѣхомъ пользовались лекціи послѣдняго. Въ 180⁴/₅ году Фишеръ читалъ на французскомъ языкѣ натуральную исторію; Сохацкій эстетику съ разборомъ произведеній древнихъ и новыхъ, иностранныхъ и отечественныхъ писателей; Шлецеръ по нѣмецки исторію Англійскаго народа; Рейсъ по французски химическую философію; Рейнгардъ по французски исторію философіи; Иде на нѣмецкомъ главныя основанія гражданской ариѳметики; Геймъ начала коммерческой науки и описаніе разныхъ товаровъ; Страховъ опытную физику. Объ этихъ чтеніяхъ сохранилъ воспоминаніе Карамзинъ: „счастливое избраніе предметовъ для сихъ публичныхъ лекцій, говоритъ онъ, доказывается числомъ слушателей, которые въ назначенные дни собираются въ университетской залѣ. Любитель просвѣщенія съ удовольствіемъ видитъ тамъ знатныхъ московскихъ дамъ, благородныхъ молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ, студентовъ заиконоспасской академіи и людей всякаго званія, которые въ глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устремляютъ глаза на профессорскую каѳедру. Вообще должно отдать справедливость ревности и талантамъ гг. московскихъ профессоровъ, которые, не имѣвъ до сего случая преподавать науки публично, столь успѣшно начали и продолжаютъ свои лекціи“. Жихаревъ, въ дневникѣ студента, говоритъ объ этихъ лекціяхъ: „физическія лекціи П. И. Страхова часъ отъ часу болѣе привлекаютъ публику. Онѣ чрезвычайно занимательны по своимъ экспериментамъ. Страховъ говоритъ просто, ясно и увлекательно. Прекрасно также говоритъ и Сохацкій: онъ основательно изучилъ свой предметъ и предлагаетъ его убѣдительно“.

Либеральное направленіе въ правительствѣ, зародившееся умственное броженіе въ обществѣ и приливъ новыхъ силъ въ Московскомъ университетѣ не могли не оказать вліянія на московскую журналистику, получившую вслѣдствіе того новое направленіе.

Но само собою разумѣется, что рядомъ съ этимъ новымъ направленіемъ продолжается переживаніе прежней Новиковско-Шварцевской журналистики и притомъ тѣсно связанной съ университетомъ.

Самое распространенное переживаніе Новиковско-Шварцевской журналистики мы уже разсмотрѣли: это было изданіе Подшивалова

и Сохацкаго, законченныя Побѣдоносцевымъ. Мы уже видѣли, что „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія“ (1791—1793 г.) само себя считало и называло непосредственнымъ продолженіемъ послѣдняго Новиковскаго журнала —„Покоющагося Трудолюбца “(1784—1785 г.). Впрочемъ, указанные журналы выражали собою только *одну* сторону Новиковско-Шварцовской дѣятельности, а именно *переводную:* журналы Сохацкаго первые начали знакомить читающую публику съ текущими явленіями западной литературы и журналистики и въ этомъ смыслѣ отличались относительной полнотою и разнообразіемъ переводнаго матеріала. Такимъ образомъ главныя стороны Новиковско-Шварцовской дѣятельности въ исходѣ XVIII столѣтія, по случаю гоненія на мартинистовъ, не были представлены и нашли свой отголосокъ уже впослѣдствіи, въ началѣ царствованія императора Александра, когда это преслѣдованіе прекратилось. Представителемъ религіозно-мистическаго направленія былъ журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“, издававшійся Лабзинымъ; представителемъ педагогическаго или воспитательнаго направленія, въ смыслѣ продолженія издававшагося Новиковымъ „Дѣтскаго Чтенія“ былъ журналъ „Другъ Юношества“, издававшійся Невзоровымъ.

Оба эти журнала *по времени* составляютъ позднѣйшее явленіе и въ хронологическомъ отношеніи имъ предшествовало новое направленіе, внесенное въ московскую журналистику Карамзинымъ; но какъ *по духу своему* оба изданія состоятъ въ самой тѣсной связи съ литературною дѣятельностью Новикова и Шварца, то мы прежде всего займемся краткимъ обзоромъ ихъ содержанія и направленія.

Важнѣйшею заслугою Новиковскаго кружка было то, что онъ былъ проникнутъ филантропіей въ высшемъ значеніи этого слова,— въ смыслѣ безкорыстнаго и постояннаго служенія обществу и своимъ трудомъ, и своимъ достояніемъ. Отсюда—стремленіе къ пропагандѣ и словомъ, и дѣломъ,—путемъ печати,—того воззрѣнія на задачи человѣческой жизни, которыя признавали за истинныя члены этого кружка; отсюда—наклонность къ благотворительности и помощи ближнему, которая заставляла ихъ жертвовать своимъ достояніемъ, даже при скудной, личной обстановкѣ. Люди Новиковскаго кружка искренне сочувствовали наукѣ и образованію и усердно старались о ихъ распространеніи; но въ то же время они

относились къ нимъ враждебно,—они видѣли въ нихъ источникъ современныхъ золъ и искали чего-то другаго, нравственно успокоительнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизвѣстнаго, высшаго, таинственнаго, недоступнаго для той современной науки, съ которою они познакомились. Чтобъ объяснить это противорѣчіе надо припомнить, что люди Новиковскаго кружка были дѣти революціонной, переходной эпохи. Цивилизація, долго задерживаемая всякаго рода внѣшними препятствіями и тормозами, наконецъ опрокинула ихъ и пробилась; но въ этой борьбѣ она разрушила и всѣ традиціонные устои общественнаго строя, не пощадивши и тѣхъ, на которыхъ держалось нравственное успокоеніе общества. Разгулъ необузданныхъ страстей и столкновеніе всевозможныхъ крайностей заставили людей съ сохранившимся нравственнымъ чувствомъ искать успокоенія и примиренія въ религіи, которая была самымъ важнымъ и главнѣйшимъ нравственнымъ устоемъ для массы въ дореволюціонную эпоху. Мы уже видѣли, что у насъ, куда результаты европейскаго движенія доходили только изъ вторыхъ рукъ, и притомъ въ недостаточномъ и большею частью превратномъ смыслѣ, это нравственное распаденіе въ образованномъ меньшинствѣ вызвало реакцію Новиковскаго кружка. Реакція эта выразилась на почвѣ религіозной, и притомъ съ мистическимъ оттѣнкомъ. Мистическое направленіе вообще являлось, главнымъ образомъ, какъ протестъ противъ чисто-внѣшняго, мертваго пониманія религіозной доктрины; въ западной христіанской Европѣ—какъ противодѣйствіе схоластической религіозной догматикѣ, преграждавшей путь всякому проявленію мысли, какъ возвратъ къ внутреннему пониманію христіанскаго ученія, обращеннаго въ пустой и голый кодексъ извѣстныхъ катехизическихъ положеній и церковныхъ обрядовъ, кодексъ, подчинившій церковь правительственной власти и державшійся суровою строгостью духовно-полицейской дисциплины. То же самое было и у насъ. Лабзинъ говорилъ: „*Одно внѣшнее поклоненіе, обряды, безъ духа суть мертвыя буквы*, понеже одинъ духъ животворитъ; но и духъ не иначе являетъ себя и сообщительнымъ дѣлается сотвореннымъ и ограниченнымъ существамъ, какъ облекаясь нѣкоторою формою, ему приличествующею, какую онъ избрать благоволитъ.... Религія, обращенная въ средство политическое, не есть уже религія чистая, прочная, но уничиженная, превращенная, смѣшанная“

(1, 53). Еще яснѣе и рѣшительнѣе выражается о томъ же предметѣ Сперанскій въ письмѣ своемъ къ извѣстному Ѳеофилакту: „Я называю внѣшнимъ путемъ сію нравственную религію, въ которую относили мірскіе богословы ученіе божественное; я называю внѣшнимъ путемъ сіе обезображенное христіанство, покрытое всѣми цвѣтами чувственнаго міра, соглашенное съ политикою человѣческихъ обществъ, ласкающее плоти и страстямъ, или по крайней мѣрѣ ихъ не умерщвляющее,—христіанство слабое, уклончивое, самоугодливое, которое отъ языческаго нравственнаго ученія различно только словами, которое мѣста трудныя въ Священномъ Писаніи изъясняетъ тропами и фигурами и истинный ихъ разумъ насилуетъ тщетнымъ разумомъ суемудрія. Въ семъ христіанствѣ самые обряды потеряли ихъ истинный смыслъ и превратились въ мертвую букву".

Возстановить внутренній духъ христіанскаго ученія въ смыслѣ отреченія отъ земныхъ благъ и самопогруженія въ чувствѣ любви къ Іисусу Христу и къ окружающимъ сдѣлалось задачею мистики. Мистика принимала всецѣло за основаніе христіанскія таинства грѣхопаденія, искупленія, соединенія со Христомъ и загробнаго воздаянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ основной и общій догматъ мистицизма заключался въ признаніи состоянія духовнаго созерцанія или искусственнаго экстаза, названнаго въ западной мистикѣ квіетизмомъ, причемъ душа или умъ человѣка, отрѣшаясь отъ всего земнаго, входилъ въ непосредственное общеніе съ Божествомъ. Состояніе это получило у мистиковъ разное названіе, но всѣ они сводятся къ названію *возрожденія*. Путь къ этому возрожденію мистики объясняли каждый по своему, раздѣляя его на извѣстное число степеней; но степени эти, различаясь между собою аллегорическимъ примѣненіемъ того или другаго факта или текста евангельскаго ученія, не заключаютъ въ себѣ никакого опредѣленнаго или яснаго понятія. Говоря вообще, средствомъ къ достиженію состоянія возрожденія мистики признаютъ два акта: вопервыхъ, совершенное отреченіе отъ всего земнаго, отъ плоти и ветхаго Адама, отъ ссстоянія грѣхопаденія, и, вовторыхъ, умную молитву. Первый актъ происходитъ, когда душа всѣ свои силы и сноcобности и ихъ отправленія изъ внѣшней разсѣянности призываетъ домой, въ глубочайшую свою основу, для внутренняго дѣйствованія (возвращеніе); а затѣмъ душа забываетъ, утрачиваетъ себя, отказывается отъ своей индиви-

дуальности (отреченіе вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ). Умная молитва есть бесѣда съ Божествомъ безъ словъ, не сопровождаемая ни желаніями, ни прошеніями, ни надеждами. Исполненіе этихъ двухъ актовъ и означаетъ возсоединеніе человѣка съ Богомъ, или обожествленіе человѣка, какъ высочайшее дѣйствіе благодати. Въ состояніи этого экстаза человѣкъ получаетъ даръ проникать во всѣ тайны, невѣдомыя разуму человѣческому; въ нравственномъ отношеніи онъ перерождается и получаетъ способность дѣйствовать не иначе, какъ по указанію Божества, то-есть съ соблюденіемъ условій высочайшей правды и блага, присущихъ Божеству. Эти положенія доводили мистиковъ до самыхъ послѣднихъ крайностей. Понятіе объ умственномъ совершенствѣ возрожденнаго приводитъ къ вѣрѣ въ сообщающуюся ему магическую силу, выражающуюся въ видѣніяхъ, откровеніяхъ, предсказаніяхъ, исцѣленіяхъ и чудесахъ. Понятіе о нравственномъ перерожденіи возрожденнаго привело къ признанію въ квіетизмѣ Молиноса полной невмѣняемости человѣка, такъ какъ для совершеннаго, обожествленнаго человѣка всякое внѣшнее дѣйствіе и стремленіе безразличны и самый грѣхъ не есть уже грѣхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мистика, въ особенности у насъ, смѣшалась съ теософіею, т.-е. попыткою основать науку о природѣ не на указаніяхъ и заключеніяхъ разума, выведенныхъ изъ опыта, а на измышленіяхъ и мечтаніяхъ религіознаго экстаза, принимаемаго за откровеніе, оправдываемыхъ текстами Священнаго Писанія, подобранными съ предвзятою цѣлью и часто произвольно истолкованными. Въ этихъ толкованіяхъ мистики не стѣснялись. Лабзинъ, въ статьѣ „О чтеніи книгъ Священнаго Писанія" говоритъ: „Просто разумный человѣкъ держится только внѣшняго смысла словъ, а человѣкъ духовный находитъ въ словахъ писанія духовный, божественный смыслъ, въ глубины Божіи проницающій" (V. 290). Къ мистикѣ примѣшивались въ кружкѣ Новикова алхимія, астрологія, кабалистика и другія тайныя науки.

Эта путаница построенныхъ въ воображеніи понятій о религіи и природѣ, безъ сомнѣнія, не могла оставить прочнаго слѣда въ литературѣ, и едва ли кто-нибудь въ настоящее время заглянетъ въ журналы и книги съ этимъ направленіемъ. Но нельзя отрицать извѣстнаго вліянія мистической литературы на современное общество; нельзя поэтому не признать за этимъ направленіемъ извѣстнаго культурнаго значенія. Прежде всего мистицизмъ будилъ

у насъ мысль въ неподвижной и мертвой области схоластической догматики. Время Новикова и послѣдующее за нимъ было блестящею у насъ эпохою духовной литературы; самый крупный ея представитель, митрополитъ Филаретъ, въ первоначальныхъ своихъ сочиненіяхъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ мистицизма. Вообще православное богословіе въ началѣ нынѣшняго столѣтія, именно въ двадцатыхъ годахъ, допускало нѣкоторое участіе разума въ своихъ объясненіяхъ; только съ сороковыхъ годовъ разумъ совершенно изгнанъ изъ его области и единственнымъ его источникомъ остались Священное Писаніе и Священное Преданіе. Затѣмъ помимо своихъ религіозныхъ увлеченій, мистицизмъ ни въ какомъ случаѣ не довольствовался кодексомъ катехизическихъ правилъ и церковныхъ обрядовъ и требовалъ прежде всего непосредственнаго примѣненія христіанской нравственности въ личной, практической жизни: это называлось у мистиковъ „дѣятельнымъ христіанствомъ", въ противоположность исповѣдному или догматическому. Кружокъ Новикова старался о распространеніи его въ обществѣ. Такъ, была напечатана книга „Начальныя основанія дѣятельнаго христіанства, по отвѣтамъ и вопросамъ расположенныя" (2 изданіе Новикова, въ Москвѣ, 1785 и 1786 гг., въ С.-Пб. 1805), гдѣ излагается краткое начертаніе тѣхъ путей и степеней, по которымъ Господь приводитъ падшія души къ духовному возрожденію. Книга эта издана была какъ учебное руководство для юношества; но авторъ замѣчаетъ, что книга его полезна не для однихъ дѣтей, но и вообще для юныхъ,—только не тѣломъ, а духомъ и умомъ. Въ эту эпоху нравственной разнузданности, немаловажною услугою было собрать около себя кружки людей, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, озабоченныхъ поднятіемъ нравственнаго уровня въ обществѣ; а это было главною заботой и вмѣстѣ съ тѣмъ заслугой самого Новикова и всѣхъ его сотрудниковъ. Наконецъ, Новиковскій кружокъ былъ проводникомъ религіозной терпимости въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Лабзинъ въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ" возстаетъ противъ раздѣленія и взаимныхъ обвиненій различныхъ христіанскихъ исповѣданій; въ его глазахъ человѣчество, какъ во времена апостольскія, можетъ дѣлиться только на вѣрующихъ и невѣрующихъ. Въ статьѣ „О раздѣленіяхъ между христіанами", написанной въ подражаніе Штиллингу, Лабзинъ говоритъ: „Всякій напередъ спроси у совѣсти своей: *правовѣрный* ли онъ самъ, и

потомъ ополчайся на другихъ заблуждающихся (VI, 12). Во времена апостольскія старались только о томъ, чтобы проповѣдать Христа и приводить людей къ общенію съ Богомъ, чрезъ вѣру и самоотверженіе, а не заботились о томъ, что не всѣ въ равной степени имѣли познаніе тайнъ божественныхъ, и что иногда не понимали другъ друга или противорѣчили въ словахъ одинъ другому (31). Напрасно мечтать мы будемъ, что мы то обрѣли истинную вѣру; напрасно будемъ поставлять наше православіе такимъ необходимымъ кормиломъ, что и Господь не властенъ никого спасти, кто не будетъ подъ нашимъ правленіемъ. Перестанемъ нападать другъ на друга за мнѣнія, оставимъ единое на потребу (36). Предразсудки просвѣщенія и *мнимаго православія* крѣпче держатъ въ узахъ дьявольскихъ, нежели плотскія удовольствія" (18). Доказательствомъ этой терпимости служитъ слѣдующій фактъ, сообщенный въ „Сіонскій Вѣстникъ" И. В. Лопухинымъ. Сенаторы И. В. Лопухинъ и Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, посланные для обревизованія Слободско-Украинской губерніи, нашли, что тамошнія начальства забрали духоборцевъ цѣлыми семействами подъ стражу и начали судить, вслѣдствіе того, что между духоборцами, только-что выпущенными изъ тюремъ и возвратившимися въ свои разоренныя селенія, начался ропотъ противъ увѣщаній со стороны начальства—„безвременныхъ, неискусныхъ, нарядныхъ образомъ и съ нѣкоторымъ насиліемъ". Сенаторы распорядились освободить духоборцевъ и уничтожить всякое надъ ними слѣдствіе. Высочайшій рескриптъ отъ 27 ноября 1801 г. одобрилъ распоряженіе сенаторовъ и поставилъ ихъ въ примѣръ и руководство другимъ начальствамъ; а духоборцевъ повелѣно водворить, съ оказаніемъ имъ, буде нужно, пособія отъ казны. Лопухинъ по этому случаю замѣчаетъ: „Заблужденіе должно исправляться просвѣщеніемъ, а не жестокостью, хотя бы то и не въ сотняхъ семействъ. Убѣжденія нужны: жестокость же не убѣждаетъ, но только раздражаетъ или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола (VI, 383)." Лабзинъ, въ статьѣ „о терпимости", въ видѣ объясненія на статью о семъ Лопухина, разсуждаетъ точно въ такомъ же духѣ (388—413). Ту же терпимость Лабзинъ примѣняетъ и къ литературѣ. Единственнымъ средствомъ противодѣйствія вреднымъ или опаснымъ книгамъ, преслѣдующимъ развратъ или невѣріе, онъ считалъ распространеніе книгъ поучитель-

ныхъ и нравоучительныхъ, по пословицѣ: клинъ клиномъ выбивай. Запрещенія первыхъ Лабзинъ не допускаетъ: „свобода воли человѣческой, которую и Богъ не утѣсняетъ, пусть избираетъ себѣ любое, и не станемъ осуждать того, кто выберетъ не наше, не станемъ сердиться, если кто осудитъ наше (VII, 219)".

Оба издателя, Ал. Ф. Лабзинъ (1766—1825 г.) и Макс. Ив. Невзоровъ (1762 — 1827 г.), были самыми яркими и типичными представителями Новиковскаго кружка.

Лабзинъ поступилъ въ 1780 г. въ Московскій университетъ изъ учениковъ состоявшей при немъ гимназіи и былъ однимъ изъ слушателей Шварца, который произвелъ на Лабзина рѣшительное вліяніе, отражавшееся, какъ самъ онъ говорилъ, въ теченіе всей его жизни. Въ 1784 г. Лабзинъ, окончивши курсъ, поступилъ переводчикомъ при Московскомъ губернскомъ правленіи, въ 1787 г. при конференціи Московскаго университета, въ 1789 г. переведенъ въ секретную экспедицію Московскаго почтамта, въ 1799 г. онъ назначенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и конференцъ-секретаремъ академіи художествъ, въ 1804 году служилъ въ Морскомъ министерствѣ и, наконецъ, назначенный въ 1818 г. вице-президентомъ академіи, получилъ въ 1824 году отставку и долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ Симбирскъ, вслѣдствіе рѣзкаго отзыва въ засѣданіи академіи о министрѣ Гурьевѣ, по поводу предложенія его въ почетные члены академіи. Лабзинъ былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ и образованныхъ людей своего времени: онъ прекрасно зналъ древніе языки и многіе изъ новыхъ. На литературное поприще Лабзинъ выступилъ въ самый разгаръ Новиковской переводной эпохи. Онъ поименованъ въ числѣ редакторовъ-издателей одного изъ Новиковскихъ журналовъ—„Вечерняя Заря" (1782 г.) и помѣщалъ свои стихотворенія въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова" (1784 г.), въ журналѣ „Утренніе Часы", издававшемся въ 1788—1789 г. бригадиромъ Ив. Гер. Рахманиновымъ, извѣстнымъ поклонникомъ Вольтера, въ сотрудничествѣ съ Подшиваловымъ и Лабзинымъ (?!), подписывавшимся Чистосердъ Дружелюбовъ; въ журналахъ издававшихся Подшиваловымъ и Сохацкимъ „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія" (1793 г.) и „Пріятное и полезное препровожденіе времени" (1794—1798 г.), гдѣ Лабзинъ помѣстилъ бо́льшую часть своихъ стихотвореній; въ „Вѣстникѣ Европы" за 1802 г. и наконецъ въ „Сынѣ отечества"

за 1814 г. (№ 3 „Послѣдняя ночь“ 1813 г. прозою, съ подписью У. М.). Отдѣльно Лабзинъ издалъ два перевода театральныхъ пьесъ: „Фигарова женитьба“, соч. Бомарше (1787 г.) и „Судья“, соч. Мерсье (1788 г.) и Делилевъ дифирамбъ на безсмертіе души (1804 г.), послѣдній трудъ, замыкавшій его чисто-литературную дѣятельность. Съ 1804 г. Лабзинъ окончательно предался мистической литературѣ. Лабзинъ перевелъ нѣсколько сочиненій Эклартсгаузена и почти всѣ Юнга Штиллинга (см. прим. II) и кромѣ того издалъ слѣдующія сочиненія: 1) Просвѣщенный пастухъ, М. 1806 г.; 2) Ад. Сиг. Флейшера о мысли, о самопознаніи (1806, М.), 3) Мысли о небѣ, съ нѣмецкаго С.-Пб. 1810 г.; 4) Christosophia или путь ко Христу, Як. Бема, 1815 г.; 5) Мысли на досугѣ поучающагося истинамъ вѣры, С.-Пб., 1815 г., 2 изд. 1818 г.; 6) Таинство креста Іисуса Христа, С.-Пб. 1814 г., перв. изд. съ франц., М. 1784 г.); 7) Новый переводъ сочиненія приписываемаго Франциску де-Салисъ, или наука побѣждать свои страсти и торжествовать надъ пороками, 1816 г.; 8) Сочиненія Амвросія Ломбеза о внутреннемъ мірѣ, 1816 г.; 9) О присутствіи Божіемъ, С.-П. 1817 г., прежній переводъ, М. 1798 г.; 10) Торжество Евангелія, или записки свѣтскаго человѣка, обратившагося отъ заблужденій новой философіи (1821—1822 г.). Кромѣ того Лабзинъ принималъ главное и дѣятельнѣйшее участіе во многихъ другихъ духовныхъ изданіяхъ и, по порученію императора Павла, вмѣстѣ съ Ал. Вахрушовымъ издалъ переводъ нѣмецкаго сочиненія Верто (безъ обозначенія имени автора)—Исторія ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго (С.-Пб. 1799—1801 г., 5 частей). Изъ сочиненій этихъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались: а) *Угрозъ Свѣтовостоковъ*, переводъ сочиненія Штиллинга der graue Mann. Въ сочиненіи „Тоска по отчизнѣ“ аллегорически, въ видѣ возвращенія въ отечество странствующаго народа подъ предводительствомъ странствующаго вождя Евгенія, описывается путь христіанскаго возрожденія. Въ этой книгѣ Штиллингъ выводитъ таинственное, страшное, но благотворное лице, подъ которымъ, по разъясненію Лабзина, авторъ разумѣлъ „судъ Божій въ человѣкѣ или совѣсть“. Подъ именемъ этого grauer Mann, переведеннаго Лабзинымъ Угрозъ Свѣтовостоковъ, Штиллингъ издавалъ небольшія книжки для народнаго наставленія, гдѣ заключались разсказы, бесѣды, письма и поученія таинственнаго лица. Такихъ книжекъ вышло съ 1806—1815 г. всего 30, составившихъ 8 частей.

b) *Просвъщенный пастухъ*, изданный мистикомъ Пуаре и содержавшій въ себѣ разговоръ одного священника съ пастухомъ, открывающій дивныя тайны божественной и таинственной премудрости, явленной отъ Бога чистымъ и простымъ душамъ. c) Сочиненіе Франц. де-Салиса, выходившее нѣсколько разъ въ разныхъ переводахъ и подъ разными названіями, и въ послѣдній разъ переведенное Лабзинымъ, въ 1816 г., подъ названіемъ *Брань церковная*; d) соч. Амвр. Ломбеза о *внутреннемъ мірѣ*. Обѣ послѣднія книги соединены были у Лабзина въ изданіи, подъ заглавіемъ „Путеводитель къ совершенству жизни христіанской", которое было весьма распространено въ тогдашнемъ обществѣ.

Отзывы современниковъ о Лабзинѣ доказываютъ, что его изданія и личное вліяніе не прошли безслѣдно и многимъ открыли путь къ нравственному усовершенствованію. Упоминая о вліяніи на него Лабзина, Ю. Н. Бартеневъ, въ интересныхъ своихъ запискахъ, восклицаетъ: „Не только меня привелъ онъ къ свѣту, но многія тысячи мнѣ подобныхъ питались въ Россіи отъ щедротъ трапезы твоей, достойный и доблественный дѣятель въ вертоградѣ Господнемъ" („Рус. Арх." 1886, № 5, стр. 93 прим.). Свидѣтель болѣе безпристрастный, М. А. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ подтверждаетъ то же самое: „Разговоры Александра Өедоровича были и вразумительнѣе и питательнѣе самихъ книгъ. Говоря о милосердіи Божіемъ, онъ такъ непритворно умилялся, что я не видывалъ никогда такого умиленія при мысли о любви Божіей. Его почитали ханжею, но что ему было ханжить, въ четырехъ стѣнахъ, въ изгнаніи (Дмитріевъ зналъ Лабзина уже въ Симбирскѣ), при молодомъ человѣкѣ, который не только не могъ дать ему никакой славы, но и принести никакой пользы. Карьера же честолюбія, которой приписывали его религіозныя дѣйствія, была для него кончена. Что онъ могъ выиграть притворствомъ?... Многимъ дѣйствительно открылъ Александръ Өедоровичъ путь къ Спасителеву слову, многихъ ввелъ и въ глубину тайнъ христіанской религіи. Его любящая душа обнаруживалась въ томъ, что онъ былъ особенно привѣтливъ къ людямъ бѣднымъ, неизвѣстнымъ или пренебрегаемымъ другими." („Рус. Арх." 1866, стр. 843 и слѣд.). Извѣстный митрополитъ Евгеній, тогда епископъ старорусскій, относившійся къ журналу Лабзина критически, отдаетъ въ этомъ случаѣ справедливость Лабзину: „Я получаю „Сіонскій Вѣстникъ" и чи-

таю часто до чувствительнаго умиленія и даже до благодарности Богу, вложившему мысли Лабзину издавать сей журналъ. Онъ многихъ обратилъ если не отъ развращенія жизни, то по крайней мѣрѣ отъ развращенія мыслей, бунтующихъ противъ религіи" („Москвит." 1848, № 8, стр. 173—174). Отзывъ Сперанскаго не совсѣмъ благопріятенъ; въ письмѣ къ Столыпину („Рус. Арх." 1871, стр. 438) Сперанскій, по поводу слуховъ о Лабзинѣ говоритъ: „его (Лабзина) еще и при мнѣ подозрѣвали въ какихъ-то сокровенностяхъ, но я думалъ и теперь думаю, что онъ самъ распустилъ эти слухи, по свойственному ему самолюбію и чванливости".

Журналъ „Сіонскій Вѣстникъ" издавалъ Лабзинъ ежемѣсячно въ С.-Петербургѣ сначала съ 1-го января по 1-е октября 1806 г., подъ именемъ Ѳеопемпа Мисаилова, и прекратилъ въ сентябрѣ, по обстоятельствамъ не маловажнымъ и отъ его воли независящимъ; потомъ онъ возобновилъ изданіе, по Высочайшему повелѣнію, съ апрѣля 1817 г. по іюнь 1818 г., съ посвященіемъ Господу Іисусу Христу.

Цѣль изданія въ начальной статьѣ журнала „Новый годъ" Лабзинъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Поставляя нравственную пользу выше всякой другой, и нравственность основаніемъ и ученія, и вкуса, и блага частнаго и общественнаго, мы положили ограничить трудъ нашъ главнѣйше симъ предметомъ. Находя же въ философическихъ системахъ нравоученія до безконечности разнящіяся мнѣнія, многія обезображивающія даже истинное нравоученіе и превращающія самыя страсти и пороки человѣческіе въ добродѣтели, мы прибѣгли къ основанію истинной нравственности—религіи и Св. Писанію, или однимъ словомъ къ христіанству" (I, 8 и 9). Образцомъ издатель Лабзинъ указываетъ „Христіанскій магазинъ" Пфеннингера и Эвальда „Christliche Monatsschrift". Послѣдній онъ не одобряетъ, хотя заимствуетъ оттуда нѣкоторые случаи чудесныхъ исцѣленій. Главными источниками при изданіи журнала Лабзину служили Юнгъ, Штиллингъ и Эккартсгаузенъ, сочиненія которыхъ онъ большею частью перевелъ, и отчасти Фенелонъ, бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ г-жею Бюйонъ и ставшій на ея сторону въ спорѣ о ея сочиненіяхъ съ Бюссюэтомъ („Explication des maximes des saints sur la vie intérieure"); но Лабзинъ не упускалъ изъ виду какъ прежде извѣстныхъ мистиковъ

(Арендта, Бема, С.-Мартена), такъ и вновь появившихся у насъ въ переводахъ (Дю-Туа, Таулера, Бюньяна и др. (48).

Замѣчательно, что сочиненія нѣмецкихъ мистиковъ распространялись у насъ даже ранѣе, нежели въ самой Германіи. Лабзинъ замѣчаетъ по этому поводу: „Сочиненіямъ Эккартсгаузена и Штиллинга придали не малую славу русскіе переводы. Штиллинговы книги особливо лежали въ лавкахъ нѣсколько лѣтъ и никто ихъ не бралъ“ (II, 327).

Кромѣ того Лабзинъ пользовался и произведеніями мистической литературы въ восточныхъ греческихъ монастыряхъ, распространявшимися въ переводахъ еще въ древней Руси (49). Лабзинъ приводитъ извлеченія изъ бесѣдъ Макарія Египетскаго, твореній Исаака Сирина и въ особенности указываетъ на славянскій переводъ греческой книги „Добротолюбіе“, сдѣланный архимандритомъ Нямецкаго монастыря въ Молдавіи, Паисіемъ Величковскимъ (1 изд. 1793), полтавскимъ уроженцемъ. Въ этомъ сочиненіи въ смыслѣ пути, ведущаго къ возрожденію или къ обожествленію человѣка, признается трезвленіе или умная молитва, которая получила такое важное значеніе и на Западѣ у квіетистовъ, въ особенности у г-жи Гюйонъ. Сверхъ того Лабзинъ охотно обращается къ древнимъ философамъ, преимущественно къ Платону и Пиѳагору и даже переводитъ цѣлую статью изъ Плутарха. Вообще мистицизмъ имѣетъ тѣсную связь съ философіей Платона, въ особенности въ томъ видѣ, какъ она явилась въ школѣ неоплатонической (Плотина и др.). Лабзинъ раздѣляетъ мысль, высказанную прежде всего Августиномъ и въ особенности развитую Де-Туа, что древніе мудрецы, какъ свѣтоподобные люди, удостоивались частнаго откровенія и въ этомъ смыслѣ находятся въ тѣсной связи съ христіанствомъ. Даже на языческую миѳологію смотритъ Лабзинъ какъ на остатки первобытной мудрости Адама, усвоенной имъ изъ общенія съ Богомъ до грѣхопаденія,—остатки, скрытые подъ различными символами и таинственными обрядами.

Взглядъ свой на христіанство Лабзинъ выразилъ въ статьѣ: „Что есть собственно христіанство въ смыслѣ частномъ“: „Христіанство состоитъ не въ частныхъ добродѣтеляхъ, а и того менѣе въ наружномъ видѣ одной какой-нибудь добродѣтели, не со-

стоитъ оно во внѣшнемъ токмо богослуженіи, почтенномъ передъ міромъ житіи, слѣпой, невѣдующей вѣрѣ, нѣкоторыхъ чувствованіяхъ и ощущеніяхъ чувственныхъ, ниже въ такъ называемомъ крестѣ, страданіи, бореніи, искушеніяхъ и сему подобномъ богослуженіи, которое мы сами себѣ выбираемъ: а состоитъ въ общеніи, соединеніи, дружествѣ или связи внутренности нашей, нашего сердца, съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ (II,242)... При совершеніи соединенія нашего сердца со Христомъ надлежитъ въ человѣкѣ произойти великой перемѣнѣ (246)... Въ этой перемѣнѣ человѣкъ до нѣкоторой степени играетъ роль страдательную: самъ Богъ долженъ возродить человѣковъ, сами же они сего учинить не могутъ. Никакой человѣкъ не можетъ обратить другаго,—истинное обращеніе есть дѣло Божіе. Сія великая перемѣна во всѣхъ испытавшихъ оную, по существу, есть одинакова, а въ вещахъ, къ существу не принадлежащихъ, безконечно различна (248)... Сколь безконечна разность во внѣшнемъ началѣ истиннаго обращенія, точно таковая же находится и въ происходящемъ въ сіе время во внутренности человѣка: и здѣсь также дѣйствуетъ Богъ по великому различію умовъ и обстоятельствъ человѣческихъ (250)... Итакъ, къ чему же надлежитъ увѣщевать человѣковъ?—Къ тому, чтобы они не противились, а попускали обращать себя; ибо Богъ не обращаетъ человѣка насильно и человѣкъ можетъ противиться предваряющей благодати Божіей и подавить въ себѣ тѣ добрыя возбужденія, которыя производитъ въ немъ Духъ Святый. Сего-то ради апостолъ Павелъ увѣщеваетъ насъ, глаголя: и тотъ же часъ, какъ вы услышите гласъ его, не ожесточите сердецъ вашихъ, не затворите ихъ симъ добрымъ чувствованіямъ. При великой перемѣнѣ сей бываетъ всегда въ человѣкѣ чувство окаянства своего, познаніе несчастнаго состоянія, въ которомъ находясь, мы бываемъ внѣ соединенія съ Іисусомъ Христомъ. Но если мы знаемъ, что таковое познаніе окаянства нашего производится Богомъ, и слѣдовательно есть доказательство, что благодать его трудится надо мною, то сіе, само по себѣ съ горестными чувствованіями соединенное, познаніе имѣетъ собесѣдниками своими чувствованіе радости и нѣкое предвкушеніе оныхъ утѣшеній, которыя обращенному грѣшнику въ полной мѣрѣ на часть достанутся. Каждый, въ семъ состояніи находящійся, удобенъ принять благодать Божію, присвоеніемъ заслугъ Христовыхъ на него изли-

вающуюся. Человѣкъ сей подобенъ засохшей землѣ, жаждущей прохлаждающаго дождя; Евангеліе приходитъ на помощь и одобряетъ грѣшника; самъ Богъ во внутренности таковаго человѣка начинаетъ блаженное общеніе съ Іисусомъ Христомъ, и тогда только начинается истинное христіанство. Таковому Богъ присвояетъ заслуги Іисусъ Христовы; стихія, въ которой онъ обитаетъ, есть примиреніе съ Богомъ, содѣланное чрезъ Іисуса Христа. При этомъ не довольно заниматься ученіемъ и лицемъ Іисуса Христа вообще, но надлежитъ паче всего заниматься исполненнымъ заслугъ житіемъ, страданіемъ и жизнью Іисусъ Христовою. Коль скоро произойдетъ въ человѣкѣ сія великая перемѣна, то истинное соединеніе и общеніе внутренности нашей съ Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ совершается, и являются плоды онаго. Весь человѣкъ перемѣняется, и такъ сказать переплавляется вновь: онъ отрекается всѣхъ намѣренныхъ грѣховъ безъ изъятія и ко всему благому получаетъ влеченіе" (252—259).

Это главное, основное убѣжденіе проведено во всѣхъ статьяхъ журнала, но для насъ важнѣе тотъ путь, которымъ Лабзинъ пришелъ къ этому результату, тѣмъ болѣе, что автору нельзя отказать ни въ послѣдовательности, ни въ цѣльности воззрѣнія. Въ статьяхъ „о философіи", гдѣ Лабзинъ придерживается преимущественно Эккартсгаузена, онъ остановился на опредѣленіи, данномъ Цицерономъ: „Философія или любомудріе есть знаніе вещей божественныхъ и человѣческихъ" (philosophia est rerum divinarum humanarumque scientia), т.-е. на той степени ея развитія, когда философія не отдѣлялась отъ религіи. Это единство знанія, какъ предметъ философіи, Лабзинъ выводитъ слѣдующимъ образомъ:

„Всѣ познанія человѣческія соединяются въ Троицу. Каждый живущій человѣкъ познаетъ *себя*, чувствуетъ и познаетъ другихъ *тварей*, которыя всѣ, въ составѣ одного цѣлаго, называются *міромъ, вселенною, натурою, природою, естествомъ*. Отъ сихъ двухъ познаній человѣкъ доходитъ до познанія виновника бытія своего и всего—Бога. Больше сихъ трехъ предметовъ: *я, натура, Богъ* нѣтъ иныхъ, и больше сихъ трехъ *наукъ:* познанія *себя*, познанія *натуры* и познанія *Бога*, нѣтъ никакихъ; всѣ прочія будутъ только части сихъ трехъ великихъ наукъ, которыя вмѣстѣ составляли у древнихъ *мудрость*, и знавшіе оныя болѣе другихъ назывались въ древности *мудрецами*. Но какъ таковая мудрость вполнѣ ни

для кого изъ смертныхъ недостижима, то Пиѳагоръ перемѣнилъ названіе мудрость въ *любомудріе*, приписывая мудрость единому Богу. Въ познаніи природы и себя руководствовались люди собственными чувствами, понятіями и разумомъ, взаимно вспомоществуя другъ другу и почерпая свои познанія изъ самочувствія и изъ видимыхъ тварей. Познаніе же Бога заключали они не только въ отвлеченныхъ понятіяхъ отъ видимаго къ невидимому, но и въ откровеніи собственно Божескомъ, которое состояло, вопервыхъ, изъ *преданій* отъ перваго Богомъ наученнаго человѣка, который, по ихъ мнѣнію, былъ совсѣмъ не такой дикарь, какъ у Руссо и подобныхъ ему умствователей; и, вовторыхъ, изъ частныхъ, помѣстныхъ и временныхъ *откровеній* Божескихъ нѣкоторымъ человѣкамъ, чрезъ особенныхъ Богомъ просвѣщенныхъ или Богомъ вдохновенныхъ существъ, которыхъ называли или подчиненными отцу боговъ богами, или полубогами, или геніями, или духами и коимъ, яко посланникамъ божіимъ, въ лицѣ его нисходившимъ, воздавали даже и божескую честь" (I, 124 и 125). Самый методъ познаванія Лабзинъ понимаетъ совершенно правильно. Въ своей Пневматологіи (наукѣ о духѣ) Лабзинъ объясняетъ происхожденіе понятій, раздѣленныхъ на три разряда: *страдательныя*, опытныя, самими вещами въ насъ произведенныя (т.-е. по теперешнему индуктивныя), *самодѣльныя*, въ мозгу моемъ безъ опытнаго дознанія составленныя (дедуктивныя), и *смѣшанныя* изъ тѣхъ и другихъ. Первыя суть *живыя* и *истинныя*; вторыя—*ложныя*; третьи составляются изъ тѣхъ и другихъ и по количеству примѣси бываютъ и истинныя, и заблужденіямъ подвержены, но всегда они *мертвыя* и *безплодныя*, ибо производятся не самими вещами, а образомъ тѣхъ вещей, и потому называются *образными* или *идеальными* (III, 64). Представленія Лабзина о нравственномъ элементѣ въ обществѣ также имѣютъ совершенно вѣрное основаніе: „Основаніе нравственности состоитъ въ свободѣ воли человѣческой; ибо существо несвободное не можетъ быть нравственнымъ или прямо добрымъ. Основаніемъ законовъ гражданскихъ есть также свобода, превратно часто понимаемая подъ именемъ вольности. Собственно сказать, одна воля, прилѣпленная къ добру, есть свободная, и одна воля, преданная злу, есть въ неволѣ. И такъ добродѣтельный, благочестивый мужъ и въ цѣпяхъ свободенъ, а злый и въ чертогахъ, и во славѣ рабъ. Цѣль всѣхъ обществъ—

обезпечить свободу своихъ членовъ; но сія свобода должна состоять не въ чемъ другомъ, какъ въ добродѣтели“ (I, 33 и 34).

Лабзинъ, повидимому, вполнѣ признаетъ науку, какъ созданіе человѣческаго разума и отводитъ ей широкое поле, но попытка его примирить науку съ вѣрою не удалась. Такъ онъ говоритъ: „Обижаютъ вѣру, думая, что она требуетъ пожертвованія разумомъ: *напротивъ того, разумъ есть грунтъ вѣры;* вѣра упраздняется, но разумъ пребудетъ вѣчно: ибо человѣкъ останется вѣчно существомъ разумнымъ“ (I, 173). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Лабзинъ признаетъ подчиненность разума вѣрѣ и недостаточность его для познанія существа вещей: „Первая должность разума состоитъ въ томъ, чтобы узнать свою ограниченность; ибо какъ скоро онъ вознесется *выше тѣлесной натуры*, то ему недостаетъ уже понятій, и для того Богъ, въ помощь разуму, далъ *откровеніе* и даруетъ *вѣру*“ (I, 174). Задача примирить науку съ религіей, занимавшая столько умовъ, была у Лабзина общая съ позднѣйшими словянофилами. Лабзинъ для своего времени обладалъ всѣми качествами, чтобы взяться за рѣшеніе такого серьезнаго вопроса. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ серьезно и многосторонне образованныхъ людей той эпохи; умъ его былъ способенъ къ самобытному и строго послѣдовательному мышленію. Дмитріевъ говоритъ о Лабзинѣ въ своихъ запискахъ: „Его разумъ представлялъ все ясно и просто, основывалъ все на законахъ необходимости, и на законѣ, соединяющемъ видимое съ невидимымъ, земное съ небеснымъ. Итакъ, думалъ я, есть *наука религіи*: это было для меня большое и важное открытіе“. Лабзинъ сначала ставилъ разумъ и вѣру, науку и религію въ отношенія довольно равноправныя: „Разумъ и вѣра имѣютъ одно происхожденіе; но вѣра тамъ начинается, гдѣ разумъ престаетъ“ (I, 174). Но чѣмъ дальше подвигался Лабзинъ, тѣмъ болѣе стѣснялись права разума, и въ концѣ концовъ уничтожились совсѣмъ. Такому результату безъ сомнѣнія, способствовало то обстоятельство, что Лабзинъ еще въ молодости подпалъ сильному вліянію Шварца, и слѣдовательно еще въ то время умъ его, такъ сказать, невольно получилъ мистическую подкладку. „Когда вѣчный нашъ духъ просвѣщается свѣтомъ божественнымъ и просвѣщаетъ въ насъ натуральный разумъ, и когда сей ему послушенъ, тогда подлинно мы имѣемъ разумъ просвѣщенный (III, 66). Безъ вѣры большая часть физическихъ и нравственныхъ

истинъ не вѣрны; бытіе души, самое существованіе тѣлъ—все подвержено спорамъ; одна вѣра утверждаетъ то, что разумъ неясно понимаетъ (I, 174). Разумъ данъ человѣку для двоякой цѣли: для служенія ему въ потребностяхъ здѣшней жизни и для узнанія пути къ вышнему свѣту. Первую должность онъ исправляетъ нарочито исправно. Чего онъ не выдумалъ къ услажденію здѣшнею жизнью! Съ какимъ искусствомъ подбираетъ онъ все, что льститъ чувствамъ! Этого дѣла онъ мастеръ,—но ne sutor ultra crepidam! Назначеніе человѣка не ограничивается одною временностью; разумъ же далѣе предѣловъ чувственности никогда ступить не можетъ безъ того, чтобы голова отъ того не закружилась. Разумъ можетъ руководствовать человѣка и въ нравственномъ его ходѣ, и когда бываетъ свободенъ отъ страстей, то руководствуетъ его довольно порядочно: потому онъ особенно полезенъ въ ребячествѣ и въ молодыхъ лѣтахъ. Онъ начинаетъ воспитаніе человѣка, но совершить онаго не можетъ: кругъ дѣйствованія его ограниченъ временностью, а назначеніе человѣка выше. Потому разумъ можетъ довести человѣка до дверей свѣтилища, но ввести его въ оное не можетъ (IV, 149 и 150)... Разумъ обогащаетъ голову, но не исправляетъ сердца; величайшій ученый можетъ быть распутнымъ, злобнымъ, завистливымъ, гордымъ, своенравнымъ, корыстолюбивымъ и пристрастнымъ къ себѣ (153)... Божественное просвѣщеніе не есть дѣло памяти, не есть плодъ головной работы, но дѣло сердца (154). Для просвѣщенія разума и дополненія недостававшаго ему свѣта сошло съ небесъ святое откровеніе. Разумъ неразвращенный чувствуетъ нужду въ божественномъ его руководствѣ и, предавшись оному, находитъ всю ту вѣрность, которой ему не доставало (I, 41). Мы, оставляя духъ Новаго Завѣта, поставляемъ на мѣсто онаго ученіе разума, чистый смыслъ Евангелія извращаемъ въ свой собственный, почитаемъ основаніе оное маловажнымъ, ослабляемъ слово крестное и изъ Божественнаго ученія сдѣлали человѣческую науку, которой разумомъ научиться можно; хотимъ не учиться у Св. Духа, но его самого учить и, подъ предлогомъ изъясненія смысла божественныхъ писаній, часто отвращаемъ людей отъ Бога къ своимъ толкамъ (V, 22). Невѣріе есть почти принадлежность ученаго (IV, 164)... Церковная исторія показываетъ, что ереси и расколы завелись отъ ученыхъ, восхотѣвшихъ таинство вѣры толковать разумомъ (180).... Органъ къ духовнымъ сообщеніямъ есть

сердце наше, ибо мысли, воображеніе и чувство послѣдуютъ за нимъ, потому что они всѣ состоятъ подъ вліяніемъ сердца" (VII, 381). Самая нравственность получаетъ исключительно лично-религіозное основаніе: „Когда христіанинъ старается сдѣлаться добродѣтельнымъ для Іисуса, то нравственность его проистекаетъ изъ почтенія, благодарности, довѣренности и любви къ превосходнѣйшему, чистѣйшему существу; и сіе-то есть наисвятѣйшее основаніе нравственности, потому что положено не въ разумѣ только, но въ сердцѣ. Причина только разумная можетъ быть правиломъ, но не источникомъ добронравія; одно умственное побужденіе холодно и не склоняетъ въ любовь" (III, 252 и 253).

Путь, которымъ приходитъ вѣрующій въ состояніе мистическаго *возрожденія*, которое проповѣдывалъ Лабзинъ, онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Берегись тщательно всѣхъ страстныхъ волненій и всѣхъ развлеченій наружныхъ чувствъ и содержи себя въ молчаніи и тишинѣ: то ощутишь возлѣ себя близость Господа и душа твоя взыграется радощами во чревѣ внѣшняго вмѣстилища твоего. Сіе молчаливое углубленіе въ себя я называю возвращеніемъ (франц. recueillement). Въ нашихъ церковныхъ книгахъ названія сего внутренняго упражненія суть слѣдующія: *безмолвіе*, *трезвленіе ума*, *умное дѣланіе*, *умная*, *чистая*, *не парительная молитва*, *богомысліе*" (V, 8 и 9). Въ этомъ состояніи „всѣ получаютъ безъ труда и безъ наружнаго обученія прозрѣніе въ вѣчную премудрость Божію и въ таинства царствія его, и достигаютъ такой достовѣрности, что никакая сила отнять у нихъ не можетъ" (V, 13).

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ Лабзинъ совершенно отвергъ значеніе науки и разума, поставивъ на мѣсто его *сердце* и *способность прозрѣнія безъ труда и наружнаго обученія*. Понятно, что экстазъ воображенія, усиленно направленнаго въ извѣстную сторону и не сдержаннаго логикою разума, долженъ былъ довести Лабзина до всевозможныхъ крайностей. Такимъ образомъ Лабзинъ пришелъ вообще къ заключенію, что склонность къ чудесному, которая во всѣхъ человѣкахъ есть, происходитъ не отъ одного тщеславія, но и отъ нѣкоего умнаго чувства, что наше назначеніе не ограничивается симъ видимымъ міромъ (V, 287). Лабзинъ не только вѣрилъ въ сатану, но и приписывалъ ему самое широкое участіе въ управленіи міромъ; въ снахъ онъ видѣлъ вліяніе силъ Божескихъ и дьявольскихъ и приписывалъ сны от-

части вліянію планетъ и космической природы, отчасти вліянію злыхъ духовъ, отчасти же особому наитію Божества (сны отъ Бога); въ предчувствіяхъ и предсказаніяхъ онъ видѣлъ прямо сообщеніе Божества съ человѣкомъ, описывалъ всевозможные случаи видѣній, исцѣленій, обращеній и т. п.; магнетизмъ представляется ему въ видѣ неразгаданной тайны, способствующей возбужденію религіознаго чувства и улучшающей общественную нравственность. По мнѣнію Лабзина, въ человѣкѣ *три* души: животная, разумная и духовная. Животная душа человѣка, общая съ животными, находится въ крови; она превосходитъ души прочихъ животныхъ, а потому и образуемое ею тѣло превосходитъ тѣла всѣхъ ихъ. Разумная душа человѣка также находится въ тѣлѣ, но не есть начало тѣлесной жизни, а только заключена въ тѣло для искуса, и при сопряженіи своемъ съ онымъ обыкновенно бываетъ немощна, ибо грубость вещества затрудняетъ ей сообщеніе съ высшими силами (V, 373—377). Духовная душа человѣческая есть мысль Божія (VIII, 169). Самое тѣло человѣка измѣнилось послѣ грѣхопаденія; оно сдѣлалось грубымъ и грѣховнымъ и обратилось такимъ образомъ въ орудіе соблазна. Послѣ воскресенія мертвыхъ тѣло воскресшихъ праведниковъ будетъ тѣло прославленное, т.-е. свѣтовое; въ противоположность тому, тѣла грѣшниковъ составлены будутъ изъ тьмы и яростныхъ свойствъ натуры. Такимъ образомъ въ свойствѣ тѣла, которое получитъ человѣкъ на страшномъ судѣ, будетъ состоять награда или наказаніе его (VIII, 290). „*Кажется, желудокъ, кишки и различіе половъ не будетъ тамъ имѣть мѣсти*“ (V, 163).

Взглядъ Лабзина на природу сложился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Эккартсгаузена и Дю-Туа. По понятіямъ Лабзина жизнь и развитіе есть *движеніе*. При всякомъ движеніи естественно понятію представляются двѣ вещи: *движимое тѣло* и *движущая сила*. *Двигать* есть *дѣйствовать*; движимымъ быть есть быть подъ дѣйствіемъ или *страдать*. Какъ *дѣйствіе* и *страданіе* противоположны между собою, то одна и та же вещь въ одно и то же время быть и тѣмъ и другимъ, безъ сомнѣнія, не можетъ: сила *движущая* не есть то же, что *движимое*, и когда *движимое* есть тѣло, то *движущая сила* будетъ *не тѣло* и слѣдовательно *духъ* (II, 166). Каждый духъ долженъ имѣть *чувствующую волю* своей степени: *воля* и *чувствительность* составляютъ собственно существо его (168).

Разрѣшеніе тѣлъ производится гніеніемъ, которое показываетъ, что въ тѣлахъ есть нѣкое тонкое, это воздыхающее существо, которое не покоится, но безпрестанно трудится надъ разрушеніемъ своихъ оковъ. Въ животныхъ и растеніяхъ оно дѣйствуетъ скорѣе, потому что тюрьма его не такъ крѣпка, а въ металлахъ и минералахъ медленнѣе, по причинѣ ихъ крѣпости, по которой нужно прибѣгать къ такимъ сильнымъ и ѣдкимъ средствамъ, каковы кислоты, для разрѣшенія ихъ. Сіе *нѣчто* должно быть не мертвое, потому что безпрестанно дѣйствуетъ и порождаетъ, ибо изъ всякаго гніенія что-нибудь раждается. Сіе нѣчто въ хлѣбѣ насъ питаетъ, въ винѣ веселитъ, и есть тотъ же духъ, о которомъ Давидъ говоритъ: отымеши духа ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся; послеши, и созиждутся, и обновиши лице земли (Псал. CIII, 29, 30). Сей духъ, при освобожденіи отъ узъ своихъ, возвращается въ персть свою, или въ хаосъ свой,—воздухъ, изъ котораго и зиждетъ себѣ новое тѣло. Въ доказательство, что сіе тѣло беретъ онъ изъ воздуха, сдѣлай опытъ: выдерни изъ земли молодое деревце и пересади въ кадку, взвѣся какъ деревцо, такъ и кадку съ землей особо, и затѣмъ черезъ годъ или два, когда деревце сдѣлается деревомъ, вынь его изъ земли, взвѣсь опять его и кадку съ землею, найдешь, что вѣсъ въ деревѣ знатно прибавился, а въ землѣ не произошло ни мало убыли,—знакъ, что невидимый духъ въ воздухѣ осѣлся и претворился въ видимое тѣло по роду сѣмени, а не земля превратилась въ дерево. Сѣмя умираетъ, духъ же сѣмени въ землѣ, чреватой верхними притеченіями свѣта и теплоты солнечной, оплодотворенной растворительною влагою росы и дождя, сбросивъ съ себя узы тлѣнія, продирается сквозь и къ соединенію съ общимъ духомъ, разлитымъ въ воздухѣ, и тамъ беретъ себѣ новое тѣло. Но какъ и воздушное море наполнено разнородными и разрушимыми сущностями, то онъ, духъ, трудится опять надъ разрушеніемъ и сего своего тѣла, что будетъ продолжать до тѣхъ поръ, пока не получитъ неразрушимаго, въ которомъ, дѣйствуя съ полною силою, при всемъ томъ будетъ покоиться (II, 139—142). Въ философіи Лабзина играютъ весьма важную роль цифры: въ этомъ случаѣ онъ является прямымъ послѣдователемъ Эккартсгаузена, котораго „науку о числахъ" онъ издалъ въ русскомъ переводѣ. Примѣръ объясненія на основаніи числъ представляетъ статья Лабзина „Радуга".

Большая часть статей въ журналѣ Лабзина написаны имъ са-

мимъ. Изъ оригинальныхъ статей у него помѣщены: Григ. Сковороды, извѣстнаго писателя духовно-нравственныхъ разсужденій, „Начальная дверь къ христіанскому добронравію“ (Харьковъ, 1767 г.); изъ бумагъ, оставшихся послѣ извѣстнаго масона и мистика екатерининскихъ временъ князя Н. И. Рѣпнина, статья „О трехъ началахъ возрожденія“ подписана 1781 г. С. М.; статья И. В. Муравьева „о раскольникахъ“, о которой мы уже говорили выше. Изъ сотрудниковъ названъ только одинъ А. Ковальковъ („Взглядъ на самого себя“, вздохи сердца къ воплощенному Богу); письма христіанки къ пріятельницѣ своей принадлежатъ послѣдовательницѣ Лабзина, Хвостовой, которая издала два отдѣльныя мистическія сочиненія: „Письма христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ, къ двумъ друзьямъ ея, мужу и женѣ“ (1815 г.) и „Совѣтъ души моей“ (1816 г.). Другіе сотрудники, присылавшіе свои произведенія со стороны, только обозначены: М-ъ П-ъ (о воскресеніи мертвыхъ), изъ Ѳеодосіи (о самости), изъ села Млиновъ на берегу Ворсклы (о святомъ младенчествѣ Іисусовомъ). Въ числѣ переводовъ помѣщены изъ Юнга Штиллинга, Ѳомы Кемпейскаго, доктора Рихтера, исповѣданіе вѣры Бакона Веруламскаго, монгольскія повѣсти и преданія монголовъ о міробытіи (изъ переводовъ съ монгольскаго, изданныхъ въ 1812 году „Море повѣстей“ и „Важнѣйшія повѣствованія о происхожденіи всего“).

„Сіонскій Вѣстникъ“ распространялся преимущественно между духовными лицами. Калужскій архіепископъ Ѳеофилактъ подписался на 30 экземпляровъ, С.-Петербургскій митрополитъ Амвросій и впослѣдствіи Даніилъ, архіепископъ Могилевскій и Витебскій, дали сочувственные отзывы о „Вѣстникѣ“. Въ первое же полугодіе въ Москвѣ изъ 93 экземпляровъ 33 взяты были духовными лицами. Замѣчательно, что „Вѣстникъ“, судя по приложеннымъ спискамъ подписчиковъ, расходился въ значительной степени между купцами, мѣщанами и даже крестьянами, преимущественно въ Сибири.

Чтобы еще яснѣе изложить характеристику русскаго мистицизма, обратимся къ другому его представителю—Сперанскому. Сперанскій, по собственному его признанію, съ Лабзинымъ почти совсѣмъ не былъ знакомъ и никогда не уважалъ ни пророчествъ его, ни системы; Сперанскій не находился также подъ вліяніемъ Шварца и Новикова, хотя связи его съ масонами не подлежатъ впрочемъ никакому сомнѣнію. Такимъ образомъ мистицизмъ Сперан-

скаго развился самостоятельно, подъ вліяніемъ чтенія мистическихъ книгъ западной и древне-русской письменности. Съ обычною ясностью и послѣдовательностью Сперанскій изложилъ свою систему мистицизма въ интересныхъ письмахъ изъ Пензы къ Ф. И. Цейеру („Русск. Арх." 1870 г., стр. 174—202), въ видѣ поученія ко вновь вступающему адепту, какимъ является Цейеръ. Сущность мистицизма, въ первомъ своемъ письмѣ, Сперанскій опредѣляетъ такимъ образомъ: „Царствіе Божіе, въ насъ заключающееся (иными словами, внутреннее слово или созерцательная молитва, или чистая любовь), обнаруживается лишь тогда, когда всѣ размышленія, всѣ разсужденія о предметахъ небесныхъ становятся сухими, скучными, безвкусными и когда однакоже въ глубинѣ души ощущаешь болѣе или менѣе сильное влеченіе къ занятію божественнымъ. Тогда слѣдуетъ оставить молитву умную (размышленія, рефлексіи, разсужденія о Богѣ) и постепенно привыкать къ тому, чтобы находиться въ общеніи съ Богомъ помимо всякихъ образовъ, всякаго размышленія, всякаго ощутительнаго движенія мысли. Тогда кажется, что въ душѣ все молчитъ: не думаешь ни о чемъ, умъ и память меркнутъ и не представляютъ ничего опредѣленнаго; одна воля кротко держится за представленіе о Богѣ,—представленіе, которое кажется неопредѣленнымъ, потому что оно безусловно, и что оно не опирается ни на что въ особенности. Тогда-то вступаешь въ сумракъ вѣры. Тогда-то не знаешь болѣе ничего и ждешь всякаго свѣта непосредственно свыше, и если упорствуешь въ этомъ ожиданіи, то свѣтъ этотъ нисходитъ и Царствіе Божіе раскрывается. Но что же такое Царствіе Божіе, въ чемъ состоитъ оно?—Никто не можетъ ни описать вамъ его, ни дать о немъ понятія. *Его чувствуешь, но оно несообщимо*. Самъ Іисусъ Христосъ описываетъ Царствіе Божіе лишь притчами и подобіями. Въ этомъ-то состояніи начинаетъ раздаваться *внутреннее слово;* это-то состояніе называется *состояніемъ благодати*. Это-то состояніе служитъ исходомъ ученія Іисуса Христа, и лишь это состояніе онъ пришелъ уготовать намъ. Все то, что предшествуетъ этому состоянію (что я называю азбукою), составляетъ область Іоанна Предтечи, который уготовляетъ пути, но не есть путь. Это же состояніе называется собственно *мистическимъ богословіемъ*. Это не книжное ученіе. Наставникъ въ немъ Самъ Богъ, и Онъ сообщаетъ свое ученіе душѣ непосредственно, безъ словъ, и способомъ, который невозможно объяснить

словами. Это богословіе есть мистическое не потому, что оно заключаетъ въ себѣ тайны, сокрытыя отъ толпы, но потому, что чувство, возбуждаемое имъ въ душѣ, и истины, имъ раскрываемыя, совершенно несообщимы и нѣтъ словъ, чтобъ ихъ объяснить. Это *апокалипсическое письмо,* которое можетъ прочесть лишь тотъ, кто его получаетъ" (стр. 176—177). Вслѣдъ затѣмъ Сперанскій подробно и обстоятельно излагаетъ путь и средства, какъ сдѣлаться мистикомъ. Чтобы содержать себя постоянно въ присутствіи Господа нашего и даже для того, чтобы приготовляться изстари къ дару созерцанія,—Сперанскій рекомендуетъ средство, къ которому прибѣгали лучшіе изъ старинныхъ аскетовъ (панафидники, подвизающіеся труженики) и сохранившееся въ нашей Греческой церкви, это—„повторять мысленно или сквозь зубы слова: „Господи помилуй", но повторять ихъ безостановочно и непрерывно. Привычка эта пріобрѣтается довольно скоро. Пріемъ этотъ по-истинѣ изумителенъ, я бы сказалъ волшебенъ, если-бы тутъ было умѣстно такое слово". При этомъ нельзя не сопоставить частое употребленіе молитвы „Господи помилуй" въ нашихъ церковныхъ службахъ и въ особенности въ монастырскихъ правилахъ, гдѣ „четки" служатъ наружнымъ напоминаніемъ продолжительности повторенія. Раскольники „начетчики" постоянно шевелятъ губами и едва слышно повторяютъ эту молитву. Весь процессъ мистическаго созерцанія Сперанскій описываетъ такимъ образомъ: „Чтобы вступить въ созерцаніе, надобно найти самый удаленный уголъ въ своей комнатѣ; тамъ надо принять положеніе наиболѣе удобное, т.-е просто сѣсть, скрестить руки подъ грудью и устремить взоры на какую-нибудь часть тѣла, а именно на пупъ, и оставаться такъ неподвижно, остерегаясь закрывать глаза. Упражненіе начинается съ „Господи помилуй", но скоро это прекращается, такъ что возвратъ къ этой „мистической" молитвѣ означаетъ прекращеніе внутренняго созерцанія. Состояніе этого созерцанія продолжается не произвольно, но пока оно длится. Продолжительность его весьма различна; бывали случаи, что *оно длилось болѣе двухъ дней сряду, безъ пищи и питья.* Въ этомъ состояніи вѣрующіе видятъ иногда, что они называютъ *свѣтомъ Ѳавора* (техническій терминъ, посвященный единственно видѣніямъ этого рода). *Не знаю, что это такое,* но знаю положительно, что видѣніе это гораздо шире, гораздо духовнѣе *нашихъ обыкновенныхъ видѣній.* Оно совершенно невыразимо сло-

вами, *наши же болѣе или менѣе опредѣленны*,—слѣдовательно, степени хотя истинной, но гораздо низшей, чѣмъ это видѣніе, разнящееся быть-можетъ лишь одною ступенью отъ собственнаго такъ-называемаго лицезрѣнія Божія". Далѣе Сперанскій говоритъ, что восточные мистики и аскеты въ *церкви* (т.-е. собираясь въ общество) ограничивались молитвой умной. Вѣрно то, что „они никогда не позволяли себѣ ни *трясеній*, ни *экстазовъ*, вещей порядка низшаго, *который мы можемъ и должны подавлять*, а еслибы они взяли надъ нами верхъ, слѣдуетъ настоятельно молить Господа о ихъ прекращеніи. „Ибо, представьте себѣ, еслибы въ церкви было много созерцателей, возбужденныхъ такимъ образомъ, что это будетъ, если не собраніе трясуновъ (истинныхъ бѣснующихся)". Очевидно, что Сперанскій намекаетъ на сборища въ родѣ Татариновой, гдѣ мистики, подъ вліяніемъ экстаза, не только предавались пророчествамъ и осаждались видѣніями, но и переходили подъ конецъ къ тѣмъ страннымъ тѣлодвиженіямъ, которыя въ хлыстовской сектѣ извѣстны подъ именемъ „радѣній". Сперанскій, судя по его письмамъ, не доходилъ до этихъ крайностей мистицизма и въ этомъ случаѣ не имѣлъ ничего общаго съ Лабзинымъ, котораго, по свидѣтельству Сперанскаго, подозрѣвали въ какихъ-то сокровенностяхъ еще въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда только-что начиналось возвышеніе Сперанскаго. Въ письмахъ къ Цейеру Сперанскій говоритъ: „Молитва, и молитва умная, есть единый путь совершенно безопасный. Видѣнія, глубокія и повидимому вдохновенныя мысли—все суть мысли, все упражненія ума, а не прилѣпленіе, не онѣмѣніе его въ единомъ Богѣ. Еслибы Лабзинъ зналъ и проповѣдывалъ сію молитву, то вопервыхъ не написалъ бы онъ и десятой части того, что написалъ,—скорѣе и самъ бы пришелъ и другихъ привелъ бы къ истинѣ. Никогда не возмечталъ бы онъ, что посланъ отъ Бога созидать новый храмъ духовный, ибо онъ зналъ бы тогда, что храмъ сей и основанъ, и созданъ, и совершенъ уже безъ насъ единымъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ".

Макс. Ив. Невзоровъ въ нравственномъ отношеніи былъ еще болѣе типичное лицо, нежели Лабзинъ. Въ фризовой шинели, вѣчно пѣшкомъ, этотъ человѣкъ, съ грубыми чертами лица, съ рѣзкимъ голосомъ, съ книжною рѣчью и съ неуклюже семинарскими манерами, былъ любимый гость и искренній пріятель Ив. Вл. Лопухина, находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ М. Н. Муравьевымъ,

И. П. Тургеневымъ и кн. Н. В. Рѣпнинымъ. Онъ писалъ къ нимъ посланія, надгробныя элегіи, перепечатывалъ и помѣщалъ ихъ сочиненія въ своемъ журналѣ. Такъ изъ сочиненій Лопухина Невзоровъ помѣстилъ: отрывокъ изъ драмы „Торжество правосудія и добродѣтели или добрый судія"; отрывки сочиненія одного стариннаго судьи, написанныя въ 1794 г.; благость и преимущество единоначалія 1796; изображеніе мечты равенства и буйной свободы съ пагубными ихъ плодами; описаніе нѣсколькихъ картинъ и списокъ съ нѣкоторыхъ отрывковъ, находящихся въ магазинѣ давняго смотрѣнія на внутреннія причины дѣйствій и на слѣпоту развращенныхъ французовъ; послѣднія три статьи въ 1794 г. напечатаны были въ книжкѣ: „Изліянія сердца, чтущаго благость единоначалія"; отрывки изъ записокъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы И. В. Лопухина (1812); нѣсть пророкъ въ своемъ отечествѣ (1812, ноябрь), гдѣ описываются осмѣянныя попытки одного даровитаго юноши на поприщѣ мистической литературы.—И. П. Тургенева перепечатано нѣкоторое подражаніе пѣснямъ Давыдовымъ (изданнымъ въ Москвѣ особою книжкой въ 1802). Невзоровъ, по желанію и при содѣйствіи И. В. Лопухина, близкаго пріятеля кн. Рѣпнина (умершаго въ 1801 г.), сохранявшаго всѣ бумаги послѣдняго, старался привести въ извѣстность все, что уцѣлѣло послѣ этого знаменитаго масона и мистика Новиковскаго кружка. Въ „Другѣ Юношества" помѣщена обширная статья: „Примѣры истиннаго геройства, или кн. Рѣпнинъ и Фенелонъ въ своихъ собственныхъ чертахъ" и письмо Лопухина, при посылкѣ Рѣпнинскихъ бумагъ (мартъ, 1813), гдѣ сообщаются нѣкоторыя данныя о его жизни и характерѣ. Рѣпнинъ писалъ по-французски и сочинилъ книжку „Les faits de la grace" (1790) и разсужденіе „О таинствѣ св. Евхаристіи". Изъ сочиненій Рѣпнина напечатаны въ „Другѣ Юношества": 1) „Разговоръ между двумя друзьями о политикѣ", написанный по-французки; 2) „Объясненіе молитвы Отче нашъ"; 3) „Провидѣніе"; 4) „Разныя разсужденія для себя (іюнь 1813). Сочиненія „о именахъ Божьихъ" и „правила нравственности" утратились.

Изъ духовныхъ лицъ Невзоровъ пользовался расположеніемъ митрополита Платона, къ которому обращено было одно изъ первыхъ его стихотвореній (1799 года), и архіепископа (впослѣдствіи митрополита) Михаила. Невзоровъ умеръ холостымъ, ос-

тавивши послѣ себя нѣсколько копѣекъ; его похоронили близкіе люди. Лопухинъ писалъ о немъ: „платьемъ онъ не щеголяетъ; человѣкъ одинокій; экипажу не держитъ; ѣстъ не свое, пьетъ, не въ разоренье ни себѣ, ни людямъ, чай только, квасъ, да воду. Отчего же такъ, спросятъ? Оттого, что онъ любитъ исполнять, или таковъ, что не можетъ не исполнять заповѣдь: „просящему у тебя дай, и хотящему у тебя занять не отврати". Невзоровъ, управляя университетскою типографіей, доставилъ въ теченіе 7 лѣтъ до 200.000 перевыручки противъ высшей арендной платы; а изъ полученныхъ имъ процентныхъ денегъ въ 1812 г. пожертвовалъ университету (4.316 р.), а остальные (6.000 р.) роздалъ чиновникамъ и рабочимъ, оставшимся неудовлетворенными, за неимѣніемъ въ распоряженіи университета суммъ, послѣ непріятельскаго погрома. „Максимъ Ивановичъ простой человѣкъ, добрая душа", говорили люди низшаго званія, съ которыми любилъ бесѣдовать Невзоровъ и помогать.

Когда Дружеское Общество обратилось къ эпархіальнымъ начальствамъ съ просьбой выслать воспитанниковъ въ университетъ на иждивеніе общества, Невзоровъ, по окончаніи курса, присланъ былъ изъ Рязанской семинаріи въ 1779 г., и въ слѣдующемъ году произведенъ въ студенты. Невзоровъ получилъ образованіе на счетъ Лопухина, съ которымъ связи его не прекращались до самой смерти послѣдняго: по вступленіи на службу въ Москвѣ до пожара 1812 г. Невзоровъ жилъ въ его домѣ. Невзоровъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ питомцевъ переводческой семинаріи, жившихъ на общей квартирѣ подъ надзоромъ Шварца; онъ окончилъ курсъ по факультетамъ юридическому и по медицинскому: по обоимъ онъ получилъ золотыя медали. Лекціи Шварца сильно подѣйствовали на Невзорова и сообщили ему взглядъ на жизнь и на людей, которому онъ оставался вѣренъ до самой своей смерти. Въ 1788 г. Невзоровъ, по ходатайству Новикова, отправленъ былъ за границу, также на счетъ Лопухина, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Колокольцевымъ. Невзоровъ поѣхалъ въ Лейденъ, гдѣ получилъ степень доктора медицины, а затѣмъ посѣтилъ другіе германскіе университеты и болѣе всего, въ 1790 и 1791 годахъ, пробылъ въ Геттингенѣ. Гостепріимный Геттингенъ не произвелъ большаго впечатлѣнія на Невзорова: среди блеска университетской науки, при пышномъ разцвѣтѣ нѣмецкой литературы, суровый моралистъ переводилъ на французскій языкъ

мистическую книгу Лопухина: „О внутренней церкви“ и изучалъ „Таинство креста Іисусъ Христова и членовъ“. Авторъ этого сочиненія, очень извѣстнаго между масонами, неизвѣстенъ; алхимикъ Герм. Фиктуальдъ, въ книгѣ своей „Химическій и философскій пробный камень“ (Аугсб. 1753), приписываетъ его французскому эмигранту Дузетану (Douzetens). Книга эта въ XVIII столѣтіи переведена была съ французскаго на нѣмецкій; русскій переводъ появился съ французскаго въ Москвѣ 1784 г., новый переводъ Лабзина изданъ въ С.-Пб. 1814 г. Современное движеніе литературы въ Германіи вызвало въ Невзоровѣ только осужденіе. Замѣтивши довольно вѣрно, что авторъ Антеноровыхъ путешествій Лантье „протолковалъ древнюю миѳологію, обряды и содержаніе всѣхъ вѣръ по системѣ нравственности и мудрости, почерпнутой имъ въ прежнихъ парижскихъ маленькихъ домикахъ“, Невзоровъ продолжаетъ: „таковыми изящными и пригожими сочиненіями болѣе начали заниматься во Франціи, а послѣ перешла сія мода и въ Германію, гдѣ стараются ихъ усовершенствовать всячески. Тамъ въ сихъ вкусныхъ сочиненіяхъ истинные мудрецы и философы перекрещиваются въ модныхъ вѣтрогоновъ и сластолюбцевъ, а разбойничьи самымъ дѣломъ атаманы на изворотъ, какъ то видѣть можно въ трагедіи Шиллеровой, названной „Разбойники“,—въ героевъ. О, бѣдная Германія!“ (1809, II, 99).

Разсказы Невзорова объ его университетской жизни въ Германіи только выставляютъ въ невыгодномъ свѣтѣ нравственную сторону профессоровъ. Такъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ профессоровъ, въ отвѣтъ на просьбу бѣднаго студента о даровомъ посѣщеніи лекцій, предложилъ ему продать для уплаты за слушаніе серебряныя пряжки съ башмаковъ. Другой профессоръ говорилъ на лекціи, что „если кто почитаетъ за худое мстить, то не что иное есть какъ прокислый соусъ“. „Какое превосходное правило!—прибавляетъ Невзоровъ.—Оно, конечно, есть отрасль той философіи, которая учитъ, что амбиція или гордость есть пружина дѣятельности. Новѣйшія событія и происшествія (то-есть погромъ Наполеона) доказали въ Германіи, что столько превозносимая пружина дѣятельности, т.-е. амбиція, весьма не крѣпка и ломкимъ оплотомъ служитъ противъ разнородныхъ искушеній“.

Въ февралѣ 1792 г. Невзоровъ съ Колокольцевымъ возвращались въ Россію черезъ Ригу; здѣсь они были взяты и при-

везены въ Петербургъ по подозрѣнію въ соучастіи вмѣстѣ съ мартинистами въ небываломъ преступленіи. Послѣ продолжительнаго ареста и настойчивыхъ допросовъ, Невзоровъ и Колокольцевъ помѣщены были въ больницу: Колокольцевъ умеръ, Невзоровъ выдержалъ. Мало того: Невзоровъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, у которыхъ невзгода судьбы не производитъ озлобленія и не помрачаетъ благодушной ровности характера. Только съ восшествіемъ на престолъ императора Павла Лопухину удалось вырвать Невзорова изъ больницы и перевезти къ себѣ въ Москву. Въ началѣ 1800 года Лопухинъ, отправляясь на ревизію губерній Казанской, Вятской и Оренбургской, взялъ его съ собою: это было началомъ скромнаго служебнаго поприща Невзорова. Въ 1801 году, по возвращеніи съ ревизіи, Невзоровъ опредѣленъ былъ членомъ въ канцелярію университета, и съ тѣхъ поръ служебная его жизнь связана была съ этимъ учрежденіемъ: онъ былъ постепенно назначаемъ инспекторомъ надъ репетиторами и репетиціею университетскихъ учениковъ (1801), помощникомъ цензора книгъ, печатаемыхъ въ Университетской типографіи (1802), членомъ училищнаго комитета, съ открытіемъ министерства народнаго просвѣщенія, по предложенію Муравьева (1803) членомъ цензурнаго комитета (1803), завѣдывающимъ хозяйственною частью по постройкѣ зданій и содержаніемъ казенныхъ студентовъ (тогда же), начальникомъ университетской типографіи (1805). Послѣднюю должность, вмѣстѣ съ цензорскою, Невзоровъ сохранилъ до 1816 года, когда онъ оставилъ службу, по непріятностямъ съ ректоромъ Геймомъ. Невзоровъ въ особенности много содѣйствовалъ спасенію типографіи въ 1812 г. и возобновленію ея дѣятельности, жертвуя, какъ мы видѣли, послѣдними своими сбереженіями.

Литературная дѣятельность Невзорова началась, по всей вѣроятности, переводами еще въ семинаріи; но съ достовѣрностью этого сказать нельзя, такъ какъ имена переводчиковъ въ журналахъ Новикова не обозначались. Во время занятій въ германскихъ университетахъ Невзоровъ, какъ мы видѣли, занимался переводомъ на французскій книги Лопухина „о внутренней церкви". Послѣ переѣзда въ Москву Невзоровъ началъ печатаніе стихотвореній, которыя помѣщались въ московскихъ журналахъ (Ипокрена, изд. Сохацкаго, 1801, „Богу благодарственная пѣснь Россіи", VIII, 3), печатались отдѣльными изданіями („Стихотворенія Максима Не-

зорова“ М. 1804, „Три оды и пр. соч. Максима Невзорова“ М. 1814) и перепечатывались въ журналѣ „Другъ Юношества“. Эти стихотворенія обнимаютъ два періода: 1799—1804 гг., когда Невзоровъ писалъ по преимуществу оды къ царю и посланія къ друзьямъ, и періодъ 1812—1814 гг.,—патріотическія стихотворенія по случаю торжества Россіи. Прозою Невзоровъ издалъ: „Притчи или изрѣченія Секстія Пиѳагорейца“, пер. съ латинскаго, М. 1801 г.; „Путешествіе въ Казань, Вятку и Оренбургъ въ 1800 году“, М. 1803 г.,—наблюденія во время поѣздки его на ревизіи съ Муравьевымъ. Вслѣдствіе отказа проф. Гаврилова продолжать изданіе „Историческаго, статистическаго и географическаго журнала“, Невзоровъ добровольно взялся за это дѣло—„для сохраненія чести университета и не желая лишить удовольствія читателей прерваніемъ стольких лѣтъ современной исторіи“. Невзоровъ издавалъ журналъ въ теченіе полутора года (съ сентября 1812 года по 1 января 1814 года). Характеръ журнала нѣсколько измѣнился: вмѣсто статей, исключительно переводныхъ, начали появляться статьи самого редактора, съ своеобразнымъ оттѣнкомъ, причемъ, конечно, главную роль играло преслѣдованіе Наполеона и восхваленіе императора Александра I. Нѣкоторыя статьи изъ этого журнала, съ прибавленіемъ писемъ И. В. Лопухина, изданы особо („Наполеонова политика или царство гибели народной, и состояніе Европейскихъ государствъ до начатія французской войны 1812 г.“, М. 1813 г.), по желанію и на счетъ Лопухина. Къ этому изданію приложена курьезная гравюра: голый человѣкъ, у котораго изъ жилъ пущена кровь. Лопухинъ былъ охотникъ до аллегорическихъ гравюръ и самъ изобрѣлъ особую гравюру для своей книги „Внутренняя церковь“, приложенную при второмъ ея изданіи.

Журналъ „Другъ Юношества“ издавался Невзоровымъ ежемѣсячно съ 1 января 1807 года по 1 апрѣля 1815 года включительно. Журналъ этотъ, задуманный Невзоровымъ еще въ 1805 г., осуществился по желанію попечителя Муравьева и былъ ему посвященъ, какъ „другу юношества“. По кончинѣ Муравьева съ 1813 года журналъ переименованъ былъ въ „Друга юношества и всякихъ лѣтъ“ — и посвященъ И. В. Лопухину, который съ самаго основанія поддерживалъ всячески журналъ — и деньгами, и статьями, и привлеченіемъ сотрудниковъ. Въ „предисловіи“

программа журнала излагается слѣдующимъ образомъ: „Образованіе сердца и ума есть и должно быть первымъ предметомъ воспитанія и ученія; сюда же входитъ сохраненіе и совершенствованіе тѣлесныхъ способностей. Согласно этому „Другъ Юношества“ долженъ былъ заключать въ себѣ сочиненія, возбуждающія въ читателяхъ любовь къ Богу, государю, отечеству и ближнему, относящіяся къ политической и естественной исторіи, физикѣ, географіи, статистистикѣ, къ домашнимъ и хозяйственнымъ упражненіямъ, обоему полу приличнымъ, и принадлежащія наконецъ къ сохраненію здоровья и пріятнымъ къ тому служащимъ упражненіямъ“. При этомъ съ самаго начала Невзоровъ помѣстилъ ожесточенную выходку противъ литературы XVIII вѣка: „Есть много и особенно въ прошедшемъ столѣтіи вышло безъ числа такихъ книгъ, въ которыхъ не найдется ничего служащаго ни къ образованію сердца, ни къ обогащенію ума полезными свѣдѣніями, ни къ сохраненію тѣлесныхъ способностей, а вмѣсто того разсѣены въ нихъ соблазны, развраты, открытыя правила испорченности, безбожія, невѣрія и совершеннаго отступленія человѣческаго ума отъ чистой истины, но таковыя явленія сутѣ не иное что, какъ нечистыя изверженія природы, которыя принимать или отметать остается всегда въ нашей власти“. Источниками при составленіи журнала Невзорову служили: изданія извѣстныя подъ именемъ *зрѣлищъ природы*, *уроковъ о природѣ*, *Плутарха,—нравственныхъ сказокъ, басенъ, повѣстей и театровъ для молодыхъ людей*, *правилъ воспитанія*, въ особенности г-жъ Эджевортъ и Гамильтонъ“.

Вообще журналъ Невзорова напрасно причисляютъ къ мистической литературѣ. Невзоровъ, конечно, находился въ тѣсной связи съ мартинистами. По поводу предложенной геттингенскимъ ученымъ обществомъ задачи написать исторію мистики, гдѣ она названа нѣкотораго рода философствованіемъ (genus quoddam philosophandi), Невзоровъ разобиженный заявилъ, что мистика есть не что иное какъ истинное христіанство („Другъ Юн.“ янв. 1812). Отстаивая Эккартсгаузена отъ укора въ невѣжествѣ, обращеннаго къ нему критикомъ „С.-Петербургскаго Вѣстника“, при разборѣ сочиненій Эккартсгаузена „о фосфорной кислотѣ“, Невзоровъ ученія его признаетъ за истинныя и подробно излагаетъ въ своемъ журналѣ, съ обширными выписками. Но въ сущности Невзоровъ былъ скорѣе строгій и ис-

кренній, но ограниченный моралистъ, съ религіознымъ оттѣнкомъ. По его понятіямъ „Учитель нравственности и испытатель природы и небесъ, показывающій себя противнымъ цѣли истиннаго просвѣщенія, есть не иное что какъ глиняная пустая труба и колоколъ безполезно звенящій. Если Оливеръ и Бюффонъ не представляютъ собою примѣра кротости, любви къ ближнему и добродѣтели, то они въ глазахъ моихъ ниже переплетчика и простаго пастуха, трудами своими питающихъ семью и возможную помощь и любовь собратіямъ своимъ человѣкамъ оказывающихъ“. Единственное мѣсто въ журналѣ, гдѣ высказывается мистическій взглядъ на просвѣщеніе, сходный съ убѣжденіями Лабзина,—это предисловіе, написанное Невзоровымъ къ переводу съ латинскаго „Разговоры Натуры, Меркурія и алхимиста“, гдѣ между прочимъ говорится: „Исправь себя, откинь всѣ злыя склонности, брось гордость, самолюбіе и жажду къ пріобрѣтеньямъ и грубую чувственность, и изъ злохудожной души сдѣлай добрую, тогда вся природа явится тебѣ въ новомъ видѣ, и милліоны откроются таинствъ ея, которыя ты въ противномъ случаѣ ногами топчешь и не видишь“ (1810, часть 78). Замѣчательно, что при этомъ случаѣ Невзоровъ о занятіяхъ алхиміею и объ отысканіи философскаго камня говоритъ, что подъ этими предлогами иные скрыли аллегорію нравственности человѣческой, для причинъ имъ извѣстныхъ. Можетъ-быть этимъ онъ намекаетъ на пріятелей своихъ мартинистовъ и въ особенности на Лопухина, который занимался алхиміей и въ то же время дѣйствительно былъ большой охотникъ до аллегорій.—Въ первые два года „Другъ Юношества“ издавался Невзоровымъ съ двумя сотрудниками, имъ непоименованными, докторомъ Багрянскимъ и Дмитревскимъ, который потомъ былъ директоромъ училищъ Владимірской губерніи. Журналъ за это время былъ несравненно лучше и разнообразнѣе: переводныя повѣсти и разсказы были плохи, но въ каждомъ нумерѣ помѣщалась статейка изъ естественной исторіи, составлявшаяся вѣроятно Багрянскимъ, и краткое описаніе какого-нибудь извѣстнаго лица. Всѣ эти біографіи испещрены подстрочными примѣчаніями Невзорова, часто очень характерными. Такъ, въ біографіи Цезаря Невзоровъ помѣстилъ такое примѣчаніе: „Ежели великими дѣлами называть будемъ одни блистательныя, смѣлыя и громкія дѣла, не обращая вниманія на то, какіе плоды и слѣдствія отъ нихъ родятся для человѣчества, то можно утвердительно сказать,

что честолюбіе производитъ великія дѣла; ежели же великими дѣлами называть будемъ, такъ какъ и должно, тѣ, которыя съ пожертвованіемъ всякой собственности стремятся произвесть только благо и пользу всякому человѣку, ближнему и отечеству, то сомнительно, чтобы честолюбіе было матерью великихъ дѣлъ. *Цезарь, вооруженный распутными, наглыми и къ злодѣяніямъ привыкшими воинами, есть точно то же въ Римѣ, что Стенька Разинъ на Каспійскомъ морѣ.* А мы, читая жизнь его, не только сами плѣняемся громкой его славой, но заражаемъ сердца молодыхъ людей и даже дѣтей своихъ, представляя его примѣромъ великости".

Вольтеръ болѣе всѣхъ былъ ненавистенъ Невзорову; его біографія, конечно, вся испещрена замѣчаніями, гдѣ ему не оказывается никакой пощады, и наконецъ Невзоровъ такъ выражается: „Говорятъ, что сочиненія Вольтера показываютъ необыкновенный и острый умъ; но въ отвѣтъ на сіе сказать можно, что Ванька Каинъ и Картушъ были въ своемъ родѣ необыкновенные остряки; однако не должно думать, что ихъ должно хвалить. Ежели бы Вольтера за всякое сатирическое сочиненіе брать подъ стражу и сажать въ тюрьму, то во всю жизнь ни въ какомъ государствѣ не было бы ему другаго мѣста, какъ тюрьма".

Послѣ удаленія сотрудниковъ, особенно въ первые годы (1809 и 1810), журналъ былъ очень плохъ. Изъ университетскихъ товарищей никто не помогалъ: Невзоровъ перепечаталъ только прежде уже изданную статью Андр. Чеботарева: „Твердыя положенія молодаго человѣка, поставленнаго въ истинахъ и должностяхъ закона христіанскаго". Поэтому Невзоровъ долженъ былъ искать сотрудниковъ со стороны. Невзоровъ былъ въ этомъ случаѣ неразборчивъ и печаталъ все, что ему присылалось,—онъ только рѣшительно отказывался принимать сатиры, эпиграммы и любовнаго свойства комедіи и романы. Максимъ Ивановичъ вообще къ любви относился очень сурово. Въ длинномъ своемъ стихотвореніи „Любовь", изобразивши темную сторону любви и всѣ несчастія и невзгоды, поселяемыя ею въ обществѣ, онъ восклицаетъ:

Не развращайте вы сердецъ
Невинныхъ, и когда пылаетъ
Огонь въ груди, то пусть свершаетъ
Его супружескій вѣнецъ.
Любовь я вижу на крестѣ,

Одною сей хочу плѣняться
И ей одной лишь поклоняться
Во всей душевной чистотѣ.

Не даромъ одна *дъвица*, прочитавши его журналъ, пришла къ заключенію, что издатель не молодыхъ лѣтъ и несчастливъ въ любви. Театръ тоже Невзоровъ не долюбливалъ; о немъ онъ говоритъ: „Чувствительность наша при театральныхъ зрѣлищахъ не служитъ ни мало къ нашему совершенствованію; а потому театръ не только не приноситъ намъ никакой пользы, но еще болѣе насъ ожесточаетъ".

Сотрудниковъ со стороны масса,—и поэтовъ, и прозаиковъ, одинъ бездарнѣе другаго, съ именами совершенно неизвѣстными, изъ извѣстныхъ же литераторовъ помѣщали стихи и прозу кн. Шаликовъ и кн. Кугушевъ и по нѣскольку стихотвореній Пав. Голенищевъ-Кутузовъ и кн. И. М. Долгорукій. Въ числѣ университетской молодежи, занимавшейся у Невзорова переводами, участвовалъ Ив. Снегиревъ и помѣстилъ 2—3 стихотворенія И. Калайдовичъ. Постоянные сотрудники Невзорова были большею частію студенты Московской славяно-греко-латинской духовной академіи и отчасти университета. Къ числу постоянныхъ сотрудниковъ принадлежали Щеголевъ, Наумовъ, Виноградовы, Кобраловъ и т. д.; всѣ они, кромѣ переводовъ, упражнялись и въ поэзіи, но стихи ихъ были очень плохи, не исключая и перевода изъ „Мессіады" Клопштока кандидата словесныхъ наукъ Урываева. Нѣсколько сотрудниковъ очевидно рекомендованы были И. В. Лопухинымъ; таковы были: И. Андреевъ, Дмитрій Протопоповъ, наводнявшій журналъ и стихами, и прозой, и, въ добавокъ, переложеніемъ чуть не цѣлой Псалтири, хотя это переложеніе было уже напечатано. Изъ питомцевъ Лопухина нѣкотораго вниманія заслуживаетъ А. Ковальковъ. Онъ началъ помѣщать свои переводы очень рано; 18 лѣтъ онъ занемогъ и сдѣлался мистикомъ. Съ 1811 г. Ковальковъ началъ помѣщать свои мистическія произведенія въ журналѣ Невзорова („Совращеніе человѣка съ прямаго пути и средства возвращаться на него", „Воздыханія христіанскаго сердца", „Путь къ истинѣ", „Разговоры съ Феофиломъ и филологомъ", „Между феосторгомъ и автономомъ", „Путь молитвеннаго сердца" и т. д.). Въ томъ же году Ковальковъ всѣ эти размышленія издалъ отдѣльною книжкой, подъ заглавіемъ: „Плодъ сердца, полюбившаго истину, или собраніе краткихъ

разсужденій о ея сущности, написанныхъ пламенной къ ней любовью". Ковальковъ, какъ видно, былъ любимцемъ Лопухина, и потому Невзоровъ помѣщалъ все, что онъ ни присылалъ; а присылалъ онъ очень много, начиная съ мистическихъ разсужденій до всякихъ чувствованій и описаній, не исключая и села Савинскаго, усадьбы Лопухина, гдѣ въ обширномъ саду поставлены были памятники Фенелона, Дю-Туа, г-жи Гюйонъ, Бема, Эккартсгаузена и вмѣстѣ съ нимъ хижина Жанъ-Жака Руссо. Ковальковъ, какъ мы видѣли, былъ сотрудникомъ „Сіонскаго Вѣстника". Такой неразборчивый пріемъ всего, что присылалось въ журналъ, условливался совершеннымъ отсутствіемъ всякаго настоящаго пониманія у Невзорова. Для него идеаломъ поэзіи былъ Бобровъ, авторъ невозможныхъ поэмъ, служившій общимъ посмѣшищемъ для современниковъ,—Бобровъ, на котораго написана была извѣстная эпиграмма:

Нѣтъ спора, что Бибрисъ боговъ языкомъ пѣлъ,
Изъ смертныхъ бо никто его не разумѣлъ.

Невзоровъ, помѣстивши его некрологъ, какъ „соучастника и совоспитанника", ставитъ его на первомъ мѣстѣ послѣ Ломоносова и Державина и находитъ, что сочиненія Боброва „исполнены мыслями и красотами необыкновенными, только въ литературѣ *геніямъ* свойственными". На основаніи такого своеобразнаго понятія о геніяхъ, Невзоровъ произвелъ въ этотъ разрядъ двухъ своихъ поэтовъ-сотрудниковъ, студентовъ духовной академіи Гольтякова и Восленскаго. Оба они написали массу стиховъ, въ томъ числѣ Гольтяковъ перевелъ поэму Клейста „Весна", а Восленскій издалъ отдѣльно переводъ тяжелыми стихами съ итальянскаго поэмы кавалера Морино „Избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ" (М. 1811 г.), изъ которой отрывки помѣщены были въ „Другѣ Юношества". Кромѣ стиховъ, Восленскій участвовалъ въ журналѣ переводами въ прозѣ и помѣстилъ большое разсужденіе „о пользѣ физики", а по окончаніи курса поступилъ діакономъ въ церковь Св. Владиміра, что въ Садахъ. Кромѣ того Невзоровъ давалъ мѣсто въ своемъ журналѣ упражненіямъ малолѣтнихъ сочинителей стиховъ и прозы, таковы были: 13-лѣтняя Софья Беккендорфъ, 10-лѣтній Александръ Якоби, 16-лѣтній Яковъ Бередниковъ, тихвинскій купеческій сынъ, обучавшійся сначала въ Тихвинскомъ монастырѣ (длинное стихотвореніе: „Плачь матери при Крестѣ Богочеловѣка), 11-лѣтній отрокъ Сергѣй Викуловъ и нако-

нецъ выросшій на рукахъ Невзорова 9-лѣтній Николай Дудышкинъ, сынъ задушевной его пріятельницы, вдовы М. И. Дудышкиной и извѣстный литераторъ. Статьи въ журналѣ были почти все переводныя, оригинальнаго было очень мало, но всѣ переводы подчинялись господствующему нравственно-религіозному направленію, а если оригиналъ въ чемъ-нибудь выходилъ изъ колеи, то онъ комментировался длинными подстрочными примѣчаніями издателя. Какое отношеніе къ литературѣ имѣлъ Невзоровъ, видно изъ отзывовъ его о двухъ самыхъ крупныхъ современныхъ писателяхъ. Въ критическомъ разсмотрѣніи трагедіи Шиллера „Разбойники", появившейся тогда въ переводѣ, Невзоровъ пришелъ къ заключенію, что Шиллеръ не имѣлъ никакого понятія о добродѣтели и кажется онъ гораздо менѣе о ней старался, нежели о томъ, чтобы прославить себя произведеніями воображенія; сочиненіе это онъ причислилъ къ разряду тѣхъ, которыя являются какъ „плоды испорченнаго и развращеннаго ума и вышедшаго изъ предѣловъ, замараннаго и исковерканнаго воображенія, а потому самому кромѣ вреда ничего принести не могутъ". „Славный Гёте „Вертеромъ" своимъ, сочиненнымъ по правиламъ французской словесности, причинившій не одно въ Европѣ самоубійство и недавно въ россійскихъ нашихъ журналахъ обезславленный, становится опять оракуломъ изящности".

Понятно, что журналъ Невзорова не имѣлъ успѣха въ свое время и совершенно забытъ теперь, хотя въ немъ, конечно, есть интересныя частности, характеризующія современное общество. Интересно, что я нашелъ въ Румянцевскомъ музеѣ книжки „Друга Юношества" *неразрѣзанными*! По собственному сознанію издателя, *юноши*, прочитавши книжку, заявляли, что журналъ годится только для стариковъ, а не для молодыхъ, а старикамъ нынѣ не вѣкъ; мать семейства бросала съ восклицаніемъ: „ахъ, какой скучный этотъ журналъ"! Несмотря на все стараніе Невзорова о разнообразіи, на помѣщеніе даже статей въ родѣ: „для дѣвицъ нѣчто о нарядахъ",—конечно, съ своей точки зрѣнія,—люди образованные безжалостно повторяли: „Максимъ Невзоровъ—писатель вздоровъ"! Изъ всѣхъ статей журнала, кромѣ приведенныхъ нами выше статей мартинистовъ, имѣютъ цѣну и въ настоящее время:

1. Записки, оставшіяся по смерти княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева и супруги князя И. А. Долгорукаго, любимца Петра II.

Записки присланы княземъ И. М. Долгорукимъ, чрезъ Лопухина, добавившаго о жизни княгини послѣ возвращенія изъ ссылки монахинею Кіевскаго монастыря.

2. Отрывки изъ философическихъ бесѣдъ покойнаго проф. И. Г. Шварца (1812 г., май, 46—66; 1813 г., генварь, 85—101).

3. Не лишенное интереса путешествіе по сожженной Москвѣ, М. Виноградова.

Представителемъ новаго направленія въ русской журналистикѣ явился въ Москвѣ Карамзинъ, уже прежде, какъ мы видѣли, выступившій тамъ на журнальное поприще и предпринявшій изданіе „Вѣстника Европы“ въ 1802 году.

О значеніи въ общественномъ смыслѣ журнальной дѣятельности Карамзина было уже говорено: все предыдущее примѣняется главнымъ образомъ къ разсматриваемому журналу. Карамзинъ совершенно вѣрно понялъ настоящій моментъ. Въ предисловіи къ „Вѣстнику Европы“ и въ одной изъ статей его: „Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“ (ч. 3, № 12),—Карамзинъ указалъ, насколько общее состояніе Европы и Россіи въ частности благопріятствовало тогда журналистикѣ. „Десятилѣтняя революціонная война кончилась, измѣнивъ мнѣніе о вещахъ и людяхъ. Революція, грозившая ниспровергнуть всѣ правительства, утвердила ихъ. Она убѣдила всѣ народы въ необходимости законнаго правленія, а государей—въ необходимости правленія благодѣтельнаго, твердаго, но отеческаго. *Правительства чувствуютъ важность общаго мнѣнія, нужду въ любви народовъ, необходимость истребить злоупотребленія.* Вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвье, они склоняютъ его на свою сторону, такъ что *лучшіе умы стоятъ теперь подъ знаменемъ власти*“. „Россія въ политикѣ пользуется такимъ уваженіемъ, котораго никогда не имѣла; свѣтъ ученія болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества; благородныя, истинно человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; разсудокъ утверждаетъ права свои; патріотическій духъ возвышается. Всѣ эти видимые успѣхи гражданственности служатъ залогомъ будущихъ“. Въ томъ же предисловіи и статьѣ о книжной торговлѣ и любви къ чтенію (ч. 3, № 9) Карамзинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ признаки появившагося стремленія къ образованію въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ: „Однимъ словомъ, если вкусъ къ литературѣ можетъ быть названъ модою, то она теперь общая и

главная въ Европѣ. Отечество наше не будетъ исключеніемъ. Спроси московскихъ книгопродавцевъ и ты узнаешь, что съ нѣкотораго времени торговля ихъ быстро возрастаетъ, и что хорошее сочиненіе имъ теперь кажется золотомъ". При этомъ Карамзинъ указываетъ на множество разнощиковъ, которые „ѣздятъ по свѣту съ драгоцѣнностями русской литературы и продаютъ множество книгъ сельскимъ нашимъ дворянамъ... Уже почти во всѣхъ губернскимъ городахъ есть книжныя лавки; на всякую ярмарку, вмѣстѣ съ другими товарами, привозятъ и богатства нашей литературы. Такъ, напримѣръ, сельскія дворянки на Макарьевской ярмаркѣ запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде торгаши ѣзжали по деревнямъ съ лентами и перстнями; нынѣ ѣздятъ они по большей части съ ученымъ товаромъ; я знаю дворянъ, которые имѣютъ ежегоднаго дохода не болѣе 400 рублей, но собираютъ, по ихъ словамъ, библіотеки". Исходя изъ сознанія о важности въ современной жизни общаго мнѣнія, Карамзинъ придалъ своему журналу новый, до него не существовавшій характеръ журнала литературнаго и политическаго, подраздѣляя „Вѣстникъ Европы" на два опредѣленные и самостоятельные отдѣла: *Литература* и *смѣсь и политика*. Въ политической части Карамзинъ излагалъ ходъ внѣшней политики и свое мнѣніе о важнѣйшихъ мѣрахъ правительства, а равно и замѣчательныя явленія общественной жизни, исключительно съ точки зрѣнія филантропіи и нравственности. Что касается до внѣшней политики, то собственно оригинальныхъ статей Карамзинъ помѣстилъ немного: „Всеобщее обозрѣніе" (ч. 1, № 1), „О мирѣ" (ч. 2, № 8), „Изображеніе французской республики" (ч. 9, № 11), „О французской высадкѣ" (ч. 2, № 19), „О Швейцаріи" (ч. 6, №№ 2 и 24), и „Взоръ на прошедшее" (1802 годъ) (ч. 1, № 1). Взглядъ Карамзина на предшествовавшую революцію и дѣятельность Наполеона таковъ: „Французы хотѣли прежде мечтательнаго *равенства*, которое дѣлало ихъ всѣхъ равно несчастливыми; теперь, разрушивъ мечты, возстановивъ религію, столь нужную для сердца въ мірѣ превратностей, не менѣе нужную и для благоденствія государствъ, отличивъ достойныхъ гражданъ важнымъ правомъ избраній въ республиканскія должности (par les listes de notabilité) и чрезъ то уничтоживъ вредную для Франціи демократію, монархъ-консулъ оправдываетъ дѣло судьбы, которая возвела его изъ праха на такую степень величія". „Бонапартъ, умертвивъ чудовище ре-

волюціи, заслужилъ вѣчную благодарность Франціи и даже Европы. Въ семъ отношеніи будемъ всегда съ удовольствіемъ хвалить его, какъ великаго медика, излѣчившаго головы отъ опаснаго круженія. Пожалѣемъ, если онъ не имѣетъ законодательной мудрости Солона и чистой добродѣтели Ликурга, который образовавъ Спарту, самъ себя на вѣки изгналъ изъ отечества. Вотъ дѣло героическое, предъ которымъ всѣ Лоди и Маренго изчезаютъ".

О Россіи Карамзинъ говоритъ: „Россія видитъ на тронѣ своемъ любезнаго сердцу монарха, который всего ревностнѣе желаетъ ей счастья, взявъ себѣ за правило, что добродѣтель и просвѣщеніе должны быть основаніемъ государственнаго благоденствія". Тотъ же хвалебный оптимистическій тонъ принимаетъ Карамзинъ и въ статьяхъ своихъ по внутреннимъ вопросамъ. Таковы статьи: Манифестъ о новомъ образованіи министерства, Указъ о правахъ Сената (ч. 5, № 19) и О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи (ч. 8, № 5). Этотъ восторженный, хвалебный тонъ въ то время былъ совершенно понятенъ и естественъ: начало царствованія императора Александра дѣйствительно озарило всеобщею радостью и ожиданіями. Правительство смѣло выступало на путь либеральныхъ реформъ и открывало просторъ общественному мнѣнію; оно заботилось о распространеніи образованія; въ преобразованіи сената и учрежденіи министерствъ оно высказывало твердую волю замѣнить царствовавшій дотолѣ произволъ господствомъ прочнаго и незыблемаго закона, поддерживаемаго новою организаціей высшихъ учрежденій. Какой другой тонъ могъ быть умѣстенъ въ данную минуту, пока не наступила пора разочарованія! Въ отвѣтъ на вопросъ правительства, Карамзинъ имѣлъ полное право, обращаясь къ тогдашнему интеллигентному обществу, сказать: „усердіемъ своимъ къ просвѣщенію докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій и желаемъ пользоваться такими правами, которыя согласны съ общимъ благомъ государства и съ человѣколюбіемъ". Если въ то время немного было людей, отвѣчавшихъ дѣломъ на призывъ Карамзина, то теперь—увы!—въ средѣ влiятельной еще меньше людей даже раздѣляющихъ съ Карамзинымъ его благородное желаніе. По крайней мѣрѣ въ то, далекое отъ насъ, время несчастная мысль о вредѣ просвѣщенія въ народной массѣ была менѣе распространена въ извѣстной средѣ, нежели теперь, по прошествіи слишкомъ 80 лѣтъ. Кромѣ приведенныхъ статей по части внѣшней политики,

всѣ сообщаемыя Карамзинымъ свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ, о состояніи различныхъ государствъ и вообще о всемъ касающемся политическаго строя западной Европы заимствованы изъ иностранныхъ повременныхъ изданій и сочиненій. Въ политической части помѣщались: акты представленные консуломъ законодательному совѣту, рѣчи депутатовъ французскаго совѣта, рѣчи государственнаго совѣтника Порталиса при внесеніи на разсмотрѣніе совѣта проекта гражданскаго уложенія и закона о бракахъ; отчетъ о засѣданіяхъ англійскаго парламента; рѣчь швейцарскаго Ландмана д'Афри при открытіи сейма; свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ большею частью въ формѣ писемъ изъ разныхъ мѣстностей, заимствованныхъ изъ иностранныхъ журналовъ (Moniteur, Gazette de France, Bulletin de Paris, Courier de Londres, Argus, Архенгольцева Минерва, нѣмецкій политическій журналъ, Гамбургскія Вѣдомости, Morning chronicle, лондонскій журналъ the Sun и проч.). Отдѣльныя статьи о разныхъ политическихъ предметахъ, принадлежащія извѣстнымъ и поименованнымъ авторамъ, заимствованы изъ сочиненія ген. Ренье о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Египтѣ; Крамера письмо изъ Парижа о Наполеонѣ; политическіе отрывки гражд. Ешессаріо, „одного изъ лучшихъ политическихъ авторовъ Франціи"; отчетъ о сочиненіи Неккера; послѣднія политическія мысли, переведенныя изъ Декады (Decade); истинный смыслъ народнаго согласія на вѣчное консульство Наполеона Бонапарта, сочиненія Камиля Журдана, надѣлавшее много шума во Франціи и запрещенное полиціею; о выгодахъ торговли по Черному морю для Франціи и Россіи, соч. Малекевскаго; письмо изъ Дерпта къ О. П. К. (озадавлеву) отъ фонъ Р. съ замѣчаніями на русскіе законы по поводу соч. Клейна: Annalen der Gesetzgebung und Rechts gelehrsamkeit in den Preuss. Staaten; донесеніе Бонапарту полк. Себастіани, посѣтившаго Египетъ и Сирію; о нынѣшней войнѣ французовъ съ Доминго и съ Конго: „The crisis of the Sugar-Colonies"; важность монеты для Англіи изъ сочиненія Георга Отта; о войнѣ между Англіей и Франціей, статья Фьеве, издавшаго оригинальное путешествіе по Англіи, гдѣ онъ отзывается, что страна эта всѣмъ обязана Французамъ и т. д.

Литературный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько оригинальныхъ сочиненій самого Карамзина, который былъ главнымъ, если не единственнымъ сотрудникомъ въ издаваемомъ журналѣ.

Сюда относятся статьи „О любви къ отечеству и народной гордости“ (ч. 1, № 4); „Моя исповѣдь“ (ч. 2, № 6); „Мысли объ уединеніи“ (ч. 3, № 10); „Пріятные виды, надежды и желанья“ (ч. 3, № 12); „О счастливѣйшемъ времени жизни“ (ч. 10, № 13); „Чувствительный и голодный“ (ч. 11, № 19); повѣсть „Рыцарь нашего времени“, неоконченная (ч. 1, 4 и 8); „Мароа посадница или покореніе Новгорода“ (ч. 7, №№ 1, 2 и 3); статьи историческаго содержанія: „Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ и въ семъ монастырѣ и О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ“ (ч. 6, № 24); „Путешествіе вокругъ Москвы“ (ч. 7, № 4); „О тайной канцеляріи“ (ч. 8, № 6); „О россійскомъ посольствѣ въ Японію“ (ч. 9, № 11); „Извѣстіе о Мароѣ посадницѣ, взятое изъ житія Св. Зосимы“ (ч. 9, № 12); „Объ имени рѣки Яхромы“ (ч. 10, № 13); „О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ (ч. 11, № 18). Кромѣ Карамзина въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщены повѣсти: „Вадимъ Новгородскій“ Жуковскаго и „Модный философъ“ Вл. Измайлова. Въ числѣ оригинальныхъ статей помѣщено „Письмо сельскаго жителя“, подъ псевдонимомъ Луки Еремѣева, написанное Карамзинымъ и повлекшее на него обвиненіе въ сочувствіи къ крѣпостному праву. Въ письмѣ этомъ разсказывается, что крестьяне, отпущенные на оброкъ, предались пьянству и обѣдняли, а для поправленія ихъ состоянія оказался полезнымъ переводъ ихъ на барщину. Такой единичный и, притомъ, по условіямъ того времени, совершенно возможный случай самъ по себѣ ничего не доказываетъ; но совершенно вѣрно, что Карамзинъ въ этомъ случаѣ не стоялъ выше своихъ современниковъ и очень искренно примирялся съ крѣпостнымъ правомъ, хотя и возставалъ наравнѣ съ немногими гуманными людьми противъ его злоупотребленій.

Въ числѣ оригинальныхъ статей помѣщены: Гр. Глинки „Храмъ Свѣтовида“, отрывокъ изъ занятій его славянскою миѳологіей; письмо Д. И. Фонъ-Визина къ его пріятелю о планѣ россійскаго словаря; и замѣтка „о русскихъ комедіяхъ“, подписанная В. В., гдѣ авторъ возражаетъ противъ того, что комическіе писатели берутъ своихъ героевъ изъ провинціаловъ или изъ низкихъ слоевъ общества, тогда какъ необходимо выставлять на сцену пороки тѣхъ лицъ, которыя составляютъ публику, въ смыслѣ высшихъ классовъ, и показывать обществу настоящія его раны.

Въ стихотворномъ отдѣлѣ принимали участіе, кромѣ самого Карамзина, изъ извѣстныхъ тогда поэтовъ: Державинъ, Дмитріевъ, Вас. Пушкинъ, Жуковскій „Сельское кладбище изъ Грея", Херасковъ (?) „Стихи за полученную Высочайшую милость" (ч. 7, № 2, стр. 100), Нелединскій-Мелецкій „Отрывокъ Делилева дифирамба на безсмертіе" (ч. 8, № 5). Главную пищу журнала Карамзинъ все-таки находилъ въ переводахъ: „Сочинять журналъ одному трудно и невозможно; достоинство его состоитъ въ разнообразіи, котораго одинъ талантъ, не исключая даже и Вольтерова, никогда не имѣлъ; но разнообразіе пріятно съ хорошимъ выборомъ, а хорошій выборъ иностранныхъ сочиненій требуетъ еще хорошаго перевода,— надобно, чтобы пересаженный цвѣтокъ не лишался красоты и свѣжести своей".

Изъ переводныхъ статей главную роль занимаетъ г-жа Жанлисъ. Карамзинъ издавна питалъ къ ней большое сочувствіе и наполнилъ переводами изъ нея „Дѣтское чтеніе", когда принялъ на себя его редакцію, вмѣстѣ съ Петровымъ. Сочувствіе это объяснялось прежде всего сходствомъ направленія: Жанлисъ также признавала чувствительность необходимымъ качествомъ писателя; въ глазахъ ея, также какъ и Карамзина, дурной человѣкъ и хорошій авторъ были понятія несовмѣстимыя, хотя біографія Жанлисъ гораздо менѣе Карамзина оправдываетъ на самомъ дѣлѣ это достойное уваженія воззрѣніе. Изъ сочиненій Жанлисъ переведены: „Гроза или палата и хижина", „Исторія эмигранта", „Кладбище въ Цугѣ, горномъ кантонѣ Швейцаріи", „Любезный король", „Бѣлая магія или полезный шарлатанъ", „Отрывки изъ воспоминаній Фелиціи (Suvenirs de Felicie), „Меланхолія и воображеніе", отрывокъ—свиданіе съ Вольтеромъ и Жанъ-Жакомъ Руссо. Изъ другихъ писателей помѣщено: изъ Лафонтена повѣсти Гулькемъ и Галатея, помѣщенная во многихъ журналахъ и притомъ не въ дословномъ переводѣ, а въ видѣ извлеченій; отрывки изъ записокъ аббата Сулави (Memoires de Soulavie) о Людовикѣ XVI и Маріи Антуанетѣ; изъ Дежерандо, котораго Карамзинъ называетъ „первымъ нынѣшнимъ метафизикомъ въ Парижѣ", Свадебный контрактъ; изъ путешествія Оливье въ Турцію Пасванъ-оглу и о провинціальномъ тамъ управленіи; изъ Сентъ-Ламберта разсказъ „Кто щедрѣе"; коротенькій отрывокъ изъ путешествія аббата Бартелеми въ Италію; изъ нѣмецкаго философа Гарве „О напрасныхъ ожида-

ніяхъ; *изъ Шиллера—Игра судьбы;* изъ путешествія Денона въ Египетъ—Нынѣшніе арабскіе сказочники, поэты и мудрецы; изъ Гердера разговоръ О невидимо-видимомъ обществѣ, гдѣ развивается мысль о человѣчествѣ въ смыслѣ гуманизма и недостаткамъ государства, какъ осуществленія объединенной народности, противополагается „Общество всѣхъ мыслящихъ людей на земномъ шарѣ"; изъ Фьеве—Ревность; Сеньора—о привычкѣ; Коцебу—Воздушные шары; изъ Шатобріана—Лагарпъ и Фонтень; новыя мысли Жанъ-Жака Руссо (изъ франц. журнала); изъ путешествія Турнера—торжественное шествіе молодаго и стараго Тибетскаго Ламы; изъ путешествія русскаго капитана Биллинга—Якутская пѣсня; изъ Кондорсета—разговоръ Діогена съ Аристиппомъ о лести; девятая Демосѳенова Филиппика; изъ книги Біо—Опытъ общей исторіи наукъ во время революціи и проч. Карамзинъ между прочимъ говоритъ въ своемъ журналѣ довольно много о конституціи, что для того времени было рѣдкостью, такъ какъ переводъ Делольма „Конституція Англіи" (съ франц. Ив. Татищевъ) изданъ *по Высочайшему повелѣнію* только въ 1806 году; и поэтому Г. Галаховъ напрасно утверждаетъ, что Карамзинъ познакомился съ конституціей только изъ этого сочиненія. Въ „Вѣстникѣ Европы" помѣщенъ обзоръ „Новой французской конституціи", измѣненной Наполеономъ, изъ нѣмецкаго журнала, гдѣ излагаются и осуждаются всѣ нововведенія, клонившіяся къ приданію правительственной власти монархическаго значенія. Упоминая о конституціи Италіанской республики, Карамзинъ оговаривается: „съ нѣкотораго времени намъ извѣстно столько конституцій, что онѣ уже мало занимаютъ любопытство, но сія кажется, по обстоятельствамъ, надежною и достойна вниманія". Кромѣ того переведены статьи различнаго содержанія изъ иностранныхъ періодическихъ изданій, преимущественно изъ Архенгольцевой Минервы, Декады—парижскаго журнала; а затѣмъ изъ французской газеты, Моднаго Магазина, Сѣвернаго Зрителя, Лондонскаго Курьера, Философскаго магазина, Новой французской библіотеки, Европейскаго магазина (European Magazine), Утренней хроники (Morning Chronicle), изъ Американскаго журнала и др.

Что касается до критики, то ее почти исключалъ журналъ Карамзина. Карамзинъ прямо заявляетъ, что „онъ не считаетъ критику истинною потребностью нашей литературы, не говоря уже о непріятностяхъ имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей".

Карамзинъ, какъ видно, хорошо помнилъ разсказанное нами препирательство въ „Московскомъ журналѣ“ съ Туманскимъ, по поводу критики на его переводъ Палафата. Карамзинъ съ сомнѣніемъ спрашиваетъ: „Точно ли критика научаетъ писать, не гораздо ли сильнѣе дѣйствуютъ примѣры и не вездѣ ли талантъ предшествовалъ ученому, строгому суду? Пиши, кто умѣетъ писать хорошо: вотъ самая лучшая критика на дурныя книги. Глупая книга есть не сильное зло въ свѣтѣ. У насъ же такъ мало авторовъ, что не стóитъ труда и поучать ихъ. Но если выйдетъ нѣчто изрядное, то отчего не похвалить“. Въ Карамзинскомъ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщена довольно обширная и обстоятельная статья Карамзина „О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ“, похвальный отзывъ „О путешествіи въ Малоросію“ кн. Шаликова, приписываемый Жуковскому, Критическій разборъ русской грамматики Ледрю, изданной въ Парижѣ, Отзывъ о переводѣ путешествій Антенора по Греціи и Азіи (подписанъ Р.).

„Вѣстникъ Европы“, вышедши изъ рукъ Карамзина, сохранялъ данное имъ направленіе во все время своего существованія, несмотря на происшедшія во всѣхъ отношеніяхъ измѣненія въ окружающей средѣ; содержаніе его и значеніе вообще скорѣе упало со времени оставленіи его Карамзинымъ. Въ 1804 году „Вѣстникъ Европы“, по каталогу Смирдина, перешелъ къ Панкр. Сумарокову; Каченовскій принималъ въ немъ большое участіе, въ качествѣ сотрудника, можетъ быть и главнаго, но не издателя и редактора. Это доказывается характеромъ журнала, совершенно измѣнившимся, какъ скоро редакція перешла къ самому Каченовскому. Кромѣ Каченовскаго, сотрудникомъ „Вѣстника“ въ томъ году былъ П. И. Макаровъ, окончившій изданіе своего журнала „Московскій Меркурій“. Въ 1804 году „Вѣстникъ“ почти исключительно наполнялся переводами повѣстей Жанлисъ (7 повѣстей и разсказовъ, кромѣ мелкихъ статей), Дюкре Дюмениля (3 повѣсти) и Лафонтенъ (2 повѣсти). Число оригинальныхъ статей очень незначительно: Краткое начертаніе сибирской исторіи проф. Шлецера, рѣчь одного пансіонскаго воспитанника О томъ, что изученіе законовъ должно быть главнымъ предметомъ каждаго благовоспитаннаго гражданина; „Новое путешествіе въ Малороссію“, кн. Шаликова (начатое печатаніемъ въ „Московскомъ Меркуріи“), его же Воспоминаніе о П. Макаровѣ, по случаю его смерти; „Россіянинъ

въ Лондонѣ", письмо, также начатое въ „Меркуріи", гдѣ описываются между прочимъ всѣ виды развратныхъ женщинъ въ Лондонѣ. Вообще въ томъ году кн. Шаликовъ почти одинъ наполняетъ журналъ и стихами, и оригинальными статьями, и переводами; издатель, повидимому, не располагалъ большимъ запасомъ матеріала, такъ какъ онъ перепечаталъ, не указывая источника, изъ „Чтенія для вкуса и разума" приведенный нами анекдотъ о воспитаніи мальчика примѣромъ истязанія собаки.

Въ отношеніи ко внѣшней политикѣ сдѣлано измѣненіе и отдѣльныя выписки изъ разныхъ иностранныхъ газетъ замѣнены перечнями ежемѣсячныхъ извѣстій изъ главнѣйшихъ государствъ (Парижа, Лондона, Италіи и Германіи), гдѣ событія излагались вкратцѣ, на каждый случай отдѣльно, на основаніи иностранныхъ журналовъ, и притомъ только съ фактической стороны, не сопровождаясь никакими разсужденіями. Немногое остальное составляетъ переводный балластъ, заимствованный изъ иностранныхъ повременныхъ изданій и мелкихъ отрывковъ изъ разныхъ авторовъ (Лихтенберга, Лантье, Гердера, Шатобріана, Песталоцци, изъ Гершеля и Лавуазье по части астрономіи и химіи, изъ Tableaux historiques de l'orient par d'Ossont, аѳинскихъ писемъ, переведенныхъ и изданныхъ отдѣльно Каченовскимъ и пр.). Съ 1805 по 1808 годъ журналъ перешелъ къ Каченовскому. Въ началѣ 1805 года Каченовскій говорилъ: „Я трудился одинъ и,—по возложенной на себя обязанности,—буду трудиться до истеченія нынѣшняго года. Кромѣ пьесъ Рюрикъ о музеѣ г. Дубровскаго—о краснорѣчіи Бридена, письма о языкѣ древнихъ сарматъ, двухъ писемъ изъ Грузіи и статьи о благости владѣтелей,—все въ прозѣ писано мною. Пьесы политическія и извѣстія взяты изъ разныхъ журналовъ и газетъ; нѣкоторыя пьесы, относящіяся до наукъ и словесности, почерпнуты изъ тѣхъ же источниковъ: все прочее мною сочинено или переведено изъ тѣхъ же источниковъ. Постараюсь распространить планъ моего „Вѣстника" и отъ времени до времени помѣщать сочиненія и переводы, которые до сихъ поръ въ него не входили. Въ заключеніе, могу предварительно увѣрить всѣхъ благомыслящихъ, что никакая статья, оскорбляющая вкусъ, противная приличностямъ общежитія, возбуждающая омерзеніе,—словомъ, никакая статья, *похожая на критику или лучше на пасквиль*, помѣщенный въ одномъ изъ періодическихъ нашихъ сочиненій, въ ко-

торомъ безыменной авторъ изволитъ забавляться на счетъ писателей, украшающихъ Парнасъ Россійскій, и ставитъ ихъ наравнѣ съ безъименными пачкунами,—не обезобразитъ моего журнала. Участь такихъ людей самая жалкая" (1808 г., № 16, стр. 322—323).

Но такое отношеніе къ журнальной критикѣ вовсе не удовлетворяло современную публику, и одинъ изъ подписчиковъ писалъ издателю: „Скажите, гдѣ приносить жалобу на людей, которые, пользуясь любопытствомъ читающей публики, занимаютъ или хотятъ занимать ее книгами, служащими болѣе къ истребленію, нежели къ очищенію вкуса! Кажется, это принадлежитъ къ вѣдомству и журналистовъ; кажется, ихъ дѣло остерегать и авторовъ, и читателя" (1805 г., № 17, стр. 40).

Въ слѣдующемъ же году обстоятельства измѣнились и Каченовскій въ январской книжкѣ увѣдомляетъ, что онъ не можетъ печатать всего присылаемаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на успѣхъ журнала въ публикѣ, на „одобреніе начальства и благосклонность сускрибентовъ".

Въ политической части журнала Каченовскій былъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. Оно вообще не расположено было къ Наполеону: великій полководецъ утратилъ въ глазахъ общества значеніе укротителя революціонной гидры и возстановителя законнаго порядка; ничѣмъ не удовлетворяемое властолюбіе, игравшее судьбою народовъ и обращавшее войну въ единственнаго рѣшителя ихъ судьбы, все болѣе и болѣе снимали съ него ореолъ даже въ глазахъ самыхъ консервативныхъ „друзей порядка". Каченовскій тогда уже, въ своемъ нерасположеніи къ Наполеону, заходилъ довольно далеко по самой формѣ выраженія. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „Не трудно рѣшить, кто большій изъ двухъ героевъ, Наполеонъ или братъ Діаволъ, недавно схваченный и повѣшенный въ Неаполѣ, по приказанію брата Іосафа. Итальянскій разбойникъ, при счастливѣйшихъ обстоятельствахъ, могъ бы заслужить славу Ермака, избавивъ свое отечество отъ французскаго ига. Напротивъ того Наполеонъ ничѣмъ не загладитъ своихъ злодѣяній" (1807 г., № 1, стр. 79 и прим.). Къ переводу статьи „О политическомъ равновѣсіи" прибавлено слѣдующее примѣчаніе: „сія статья подаетъ случай дѣлать остроумныя сравненія и во многихъ чертахъ находить сходство между Аттиллою Гунновъ и Аттиллою Корсиканскимъ" (май 1807 г., № 10, стр. 156).

Внутренними дѣлами Каченовскій вовсе не занимался и вообще „Вѣстникъ Европы“ послѣ Карамзина совершенно отстранилъ отъ себя эту задачу, даже въ томъ хвалебномъ, оптимистическомъ тонѣ, въ которомъ, по обстоятельствамъ данной минуты, поставилъ ее Карамзинъ; изрѣдка лишь попадаются простыя указанія на дѣйствія правительства, не сопровождаемыя никакими разсужденіями. Только изданіе цензурнаго устава 1804 года и постановленіе объ евреяхъ составляютъ исключеніе и вызвали со стороны Каченовскаго безусловное одобреніе мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Каченовскій по убѣжденію сочувствуетъ цензурѣ. Въ своей статьѣ „О книжной цензурѣ въ Россіи“ Каченовскій говоритъ: „Вольтеръ хотѣлъ, чтобы дозволено было писать все безъ изъятія, утверждая, что благо и спокойствіе общества не зависятъ отъ напечатанной книги. Постыдный для общества примѣръ неистовыхъ революцій доказалъ неосновательность Вольтеровскаго мнѣнія: еслибы всѣ верховныя власти заблаговременно пеклись о доставленіи обществу книгъ, способствующихъ къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, еслибы они удаляли сочиненія, противныя сему намѣренію, то французы не посрамили бы своего имени предъ лицомъ свѣта и потомства, не обагрили бы рукъ своихъ кровью законнаго своего государя, не пресмыкались бы у ногъ хитраго чужестранца“. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что цензурный уставъ, привѣтствуемый Каченовскимъ, былъ самый либеральный изъ всѣхъ доселѣ изданныхъ: онъ запрещалъ лишь сочиненія прямо противныя вѣрѣ, святости власти, нравственности и личной чести и вмѣнялъ въ обязанность въ запрещеніи печатанія руководствоваться *благоразумнымъ снисхожденіемъ*, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя, по какимъ-либо мнимымъ причинамъ, кажутся подлежащими запрещенію“. Такимъ образомъ Каченовскій во всякомъ случаѣ имѣлъ въ виду либеральную цензуру и не былъ на сторонѣ стѣсняющихъ печать и вообще репрессивныхъ распоряженій“, отодвигающихъ общество „къ четырнадцатому столѣтію“.

Въ литературномъ отношеніи характеръ оригинальности имѣетъ только стихотворный отдѣлъ. Стихотворенія въ „Вѣстникѣ“ помѣщали: Державинъ и Дмитріевъ (въ 1805 и 1806 годахъ), Мерзляковъ, В. Пушкинъ, Херасковъ, Воейковъ, Жуковскій (въ 1806 г. одно и затѣмъ нѣсколько въ теченіе всего 1807 года), С. Глинка

(въ 1807 г.); въ томъ же году напечатано стихотвореніе Батюшкова „Срубленое дерево", подражаніе Меландецу, и начали помѣщаться стихотворенія Ф. Ф. Иванова (№ 1) и Грамматина. Того, что называется изящною прозою, въ „Вѣстникѣ Европы" въ эти года, за исключеніемъ ничтожнаго отрывка „Рюрикъ" (М-скій, изъ Владиміра), совсѣмъ нѣтъ. Изъ оригинальныхъ прозаическихъ статей ученаго содержанія болѣе другихъ замѣчательны статьи самого Каченовскаго: О причинахъ низложенія Никона, Московскаго патріарха; Историческое извѣстіе о евреяхъ и поселеніе ихъ въ Россіи; Историческіе отрывки, гдѣ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ сочиненія акад. Круга о россійскихъ монетахъ, и нѣсколько другихъ болѣе мелкихъ; Каченовскому же принадлежитъ статья объ „Исторіи риторики", отрывокъ изъ введенія, читаннаго въ университетѣ при началѣ преподаванія; такъ какъ съ этого года Каченовскій началъ свое университетское поприще чтеніемъ теоріи риторики. Изъ оригинальныхъ статей, принадлежащихъ другимъ лицамъ, болѣе другихъ останавливаютъ вниманіе: „Пышность двора царскаго въ XVII в." (подписано Д); письмо архимандрита Евгенія Булгара къ архимандриту Сестренцевичу о томъ, что древніе сарматы говорили языкомъ славянскимъ; смѣлая догадка (подписана Θ.), гдѣ доказывается, что Владиміръ принялъ христіанскую вѣру по совѣту Анны, монахини греческаго монастыря, наложницы его отца, брата и его самого; Анна сочинила драму въ пяти дѣйствіяхъ, гдѣ являются послы съ предложеніемъ различныхъ вѣроисповѣданій, и эту драму Несторъ принялъ за дѣйствительность. Кромѣ того помѣщены: „Историческое извѣстіе о большомъ алмазѣ, находящемся въ Россійско-Императорскомъ скипетрѣ", статья Палласа; Грузія подъ скипетромъ Александра I; Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества, отъ временъ Рюрика до Петра Великаго; Замѣчаніе о Таганрогскомъ портѣ; Письмо путешествующаго нѣмца изъ Твери, гдѣ помѣщена исторія Отроча монастыря, находящагося при устьѣ рѣки Тверцы; Отрывокъ изъ журнала одного путешественника, ѣдущаго изъ Лифляндіи въ Италію, гдѣ описывается посѣщеніе Ревеля императоромъ Александромъ, статья Коцебу; О мозаикѣ, гдѣ между прочимъ изложена исторія ея происхожденія и введенія въ Россію; Мысли о Россіи или нѣкоторыя замѣчанія о гражданскомъ и нравственномъ состояніи русскихъ до царство-

ванія Петра Великаго, первоначально написана по-французски однимъ русскимъ; Сокращенное извлеченіе изъ любопытныхъ записокъ о происшествіяхъ въ Персіи и Грузіи, случившихся въ исходѣ минувшаго столѣтія; О трагедіи славяно-сербской, написанной въ 1773 г. Мануиломъ Козачинскимъ, ректоромъ и учителемъ риторики въ Карловицкихъ школахъ Австрійской Сербіи, содержащей въ себѣ повѣсть о смерти послѣдняго царя сербскаго Уроша V и о паденіи Сербіи; Плаваніе нашей эскадры къ гор. Анапѣ, взятіе оной и обратное въ Севастополь прибытіе; Объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ; Обширность государства Россійскаго при самомъ его началѣ, заимствовано изъ Шлецерова Нестора; Извѣстіе о россійскихъ путяхъ; Постриги, гдѣ излагается обычай постригать княжескихъ дѣтей при вступленіи ихъ въ отроческій возрастъ; Перунъ, историческое изслѣдованіе П. Калайдовича; Краткіе некрологи архіепископа Евгенія Булгара, актрисы Плавильщиковой и попечителя Муравьева. Въ статьѣ „Добрый помѣщикъ" между прочимъ изложенъ слѣдующій взглядъ: „Въ обогащеніи крестьянъ должно знать мѣру; излишнее богатство неприлично ихъ состоянію, и помѣщикъ худо дѣлаетъ, ежели самъ разоряется, желая имъ доставить ненужное изобиліе. Но не должно разорять крестьянина, когда онъ трудами своими наживетъ болѣе, нежели сколько имѣть ему нужно. Кто виноватъ, что крестьяне грубы, нечувствительны, упрямы, недоброхотны? Злые помѣщики. Природа надѣлила душевными качествами, не разбирая состояній: я зналъ господъ съ рабскими душами; зналъ и земледѣльцевъ, которымъ бы пристало титло сіятельства и превосходительства. Жестокіе поступки дѣлаютъ людей грубыми, нечувствительными и упорными. Кто можетъ любить своего мучителя? Пускай себя самихъ, а не крестьянъ обвиняютъ тѣ, которые видятъ въ нихъ низкіе пороки" (1807 г., октябрь, № 20, стр. 286—287). Самый цѣнный вкладъ этого періода составляетъ продолженіе обнародованія извѣстныхъ „Писемъ изъ Франціи" къ одному вельможѣ (гр. Н. И. Панину) въ Москву Д. И. Фонъ-Визина.

Каченовскій возстановилъ библіографическій отдѣлъ и отчеты о театрѣ, помѣщавшіеся въ „Московскомъ журналѣ" Карамзина. Въ этомъ періодѣ помѣщены отчасти разборы, отчасти простое библіографическое указаніе слѣдующихъ книгъ: „Журналъ путешествія г. Лубяновскаго по Саксоніи, Австріи и Италіи", „Опыты

лирическіе" и другія сочиненія въ стихахъ А. Востокова 1805; „Путешествіе въ полуденную Россію" Вл. Измайлова, изд. 3. М. 1805; „Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ" Евст. Станевича Спб. 1805; „Богомолка" пов. г-жи Жанлисъ, пер. съ франц. М. 1806; „Утренняя заря". Труды воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, кн. III. М. 1805; „Сочиненіе и переводы" И. П. Дмитріева. М. 1805; „Донъ Кихотъ Ламанчскій" соч. Сервантеса, съ франц. Флоріанова, перевелъ Вас. Жуковскій; „Заговоръ Катилины противъ республики Римской, описанный Саллюстіемъ, съ франц. Бильнонова перевода М. 1807; „Посланія къ Привѣтѣ или воспоминанія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени", въ стихахъ, соч. Ал. Палицына, Харьковъ 1807; „Историческое описаніе мастерской и оружейной палаты" А. Ф. Малиновскаго; „Замѣчанія на трагедію Ермакъ", Плавильщикова; „Отчеты о спектаклѣ на Петровскомъ театрѣ", подписанныя С. Н., помѣщены въ 1805 году (7, 21, № 11); а затѣмъ, по вызову Д. Н—ъ (впослѣдствіи эта анаграмма обратилась въ Д. Ив—нъ, вторично Д. Иванова), начались съ октября 1806 г. отчеты о Московскомъ театрѣ, гдѣ излагается содержаніе піэсъ и самыя краткіе отзывы объ игрѣ актеровъ. Въ переводномъ отдѣлѣ преобладаетъ неизбѣжная Жанлисъ. Этому впрочемъ нечего удивляться: въ то время во Франціи о сочиненіяхъ г-жи Жанлисъ объявляли въ вѣдомостяхъ мѣсяца за три до напечатанія и въ одинъ день раскупалось цѣлое изданіе, а въ Германіи немедленно появлялись переводы. Интересно, что въ то же время помѣщена довольно рѣзкая критика на Жанлисъ, заимствованная изъ французскихъ журналовъ „Mercure Francais и Revue". За Жанлисъ слѣдуютъ: Коцебу (повѣсть „Двѣ сестры", драма „Береговое право", переведена Каченовскимъ, и нѣсколько мелкихъ статей); Лафонтенъ (три повѣсти); Мармонтель (изъ позднѣйшихъ его сочиненій); Попе („Мысли"); Бартелеми („Изъ путешествія Анахарзиса"); Энгель („Отрывки изъ свѣтскаго философа"); Эджевортъ (повѣсть); Ричардсонъ (повѣсть); отрывки изъ Шатобріана и Энгельмана; о новой методѣ воспитанія, изобрѣтенной Пестолоцціемъ Швейцарскимъ педагогомъ; изъ Римскихъ писемъ, Авг. Роде—о римскихъ женщинахъ; историческія извѣстія о нынѣшнемъ состояніи торговли и мореплаванія по Черному морю; отрывки изъ путешествія Оливье въ Турцію, Ачерби на сѣверъ Европы и Дж. Баррова въ Китай,

продолженіе которыхъ встрѣчается и въ слѣдующихъ томахъ „Вѣстника Европы"; два слова Демосѳена противъ Филиппа; два отрывка изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго, переведенные изъ Traité des études Роллена; письмо отъ Сервія Сульпиція къ Цицерону въ утѣшеніе о потерѣ имъ дочери. Кромѣ того, Каченовскій обратилъ первый вниманіе на польскую литературу. Въ „Вѣстникѣ Европы" напечатано „письмо Н. Ш. къ издателю", можетъ быть сочиненное въ самой редакціи; здѣсь приведенъ фактъ, что Дмоховскій, въ рѣчи, произнесенной въ публичномъ засѣданіи Варшавскаго общества любителей наукъ 12 декабря 1801 года, на упрекъ, почему поляки не изучаютъ русской литературы, отвѣчалъ, что русскіе не занимаются тоже польскою, хотя еще въ XIV вѣкѣ ученые окружали престолъ Сигизмунда Августа, такъ что „Польша уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ не завидуетъ древней Греціи и Риму". Авторъ письма даетъ издателю совѣтъ: „помѣщайте въ вашемъ Вѣстникѣ сочиненія польскія въ переводѣ, достойныя быть извѣстными русской публикѣ". Въ „Вѣстникѣ" за это время помѣщены переводы съ польскаго: изъ „Виленскаго Дневника" система доктора Галля; Ан. Снядецкаго: рецензія новаго словаря натуральной исторіи, вышедшаго въ Парижѣ въ 1804 году; изъ путешествій Бергмана; о поминкахъ; первое путешествіе Россіянъ около свѣта (Крузенштерна); о древнихъ дорогахъ изъ сочиненій Красицкаго; о храненіи тайны; о романахъ; нѣчто для военныхъ. Кромѣ того помѣщена переведенная съ нѣмецкаго статья „О началѣ и злоупотребленіяхъ польскаго Уложенія", гдѣ доказывается, что одною изъ главныхъ причинъ упадка Польши было учрежденіе сеймовъ. Занятія риторикою и эстетикою Каченовскаго отразились и на характерѣ переводнаго отдѣла въ журналѣ за время его редакторства. Такъ онъ помѣстилъ, переведенныя изъ иностранныхъ журналовъ, краткія характеристики писателей: Вейссе, Лафонтена, Локка, Петрарки, Шиллера, г-жи Дезульеръ, Арно, Попе, Тита Ливія и Тацита; и извѣстныхъ живописцевъ: Вернета, Ванъ-Дика, Теньера, Сальватора Розы, Юлія Романа, Альбани, Павла Веронеза, Клода де-Лоррена, Доминикина, Тиціана, Леонарда Винчи, Ватто,—пользуясь относительно художниковъ статьями Телассона. Изъ „Ѳеоріи" Сульцера переведены отрывки „Что такое изящныя искусства", „Объ актерахъ", „Правила для трагедій"; съ французскаго двѣ довольно обширныя статьи „Взглядъ на исторію па-

стушеской поэзіи древнихъ и новѣйшихъ временъ". Помѣщены также краткія біографіи современниковъ Нельсона, В. Питта, Селима III, Али-Паши Эпирскаго и большая статья „О Паткулѣ", изъ сочиненія о немъ Лифляндскаго пастора Бергмана.

На 1808 и 1809 годы „Вѣстникъ Европы" перешелъ къ Жуковскому. Жуковскій началъ изданіе, помѣстивши длинное письмо, гдѣ онъ изложилъ свой взглядъ на журналистику. Письмо это очень интересно, какъ изображеніе мнѣнія распространеннаго тогда въ публикѣ и личнаго взгляда Жуковскаго. Господствующій въ его время вкусъ къ чтенію Жуковскій характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „О чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ?—о романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ и пр. и пр. Что покупаютъ посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ?—романы. Въ чемъ состоитъ достоинство столь прославляемыхъ романовъ?—всегда почти въ одномъ великолѣпномъ названіи, которымъ обманываютъ любопытство". Изложивши рядъ превосходныхъ мыслей о значеніи чтенія для мыслящаго человѣка, Жуковскій такимъ образомъ опредѣляетъ задачу современнаго ему журналиста: „Обязанность журналиста, подъ маскою занимательнаго и пріятнаго скрывать полезное и наставительное. Имѣя въ виду пользу, но угождая общему вкусу читателей, хотя не подчиняясь ему съ рабскою робостью, предлагаетъ онъ имъ хорошія мысли, чужія и свои, облеченныя разными видами, иногда разсуждая, какъ моралистъ или метафизикъ, о предметахъ важныхъ для человѣка; иногда разсказывая повѣсть, *въ которой идеальное нравилось бы сходствомъ своимъ съ существенностью*, которая доставляла бы любопытному удовольствіе сравнивать истину съ вымысломъ, самого себя съ романическимъ лицомъ, и, можетъ быть, объяснять многое въ собственномъ сердцѣ его казавшееся тайною; иногда занимая воображеніе созданіями поэзіи, прелестью стихотворной гармоніи одушевляя мысли и чувства. Политика въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ имѣть особой привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ: она питаетъ одно любопытство, и въ такомъ только отношеніи журналистъ описываетъ новѣйшіе и самые важные случаи міра. *Критика*—но, государи мои, какую пользу можетъ приносить въ Россіи критика? Что прикажете критиковать?—посредственные пе-

реводы посредственныхъ романовъ? Критика и роскошь—дочери богатства, а мы еще не Крезы въ литературѣ. Замѣтно ли у насъ сіе дѣятельное, повсемѣстное усиліе умовъ, желающихъ производить или пріобрѣтать, которое требовало бы вѣрнаго направленія, которое надлежало бы подчинить законамъ разборчивой критики? Уроки морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая ничто безъ образцовъ! А много ли имѣемъ образцовъ великихъ? Нѣтъ, государи мои, сначала дадимъ свободу раскрыться нашимъ геніямъ, а потомъ уже, указывая на красоты ихъ и недостатки, можемъ сказать читателю и автору: восхищайся, подражай, будь остороженъ! Въ этихъ трехъ словахъ заключена вся сущность критики,—однимъ словомъ, въ русскомъ журналѣ критика не можетъ занимать почетнаго мѣста".

Этому взгляду на критику въ то время не слѣдуетъ удивляться. Въ 1832 году И. В. Кирѣевскій въ „Европейцѣ" писалъ, между прочимъ, о критикѣ: „ни въ какой литературѣ правила вкуса не предшествовали образцамъ. Не чужіе уроки, но собственная жизнь должна научить насъ мыслить и судить. Покуда мы довольствуемся общими истинами, не примѣненными къ особенностямъ нашего просвѣщенія, не извлеченными изъ коренныхъ потребностей нашего быта, до тѣхъ поръ мы еще не имѣемъ своего мнѣнія, либо имѣемъ ошибочное; не цѣнимъ хорошаго приличнаго потому, что ищемъ невозможнаго совершеннаго, либо слишкомъ цѣнимъ недостаточное потому, что смотримъ на него издали общей мысли, и вообще мѣряемъ себя на чужой аршинъ и твердимъ чужія правила, не понимая ихъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній. Только тогда, когда новыя поколѣнія, воспитанныя на образцахъ отечественныхъ, получатъ самобытность вкуса и твердость мнѣнія, независимаго отъ чужеземныхъ вліяній, только тогда можетъ критика утвердиться на законахъ вѣрныхъ, строгихъ, общепринятыхъ, благодѣтельныхъ для послѣдователей и страшныхъ для нарушителей" („Евр." № 1, стр. 107 и 108). Поэтому Кирѣевскій признавалъ критику до того времени невѣрною и несостоятельною, а дурныя сочиненія и бездарныхъ писателей за неизбѣжныхъ воспитателей неопытныхъ читателей,—воспитателей, такъ же необходимыхъ для будущаго просвѣщенія, какъ необходимо удобреніе для будущаго урожая (стр. 106). Впрочемъ, подъ вліяніемъ запроса со стороны публики, а также успѣха и пользы критической дѣятельности Макарова, Жуковскій

измѣнилъ свое мнѣніе и, на другой годъ изданія журнала, призналъ, что „критика можетъ быть у насъ *приготовленіемъ къ хорошему*. Разбирая и, если угодно, осмѣивая безобразные переводы романовъ, которыми книгопродавцы, безъ всякой пощады насъ угощаютъ, она дѣлаетъ насъ по крайней мѣрѣ взыскательными, по крайней мѣрѣ научитъ называть дурное дурнымъ; а чтобы познакомить насъ съ истинно-прекраснымъ, пускай обращаетъ наше вниманіе на произведенія старыхъ или давно уже извѣстныхъ классическихъ писателей нашихъ". Жуковскій имѣлъ совершенно вѣрный взглядъ на значеніе журнала: „Существенная польза журнала состоитъ въ томъ, что онъ скорѣе всякой другой книги распространяетъ полезныя идеи, образуетъ разборчивость вкуса и, главное, приманкою новости, разнообразія, легкости, нечувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, усиливаетъ охоту читать и читать съ цѣлью, съ выборомъ, для пользы!" Но, несмотря на то, Жуковскій оказался плохимъ редакторомъ; уже со втораго года изданіе переходитъ въ ближайшее завѣдываніе Каченовскаго и наполняется его статьями, а съ декабря 1809 г. Каченовскій дѣлается настоящимъ редакторомъ и измѣняетъ самый наружный планъ изданія. Въ политикѣ Жуковскій оказался невозможнымъ и самъ понялъ это съ перваго же раза. Какъ интересный примѣръ его чувствительной мечтательности въ этой сферѣ, приводимъ его отзывъ о Наполеонѣ: „Скоро великая тайна его откроется міру, скоро узнаемъ, для чего искалъ онъ Генрихова престола! Если въ душѣ его существуетъ одна обыкновенная мысль, принадлежащая и Тамерланамъ и Аттиламъ: быть страшнымъ, чертами крови писать законы для царей и царствъ, *владычествовать* не заботясь о томъ, благоденствуютъ ли народы, или страждутъ,— тогда спокойствіе Европы есть мечта, всѣ сіи новые короли не иное что, какъ военачальники Наполеона и ихъ народы—игралище замысловъ честолюбивыхъ; науки, искусства, промышленность должны угаснуть, въ Европѣ возобновятся явленія IV и V вѣковъ, борьба немногихъ притѣснителей, вооруженныхъ жестокостью и силою, со множествомъ притѣсненныхъ, униженныхъ чувствомъ безсилія и неволи. Но если въ душѣ его пылаетъ великая восхитительная мысль, равняющая монарха съ божествомъ: быть *первымъ* въ благотвореніи міру, если онъ признаетъ себя посланникомъ Промысла, который вѣрилъ его духу судьбу человѣческаго рода и если онъ довольно

великъ, чтобы исполнить сію священную волю Провидѣнія и силу завоевателя оправдать добродѣтелями монарха,—тогда воскреснутъ погибшія права народовъ, увидимъ постоянный миръ, увядшіе нравы разцвѣтутъ и геній человѣка, едва не угасшій, воспламенится. Зрѣлище возвышающее душу! Наполеонъ и Александръ: одинъ на западѣ и югѣ, другой на сѣверѣ и востокѣ,—одинъ опершись на мечъ, другой на прародительскій престолъ,—простираютъ другъ другу руку, и милліоны благоденствуютъ подъ ихъ щитами!"

Понятно, что продолжать такимъ образомъ было нельзя, и Жуковскій привлекъ къ завѣдыванію политическимъ отдѣломъ проф. Шлецера. Шлецеръ ограничился помѣщеніемъ руководящей статьи „Взглядъ на прошедшее, настоящее и будущее". Вся эта статья направлена противъ преобладанія *одного* народа въ Европѣ, разумѣется французовъ и Наполеона, и сѣтованіями на нарушеніе прежняго status quo Германіи. Всю задачу будущаго Шлецеръ видитъ въ возвратѣ стараго порядка вещей; по его словамъ, Европа подъ тѣмъ только условіемъ достигнетъ древняго благоденствія, если *возвращено ей будетъ политическое равновѣсіе*, съ нимъ соединенное величіе, могущество, устройство, наука, искусство, все благодѣтельное, святое для человѣчества". Но участіе Шлецера, повидимому, не состоялось и политическій отдѣлъ перешелъ къ Каченовскому, который наполнялъ его или безцвѣтною передачею текущихъ извѣстій, или враждебными Наполеону выдержками изъ англійскихъ газетъ, съ добавленіемъ историко-статистическихъ статей о разныхъ государствахъ, преимущественно изъ Архенгольцевой Минервы. Съ сентября 1809 года политическій отдѣлъ В. Е. вовсе прекратился за этотъ годъ.

Самостоятельный чисто литературный отдѣлъ, конечно, ожилъ при Жуковскомъ. Въ стихотворномъ, кромѣ его самого, принималъ главное участіе Мерзляковъ, помѣщавшій свои переводы изъ древнихъ классиковъ и изъ Тасса, а также мелкія стихотворенія. Жуковскій, какъ видно, старался привлечь къ своему журналу всѣ наличныя поэтическія силы: кромѣ старыхъ поэтовъ,—Воейкова, В. Пушкина, Нелединскаго-Мелецкаго и менѣе извѣстныхъ Ф. Иванова, Кокошкина, П. Сумарокова, Остолопова, Палицына и др., на страницахъ журнала выступаютъ начинающіе его товарищи по университетскому пансіону—Грамматинъ, Милоновъ и даже еще не окончившій курса воспитанникъ Анд. Раевскій. Переводъ одной

оды Горація, подвергшійся строгому разбору Каченовскаго, прислалъ чрезъ проф. Буле Муравьевъ-Апостолъ. Въ прозаическомъ отдѣлѣ первое мѣсто занимаютъ статьи самого Жуковскаго: въ 1807 году „Три сестры“, „Видѣніе Миньоны“, „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“, „Писатель въ обществѣ“, повѣсть „Марьина роща“; критическія статьи: „Басни Ив. Крылова“, „О критикѣ“. Другія литературныя произведенія („Три пѣсни“, „Русская сказка“ и „Игра въ загадки“ Н. Н.) очень немногочисленны и совершенно безсодержательны. Исключеніе составляетъ статья „Путешествіе русскаго на Брокенъ, А. Т—ва (Тургенева). Интересны двѣ жалобы: молодой жены на стараго мужа и молодой невѣсты на стараго жениха, гдѣ очень ярко описывается безвыходное положеніе женщины при заключеніи брака, соединяющаго между собой два неподходящіе возраста. Интересна также статья подъ заглавіемъ „Печальное происшествіе, случившееся въ 1809 году“, гдѣ разсказывается, какъ одна крѣпостная дѣвушка, воспитанная по-барски и влюбленная въ молодаго человѣка изъ образованнаго общества, увезена помѣщикомъ, искательства котораго она отвергла, и чуть ли не продана ему, вслѣдствіе чего молодой человѣкъ сошелъ съ ума. Статья эта заключаетъ въ себѣ энергическій и краснорѣчивый протестъ противъ тѣхъ „великодушныхъ благодѣтелей“, которые, ради своего каприза, вырываютъ молодыхъ людей изъ своей среды, прививаютъ къ нимъ путемъ образованія совсѣмъ иныя потребности и привычку къ инымъ условіямъ жизни и потомъ бросаютъ на произволъ судьбы, не обезпечивши ихъ участи. Въ научномъ смыслѣ замѣчательны статьи Каченовскаго, который съ 1808 года, повидимому, началъ свои занятія по русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ печаталъ статьи по этому предмету въ „Вѣстникѣ Европы“, имѣющія нѣкоторое значеніе и теперь. Первыя статьи Каченовскаго еще принадлежатъ къ прежнему предмету его занятій: Французскіе проповѣдники, О состояніи словесности и науки у нынѣшнихъ грековъ, О Клопштокѣ, О чтеніи отечественныхъ писателей; послѣдующія статьи представляютъ до нѣкоторой степени историческій ходъ работъ его самого по русской исторіи: Историческія замѣчанія о древностяхъ Великаго Новгорода, извлеченіе изъ извѣстнаго сочиненія митрополита Евгенія: „Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода“ (1808); Объ источникахъ для русской исторіи; Парал-

дельныя мѣста въ русскихъ лѣтописяхъ; Краткая выписка о первобытныхъ народахъ въ Россіи обитавшихъ и о пришельцахъ, съ ними соединившихся, до составленія государства; Разборъ исторіи Петра Великаго, соч. Вольтера.

Во время редакторства Жуковскаго данъ большой просторъ печатанію матеріаловъ, относящихся до русской исторіи. Сюда относятся: Донесеніе кн. Ант. Кантеміра, бывшаго посломъ въ Лондонѣ при императрицѣ Аннѣ, при отъѣздѣ его оттуда въ Парижъ на такой же постъ въ 1738 году, о характерѣ короля Георга II и его министровъ; Отрывки изъ дневныхъ записокъ послѣдняго польскаго короля, Станислава-Августа Понятовскаго, во время пребыванія его въ Петербургѣ и Москвѣ, съ 2 марта 1797 года по 12 февраля 1798 г., изданы по нѣмецки Коцебу; О дѣтяхъ Антона Ульриха, письмо Горзенскаго проф. Олофа Ворма къ Жіорвелю, библіотекарю въ Штокгольмѣ; Выписка изъ рукописныхъ записокъ кн. Як. П. Шаховскаго, изданныхъ впослѣдствіи въ Москвѣ въ 1810 году; Письмо гр. Румянцева къ Екатеринѣ II въ отвѣтъ на предложеніе ея принять начальство надъ войскомъ, по смерти Потемкина.

По части критики въ „Вѣстникѣ" того времени помѣщены: мнѣніе безпристрастнаго о книгѣ Станевича „О способѣ разсматривать книги и судить о нихъ", Воейкова; разборъ книги „Новѣйшая всеобщая географія" изд. Ш. С.-Пб. 1800; разборъ книги „Анекдоты русскіе", С.-Пб. 1809 года; критическій разборъ сочиненія проф. Шлецера „Начало Россійскаго государства, представленное въ историческихъ картахъ, хронологическихъ и геологическихъ таблицахъ; разборъ соч. Арцыбашева „О первобытной Россіи и ея жителяхъ"; разборъ сочиненія „Училище бѣдныхъ" соч. г. де-Пренсъ де-Бомона, пер. съ франц. Наст. Плещеевой. Авторъ разбора (повидимому Жуковскій) предпосылаетъ вступленіе о необходимости распространенія образованія въ массѣ между низшими классами и говоритъ между прочимъ: „Просвѣщеніе, чтобы ни говорили о немъ суровые люди, которые судятъ о вещахъ по одному только ихъ злоупотребленію, необходимо для человѣка во всякомъ состояніи, и можетъ быть благодѣтельно въ самой хижинѣ земледѣльца". Раздѣляя общее мнѣніе, что образованіе низшихъ классовъ должно быть приноровлено къ ихъ потребностямъ и условіямъ жизни и изложивши программу такого образованія, авторъ

обращаетъ вниманіе на совершенный въ то время недостатокъ книгъ для народнаго чтенія; съ этой точки зрѣнія онъ приходитъ къ заключенію, что переведенное сочиненіе заключаетъ въ себѣ всѣ главныя правила практической морали, сдѣланныя искусствомъ автора привлекательными для такихъ людей, которые вообще или не любятъ читать, или читаютъ однѣ пустыя сказки.

Въ числѣ оригинальныхъ сочиненій помѣщено „Письмо къ издателямъ „Вѣстника Европы"—статья полезная для женатыхъ. Здѣсь въ шуточномъ тонѣ разсказывается, что все зло происходитъ отъ женщинъ, что міръ, населенный одними мущинами, былъ бы настоящимъ раемъ и что всѣ средства, употребляемыя мужьями для исправленія прекрасной половины человѣческаго рода, оказываются напрасными. Уѣздные мужья жалѣютъ, отъ чего они не женились на столичныхъ невѣстахъ, потому что уѣздныя барышни лишены всякаго свѣтскаго образованія, не умѣютъ занять гостей и не въ состояніи усладить жизнь супруга бесѣдою о предметахъ, входящихъ въ кругъ образованія. Столичные мужья, напротивъ, жалуются, зачѣмъ они не женились на уѣздныхъ невѣстахъ, чтобы раздѣлять съ ними простую и мирную жизнь, потому что свѣтское образованіе столичныхъ невѣстъ ведетъ только къ болтовнѣ по-французски, страсти къ наряду и путешествію по магазинамъ, а образованіе ограничивается кое-какими новостями, услышанными отъ француженки магазинщицы или отъ парикмахера. На этомъ основаніи авторъ предлагаетъ для общаго удовольствія мужей обмѣнъ уѣздныхъ женъ на столичныхъ и обратно.

Переводная часть во время редакторства Жуковскаго въ 1809 году не играла большаго значенія, такъ какъ перевѣсъ находился на сторонѣ оригинальныхъ статей, чему, какъ мы видѣли, не мало способствовалъ самъ Жуковскій. Почему-то, въ переводахъ Жуковскій остановился въ особенности на сочиненіяхъ принца де-Линя: Письма его къ императрицѣ Екатеринѣ и графу Сегюру, Свиданіе съ Ж. Ж. Руссо и Вольтеромъ, Отрывокъ „счастливѣйшее состояніе" и повѣсть Эсонелла. Другіе авторы и сочиненія, изъ которыхъ помѣщены отрывки, были: Шамфоръ, Лагарпъ (Фенелонъ); Энгель (изъ „Зерцала государей", о дружбѣ государей); Эро Сешель (о характерѣ); Маллетъ (три философа); Вольтеръ (авторъ или творецъ); Шатобріанъ (Сенъ-Денисъ); миссъ Эджевортъ (отрывокъ изъ письма въ Ирландію); повѣсть „Бади или откровенность и бла-

горазуміе“, съ итальянскаго; небольшія повѣсти: „Амеданъ и Зенла“, „Первое движеніе“, „Истинное происшествіе“, „Теана и Ельфрида“, „Кабудъ путешественникъ“, „Мальремъ“, „Отставленные министры и нищій съ деревянною ногой“, переведенныя съ французскаго; Лихтенберъ (объясненіе Гогартовыхъ каррикатуръ, съ гравюрами); Юмъ (отрывокъ „спорная статья въ супружествѣ); Буфлеръ (два разсказа и статья „о веселости“); г-жа Роланъ (разговоръ ума съ сердцемъ); изъ путешествія Дж. Карра въ Голландію въ 1806 году; изъ путешествія Гумбольдта и Бонплана (о новой Испаніи); изъ Гафнерова путешествія по берегамъ Ориксы въ Короманделѣ; изъ Morgenblatt, разсказъ „Газетное объявленіе“; изъ путешествія въ Турцію, Египетъ, и Персію Оливье.

Съ 1810 года В. Е. перешелъ къ Каченовскому, издававшему его первый годъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, а потомъ въ единственномъ лицѣ. Въ декабрьской книжкѣ 1809 г. программа В. Е. измѣнилась и оставалась такою до самаго окончанія. Программа эта, послужившая образцомъ для всей послѣдующей журналистики, заключала въ себѣ слѣдующія отдѣленія: I словесность, стихи и прозу; II наука и искусство; отрывки изъ путешествій; разсужденія о предметахъ философическихъ, о предметахъ принадлежащихъ къ изящнымъ искусствамъ и вообще къ наукамъ; III критика: разборъ книгъ россійскихъ и иностранныхъ; критическія разсужденія; IV смѣсь; V обозрѣніе происшествій. Присоединеніе новой рубрики, подъ названіемъ „науки и искусство“, дало возможность Каченовскому раздвинуть предѣлы своего журнала и увеличить число оригинальныхъ статей привлеченіемъ многихъ профессоровъ. Такъ въ журналѣ за это время встрѣчались статьи Мерзлякова, подписанныя буквою М.: Цицероново сочиненіе о должностяхъ; О свойствахъ греческихъ историковъ; О лирическомъ стихотворствѣ; О надутости въ слогѣ; О талантахъ стихотворца; О геніи; Объ изученіи пѣнія; О высокомъ и прекрасномъ. Буква Т. означаетъ, по всей вѣроятности Тимковскаго, который въ 1809 году вернулся изъ-за границы, въ октябрѣ 1810 года началъ въ университетѣ преподаваніе древностей и римской словесности. Т. принадлежатъ статьи: Стихотворенія эрскія или ирландскія, Балетъ и нѣкоторыя другія, въ томъ числѣ разборъ книгъ, помѣщавшихся въ В. Е. Буквой С. подписывался, по всей вѣроятности, Снегиревъ, произведенный въ 1810 г. въ кандидаты; ему принадлежитъ статья Объ

изобрѣтенія живописнаго и ваятельнаго художествъ и нѣсколько мелкихъ, въ томъ числѣ переводныхъ, подписанныхъ полнымъ именемъ Ив. Снегиревъ. Проф. Болдыревъ, возвратившійся изъ-за границы въ 1811 году, помѣстилъ въ В. Е. переводы съ арабскаго мелкихъ разсказовъ и нравоученій. Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщали свои стихотворенія Державинъ (1812, „Слава“ г. 65, № 18). Жуковскій, Мерзляковъ, Гнѣдичъ, Воейковъ „Сады“, поэма Делиля, М. Н. Муравьевъ (1810 г.), В. Л. Пушкинъ, К. И. Долгоруковъ, Вл. Измайловъ, Козловъ, VII, VIII и IX „Пѣсня Иліады“ пер. Кострова (дополненіе къ прежде изданному отдѣльно переводу первыхъ шести пѣсенъ), гр. Хвостовъ, Нелединскій-Мелецкій, Ѳ. Кокошкинъ, отрывокъ изъ комедіи „Мизантропъ“, Ф. Ф. Ивановъ, кн. Вяземскій (1812 г. „Путь къ честности“), Катенинъ (отрывокъ перевода изъ „Есфири“), гр. Голенищевъ-Кутузовъ, Да-овъ, (Д. Давыдовъ?), Вышеславцевъ, А. Писаревъ и нѣкоторые другіе. Кромѣ того въ стихотворномъ отдѣлѣ принимали участіе воспитанники благороднаго пансіона: Милоновъ, Грамматинъ, Саларевъ, Арк. Родзянко. Прозаическій отдѣлъ словесности очень небогатъ и не представляетъ ничего замѣчательнаго. Въ этомъ періодѣ (1810—1812 г. включительно) помѣщены въ В. Е. „Оскольдъ“, повѣсть почерпнутая изъ отрывковъ готфскихъ скальдовъ, М. Н. Муравьева, „Картина Финляндіи“ Батюшкова; Историческое и философическое разсужденіе о блокадѣ; шуточное произведеніе А. Нахимова: Похвальное слово сну; Наблюденія русскаго въ Америкѣ, Павла Свиньина; О женщинахъ, первые опыты въ прозѣ Пучковой; Достопамятный сонъ и характеръ Эмиліи, присланныя изъ Ярославля. Въ числѣ оригинальныхъ статей интересно письмо къ издателю Ивана Бахтина. Въ „Вѣстникѣ Европы“ было напечатано, что харьковское дворянство играло, въ пользу путешественника Алферова, драму, сочиненную харьковскимъ гражданскимъ губернаторомъ Бахтинымъ. Бахтинъ объясняетъ, что драма дѣйствительно сочинена имъ, но 18 лѣтъ тому назадъ, и заявляетъ большое неудовольствіе, что издатель В. Е. назвалъ его, въ одно и то же время, и губернаторомъ и авторомъ. Кромѣ того, за это время въ В. Е. помѣщены слѣдующія начальныя произведенія впослѣдствіи извѣстныхъ писателей: О безпечности, Л-жъ (Лажечникова); Нужны ли женщинамъ науки и понятія? К-а П-а (Каролина Павлова). За то несравненно богаче научный отдѣлъ стать-

ями оригинальными и для своего времени замѣчательными; именно этимъ отдѣломъ В. Е. пріобрѣлъ то первенствующее значеніе въ обществѣ, которое онъ безспорно сохранялъ за собою до 1812 г. На страницахъ его появлялись ученые вопросы, которые возбуждали полемику между тогдашними представителями науки. Первымъ по времени возникновенія вопросомъ былъ извѣстный вопросъ *о банномъ* строеніи. Подъ этимъ заглавіемъ въ Петербургѣ напечатана брошюра въ 1809 году, объясняющая слѣдующее обстоятельство: епископъ Ефремъ, украшая Переяславль „церковными и прочіи зданіи,—по словамъ Нестора (Кенигсбергск. списк.),—заложи церковь на воротѣхъ Св. Θеодора, и Св. Андрея у воротъ, городъ каменный и *строеніе банное каменно*, сего же не бысть прежде въ Руси“. Прежніе историки: Татищевъ, Щербатовъ, Стриттеръ, авторъ „Краткой россійской церковной исторіи“, митрополитъ Платонъ понимали подъ словомъ банное строеніе бани и больницы, Болтинъ — купель для крещенія возрастныхъ. Авторъ брошюры, отправляясь отъ факта, что народъ въ Малороссіи употребляетъ это слово въ смыслѣ церковной главы или купола, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) епископъ Ефремъ построилъ каменную стѣну монастырскую, а не городъ, потому что строеніе городовъ не относилось къ обязанности архіереевъ; 2) епископъ Ефремъ построилъ куполы на церквахъ, а не бани, потому что святителю неприлично было строить общенародныя бани; 3) церквей съ куполами до того времени нигдѣ не было; 4) народныя бани, больницы и врачи прибавлены къ Несторову сказанію позднѣйшими историками, начиная съ Татищева. Возраженія Каченовскаго заключаются въ слѣдующемъ: 1) Нѣтъ никакого основанія выраженіе „городъ“ относить исключительно къ церковной оградѣ. 2) Слово баня въ смыслѣ куполъ употребляется только въ народномъ языкѣ, а не въ лѣтописномъ, гдѣ куполы называются *верхомъ*. На основаніи показаній Устава о церковныхъ судахъ Св. Владиміра и Степенной Книги, относящихъ къ вѣдомству церковному врачей, больницы и бани, подъ баннымъ строеніемъ слѣдуетъ понимать именно бани, но не общенародныя, а бани какъ врачебное средство и для омовенія странниковъ и нищихъ; впрочемъ въ первой статьѣ Каченовскій не высказывается такъ рѣшительно и готовъ согласиться съ Болтинымъ. 3) Церкви съ куполами, построенныя по византійскому образцу, извѣстны были въ Россіи до

епископа Ефрема. Поэтому сказаніе Нестора дошло въ настоящемъ видѣ и не искажено позднѣйшими прибавками. Полемика по этому вопросу продолжалась долго (въ 1810—1812 г.). По замѣчаніямъ С. М. Соловьева, правда оказалась на сторонѣ Каченовскаго, окончательно остановившись на баняхъ для монаховъ, богомольцевъ и нищей братіи.

Другой вопросъ возникъ по поводу двухъ новгородскихъ грамотъ, сообщенныхъ проф. Шлецеромъ и найденныхъ въ библіотекѣ его отца. Шлецеръ отнесъ эти грамоты, касающіяся сношеній между Новгородомъ и Ганзою, первую къ 1294 — 1304 въ княженіе Андрея Александровича, а вторую къ 1360 — 1387 г., когда въ Новгородѣ былъ архіепископъ Алексѣй. Первую грамоту Шлецеръ признаетъ пропускною для посольства, отправленнаго Ганзою въ Новгородъ, а вторую—договорною, по случаю морскихъ разбоевъ, производимыхъ жителями Любека и Висби (Готланда) во вредъ Новгородской области. По поводу этихъ грамотъ возникла въ „Вѣстникѣ Европы“ полемика между Шлецеромъ и К. Калайдовичемъ, касающаяся разъясненія частныхъ вопросовъ, такъ какъ сущности объясненія Шлецера Калайдовичъ не опровергаетъ. Въ полемикѣ этой принялъ участіе,—впрочемъ, самое незначительное—Евгеній епископъ Вологодскій.

Третій вопросъ возникъ о древней россійской монетѣ, описанной Успенскимъ и отнесенной имъ ко времени Владиміра Святаго; на это возражалъ подписавшійся „вичъ“ и называющій эту монету генуэзскою. Брусиловъ въ своей статьѣ о той же монетѣ только высказалъ свое сомнѣніе, но не далъ никакого опредѣленнаго заключенія.

Самъ Каченовскій помѣстилъ по русской исторіи: Несторъ русской лѣтописецъ на древнеславянскомъ языкѣ и О судебныхъ поединкахъ; вообще историческихъ статей въ этихъ годахъ меньше, такъ какъ Каченовскій читалъ съ 1808 — 1810 года русскую исторію, а съ 1811 года перешелъ на каѳедру изящныхъ искусствъ и археологіи. По этому предмету онъ помѣстилъ: Взглядъ на успѣхи россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія (изъ унив. лекцій 1807—1808 года); Сокращенное начертаніе риторики; Объ учености Вольтера, гдѣ доказывается что Вольтеръ не зналъ восточныхъ языковъ и греческаго; Разборъ новыхъ басенъ Крылова; Разборъ похвальнаго слова Петру Великому гат-

чинскаго купца Гр. Зубчанинова (С.Пб. 1811 г.). За то въ отдѣлѣ русской исторіи появился новый сотрудникъ—Брусиловъ, которому принадлежатъ статьи: „Историческое разсужденіе о началѣ Русскаго государства", „Историческое изслѣдованіе о времени рожденія в. кн. Святослава", „О Несторѣ и продолжателяхъ его лѣтописи", „Замѣчанія о двухъ маловажныхъ историческихъ ошибкахъ относительно дружины Свѣнельда и похода Владиміра на полоцкаго князя Рогвольда". Кромѣ того, помѣщены: „Славянская старина", „О бытѣ древнихъ славянъ", „О почтеніи русскихъ къ бородѣ и волосамъ", К. Калайдовича; „Суворовъ и Тугутъ", ст. Е. Фукса; „Извлеченія изъ записокъ Манштейна о Россіи", изданныхъ Матушкинымъ (М. 1810 г.); „Извлеченія изъ записокъ Порошина о дѣтствѣ императора Павла", „Письмо кн. Ант. Кантеміра объ истинномъ счастіи", рѣчь В. Н. Каразина въ Харьковскомъ собраніи филотехническаго общества; „О пользѣ просвѣщенія въ домоводствѣ"; „Краткій некрологъ профессора греческой словесности въ Московскомъ университетѣ Маттеи", соч. гр. С. С. Уварова; „Надгробное слово гр. А. С. Строганову, произнесенное архим. Филаретомъ"; „Отрывки изъ опыта повѣствованія о древностяхъ россійскихъ", соч. Успенскаго; письмо Башилова къ Шлецеру на латинскомъ языкѣ относительно изданія Судебника; переводъ рѣчи на актѣ харьковскаго профессора Паки де Савиньи Объ усовершенствованіи, пріобрѣтаемомъ чрезъ упражненіе въ наукахъ молодыми людьми. Кромѣ того, оригинальная статья В. Измайлова о полахъ растеній.

Въ 1810 г. помѣщена довольно полная библіографія, ([51]), но она не продолжалась въ этомъ видѣ въ слѣдующіе годы. Изъ болѣе обширныхъ этюдовъ по части критики, кромѣ вышепоименованныхъ, принадлежавшихъ Каченовскому, замѣчательные критическіе опыты Жуковскаго: О поэзіи древнихъ и новыхъ; Разборъ Электры, трагедіи Грузинцова; Критическій разборъ Кантемировыхъ сатиръ, съ предварительнымъ разсужденіемъ о сатирѣ вообще; Разборъ перевода трагедіи Кребильона „Радамистъ и Зенобія". Затѣмъ слѣдуютъ статьи: О новомъ изданіи Езоповыхъ басенъ Н. О. П.; Разборъ оды Богъ, Бередникова; Разборъ рѣчи митрополита Платона при коронованіи императора Александра, В. Ламанскаго; Разборъ Петріады, поэмы эпической, соч. А. Грузинцева (С.-Пб. 1812 г.). Но, несмотря на относительно большое количество оригинальныхъ статей, переводы

все-таки занимали преобладающее мѣсто въ журналѣ. Каченовскій уже въ послѣдній годъ разсматриваемаго періода говоритъ: „Самое названіе „Вѣстника Европы“ даетъ право читателю искать въ немъ болѣе переводимыхъ съ иностранныхъ языковъ, нежели русскихъ сочиненій („Вѣстникъ Европы“ № 6, мартъ, 1812 г. стр. 139). Въ переводной литературной части въ 1810 и 1811 годахъ помѣщено много переводовъ Жуковскаго, каковы: Лютня, „Цвѣты и сонъ“, сказка, съ французскаго; Эдуардъ Жаксонъ, Милли и Ж. Ж. Руссо, разсказъ Меркеля, издателя рижской Zeitung für Litteratur und Kunst; Улей—Энгеля; Мурадъ несчастный, Миссъ Эджевортъ; Привидѣніе, истинное происшествіе, случившееся въ Богеміи; Дорсанъ и Люція, повѣсть г-жи Жанлисъ; Горный духъ Уръ въ Гельвеціи; Старый башмачникъ бѣдной хижины и восемь луидоровъ, съ франц.; Романическій любовникъ, или веселость и старость, съ франц.; Взыскательность молодой женщины; Образъ жизни и нравы рыцарей съ франц.; Анекдоты изъ жизни Іосифа Гайдена, съ франц.; Тимей ваятель, съ франц.; изъ путешествій Шатобріана въ Грецію и Палестину (Voyage en Orient); Алистанъ и Мелединъ, или испытаніе опытности, пер. съ франц.; Необходимое и излишнее и Осада Амазіи, изъ Сарразена, пер. съ франц.; Письма І. Миллера, историка Швейцаріи, къ Карлу Бонстетену, другу его. Батюшковъ помѣстилъ въ 1811 году переводъ повѣсти Парни „Левкадъ“.

Другіе писатели, изъ которыхъ позаимствованы отрывки: Шатобріанъ (Велледа или христіанка и цыганка въ III столѣтіи, отрывки изъ путешествія его на востокѣ); Энгель (изъ свѣтскаго философа и др. мелкихъ сочиненій); отрывки изъ поученій Мозгейма и Іерузалема; рѣчь Канулея, Римскаго трибуна, о правахъ плебеевъ, изъ Тита Ливія; изъ Саллюстія рѣчь Марія, когда онъ получилъ войско противъ Югурты; г-жи Монтолье (возвращеніе на родину Морица) и нѣкоторые другіе. Въ отдѣлѣ наукъ изъ переводовъ преимущественно замѣчательны: нѣсколько отрывковъ изъ Исторіи упадка и паденія западной Римской имперіи Гиббона, такъ что читатели въ теченіе трехъ лѣтъ могли обстоятельно познакомиться съ этимъ важнымъ сочиненіемъ; начало греческой исторіи Джилиса; довольно обширная статья о Вегабитахъ, о которыхъ говорилось и въ предъидущихъ годахъ; О методѣ Песталоцція; отрывокъ изъ Путешествій въ Швейцарію въ 1803 году

Гормеца, которому датское правительство поручало осмотрѣть школу Песталоцци въ Бургдорфѣ, для основанія подобной въ Даніи; Мысли о заведеніи азіатской академіи въ Россіи, переводъ съ французскаго (projet d' une acad. Asiat à Petersbourg); объ Іуліанѣ отступникѣ, разсужденіе Винерса (на латинскомъ языкѣ), излагавшее современный взглядъ на Іуліана, какъ на борца, воспитаннаго языческою философіей и отстаивавшаго язычество противъ распространенія христіанства, во имя принципа античнаго міра; О древности письменъ у грековъ и О достовѣрности Гомеровыхъ твореній изъ Etude de l'histoire ancienne et celle de la Grece, Левека; затѣмъ, по части теоріи словесности, литературы, исторіи и путешествій помѣщены: a) переводы Жуковскаго: О переводахъ вообще и въ особенности о переводахъ стиховъ, съ франц.; О слогѣ простомъ и слогѣ украшенномъ, пер. съ англійскаго; разсужденіе „О трагедіи" и „О краснорѣчіи", оба перевода изъ Д. Юма Essays and treatises; b) переводы, сдѣланные другими лицами: О достоинствѣ древнихъ и новыхъ писателей, съ англійскаго; Объ итальянской комедіи въ XVI вѣкѣ и о Каландріи, соч. кардин. Бибіенны, изъ Hist. litteraire d'Italie, соч. г. Женсенъ; О вѣкѣ золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ, пер. съ франц.; О вліяніи пола; Сатира изъ „Ѳеоріи изящныхъ наукъ и искусствъ" Зульцера; Размышленія объ одѣ Лебрена, переводъ Грамматина; изъ Беля, отрывки изъ предисловія его къ словарю, переводъ Грамматина; изъ Духа всеобщей исторіи Томсона, нравы въ X и XI столѣтіи; извлеченіе изъ Путешествія Клапрота на Кавказѣ; Театральное поприще Ифланда, переводъ Снегирева; Фридрихъ II, король Прусскій, изъ сочиненій Лакретелля; Іоаннъ Миллеръ Г.; о Цицероновомъ сочиненіи, называемомъ Ораторъ, А. Ж.; Объ испанской словесности, R.; Гаконъ Ярлъ, Оленшлегера; О римскомъ правѣ и о катакомбахъ, пер. Снегирева; Некрологъ Кавендиша; Жизнь Ульрика Цвинглія, изъ сочиненія Гесса; Исторія распространенія письменности, печати и библіотекъ, переводъ съ нѣмецкаго въ Вологодской семинаріи; О китайскихъ законахъ уголовныхъ; сочиненіе Клеандра: „Начало и успѣхи древней философіи", пер. С. Смирнова; изъ сочиненія Лаверня—Сравненіе Суворова съ полководцами XVIII столѣтія.

По естественнымъ наукамъ помѣщены слѣдующіе переводы: „Жители планетъ", изъ Мальтебрена; „Анатомія и физіологія рас-

тенiй", рѣчь Мирбеля въ нацiональномъ институтѣ; „О началѣ употребленiя шелка", „О магнитной стрѣлкѣ", „О календарѣ и раздѣленiи времени" и мн. др.

Политическiя извѣстiя помѣщались подъ двумя рубриками: „Обозрѣнiе заграничныхъ происшествiй" и „Политическiя извѣстiя". Строгаго разграниченiя между обѣими этими рубриками провести нельзя,—вся разница, что въ послѣдней помѣщались данныя историческiя, не относящiяся къ текущимъ событiямъ обозрѣваемаго мѣсяца. Болѣе подробный отчетъ объ отдѣльныхъ событiяхъ составлялся въ видѣ особыхъ статей, при чемъ источниками, кромѣ Монитера, Архенгольцевой Минервы и нѣкоторыхъ англiйскихъ журналовъ, служили преимущественно Гамбургскiй политическiй журналъ, переводившiйся, какъ мы видѣли Гавриловымъ, и изъ русскихъ тогдашнихъ газетъ—„Московскiя нѣмецкiя Вѣдомости" и „С.-Петербургскiя вѣдомости". Иногда помѣщались болѣе крупные отрывки по вопросамъ внѣшней политики, изъ современныхъ иностранныхъ сочиненiй, напр. изъ сочиненiя „de la Liberté des mers, par Rayneval, Paris, 1811". Въ 1812 г. помѣщены двѣ статьи, въ которыхъ весьма рѣзкими выраженiями говорится о вторженiи Наполеона въ Москву и о жестокихъ поступкахъ французовъ.

Вообще существуетъ мнѣнiе, что „Вѣстникъ Европы" былъ на сторонѣ Шишкова. Это несправедливо. Такое мнѣнiе могло возникнуть вслѣдствiе того, что въ Вѣстникѣ за 1807 годъ помѣщена защитительная статья въ пользу Шишкова противъ критики на него, помѣщенной въ „Московскомъ Меркурiи" П. П. Макаровымъ. Статья эта озаглавлена „Письмо изъ города NN въ столицу" и подписана „Лука Говоровъ" (ч. 32, № 8, стр. 283). Шишковъ отвѣтилъ на это сочувственною статьею, не подписавши своего имени (ч. 36, № 24, стр. 241). Статья эта помѣщена, по обыкновенной привычкѣ Каченовскаго помѣщать всѣ присланныя со стороны статьи, не разсуждая сходится ли она съ мнѣнiями самого редактора. Такъ, въ данномъ случаѣ, помѣщенная статья прямо противорѣчила взгляду самого Каченовскаго; когда въ 1811 году Шишковъ издалъ разговоръ о словесности, между двумя лицами Азъ и Буки, Каченовскiй помѣстилъ въ томъ же году подробный критическiй разборъ (ч. 57, № 12 стр. 285, № 13, 34). Каченовскiй не понялъ тѣхъ стремленiй, которыя скрывались за формальною стороной спора, онъ даже сочувствуетъ сѣтованiямъ Шишкова на

французское образованіе нашего юношества, не отдавая себѣ отчета, что Шишковъ желаетъ отечественнаго въ смыслѣ Часослова и подъ словомъ „Французское образованіе“ разумѣетъ науку и просвѣщеніе вообще. Но по отношенію къ правописанію и слогу Каченовскій рѣшительно оспариваетъ Шишкова. Главныя возраженія его состояли въ томъ, что, по мнѣнію Шишкова, русскій языкъ есть только *нарѣчіе* церковно-славянскаго языка, а по мнѣнію Каченовскаго онъ есть настолько же особенный *языкъ*, какъ всѣ другіе славянскіе языки: польскій, болгарскій и пр. Невозможность подражанія древнему языку Каченовскій обусловливаетъ тѣмъ, что прежде всего этотъ древній языкъ до насъ не дошелъ: древнія народныя пѣсни утратились или передѣланы впослѣдствіи, лѣтописи и другіе письменные памятники испорчены переписчиками и позднѣйшими вставками. Полемика по этому вопросу продолжалась и въ 1812 году (ч. 62, № 6, стр. 117, № 7, стр. 195) по поводу возраженій, сдѣланныхъ Каченовскому Шишковымъ въ прибавленіи къ „Разговорамъ“. Здѣсь Каченовскій продолжалъ свое возраженіе объ особности русскаго языка отъ славянскаго. Онъ говоритъ, между прочимъ, что къ числу словъ иностранныхъ, подлежащихъ исключенію изъ русскаго языка, совсѣмъ не принадлежатъ слова, принятыя нами вмѣстѣ съ науками и искусствами, сюда не принадлежатъ слова, употребляемыя нами единственно по необходимости, какъ, напримѣръ, стихи, періодъ, трагедія и пр. „Нѣкоторыя чужія слова кажутся намъ дикими потому только, что мы знаемъ ихъ происхожденіе, но есть весьма много такихъ, которыя мы почитаемъ своими собственными, единственно потому, что намъ неизвѣстно, когда они получили право гражданства въ нашемъ языкѣ“.

Точно также несправедливо, что „Вѣстникъ Европы“ всегда стоялъ за классицизмъ и сантиментальность въ смыслѣ Карамзинской школы. Въ одномъ изъ нумеровъ 1812 года (№ 13, іюня 1812 г., стр. 65), между прочимъ, помѣщена такая замѣтка: „Кто въ театрѣ смѣется надъ новыми Стернами, тотъ уже вѣрно стыдится щеголять сантиментальностью и вѣрно уже напалъ, или скоро нападетъ, на хорошій вкусъ къ словесности. Чувствительность сердца есть, конечно, драгоцѣнный даръ природы; но надобно, чтобы она была управляема здравымъ разумомъ, а здравый разумъ запрещаетъ безполезно таскаться по бѣлому свѣту, разнѣживаться

при всякой обыкновенной вещи, болтать безпрестанно о лазурно-розовомъ небѣ и о бальзамическомъ вліяніи, и единственно въ этомъ болтаніи полагать все просвѣщеніе, а въ сантиментальныхъ путешествіяхъ, сказочкахъ и романсахъ—весь кругъ изящной словесности. Если разсмотрѣть, откуда проистекаетъ и куда ведетъ сія приторная чувствительность, то вдругъ окажется, что источникомъ ея будетъ нерадивое воспитаніе и невѣжество, а слѣдствіемъ—изнѣженность сердца, неспособность къ отправленію должности въ общежитіи и неспосная причудливость" (№ 13, іюня 1812 г., стр. 65).

Мы останавливались такъ долго на „Вѣстникѣ Европы" потому, что до 1812 года онъ представлялъ собою не только первый по времени, но самый главный, серьезный и вліятельный органъ новой русской журналистики вообще: онъ давалъ тонъ литературѣ и до нѣкоторой степени служилъ образцомъ для другихъ журналовъ, появившихся по его слѣдамъ. Въ этомъ соглашаются даже сами издатели другихъ журналовъ, несмотря на естественное соревнованіе (на jalousie du metier). Мартыновъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" говоритъ: „Кто читалъ „Вѣстникъ Европы",—а его кто не читалъ?" Кн. Шаликовъ въ „Московскомъ Зрителѣ" отдаетъ „Вѣстнику Европы" преимущество, что „онъ безпристрастно лучшій журналъ и по слогу и по содержанію". Гречъ, въ своихъ „Запискахъ" говоритъ о „Вѣстникѣ Европы": „Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы красненькихъ книжекъ чрезъ каждыя двѣ недѣли! Съ какимъ восторгомъ читали, учили ихъ наизусть! И теперь случается мнѣ слышать (писано въ 1839 году) фразы, заимствованныя изъ „Вѣстника", который, въ чистыхъ русскихъ переводахъ, сообщалъ намъ мысли и чувства первоклассныхъ писателей того времени" (стр. 203).

Примѣръ и успѣхъ „Вѣстника Европы" немедленно вызвалъ подражателей: въ періодъ между 1800—1812 годами въ Москвѣ явилось 22 новыхъ журнала, въ Петербургѣ—19, не считая оффиціальныхъ (**). Всѣ эти журналы оказались недолговѣчными и слѣдующую эпоху, послѣ 1812 г., пережили только „Вѣстникъ Европы", „Другъ Юношества", „Русскій Вѣстникъ" въ Москвѣ, „Сынъ Отечества" въ Петербургѣ. Со времени появленія В. Е. задача журналистики расширилась. Съ одной стороны либеральное направленіе правительства должно было такъ или иначе отразить-

ся въ обществѣ и найти сторонниковъ въ литературѣ; съ другой—то же самое либеральное теченіе, по силѣ вещей, должно было, какъ всегда, возбудить консервативную реакцію, съ которой люди сочувствующіе либеральному правительству должны были вступить въ борьбу. Вождемъ консервативной партіи сдѣлался адмиралъ А. С. Шишковъ (1754—1841). Кто теперь примется читать сочиненія Шишкова, тому прежде всего представится невольный вопросъ: какимъ образомъ подобная галиматья, даже въ то время, могла не только останавливать на себѣ вниманіе, но быть предметомъ толковъ, произвести расколъ въ средѣ образованнаго меньшинства и выдвинуть Шишкова въ ряды государственныхъ людей, оставившихъ слѣды въ нашей исторіи? Шишковъ предлагалъ охранять чистоту и самобытность русскаго языка замѣною иностранныхъ словъ русскими, употребляя, напримѣръ, вмѣсто фигура (риторическая)—словоизвитіе, актеръ—лицедѣй, аллея—просадъ, аудиторія—слушалище, адъюнктъ—пріобщникъ, ораторъ—краснословъ, матерія—вещество, героизмъ—добледушіе, вмѣсто извергъ—старославянское искидокъ и т. п. Шишковъ русскій языкъ считалъ простонароднымъ нарѣчіемъ церковно-славянскаго и на этомъ основаніи русскій переводъ Священнаго Писанія признавалъ за оскверненіе, за низведеніе святости завѣщаннаго предками божественнаго слова до „уничиженнаго, ежедневнаго, простонароднаго употребленія“, и, несмотря на очевидную нелѣпость такого убѣжденія, онъ, въ числѣ другихъ противниковъ, привелъ къ закрытію Библейскаго Общества и ланкастерскихъ школъ. Главною задачей литературы, по мнѣнію Шишкова, было „почерпать мысли изъ собственнаго языка своего, а не изъ чужаго“, будто слогъ и содержаніе одно и то же, какъ будто подборъ словъ можетъ замѣнить собой отсутствіе мысли. Между тѣмъ это почерпаніе мыслей изъ своего языка у Шишкова не всегда оказывалось безвреднымъ. Такъ, въ государственномъ совѣтѣ, при обсужденіи вопроса о крѣпостномъ правѣ, Шишковъ доказывалъ, что у насъ слово „рабъ“ происходитъ отъ „работаю“, т. е. служу кому-нибудь „по долгу и усердію“, откуда вытекало, что русское рабство совсѣмъ не унизительно и не постыдно. Причина значенія, пріобрѣтеннаго Шишковымъ въ свое время, и характеръ его дѣятельности опредѣляются личностью его самого и историческими условіями той эпохи. По свидѣтельству двухъ современниковъ, отличающихся правдивостью и искрен-

ностью своихъ воспоминаній, С. Т. Аксакова и Д. Н. Свербеева, Шишковъ былъ въ высшей степени честный, искренній и добрый человѣкъ; онъ не былъ Магницкимъ и не надѣвалъ на себя личину яраго консерватизма изъ личныхъ разсчетовъ и честолюбія; онъ не былъ даже Державинымъ, въ консерватизмѣ котораго сказывалось прежде всего оскорбленное чувство сановника-parvenu и увѣнчаннаго лаврами піита, котораго обходили новые люди и на служебномъ поприщѣ, и на литературномъ. Аксаковъ разсказываетъ, что Шишковъ не бралъ никакого оброка съ 250 или 300 душъ, подаренныхъ ему императоромъ Павломъ, и когда крестьяне, въ голодный и трудный годъ, по собственному побужденію, прислали къ нему выборныхъ, просить взять съ нихъ 10.000 за десять лѣтъ и положить какой нибудь оброкъ,—Шишковъ щедро угостилъ выборныхъ и отправилъ назадъ съ подарками, но отъ оброка отказался, сказавъ, что ему для прожитія довольно царскаго жалованья. Такъ своеобразно понималъ отношенія свои къ крестьянамъ этотъ защитникъ крѣпостнаго права. На службу Шишковъ смотрѣлъ, какъ на служеніе пользѣ и благу отечества, въ томъ смыслѣ, какъ онъ это понималъ; свято чтилъ власть царскую, но не приносилъ ей въ жертву своихъ убѣжденій и не разъ терпѣлъ опалу, но оставался твердымъ и смѣлымъ. Такъ въ 1812 году онъ не разъ отказывался отъ перевода и изложенія манифестовъ, не согласныхъ съ положеніемъ дѣла и рѣшился настаивать надъ отъѣздомъ императора изъ арміи, гдѣ его присутствіе только мѣшало и приносило ощутительный вредъ, вопреки тогдашнему желанію и настроенію самого государя и большинства его приближенныхъ. Изъ этого видно, что въ нравственномъ отношеніи Шишковъ представлялъ извѣстную силу, насколько искренность и энергія убѣжденій всегда и вездѣ оказываютъ вліяніе на окружающую среду. Но силу эту недостатокъ образованія и историческій ходъ событій толкнули на ложный путь. Влѣдствіе нравственныхъ своихъ качествъ Шишковъ прежде всего скорбѣлъ „о поврежденіи нравовъ“ и о тѣхъ явленіяхъ въ общественной жизни, которыя возмущали его честныя, но отсталыя убѣжденія. Какъ всѣ старики, въ особенности получившіе недостаточное образованіе, онъ идеализировалъ въ старческихъ воспоминаніяхъ свое личное прошедшее и, не умѣя глубже понять смыслъ движенія впередъ, совершавшагося въ обществѣ, отдѣлить временные и прехо-

дящіе факты отъ устойчивыхъ и коренныхъ измѣненій къ лучшему, онъ видѣлъ во всемъ новомъ только дурную его сторону. Въ Шишковѣ, какъ въ старыхъ людяхъ съ консервативнымъ направленіемъ, укрѣпились, развились застывшія привычки, любовь къ извѣстнымъ порядкамъ, выработавшимся въ жизни, любовь къ неподвижности того, что уже давно существуетъ,—старовѣрство, не допускающее развитія.

„Подъ словомъ духъ времени,—говоритъ Шишковъ,—часто разумѣется общее стремленіе къ своевольству и неповиновенію; гдѣ правительство твердо и законы святы, тамъ они управляютъ духомъ времени, а не духъ времени ими“. Къ этому, такъ-сказать, физіологическому протесту противъ новаго порядка вещей присоединились причины болѣе общія, историческія, повліявшія на все старое поколѣніе образованнаго меньшинства той эпохи. Царствованіе императора Павла окончилось; оно вызвало общее неудовольствіе ломкою Екатериничскихъ учрежденій, которая происходила только вслѣдствіе личнаго нерасположенія императора къ своей матери. Екатерининская эпоха своимъ блескомъ ослѣпила и привязала къ себѣ дворянское сословіе, въ средѣ котораго тогда сосредоточивались и образованіе, и общественное значеніе, по скольку оно могло имѣть мѣсто въ правленіи самодержавномъ. Въ манифестѣ 12 марта 1801 года, при восшествіи на престолъ, императоръ Александръ обѣщалъ царствовать „по закону и по сердцу“ своей великой бабки. И вотъ, на первыхъ же порахъ, старые, испытанные дѣльцы этой эпохи отстраняются, выходятъ на сцену новые люди, „юноши безъ всякихъ заслугъ“, и, вмѣсто того, чтобы истреблять мало-по-малу „всѣ нововведенныя худости, прежде нежели онѣ вырастутъ и усилятся“, предпринимается новая ломка, во имя новаго образа мыслей, новыхъ понятій, „возникшихъ изъ хаоса чудовищной французской революціи“. Естественно, что консервативная партія была сильно напугана и не могла оставаться въ бездѣйствіи. Но какой же другой протестъ въ то время она могла предъявить, кромѣ литературнаго? Движеніе впередъ и вообще измѣненіе образа жизни и мышленія въ русскомъ обществѣ, совершившіяся подъ вліяніемъ западнаго просвѣщенія, выразились главнымъ образомъ въ литературѣ, въ молодомъ ея поколѣніи, начавшемъ свою дѣятельность Новиковскимъ кружкомъ и созрѣвшемъ въ школѣ Карамзина и его послѣдова-

телей. Затормозить эту школу—значило ослабить самый главный проводникъ западнаго образованія, остановить опасную порчу нравовъ и вредный образъ мыслей, вернуть Россію на путь *народности*. Въ умѣ Шишкова и его сторонниковъ всѣ современныя бѣдствія и неустройства являлись въ неразрывной связи съ литературой вообще и въ частности съ журналистикой. Шишковъ смотрѣлъ на Карамзина, какъ на представителя новаго, болѣе широкаго образованія, съ которымъ, въ его напуганномъ воображеніи, соединялась мысль о революціи и развращеніи нравовъ. Шишковъ, по словамъ Свербеева, въ 1813 году, писалъ къ одному пріятелю: „Вы знаете, какъ и „Вѣстникъ“ и „Меркурій“ противъ меня возставали; тогда они могли такъ вопіять, но теперь я ихъ ткнулъ бы въ пепелъ Москвы и громко имъ сказалъ: вотъ чего вы хотѣли!“ Такимъ образомъ даже пожаръ московскій Шишковъ ставилъ на счетъ литературы. П. Львовъ рѣшительно утверждалъ, что „развращеніе нравовъ“ есть плодъ новѣйшаго Карамзинскаго направленія; попечитель Московскаго университета Голенищевъ-Кутузовъ доносилъ на Карамзина, какъ на человѣка политически-неблагонадежнаго, и старался куда-нибудь его упрятать. Между тѣмъ новая литература имѣла *своего* только *слогъ:* содержаніе ея было большею частью переводное или заимствовалось изъ иностранныхъ сочиненій. Поэтому логика событій могла дѣйствительно привести Шишкова къ нелѣпой задачѣ бороться съ общественнымъ движеніемъ—преслѣдованіемъ языка или способа выраженій, оставивъ въ сторонѣ мысль, какъ нѣчто несущественное или взятое на-прокатъ извнѣ. Въ этомъ смыслѣ кн. Вяземскій славянофильство Шишкова называетъ совершенно вѣрно славянофильствомъ „кабинетнымъ, литературнымъ, а еще болѣе голословнымъ, корнесловнымъ, буквальнымъ“. „Въ міръ историческій, гражданскій и политическій,—продолжаетъ Вяземскій,—Шишковъ не заглядывалъ“ (Соч. т. VIII, стр. 483). Внѣшній благовидный предлогъ для такого литературнаго славянофильства былъ подъ руками. Послѣдователи Карамзина въ образованіи и обогащеніи русскаго языка дошли до крайностей и начали писать такимъ извращеннымъ языкомъ, который, дѣйствительно, заслуживалъ осужденія. Такъ передѣлывали въ то время: вмѣсто разборъ—экзаменъ, вмѣсто генія—жени, составляли фразы въ родѣ слѣдующихъ: „предлагая интересную прогулку въ дружескомъ кругѣ, идемъ за городъ развлечь задумчивость; вкусный кофе пи-

таетъ насъ аппетитно; облобызавшись взаимно съ признательностью къ подателю благъ, предпринимаемъ впослѣдствіи заниматься прохладою“ (изъ „Россійскаго сочиненія“ А. А. Орлова, „Утѣхи меланхоліи“ (1802).

Въ этомъ смыслѣ Шишковъ былъ правъ, и эту заслугу признавали за нимъ его литературные противники, какъ, напримѣръ, Дашковъ, нанесшій Шишкову рѣшительное и окончательное пораженіе (первоначально въ „Цвѣтникѣ“, изд. А. Измайловымъ и Никольскимъ, 1810 г., №№ 11 и 12, а потомъ отдѣльною брошюрою „О легчайшемъ способѣ возражать на критику“. С.-Пб. 1811 г.).

Этимъ характеромъ славянофильство Шишкова отличается отъ позднѣйшаго, которое совершенно напрасно приводятъ въ связь со старымъ, навязывая послѣднему вовсе не принадлежащую ему роль отца. Если смотрѣть только съ той неопредѣленно-общей точки зрѣнія, что славянофильство, какъ старое, такъ и позднѣйшее, было выраженіемъ стремленія къ народности и протестомъ противъ безусловной подражательности, не принимавшей въ разсчетъ особенностей и традицій исторической жизни русскаго народа, то до извѣстной степени связь существуетъ. Но на этомъ она и оканчивается: ближайшія теоретическія задачи того и другаго славянофильства, способъ ихъ разрѣшенія, отношеніе къ образованію вообще и къ западному въ особенности,—однимъ словомъ, все дальнѣйшее развитіе было совсѣмъ различно и не представляетъ ничего общаго. Вяземскій совершенно правъ, что славянофильство Шишкова не вмѣщало въ себѣ элементовъ ни политическихъ, ни гражданскихъ и не справлялось съ историческими условіями; поэтому, говоря о народности, славянофильство Шишкова и не понимало, и не могло ее осуществить. Шишковъ собственно останавливался на эпохѣ Екатерины и ее идеализировалъ, убѣжденный, что эта эпоха есть дѣйствительное и цѣльное выраженіе древне-русской жизни. Если онъ возставалъ противъ подражанія французскимъ обычаямъ, противъ воспитанія русскихъ дѣтей иностранцами, противъ роскоши и пустоты свѣтской жизни, то источникъ этого заключался въ этическихъ стремленіяхъ его набожно-честной и неприхотливой натуры. Прямо вооружаться противъ науки и просвѣщенія Шишковисты не дерзали,—напротивъ, она у нихъ была постоянно на языкѣ. Но они ее не понимали, они не признавали ея необходимости и не дорожили ею такъ искренне и серьезно, какъ лучшіе изъ предста-

вителей Карамзинской школы, что и составляетъ главную заслугу последней. Шишковъ не признавалъ свободы мысли. Въ 1810 г. Шишковъ представилъ въ государственный совѣтъ свое мнѣніе объ учрежденіи новаго цензурнаго комитета, какъ высшаго государственнаго учрежденія, не зависящаго ни отъ какого министерства, причемъ новыхъ русскихъ писателей, съ ихъ новымъ языкомъ, причислялъ къ тѣмъ же злодѣямъ, какъ и французскихъ писателей, произведшихъ, по его мнѣнію, революцію,—злодѣямъ, „кои дѣйствуютъ съ одною надеждою, что юношество, возмужавъ и напитавшись заблужденіями, станетъ сообщать ихъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе". Въ 1826 году, въ качествѣ министра просвѣщенія, поддавшись вліянію Магницкаго, онъ поднесъ на Высочайшее утвержденіе составленный Магницкимъ и Руничемъ цензурный уставъ, возбудившій общее неудовольствіе своею строгостью и прямымъ запрещеніемъ цѣлой отрасли наукъ—философскихъ. Напротивъ, славянофилы позднѣйшей формаціи отправлялись отъ настоящей исторической почвы: имъ дорога была древняя до-Петровская Русь, развивавшаяся въ сторонѣ и самобытно; въ ней искали они рѣшенія великой политической задачи объ отношеніяхъ правительства къ обществу, царя къ землѣ. Исторія этой древней Руси и теперь мало разработана, а тогда она была совершенно terra incognita, поэтому славянофилы идеализировали ее въ *положительную сторону*, отыскивая въ ней такія культурныя явленія, которыя въ ней не могли созрѣть, точно также какъ западники идеализировали ее въ *отрицательную сторону*, отрицая въ ней всякій процессъ живаго и самобытнаго развитія и ставя ее въ полную, безусловную и вѣчную зависимость отъ западнаго образованія. Обычаи и преданія народной жизни у позднѣйшихъ славянофиловъ были не темнымъ чувствомъ набожно-честнаго личнаго отношенія къ жизни, а результатомъ болѣе тѣснаго сближенія съ народомъ и серьезнаго надъ нимъ наблюденія, такъ какъ позднѣйшіе славянофилы жили въ деревнѣ, а Шишковъ и его сторонники не выѣзжали изъ Петербурга и знали русскій народъ только по наслышкѣ. Позднѣйшіе славянофилы не ограничивались изученіемъ церковно-славянскихъ книгъ и русской литературы Ломоносовскаго періода; они считали все развитіе западной науки и просвѣщенія необходимою точкой отправленія, но не осуждали русскую мысль на постоянное ученическое раболѣпство передъ

учителемъ, не ограничивали ея дѣятельности безконечнымъ заимствованіемъ и перевариваніемъ матеріала, разработаннаго чужими руками. Духъ неподдѣльной гуманности проникалъ все ученіе славянофиловъ стараго закала, всѣ отношенія ихъ къ окружающему: противъ него они не обмолвились нигдѣ ни однимъ словомъ; насиліе они преслѣдовали и осуждали вездѣ и во всѣхъ видахъ; никогда съ языка ихъ не срывалось проклятіе ни народамъ, ни областямъ, ни отдѣльнымъ личностямъ, даже изъ числа ихъ противниковъ. Это поэтически выразилъ въ своей думѣ К. С. Аксаковъ, закончивъ ее словами, которыя славянофилы избрали девизомъ своей дѣятельности:

«Оружье свободныхъ людей—свободное слово!»

Борьба послѣдователей Шишкова и Карамзина, начавшаяся съ 1803 года, съ появленія разсужденія Шишкова „о старомъ и новомъ слогѣ“,—затянулась довольно долго и самый разгаръ ея происходилъ уже послѣ 1812 года. Нападки шишковистовъ на новыхъ писателей раздѣлили весь тогдашній литературный міръ на два враждебные лагеря. Вызовъ, брошенный не только Карамзину и всѣмъ стоявшимъ за нимъ молодымъ писателямъ, но цѣлой системѣ западно-европейскаго образованія, не могъ не взволновать глубоко общества. Составились двѣ партіи, которыя, по словамъ Греча въ его Запискахъ, назывались: партія старовѣровъ—петербургскою, а группа молодаго поколѣнія, во главѣ которой стоялъ Карамзинъ,—московскою. Но это территоріальное раздѣленіе не имѣло существеннаго значенія: „вся молодежь, всѣ дамы въ обѣихъ столицахъ ратовали за Карамзина“.

Главный центръ шишковскаго ополченія составляла россійская академія, въ члены которой Шишковъ былъ избранъ въ 1796 году. Это избраніе и бросило первую искру: Шишковъ считалъ себя обязаннымъ дѣятельно участвовать въ трудахъ академіи, стоявшей на стражѣ для огражденія чистоты русскаго языка, сталъ заниматься славянскимъ корнесловіемъ и этимъ путемъ пришелъ ко всѣмъ своимъ неправильнымъ выводамъ. Выродившаяся россійская академія того времени состояла главнымъ образомъ изъ плохихъ переводчиковъ, которые, по замѣчанію Карамзина, были „големными претолковниками, иже отрѣваютъ все, еже есть русское, и блещаются блаженне сіяніемъ славяномудрія“. Таковы были: За-

харовъ, Якимовъ, переводчикъ „Иліады", Пахомовъ и священникъ Сидоровскій, переводившій „Павзаніево описаніе Еллады", разговоры Лукіана Самосатскаго и творенія велемудраго Платона. Академія, въ смыслѣ образца для слога и для направленія, по предложенію Шишкова, начала въ 1805 году издавать „Сочиненія и переводы", издаваемыя россійскою академіею, гдѣ Шишковъ главнымъ образомъ печаталъ свои оригинальныя и переводныя статьи. Отдѣльныя сочиненія Шишкова, въ виду появившихся противъ него критическихъ статей, быстро слѣдовали одно за другимъ. Таковы были:

1) Прибавленіе къ сочиненію, называемому Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ, 1804 г.

2) Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа (1808), гдѣ Лагарпъ въ статьѣ „Сравненіе французскаго языка съ греческимъ и латинскимъ" говоритъ объ обогащеніи и очищеніи французскаго языка старыми классическими писателями, а во второй—„Объ украшеніяхъ, въ краснорѣчіи употребляемыхъ"—возстаетъ противъ авторовъ, которые, уклоняясь отъ прежнихъ образцовъ, стремятся къ нововведеніямъ въ литературѣ, какъ относительно слога, такъ и содержанія.

3) Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно,—рѣчь, читанная въ годичномъ собраніи россійской академіи въ 1810 г.

4) Разговоры о словесности между двумя лицами Азъ и Буки, 1811 г.

5) Прибавленіе къ разговорамъ о словесности, 1812 г.

Отчасти чувствуя потребность въ нѣкоторой общественной организаціи для лучшаго веденія борьбы съ противниками, отчасти подъ вліяніемъ вообще тогда господствовавшей моды, Шишковъ, не довольствуясь оффиціальною средою, основалъ еще частное общество, подъ именемъ „Бесѣды любителей русскаго слова", которая открыта была 14 марта 1811 года. Бесѣда раздѣлялась на четыре отдѣленія, гдѣ предсѣдателями были Шишковъ, Державинъ, сенаторъ Захаровъ и гр. А. С. Хвостовъ; въ число членовъ на первый разъ приглашены были, между прочими, писательницы Волкова и Бунина, которымъ въ особенности покровительствовалъ Шишковъ, а

въ попечители избраны министры гр. Завадовскій, Мордвиновъ, гр. Разумовскій и И. И. Дмитріевъ. Въ засѣданіи „Бесѣды“ въ концѣ октября 1811 г., въ присутствіи многочисленной и чиновной публики, Шишковъ прочелъ свое знаменитое „Разсужденіе о любви къ отечеству“, которое, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, получило очень важное значеніе и вскорѣ (1812), послѣ паденія Сперанскаго, доставило Шишкову мѣсто государственнаго секретаря. Бесѣда съ 1811—1815 гг. выпустила 19 книжекъ „Чтеній въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова“.

Карамзинъ самъ меньше всего принималъ участіе въ спорѣ, изъ-за него возникшемъ. Литературными противниками Шишкова въ литературѣ были: Макаровъ, Д. М. Языковъ, Каченовскій, Беницкій, Никольскій, Дашковъ. Изъ нихъ самымъ послѣдовательнымъ и разумнымъ антагонистомъ былъ Дашковъ. Въ тогдашней Москвѣ оппозиція противъ Шишкова, — прежде всего заявленная въ печати Макаровымъ,—не имѣла нужды ни ярко выражаться въ литературѣ, ни собирать какой-либо отдѣльный кружокъ: эта оппозиція была общая, и не только литературная, но жизненная,—за немногими исключеніями, всѣ московскіе литераторы, группировавшіеся около Карамзина, были его сторонниками. Замѣчательно, что территоріальное раздѣленіе русской литературы рѣзко проявлялось въ то время: Петербургъ не хотѣлъ знать о Москвѣ, а Москва въ свою очередь жила своей отдѣльною жизнью и мало обращала вниманія на административную столицу. Оппозиція противъ Шишкова съ внѣшней стороны выступила рельефнѣе, когда она изъ Москвы перешла въ Петербургъ. Переходъ этотъ совершился въ то время, когда Дмитріевъ, сдѣланный министромъ юстиціи, перешелъ въ Москву и привезъ съ собою трехъ молодыхъ людей, питомцевъ университетскаго пансіона, еще тамъ проявившихъ любовь къ литературѣ, жаркихъ послѣдователей Карамзина,—Дашкова, Милонова и Грамматина. Молодые люди не нашли тамъ много союзниковъ: „въ цѣломъ Петербургѣ,—говоритъ Вигель,—всего-на-всего былъ одинъ только съ небольшимъ двадцати лѣтъ молодой человѣкъ, Блудовъ, полный ума и вкуса, который позволялъ себѣ явно осмѣивать ихъ недостатки и претензіи и писать на имя ихъ эпиграммы“ (II, гл. X, 149).

Но въ Петербургѣ былъ кружокъ молодежи, который, по крайней мѣрѣ, не подчинялся шишковистамъ и до нѣкоторой степени

хранилъ въ своей средѣ свободу мысли и стремленіе къ образованію. Кружокъ этотъ имѣлъ свою исторію, свои традиціи. Начало независимому литературному кружку молодыхъ литераторовъ въ Петербургѣ положено было Обществомъ, о которомъ мы уже говорили, которое собиралось около Брайко и издавало разсмотрѣнный нами журналъ „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ съ января 1778 по іюль 1781 года. Въ 1801 году нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей положили основаніе „Вольному Обществу любителей словесности, наукъ и художествъ“, утвержденному 15 іюля 1801 года. Гречъ называетъ основателями этого Общества: А. Х. Востокова; Ив. Март. Борна, автора „Учебника русской словесности“, бывшаго учителемъ русской словесности въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, а потомъ секретаремъ принца Георгія Ольденбургскаго, супруга Великой Княгини Екатерины Павловны; А. Гавр. Волкова, друга Востокова († 1809), бывшаго адъюнктомъ химіи въ академіи наукъ, поэта съ большимъ дарованіемъ; В. В. Попугаева († 1816), бывшаго до Борна учителемъ въ Петербургской школѣ, пламеннаго и эксцентрическаго поэта, умершаго въ Твери, гдѣ Борнъ доставилъ ему мѣсто; В. И. Красовскаго († 1824), бывшаго секретаремъ цензурнаго комитета, человѣка умнаго, даровитаго и основательно образованнаго, постоянно занимавшагося литературою, по словамъ Греча, но, въ качествѣ цензора, получившаго очень печальную извѣстность ([49]). Въ 1801 году Общество издало двѣ части сборника, подъ заглавіемъ „Свитокъ Музъ“, гдѣ помѣщены были исключительно стихотворенія Востокова, Попугаева, Борна, Красовскаго, Михайлова, Н. Остолопова, Олешева и Бринкена. Послѣдняя книжка оканчивалась стихотвореніемъ Борна на смерть Радищева, и въ концѣ помѣщенъ коротенькій очеркъ жизни и дѣятельности А. Н. Радищева въ Иркутской губерніи, въ мѣстечкѣ Илимскѣ, откуда онъ переселился въ Тару. Продолженіе этого изданія вышло подъ заглавіемъ „Періодическаго изданія Общества любителей словесности“ на 1804 годъ, о которомъ скажемъ дальше. Протоколы Общества печатались въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, издававшемся Мартыновымъ, а члены кружка примкнули къ издававшемуся въ 1805 году „Журналу русской словесности“. Какъ увидимъ яснѣе впослѣдствіи, кружокъ этотъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ философіи энциклопедистовъ, на что указываетъ и

свято сохранявшійся въ кружкѣ культъ Радищева; съ вопросами внутренней жизни люди этого кружка были мало знакомы и потому не имѣли опредѣленныхъ и устойчивыхъ воззрѣній, невольно переступая изъ одной стороны въ другую. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ протестъ противъ Шишкова заявленъ былъ въ первой его книжкѣ членомъ Общества Дм. Ив. Языковымъ, неблагопріятно отозвавшимся о книгѣ Шишкова (Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ). Послѣ смерти Пнина въ 1803 г., члены Общества собирались подъ председательствомъ Борна, но Общество находилось въ состояніи разложенія и ничѣмъ не проявляло свою дѣятельность. Затѣмъ въ 1810 г., въ самый разгаръ спора, когда въ Петербургѣ, по словамъ Вигеля, „какъ ни велико было авторское полчище, набранное Бесѣдою, но все еще оставалось много людей, упражнявшихся въ литературѣ, которыхъ она воспріять не захотѣла или которые сами въ ней быть не пожелали“,—Дм. Ив. Языковъ предложилъ желающимъ изъ нихъ создать особое общество. Гречъ, поступившій въ это общество въ октябрѣ 1810 года, говоритъ, что оно въ то время собиралось у председателя своего Дм. Ив. Языкова, въ зданіи главнаго правленія училищъ. Кромѣ Востокова никого изъ прежнихъ учредителей уже не оставалось въ живыхъ или не было на-лицо въ Петербургѣ. Членами въ то время были А. Е. Измайловъ, Н. Ф. Остолоповъ, П. А. Никольскій, Т. Ст. Борноволоковъ, А. А. Писаревъ, Н. П. Брусиловъ, Н. И. Өедоровъ, вновь пріѣхавшіе москвичи Милоновъ и Грамматинъ. Вскорѣ по вступленіи въ общество, говоритъ Гречъ, я пораженъ былъ личностью одного новопринятаго члена: высокій, осанистый молодой человѣкъ, съ благородною физіономіей и пріятнымъ голосомъ, слегка заикавшійся; все, что онъ говорилъ, было сказано умно, дѣльно, выразительно. Это былъ Дм. В. Дашковъ. Вступленіе его въ нашъ кругъ ознаменовалось совершеннымъ преобразованіемъ Общества и возбужденіемъ его дѣятельности. Вслѣдъ за тѣмъ были приняты въ дѣйствительные члены: Д. Н. Блудовъ, К. Н. Батюшковъ, В. Л. Пушкинъ, Дм. П. Сѣверинъ, Дм. Макс. Княжевичъ, И. М. Фовицкій, С. П. Жихаревъ, В. Ф. Филимоновъ и многіе другіе. Общество приняло направленіе карамзинское, противоположное славянофильской школѣ Шишкова („Воспом. о Востоковѣ“, стр. 7, прим.). Дашковъ въ свое время былъ безспорно одинъ изъ самыхъ даровитыхъ людей. Лучшій изъ

стилистовъ Карамзинской школы, съ замѣчательнымъ критическимъ тактомъ, онъ мало оставилъ по себѣ слѣда въ печати, но все, что имъ написано,—обнаруживаетъ глубокое пониманіе литературныхъ потребностей своего времени. Кромѣ извѣстной полемики съ Шишковымъ, Дашковъ помѣстилъ въ „Сынѣ Отечества“ (1815, XLII, 140—148) „Письмо къ новѣйшему Аристофану“, направленное противъ кн. Шаховскаго: этотъ небольшой отрывокъ и теперь еще можно прочесть, какъ образецъ тонкой и насмѣшливой критики, написанной прекраснымъ и живымъ языкомъ. Почему даровитые люди тогда мало писали и скоро уходили изъ литературы, мы имѣемъ современное объясненіе: „не довольно внимательная къ истиннымъ достоинствамъ публика наша (то-есть многочисленнѣйшая часть) причиною, что многіе люди съ талантомъ и познаніями вскорѣ начинаютъ скучать упражненіями въ словесности и посвящаютъ свои дарованія государственной службѣ. Многіе изъ нынѣшнихъ полезныхъ чиновниковъ государства (изъ которыхъ большая часть училась въ Московскомъ и нѣкоторые въ иностранныхъ университетахъ) въ молодости своей успѣшно занимались словесностью. Хладнокровіе публики, не умѣющей цѣнить ихъ талантовъ, заставило ихъ бросить ученыя занятія. Еслибы я смѣлъ, то назвалъ бы таковыхъ человѣкъ двадцать и больше, занимающихъ нынѣ почетныя мѣста въ государствѣ. Вообще рѣдкій писатель трудится у насъ болѣе пяти лѣтъ сряду. Одобреніе и награда публики столь слабы, а досада и неудовольствіе, сопряженныя съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть самую страстную любовь къ словесности, чтобы заниматься ею долго. Замѣтить должно, что я говорю о прозаическихъ писателяхъ; поэты поютъ всегда и вездѣ безъ усталости“ (Цвѣтникъ 1810, VI, 350—351). Дашковъ хотѣлъ журналъ, предпринятый въ то время Обществомъ („Петербургскій Вѣстникъ“ 1812 года), сдѣлать центромъ оппозиціи противъ Шишкова, но это ему удалось только отчасти, тѣмъ болѣе, что вскорѣ и самъ онъ долженъ былъ оставить Общество. Единомыслія въ Обществѣ, какъ видно, не было, не было и выдержки характера, такъ что Общество приняло въ свои члены яраго и бездарнаго шишковиста—гр. Хвостова. По этому случаю Дашковъ сказалъ привѣтственное слово Хвостову, наполненное, подъ видомъ похвалъ, самою тонкой и злой ироніей, но вслѣдствіе того принужденъ былъ оставить званіе члена. Въ каче-

ствѣ противника Шишкова, Дашковъ помѣстилъ въ двухъ послѣднихъ книжкахъ „Цвѣтника", издававшагося Измайловымъ и Никольскимъ (1810), подробный разборъ того сочиненія Шишкова, гдѣ онъ старался прикрыться авторитетомъ Лагарпа (переводъ двухъ статей Лагарпа). Возраженія Шишкова вызвали замѣчательный и совершенно его разбившій въ литературно-научномъ смыслѣ отвѣтъ Дашкова, напечатанный отдѣльною брошюрой („О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критики", 1811 года).

Журналы, которые заявили протестъ противъ Шишкова и его приверженцевъ, были: „Московскій Меркурій" (издав. 1810 года П. И. Макаровымъ) и „Вѣстникъ Европы" въ Москвѣ, „Сѣверный Вѣстникъ" (издав. 1804—1805 годовъ Мартыновымъ), „Цвѣтникъ" и „Петербургскій Вѣстникъ" въ С.-Петербургѣ. Такимъ образомъ еще до 1812 года вопросъ о старомъ и новомъ слогѣ поднятъ былъ литературою и даже порѣшенъ въ смыслѣ благопріятномъ для новаго поколѣнія писателей. Но внутренняя, общественная, политически-бытовая сторона вопроса,—консерватизмъ Шишкова и его партіи, — вовсе не были предметомъ литературнаго обсужденія. Что было тому причиною,—запрещеніе ли со стороны цензуры, или непривычка самой литературы углубляться въ явленія внутренней жизни и давать то или другое рѣшеніе вопросамъ, возникавшимъ въ средѣ самого общества,—рѣшить трудно. Вѣроятно, имѣли значеніе обѣ причины, но взвѣсить и оцѣнить отдѣльно степень участія каждой,—данныхъ у насъ нѣтъ въ рукахъ. Но за то, при слабости и односторонности обсужденія возникшаго спора собственно въ тогдашней литературѣ, тѣмъ сильнѣе заявлялся протестъ отдѣльныхъ лицъ, притомъ въ качествѣ насмѣшки. Сатира у насъ,—какъ во всякомъ мало цивилизованномъ обществѣ, которое еще не привыкло къ спокойному и логическому обсужденію или встрѣчаетъ неожиданный внѣшній тормозъ,—была всегда могущественнымъ и иногда единственнымъ орудіемъ борьбы. Это сатирическое направленіе противъ Шишкова разразилось главнымъ образомъ въ Москвѣ въ 1811 году. Застрѣльщикомъ въ этомъ походѣ былъ извѣстный острякъ того времени В. Л. Пушкинъ, который осмѣивалъ шишковистовъ въ своихъ посланіяхъ къ Жуковскому (1810) и къ Дашкову (1811), въ особенности же въ стихотвореніи „Опасный сосѣдъ", гдѣ въ первый разъ употреблено было выраженіе „славянофилы". Вслѣдъ за Пушкинымъ вы-

ступили на сатирическое поприще: подружившійся съ нимъ въ Москвѣ Батюшковъ, въ „Видѣніи на берегахъ Леты“ осмѣявшій равно и петербуржцевъ и москвичей (Мерзлякова и кн. Шаликова); Измайловъ съ баснею „Шутъ“; Воейковъ съ своимъ „Домомъ сумасшедшихъ“; Нарѣжный, который въ „Русскомъ Жилблазѣ“ вывелъ любителя славянщины подъ именемъ Трисмегалоса; Макаровъ, въ комедіи „Обращенный славянофилъ“, помѣщенной въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“. Противъ всего этого шишковисты выставили только одно сатирическое произведеніе,—поэму кн. Шаховскаго „Расхищенныя шубы“.

Когда шишковисты сплотились въ Обществѣ „Любителей русской бесѣды“, противники ихъ тоже почувствовали потребность въ нѣкоторой организаціи, и составилось общество, случайно получившее названіе „Арзамаса“, основанное въ 1815 году и просуществовавшее до 1818 года. Д. Н. Блудовъ написалъ послѣ представленія „Липецкихъ водъ“, комедіи кн. Шаховскаго, гдѣ выведенъ на сцену Карамзинъ, шутку „Видѣніе въ Арзамасскомъ трактирѣ“, въ родѣ vision de l'abbé Morelet, сочиненной по случаю появленія въ Парижѣ комедіи Шамисо Les philosophes (1760). Это имя „Арзамасъ“ сдѣлалось именемъ литературнаго общества, составленнаго друзьями Жуковскаго и учениками Карамзина, бывшими на первомъ представленіи „Липецкихъ водъ“. Общество со временемъ увеличилось новыми членами и собиралось въ Петербургѣ, а иногда и въ Москвѣ, когда тамъ съѣзжалось много членовъ. Болѣе извѣстные члены того Общества были: Батюшковъ, Блудовъ, А. Ф. Воейковъ, кн. Вяземскій, Д. В. Давыдовъ, Дашковъ, Жуковскій, Д. А. Кавелинъ, А. С. Пушкинъ, В. Л. Пушкинъ, А. и Н. И. Тургеневы, С. С. Уваровъ. Въ числѣ почетныхъ членовъ были: Дмитріевъ, Карамзинъ, Нелединскій-Мелецкій и др. Во всѣхъ занятіяхъ и сходкахъ арзамасцевъ, въ пріемѣ новыхъ членовъ, въ рѣчахъ, въ чтеніяхъ—преобладалъ шутливо-насмѣшливый тонъ, въ противоположность той важности и серьезности, съ которой члены „Бесѣды“ занимались посвоему „очищеніемъ русскаго языка“, какъ будто они совершали великій литературный и общественный подвигъ. Такимъ образомъ въ этомъ шутливомъ направленіи была до извѣстной степени неизбѣжная историческая подкладка, была и своя доля пользы, потому что насмѣшка сильно подрывала дѣло шишковистовъ въ обществѣ. Кромѣ того, за арзамасцами была и положительная за-

слуга. Критическимъ разборомъ литературныхъ произведеній Арзамасцы, какъ люди ученые, очень даровитые и отличавшіеся въ свое время хорошимъ образованіемъ, принесли извѣстную пользу очищенію вкуса современнаго общества; подъ вліяніемъ этого общества писались въ то время стихи нашихъ лучшихъ поэтовъ. Но легкое, шутливое настроеніе помѣшало серьезному отношенію Арзамасцевъ къ отечественной литературѣ. Какъ справедливо замѣтилъ Майковъ, случайное происхожденіе этого литературнаго братства и отсутствіе всякаго опредѣленнаго дѣла при его основаніи, а затѣмъ еще болѣе случайное и безцѣльное расширеніе его состава, были коренными причинами незначительной дѣятельности кружка и его скораго распаденія. Въ литературѣ не осталось слѣдовъ совокупной дѣятельности Арзамасцевъ, они собирались что-то дѣлать, но ничего не дѣлали сообща; попытка предпринять періодическое изданіе не состоялась, и совѣщаніе объ этомъ предпріятіи всего яснѣе обнаружило, что во взглядахъ членовъ кружка далеко не было единства. М. Ф. Орловъ, при вступленіи своемъ въ Общество, произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ своимъ сочленамъ, какъ недостойно людей умныхъ и образованныхъ тратить время на пустые литературные споры, когда ихъ отечество представляетъ обширное поприще для просвѣщенныхъ дѣйствій въ пользу общества. Орловъ предложилъ при этомъ изданіе журнала, но оно не состоялось, отчасти вслѣдствіе разномыслія, отчасти и вслѣдствіе того, что самые дѣятельные изъ Арзамасцевъ: Блудовъ, Дашковъ и Жуковскій, получившіе важное назначеніе въ государственной службѣ, должны были на время оставить не только общество, но даже и Россію. Какъ бы то ни было, на литературномъ поприщѣ Арзамасцы восторжествовали, но судьбѣ было угодно, чтобы противная партія получила перевѣсъ и вліяніе въ другой сферѣ, болѣе обширной и вліятельной, и закрѣпила тормозъ въ исторіи нашего развитія. Патріотическая волна вынесла Шишкова сначала въ государственные секретари, на мѣсто Сперанскаго (1812 г.), президенты россійской академіи (1812 г.), а затѣмъ въ 1824 году Шишковъ на семидесятомъ году назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ этомъ званіи, продолжая съ своей точки зрѣнія реакціонерное направленіе, начатое въ области политики Стурдзою, а въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія кн. Голицынымъ, при содѣйствіи

Магницкаго, Рунича и т. п., Шишковъ провелъ составленный послѣднимъ *чугунный* цензурный уставъ 1826 года, на долгое время задержавшій ходъ русскаго просвѣщенія.

Удаленные болѣе нежели на полстолѣтія отъ событій той эпохи, мы можемъ относиться къ ней хладнокровно и въ самыхъ крайностяхъ, естественно возбуждавшихъ въ свое время страсти и вражду, оцѣнить тѣ сѣмена добра, которыя жизнь выдѣляетъ изъ всѣхъ явленій народной исторіи. Прежде всего Шишковъ былъ представителемъ зарождавшагося народнаго сознанія, не нашедшаго пока для себя твердой почвы, бродившаго ощупью и не попавшаго сразу на истинный путь. Шишковъ былъ заблуждающійся, но горячій и искренній патріотъ: въ его „разсужденіи о любви къ отечеству", помимо обыденной въ то время, напыщенной риторики и тяжелаго слога, чувствуется живое, задушевное слово, которое не могло не подѣйствовать сильно въ ту тревожную минуту, когда оно было сказано. Не даромъ Императоръ Александръ, когда ему понадобился, для сообщенія съ народомъ, человѣкъ, проникнутый честнымъ и сердечнымъ патріотизмомъ, дѣйствующимъ на массы, остановился на Шишковѣ. Не даромъ Пушкинъ въ 1825 году, вскорѣ послѣ назначенія Шишкова министромъ, писалъ кн. Вяземскому:

> Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
> Священной памятью двѣнадцатаго года.

Въ литературѣ самъ Шишковъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ; но онъ содѣйствовалъ отрезвленію тѣхъ неумѣлыхъ послѣдователей Карамзина, которые безъ нужды испещряли свои сочиненія и въ особенности переводы иностранными словами и даже придавали русскому языку совсѣмъ ему несвойственную, французскую конструкцію. Помимо этой косвенной заслуги, за Шишковымъ остается еще одна прямая, на которую мало обращено было вниманія и потому она остается почти неизвѣстною. Шишковъ первый завелъ литературныя связи съ другими славянами, первый указалъ на наше культурное съ ними родство, такъ что въ исторіи нашего сближенія съ славянами онъ занимаетъ видное мѣсто. Еще въ 1813 году, проживъ нѣсколько недѣль въ Прагѣ, Шишковъ познакомился съ чешскимъ языкомъ и съ аббатомъ Добровскимъ, который писалъ грамматику церковно-славянскаго языка. Въ 1817 го-

ду, въ рескриптѣ на имя гр. Остермана, получившаго отъ чеховъ въ даръ кубокъ, Шишковъ назвалъ чеховъ соплеменнымъ намъ храбрымъ народовъ; но Императоръ Александръ вычеркнулъ это выраженіе. Шишковъ замѣтилъ ему: „мнѣ кажется, мы можемъ называть ихъ соплеменными, потому что они нашимъ нарѣчіемъ говорятъ.“ На это Александръ отвѣчалъ: „подозрительные нѣмцы подумаютъ, что, мы сближаясь съ богемцами, симъ родствомъ имѣемъ на нихъ какіе-нибудь виды“. Такимъ образомъ, когда наша политика еще не рѣшалась признать родства съ другими славянами, Шишковъ *первый* протянулъ имъ руку. Въ этомъ Шишковъ, несмотря на разность преслѣдуемыхъ цѣлей, сошелся съ позднѣйшими славянофилами и долженъ быть признанъ ихъ непосредственнымъ предшественникомъ. Интересно при этомъ то обстоятельство, что народное наше сознаніе, и при первомъ своемъ пробужденіи, и при дальнѣйшемъ развитіи, выставило требованіе самобытной, общеславянской культуры, равноправной, но не подчиненной западно-европейской. По предложенію Шишкова, академія выбрала въ почетные члены польскаго ученаго Линде, чешскихъ— Негедна, Добровскаго, Ганку; черезъ нихъ онъ завелъ сношенія съ Раковецкимъ, Юнгманомъ, Караджичемъ, самъ со всѣми переписывался, посылалъ имъ и въ библіотеки пражскую и вѣнскую изданія россійской академіи, въ особенности же указывалъ на „Академическія Извѣстія“, гдѣ печаталось его корнесловіе. Шишковъ, объясняя свой взглядъ на словопроизводство, приглашалъ всѣхъ къ провѣркѣ своего труда; при этомъ Шишковъ самъ признавался, что трудъ его „требуетъ многихъ изслѣдованій, справокъ, разсужденій и доказательствъ, прежде нежели можетъ быть совершенъ“. Въ свою очередь славянскіе ученые присылали въ россійскую академію свои изданія и относились къ ней и къ ея президенту съ большимъ уваженіемъ. У Шишкова явилась даже мысль открыть славянскія каѳедры при русскихъ университетахъ, но исполненіе ея остановилось за недостаткомъ въ то время профессоровъ, достаточно подготовленныхъ для только-что начинавшагося въ это время вопроса о славянской филологіи (Стоюнинъ „Ал. Сем. Шишковъ“, стр. 258—261). Такимъ образомъ не безъ участія Шишкова начались работы по славянской исторіи и филологіи, и, уже въ это время, до 1812 г. сложился кружокъ людей, положившихъ основаніе изученію общеславянской культуры. „То былъ,—говоритъ Срезневскій,—кружокъ

16*

людей науки на Руси, первый по времени или, по крайней мѣрѣ, по значенію и связности. Преданные наукѣ и отечеству, безпристрастно уважающіе труды другъ друга, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ широкой Руси, очень различные по общественному положенію и по возрасту, они тѣсно были связаны направленіемъ мыслей и перепиской другъ съ другомъ. Основными, старшими членами этого кружка были, кромѣ гр. Румянцева, Бантышъ-Каменскій, Малиновскій, митр. Евгеній, отчасти и Оленинъ. Къ нимъ присоединились Калайдовичъ, Востоковъ, Ермолаевъ, Кеппенъ, от. Іоаннъ Григоровичъ. Не въ немъ, но и не внѣ его были нѣкоторые изъ профессоровъ—Тимковскій, Каченовскій, Даниловичъ, Лобойко и изъ академиковъ—Аделунгъ, Кругъ, Френъ. Къ нему примыкали и нѣкоторые изъ иноземныхъ ученыхъ, близкихъ къ нему по занятіямъ, какъ Добровскій, Линде и друг. Открывать и изслѣдовать древніе памятники языка, словесности и быта русскаго народа—такова была задача кружка. Кружокъ сталъ образовываться еще до 1812 г. съ того времени, какъ, по инициативѣ гр. Румянцева, предприняты были работы по изданію „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ".

Возвращаюсь къ прерванному разсказу о новомъ направленіи въ московской журналистикѣ, подъ вліяніемъ толчка, даннаго ей Карамзинымъ, съ его „Вѣстникомъ Европы".

Въ московской журналистикѣ лучшій изъ вновь появившихся журналовъ былъ „Московскій Меркурій", издававшійся въ 1803 г. Макаровымъ. П. И. Макаровъ (1765—1804) былъ сынъ казанскаго губернскаго предводителя дворянства, учился дома, потомъ въ школѣ, служилъ въ военной службѣ, сначала въ Казани, потомъ въ Петербургѣ, прокутился, вышелъ въ отставку майоромъ и поселился въ Москвѣ. Онъ извѣстенъ переводами двухъ романовъ „Графъ де-Сенъ-Меранъ или Новыя Заблужденія сердца и ума". 8 д. М. 1800 г. (2 изд. 1818—19) и „Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи", соч. Лантье, М. 1802 (3 изд. 1822 г.), причемъ Макаровъ перевелъ первыя двѣ части, а третью—Гр. Яценковъ. Послѣ годичнаго изданія журнала, Макаровъ, какъ мы видѣли, участвовалъ въ теченіе 1804 года въ изданіи „Вѣстника Европы" и въ томъ же году въ октябрѣ мѣсяцѣ умеръ на пути въ Польшу, 39 лѣтъ отъ роду. Журналъ Макарова, чисто литературный и не касающійся политики, замѣчателенъ тѣмъ, что онъ посвященъ

дамамъ, „Милымъ читательницамъ“. Въ статьѣ „нѣтоторыя мысли издателей Меркурія“, съ которой начинается журналъ, изложены слѣдующія, замѣчательныя для того времени, разсужденія: „Въ числѣ обстоятельствъ, которыя донынѣ препятствовали успѣхамъ нашей литературы, можно, кажется, предполагать и то, что у насъ молодой человѣкъ весьма рано перестаетъ учиться и, по вступленіи въ свѣтъ, не имѣетъ даже никакой побудительной причины обогащать умъ свой“. Развивши нѣсколько эту замѣтку, Макаровъ прямо переходитъ къ тому средству, которое, по его понятіямъ, одно можетъ подвинуть у насъ просвѣщеніе. „Во Франціи женщины упражнялись въ литературѣ и всѣ первоклассные ученые стекались къ нимъ со всѣхъ сторонъ; домы ихъ были лучшими школами вкуса и просвѣщенія; тамъ, въ отборныхъ собраніяхъ судили и сочиненія и авторовъ; тамъ безъ гордости, безъ чванства всякій старался превзойти другаго не нарядомъ, не экипажемъ, не грубою наглостью, но блескомъ ума, — естественнаго и пріобрѣтеннаго; тамъ Фонтенели и Малербы давали практическія наставленія въ тонкомъ учтивствѣ, въ умной, замысловатой веселости и въ искусствѣ употреблять знанія безъ педантства. Еслибы наши дамы вздумали подражать сему примѣру, то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ заставили бы всякаго учиться. Тогда-то подлинно воздвигли бы имъ алтари; тогда-то слово *обожать* получило бы естественный свой смыслъ, и можетъ быть (къ счастью человѣчества) возвратились бы на землю тѣ золотые вѣка, когда одинъ взглядъ, одинъ поцѣлуй руки награждали десятилѣтніе подвиги героевъ.“ Макаровъ, въ довольно длинной статьѣ, доказываетъ необходимость женскаго образованія и вліянія женщины на общество; статья его, для своего времени, въ высшей степени замѣчательна и многія изъ его мыслей, даже теперь, не принадлежатъ къ числу безспорныхъ и окончательно усвоенныхъ обществомъ. „Женщины всегда были и будутъ первою, хотя иногда невидимою, пружиною человѣческихъ дѣяній, причиною всего *изящнаго* и *великаго*“. Это доказывается цѣлымъ рядомъ историческихъ примѣровъ, начиная съ древнихъ временъ. „Женщины лучшія хранительницы нравовъ; но чтобы онѣ могли найти ту счастливую середину, на которой *добродѣтель* и *любезность* соединяются и взаимно одна другой сообщаютъ прелести свои,—потребно *просвѣщеніе*“. „Почему женщинѣ не быть столько же ученою, сколько и мужчинѣ? Способности ея превосходятъ наши и тре-

буютъ только развитія". „Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ—эгоистъ, любовникъ онъ или мужъ; тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ ключницу или няньку): *я тебя умнѣе*". Но, рядомъ съ этими здравыми и нравственными убѣжденіями, Макаровъ не могъ не заплатить дани своему *галантному* вѣку. Желая видѣть женщину на одной степени образованія съ мужчиной, онъ все-таки не считаетъ возможнымъ подходить къ ней просто, какъ къ человѣку: „Какой педантъ, какой варваръ осмѣлится не похвалить того, что нѣжная, бѣлая, прекрасная рука написала? По крайней мѣрѣ *мы* съ своей стороны, цѣлуя мысленно сію руку и любя воображать ее прелестнѣе руки Анадіомены Апеллесовой, увѣряемъ любезную сочинительницу, что ко всѣмъ произведеніямъ пера ея наша критика всегда будетъ имѣть самое набожное почтеніе". Помѣщая въ своемъ журналѣ „Историческое извѣтіе о Нинонѣ Ланкло", заимствованное сокращенно изъ Лабомеля, Макаровъ предпосылаетъ такое характеристическое замѣчаніе: „Славная француженка Ланкло почитается такою женщиной, какой не было и, можетъ-быть, не будетъ другой. Не сдѣлавъ ничего героическаго, блестящаго, она предала имя свое безсмертію одною только *любезностью*. И нѣтъ еще ста лѣтъ, какъ сіе солнце угасло, какъ сей феноменъ—единственный въ мірѣ — скрылся!" Журналъ Макарова замѣчателенъ преимущественно критикою. До какой степени Макаровъ обладалъ вѣрнымъ критическимъ тактомъ и въ этомъ смыслѣ отдѣлялся отъ общаго мнѣнія, видно изъ отзывовъ его объ иностранныхъ писателяхъ, наиболѣе распространенныхъ въ то время въ переводахъ между русскою публикой. О Жанлисъ по поводу перевода ея романовъ, Макаровъ говоритъ: „Госпожа Жанлисъ принадлежитъ къ тѣмъ авторамъ, отъ которыхъ не надо ожидать ничего *чрезвычайнаго*, ничего *превосходнаго*, но которые однако же никогда не напишутъ *дурно*. Посредственные романы ея всегда будутъ нравиться, всегда съ пріятностью станутъ читать ихъ". По поводу перевода повѣстей Вольтера Макаровъ высказалъ такое сужденіе: „Всѣ сіи *маленькія* творенія *великаго* человѣка, если разсматривать ихъ только съ философической стороны, будутъ ли еще и нынѣ такъ нравиться, какъ они нравились лѣтъ за тридцать прежде? Есть вещи, которыя тогда дѣйствительно почитались очень важными, а нынѣ уже никого не занимаютъ". Но всего суровѣе отзывъ Макарова о

Радклифъ и ея подражательницахъ; между прочимъ, Макаровъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „на книгахъ такого рода всегда надлежало бы ставить эпиграфъ: et la mère en defendra la lecture à sa fille“. Отзывы Макарова объ отечественныхъ писателяхъ также замѣчательны и представляютъ первый примѣръ дѣльной и безпристрастной критики. Разбирая сочиненія И. И. Дмитріева, Макаровъ еще не осмѣливается быть самостоятельнымъ: воспѣвая хвалебный гимнъ маститому поэту, Макаровъ не отступаетъ еще отъ общепринятаго правила ограничиваться разборомъ отдѣльныхъ мыслей и выраженій. Но въ отчетѣ „о путешествіи въ Малороссію“, изд. кн. П. Шаликовымъ (М. 1803), похвала отзывается тонкою и ѣдкой ироніей: „Читая книгу, весьма часто плѣняешься фразою, реторическою фигурою, какимъ-то пріятнымъ, нѣжнымъ колоритомъ слога, какою-то чувствительностью *розоваго цвѣта*,— а прочтя до конца мало удерживается въ памяти. Это не что иное, какъ собраніе отрывковъ, какое человѣкъ съ талантомъ могъ написать не выѣзжая изъ Москвы.“ Это не помѣшало впрочемъ Макарову занять почти половину журнала „Новымъ путешествіемъ въ Малороссію“, Кн. Шаликова, еще болѣе сантиментальнымъ, претензіознымъ и нелѣпымъ. Но за то авторъ не щадилъ переводчиковъ, наводнявшихъ литературу плохими романами, и, безъ сомнѣнія, способствовалъ очищенію вкуса публики.

За исключеніемъ критики, журналъ Макарова представляетъ мало интереснаго по своему содержанію. Стихотворный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ піэсы самыхъ бездарныхъ поэтовъ того времени, которые рады были сбыть куда-нибудь свои „вирши“,—гр. Хвостова, кн. Шаликова и Н. Остолопова. Изъ оригинальныхъ прозаическихъ статей, кромѣ сейчасъ упомянутаго путешествія, помѣщены еще письма самого Макарова—„Россіянинъ въ Лондонѣ“, описаніе пребыванія въ Англіи; письма эти написаны очень живо и интересны даже теперь, такъ какъ Макаровъ описываетъ личныя свои похожденія, довольно характеристическія. Переводы заимствованы изъ сочиненій: Верна (нѣсколько небольшихъ отрывковъ); Лантье (изъ Voyageurs en Suisse); Морица (изъ путешествія по Италіи); Сегюра (отрывокъ объ умѣ и вкусѣ); сокращеніе повѣсти Лафонтена „великодушный соперникъ“ и мн. др.

Послѣднею статьей Меркурія былъ отвѣтъ Шишкову на напечатанное имъ „разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійс-

скаго языка“ (С.-Пб. 1803). Макаровъ понялъ смыслъ протеста Шишкова; его возраженіе не ограничивается одною стилистикой, но вмѣстѣ съ тѣмъ Макаровъ подаетъ голосъ о невозможности и нежелательности возврата къ старому. Макаровъ признаетъ, что нѣкоторыя чужестранныя слова совершенно необходимы; лишь только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Далѣе Макаровъ бѣгло обозрѣваетъ совершенствованіе языка, шедшее объ руку съ просвѣщеніемъ, и доказываетъ, что не только старинный, но и современный языкъ, языкъ лучшихъ писателей, сталъ уже недостаточенъ, не соотвѣтствовалъ тогдашнимъ потребностямъ просвѣщенія. Онъ говоритъ, что самый богатый языкъ бѣднѣетъ, если не пріобрѣтаетъ, и что удержать языкъ въ одномъ состояніи невозможно. Макаровъ отвергаетъ мысль Шишкова, будто книжный языкъ долженъ быть какимъ-то особеннымъ, противоположнымъ низкому, простонародному, и хочетъ совершенно упразднить книжный языкъ, не имѣющій свойствъ живой рѣчи. Это мнѣніе Макарова замѣчательно. Онъ, какъ справедливо говоритъ г. Галаховъ, дополняетъ правило, которому слѣдовалъ Карамзинъ (писать, какъ говорятъ), другимъ столь же законнымъ: и говорить, какъ пишутъ. Первое безъ втораго было бы односторонне. Требуя сближенія литературной рѣчи съ разговорною, необходимо требовать и возвышенія разговорной до уровня съ литературной.

Для нашего времени статья Макарова покажется слабою и наполненною общеизвѣстными и элементарными разсужденіями; но въ свое время это была статья образцовая, единственная въ своемъ родѣ по мыслямъ, по слогу и по значенію своему, какъ первый и удачный опытъ оправданія и защиты нѣкоторыхъ мнѣній Карамзинской школы, какъ одинъ изъ немногихъ голосовъ, раздававшихся тогда въ литературѣ въ защиту культурныхъ стремленій отъ реакціонныхъ нападеній, прикрываемыхъ уваженіемъ къ старинѣ.

Другой Московскій журналъ, получившій значеніе въ ту эпоху не столько по содержанію, сколько по личности издателя и по условіямъ времени, былъ „Русскій Вѣстникъ“, начатый въ 1808 году С. Н. Глинкою (1774—1847). Пересмотрѣвъ большинство тогдашнихъ журналовъ и принявшись за „Русскій Вѣстникъ“, я, даже въ настоящее время, былъ пораженъ его оригинальностью. Тогда какъ всѣ другіе журналы, желая доставить читателямъ занятіе

„разнообразное, пріятное и полезное“, прямо заявляли, что они могутъ почерпнуть его только въ иностранной литературѣ и большую часть своего журнала наполняли переводами и извѣстіями о заграничной жизни и дѣятельности, вдругъ появляется журналъ, въ которомъ нѣтъ *ни одной* переводной статьи, который не говоритъ ни о чемъ другомъ, кромѣ Россіи. Если это поражаетъ въ настоящее время только оригинальностью, то тогда это должно было невольно понравиться и привлечь на свою сторону большинство читателей. Какъ ни глубокомысленны были авторы переводимыхъ статей, какъ ни крупны были факты, заимствованные изъ богатой западной жизни, все же они были чужіе; если они удовлетворяли уму, то они ничего не говорили чувству, которое захватывается глубоко только роднымъ, своимъ, народнымъ. Для читателей, мало образованныхъ,—а такихъ было большинство,—самая серьезная и прекрасная переводная статья менѣе понималась и менѣе возбуждала интереса, нежели сравнительно плохая, но русская, близкая и по понятіямъ, и по живому отношенію. Кн. Шаликовъ въ „Московскомъ Зрителѣ“ представляетъ себѣ современныя требованія общества отъ журнала въ такомъ видѣ: „мнѣ хотѣлось бы видѣть въ немъ болѣе *подлинниковъ* чѣмъ *переводовъ*, болѣе мѣстнаго; хотѣлось бы, чтобы издатель его, какъ ревностный патріотъ, съ пламеннымъ сердцемъ и смѣлою рукою принялся за перо, единственно для пользы земляковъ своихъ“. Эту задачу, къ которой кн. Шаликовъ оказался совершенно неспособнымъ, принялъ на себя и выполнилъ Глинка. Неудивительно поэтому, что журналъ Глинки, настолько удовлетворявшій вообще требованіямъ читающей публики, встрѣченъ былъ горячимъ сочувствіемъ. Кн. Шаликовъ въ „Аглаѣ“ говоритъ о „Р. В.“: „Никогда и никакой журналъ, не исключая даже и „Англійскаго Зрителя“, не соотвѣтствовалъ такъ хорошо своему названію, какъ „Русскій Вѣстникъ“, никогда и никакой издатель не имѣлъ цѣли благороднѣйшей и полезнѣйшей. За то патріотизмъ и таланты признательнаго питомца русскихъ музъ вознаграждаются сынами отечества,—„*Русскаго Вѣстника*“ *взято очень много*“. Вигель въ своихъ „Запискахъ“, говоря о значеніи „Русскаго Вѣстника“, замѣчаетъ между прочимъ, что онъ былъ полезенъ въ особенности для провинціи и тамъ преимущественно расходился. Въ этомъ случаѣ интересно распредѣленіе подписчиковъ, списокъ которыхъ приложенъ къ послѣднему нумеру

1811 года: 279 въ Москвѣ, 440 въ провинціи и только 10 въ Петербургѣ (всего 729 экземпляровъ). Глинку поощряли аристократы. На первыхъ же порахъ въ сотрудники къ нему назвались гр. Растопчинъ и кн. Дашкова; но Глинка, у котораго чувство народности было неподдѣльное и вѣрное, сейчасъ же съ ними разошелся. Аракчеевъ писалъ ему одобрительное письмо и при этомъ съ гордостью выставлялъ, что „онъ учился грамотѣ по часослову, а не по рисованнымъ картамъ". Журналъ Глинки понравился непосредственному начальнику Глинки, Л. П. Нарышкину, и онъ доложилъ о томъ государю; съ другой стороны, на Глинку пожаловался за рѣзкую, по его мнѣнію, статью по поводу Тильзитскаго мира французскій посолъ Коленкуръ, и Глинка былъ отставленъ отъ должности переводчика при театрѣ. Но за то средній классъ, провинція, мелкое дворянство, купечество, духовенство, все, что не интересовалось ни иностранною литературой, ни западною жизнью, все это съ жадностью бросилось на журналъ. А при этомъ еще возбужденное время, темное предчувствіе нашествія, смутные и разнорѣчивые толки о Наполеонѣ, который представлялся уже тогда въ образѣ легендарнаго героя, способнаго совершать подвиги, обыкновенному человѣку недоступные. Все это дѣйствовало возбуждающимъ образомъ; журналъ, передающій свѣдѣнія о событіяхъ съ русской точки зрѣнія, становился необходимостью, и въ этомъ случаѣ понятнѣе и ближе всѣхъ былъ „Русскій Вѣстникъ". Глинка, въ своихъ запискахъ, говоритъ: „Съ кѣмъ ни раскланивался я на улицѣ изъ знакомыхъ гражданъ московскихъ, всѣ они за „Русскій Вѣстникъ" говорили мнѣ *спасибо* и прибавляли: вы пріучаете насъ читать. Весело мнѣ также было видѣть, съ какимъ жаромъ порыва студенты Московскаго университета спѣшили ловить книжки „Вѣстника" при выходѣ ихъ". Погодинъ писалъ: „Вашъ „Р. В." возбудилъ во мнѣ первое чувство любви къ отечеству, „Р. В." заходилъ даже иногда въ крестьянскія хижины". Но все-таки не нужно преувеличивать ни степени его распространенія, ни его значенія. Глинка самъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что „Русскаго Вѣстника" въ 1812 году расходилось не свыше 100 экземпляровъ: это и понятно, читатели того времени книгъ покупали мало и старались читать на даровщину; забравшись въ какое-нибудь захолустье, книга переходила изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока истреплется окончательно.

По поводу „Р. В." я испыталъ изумленіе другаго рода. Прежде, нежели брать въ руки журналъ, я прочелъ „Исторію русской литературы" Галахова. Тамъ Глинка представленъ въ видѣ пророка, чѣмъ-то напоминающимъ Жанну д'Аркъ; тамъ приводятся слова Вяземскаго, что „Глинка былъ рожденъ народнымъ трибуномъ" (II, 2, стр. 139, 141). Поводомъ къ этому выставленъ разсказъ самого Глинки, что „онъ на Поклонной горѣ, въ день прибытія государя въ Москву (11 іюня 1812 г.), *велъ за собою народъ*". Глинка передаетъ это такимъ образомъ. Въ этотъ день на Поклонной горѣ собралось множество исключительно простаго народа. Сюда, говоритъ онъ, „донеслась въ рощу молва, что у заставы Драгомиловской народъ намѣренъ выпречь лошадей изъ государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной горѣ, безъ всякаго посторонняго возбужденія и какъ будто смолвясь душами и мыслію, воскликнули: „не уступимъ! мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ". Потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказали: „а вы, ваше благородіе, ведите насъ! Я провозгласилъ ура! впередъ! и тысячи голосовъ повторили ура, впередъ! все быстро двинулось" (Записки о 1812 г., стр. 8 и 9). Весь этотъ разсказъ носитъ характеръ дѣланнаго, реторическаго, между тѣмъ какъ самый фактъ былъ совершенно простой. Движеніе впередъ со стороны народа на Поклонной горѣ было; Глинка очутился впереди, такъ какъ самъ онъ говоритъ, что, еще собираясь на Поклонную гору, онъ надѣлъ свою золотую медаль, чтобы *протѣсниться*. Очень естественно, что окружающіе, при видѣ этой медали и стараній Глинки, можетъ быть и сказали ему: веди насъ! можетъ быть закричали ура! какъ это всегда бываетъ въ толпѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ. Замѣчательно, что самъ Глинка не придавалъ никакого значенія этому разсказу. Въ позднѣйшей брошюрѣ: „Русскіе въ доблестяхъ своихъ въ вѣрѣ, вѣрности и въ любви своей къ престолу и отечеству" (кн. I. С.-Пб. 1842 г.), Глинка подробно разсказываетъ встрѣчу государя и случай на Поклонной горѣ, дословно повторяя свои записки, а о томъ, что онъ велъ народъ, ничего не упоминаетъ. (Душевный порывъ духа народнаго на горѣ Поклонной, стр. 37—41). Просмотрѣвши и воспоминанія Глинки, и его журналъ, я не могъ понять, гдѣ

и когда гг. Галаховъ и Вяземскій прозрѣли это великое призваніе С. Н. Глинки. Стоитъ только прочесть его скромныя и честныя, но рельефно обрисовывающія его дѣятельность записки, чтобы понять услуги, которыя онъ дѣйствительно оказалъ обществу, но зачѣмъ же ставить его на пьедесталъ, для него совсѣмъ не подходящій. С. Глинка въ 1812 г. получилъ Владиміра 4 степени и 300.000 р. въ свое безотчетное распоряженіе „за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями". Но вѣдь въ то же время и за тѣ же заслуги Шишковъ сдѣланъ былъ государственнымъ секретаремъ, и однакоже трудно назвать его Іоанною д'Аркъ или народнымъ трибуномъ. Глинка, въ своихъ запискахъ, говоритъ о 1809 годѣ, когда заключенъ былъ миръ: „Это было праздникомъ народнымъ. Я усилилъ свои прогулки по улицамъ, по рядамъ и въ Кремлѣ. Вездѣ я слышалъ душевный голосъ народа, *вездѣ къ нему прислушивался и было чего послушать*. По знакомству моему съ людьми Московскими, со мною говорили не запинаясь и *откровенно*. Словомъ, я жилъ среди народа и жизнію народною". Такимъ образомъ Глинка признаетъ самъ, что ему нечего было *учить народъ*, а нужно было только самому прислушиваться. Глинка былъ идеалистъ, страстный и энергическій и притомъ честнѣйшій. 300.000 р., отданные въ безотчетное его распоряженіе, сполна вернулись въ казну: онъ находилъ, что „для русскаго сердца достаточно силы слова, идущаго отъ души". Глинка ярко и искренне охарактеризовалъ себя самъ немногими словами въ запискахъ. Онъ былъ домашнимъ учителемъ и съ урока явился безъ копѣйки въ Москву, гдѣ пристроился переводчикомъ при театрѣ и жилъ на деньги, заработанныя литературнымъ трудомъ. „Я началъ въ Москвѣ,—говоритъ онъ,—работать для театра, а на выработанныя деньги ѣздилъ въ Петербургъ. Не искалъ я ни чиновъ, ни почестей, но ничего не потерялъ, *лелѣя сердце жизнію мечтательною*". На этихъ условіяхъ Глинка жилъ въ Москвѣ, а любилъ въ Петербургѣ, что, при тогдашнихъ сообщеніяхъ, для бѣднаго человѣка не представляло большихъ удобствъ. „Сердце мое,—продолжаетъ онъ,—породнено было съ отечествомъ чистою, святою любовью". И это не фраза: Глинка доказалъ это на самомъ дѣлѣ. Тамъ, гдѣ есть чувство, есть и инстинктъ, отгадывающій положеніе прежде холоднаго, разсчетливаго ума. Столкновеніе съ Наполео-

номъ представлялось неизбѣжнымъ для всѣхъ, но для немногихъ оно было такъ близко къ сердцу, такъ мучительно бѣдой, грозящей отечеству—какъ для Глинки. „Еще въ 1805 году,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ,—я говорилъ моимъ знакомымъ, что очередь завоеванія дойдетъ и до Москвы; въ 1806 году это предчувствіе преобразилось въ душѣ моей во *внутреннее убѣжденіе*. Отдавая письмо объ этомъ обстоятельствѣ своему другу, я сказалъ: Наполеонъ будетъ въ Москвѣ. Я не пророкъ и не суюсь въ пророки, но есть времена, когда будущее сливается съ настоящимъ. Сердце вѣщунъ: оно опережаетъ предположенія и разсчетъ". Въ 1808 году Глинка рѣшился издавать журналъ. „Главнымъ основаніемъ, главною цѣлью „Русскаго Вѣстника",—говоритъ онъ,—предположилъ я возбужденіе народнаго духа и вызовъ къ новой и неизбѣжной борьбѣ". Глинка начиналъ свой журналъ безъ денегъ, безъ сотрудниковъ, не разсчитывая на успѣхъ. Содержатель типографіи Бекетовъ взялъ на себя печатаніе первыхъ двухъ книжекъ, съ тѣмъ, что могущій произойти убытокъ не падаетъ на Глинку. Хотя это не напоминаетъ Іоанны д'Аркъ и не предполагаетъ въ Глинкѣ способностей народнаго трибуна, но все же это была большая заслуга, которая въ то время имѣла значеніе и принесла плоды. Въ программѣ, предпосланной журналу, Глинка говоритъ: „Издавая „Русскій Вѣстникъ", намѣренъ я предлагать читателямъ все то, что непосредственно относится къ русскимъ. Всѣ наши упражненія, дѣянія, чувства и мысли должны имѣть цѣлью отечество; на семъ единодушномъ стремленіи основано общее благо". Объясняя, что философы XVIII столѣтія порицали все, все опровергали, желали преобразить все по своему, издатель продолжаетъ: „Мы видѣли, къ чему привели сіи романы, сіи мечты воспаленнаго и тщеславнаго воображенія. Итакъ, замѣчая нынѣшніе нравы, обычаи, моды и пр., мы будемъ противополагать имъ не вымыслы *романическіе*, но *нравы и добродѣтели праотцевъ нашихъ*. Пусть друзья блага общаго судятъ о преимуществахъ того и другаго!" Въ данную минуту такое сопоставленіе было возможно и полезно, какъ стимулъ для возбужденія патріотизма, а патріотизмъ для того времени былъ все—онъ спасъ Россію. Но съ точки зрѣнія исторіи русской мысли, возводить на пьедесталъ Глинку—довольно трудно. Глинка выросъ на той же почвѣ пробужденнаго, но

заблудившагося на первыхъ порахъ патріотизма, какъ и Шишковъ, и одновременно съ нимъ. Оттого такая искренняя и полная между ними солидарность. Глинка перепечатывалъ въ своемъ журналѣ Шишковскіе „разговоры" длинными выписками, сопровождая ихъ одобрительными примѣчаніями; расхваливалъ „разсужденія о любви къ очечеству". Глинка, какъ и Шишковъ, пришелъ къ убѣжденію, что современное ему общество выработало три несомнѣнныя руководящія начала, которыя должны опредѣлить все предстоящее его развитіе въ области литературы и просвѣщенія: 1) славянскій языкъ въ сродствѣ съ русскимъ; 2) никакое европейское нарѣчіе не обогатитъ россійское слово ни смысломъ, ни свойствами своими; 3) познаніе красоты, силы и выразительности духовной и свѣтской словесности непосредственно сопряжено съ воспитаніемъ отечественнымъ, безъ котораго витійство славянское и русское слово будутъ часъ отъ часу упадать (1810, № 5, стр. 129). Въ примѣненіи это *отечественное* воспитаніе выражалось въ безусловномъ предпочтеніи всего русскаго иностранному, несмотря ни на какое дѣйствительное превосходство послѣдняго. Поэтому, въ исторіи русской мысли мѣсто, отведенное для Шишкова, ео ipso, достается въ удѣлъ и Глинкѣ. Для него просвѣщеніе заключалось „въ простотѣ нравовъ, въ любви и усердіи къ Богу, вѣрѣ, царю и отечеству" (1808, I, 182); по его мнѣнію, можно привести Китай въ примѣръ неизмѣнности нравовъ, незыблемости законовъ и добродѣтелей гражданскихъ: „даже и Вольтеръ прославлялъ за сіе Китайскую державу" (1808, I, 172 прим.). Глинка, по своей честности, нигдѣ не способенъ былъ къ изворотамъ и обману. Онъ не могъ отказать въ своемъ движеніи западной образованности. Въ этомъ случаѣ его патріотизмъ подсказалъ ему наивный и оригинальный способъ примиренія: онъ началъ отыскивать въ русской старинѣ всѣ тѣ результаты, которые пріобрѣло западное образованіе многовѣковою работою своей мысли. Онъ находилъ у воспитателя Петра В. Зотова, у этого пьянѣйшаго папы своего питомца, тѣ же начала, какія выработали Локкъ, Руссо и Кондильякъ; онъ въ наставленіи Симеона Полоцкаго царю Алексѣю Михайловичу открывалъ сходство не только съ мыслями Сократа, Платона и Цицерона, но и Декарта, Боссюэта, Вольтера, Дидро; по его понятію, Костровъ былъ совмѣстникъ

музы Гомера. „Мы не назовемъ,—говоритъ онъ,—дѣвицы Волковой новою Сафо: гречанка Сафо пѣла восторги страстной и изступленной любви; россіянка Волкова посвятила перо свое добродѣтели, царю и отечеству“. Глинка *изъ патріотизма* не допускалъ въ свой журналъ стихотвореній, гдѣ, по тогдашнему обычаю, авторъ обращался къ греческой и римской миѳологіи. По этому поводу онъ говоритъ: „Стиховъ, въ которыхъ находятся названія баснословныхъ боговъ, не могу напечатать. Хотя мнѣ и были печатныя укоризны за непринятіе *греческаго баснословія* въ „Русскій Вѣстникъ“, но я не отступлю отъ моей цѣли и буду по возможности предлагать *подлинное отечественное*. Греки славили свое; будемъ и мы собственное поддерживать“ („Р. В.“ 1811, № 5, стр. 134, прим.). Все это показалось страннымъ даже современникамъ, вслѣдъ за отрезвленіемъ отъ патріотической горячки, и вызвало не лишенную мѣткости замѣтку въ извѣстной сатирѣ Воейкова „Сумасшедшій домъ“:

Номеръ третій, на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ;
Передъ нимъ духъ русскій въ стклянкѣ
Не откупоренъ стоитъ.
Книга Кормчая отверста
А уста растворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.
О Расинъ! откуда слава?
Я тебя дружка поймалъ!
Изъ россійскаго Стоглава
Ты Гофолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота,
Въ Андромахѣ подражанье
Погребенію кота.

(„Сбор. Петерб. Студ.“ I, стр. 341.)

Журналъ Глинки составлялся безъ всякой системы: онъ работалъ все время почти одинъ, не имѣя предъ собою ни предшественниковъ, ни сколько-нибудь подготовленнаго матерьяла. Онъ составлялъ книжку журнала изъ всего, что попадалось ему подъ руку и что отвѣчало его цѣли или могло быть къ ней прина-

ровлено. Но, само собою разумѣется, что при опредѣленности и цѣльности воззрѣнія издателя, журналъ былъ послѣдовательнымъ и выдержаннымъ осуществленіемъ его программы. Глинка самъ писалъ для журнала историческія и нравоучительныя повѣсти, которыя онъ потомъ соединилъ въ отдѣльномъ изданіи („Русскія историческія и нравоучительныя повѣсти", соч. С. Глинки, изданы А. Ширяевымъ и посвящены Плат. Петр. Бекетову, М. 1810 г., съ нѣкоторыми перемѣнами и исправленіемъ слога); составлялъ жизнеописанія замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, прежнихъ и современныхъ (въ томъ числѣ, напр., извѣстія о тверскомъ механикѣ Гладкомъ, ржевскомъ механикѣ Волосковѣ, художникѣ-самоучкѣ, серпуховскомъ купцѣ Воронинѣ и др.); собиралъ отовсюду анекдоты и разсказы о знаменитыхъ русскихъ людяхъ и похвальныя черты изъ дѣятельности современниковъ (причемъ иногда попадался, какъ видно изъ доставленнаго ему, по распоряженію правительства, опроверженія одного изъ напечатанныхъ имъ сообщеній); печаталъ грамоты, акты и вообще памятники древней нашей письменности, не только безъ всякой критики, но въ извлеченіи и передѣлкахъ, съ собственными его замѣчаніями, такъ что сами по себѣ приводимые имъ въ журналѣ памятники не имѣли никакой цѣны,—хотя въ этомъ случаѣ Глинкѣ, по крайней мѣрѣ, можетъ быть зачтена заслуга, что онъ первый обратилъ вниманіе читателей, и притомъ читателей обыкновеннаго разряда, а не спеціально ученыхъ, на памятники древней нашей письменности; велъ библіографическій отдѣлъ о русскихъ и отчасти иностранныхъ книгахъ, причемъ тщательно указывалъ всякій похвальный отзывъ о Россіи и съ яростію опровергалъ всякій неблагопріятный, хотя бы и справедливый. Глинка и въ этомъ случаѣ простиралъ свою ревность такъ далеко, что въ одной изъ своихъ полемическихъ статей съ „Аглаей" напалъ на совершенно невиннаго кн. Шаликова за то, что послѣдній, упомянувъ про прежній обычай зарывать деньги въ землю, вывелъ оттуда заключеніе, что въ современномъ обществѣ благотворительность распространена болѣе, нежели въ древнія времена. Глинка обращалъ преимущественно вниманіе на военные подвиги и помѣстилъ большую статью „О военномъ искусствѣ у древнихъ и новыхъ народовъ"; любимымъ героемъ его былъ Суворовъ, о которомъ онъ говорилъ въ каждой книжкѣ и собралъ много инте-

ресныхъ анекдотовъ. Но Глинка не пренебрегалъ и гражданскими подвигами прежнихъ и современныхъ русскихъ людей. Такъ, между прочимъ, говоря объ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ, онъ выражается такимъ образомъ: „Истинный русскій дворянинъ долженъ быть *отцомъ-помѣщикомъ*. Попеченіе о крестьянахъ есть такая же служба, какъ и служеніе на ратномъ поприщѣ. Отечество ввѣряетъ крестьянъ въ человѣколюбивый и отеческій присмотръ; онъ отвѣчаетъ за нихъ Богу и отечеству. Словомъ, занимаясь ревностно здоровьемъ, благосостояніемъ, довольствіемъ своихъ крестьянъ, занимаясь удобреніемъ полей, хозяйственнымъ распоряженіемъ всѣхъ сельскихъ нуждъ и трудовъ, помѣщикъ также служитъ государству, какъ и воины, защищающіе его грудью" (1810, IX, 121 и 122). Глинка первый открылъ въ своемъ журналѣ особый отдѣлъ „благотворительныхъ извѣстій" и сдѣлалъ его для публики посредникомъ между нуждающимися и помогающими, примѣръ, которому вскорѣ послѣдовали другіе современные ему журналы и который удержался до сихъ поръ. Въ стихотворномъ отдѣлѣ, кромѣ самого издателя и брата его Ф. Н. Глинки, на первый годъ приняли, хотя очень слабое, участіе извѣстные поэты—Державинъ, Дмитріевъ, Богдановичъ, Воейковъ, Вл. Измайловъ, но всѣ сократились на слѣдующій же годъ; журналъ все болѣе и болѣе наводнялся стихами неизвѣстныхъ, случайныхъ или лично знакомыхъ издателю поэтовъ, между которыми встрѣчались имена болѣе или менѣе почетныя въ тогдашней литературѣ: Мерзлякова, Ф. Иванова, кн. Шаликова, Ан. Волковой, Ник. Радищева (сына извѣстнаго А. Н. Радищева). По прозаическому отдѣлу Глинка былъ бѣденъ сотрудниками, да и тѣ, которые являлись къ нему на помощь (какъ напр. Галинковскій, Пав. Львовъ и др.), въ сущности ничего, кромѣ ущерба, не могли принести журналу. Въ числѣ сотрудниковъ Глинки былъ братъ Кон. Богдановича, Ив. Богдановичъ, издавшій книгу: „О воспитаніи юношества" и помѣщавшій въ „Р. Вѣстникѣ" свои стихотворенія и повѣсть („Дорандъ или жертва безразсудства"). Подробный перечень статей, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", читатели найдутъ въ Прибавленіи III. Между прочимъ, въ „Р. Вѣстникѣ" помѣщена интересная статья А. Малиновскаго „О россійскомъ театрѣ" (1808, № 111, 109—124), гдѣ разсказывается древнѣйшая его эпоха до начала восьмисотыхъ годовъ.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Карамзина, представителемъ чувствительнаго направленія въ литературѣ и противникомъ шишковистовъ въ московской журналистикѣ является кн. Шаликовъ. Кн. Шаликовъ за это время издавалъ два журнала: „Московскій Зритель“ въ теченіе 1806 года и „Аглаю“ съ 1809—1812 г. включительно. Въ послѣдующую эпоху онъ продолжалъ съ 1823 по 1828 годъ „Дамскій Вѣстникъ“ и потомъ былъ издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Журнальная дѣятельность кн. Шаликова впервые разсмотрѣна была г. Пятковскимъ, но очень односторонне, поспѣшно и потому невѣрно. Г. Пятковскій вообще относился къ старымъ журналамъ исключительно съ точки зрѣнія современнаго либерализма, но едва ли эта точка отправленія есть вѣрная. Такъ, г. Пятковскій выписываетъ помѣщенное въ „Зрителѣ“ „Письмо сельскаго дворянина къ издателю“, гдѣ дворянинъ горько жалуется на „чудную перемѣну въ мысляхъ и правилахъ“ у дворянъ его губерніи, выразившуюся въ томъ, что многіе изъ этихъ дворянъ поженились на своихъ крѣпостныхъ. Г. Пятковскій ставитъ это главнымъ упрекомъ Шаликову. Но онъ не принялъ въ соображеніе, что Шаликовъ въ томъ же журналѣ помѣстилъ подробное и очень обстоятельное опроверженіе всѣхъ неудобствъ подобныхъ браковъ и, напротивъ, признаетъ подобные браки совершенно нормальными, пока болѣе серьезное воспитаніе благородныхъ дѣвицъ не заставитъ предпочитать ихъ въ силу нравственныхъ соображеній, а не изъ одного уваженія къ породѣ и сословнымъ преимуществамъ. Шаликовъ заявляетъ прямо, что „дворянство есть только титло, а человѣчество бытіе вещественное“ (см. „Размышленіе“, іюнь 1806 года, стр. 23). Шаликовъ вернулся къ этому вопросу въ слѣдующемъ своемъ журналѣ „Аглаѣ“, гдѣ сотрудникъ, подписавшійся буквою Р., также отрицаетъ неудобства подобнаго брака и сомнѣвается, „разбираетъ ли любовь разность происхожденія“ („Аглая“ 1810 г., мартъ, стр. 62). Кн. Шаликовъ былъ вообще человѣкъ недаровитый и дюжинный, отъ него нельзя ожидать, чтобы онъ сталъ въ передніе ряды охваченнаго прогрессомъ молодаго поколѣнія, хотя онъ и былъ ровестникомъ Карамзина (князь Шаликовъ 1767—1852, Карамзинъ 1766—1826 г.). Но все же кн. Шаликовъ, въ свое время, былъ человѣкъ видный: М. Дмитріевъ, въ „Мелочахъ изъ запаса моей

памяти", заявляетъ, что тогда „имя кн. Шаликова было извѣстно въ Россіи отъ одного конца до другаго". Загоскинъ разсказывалъ Вигелю, что, во время еще его малолѣтства, гуляя по Тверскому бульвару, онъ помнитъ толпу, съ любопытствомъ, въ почтительномъ разстояніи, идущую вслѣдъ за небольшимъ человѣкомъ, который ни шибко шелъ, ни останавливался, вынималъ бумажку и на ней что-то писалъ, а потомъ опять пускался бѣжать. „Вотъ Шаликовъ,—говорили шопотомъ, указывая на него,—и вотъ минута его вдохновенія". Если собрать всѣ эти разбросанныя по всѣмъ журналамъ бумажки, на которыя изливалось вдохновеніе князя, вмѣстѣ съ отдѣльными изданіями его сочиненій,—то составилась бы чуть не цѣлая библіотека. Но, несмотря на такую усердную плодовитость, Шаликовъ и своимъ современникамъ, и намъ, далекимъ потомкамъ, представлялся въ какомъ-то благодушномъ, безобидно-смѣшномъ видѣ. Кн. Вяземскій, тогда еще молодой человѣкъ, такъ изображаетъ Шаликова, съ его стѣсненнымъ финансовымъ положеніемъ, во время сборовъ за границу:

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой,
И съ миртовой отъ кошекъ вѣткой,
Подвязанъ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ пара мадригаловъ,
Съ едва звенящимъ кошелькомъ,
Вотъ какъ пустился нашъ Вздыхаловъ
По свѣту странствовать пѣшкомъ.

Чѣмъ же могъ кн. Шаликовъ приковать къ себѣ вниманіе современниковъ? Тѣмъ, что среди суроваго и грубаго, по своей дикости, общества инстинкты у Шаликова были мягкіе и въ немъ до извѣстной степени существовало то уваженіе и сочувствіе къ образованію, которое сдѣлало изъ Карамзина *перваго европейца*. Шаликовъ образовался исключительно подъ вліяніемъ Карамзина. Въ „Московскомъ Зрителѣ" онъ самъ говоритъ: „Сколько я обязанъ „Аглаѣ"; она образовала вкусъ мой, развила, подобно благотворнымъ лучамъ солнца, чувства души моей, открыла въ ней способность и силу изливать сіи чувства въ нѣкоторой гармоніи, съ нѣкоторымъ искусствомъ—вотъ ея первыя мнѣ благодѣянія" („Письмо къ Н. С. П." 71, № 3, стр. 19). Несмотря на то, что Шаликовъ былъ излюбленный поэтъ А. С.

Шишкова, въ статьѣ „о слогѣ Карамзина" Шаликовъ признаетъ слогъ этотъ образцовымъ и принаровленнымъ ко всѣмъ родамъ литературныхъ произведеній („Аглая" 1808 г.); разбирая сочиненіе Львова, помѣщенное въ „Любителѣ Словесности" (издававшемся въ 1806 г. Н. Остолоповымъ) подъ заглавіемъ „изображеніе Москвы и всей Россіи въ царствованіе Іоанна IV" и обличая всѣ историческія невѣрности, Шаликовъ вооружался противъ тяжелаго и надутаго слога, испещреннаго славянизмами, и спрашивалъ съ недоумѣніемъ,—„неужели старый языкъ лучше и вразумительнѣе новаго и въ самомъ простомъ описаніи?" Такимъ образомъ Шаликовъ въ спорѣ приверженцевъ стараго и новаго слога видѣлъ только стилистическую сторону, не заглядывая въ глубь и не подозрѣвая всей важности этой борьбы тупаго и упорнаго консерватизма съ умѣреннымъ либерализмомъ. Это внѣшняя стилистическая чувствительность, въ которую не вкладывалось ни искренняго чувства, ни серьезной мысли,—одна тоническая гармонія слога, достигнутая нѣкоторымъ искусствомъ въ силу упражненія, техническая умѣлость при полномъ отсутствіи таланта, производили напыщенное декламаторское проявленіе въ литературѣ, которое не оказывало замѣтнаго и прочнаго вліянія на современниковъ, а потомству представляется лишь съ пошлой своей стороны. Послѣдняя закрываетъ собою все остальное, хотя, оставляя въ сторонѣ, какъ выразился Макаровъ, „розовую" его чувствительность, нельзя не признать за Шаликовымъ нѣкотораго содѣйствія распространенію образованія въ читающей средѣ, чему вовсе не способствовали сторонники Шишкова и стараго слога, въ родѣ Голенищева-Кутузова и Львова.

Что касается до журнала, то Шаликовъ не ограничивался „однимъ требованіемъ оригинальности и преобладаніемъ *мѣстныхъ* интересовъ". Онъ расходился съ Карамзинымъ и во взглядѣ на критику. Въ письмѣ къ издателю воображаемый корреспондентъ говоритъ: „Я не соглашусь со многими, что критика *не исправляетъ*, и потому я желаю, чтобы она была непремѣнно въ вашемъ журналѣ". Авторъ письма очень настойчиво совѣтуетъ познакомить съ красотами великихъ образцовъ, въ числѣ которыхъ, наравнѣ съ Гомеромъ и Пиндаромъ, стоятъ конечно Ломоносовъ и Державинъ, дабы плохіе поэты почувствовали „всю гадкость своего риѳмоплетенія". Бѣдный Шаликовъ не подозрѣвалъ, что

въ этомъ случаѣ онъ, какъ нельзя лучше, изображалъ Satan, qui preche la morale. Стихотворный отдѣлъ игралъ въ журналѣ такую же важную и преобладающую роль, какъ въ большинствѣ старыхъ нашихъ журналовъ, и уступалъ въ этомъ случаѣ только „Другу Просвѣщенія“ Кутузова. Стихи поставлялъ главнымъ образомъ самъ авторъ и сотрудникъ его, обозначавшій себя Б* и принимавшій участіе и въ прозаическомъ отдѣлѣ обоихъ журналовъ. Затѣмъ изъ извѣстныхъ поэтовъ участвовали: Крыловъ, помѣстившій нѣсколько своихъ басенъ въ „Московскомъ Зрителѣ“ при содѣйствіи Ив. Ив. Дмитріева, Вас. Л. Пушкинъ и Вл. Измайловъ. Въ оригинальномъ прозаическомъ отдѣлѣ одна изъ первыхъ статей озаглавлена „женщины меценаты“. Здѣсь проводятся тѣ же мысли, съ которыми мы уже встрѣтились въ „Московскомъ Меркуріи“ Макарова, хотя несравненно слабѣе и какъ бы стороною,—именно что русскія женщины должны подражать примѣру греческихъ и сдѣлать свои гостиныя центромъ просвѣщенія. Шаликовъ принадлежалъ къ тому мужскому поколѣнію, которое смотрѣло на женщину, какъ на одну изъ „утѣхъ“ въ жизни, но во внѣшніе пріемы обращенія съ нею внесло извѣстную изящную утонченность, которую въ старину называли по-русски учтивствомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія любезностью, по французски galanterie. Соединить это любезное ухаживаніе за женщиной съ нѣкоторою практикой для мозговой работы казалось для людей того поколѣнія очень серьезной и плодотворною задачей. Другая особенность Шаликова и вообще послѣдователей Карамзина состоитъ въ томъ, что они ближайшимъ образцомъ для подражанія избрали сантиментальное путешествіе Стерна и пустились въ описаніе своихъ странствованій, даже не выходя изъ комнаты. Этому есть физіологическая причина. Чувство не глубокое и не искреннее—недолговѣчно и безпокойно; для своего возбужденія оно требуетъ быстрой смѣны впечатлѣній и разнообразія, а это всего проще и удобнѣе достигается въ путешествіи. „Московскій Зритель“, въ своей оригинальной прозаической части и получилъ именно этотъ характеръ. Въ немъ помѣщены путешествія въ Кронштадтъ Шаликова, путешествіе на богомолье, путешествіе по комнатѣ, и т. д. Въ отрывкѣ письма отъ Полины къ Нинѣ, въ видѣ впечатлѣнія, выписаннаго изъ путешествія, объясняются преимуще-

ства сострадания и добродѣтели, скрытыя подъ бѣдной и непригладной оболочкой, передъ красивой и блестящей, но безсердечной и пустою. Немногія другія оригинальныя статьи, очень коротенькія, представляютъ чувствительно-нравственныя разсужденія о разныхъ житейскихъ предметахъ: о ревности, о времяпрепровожденіи въ обществѣ, гдѣ осуждается претензія на остроуміе и страсть къ картежной игрѣ, о супружествѣ, гдѣ преслѣдуется разсѣянная жизнь свѣтскихъ женщинъ и доказывается, что „жены большею частью виновницы поврежденія теперешнихъ нравовъ“. Въ статьѣ „о воспитаніи“, гдѣ между прочимъ осуждается тщеславіе одной своей дворянскою породой и проводится мысль, что высокое положеніе можетъ удержать за собой дворянство только серьезнымъ образованіемъ и заслугами передъ обществомъ, авторъ (но не самъ издатель), предлагая образцомъ прежнее положеніе женщины, когда она *повиновалась* мужу и сидѣла постоянно дома, среди хозяйскихъ заботъ, приходитъ между прочимъ къ такому заключенію: „Вы хотите возвыситься безъ всякаго усилія; хотите *сіять* на счетъ другаго; почитаете себя вправѣ на всѣ привилегіи—сойдите же съ мнимаго своего амвона и разбейте обворожающую васъ призму, отцы семействъ, надменные одними грамотами и передающіе ничтожное тщеславіе дѣтямъ своимъ. Скажу, въ заключеніе, что для воспитанія гражданскаго нѣтъ дальней нужды родителямъ читать Локка и Жанъ-Жака Руссо, но должно читать *исторію*“. Въ статьѣ „объ искательствѣ въ людяхъ“ авторъ, вооружаясь сильно противъ этого обычая, заявляетъ, что одна подлая корысть можетъ заставить „искать во всѣхъ безъ разбора; а выигрышъ отъ этого не приноситъ, какъ извѣстно, истинныхъ выгодъ“. Такое нравоученіе выставляетъ съ хорошей стороны характеръ самого Шаликова. Наконецъ, въ статьѣ „Злоупотребленіе свободы въ молодости“, авторъ рисуетъ такимъ образомъ внутреннюю подкладку той свѣтской любезности, которая досталась русскимъ барамъ въ удѣлъ отъ щеголей и маркизовъ XVIII столѣтія. „Молодой, красивый и благонравный мущина есть подарокъ для бесѣды женщинъ во всякое время, а особливо въ прекрасный лѣтній вечеръ, въ уединеніи, при прогулкѣ, въ рощицѣ, съ пріятной философіей, съ нѣжною гитарою, съ французскимъ романсомъ, и—въ отсутствіи любезнаго мужа!“ Въ пе-

реводной части помѣщены: Персидскій оперный анекдотъ изъ Талмуда Вавилонскаго (?); пов. Дюмутье Аделина и Вальмонъ; отрывокъ изъ романа „Матильда“; Аспазія пер. неизвѣстно откуда; Августа, Христина и Амуръ, разговоръ въ день имянинъ жены; Фридерика и Генріетта, или добрый отецъ, изъ соч. Коцебу; Ахметъ и Валида изъ соч. Кейта; д'Аламберта отрывокъ изъ рѣчи на погребеніе Абб. Террисcона; Клеманъ—отрывокъ, какъ должно переводить поэтовъ стихами. По части критики помѣщены разборы: героической драмы С. Глинки „Наталья, боярская дочь“; пер. твореній Пиндара, сдѣланный Гол.-Кутузовымъ съ франц. (М. 1804), гдѣ, при всѣхъ похвалахъ, замѣчено о невѣрности этого перевода; перевода идилліи изъ Феокрита „Циклопъ“, помѣщеннаго въ 1-й книжкѣ „Друга Просвѣщенія“ за 1804 годъ,—перевода, которымъ рецензентъ остался недовольнымъ. Журналъ „Аглая“ имѣетъ нѣсколько иной характеръ: „Московскій Зритель“ еще задавался, подобно другимъ современнымъ журналамъ,—главнымъ образомъ разнообразіемъ и предлагалъ всего понемножку; „Аглая“ почти исключительно занята беллетристикою и именно повѣстями, сначала переводными, а потомъ оригинальными,—все остальное сравнительно отводится на задній планъ и занимаетъ мало мѣста. Такимъ образомъ журналъ переходитъ къ тому образцу, который окончательно сформировался въ журналистикѣ тридцатыхъ годовъ, гдѣ проза получила преобладаніе надъ поэзіей, а повѣсть составляла самый существенный и интересный для читателя отдѣлъ журнала. Въ „Аглаѣ“ даже стихотворный отдѣлъ занимаетъ гораздо менѣе мѣста, несмотря на то, что число поэтовъ-участниковъ значительно увеличилось. Кромѣ самого издателя и его главнаго сотрудника Б., въ „Аглаѣ“ помѣщали свои стихотворенія изъ болѣе извѣстныхъ тогдашнихъ поэтовъ: Мерзляковъ, кн. И. Долгоруковъ, С. Глинка, Ф. Глинка, Вл. Измайловъ, Ф. Ф. Ивановъ, Лажечниковъ, кн. Ник. Кугушевъ, Саларевъ и др. Прозаическій отдѣлъ 1808 года наполненъ по преимуществу переводами. На первомъ планѣ стоятъ переводныя повѣсти: двѣ повѣсти Буффле („Мода“ и „Счастливый случай“); пов. Гермодоръ и Ефразія изъ Mercure de France; отрывки изъ Тристрамъ Шенди Стерна и изъ Верна (voyage santimental); Мерсье (отрывки—меланхолія, любовь, Вольтеръ и Руссо); Вольтеръ („Утѣши-

тельные совѣты"); Делиль („Гимнъ добродѣтели изъ его естественной исторіи"); Ж. Ж. Руссо („О женщинахъ"), Оберманъ („О женщинѣ"), г-жа Меланъ („Дѣятельность лѣнивыхъ"), Арно („О чувствительности дикихъ"), Бюрнетъ („Марія королева англійская"), Лонгинъ („Сравненіе Гиперида съ Демосѳеномъ"), неизбѣжный Лагарпъ („Фонтенель"), Мармонтель („О Генріадѣ Монтаня"); Томасъ и друг. Кромѣ того въ этомъ году помѣщенъ разборъ: „Правила поэзіи", соч. Батте, сокращенный переводъ, съ присовокупленіемъ россійскаго стихосложенія, пер. А. Буниной (С.-Пб. 1808 г., издано по Высоч. повел.) и статьи о театрѣ („Разборъ игры Филисъ и Сандуновой). „Аглан" за другіе годы (1810—1812) я не нашелъ въ московскихъ библіотекахъ, но сказаннаго мною совершенно достаточно, чтобы понять и оцѣнить характеръ журнальной дѣятельности Кн. Шаликова.

„Вѣстникъ Европы" и „Московскій Меркурій" были представители, для своего времени, серьезной и либеральной московской прессы, „Сынъ Отечества"—патріотической; но рядомъ съ этимъ на журнальное поприще выступили въ Москвѣ и послѣдователи Шишкова. „Другъ Просвѣщенія" издавали въ теченіи трехъ лѣтъ (1804—1806 включительно) Голенищевъ Кутузовъ, гр. Хвостовъ и гр. Г. Салтыковъ. Изъ числа этихъ издателей, самыхъ *истыхъ* поклонниковъ Шишкова, гр. Хвостовъ былъ посмѣшищемъ даже въ свое время: всѣ молодые писатели объ него оттачивали перо свое, и безъ эпиграммы на Хвостова какъ будто нельзя было вступить въ литературное сословіе. Въ его притчахъ оселъ лѣзъ на рябину и крѣпко лапами за дерево хваталъ, голубь грызъ зубами узелки, сума надувалась отъ вздоховъ и т. п. Бывшій два раза попечителемъ Московскаго университета, Голенищевъ-Кутузовъ былъ извѣстенъ невѣрными переводами съ французскаго греческихъ поэтовъ (Пиндара, Сафо и Гезіода) и доносами на Карамзина ([86]). М. Дмитріевъ въ „Мелочахъ изъ записокъ моей памяти" разсказываетъ, что самый журналъ состоялся только потому, что другіе издатели не согласились принимать стиховъ отъ этихъ трехъ виршеслагателей. „Другъ Просвѣщенія" состоялъ изъ двухъ отдѣловъ: литературнаго и отдѣла наукъ и художествъ. Въ литературномъ отдѣлѣ большую его часть наполняли стихотворенія; главными вкладчиками являлись сами редакторы—Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Дм. Хвостовъ и гр. Гр. Салтыковъ, къ

которымъ присоединились титулованные ихъ сотрудники—Гр. Апол. Е. Мусинъ Пушкинъ, кн. А. Долгоруковъ, кн. Д. Горчаковъ и, изъ числа болѣе или менѣе извѣстныхъ, поэты: Державинъ (помѣстившій здѣсь стихотворенія: Фонарь, Колесница, рѣзкое осужденіе французской революціи, На возвращеніе изъ Персіи чрезъ Кавказскія горы гр. В. А. Зубова и Волховъ Кубрѣ, послѣднее безъ подписи), С. Глинка, Ф. Ключаревъ, Н. А. Львовъ (Добрыня, богатырская пѣсня, тоническими стихами, подражаніе древнимъ былинамъ), Н. Остолоповъ, А. Шишковъ, В. Капнистъ, пер. изъ Делиля на безсмертіе (1803, IV, 206). При этомъ замѣчательно, что чѣмъ дальше подвигался журналъ, тѣмъ менѣе становилось участіе самихъ редакторовъ и ихъ титулованныхъ сотрудниковъ и соразмѣрно тому увеличивалось участіе малоизвѣстныхъ стихослагателей, такъ что 1806 годъ почти исключительно наполнялся ими ([51]). Мы оставимъ въ сторонѣ давно забытыя вирши, помѣщавшіяся въ этомъ журналѣ, его высокопарныя, надутыя, но лишенныя всякой поэзіи оды, нѣжныя посланія къ милымъ, обмѣнъ пріятельскими посланіями съ цѣлью взаимнаго восхваленія, мадригалы, надписи и другія модныя стихотворныя бездѣлки, наполняющія этотъ журналъ. Мы для примѣра возьмемъ одно бытовое стихотвореніе неизвѣстнаго, гдѣ обрисовываются отношенія журнала къ народу, къ низшей крестьянской средѣ. Въ „посланіи къ кучеру Кирюшкѣ“ говорится между прочимъ:

На милость барскую всесильно уповая,
Не знаешь нужды ты и никакихъ хлопотъ;
Ты пѣсенки орешь и пляшешь присѣдая
До тѣхъ поръ, какъ съ лица твово польется потъ.
Ты доброй человѣкъ, простой, нелицемѣрный,
И не замѣтилъ я, чтобъ ты когда былъ пьянъ;
Усердный мнѣ слуга, услужливой и вѣрной;
Одинъ въ тебѣ порокъ, Кирюша:—ты буянъ!
Зачѣмъ стегаешь ты кнутомъ, кого не встрѣтишь.
Припомни, что ты самъ не бережешь себя—
Карету обскакать зачѣмъ чужую мѣтишь.
Скажи, училъ ли я тому когда тебя?

Послѣдній стихъ очевидно для риѳмы; но въ сущности баринъ очень доволенъ буянствомъ Кирюшки; онъ ему даетъ, въ знакъ милости, такое обѣщаніе:

Зимою подарю тебѣ я шубу лисью;
Шути ты и впередъ, какъ ты всегда шутилъ,
Велю привезть въ Москву жену твою Анисью.

Отдѣлъ оригинальной прозы очень незначителенъ: краткое описаніе объ островѣ Кадьякѣ; коротенькое начертаніе жизни Я. Б. Княжнина; письмо изъ Лифляндіи Фишера; тактика или разговоръ съ солдатами ихъ языкомъ послѣ ученья Суворова; интересное письмо отъ морскаго мегалоса сухопутному мегалосу изъ Наксіи отъ 12 августа 1772 г. о подвигахъ въ Египтѣ Грека Ризо, называвшагося русскимъ адмираломъ; баснословье славянъ сравнительно съ другими народами и др. Въ каждой книжкѣ помѣщались русскіе анекдоты, гдѣ описывались заслуживающіе уваженія поступки разныхъ лицъ. Въ прозаическомъ отдѣлѣ журналъ заслуживаетъ благодарности за помѣщеніе начала, оканчивающагося именемъ Кирилла, статьи „Новаго опыта словаря о россійскихъ писателяхъ" митрополита Евгенія, какъ это и заявлено было письмомъ изъ Бѣлгорода. Изъ старыхъ сочиненій помѣщено: Слово благодарственное Елизаветѣ Петровнѣ при инавгураціи Петербургскаго университета, Ломоносова; письмо Кн. Я. Ф. Долгорукова; рѣчь кн. Дашковой при открытіи академіи въ 1783 г. и письмо ея къ Вильмоту, за подписью К. Д. Въ числѣ переводовъ помѣщены: двѣ повѣсти изъ Дюкре-Дюмениля (страннопріимство и мудрецъ въ долинѣ); пов. Доммартеня (Бариньякъ и Флоранвиль); изъ Дидерота (сожалѣніе о старомъ моемъ халатѣ); отрывокъ изъ Томсона, пер. Пуговкина; изъ С. Ламберта (журналъ жизни добродѣтельнаго человѣка); изъ сочиненій Казота (oeuvres de Cazotte) Пилигримы; изъ Vigée (о дружбѣ); изъ Шамфора (пристыженное тщеславіе); изъ сочиненія Сегюра (Les femmes, leur conditions sociales etc); изъ путешествія Анахарзиса, Біасъ Пріэнскій, отрывокъ, помѣщенный въ прибавленіи; изъ Correspondance politique et confidentielle de Louis XVI, (Paris, 1803); о Пиндарѣ, съ французскаго; изъ сочиненія Lettres, ècrites sous la regne d'Auguste: о ваятельномъ искусствѣ, о живописи; изъ журнала Коцебу der Freimuthige (любопытный процессъ); изъ Suard melanges de litterature (Молуккъ и Ниссуръ, о древнихъ бардахъ); разсказъ—Дѣйствительное привидѣніе; нѣсколько коротенькихъ отрывковъ изъ Томаса; статья Ноэлля (о Мариво); Маркизы Каракчіолли (о смерти); отрывокъ изъ сочиненія Мармонтеля (Пикъ или разрушеніе Перуанской

имперія); Д-цы Эспинассъ (чувствительное путешествіе—окончаніе); письмо Ж. Ж. Руссо къ С. Жерменю, гдѣ онъ излагаетъ, насколько несправедливы нападенія на него разныхъ враговъ во Франціи; изъ Nouveau voyage en Espagne; Жалоба Гименея, съ нѣмецкаго; О театральныхъ представленіяхъ; Нѣчто о поцѣлуѣ; пер. А. Болховскаго (изъ Воронина), доставлявшаго иногда сантиментальные переводы въ журналъ; изъ древнихъ писателей, изъ Тибулла, изъ Феокрита (идилія Циклопъ, съ франц.), изъ Лукіяна; письмо Петронія къ Ювеналу, изъ Авла Геллія, Проперція. По теоріи словесности главнымъ руководствомъ служили опыты Трюблета, откуда заимствовано нѣсколько отрывковъ и три изъ лицея Лагарпа (одинъ пер. Макарова). Такимъ образомъ переводы дѣлались почти исключительно съ французскаго языка и притомъ, по большей части, изъ тѣхъ болѣе извѣстныхъ въ публикѣ писателей, которые доставляли матеріалъ и другимъ журналамъ. Въ числѣ переводовъ помѣщены статьи: Нѣкоторыя черты изъ англійской исторіи о странныхъ нравахъ англійскаго народа (пер. съ франц.), гдѣ помѣщенъ такой нелестный отзывъ объ Англіи. „Таковъ народъ, тщеславящійся болѣе всѣхъ философскимъ духомъ! Но не для чего удивляться. Обыкновенный ходъ людей и цѣлыхъ народовъ отъ невѣжества къ просвѣщенію, а отъ просвѣщенія къ глупостямъ. *Даже и Сократъ въ старости ребячился.* Тоже бываетъ съ высокими мудрецами. Еще Цицеронъ замѣтилъ, что и у больныхъ горячкою не бываетъ такихъ бредней, какія выдумали и даже старались удостовѣрить господа философы".

„Другъ Просвѣщенія" первый ввелъ у себя отдѣлъ наукъ и художествъ въ довольно обширномъ размѣрѣ. Сначала въ этомъ отдѣлѣ помѣщали кандидаты физико-математическихъ наукъ оригинальныя статьи, каковы: Изъясненіе аэростатовъ или теорія воздушныхъ шаровъ Рахманова, Новое аналитическое доказательство физико-математической истины — о скорости упругихъ тѣлъ, Ф. Купитскаго. Но съ первыхъ же книжекъ начали помѣщаться статьи переводныя и притомъ все болѣе и болѣе популярныя и примѣненныя къ житейскому обиходу. Статьи эти касались самыхъ различныхъ отраслей реальныхъ наукъ: физики, астрономіи, натуральной исторіи, медицины, технологіи, архитектуры, земледѣлія, садоводства, домашней экономіи. Больше всего жур-

налъ интересовался гальванизмомъ и воздушными шарами, помѣщались также статьи о телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Вообще отдѣлъ этотъ былъ довольно разнообразенъ, интересенъ и даже, во многихъ случаяхъ, полезенъ. Источниками служили исключительно французскіе журналы: Annales des arts et manufactures, Journal du galvanisme, de vaccine etc., Journal des mines. Критикой журналъ не занимался и критика была для него синонимомъ сатиры или лучше сказать обиды. Журналъ съ удовольствіемъ (въ статьѣ Гостиный дворъ) припоминаетъ мысль кн. Дашковой: „творецъ посредственныхъ дарованій избираетъ своимъ подвигомъ сатиру“. Всего интереснѣе слѣдующая замѣтка о критикѣ, гдѣ редакторы, сами того не подозрѣвая, произнесли судъ надъ самими собой!: „Я вопрошаю: какую пользу приносятъ ругательныя сочиненія? отвѣтъ мнѣ готовъ, что будто бы обуздываютъ *нелѣпости дурныхъ писателей!* Не правда! *Они упрямы и терпѣливы.* Кто имъ помѣшаетъ купаться въ чернилахъ? Буало цѣлую жизнь воевалъ противъ несмысленыхъ риемотворцевъ; но никого не исправилъ!“ Стихотворенія, помѣщенныя въ настоящемъ журналѣ, доказываютъ, на сколько дѣйствительно *упрямы* и *терпѣливы* ихъ слагатели!! Въ статьѣ „О модѣ на языкъ“—очевидно съ точки зрѣнія Шишкова—говорится: „Языки безсмертныхъ писателей, каковы Гомеръ, Виргилій, Ломоносовъ, Херасковъ и другія вознесены ими во храмъ вѣчности. Старѣется и умираетъ вскорѣ только одна посредственность. Языкъ портится, когда многочисленные писатели, по недостатку высокихъ замысловъ и чувствъ, наполняютъ его, вмѣсто существенныхъ вещей, красными словами“. Взглядъ свой на современную драматическую литературу Гр. Хвостовъ, по случаю перевода комедіи „Юность герцога Сенанжа“, выразилъ такимъ образомъ: „Со времени Фесписа до истеченія XVIII столѣтія царствовали на театрѣ гонимая добродѣтель и достойная осмѣянія слабость. Мы захотѣли соединить обѣ сіи крайности вмѣстѣ, т. е. слезы и смѣхъ, и кончили тѣмъ, что превратили театръ въ казнь; ибо представляютъ въ немъ не лицъ, обуреваемыхъ страстями, но злодѣевъ, достойныхъ мести закона (I, 238). Впрочемъ въ этомъ случаѣ Хвостовъ до нѣкоторой степени правъ, ибо преобладаніе пошлыхъ піэсъ съ разбойниками и разными ужасами дѣйствительно указывало на разращеніе вкуса.

Изъ остальныхъ московскихъ журналовъ замѣчательны болѣе другихъ журналы Измайлова и М. Макарова.

В. В. Измайловъ (род. 1773 г.) въ теченіи 1804 года издавалъ журналъ „Патріотъ"; кромѣ того въ 1814 году онъ издавалъ „Вѣстникъ Европы", а въ 1815 году журналъ „Русскій Музеумъ". Дмитріевъ, въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти", изображаетъ В. Измайлова съ очень выгодной стороны. „Онъ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный; зналъ языки французскій, англійскій, нѣмецкій и латинскій; занимался ботаникой и перевелъ „Письма о ботаникѣ" Ж. Ж. Руссо, умноживъ ихъ свѣдѣніями изъ Турнефорта и другихъ. Измайловъ былъ страстный подражатель Руссо и взялъ его въ руководители жизни. Получивши въ молодыхъ лѣтахъ небольшое наслѣдство, но, занятый мечтами чувствительности, филантропіи и философской безпечности, не умѣлъ управлять имъ, продалъ его, составилъ на эти деньги библіотеку и, въ подражаніе Карамзину, поѣхалъ путешествовать по южной Россіи. Его книга имѣла два изданія (1800—1803 годахъ) и продавалась съ успѣхомъ, потому что „Письма русскаго путешественника" возбудили большой энтузіазмъ къ путешествіямъ. Въ своемъ журналѣ „Патріотъ", какъ и во всей своей жизни, Измайловъ хотѣлъ осуществить Эмиля Руссо; онъ умеръ въ бѣдности, сопутствуемый уваженіемъ и памятью людей, знавшихъ его благородный характеръ и доброе сердце. Измайлова любили и уважали Карамзинъ и Ив. Ив. Дмитріевъ. Г. Пятковскій говоритъ, что взглядъ Измайлова „отличался значительной по тому времени широтой и *смѣлостью*; въ доказательство онъ приводитъ выдержку изъ переводной статьи, гдѣ между прочимъ говорится, что когда воспитаніе дастъ почувствовать *истинное равенство* людей, вселяя въ состоянія высшія уваженіе къ человѣчеству, а въ низшіе классы чувство ихъ *благороднаго существа*, тогда не только просвѣщеніе распространится, но всѣ правительства сдѣлаются гораздо кротче, и всѣ состоянія гораздо счастливѣе". Но судить о направленіи Измайлова лучше и вѣрнѣе не по переводнымъ статьямъ, а потому, что онъ заявилъ въ журналѣ отъ своего лица; и тогда откроется, что Измайловъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ русскими просвѣщенными людьми, толковавшими о воспитаніи,— Шварцемъ, Пнинымъ, Карамзинымъ и другими, не выдаваясь никакой особенной широтой или смѣлостью взгляда. Въ первой статьѣ, от-

крывающей журналъ „Патріотъ", посвященной сильно занимавшему въ то время умы вопросу о воспитаніи, Измайловъ говоритъ: „Въ наши дни, сила общественнаго мнѣнія ниспровергла царства и возмутила народы. Итакъ, благо гражданскихъ обществъ зависитъ отъ дѣлъ, правилъ и мнѣній человѣческихъ, которыя во всѣхъ вѣкахъ бываютъ слѣдствіемъ воспитанія. Нынѣ три великія посредницы судебъ человѣческихъ, долженствовавшія всегда служить основаніемъ народнаго благоденствія и бывшія нерѣдко виною государственныхъ золъ: философія, религія и гіерархія политическая, готовыя примириться, кажется, къ счастію земныхъ поколѣній, подали другъ другу руку, въ образованіи гражданскаго порядка, соглашая права съ должностями и строя систему общества по законамъ природы. Укрѣпить любовью и довѣренностью связи между народами и правительствами, остеречь начальства отъ пагубныхъ слѣдствій несправедливости, а народы отъ ужасныхъ золъ своевольства; обратить людей къ удовольствіямъ семейственной жизни, смягчающей безпорядочныя страсти; представить имъ въ изящныхъ искусствахъ вѣрныя удовольствія, независимыя отъ мнѣнія, согласныя со всѣми возрастами жизни, утѣшительныя во всѣхъ превратностяхъ рока—вотъ намѣренія, въ которыхъ соединяются нынѣ властители, писатели и наставники". Изложивши вкратцѣ ученіе о воспитаніи, начиная отъ Платоновой книги о республикѣ и нравоучительныхъ сочиненій древнихъ философовъ, авторъ переходитъ къ Лейбницу и, только назвавши по именамъ главныхъ дѣятелей того времени въ области педагогики, спѣшитъ перейти къ Руссо, который «мастерскою рукой обработалъ богатые матерьялы, положилъ основаніе и смѣло воздвигнулъ зданіе, *превосходное въ частяхъ и несовершенное въ цѣломъ*". *Геній*, который „привелъ мысли Руссо въ лучшій порядокъ, замѣнилъ систематическія заблужденія истинами практическими и прибавилъ новые успѣхи къ наукѣ",—есть, по мнѣнію Измайлова, *Сенъ-Ламберъ* (авторъ нравственнаго Катехизиса). Въ періодъ между обоими „славный Кондильякъ", бывшій учителемъ Пармскаго принца, издалъ курсъ наукъ для молодыхъ людей. Какъ второстепенныхъ дѣятелей, продолжавшихъ дѣло этихъ выдающихся преобразователей воспитанія, авторъ называлъ Бомонта, Жанлисъ, Эджевортъ, а затѣмъ Беркеня, Тюрнера, Кампе и др. Впрочемъ авторъ не ослѣпленъ своимъ пристрастіемъ къ

Руссо. „Руссовъ Эмиль, сей прекрасный памятникъ ума человѣческаго, построенъ на развалинахъ общества. Мизантропическій духъ автора помрачаетъ прекраснѣйшія страницы книги". Руссо дополнилъ С. Ламбертъ, который писалъ для всѣхъ состояній, какъ для правителя, такъ и для ремесленника; писалъ правила общей морали, утвержденныя на вѣчныхъ законахъ разсудка; писалъ безъ духа системы и безъ желчи мизантропіи". На ряду съ Локкомъ и Руссо, параллельно Ст. Ламберту, авторъ ставитъ г-жу Жанлисъ, которая, по его мнѣнію, много прибавила собственныхъ идей къ высказаннымъ Локкомъ и Руссо. Свое личное направленіе авторъ разъясняетъ такимъ образомъ: „въ нынѣшнюю пору, когда ученая республика въ Европѣ раздѣлилась на разныя партіи, когда юные умы колеблются между писателями послѣдняго вѣка и нашего, когда отцы и матери имѣютъ право требовать отчетъ о мнѣніяхъ авторовъ, посвящающихъ перо свое нравственному образованію молодыхъ людей, мы поставляемъ себѣ за должность сказать, что будемъ слѣдовать самому безпристрастному мнѣнію; что не будемъ приставать ни къ ученикамъ энциклопедической школы, которая опровергаетъ христіанскія истины, ни къ послѣдователямъ Дюкре-Жанлисовой секты, которая не признаетъ философскихъ; но послѣдуемъ за знаменіемъ тѣхъ истинныхъ мудрецовъ, которые умѣютъ чувствовать *важность всѣхъ древнихъ учрежденій освященныхъ вѣками,* не позволяютъ себѣ ускорять ходъ происшествій и не оспариваютъ правъ у времени". Въ статьѣ „О русскомъ старинномъ воспитаніи" Измайловъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Каждый вѣкъ имѣетъ свои существенныя достоинства, основанныя на характерѣ народовъ, на состояніи гражданственности, на всѣхъ обстоятельствахъ времени, жизни, климата и проч. *Не все старое дурно, не все новое хорошо.* Въ старыхъ людяхъ удивляемся всему, что можетъ творить могущество воспитанія, въ отношеніи къ физической и моральной натурѣ. Старость, сколь возможно здоровая, сила, напоминающая о могучихъ богатыряхъ баснословія, крѣпость, которую не могли побѣждать ни безпорядочная жизнь, ни жестокая горесть; отсутствіе многихъ болѣзней, намъ, къ несчастью слишкомъ извѣстныхъ; однимъ словомъ, мужественная бодрость души и тѣла—вотъ что видимъ мы въ остаткахъ того поколѣнія, которое намъ предшествовало. Старинная Русь напоминаетъ о древней старинѣ и

оправдываетъ Руссову систему. Что касается до современнаго воспитанія, то одинъ софистическій духъ можетъ не признавать достоинство просвѣщеннаго человѣка, прелестей изящныхъ искусствъ и выгодъ усовершенствованнаго общежитія; но также одно несправедливое предубѣжденіе можетъ не видѣть злоупотребленія прекраснѣйшихъ успѣховъ гражданственности, вреда страстей разгоряченныхъ и неисчислимыхъ бѣдствій, приносимыхъ забвеніемъ морали и развратностью нравовъ" (1804, апрѣль). Такимъ образомъ, въ вопросѣ о воспитаніи, Измайловъ стоялъ на реальной почвѣ и не разрывалъ связи съ традиціями прежняго времени; неизвѣстно даже, ограничивалъ ли онъ для низшихъ классовъ *общее* образованіе или стоялъ на сторонѣ сословнаго, полагающаго образованіе этихъ классовъ въ одной грамотности, съ прибавленіемъ немногихъ элементарныхъ научныхъ понятій, такъ какъ нигдѣ Измайловъ прямо этого вопроса не касается. Понятно, что для заявленія подобнаго образа мыслей никакой особенной *смѣлости* не требовалось; а широта взгляда *относительная,* такъ какъ, повторяемъ, взглядъ этотъ высказанъ былъ уже до Измайлова и поддерживался всѣми просвѣщенными людьми, писавшими о воспитаніи. Правда, были противники этого взгляда,—мы видѣли, напримѣръ, что кн. Шаликовъ отвергалъ прямо необходимость знакомства съ Руссо для русскихъ наставниковъ,—но въ средѣ лицъ, стоявшихъ за либеральное направленіе въ дѣлѣ воспитанія, Измайловъ не занимаетъ такого выдающагося мѣста, которое отводитъ ему г. Пятковскій. Журналъ Измайлова состоялъ изъ трехъ частей; первая предполагалась для воспитателей, вторая для дѣтей и третья для молодыхъ людей; кромѣ того, въ видѣ отдѣльныхъ, постоянныхъ рубрикъ печатались ежемѣсячно мелкія замѣтки, подъ названіемъ „достопамятности нашего времени", и самая полная для того времени библіографія, гдѣ помѣщался перечень заглавій и краткія замѣтки о замѣчательныхъ книгахъ, выходившихъ за границею,—во Франціи, Германіи, Англіи, Италіи, Голландіи, Швеціи, Венгріи, Соединенныхъ Штатахъ и Россіи. Въ русской библіографіи отмѣчены: анакреонтическія пѣсни Державина, сочиненія Карамзина; Дѣтская библіотека; Базарьяна или неизвѣстный, повѣсть изъ русскихъ сказокъ Хераскова; драма Ильина, Великодушный или рекрутскій поборъ; путешествіе флота капитана Сарычева; и древнія русскія стихо-

творенія. Въ первомъ отдѣлѣ къ оригинальнымъ статьямъ принадлежатъ только что упомянутыя нами „Проспектъ журнала“ и „О старинномъ воспитаніи“; все остальное занято переводами: изъ Жанлисъ (гимнастика), Сентъ-Ламберта (рѣчь китайскаго мандарина,—о необходимости тѣлесныхъ упражненій), Эджевортъ (о дѣтскихъ играхъ, о географіи и хронологіи), Мармонтеля (о школахъ), Морелли (о духѣ противорѣчія), Фенелона (напечатанное послѣ смерти его письмо о воспитаніи дѣвицъ), Эмиля-Руссо (ночныя игры); изъ Роллена (правила объ изученіи греческаго языка); изъ книги Жоффруа и Деривьера la gymnastique de la jeünesse (способъ привести чувства въ бо̀льшее совершенство); извлеченіе изъ правилъ Пиѳагорейскихъ; изъ любимыхъ журналовъ Decade и archives litteraires (о воспитаніи дѣвицъ и объ ученыхъ женщинахъ, о воспитаніи вообще., объ изученіи механики, объ ученіи глухихъ и нѣмыхъ); о нѣкоторыхъ заблужденіяхъ Ж. Ж. Руссо въ отношеніи къ физическому воспитанію, профессора парижскаго института Моро. Тутъ же помѣщена статья „Нѣчто о новой системѣ воспитанія Песталоцци“, за подписью *И.* (а не переводъ изъ Песталлоцци, какъ утверждаетъ г. Пятковскій). Изъ этого перечня статей, предназначенныхъ для воспитателя, видно, что содержаніе ихъ довольно разнообразно, но не представляетъ никакой цѣльной системы по вопросу о воспитаніи, такъ какъ этой системы не было и въ головѣ у самого автора, относившагося къ этому дѣлу въ качествѣ дилетанта. Второй отдѣлъ, для дѣтей, заключаетъ въ себѣ изложеніе нагляднаго способа изученія грамматики и статьи дѣтскаго чтенія, заимствованныя изъ сочиненій Жанлисъ. Содержаніе третьяго отдѣла — для молодыхъ людей, который издатель предположилъ посвятить „морали, литературѣ и философіи“,—очень разнообразно. Въ немъ есть оригинальныя статьи беллетристическаго содержанія, подписанныя псевдонимомъ OOO: Два друга или памятникъ минувшаго счастья, Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ; Человѣкъ хорошаго характера за подписью В. (В. Измайловъ?); Отрывокъ разговора на балѣ, кн. Шаликова; Велизарій съ царскими дѣтьми, и нѣкоторыя другія, еще менѣе замѣчательныя. Всѣ оригинальныя статьи носятъ на себѣ характеръ жеманной и дѣланной чувствительности, ха-

рактеризующей послѣдователей Карамзина. Достаточно привести слѣдующій отрывокъ: „Легкое облако горести, которое на пути къ деревнѣ едва не затемнило для меня ясность природы, было можетъ быть, если смѣю такъ сказать, тѣнь сердечнаго предчувствія. Меня ожидала чувствительная потеря. Сегодня на зарѣ, съ угасающимъ взглядомъ, съ прерывающимся дыханіемъ и съ милымъ выраженіемъ любви, которая не переставала любить предмета своего до конца жизни, перестала жить и дышать вѣрная моя спутница, нѣжная подруга „собачка Лове“ (нѣсколько словъ къ пріятелю, сц. Тихомирова, II, 361). Стихотворный отдѣлъ также не замѣчателенъ, хотя въ немъ попадаются стихи Хераскова (буква Х., которою подписано стихотвореніе „Пастушокъ“, принадлежала по всей вѣроятности ему же), Вас. Пушкина, неизбѣжныхъ кн. Шаликова и гр. Хвостова, самого Измайлова (подписывавшаго знакомъ 2—8), кн. Кат. Урусовой, кромѣ О. О. О., одного изъ главныхъ сотрудниковъ Измайлова и другихъ совершенно неизвѣстныхъ. Что касается до переводовъ, то мы не будемъ утруждать перечисленіемъ ихъ, такъ какъ они, при всемъ своемъ разнообразіи, не представляютъ также никакой цѣльной системы и вообще не отличаются отъ переводнаго баласта, наполнявшаго другіе журналы.

Сослуживецъ Вигеля по московскому архиву иностранной коллегіи М. Н. Макаровъ 17 лѣтъ началъ издавать журналъ „Для милыхъ“, продержавшійся только одинъ 1804 годъ. Вигель о сослуживцѣ говоритъ совершенно справедливо, какъ о писателѣ „трудолюбивомъ, бездарномъ и нескончаемомъ“. Интересны подробности этого изданія, разсказываемыя Дмитріевымъ въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти“. Макаровъ началъ его съ помощью одного студента славяно-греко-латинской академіи И. В. Смирнова, сотрудницами были двѣ молодыя кроатки, выучившіяся по русски у того же Смирнова, княжна Елиз. Трубецко и сестра ея А. Безнина. Журналъ этотъ, по словамъ самого издателя, предпринятъ былъ съ тѣмъ, чтобы ниспровергнуть „варварскія укрѣпленія Шишкова противъ Карамзина“. Но, по словамъ того же Дмитріева, въ цѣломъ журналѣ не было объ этомъ и намека, вмѣсто того выходило подъ фирмою сантиментальности какое-то жалкое и безсильное поползновеніе къ непристойности“. Въ старости самъ Макаровъ

открещивался отъ своего журнала ([82]). Журнала Макарова я не нашелъ въ московскихъ библіотекахъ и потому могу о немъ судить только по выпискамъ у г. Пятковскаго (Т. К., стр. 157—161). Здѣсь разсказывается содержаніе сельской повѣсти „Аннушка“: „тринадцатилѣтняя, но уже полногрудая милушка“ увидѣла вышедшаго изъ воды бога-амура въ естественномъ своемъ костюмѣ шестнадцатилѣтняго Атлантина, раздѣлась и сама отправилась съ нимъ купаться. „Они купались въ струистой рѣчкѣ, ныряли, плескались; можетъ быть, что и еще происходило, но романисты закрываютъ такія приключенія на пять минутъ тонкою дымкою и молчатъ“. Стихи не уступаютъ прозѣ:

Однажды я Лизету,
Зефирами раздѣту
Забвенну сномъ, зрѣлъ здѣсь.
На ту красу взирая,
Я таялъ обмирая
И... еслибы не честь

Рядъ точекъ прерываетъ эротическія изліянія стихоплета. Этихъ выписокъ достаточно, чтобы опредѣлить характеръ журнала. Не даромъ „Сѣверный Вѣстникъ“ пришелъ отъ него въ негодованіе: „журналъ наполненъ развратнѣйшими картинами, на которыя не только женщина, но едва ли и всякій мущина долго смотрѣть не въ состояніи. Какъ можно посвятить такой журналъ прекрасному полу, осмѣлиться, такимъ образомъ оскорбить весь оный“. Макаровъ, послѣ окончанія своего журнала, хотѣлъ издавать новый и напечаталъ объявленіе отъ имени своей сотрудницы княжны Трубеско, которая порусски подписалась кн. Трубецкой; но настоящіе Трубецкіе подняли такую бурю, что журналъ не состоялся. Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ московской журналистики и переходимъ къ *Петербургской*.

Г. Пятковскій говоритъ между прочимъ: „замѣчательнѣе (относительно московскихъ) были петербургскіе журналы, въ которыхъ либеральное направленіе нашло *усердныхъ проводниковъ и защитниковъ*“ (стр. 168). Въ какой степени это положеніе справедливо,—увидимъ сейчасъ.

Конечно, несравненно въ меньшей степени, но въ томъ же

смыслѣ, какъ въ Москвѣ кружокъ Новикова,— получило въ петербургской журналистикѣ значенiе Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ, объ основанiи котораго въ 1801 году я уже сказалъ выше. Члены этого общества, въ качествѣ издателей и сотрудниковъ, были главными дѣятелями въ петербургской журналистикѣ въ началѣ царствованiя Императора Александра I и проводниками либеральныхъ стремленiй самого Императора и окружавшихъ его въ ту эпоху. Изъ членовъ общества главную роль въ журналистикѣ играли предсѣдатель общества Пнинъ, секретарь Попугаевъ и члены Брусиловъ и Языковъ; а затѣмъ директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенiя Мартыновъ и членъ коммиссiи составленiя законовъ Анастасевичъ, не принадлежавшiе къ обществу. О Пнинѣ, Мартыновѣ и Анастасевичѣ ([52]) нѣсколько разъ уже было говорено, а о Попугаевѣ—лицѣ не менѣе замѣчательномъ—до сихъ поръ не собрано никакихъ свѣдѣнiй.

Вслѣдъ за „Свиткомъ музъ", о которомъ мы уже сказали, Общество издало въ 1804 году одну книжку своихъ трудовъ, подъ названiемъ „Перiодическое изданiе Общества любителей словесности, наукъ и художествъ". Книжка открывается изложенiемъ протоколовъ общества, изъ которыхъ мы узнаемъ между прочимъ, что инициативѣ этого общества публика обязана переводомъ сочиненiя Монтескьё „О духѣ законовъ", для чего обществомъ былъ избранъ особый комитетъ, и книги „О законодательствѣ" Бентама. „Свитокъ" состоитъ изъ двухъ отдѣловъ между собою нераздѣльныхъ, стихотворенiй и прозы. Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщены 8 стихотворенiй Востокова, 3 Ал. Измайлова, 3 Каменева, 2 Португалова, 2 Остолопова и по одному Красовскаго, Н. и В. (?) Радищевыхъ. Всѣ эти стихотворенiя ничѣмъ не замѣчательны, кромѣ помѣщенной здѣсь извѣстной баллады Каменева Громвалъ. Въ прозаическомъ отдѣлѣ самую капитальную статью составляютъ нѣсколько статей подъ разными названiями, разсматривающихъ вопросъ объ образованiи и принадлежащихъ Португалову. Прежде всего мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о Португаловѣ, но, къ сожалѣнiю, о немъ въ печати почти нѣтъ никакихъ свѣдѣнiй. Гречъ, въ брошюрѣ „Памяти А. Ф. Востокова", говоритъ, что Португаловъ, вмѣстѣ съ Борномъ и Красовскимъ, былъ изъ числа первыхъ основателей общества; по крайней мѣрѣ, въ своей

рѣчи, по окончаніи перваго года, онъ прямо заявляетъ, что остались только они трое, а прочіе разбрелись. Остальные, не исключая Пнина и Востокова, вошли уже послѣ въ утвержденное уже общество: Пнина и ввелъ туда Португаловъ. Замѣтимъ кстати, что въ первые годы членами общества изъ москвичей избраны были Мерзляковъ и Ф. Ф. Ивановъ, а также, что въ числѣ членовъ были и *художники* (архитекторы, живописцы и проч.). Попугаевъ постоянно избирался секретаремъ Общества, цензоромъ (т.-е. занимался разборомъ поступающихъ въ Общество сочиненій), и вообще былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Общества. Вотъ перечень его сочиненій и переводовъ, представленныхъ въ Общество: Вечера Сократа и Аполлодора; Исторія Негра; О вліяніи просвѣщенія на законы и правленія; Разсужденія о цвѣтахъ радуги; Спартанцы; Разсужденіе о человѣческомъ языкѣ; О феодальномъ правѣ 4 главы; Несчастное семейство, Новость; О монархіи; о раздѣленіи власти политическаго тѣла; о просвѣщеніи управляющихъ; общій планъ законоположенія; о равновѣсіи обитателей городовъ и землепашцевъ; о ремеслахъ и искусствахъ въ отношеніи къ Европѣ; Юридическое разсужденіе объ умерщвленіи младенцевъ; глава перевода изъ Волнея (Ruines); первыя двѣ главы изъ Тацита; соч. Филанджіери „О законодательствѣ", ч. 1. Почему большинство сочиненій Попугаева остались не напечатанными, неизвѣстно (⁵⁶). Гречъ говоритъ о Попугаевѣ (брош. „Памяти Востокова"), „онъ былъ пламенный, эксцентрическій поэтъ, неистовый другъ правды и гонитель зла, непостоянный, вспыльчивый, благородный и простодушный, бывшій предметомъ насмѣшекъ со стороны людей не понимавшихъ и не стоившихъ его". Поэтомъ Попугаевъ былъ изъ самыхъ плохихъ даже для своего времени, но этого далеко нельзя сказать объ его прозѣ, если судить по вышеупомянутой статьѣ объ образованіи, подробно изложенной г. Пятковскимъ. Статья эта дѣйствительно очень замѣчательна. Попугаевъ на первомъ планѣ ставитъ образованіе. Въ началѣ статьи онъ говоритъ: „добрые нравы въ гражданахъ необходимѣе самого просвѣщенія, но *безъ просвѣщенія добрые нравы рѣдки*; по крайней мѣрѣ, оные не имѣютъ полезнаго направленія". Оригинальность Попугаева состоитъ въ томъ, что онъ отвергалъ семейное воспитаніе и самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался въ пользу общественнаго. Сущность этого воззрѣнія Попугаевъ излагаетъ та-

кимъ образомъ: Эгоизмъ, удѣлъ всѣхъ людей, и можетъ не токмо необходимый, но и полезный во всѣхъ отношеніяхъ, будетъ всегда ихъ удалять отъ чувства общественности; люди, воспитанные въ семействахъ, почитаютъ себя обществу ни въ чемъ не одолженными; привычка къ выгодамъ общественнымъ дѣлаетъ имъ непримѣтнымъ благо, неоцѣненною связью гражданскихъ выгодъ на ихъ изливаемое. Одно общественное воспитаніе, направленное къ моральной цѣли, дающее гражданину чувствовать, съ самаго его младенчества, что государственное общество печется о его благѣ, что оно ему не менѣе благодѣтельствуетъ, но еще болѣе, какъ самые родители, ибо послѣдніе показываютъ ему только выгоды семейственныя, кои сами оснуются на выгодахъ общественныхъ, въ то время, когда такое воспитаніе показываетъ ему все назначеніе, коимъ онъ обязанъ къ согражданамъ, за тѣ блага, кои ихъ (т.-е. гражданъ) соединеніе на него изливаетъ. Общественное воспитаніе, кромѣ направленія моральнаго, требуетъ еще другаго, къ общественному благосостоянію равно необходимаго, *направленія политическаго*. Такое направленіе не иначе существовать можетъ, какъ когда государство поставило себѣ непремѣннымъ, твердымъ правиломъ науку правъ своихъ содѣлать необходимою для всѣхъ состояній гражданъ безъ изъятія, чтобы оная входила въ образованіе, по какой бы части познаній то ни было (стр. 63 и 64). Идеаломъ Попугаева было *спартанское образованіе*, т.-е. одно общее образованіе для дѣтей всѣхъ классовъ, живущихъ вмѣстѣ на счетъ государственный; только, какъ уступку современнымъ условіямъ жизни, Попугаевъ допускаетъ, что дѣти помѣщаются, гдѣ хотятъ, но обучаются въ казенныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ Попугаевъ, несмотря на то, что онъ былъ противъ семейнаго образованія, не былъ въ тоже время сторонникомъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Пороки, которые, главнымъ образомъ, Попугаевъ находилъ въ семейномъ воспитаніи — это то, что очень немногіе родители смотрѣли на него серьезно и что дѣти въ семьѣ заражались предразсудками Видно недостатки тогдашняго семейнаго воспитанія даже въ высшихъ классахъ были настолько крупны и ярки, что они вооружали противъ него не только Португалова, но само правительство, которое въ своихъ закрытыхъ заведеніяхъ, отбирая дѣтей съ самаго ранняго возраста, совершенно изолировало ихъ отъ родителей на все время ученья. Образованія сословнаго Попугаевъ не

допускалъ, и этимъ онъ рѣзко отличается отъ всѣхъ своихъ современниковъ, не исключая и Пнина. Попугаевъ сильно вооружается противъ дворянства, какъ замкнутаго сословія: „Духъ дворянства образуютъ предубѣжденіе знатности, гордость породы и презрѣніе къ низшимъ классамъ и сѣетъ въ гражданскихъ классахъ взаимную, такъ сказать, антипатію". Попугаевъ мирится съ русскимъ дворянствомъ только потому, что доступъ къ нему открытъ для всякаго образованнаго человѣка путемъ службы. Попугаевъ настаиваетъ въ особенности на обязанности со стороны государства давать дорогу и облегчать путь для всякой выдающейся личности, изъ какого бы званія она ни происходила. Учебныя заведенія, равно доступныя для всѣхъ сословій, подраздѣляются на высшія и низшія по объему преподаванія. Переходъ изъ низшихъ заведеній въ высшіе открытъ только для достойныхъ, по экзамену, производимому профессорами высшихъ учрежденій, а не преподавателями въ низшихъ, во избѣжаніе пристрастія. Основными науками преподаваемыми, начиная съ самыхъ низшихъ учебныхъ заведеній, признаются право и исторія. Безъ знанія права невозможна жизнь въ средѣ государства. „Гражданинъ всегда трепещетъ, когда дѣйствуетъ не зная, сообразны ли дѣйствія его съ волею закона". Объ исторіи Попугаевъ имѣетъ очень оригинальныя понятія. Недовольный обыкновеннымъ способомъ ея преподаванія Попугаевъ желаетъ изученія исторіи въ философскомъ духѣ, а не какъ лѣтописи. Въ этомъ смыслѣ „исторія есть наука, образующая героевъ, но не наука для настроенія умовъ обыкновенныхъ. Исторія не должна содержать ничего, что не служитъ къ возвышенію сердца или къ одушевленію въ добродѣтеляхъ; я сомнѣваюсь, чтобы нужно было въ оной описывать слабости, сомнѣваюсь, чтобы жизнь тирановъ и ихъ дѣлъ долженствовала въ оной имѣть мѣсто. Примѣръ тирана можетъ производить другаго, можетъ научить свирѣпствовать свирѣпое или слабое сердце". Образцами историковъ Попугаевъ признаетъ Тацита, Гиббона и нѣкоторыхъ греческихъ. „Въ этомъ смыслѣ исторія нужна только для чрезвычайныхъ людей", но какъ въ дѣтскомъ возрастѣ нельзя рѣшить, кто можетъ выйти такимъ чрезвычайнымъ человѣкомъ, то изученіе исторіи должно быть обязательно для дѣтей вообще. Въ числѣ другихъ прозаическихъ статей помѣщены: „Исторія Негра" Португалова, которая представляетъ косвенный протестъ противъ крѣпостнаго права, и

для замаскированія означено, будто это переводъ съ испанскаго; небольшая повѣсть Каменева „Инна“; „Кротъ“, переводъ изъ „Бездѣлокъ“ Антона Валя, принадлежащій Дм. Языкову.

Въ одно время съ „Періодическимъ изданіемъ“ въ 1804 году началъ печатаніе своего журнала „Сѣверный Вѣстникъ“ Ив. Ив. Мартыновъ, окончившій его 1805 годомъ. Въ началѣ своего журнала, указывая на Высочайшій манифестъ 8 сентября 1802 г. о заведеніи училищъ, Мартыновъ говоритъ: „Нигдѣ всеобщее просвѣщеніе, сія главнѣйшая народная потребность, не была предметомъ толикаго попеченія, какъ нынѣ въ Россіи“. Взглядъ его на просвѣщеніе таковъ: „Неоспоримая истина, что люди, единственно по недостатку въ познаніяхъ и не надлежащемъ понятіи о дѣйствительной пользѣ оныхъ, бываютъ неблагонравны и неправосудны“. Мартыновъ стоитъ за профессіональное образованіе. „Вообще,—говоритъ онъ,—всякій человѣкъ, снискивающій себѣ пропитаніе тяжелою работою, выходитъ изъ своего состоянія, если возбуждается въ немъ наклонность къ умственнымъ упражненіямъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, воображеніе участвуетъ болѣе разсудка. Работнику полезно только то, что производится силою разсудка, а ни мало не то, что есть дѣйствіе силы воображенія, столь легко приводящей въ заблужденіе“. По мнѣнію Мартынова, Россіи „въ его время недоставало только: 1) основаннаго на твердыхъ правилахъ общественнаго воспитанія; и 2) постановленія непреложныхъ началъ законодательства, соединеннаго съ начертаніемъ новаго Уложенія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, а особливо судопроизводства“. Это были именно тѣ мѣры, которыя намѣчены были правительствомъ при императорѣ Александрѣ, въ эпоху изданія Мартыновскаго журнала. Политическій идеалъ Мартынова былъ монархическій: „Провидѣніе установило въ человѣческой природѣ и въ порядкѣ вещей, чтобы общественное благо поддерживалось мудрымъ, на законахъ основаннымъ, въ единомъ лицѣ соединенномъ монархическимъ правленіемъ“. Изъ приведенной программы очевидно, что журналъ Мартынова былъ отголоскомъ правительственныхъ предначертаній, что еще болѣе подтверждается тѣмъ, что Мартыновъ на изданіе журнала получилъ правительственную субсидію въ 3.000 р. Товарищъ министра народн. просв. М. Н. Муравьевъ, подъ начальствомъ котораго служилъ Мартыновъ, изъявляетъ ему признательность, что онъ помѣстилъ первые его опыты (вѣроятно

въ прежнихъ своихъ журналахъ) и при этомъ доставилъ для настоящаго журнала переводъ „Весны“ изъ поэмы Томсона „Времена года“. Все это показываетъ, что „Сѣверный Вѣстникъ“ въ полномъ смыслѣ былъ *журналъ оффиціозный*. Этимъ я нисколько не желаю бросить тѣнь на Мартынова, который, по вѣрному замѣчанію Пятковскаго, былъ одинъ изъ честнѣйшихъ и, прибавлю, трудолюбивѣйшихъ дѣятелей начальной эпохи царствованія императора Александра. Мартыновъ сдѣлалъ свой журналъ правительственнымъ органомъ, когда правительство, въ либеральныхъ своихъ стремленіяхъ, всетаки стояло впереди общества: въ этомъ случаѣ честь его остается неприкосновенною. Въ своемъ журналѣ, точно такъ, какъ на службѣ въ канцеляріи министра и на каѳедрѣ въ училищѣ правовѣдѣнія, онъ былъ для правительства и для общества усердной и послушной, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознательной и направленной въ хорошую сторону *рабочею силой*. Гречъ разсказываетъ такой анекдотъ о Мартыновѣ: „Разумовскій, бывши попечителемъ Московскаго университета, ненавидѣлъ Мартынова, заправлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія при Завадовскомъ. Разумовскій выражался, что желаетъ быть министромъ только для того, чтобы выгнать этого негоднаго человѣка“. Между тѣмъ, со вступленія Разумовскаго въ министерство, значеніе Мартынова только усилилось. Когда спросили гр. Разумовскаго, почему онъ не держитъ даннаго слова, Разумовскій отвѣчалъ: „Ахъ! вы не повѣрите, какъ мнѣ пріятно, когда этотъ бывшій врагъ мой докладываетъ мнѣ стоя и потомъ засыпаетъ пескомъ, когда я подписываю бумаги“ (Зап. 291—292). Анекдотъ этотъ достаточно характеризуетъ обоихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Мартыновъ не обладалъ вовсе талантами не только журналиста, но и писателя вообще, вслѣдствіе чего журналы его оказались безцвѣтны и неинтересны, возбуждая въ настоящее время любопытство только потому, что въ нихъ, какъ мы уже видѣли, принимали участіе члены секретнаго комитета.

Прежде всего мы скажемъ, какъ смотрѣлъ Мартыновъ, въ качествѣ оффиціоза, на главные вопросы, выраженные имъ въ программѣ,—воспитаніе и преобразованіе законодательства и правительственнаго устройства въ данную минуту. По вопросу о воспитаніи обращаетъ на себя вниманіе помѣщенная въ послѣдней книжкѣ журнала рѣчь учителя Ильи Тимковскаго, при открытіи гимназіи въ землѣ войска Донскаго,—„Разсужденіе о настоящей

необходимости учебныхъ заведеній и о зависимости крѣпости народной отъ его просвѣщенія". Въ этой рѣчи очень обстоятельно и толково объясняется необходимость распространенія просвѣщенія для благоустройства и развитія государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мартыновъ защищаетъ господствовавшую тогда мысль о различномъ примѣненіи образованія для разныхъ слоевъ общества. Крестьянину, по его мнѣнію, нужно сообщать только познанія сообразныя его отношеніямъ и потребностямъ: „поправить соху, употребить простое механическое средство къ уменьшенію числа рукъ въ работѣ—есть для него неоцѣненное пріобрѣтеніе". Согласно этому Мартыновъ обратилъ вниманіе на книгу Гельмана, профес. нравственности въ Парижѣ: „Новыя мнѣнія о воспитаніи и просвѣщеніи или различіе взаимныхъ ихъ свойствъ". Изъ этой книги Мартыновъ приводитъ слѣдующее мѣсто: „Конечно, не всѣ состоянія народа должны получать одинакое просвѣщеніе. Наука, собственно такъ названная, свободныя художества и всѣ тѣ упражненія, кои составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ неприличны черни, и даже вредны въ отношеніи къ общественному благоденствію. Сохрани насъ Богъ, если весь народъ будетъ состоять изъ ученыхъ, діалектиковъ, замысловатыхъ головъ; если въ немъ болѣе будетъ умствователей, нежели умныхъ! Но крайне было бы несправедливо отказать ему въ пособіяхъ начальнаго образованія, въ познаніи своихъ должностей, въ ясныхъ и точныхъ понятіяхъ о первыхъ основаніяхъ правосудія и ихъ отношеніи ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни" (II, 158—159). Эти общія мысли о необходимости образованія не только для высшихъ классовъ, но и для низшихъ, хотя впрочемъ въ извѣстномъ, ограниченномъ смыслѣ, не только высказывались тогда правительствомъ и до нѣкоторой степени осуществлялись на дѣлѣ, но и раздѣлялись всѣми литературными органами безъ исключенія. Надо отдать справедливость той эпохѣ въ искреннемъ стремленіи къ образованію: нападки на него съ правительственной стороны и со стороны органовъ печати начались уже позже, тогда всѣ темныя силы молчали и дожидались своей поры. Слѣдовательно вмѣнять въ заслугу Мартынову всѣ его толки о необходимости и пользѣ образованія нѣтъ никакой причины, тѣмъ болѣе, что его стремленія нисколько не возвышались надъ общимъ уровнемъ. Между прочимъ неизвѣстный авторъ по вопросу о воспитаніи доставилъ въ журналъ проектъ о

централизаціи образованія въ рукахъ правительства, посредствомъ составленія единообразнаго плана ученія и обязательныхъ учебниковъ, получившихъ утвержденіе отъ правительства. Мартыновъ возражаетъ противъ этого „Скалозубовскаго“ (какъ назвалъ его г. Пятковскій) проекта словами Шапталя, сказанными въ подобномъ случаѣ, что свобода въ способахъ ученія столько же естественна и полезна, какъ и свобода самого ученія. Ограничить оное общими методами и заключить въ предѣлахъ, предписанныхъ властью, значило бы истребить наилучшее свойство онаго—независимость. По второму вопросу—относительно законодательства и государственнаго устройства, въ этомъ смыслѣ замѣчательна помѣщенная въ той же книжкѣ статья: „Отрывокъ письма деревенскаго жителя“, за подписью Филократъ. Здѣсь говорится, между прочимъ: „законодательство мудрое, основанное на коренныхъ и непремѣняемыхъ началахъ, есть плодъ наукъ, *плодъ философіи*“. Мнѣніе, что „составленіе книги законовъ есть дѣло многихъ, для чего созывались всеобщія народа собранія“, опровергается тѣмъ, что „сіи собранія оканчивались, яко шумныя скопища, буде не бѣдою, то по крайней мѣрѣ безполезнымъ шумомъ и пустымъ круженіемъ головъ“. Это, очевидно, исходная точка предпринимаемой реформы, которая не хотѣла считаться ни съ историческими условіями страны, ни съ общественнымъ мнѣніемъ. Понятно, что подобная реформа не могла возбудить общественнаго сочувствія и не могла даже осуществиться, такъ какъ никакой прочной, *реальной* почвы у ней не было. Болѣе подробный идеалъ государственнаго устройства изложенъ въ статьѣ: „Опытъ о Великобританіи и послѣдственныя разсужденія“, принадлежащей, по всей вѣроятности, Новосильцову, какъ извѣстно, долго жившему въ Англіи и сдѣлавшемуся англоманомъ. Здѣсь объясняется гордость англичанъ и привязанность ихъ къ своей родинѣ тѣмъ, что политическій и общественный строй страны представляетъ бо̀льшую обезпеченность и даетъ бо̀льшій просторъ дѣятельности каждаго, нежели гдѣ-нибудь. Англійская конституція представляется автору разрѣшеніемъ всѣхъ крайностей политическаго строя. „Великобританія есть аристократія, но не видимъ мы въ ней угнетательной гордости патриціевъ; Великобританія въ то же время есть и демократія, но не потрясается она буйствомъ наимноголюднѣйшаго отдѣленія народа“. Желая перенести эти преимущества на Россію, авторъ останавливается исключительно на дво-

рянскомъ сословіи, но и въ этомъ случаѣ видно, что никакой опредѣленной практической программы онъ выработать не могъ и что самъ чувствовалъ затруднительность задачи. Для того, чтобы обратить Россію въ Англію, надо прежде всего создать *аристократію*, а создается и поддерживается аристократія своею замкнутостью и прочнымъ сосредоточеніемъ въ своихъ рукахъ богатства. Оба эти условія не существовали въ русскомъ дворянствѣ и тогда, какъ не существуютъ они теперь. Для ихъ осуществленія авторъ предлагаетъ ограничить число дворянъ „пожалованіемъ этого достоинства за самую отличную и долговременную службу". Замѣтимъ, что это заявленіе, направленное противъ пріобрѣтенія дворянства за выслугу лѣтъ, всегда было завѣтнымъ стремленіемъ нашего дворянства, нерѣдко высказывалось на его собраніяхъ и постоянно встрѣчало одобреніе правительства, такъ какъ чинъ дающій право дворянства, постоянно повышался (съ коллежскаго ассессора при импер. Николаѣ до дѣйств. стат. совѣтн. при импер. Александрѣ II). Авторъ продолжаетъ: „я сказалъ бы, что необходимо нужно и далѣе положить преграды размноженію дворянъ, даже въ самыхъ семействахъ ихъ, ежели бы не видѣлъ *чрезвычайныхъ* для приведенія сего вдругъ въ дѣйство *трудностей*,—между симъ постановленіемъ и первымъ (т. е. ограниченнымъ вступленіемъ въ дворянство чиновниковъ) требуется *нѣкоторое пространство* времени". Очевидно, дѣло идетъ о майоратахъ, но здѣсь самая сила вещей, „*чрезвычайныя трудности*"—останавливаютъ автора. И во всѣхъ прочихъ усиліяхъ создать законодательство на началахъ науки и философіи лежали на пути эти *чрезвычайныя трудности*, которыя и положили конецъ самой попыткѣ, прежде ея осуществленія.

Мартыновъ не умѣлъ привлечь сотрудниковъ къ своему журналу; самъ онъ литераторомъ въ собственномъ смыслѣ не былъ и потому сколько-нибудь замѣчательныхъ, оригинальныхъ статей въ его журналахъ нѣтъ. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" помѣщались стихотворенія Гнѣдича (Г-чъ перепечатаны въ полномъ собраніи, изд. Вольфомъ. С.-Пб. 1884), Н. Шатрова (пѣснь Екатеринѣ В.), Анастасевича, С. Глинки, Остолопова, Арцыбашева и нѣсколькихъ малоизвѣстныхъ, въ томъ числѣ Бутырскаго, повидимому одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Мартынова по изданію журнала. Здѣсь же напечатаны стихи на смерть Пнина, принадлежащіе Радищеву

(сыну), Є. Глинкѣ и 18-лѣтнему Батюшкову. Произведенія въ прозѣ въ то время вообще составляли камень преткновенія для тогдашнихъ журналовъ, а въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" они изъ рукъ вонъ плохи. Мартыновъ помѣстилъ плохую повѣсть „Рогнѣда, или разореніе Полоцка", Арцыбашева; „Ефимъ Пименовъ, или рѣдкій примѣръ братской любви", и неоконченное „Путешествіе отъ Петербурга до Бѣлозерска", извѣстнаго новгородскаго губернскаго прокурора П. Львова; нѣсколько сноснѣе „Ботаническое путешествіе на Дудорову гору" Н. А. Львова, переводчика Анакреона, помѣщавшаго разныя мелкія стихотворенія и прозаическія статьи въ журналахъ. Статьи научнаго содержанія слѣдующія: „Предметы для художествъ изъ русской исторіи" А. Писарева, отрывокъ, вошедшій въ отдѣльное его изданіе; „Разборъ III и IV пѣсни Виргиліевой Энеиды", студ. педагог. инст. Александровскаго; „О методѣ воспитанія Песталоцци" Г-на; „Краткое извѣстіе о Карпатскихъ россахъ или о переселеніи славянъ на Карпатскія горы" доктора Орлая; „Изображеніе просвѣщенія россіянъ", написанное Мартыновымъ и нѣсколько другихъ, коротенькихъ и мало-содержательныхъ. Ал. Тургеневъ прислалъ изъ Геттингена (мартъ 1804 г.) статью: „Критическія примѣчанія, касающіяся до древней исторіи", по поводу выше указанной статьи Писарева „Предметы для художествъ", гдѣ Тургеневъ заявлялъ желаніе, чтобы русскіе художники избирали для своихъ картинъ событія изъ народной жизни и излагалъ свой взглядъ, какъ должны быть изображаемы нѣкоторые моменты изъ русской исторіи. Изъ старинныхъ документовъ помѣщено предисловіе къ сочиненію XVI столѣтія россіянина Окшича-Орѣховскаго „Вѣрноподданный", обращеннаго къ Сигизмунду-Августу, королю польскому. Весь интересъ „Сѣвернаго Вѣстника", какъ и слѣдовало ожидать отъ Мартынова, сосредоточенъ на переводахъ. Этотъ отдѣлъ представляется болѣе цѣльнымъ и съ опредѣленнымъ направленіемъ, нежели въ другихъ журналахъ. На первомъ планѣ стоитъ переводъ, сдѣланный В. Сопиковымъ первыхъ XX параграфовъ первой рѣчи „Объ обществѣ" (а не всей почти книги, какъ говоритъ г. Пятковскій), „Естественной политики" Гольдбаха (La politique naturelle ou discours sur les vrais principes du gouvernement par un ancien magistrat, Amsterdam 1773—1774, 2 vol.—наименѣе замѣчательное изъ сочиненій Гольдбаха). Переводъ этотъ, вѣроятно, былъ предпринятъ по указанію гр. А. С. Строганова, который былъ воспи-

танникомъ извѣстнаго дѣятеля во французской революціи Рома, во время революціи находился съ нимъ въ Парижѣ и былъ въ комитетѣ представителемъ философскихъ принциповъ XVIII вѣка. Затѣмъ слѣдуетъ рѣчь короля Густава-Адольфа „О вольности книгопечатанія", къ которой переводчикъ Анастасевичъ присоединилъ примѣчаніе, гдѣ подробно говоритъ о гласномъ судопроизводствѣ вообще и въ особенности о пользѣ обнародованія судебныхъ приговоровъ, для чего можно бы было завести особый журналъ подъ названіемъ: „Памятникъ россійскаго правосудія". Разбирая переводъ сочиненія, составленнаго на основаніи аббата Сентъ-Пьерра „Projet de paix perpetuelle" и изданнаго въ 1803 г. подъ заглавіемъ „Разсужденіе о войнѣ и мирѣ", Мартыновъ указываетъ на него, съ большою похвалой, читателямъ и распространяется о благодѣтельности всеобщаго стремленія къ мирному и спокойному развитію. Остальные переводы имѣютъ случайный характеръ, какъ и въ другихъ журналахъ. Изъ нихъ мы назовемъ: отрывки изъ „Исторіи упадка и паденія западной Римской имперіи" Гиббона, съ краткою его біографіею; „Разговоръ Силлы и Еврата" Монтескье, гдѣ высказано заключеніе, что „когда боги попустили, чтобы Силла не наказанно учинился въ Римѣ диктаторомъ, тогда выгнали они изъ него навсегда вольность", рѣчь Монтескье по возобновленіи парламента въ Бордо; Письмо Валькнера о сочиненіяхъ, найденныхъ послѣ смерти Монтескье и отрывки изъ нихъ; О модѣ и объ истинномъ началѣ нравственности изъ traité de morale; Обстоятельное изслѣдованіе о философіи и *высокихъ* наукахъ у восточныхъ народовъ, изъ „Recherches asiatiques"; Историческое извѣстіе о Шиллерѣ, по поводу его смерти изъ „Archives litteraires"; біографія Лафатера по Мейстеру; „Ученіе доктора Галя" изъ Moniteur; отрывокъ изъ романа „Валерія" г-жи Крюднеръ и проч. Критическій отдѣлъ былъ довольно обширенъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ". Мартыновъ сознавалъ важность критики для литературы. „Многіе говорятъ, что, какъ наша словесность едва вышла изъ колыбели, то не лучше ли ей дать время еще развить, такъ сказать, свои способности. На это можно отвѣчать, что помощью спасительныхъ совѣтовъ рецензіи словесность наша можетъ скорѣе и надежнѣе укрѣпляться при своемъ усовершенствованіи; рецензія пролагаетъ ей дорогу, по которой она смѣлыми шагами идетъ къ своей цѣли. Безъ рецензіи

словесность долгое время скиталась бы по излучистымъ дорогамъ и едва ли бы дошла до желаемаго предмета совершенства" (ч. 3, № 7, стр. 142). По теоріи Мартыновъ и въ своихъ журналахъ и на каѳедрѣ, былъ вѣрнымъ поклонникомъ французской эстетики въ лицѣ Лагарпа и аббата Батё. Разобравъ довольно обстоятельно трагедію Нарѣжнаго „Димитрій Самозванецъ", Мартыновъ заканчиваетъ такимъ совѣтомъ: „Если г. Нарѣжный забудетъ расположеніе нѣмецкихъ трагедій, если, прочтя Principes de la litterature par l' Abbé Batteux, согласится передѣлать свою" и т. д. Мартыновъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ распространенію „Лицея" Лагарпа въ своихъ журналахъ; такъ и въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" есть краткое о немъ біографическое свѣдѣніе. Впрочемъ Мартыновъ не безусловно подчинялся своимъ авторитетамъ. Мартыновъ, какъ въ Москвѣ Мерзляковъ, подчинялся французской системѣ потому, что въ это время она была готовою системою, разработанною во всѣхъ своихъ примѣненіяхъ,—системою, которую могъ съ надлежащею ясностью и полнотою формулировать всякій здравомыслящій человѣкъ; но обоимъ, какъ Мартынову, такъ и Мерзлякову, недоставало того таланта самобытнаго мышленія, который если самъ не прокладываетъ новаго пути, то схватываетъ на лету и самъ дополняетъ и развиваетъ плодотворныя истины, брошенныя другимъ, болѣе сильнымъ умомъ. Оттого оба они просмотрѣли Лессинга и всю новую критическую школу въ Германіи. Но Мартыновъ не шелъ по слѣдамъ своего учителя тамъ, гдѣ Лагарпъ слишкомъ педантически увлекался своей односторонней и шаблонною теоріей и не раздѣлялъ враждебнаго отношенія къ свободной философской мысли этого новообращеннаго неофита. Иногда Мартыновъ высказывался даже совсѣмъ иначе. Такъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" онъ помѣстилъ статью „О критикѣ", переведенную изъ французскаго журнала, гдѣ, между прочимъ, основными положеніями для критики выставлены слѣдующія положенія: „не должно имѣть къ рабскимъ правиламъ, ни рабскаго почтенія, ни гордаго презрѣнія; второе, что нѣтъ всеобщей критики, кромѣ той, когда все общество, болѣе или менѣе просвѣщенное, судя по мѣсту и времени, но всегда почтенное, состоящее изъ лучшихъ умовъ своего народа, соединитъ наконецъ вмѣстѣ всѣ голоса, для составленія всеобщаго мнѣнія; третье, что хорошій критикъ краснорѣчія и поэзіи долженъ быть самъ краснорѣчивъ и поэтъ" (II, 28 и 29). Въ при-

мнѣніи Мартыновъ далеко уступалъ Мерзлякову и не имѣлъ ни того критическаго такта, ни врожденнаго поэтическаго чувства, которыми обладалъ послѣдній. Такъ, Мартыновъ находитъ „красоты“ въ такомъ нелѣпомъ произведеніи, какъ „Храмъ Славы“ П. Львова; объ „Эдипѣ въ Аѳинахъ“ Озерова Мартыновъ выразился, что въ его твореніи нѣтъ ни сухости трагика греческаго (Софокла) ни любовныхъ шалостей французскихъ“. Понятія свои о критикѣ Мартыновъ изложилъ въ статьѣ „О рецензіи“, отмѣченной переведенною съ французскаго, но, по всей вѣроятности, написанной самимъ Мартыновымъ. Это доказывается, между прочимъ, обязанностью критика *нападать на варварское введеніе нѣкоторыхъ новыхъ словъ въ наши разговоры, въ наши рѣчи и книги*, что для тогдашней французской литературы не имѣло смысла. „Рецензія не всегда есть дѣйствіе зависти, она нерѣдко бываетъ дѣломъ правосудія, иногда урокомъ вкуса и всегда противится лести. Льстить презрительно; молчать невозможно. *Хвалить не безъ изъятія, цензировать съ благопристойностью*—вотъ достоинство, вотъ долгъ періодическаго изданія, принявшаго званіе столь трудное, столь и почтенное: судить своихъ сверстниковъ и современниковъ.“ Эти скромныя и ни къ чему ненужныя достоинства и проявлялъ Мартыновъ во всѣхъ своихъ рецензіяхъ. Не перечисляя ихъ отдѣльно (56), мы обратимся къ полемической критикѣ журнала. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ помѣщенъ разборъ рецензій Карамзина въ „Московскомъ журналѣ“ и Макарова въ „Московскомъ Меркуріи“. Что касается до перваго, то онъ состоитъ изъ мелочныхъ придирокъ, не заключающихъ въ себѣ ни одной серьезной мысли; а рецензія противъ Макарова выставляетъ главнымъ обвиненіемъ рѣзкій его тонъ. „Истинная рецензія не терпитъ никакой ироніи, да и къ чему ее употреблять въ такихъ родахъ сочиненій, въ которыхъ она по большей части обращается въ личность или въ язвительную насмѣшку“. Вообще вся тогдашняя литература ожесточенно напала на Макарова за его рецензіи, а бездарные авторы, которыхъ онъ выводилъ на свѣжую воду, расплачивались съ нимъ тупыми эпиграммами. Между тѣмъ Макаровъ не позволилъ себѣ ни одной рѣзкости, и вся его вина состояла въ томъ, что онъ прямо и безъ оговорокъ дурное называлъ дурнымъ. Критическіе отзывы въ журналѣ Мартынова на другой годъ (1805) стали появляться рѣже, что вызвало замѣчательное къ нему письмо лица, къ сожалѣнію оставшагося неиз-

вѣстнымъ. „Рецензія на книги у васъ совсѣмъ замолкла. Чего вы испугались, г. журналистъ? Личныхъ неудовольствій? — Но можетъ ли какая-нибудь личность входить въ благонамѣренную критику? Роптанія писателей, переводчиковъ, собирателей?—Но надобно ли уважать видъ ихъ самолюбія, надобно ли бояться ихъ возраженій, когда дѣло идетъ о вкусѣ, объ очищеніи слога въ нашей литературѣ, о прямыхъ выгодахъ нашего просвѣщенія? Вездѣ критика уважается— и одна она только, говоря справедливо, можетъ служить наградою хорошему писателю. Безъ нея не можетъ быть правосудія въ ученой республикѣ". Любопытенъ отвѣтъ на это письмо самого Мартынова въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. На укоръ, что журналисты въ критикѣ говорили только такъ, чтобъ угодить обоимъ сторонамъ, т.-е. „либо въ *полнехотя хвалятъ*, либо въ *полнехотя критикуютъ*", Мартыновъ отвѣчаетъ: „Вотъ это правда; но что вы прикажете сдѣлать съ такимъ сочинителемъ, который присылаетъ свои книги съ заповѣдью, чтобы ихъ похвалить въ журналѣ? Молчать, вы скажете? Это и дѣлаетъ журналистъ. Но когда не отвязывается—*немножко похвалить*, а прочее выставить наружу. „Вѣстникъ" и заниматься не хочетъ такими книгами, которыя заслуживаютъ непомѣрную брань. *Онъ доволенъ и нѣсколькими уроками, которые дали ему за рецензію на Петріаду г. Сладковскаго*". Послѣ вышеприведеннаго письма, тотъ же авторъ помѣстилъ очень обстоятельный и серьезный разборъ двухъ славянскихъ миѳологій, одной изданной дерптскимъ профессоромъ Глинкою, а другой написанной въ Геттингенѣ Анд. Кайсаровымъ. Отдавая справедливость послѣдней, критикъ рѣзко и справедливо разбираетъ неудовлетворительное сочиненіе Глинки и при этомъ тонъ рецензента далеко оставляетъ за собой всѣ рѣзкости, которыя навлекли общій гнѣвъ на Макарова. Этому же лицу принадлежитъ рецензія на сочиненіе „Cosmopolitische Briefe über die Geschichte des Russischen Reichs". Въ письмѣ, гдѣ переведенъ разборъ романа г-жи Сталь „Дельфина", неизвѣстный корреспондентъ говоритъ въ началѣ: „Мы довольно походимъ на тѣхъ дикихъ народовъ, которые съ изступленіемъ смотрятъ на привозимые къ нимъ европейцами мелочные и весьма обыкновенные товары, кои отъ сихъ дѣтей природы принимаются за самыя драгоцѣнныя вещи. Не могу безъ негодованія читать, когда въ вѣдомостныхъ извѣстіяхъ и журналахъ нашихъ называютъ талантливыми писателями Мерсье, Арно, Ретифа

де-ла-Бретонъ; между тѣмъ какъ въ самой Франціи скучное и плодовитое ихъ пустословіе служитъ предметомъ посмѣянія и презрѣнія и даетъ имъ во французской словесности то же самое мѣсто, каковое у насъ занимаетъ неутомимый Тредьяковскій" (ч. V, стр. 275 и 276). Очевидно, что читающая публика уже утомилась всѣмъ этимъ переводнымъ балластомъ и желала чего-нибудь болѣе серьезнаго и осмысленнаго.

Въ спорѣ о старомъ и новомъ слогѣ „Сѣверный Вѣстникъ" выступилъ вслѣдъ за „Московскимъ Меркуріемъ" Макарова. Въ первой же книжкѣ Мартыновъ помѣстилъ письмо отъ неизвѣстнаго, съ подписью „Кадомъ, 30 ноября 1803 г." (ч. I, стр. 17), подписанное А. З., гдѣ помѣщены возраженія Шишкову, болѣе впрочемъ слабыя, нежели у Макарова, и гдѣ доказывается, что всѣ языки составляются переливомъ словъ одного языка въ другой. Г. Галаховъ (Ист. Р. Слов. II, 2, стр. 72) приписываетъ это письмо Каченовскому, но не объясняетъ, на чемъ онъ основывается, а между тѣмъ заглавіе статьи приведено у него неправильно. Профессоръ Майковъ, въ біографіи Батюшкова, авторомъ этого письма называетъ члена Общества Слов. Н. и Х. Языкова, не высказывая также въ этомъ случаѣ своихъ соображеній. Но во всякомъ случаѣ послѣднее вѣроятнѣе, такъ какъ Каченовскій, имѣя въ своихъ рукахъ журналъ, гдѣ онъ впослѣдствіи и помѣстилъ свое возраженіе противъ Шишкова, не имѣлъ надобности обращаться къ другому органу. Повидимому, самъ Мартыновъ оставался хладнокровнымъ къ этому спору; въ противномъ случаѣ непонятно, для чего Мартыновъ помѣстилъ письмо къ сочинителю критики въ „Журналѣ Россійской Словесности" въ іюлѣ мѣсяцѣ, гдѣ авторъ принимаетъ на себя защиту комедіи кн. Шаховскаго противъ возраженій на нее со стороны критика Журнала.

Въ журналѣ Мартынова принималъ очень дѣятельное участіе Анастасевичъ, о которомъ было уже мною говорено. Анастасевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ поляковъ, которые вѣрятъ сближенію ихъ съ русскими и стараются подвинуть это сочувственное для нихъ дѣло ознакомленіемъ русскихъ читателей съ польскою литературою ([15]). Въ царствованіе Александра, особенно послѣ дарованія конституціи Царству, такихъ людей было много и тогда дѣйствительно моментъ для этого сближенія былъ благопріятный. Мы видѣли, что за это дѣло принимался „Вѣстникъ Европы" въ на-

чалѣ восьмисотыхъ годовъ. Такъ въ 1816—1817 годахъ старшій учитель Орловской гимназіи Фердинандъ Орля Ошменьцъ издавалъ въ Москвѣ журналъ „Другъ Россіянъ и ихъ единоплеменниковъ обоего пола", гдѣ авторъ поставилъ себѣ задачею „стараться утвердить въ вѣчномъ союзѣ непоколебимаго дружества умы и сердца славянороссійскихъ и польскихъ народовъ чрезъ посредство ихъ просвѣщенія и добродѣтели". Въ то время правительство само поощряло эти стремленія. При преобразованіи Кіевской Академіи митрополитъ Евгеній открылъ при ней каѳедру польскаго языка, существовавшую до 1844 года. Въ число занятій по этой каѳедрѣ входили не только переводы польскихъ авторовъ, но иногда и отрывочныя свѣдѣнія по исторіи польской литературы. Анастасевичъ много помѣстилъ статей о Польшѣ и переводовъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ". Таковы: переводъ Рѣчи попечителя Харьковскаго университета гр. Северина Потоцкаго при открытіи университета; пер. Рѣчи г. Чацкаго объ успѣхахъ воспитанія въ прежде бывшихъ польскихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи; біографіи польскихъ писателей Игнатія Красицкаго и Іосифа Шимановскаго; подробный разборъ статьи „О составѣ польской словесности", помѣщенной въ журналѣ Галинковскаго „Корифей или ключъ литературы" (изд. 1802—1807 гг.); Щербицкая, польскій анекдотъ, переведенный изъ Arch. litter. de l'Europe. Въ отдѣлѣ критики, при разборѣ иностранныхъ книгъ, обращалось вниманіе преимущественно на книги о славянахъ, выходившія за границею; такъ помѣщены подробныя указанія на слѣдующія изданія: a) „Славянка", журналъ на нѣмецкомъ языкѣ, занимавшійся изученіемъ славянства и издававшійся извѣстнымъ аббатомъ Добровскимъ; b) „Славянская Вифліофика", изданіе Фортуната Дурача. Вѣна, 1795 г.; c) „Польская словесность", соч. Линде; d) „Подробное извѣстіе о рукописяхъ Добровскаго". Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" помѣщались кромѣ того постоянно, въ видѣ особыхъ отдѣловъ, отчеты о С.-Петербургскихъ театрахъ—русскомъ и французскомъ, некрологи замѣчательныхъ современниковъ и извѣстія объ ученыхъ обществахъ русскихъ и иностранныхъ. Прибавимъ, что въ этомъ журналѣ такъ же, какъ и во всѣхъ остальныхъ, помѣщенъ извѣстный анекдотъ о Прасковьи Лупаловой, дѣвушкѣ, пришедшей изъ Сибири для испрошенія помилованія своему отцу. Событіе это, какъ замѣчаетъ „Другъ Просвѣщенія", воспользовавшійся имъ для напе-

чатанія плохаго стихотворенія, „по справедливости занимаетъ обѣ столицы“ и даже, какъ извѣстно, попало во французскую литературу. Мы уже говорили, что въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ помѣщались протоколы Общества любителей наукъ и худ., но участвовалъ ли кто изъ его членовъ въ журналѣ, кромѣ Языкова, видимости нѣтъ. Другой журналъ Мартынова „Лицей“, издававшійся въ 1806 году, еще однообразнѣе и суше по своему содержанію и состоитъ почти исключительно изъ переводовъ. Къ журналу прибавленъ политическій отдѣлъ, состоявшій изъ сообщенія весьма краткихъ и неполныхъ извѣстій о текущихъ событіяхъ, безъ всякихъ разсужденій. Въ послѣдніе мѣсяцы политическій отдѣлъ замѣненъ напечатаніемъ донесенія нѣмецкаго резидента о Петрѣ Великомъ и его дворѣ. Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщено стихотвореніе воспитанника Педагогическаго института Куницына „Пустынникъ“ (ч. III, кн. II), довольно гладкое, гдѣ воспѣвается добровольное удаленіе отъ всѣхъ мірскихъ соблазновъ и волненій; а затѣмъ стихотворенія „Тейльса“, студентовъ Педагогическаго института Александровскаго и Бутырскаго (означенныхъ полнымъ именемъ или сокращенно Б-ій и Ал-ій) и нѣсколько стиховъ не подписанныхъ. Стихотворенія всѣ очень плохи. Въ прозаическомъ отдѣлѣ почти половину журнала занимаютъ двѣ большія статьи: разборъ „Лицея“ Лагарпа, гдѣ кратко излагается содержаніе всей книги, и Извѣстіе о путешествіяхъ россіянъ около свѣта, гдѣ сообщаются записки поручика Лаксмана, посланнаго Екатериною въ 1791 г. для возвращенія японцевъ, спасенныхъ отъ кораблекрушенія при Алеутскихъ островахъ, что подало поводъ завязать первыя наши сношенія съ Японіею. Путешествіе это подробно изложено также въ „Другѣ Просвѣщенія“ Голенищева-Кутузова за 1806 годъ. Кромѣ того помѣщено разсужденіе о постепенномъ возвышеніи россійской словесности. Въ критикѣ и библіографіи помѣщены: разборъ трагедіи Фингалъ; разборъ перевода Пиндара, изданнаго Голенищевымъ-Кутузовымъ, гдѣ показана вся невѣрность этого перевода, сдѣланнаго съ французскаго; отзывъ объ исторіи, о заведеніяхъ и коммерціи въ обѣихъ Индіяхъ, аббата Ренналя, переведеннаго съ французскаго, по Высочайшему повелѣнію. С.-Пб. 1806 года. Изъ переводовъ помѣщены: повѣсти „Гулькемъ Юлій и Сабинъ“ изъ Лафонтена; переводъ отрывка изъ Полибія (гл. XVIII), найденнаго въ монастырѣ Святой Лавры на горѣ Аѳонской; отры-

вокъ изъ Лессингова „Лаокаона“; отрывокъ изъ Жанъ Поля Рихтера (die unsichtbare Loge); предисловіе Виланда къ его переводу науки о стихотворствѣ (ars poëtica) Горація и нѣкоторыя другія. Такимъ образомъ здѣсь переводы имѣютъ уже совсѣмъ другой характеръ, нежели въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Замѣчательно, что ухудшеніе новаго журнала Мартынова совпало съ удаленіемъ отъ сотрудничества Анастасевича, не принимавшаго участія въ этомъ журналѣ.

Одновременно съ „Сѣвернымъ Вѣстникомъ“, въ 1805 году издавался „Журналъ Россійской словесности“ членомъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, Брусиловымъ, при участіи Пнина и другихъ членовъ этого общества. По этому журналу, служившему органомъ общества, можно лучше всего судить о его характерѣ и направленіи. Брусиловъ занимался русскою исторіей и, какъ мы видѣли, помѣщалъ статьи свои въ „Вѣстникѣ Европы“, а впослѣдствіи въ другихъ журналахъ; онъ принадлежалъ по направленію къ *старой критической школѣ*, которой самымъ яркимъ представителемъ и завершителемъ былъ Каченовскій. Журналъ Брусилова былъ чисто-литературный, какъ и „Московскій Меркурій“ Макарова. Въ самомъ началѣ издатель въ видѣ программы замѣчаетъ, что „въ журналѣ будутъ помѣщаться новыя произведенія россійской словесности въ стихахъ и прозѣ. Главный предметъ ⸗аго есть соединеніе *пріятнаго* съ *полезнымъ*“. Въ стихотворномъ отдѣлѣ его принималъ участіе Пнинъ (ода Человѣкъ, Стихи на сонъ, Къ рощѣ, Царь и придворные, ода На правосудіе), Остолоповъ, А. Измайловъ, гр. Хвостовъ, Анастасевичъ, Беницкій и многіе другіе, вовсе неизвѣстные или обозначавшіе себя буквами. Изъ числа этихъ поэтовъ выдѣляется Пнинъ не столько совершенствомъ стихотворной формы, сколько глубиною содержанія, и отчасти Измайловъ; все остальное нисколько не выше того никуда негоднаго стихотворнаго балласта, которымъ наполнялись вообще тогдашніе журналы. Между прочимъ въ этомъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія на смерть Пнина, Остолопова и Измайлова и экспромтъ на тотъ же предметъ Писарева. Переводовъ въ журналѣ очень мало и всѣ они незначительны. Всю прозаическую часть, съ очень немногими исключеніями, сочинялъ самъ Брусиловъ. Въ его мелкихъ разсказахъ виденъ несомнѣнный юмористическій талантъ, соединенный съ живостью и

ясностью языка, такъ что журналъ читается безъ особеннаго труда и въ настояще время. По внутреннему содержанію статьи журнала, какъ прозаическія, такъ и стихотворныя, по большей части либеральнаго направленія. Онѣ осмѣиваютъ лесть и униженіе („Путешествіе на островъ подлецовъ“), иноземное воспитаніе, вообще ложь и фальшь въ жизни; онѣ стремятся къ свободѣ, хотя безъ опредѣленнаго сознанія о способахъ ея осуществленія; онѣ ставятъ (въ восточныхъ сказкахъ) истину выше „угожденія царю“, указывая, что только при ней страна можетъ быть счастлива и наслаждаться тишиною. Журналъ относится съ сочувствіемъ и къ нисшимъ сословіямъ. Въ статьѣ „О воспитаніи“ говорится, между прочимъ: „еслибы помышляли (воспитанные по-французски свѣтскіе люди) о томъ, съ какою трудностью добываются крестьянами тысячи, проматываемыя ими, еслибы видѣли они, какъ бѣдные поселяне отдаютъ иногда послѣднее рубище, для доставленія барину денегъ, нужныхъ ему, можетъ быть, на какія-нибудь новыя моды, то, конечно, умѣрили бы издержки свои, а съ этимъ вмѣстѣ и страшные оброки, ими налагаемые, которые бѣдные поселяне, не въ силахъ будучи выработать, часто жертвуютъ необходимымъ для себя, тогда какъ лакеи барина облиты въ золотѣ“. Въ „Письмѣ къ издателю“ по поводу представленія комедіи „Новый Стернъ“ (соч. кн. Шаховскаго, осмѣивавшаго сантиментальное направленіе Карамзина), авторъ защищаетъ браки дворянъ съ крестьянками и доказываетъ равенство сословій въ современномъ гуманномъ смыслѣ. Въ „Письмахъ деревенскаго жителя о воспитаніи“, авторъ отдаетъ преимущество семейному воспитанію, причемъ мальчикъ съ самаго рожденія, вскормленный матерью, а не кормилицею, до 10—12 лѣтъ долженъ находиться подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ, а съ этого возраста до 20 лѣтъ подъ опекою отца. Въ случаѣ невозможности для родителей самимъ слѣдить за воспитаніемъ дѣтей, авторъ требуетъ для нихъ наставниковъ непремѣнно изъ русскихъ, такъ какъ иностранцы, не знающіе Россіи и по большей части не имѣюшіе необходимыхъ нравственныхъ качествъ, не въ состояніи развить въ своемъ питомцѣ уваженія къ отечеству и къ народнымъ обычаямъ и потребностямъ. Въ разговорѣ между сочинителемъ и цензоромъ, написанномъ Пниномъ, рѣзко выставляются насилія и произволъ цензора надъ истиною, „которая существуетъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ“. Но, судя по

журналу, кружокъ, его издававшій, при всѣхъ хорошихъ своихъ стремленіяхъ, не успѣлъ еще выработать прочнаго и установившагося взгляда, почерпнутаго имъ изъ науки, путемъ серьезнаго и добросовѣстнаго изученія, или изъ практической жизни, путемъ наблюденія и сношеній съ окружающими. Это всего яснѣе отражается на самомъ Брусиловѣ: трудно себѣ представить, какимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ дойти до такихъ противорѣчій, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу на страницахъ одного и того же журнала. Брусиловъ,—въ своемъ сочувствіи къ нисшимъ классамъ и заботахъ объ ихъ образованіи,—выражаетъ желаніе учредить для нихъ театръ. Но какъ онъ объ этомъ выражается? Въ „Письмѣ къ пріятелю о русскомъ театрѣ" издатель между прочимъ говоритъ: „я желалъ бы, чтобы было два театра, одинъ, для *народа*: въ немъ должны представляться піэсы болѣе сообразныя съ просвѣщеніемъ народа, піэсы, имѣющія цѣлью осмѣяніе пороковъ и предразсудковъ, коимъ простолюдины подвержены. Другой театръ для просвѣщенной публики—здѣсь на сцену я не пустилъ бы ни пьяницъ, ни подъячихъ, ни мужиковъ,—ибо между истинно благородными и просвѣщенными людьми не можетъ быть ни пьяницъ, ни подъячихъ, ни плутовъ секретарей, всю эту челядь я отослалъ бы на народный театръ, *которыхъ должно быть, по крайней мѣрѣ, по одному въ каждомъ уѣздѣ*, ибо они тамъ болѣе принесутъ пользы, чѣмъ въ столицѣ. На благородномъ театрѣ я изобразилъ бы всѣ тѣ пороки и предразсудки, которымъ мы подвержены". Такимъ образомъ несмотря на прекрасныя намѣренія, потребность сближенія съ народомъ еще не зарождалась, рознь существовала во всемъ своемъ объемѣ, пропасть, раздѣлявшая *благороднаго* и *подлаго,* еще не закрылась. Брусиловъ обижается и не можетъ переварить, что, благодаря сюжетамъ изъ нравовъ нисшаго класса, преобладавшимъ въ современныхъ театральныхъ піэсахъ, „въ партерѣ сидѣли одни мѣщане". Брусиловъ противъ сантиментальнаго направленія помѣстилъ слѣдующую сильную выходку: „Высокопарные педанты! Нѣжные селадоны! Какъ бы счастливы были читатели ваши, если бы, не паря подъ облаками, не напыщиваясь, какъ Езопова лягушка, выходя на каѳедру для площадной морали, которой вы сами не слѣдуете, не проливая на каждой страницѣ чувствительныхъ слезъ, которыя возбуждаютъ смѣхъ въ читателяхъ, писали бы просто, но ясно!" Анастасевичъ, ярко и рѣзко описывающій всю

нелѣпость и ходульность сантиментальности, для которой каждая сколько-нибудь смазливая коровница кажется граціей, заявляетъ, что эту *болѣзнь* зараженные сами называютъ *сантиментальностью*, а здоровые по-старому сумасбродствомъ. И рядомъ съ этимъ издатель помѣщаетъ,—притомъ съ похвалой,—изъ „Энциклопедическаго Магазина“ переводъ подъ названіемъ „Похвальная рѣчь собачкѣ“, гдѣ нѣжность и безкорыстіе собачьей дружбы ставятся выше людскихъ отношеній и собачкѣ вмѣняется въ похвалу, что „ученіе не отягощало умъ Діаны, она никогда не читала ни Цицероновыхъ трактатовъ о должностяхъ, ни разговоровъ Платона о правосудіи. Наука законовъ, которая иногда не что иное есть, какъ наука ихъ забывать, была ей неизвѣстна и ненужна“ (3, 1). Тутъ же помѣщена повѣсть „Исторія бѣдной Марьи“, гдѣ дочь богатаго откупщика влюбляется въ бѣднаго поселянина; но по приказанію отца отдаетъ свою руку противному ей богачу, вслѣдствіе чего, при выходѣ ея изъ церкви послѣ свадьбы, поселянинъ, въ ея глазахъ, закалываетъ себя кинжаломъ, а Марья, оставивъ родительскій домъ, въ бѣдномъ жилищѣ проводитъ остатки дней своихъ въ горести и тоскѣ. Сочиненіе Шишкова—„Дополненіе къ разсужденію о старомъ и новомъ стилѣ“, указывается, какъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній литературы, „заключающее въ себѣ весьма полезныя истины для упражняющагося въ русской словесности“. „Письмо къ издателю“ (ч. 2, стр. 139) содержитъ въ себѣ заявленіе полнаго сочувствія и солидарности съ Шишковымъ; а между тѣмъ въ другомъ „Письмѣ къ издателю“, по поводу новаго Стерна, Брусиловъ нападаетъ на кн. Шаховскаго и на его насмѣшки надъ Карамзинскимъ направленіемъ. Въ журналѣ помѣщена очень прозрачная иронія надъ нелѣпымъ твореніемъ Боброва „Петріада“, а въ числѣ особенно замѣчательныхъ произведеній указано такое же нелѣпое твореніе того же Боброва, подъ заглавіемъ „Разсвѣтъ полночи“, поставленное наравнѣ съ сочиненіемъ Карамзина. Эта неустойчивость и невыработанность взгляда всего ярче выразилась въ сужденіяхъ автора о критикѣ. Брусиловъ не согласенъ съ Карамзинымъ, что критика есть излишняя роскошь для современной литературы. По его мнѣнію, критика нужна для успѣховъ словесности, ибо она болѣе всего очищаетъ и совершенствуетъ вкусъ. Она должна быть не двусмысленна, ясна и *благопристойна*. Лучше одну книгу разсмо-

трѣть со вниманіемъ, нежели о ста книгахъ сказать мнѣніе слегка. Иногда злорѣчіе почитается за остроумную критику. Въ этомъ смыслѣ журналъ раздѣляетъ взгляды „Сѣвернаго Вѣстника“ на критическія статьи Макарова въ его „Московскомъ Меркуріи“. Такое преувеличенное понятіе о благопристойности,—а можетъ быть и другія соображенія редактора,—были причиною, что критическихъ статей въ „Журналѣ Россійской словесности“ почти вовсе не встрѣчается, несмотря на убѣжденіе въ необходимости критики и на обѣщаніе въ программѣ помѣщать разборы книгъ, печатаемыхъ въ Россіи и за-границею. Между тѣмъ Карамзинъ, не признававшій критики и также работавшій одинъ, безъ сотрудниковъ, въ своемъ „Московскомъ Журналѣ“, помѣстилъ нѣсколько серьезныхъ критическихъ статей. Впрочемъ, условія критики въ то время были очень тяжелы и ее встрѣчали недружелюбно не только писатели, но даже общество. Брусиловъ замѣчаетъ по этому поводу: „Человѣкъ благонамѣренный, видя кучи печатныхъ книгъ, безпокоющихъ честныхъ людей, принимается издавать критическій журналъ, чтобы хотя мало обуздать сію ученую челядь,—но чтожь! Тысячи невѣждъ возстаютъ противъ него, бранятъ, терзаютъ и онъ же остается въ дуракахъ“. Понятно, что либеральное направленіе журнала, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могло оказать вліянія на публику, именно по своей неопредѣленности и неустойчивости, и журналъ долженъ былъ закрыться, просуществовавъ всего одинъ годъ. Такимъ образомъ напрасно г. Пятковскій придаетъ особое значеніе либеральному направленію двухъ изданій Мартынова и журнала Брусилова; напрасно ставитъ ихъ выше современныхъ органовъ московской журналистики. Умѣренный либерализмъ Пнина и совершенно радикальный Попугаева были такое же единичное явленіе, какъ передъ этимъ дѣятельность А. Н. Радищева,—и притомъ несравненно болѣе послѣдовательная, смѣлая и широкая. Либерализмъ остальныхъ членовъ не поднимался выше общаго уровня. Петербургскіе журналы, какъ всѣ тогдашніе журналы, не имѣли вовсе цѣльности и наполнены противорѣчіями, такъ какъ редакторы не держались никакой опредѣленной програмы и помѣщали присланныя имъ со стороны статьи, лишь бы въ нихъ не было чего-либо предосудительнаго или явной безсмыслицы. Типъ умѣреннаго либерала воплотился въ Карамзинѣ нисколько не менѣе цѣльно, нежели въ Пнинѣ и въ „Вѣстникѣ

Европы", которому Пятковскій не отдаетъ должной справедливости, можно столько же, если не болѣе, указать переводовъ изъ Тацита Гиббона, Монтескье и другихъ, въ которыхъ проводится подобный же либеральный взглядъ на политику и государственное устройство или взглядъ на необходимость народнаго образованія и такъ далѣе Изъ Петербургскихъ журналовъ самое видное мѣсто занимаютъ „Цвѣтникъ" и „Петербургскій Вѣстникъ". Цвѣтникъ издавался въ 1809 году А. Е. Измайловымъ и Беницкимъ, а въ 1810 г. Измайловымъ вмѣстѣ съ Никольскимъ. Редакторы-издатели этихъ журналовъ принадлежали къ числу самыхъ даровитыхъ людей того времени, хотя заслуга ихъ и значеніе вовсе не оцѣнены въ исторіи движенія русской мысли. А. Е. Измайловъ (1779—1831), родомъ москвичъ, воспитанникъ горнаго корпуса, служившій начальникомъ отдѣленіи въ экспедиціи государственныхъ доходовъ, рано выступилъ на литературное поприще, въ 1798 году издалъ романъ, холодно принятый публикою, и затѣмъ повѣсть „Бѣдная Маша" (Спб. 1801). Въ журналистикѣ онъ выступилъ первый разъ въ „Петербургскомъ журналѣ", издававшемся Пнином, наконецъ самъ сдѣлался издателемъ („Цвѣтника, „Петергбургскаго Вѣстника", „Благонамѣреннаго"). Значеніе Измайлова въ литературѣ, преимущественно какъ баснописца, опредѣлено. Беницкій принадлежитъ къ числу писателей, на которыхъ не обратила должнаго вниманія исторія нашей литературы. Какъ видно изъ краткой замѣтки по поводу его смерти 30 ноября 1809 г. (Цвѣтникъ 1809 г. № 11, стр. 264), Ал. Петр. Беницкій до 15 или 16 лѣтъ (въ 1794 или 95 году) воспитывался въ Москвѣ у проф. Шадена, въ его пансіонѣ гдѣ получилъ образованіе и Карамзинъ. По окончаніи курса, онъ поступилъ въ военную службу, но черезъ четыре года, по слабости здоровья, вышелъ въ отставку и впослѣдствіи, до конца жизни, служилъ въ Коммиссіи составленія законовъ. Со времени выхода изъ военной службы, слишкомъ 20 лѣтъ, Беницкій началъ заниматься литературою и умеръ на 28 году. Первые опыты его были разныя стихотворенія, помѣщенныя въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" и въ „Журналѣ Россійской Словесности". Въ 1807 г. издалъ онъ первую книжку „Таліи" гдѣ между прочимъ помѣстилъ повѣсть „Ибрагимъ или великодушный". Послѣ его смерти найдены нѣсколько начатыхъ повѣстей, неконченная трагедія „Неронъ". Вторая книжка „Таліи", была отпечатана, но по нѣкоторымъ обстоятель-

ствамъ не выпущена въ свѣтъ. Вся тяжесть изданія „Цвѣтника" за 1809 г. лежала на Беницкомъ; онъ помѣщалъ тамъ свои повѣсти, стихотворенія, переводы болѣе серьезныхъ статей и критическіе разборы. Повѣсти Беницкаго (Индійская сказка, „На другой день" „Похвальное слово Пипинькѣ, чижику прекрасной Эмиліи" и „Грангулъ", драматическая бездѣлка, изъ быта американскихъ индѣйцевъ)—не представляютъ ничего выдающагося и написаны были во вкусѣ своего времени, когда любили разсказы изъ быта дикихъ и восточныхъ народовъ, написанные фантастически и не имѣющіе никакой реальной, ни мѣстной, ни исторической правды; но они написаны прекраснымъ для того времени языкомъ, не лишены занимательности и могутъ быть прочтены даже теперь, чего нельзя сказать о большинствѣ повѣстей того времени. Но литературныя способности Беницкаго всего ярче выразились въ его критическихъ статьяхъ, и Беницкій, вмѣстѣ съ Макаровымъ и Никольскимъ, были родоначальниками того критическаго направленія, блестящими представителями котораго, съ конца уже двадцатыхъ годовъ, явились Надеждинъ и Бѣлинскій. Въ разборѣ „Велизарія", переведеннаго однимъ изъ самыхъ ярыхъ и тупыхъ шишковистовъ, Захаровымъ, Беницкій отмѣтилъ всѣ неправильности слога и вновь изобрѣтенныя слова для передачи иностранныхъ. Возражая вообще противъ направленія Шишкова, Беницкій говоритъ: „Правило не вносить въ языкъ ничего чужаго и любовь къ отечественному должны же имѣть предѣлы. Дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы какъ-нибудь, лишь бы только перевести иностранное слово: нѣтъ, надобно чтобы переводъ сей былъ не дикъ, ясенъ, вразумителенъ и критиченъ; надобно, чтобы переведенное слово было и равносильно подлиннику, и не противно не только одному разсудку, но „вкусу и слуху". Беницкій безпощадно преслѣдовалъ плохіе романы (какъ напр. Любовники, сосланные въ Сибирь) и комедіи (напр. Ѳалалей Скотининъ). Конечно, Беницкій былъ еще вѣренъ старымъ традиціямъ и, наприм., въ разборѣ Ѳалалея ставитъ въ заслугу автору, что онъ сохранилъ *единство времени и мѣста*; ежели бы онъ выбралъ другое содержаніе, другіе характеры, завязку, лучшій слогъ и предметъ, тогда, при таковомъ сохраненіи *единства времени и мѣста*, комедія его была бы превосходна"! Интересно это *главное* условіе, при точномъ соблюденіи котораго можно написать невообразимую галиматью!

Но Беницкій уже имѣлъ сознаніе о настоящихъ требованіяхъ отъ литературнаго произведенія. При разборѣ теперь забытой, но въ свое время обратившей на себя вниманіе драмы Неваховича — „Сульоты", Беницкій говоритъ: „Въ драмѣ сей нѣтъ идеальныхъ добродѣтелей, нѣтъ мечтательныхъ пороковъ—пустыхъ призраковъ, подкрѣпляемыхъ несобытными дѣяніями, чувствами, страстями. Все въ ней естественно: люди показываются въ своемъ видѣ, а не въ заимствованномъ изъ царства воображенія. Въ драмѣ „Сульоты" видите вы не китайскія тѣни, а настоящихъ человѣковъ, т.-е. такихъ, каковыми они по природѣ своей всегда были, суть и будутъ". Гречъ въ своихъ „Запискахъ" (220—222) сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о другомъ редакторѣ „Цвѣтника", Пав. Алекс. Никольскомъ (56). Странная судьба была этого журнала: оба редактора, которымъ онъ главнымъ образомъ обязанъ былъ своимъ значеніемъ, умерли въ ранней молодости: Никольскій умеръ 25 лѣтъ отъ роду (29 сентября 1816 г.). Никольскій учился въ горномъ корпусѣ и служилъ сначала тамъ, а затѣмъ перешелъ въ гражданскую службу. Послѣ изданія „Цвѣтника" Никольскій былъ сотрудникомъ „Петербургскаго Вѣстника" и сталъ издавать „Пантеонъ русской поэзіи". Гречъ говоритъ о немъ: „Когда вспомню о Никольскомъ, о смѣлыхъ, здравыхъ и свободныхъ отъ всякаго предразсудка мысляхъ его въ литературѣ; когда приведу себѣ на память его сужденія о писателяхъ, тогда намъ современныхъ, а нынѣ выслушивающихъ приговоръ потомства: тогда мнѣ кажется, что нынѣшніе лучи проистекли отъ искры, таившейся въ душѣ этого необыкновеннаго юноши. Не знаю, былъ ли бы онъ самъ производителемъ, но увѣренъ, что русская литература имѣла бы въ немъ нынѣ своего Джонсона, Лессинга, Шлегеля: что его ясный, критическій безпристрастный умъ былъ бы лучезарнымъ свѣтиломъ въ пустой храминѣ нашей словестности". Насколько эти похвалы справедливы, судить трудно; но во всякомъ случаѣ критическій отдѣлъ въ журналѣ не упалъ со смертью Беницкаго. Такъ замѣчателенъ разборъ трагедіи Грузинцова „Электра и Орестъ", гдѣ доказано, что это есть посредственная копія, а мѣстами переводъ трагедіи Вольтера. Рецензія эта подписана N. N. съ примѣчаніемъ, что она прислана неизвѣстнымъ лицомъ; но тогда такія оговорки были въ обычаѣ и несомнѣнно, что разборъ принадлежитъ Никольскому. Стихотворный отдѣлъ все еще игралъ важную роль въ „Цвѣтникѣ". Въ

1809 г. изъ извѣстныхъ поэтовъ въ немъ печатались, кромѣ самихъ издателей, Измайлова, Беницкаго,—Востоковъ, Гнѣдичъ и Гр. Хвостовъ; кромѣ того здѣсь же напечатаны первые опыты П. А. Катенина, который, по словамъ Греча, началъ свое литературное поприще въ „Цвѣтникѣ“ (57) и статьи профессора Казанскаго университета В. Мат. Перевощикова, Понизовскаго и Дм. Мак. Княжевича, одного изъ членовъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и худож. Въ 1810 году кромѣ прежнихъ являются новые поэты: Милоновъ, помѣстившій много своихъ стихотвореній въ этомъ журналѣ, Грамматинъ, Анд. Раевскій, — все воспитанники университетскаго пансіона въ Москвѣ,—Ал. В. Храповицкій (изъ посмертныхъ его бумагъ) и Воейковъ, помѣстившій отрывокъ изъ его перевода поэмы Делиля „Сады“. Значительное число стихотвореній относится къ разряду модныхъ въ то время мелочей — эпиграммъ, эпитафій, надписей, логогрифовъ; даже Измайловъ упражнялся преимущественно въ этомъ родѣ. Изъ крупныхъ стихотвореній ни одно не заслуживаетъ вниманія.

Въ прозѣ переводныя статьи преобладаютъ, но представляютъ мало интереснаго и ничего цѣльнаго, выражающаго какое-нибудь опредѣленное направленіе. По отдѣлу изящной литературы переведены двѣ повѣсти Лафонтена („Лиза“ и „Маленькій Домикъ“), изъ Мейснера („Понцій и Гуси“), изъ Шиллера („Преступникъ отъ безславія“), нѣсколько повѣстей съ французскаго, безъ означенія имени автора, и отрывокъ изъ трагедіи Шекспира „Юлій Цезарь“, переведенный прозою Милоновымъ. Изъ статей историческаго и научнаго содержанія между прочимъ есть переводы изъ Монтескьё (изъ Esprit des lois и Les causes de la grandeur et la chûte des Romains); изъ Лабрюера (Les caractêres), изъ Мабли (Histoire ancienne); изъ Гельвеція (небольшой отрывокъ „О скукѣ“); изъ Шиллера (Мысли объ употребленіи въ искусствѣ высокаго и низкаго); изъ сокращенныхъ риторическихъ уроковъ Блера („Объ эпопеѣ“, О произношеніи или произглашеніи“); изъ Taschenbuch der Reisen Циммермана („Западная Индія“, „Сахаръ“, „Остр. Исландія“). Остальные переводы не имѣютъ вовсе значенія или по краткости, не дающей понятія о цѣльномъ произведеніи, или по незначительности содержанія. Отдѣлъ оригинальной беллетристики, за исключеніемъ повѣстей Беницкаго, о которыхъ мы уже упомянули, очень бѣденъ и ничтоженъ по содержанію, не исключая и

повѣсти (Модестъ и Софья) Перевощикова, который былъ однимъ изъ усердныхъ сотрудниковъ и, кромѣ стихотвореній, занимался и переводами. Изъ всего этого отдѣла стоитъ упомянуть о небольшемъ, но довольно живомъ и характерномъ разговорѣ Измайлова „Такъ—такъ, или разговоръ Дмитрія Петровича съ Трофимомъ Антоновичемъ" (1809 г. VII, 84—90). Здѣсь осмѣивается современное неудовольствіе дворянства на выскочекъ изъ семинаристовъ, занявшихъ, благодаря своимъ способностямъ и трудолюбію, высшія государственныя должности, причемъ главнымъ виновникомъ подразумѣвался Сперанскій. Измайловъ довольно ловко выставляетъ всю нелѣпость этихъ притязаній: герой разговора, жалуясь на служебныя стѣсненія, и вооружаясь даже и противъ военной службы, гдѣ „семинаристы" не перебивали дорогу, но гдѣ могли убить на сраженіи, замѣчаетъ, что случись подобное несчастіе, „матушка бы его съ горя пересѣкла всѣхъ крестьянъ". Изъ немногихъ оригинальныхъ статей научнаго содержанія можно замѣтить только двѣ: „Замѣчанія о нѣкоторыхъ русскихъ буквахъ" Дм. Языкова и „Сибирскія древности", Гр. Спасскаго, разсужденіе, прочтенное въ засѣданіи Общества любит. слов., наукъ. и худож. 7 мая 1810 г.

Но главное достоинство „Цвѣтника" заключалось въ его критическомъ отдѣлѣ. Редакція усердно слѣдила за литературою и заносила на страницы своего журнала всякую вновь появляющуюся книгу, сколько-нибудь замѣчательную. Я уже сказалъ выше, что большинство критическихъ статей, и притомъ лучшихъ, помѣщенныхъ въ 1809 г., принадлежатъ Бенцкому. Послѣ его смерти, за 1810 годъ, критическій отдѣлъ продолжалъ Никольскій совершенно въ томъ же духѣ, а въ концѣ изданія Дашковъ помѣстилъ свою замѣчательную статью противъ Шишкова, разбирая его „Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа" („Цвѣтн." 1810, XI, 256—303, XII, 404—468). Но кромѣ опредѣленныхъ статей въ критическомъ отдѣлѣ, въ „Цвѣтникѣ" помѣщены, согласно тогдашней модѣ и требованіямъ литературнаго приличія, аллегоріи въ видѣ придуманныхъ писемъ отъ анонимныхъ корреспондентовъ, гдѣ помѣщались болѣе или менѣе остроумныя сатирическія нападки на направленіе извѣстныхъ писателей. Въ „Цвѣтникѣ" есть очень интересная выходка такого рода въ статьѣ, подписанной Вас. Ефимовъ, подъ заглавіемъ „Мысли и замѣчанія пустынника" (1810, VI, 334—351). По поводу полеми-

ки, возникшей между „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Аглаей“, издаваемой Кн. Шаликовымъ, авторъ разсказываетъ слѣдующій сонъ: „Мнѣ показалось, что я стою на пространномъ полѣ, подлѣ котораго находилось необозримое черное болото. Въ этомъ болотѣ сидѣло множество людей; иной по уши, другой по шею, у третьяго чуть видна была маковка; всѣ они были въ грязи выше груди, такъ что не могли дѣйствовать руками. Нѣкоторые изъ нихъ немного поднимались, другіе опускались. Вдругъ возвысился одинъ изъ средины ихъ съ величайшимъ усиліемъ, и потомъ вышелъ на сухое мѣсто (*Карамзинъ*); солнечные лучи вскорѣ осушили его платье, и онъ началъ вытаскивать изъ грязи прочихъ; тысячи поднимались вверхъ одинъ за другимъ; изъ болота выглянули милліоны головъ, которыя до тѣхъ поръ вовсе не были видны. Всѣ поднимавшіеся изъ грязи бросались на колѣна передъ тѣмъ, который первый подалъ въ томъ примѣръ и помогалъ имъ; всѣ радовались лучамъ благодѣтельнаго солнца, какъ вдругъ одинъ изъ тѣхъ, которые были суше всѣхъ прочихъ, стремглавъ бросился въ болото, увязъ въ грязь, такъ, что виденъ былъ лишь воротникъ его зеленаго кафтана (*С. Н. Глинка и зеленая обертка Русскаго Вѣстника*) и закричалъ: что вы, друзья, нашли хорошаго въ солнцѣ? оно только что палитъ васъ; возвратитесь опять въ болото; здѣсь прохладно и спокойно! то-то раздолье! Всѣ смотрѣли на чудака, но никто за нимъ не слѣдовалъ. Одинъ изъ осушенныхъ, на которомъ цвѣтъ кафтана отъ сильнаго зноя изъ краснаго сдѣлался желтымъ (*Кн. Шаликовъ и обертка Аглаи*), подошелъ къ краю болота, вздохнулъ, заплакалъ и началъ увѣщевать любящихъ грязь выйти изъ болота. Увязшій кричалъ безъ умолку, а что, того право я не могъ разобрать. Между тѣмъ чувствительный защитникъ *любезнаго* солнца плакалъ и увѣрялъ, что еслибы противникъ не сидѣлъ въ грязи, то онъ прижалъ бы его къ своему сердцу“ (стр. 357—359). На это отвѣчалъ Глинка, но очень слабо.

„Петербургскій Вѣстникъ“ издавался Обществомъ любителей словесности, наукъ и художествъ и служилъ какъ бы продолженіемъ журнала того же наименованія, издававшагося съ 1778 по 1-е іюля 1781 года. „Вѣстникъ“ выходилъ съ 1 января по октябрь 1812 года. Главнымъ редакторомъ этого журнала былъ Измайловъ, но душою его былъ Дашковъ, которому Общество, какъ мы видѣли, обязано было своимъ пробужденіемъ. Въ самомъ началѣ журнала,

Дашковъ помѣстилъ статью „Нѣчто о журналахъ“, объясняющую взглядъ его на журнальное дѣло, замѣчательно правильный и оригинальный для своего времени—статью, вмѣстѣ съ тѣмъ служащую программою журналу. Вотъ нѣсколько отрывочныхъ мыслей изъ этой статьи: „У насъ такъ мало хорошихъ литературныхъ журналовъ, что всякое подобное изданіе будетъ успѣшно, если только займутся имъ люди свѣдущіе и безпристрастные. Польза хорошаго журнала очевидна. Словесность наша не совсѣмъ еще образовалась, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ; молодые наши писатели не имѣютъ еще довольно образцовъ передъ собою, не знаютъ чего избѣгать имъ должно и чему слѣдовать. Одни съ необузданнымъ упорствомъ пренебрегаютъ чтеніемъ хорошихъ иностранныхъ книгъ, изъ которыхъ научились бы они познавать недостатки предшественниковъ своихъ и которыя могли бы отчасти замѣнить имъ драгоцѣнную опытность, пріобрѣтаемую лѣтами. Другіе, прилѣпясь единственно къ иностранцамъ, не читаютъ ничего русскаго и потому не умѣютъ писать на своемъ языкѣ. Обѣ сіи крайности весьма опасны, часто и для опытныхъ людей. Долгъ журналиста есть показать юношеству средину между сими заблужденіями, и ободрять молодыхъ подвижниковъ на славномъ, но скользкомъ ихъ поприщѣ, по мѣрѣ ихъ дарованій. Все можетъ входить въ составъ такого журнала: словесность, извѣстія о важныхъ открытіяхъ въ наукахъ и искусствахъ и проч.; но *главною цѣлью онаго должна быть критика.* Издатель знакомитъ читателей своихъ съ новѣйшими произведеніями отечественной словесности (а иногда разбираетъ и старыя, когда почтетъ ихъ особенно достойными вниманія), показываетъ ихъ красоты и недостатки, сравниваетъ и т. п. Судъ его долженъ всегда быть умѣренъ и безпристрастенъ. Смѣло и съ удовольствіемъ хвалитъ онъ, что есть хорошаго въ посредственныхъ писателяхъ,—смѣло, но съ прискорбіемъ и уваженіемъ замѣчаетъ недостатки въ извѣстныхъ. Онъ никого не оскорбляетъ язвительными словами или презрѣніемъ и весьма осторожно употребляетъ опасное оружіе насмѣшки; но ничто не удерживаетъ истиннаго литератора возставать противъ злоупотребленій и расколовъ, вводимыхъ въ языкъ нашъ“... Метафизика и философія претерпѣли столько перемѣнъ въ теченіе прошедшаго вѣка, и злоупотребленіе сихъ наукъ произвело столько бѣдствій, что разсуждать о нихъ должно съ величайшей осторожностью. Ужасныя про-

исшествія, недавно возмутившія спокойствіе Европы, довольно показали, сколь пагубны могутъ быть вліянія новизны въ философіи и политикѣ, когда необузданное властолюбіе и другія страсти обратятъ ихъ въ свою пользу. Итакъ, журналистъ, разсматривая сочиненія сего рода, долженъ удаляться отъ всякихъ излишнихъ сужденій и, предложивъ вкратцѣ основанія книги, хвалить или осуждать оную по мѣрѣ пользы или вреда, который она общественному благоустройству принести можетъ... Народныя наши пѣсни заслуживаютъ вниманія журналиста, и онъ могъ бы оказать великую услугу словесности, выбравъ и разсмотрѣвъ лучшія изъ нихъ: свойства ихъ вообще суть нѣжность въ выраженіи чувствъ и пріятное уныніе, а въ иныхъ примѣтенъ даже стихотворческій духъ, хотя весьма необразованный".

Стихотворный отдѣлъ „Петербургскаго Вѣстника" заключалъ въ себѣ произведенія В. Пушкина, А. Пушкина ([87]), Востокова, Милонова, А. Измайлова, Батюшкова и Гнѣдича; изъ менѣе извѣстныхъ—Политковскаго, Остолопова, Карабанова и гр. Сергѣя Салтыкова и изъ числа редакторовъ—Никольскаго и Н. Өедорова. Измайловъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" оставилъ уже бездѣлье и началъ помѣщать свои басни, давшія ему, по преимуществу, его литературную извѣстность. Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщена неизвѣстная до сихъ поръ эпиграмма Греча съ подписью К. на Шишкова (I, 182).

Весь свѣтъ руфилла упрекаетъ,
Что онъ грамматики не знаетъ:
Молчите! онъ ее пройдетъ,
Когда славянское ей имя приберетъ.

К.

Прозаическій отдѣлъ, какъ оригинальной, такъ и переводной изящной словесности очень бѣденъ и незначителенъ. Изъ переводовъ помѣщены между прочимъ: отрывокъ прозою изъ Шекспировой трагедіи „Троилъ", съ перевода Летурнера, Гнѣдича и три отрывка изъ Тита Ливія, переводъ Б. Гораздо важнѣе статьи научнаго содержанія, какъ переводныя, такъ и оригинальныя. Къ первымъ относятся: „Вліяніе крестовыхъ походовъ на просвѣщеніе Европы", изъ книги Герена „Versuch einer Entwickelung der Folgen der Creuzzuge für Europa", пер. Греча; „Исторія должна быть училищемъ нравственности и политики"—„Изъ историческихъ

уроковъ Кондильяка принцу Пармскому", пер. Н. Ѳедорова—статья возбудившая ожесточенное опроверженіе въ „Другѣ Юношества", издававшемся Невзоровымъ—и другой отрывокъ (первый въ „Цвѣтникѣ") изъ соч. Шиллера „Разсужденія о высокомъ", пер. Востокова. Изъ оригинальныхъ статей помѣщены: „Опытъ о русскомъ стихосложеніи", изданный потомъ отдѣльно, Востокова; „Отрывки изъ словаря древней и новой поэзіи", изданнаго, по порученію Общества, Н. Остолоповымъ: „Объ элегіи и комедіи"; двѣ статьи о „Синонимахъ", Княжевича; „Историческое изслѣдованіе о войнахъ Святослава съ Греками", Н. Брусилова; „Краткое замѣчаніе о Заволоцкой Чуди", А. Флерова ([88]). Главную роль въ журналѣ, согласно программѣ, высказанной Дашковымъ, занимала *критика*. Ни одинъ изъ предыдущихъ журналовъ не отводилъ ей столько мѣста и рѣдко критическія статьи были настолько серьезны и дѣльны, какъ всѣ, здѣсь помѣщенныя. Случай дозволилъ мнѣ открыть всѣхъ сотрудниковъ, участвовавшихъ въ этомъ отдѣлѣ. На переплетныхъ страницахъ экземпляра „Сѣвернаго Вѣстника" (ч. 1) въ Московскомъ публичномъ музеѣ я нашелъ разъясненіе всѣхъ участниковъ этого журнала, не подписывавшихъ своего имени; разъясненіе это, повидимому, записано на основаніи устнаго сообщенія лица знающаго, такъ какъ противъ одной подписи буквою Х означено: *не помнитъ*. Лица, принимавшія участіе въ критическомъ отдѣлѣ, были: Никольскій, Дашковъ, Гречъ, написавшій большую часть критическихъ статей и подписывавшійся разными буквами (Г, Т, Ж, Х, Р), Востоковъ, Княжевичъ и Ѳедоровъ. Разборъ сочиненія Шишкова „Прибавленія къ разговорамъ о словесности или возраженіе противъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу", С.-Пб. 1812 г.— приписывается Никольскому, что и должно быть справедливо, такъ какъ Дашковъ на это возраженіе Шишкова отвѣчалъ отдѣльною брошюрою. Чтобы познакомить читателей съ направленіемъ критики въ „Петербургскомъ Вѣстникѣ", мы сдѣлаемъ нѣсколько указаній. Вотъ отзывы о романистахъ, бывшихъ тогда преимущественно въ модѣ. „Лафонтенъ могъ бы сравняться съ лучшими романистами, еслибы писалъ менѣе. Чрезмѣрная его плодовитость вредитъ успѣхамъ и совершенству трудовъ его. Въ новыхъ его сочиненіяхъ находимъ безпрестанно повтореніе старыхъ; вездѣ одно и то же разсказывается иногда одними и тѣми же словами; характеры однообразны и потому не занимательны".

По поводу перевода романа г-жи Радклифъ „Таинства черной башни“, критикъ (Никольскій) говоритъ: „Романъ г-жи Радклифъ, Таинства башни, да еще и черной! (воскликнутъ охотники до сего рода романовъ, который въ газетныхъ объявленіяхъ книгопродавцы называютъ ужаснымъ), какъ это хорошо! Тутъ вѣрно есть разбойники, убійства, темницы, подземелья, мертвецы, черти! Все это, мм. гг., все это есть въ „Таинствахъ черной башни“; недостаетъ только бездѣлицы, которой, впрочемъ, и не ищутъ никогда въ безсмертныхъ твореніяхъ г-жи Радклифъ и г. Дюкре-Дюмениля, сущей бездѣлицы: здраваго смысла, пріятнаго слога, хорошихъ мыслей и связи въ происшествіяхъ; это такія маловажныя достоинства въ романѣ, что ихъ одинъ разбойникъ,—а ужь о мертвецѣ и говорить нечего,—совершенно замѣнить можетъ“. По поводу появленія сочиненія Эккартсгаузена „О фосфорной кислотѣ, какъ вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ гнилости“, въ переводѣ Лабзина, критикъ, скрывшій свое имя подъ цифрами 981, говоритъ: „Нѣсколько лѣтъ уже извѣстно въ словесности нашей имя нѣмецкаго писателя Эккартсгаузена по переводамъ многихъ его сочиненій, и, несмотря на то, что сей писатель въ Германіи никогда не имѣлъ имени истинно ученаго писателя, и что бо̀льшая часть его твореній сколько темна и непонятна, столько же и безполезна, если не вредна, у насъ, къ сожалѣнію, доселѣ отъ многихъ почитается онъ настоящимъ оракуломъ просвѣщенія“. При этомъ сообщается интересный фактъ, что въ то время за сочиненіе Эккартсгаузена „Ключъ къ таинствамъ природы“ платили по 100 рублей. Критика эта написана очень дѣльно; авторъ шагъ за шагомъ разбираетъ положенія, высказанныя Эккартсгаузеномъ, и съ полною очевидностью доказываетъ, насколько они наполнены грубыми ошибками и противорѣчатъ настоящему состоянію химіи; достается и переводчику за невѣрность употребляемыхъ имъ научныхъ терминовъ. Мы уже видѣли, что эта рецензія вызвала обширную отвѣтную статью въ „Другѣ Юношества“ Невзорова, но отвѣтъ ограничивался пустымъ словопрепирательствомъ и нисколько не ослабилъ силы возраженій противъ Эккартсгаузена, приведенныхъ въ статьѣ „Петербургскаго Вѣстника“. Разборъ книги проф. Велланскаго „Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ“ написалъ Н. Ѳедоровъ. Послѣ довольно подробнаго извлеченія всѣхъ туманныхъ объясненій автора, критикъ приходитъ

къ такому заключенію: „Мы посовѣтуемъ молодымъ людямъ, обыкновенно плѣняющимся умозрѣніями, никогда и ни для кого не отвергать правилъ здравой логики, всегда помнить способъ пріобрѣтенія познаній, чтобы умѣть отличить правильное умозрѣніе отъ пустыхъ мечтаній. Посовѣтуемъ имъ читать и знать исторію наукъ, особливо исторію философіи. Тамъ увидятъ онѣ, что умозрительная философія не въ первый уже разъ является на земномъ шарѣ, что науки и самыя художества,—сколько онѣ получили отъ наукъ,—обязаны нынѣшнимъ состояніемъ ихъ *способу опыта*. Какая разница между временами предшествовавшими и послѣдовавшими Бэкону. Предположенія, пустыя умозрѣнія, водя умъ человѣческій чрезъ нѣсколько вѣковъ отъ однихъ заблужденій къ другимъ, не привели его ни къ одной истинѣ до самыхъ временъ сего великаго преобразователя философіи. Онѣ, если принесли какую пользу, то развѣ только ту, что умъ человѣческій, предавшись имъ, узналъ, кажется, всѣ пути заблужденія. Это—несчастная дань, какъ говоритъ одинъ философъ, которую предки наши невольно платили за драгоцѣнную истину. Мы счастливы, что живемъ не въ тѣ времена! Зачѣмъ же добровольно подвергаться сей дани!“ Изъ рецензій Греча самая замѣчательная—„Грамматика Таппе, учителя въ Петропавловской лютеранской школѣ“ („Neue theoretisch-practische Russische Sprachlehre für deutsche“, von D-r A. W. Tappe, 2 aufl., P. und Riga 1812), одного изъ лучшихъ руководствъ для иностранцевъ, гдѣ Гречъ изложилъ исторію русской грамматики.

Къ сожалѣнію, журналъ прекратился, просуществовавши всего девять мѣсяцевъ: виною тому была тревожная эпоха, въ которую онъ народился. Конецъ 12-го года былъ слишкомъ тяжелъ, чтобы думать о журналахъ.

Наконецъ, послѣднимъ крупнымъ фактомъ въ русской журналистикѣ въ 1812 г. было появленіе съ октября мѣсяца „Сына Отечества“ подъ редакціей Н. И. Греча (1787—1867 г.). Минихъ опредѣлилъ въ 1738 г. вызваннаго Бирономъ и служившаго у него магистра философіи Іоганна Эрнста Греча, дѣда Н. И. Греча, профессоромъ исторіи нравоученія и такъ-называемыхъ humaniorum при устройствѣ верхнихъ классовъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, называвшихся тогда рыцарскою академіею. Самъ Н. И. Гречъ получилъ образованіе въ юнкерской школѣ, учрежденной 14 генваря 1797 г., для образованія чиновниковъ, предназначавшихся на стат-

скую службу; а затѣмъ поступилъ слушателемъ въ Педагогическій институтъ, открытый 16 апрѣля 1804 года. На литературное поприще Гречъ выступилъ въ 1805 г. сотрудникомъ „Журнала для пользы и удовольствія", въ качествѣ переводчика и послалъ въ то время двѣ статьи о синонимахъ въ „Журналъ русской словесности", издававшійся Брусиловымъ. Затѣмъ, какъ мы видѣли, Гречъ былъ членомъ Петербургскаго Общества любителей наукъ и художествъ и также сотрудникомъ издававшагося имъ журнала „С.-Петербургскій Вѣстникъ". Въ эту пору, несмотря на важность переживаемой эпохи, политическіе журналы и даже политическія статьи въ газетахъ были запрещены и публика узнавала новости только изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" и „Сѣверной Почты", сдѣлавшихся въ то время единственнымъ чтеніемъ. Но это были газеты оффиціальныя; тревожные слухи безпокоили общество — и не находили ни опроверженія, ни объясненія; охватившее все общество патріотическое чувство просилось наружу и не находило себѣ нигдѣ мѣста. Потребность журнала, удовлетворяющаго общему любопытству и патріотизму, чувствовалась какъ нельзя болѣе въ обществѣ. Случай помогъ взяться за это дѣло Гречу, въ то время бывшему учителемъ русскаго языка въ Петровской нѣмецкой школѣ. Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ, въ эпоху борьбы Германіи съ Наполеономъ, тамъ, какъ извѣстно, возбудилось національное движеніе противъ французовъ, во главѣ котораго стояли Блюхеръ, Шарнгорстъ, Гнейзенау, Грюнеръ и др., къ нимъ примкнулъ Арендтъ (1769—1860 г.), издавшій извѣстное свое сочиненіе „Духъ времени" (Geist der Zeit, 1 ч. въ Альтанѣ 1806 г., 2 ч. въ Лондонѣ, въ 1809 г.), гдѣ онъ изложилъ вѣрное и страстное обличеніе властолюбивой политики Наполеона, совершенно оправдавшееся послѣдствіями. Не безопасный въ Германіи Арендтъ въ 1812 году пріѣхалъ въ Петербургъ къ Штейну, который сдѣлалъ его своимъ секретаремъ по дѣламъ нѣмецкаго легіона и ввелъ во многіе дома петербургской знати, гдѣ самъ Штейнъ вращался. Здѣсь Арендтъ написалъ по-нѣмецки сочиненіе „Гласъ истины", гдѣ излагалось плачевное состояніе Европы, а русскіе поощрялись къ борьбѣ предсказаніемъ успѣха и скораго всеобщаго возбужденія. Понятно, что въ высшемъ кругу желали перевести и распространить это воззваніе. Тогдашній попечитель Петербургскаго округа Уваровъ искалъ переводчика, и рукописный списокъ сочиненія съ этою цѣлью передалъ

Гречу директоръ гимназіи и училищъ С.-Петербургской губерніи Тимковскій. Въ разговорѣ съ Тимковскимъ и Гречемъ, лично доставившимъ Уварову понравившійся ему переводъ, послѣдній заговорилъ о журналѣ; а Тимковскій указалъ на Греча, какъ на подходящаго человѣка. Гречъ, уже испытавшій себя въ журнальной работѣ, не отказался, тутъ же въ кабинетѣ Уварова написалъ программу, и журналъ окрещенъ былъ названіемъ „Сынъ Отечества". Журналъ до такой степени былъ насущною потребностью, что Государь, по докладу о томъ министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго, заинтересовался и пожелалъ немедленнаго исполненія,—вслѣдствіе чего журналъ началъ выходить съ октября мѣсяца, не дожидаясь начала новаго года. Цѣль журнала опредѣлена была свыше: онъ предназначался „для помѣщенія реляцій и частныхъ извѣстій изъ арміи, для опроверженія вредныхъ толковъ насчетъ хода происшествій, для сосредоточенія патріотическихъ мнѣній". Поэтому Гречъ съ перваго разу не былъ самостоятельнымъ редакторомъ, а подъ наблюденіемъ Уварова и Оленина, принимавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельное участіе въ редакціи.

Уваровъ въ третьей книжкѣ помѣстилъ статью „Письмо изъ Тамбова", гдѣ предрекалось сооруженіе колонны во славу Государя съ надписью „Александру I-му, по взятіи Москвы не отчаявшемуся, благодарная Россія"; кромѣ того, въ другой книжкѣ буквами „Ув" подписанъ цѣлый отдѣлъ смѣси, гдѣ помѣщались разныя извѣстія, относившіяся къ отечественной войнѣ. Оленинъ доставлялъ матеріалы для журнала. Съ перваго же раза примкнулъ къ журналу еще нѣмецкій патріотъ, ненавидѣвшій Наполеона, Коцебу, который еще прежде издавалъ враждебные ему журналы (die Biene, 1808—1814, die Grille, въ Кенигсбергѣ, 1810—1812), а впослѣдствіи, явившись въ Россію въ главную квартиру, сталъ издавать на нѣмецкомъ языкѣ русско-нѣмецкій народный листокъ. Замѣчательно, что оба патріотическіе журнала—и „Русскій Вѣстникъ", и „Сынъ Отечества"—начали издаваться въ долгъ, въ счетъ будущихъ благъ, и не обманули своихъ кредиторовъ; Гречъ, также какъ и Глинка, пріобрѣлъ безъ денегъ и бумагу, и типографію. За два дня до выхода первой книжки Государь, по ходатайству Оленина, пожаловалъ Гречу на первые расходы по изданію тысячу рублей. Но такъ какъ, пользуясь своимъ положеніемъ, „Сынъ Отечества" скорѣе всѣхъ другихъ журналовъ получалъ изъ глав-

ной квартиры всѣ реляціи и извѣстія о войнѣ, то на первыхъ же порахъ журналъ началъ расходиться быстро. Популярность удержалась за нимъ и впослѣдствіи, когда война прекратилась и программа журнала измѣнилась. Гречъ самъ засвидѣтельствовалъ, что „журналъ его имѣлъ успѣхъ дотолѣ небывалый, который долженъ быть вполнѣ приличенъ тогдашнимъ обтоятельствамъ. „Сынъ Отечества“ былъ первымъ изъ журналовъ (если исключить „Вѣстникъ Европы“), которые издателю своему приносятъ не убыль, а доходъ, которые даютъ ему возможность посвящать себя всего избранному имъ дѣлу“ („Чтенія о русск. языкѣ“ ч. 2 стр., 391—393). Гречъ, при изданіи „Сына Отечества“, задался программою служить „вѣрнымъ зерцаломъ современныхъ происшествій, отголоскомъ мыслей и чувствованій преданнаго Богу и Государю русскаго народа, и,—признаемся въ слабости,—льстились надеждою придать журналу сему свойство *народнаго вѣстника русскаго,* который занимается иноземнымъ единственно въ отношеніи къ настоящему положенію нашего отечества“ (1813, № LI, 246). И дѣйствительно, въ первые три года, до 1815 года, журналъ исключительно посвященъ былъ описанію великой народной войны; всѣ его отдѣлы были заняты статьями и извѣстіями, имѣющими къ ней непосредственное отношеніе; даже стихотворенія помѣщались исключительно патріотическія и написанныя на выдающіяся событія того времени: смерть Кутузова, отъѣздъ Императрицы и великихъ князей за границу, взятіе Парижа, битвы и побѣды союзниковъ и т. п. На каждое изъ этихъ событій откликались всѣ тогдашніе поэты—и извѣстные, и малоизвѣстные, и совершенно незнакомые (см. приложеніе IV). Въ самомъ началѣ помѣщенъ переводъ статьи Арндта „Гласъ истины“, подавшій поводъ къ открытію журнала и предварительно напечатанный Гречемъ отдѣльно. Затѣмъ главную часть составляютъ переводы съ англійскаго и испанскаго, гдѣ излагается характеристика Наполеона и его политики и событія изъ народной войны въ Испаніи, такъ похожей на нашу и временно породнившей оба народа чувствомъ вражды къ общему врагу. Въ оригинальныхъ патріотическихъ статьяхъ приняли участіе извѣстный профессоръ А. Куницынъ, Струговщиковъ и др. Не нужно прибавлять, что отношенія къ Наполеону въ то время запечатлѣны были глубокою ненавистью, не скупившеюся на выраженія. Вотъ образчикъ изъ статьи Струговщикова, какъ въ то время от-

носились къ виновнику московскаго пожара. „Есть преступленія, превышающія всякое вѣроятіе, возмущающія природу, совершаемыя съ обдуманнымъ хладнокровіемъ и жадностью: таковы злодѣянія врага нашего, врага всего священнаго, чуждаго законовъ чести, не уважающаго святости союзовъ, непреклоннаго и неумолимаго, полагающаго славою гнуснѣйшую неблагодарность, дышащаго мщеніемъ, лютаго подобно тигру, лицемѣріемъ равнаго гіенѣ“ (1812, №7, стр. 3). Въ отдѣлѣ „Новостей“ Гречъ помѣщалъ всѣ текущія событія политическія и военныя и съ 28 апрѣля 1813 г., для удовлетворенія общаго любопытства, сталъ выпускать ихъ въ видѣ особыхъ „прибавленій“, высылавшихся подписчикамъ отдѣльно, до выхода въ свѣтъ книжекъ журнала (появлявшихся еженедѣльно), такъ что журналъ занималъ мѣсто газеты и притомъ сообщалъ текущія извѣстія съ большею подробностью и обстоятельностію. Въ отдѣлѣ смѣси собирались всѣ возможные разсказы о подвигахъ нашихъ войскъ и отдѣльныхъ лицъ, о стычкахъ жителей съ французами во время отступленія, о дѣйствіяхъ Наполеона и его бюллетеняхъ, о французскихъ извѣстіяхъ и пр. (см. прибавленіе IV). Только съ 1815 года, послѣ перваго замиренія Европы, журналъ расширилъ свою программу, допуская статьи, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ войнѣ. Программа его, съ небольшими измѣненіями удержавшаяся во все время завѣдыванія имъ Греча (до 1839 г., когда журналъ поступилъ въ хозяйственное завѣдываніе книгопродавца Смирдина), обнимала слѣдующіе отдѣлы: 1) современная исторія и политика Европы; 2) русская древняя и новая исторія; 3) русская литература: библіографія, критическія статьи, разсужденіе о русскомъ языкѣ и литературѣ, духовное и свѣтское краснорѣчіе, небольшія стихотворенія; 4) науки, художества и ремесла; 5) смѣсь: разныя извѣстія и замѣчанія о народныхъ нашихъ обычаяхъ, добродѣтеляхъ и (немногихъ) недостаткахъ, примѣры для подражанія, Петербургскія замѣтки и проч. Такимъ образомъ съ 1815 года „Сынъ Отечества“ вошелъ въ общую колею нашей журналистики и послужилъ съ внѣшней стороны образцомъ, котораго до сихъ поръ придерживаются наши толстые журналы. Въ самомъ дѣлѣ, для внѣшней стороны Гречъ сдѣлалъ очень много: онъ возобновилъ въ журналѣ особый и постоянный политическій отдѣлъ, вышедшій изъ употребленія послѣ Карамзинскаго „Вѣстника Европы“ и впослѣдствіи подвергшійся запрещенію; онъ напе-

чаталъ въ 1815 году „Обозрѣніе русской литературы“ за 1814 г., первоначально написанное по просьбѣ Оленина для прочтенія въ годичномъ публичномъ засѣданіи академіи художествъ, и съ тѣхъ поръ ежегодно началъ помѣщать подобныя обозрѣнія, сдѣлавшіяся впослѣдствіи необходимою статьею журналовъ и, въ особенности, альманаховъ; онъ первый по вызову какого-то господина М. Р. М. Н. ввелъ въ 1814 году въ моду „Смотръ журналовъ“, подъ которымъ разумѣлось критическое обозрѣніе ихъ содержанія,— обычай, также вошедшій въ общее употребленіе. Впослѣдствіи, когда программа измѣнилась, и журналъ получилъ литературное значеніе, стихотворный отдѣлъ значительно поднялся, помѣщая лучшія произведенія самыхъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ. Такъ уже въ 1815 году Жуковскій помѣстилъ свой переводъ изъ Клопштока „Аббадона“, Крыловъ и Измайловъ—многія изъ лучшихъ своихъ басенъ, Гнѣдичъ—XI пѣснь изъ перевода „Иліады“ Гомера. Въ томъ же году приняли участіе въ „Сынѣ Отечества“ члены Общества Л. С. Н. и Х., старые товарищи Греча по „Петербургскому Вѣстнику“, Дашковъ (статья его къ „Новому Аристарху“, о которой мы говорили), Никольскій (подписанъ отвѣтъ его отставному актеру) и Ѳедоровъ (стихотворенія). Но сотрудничество ихъ скоро прекратилось: въ 1816 году Никольскій умеръ, а Дашковъ вступилъ на дипломатическое поприще и уѣхалъ за границу. Въ 1815 году Гречъ перепечаталъ статьи свои изъ журнала, относящіяся къ войнѣ, подъ именемъ: „Собраніе сочиненій и переводовъ“, изданныхъ въ теченіе 1812, 13 и 14 годовъ.

Изъ представленнаго мною обзора русской журналистики, начиная съ XVIII столѣтія видно отношеніе петербургской журналистики къ московской. Новое направленіе литературы, заявившее себя преимущественно въ журналахъ, началось въ Москвѣ Новиковымъ и Карамзинымъ, изъ которыхъ послѣдняго слѣдуетъ признать отцомъ нашей журналистики въ томъ видѣ, какъ она удержалась до сихъ поръ, т.-е. въ смыслѣ Сборника, не ограничивающагося одной изящною литературой (беллетристикой), но и по возможности отвѣчающаго на текущіе вопросы внѣшней и внутренней общественной жизни. Новое журнальное направленіе изъ Москвы въ Петербургъ было занесено, большею частью, лицами, получившими образованіе въ Москвѣ и здѣсь начавшими свою литературную дѣятельность. Центръ защиты этого направле-

нія противъ реакціи Шишкова и старой литературной партіи сосредоточенъ былъ также въ Москвѣ: самъ Шишковъ на него указываетъ въ лицѣ „Вѣстника Европы" и „Меркурія". Арзамасское Общество собиралось попеременно въ Москвѣ и Петербургѣ, но учредители его были москвичи по своему образованію, и къ Москвѣ принадлежало большинство его членовъ. Петербургскіе журналы возникали съ помощью отъ правительства: мы уже сказали, что Мартыновъ и Гречъ получали пособія на свои изданія. Что же касается вообще характера русской журналистики до 1812 г., то въ концѣ этой эпохи она стала на свои ноги и дальнѣйшій путь ея былъ указанъ. Въ лицѣ „Русскаго Вѣстника" и „Сына Отечества" проявилось *національное направленіе*: издатели уже поняли, что назначеніе журнала не есть исключительно переводное, въ смыслѣ ознакомленія читающей публики съ западною литературою, но примѣненіе западной культуры къ русской жизни и посильная разработка вопросовъ, заданныхъ ею самой. „Московскій Меркурій", „Цвѣтникъ" и „С.-Петербургскій Вѣстникъ", гдѣ выступили на поприще лица даровитыя и обладавшія критическимъ тактомъ: П. Макаровъ, Беницкій и Никольскій,—подняли значеніе критики въ обществѣ и такъ-сказать предсказывали будущее, преимущественно критическое направленіе журналистики. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что въ литературѣ уже въ то время сказались два теченія, которыя рѣзко обособлялись и въ послѣдующую эпоху, выражая собою съ одной стороны различныя требованія самой жизни, съ другой—территоріальное значеніе двухъ главныхъ средоточій журнальнаго дѣла—Москвы и Петербурга. Въ петербургской журналистикѣ, въ особенности въ дѣятельности Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, выразилось *западное направленіе*, потребность образованія и усвоенія себѣ той міровой культуры, которая выработана была историческимъ процессомъ развитія, которая для всякаго *активнаго народа* также необходима, какъ воздухъ окружающей его атмосферы. Но въ Петербургѣ, который самимъ Петромъ былъ предназначенъ служить только вспомогательнымъ клапаномъ для притока къ намъ западно-европейской культуры, культура эта являлась въ чистомъ видѣ, не усвоенная и не переработанная. Москва—городъ преданій и центръ внутренней экономической жизни—должна была принять на себя это усвоеніе, эту переработку извнѣ вос-

принятой культуры *на народныхъ началахъ*. Въ этомъ состоитъ ея великая задача. Само собою разумѣется, что задача эта тогда уже высказывалась болѣе или менѣе рельефно и умѣло въ направленіи московской журналистики, не носившей исключительно того переводнаго характера, которымъ отличалась петербургская. На первыхъ порахъ это направленіе всего опредѣленнѣе выразилось въ видѣ смутнаго и бродящаго въ темнотѣ инстинкта въ „Русскомъ Вѣстникѣ", который былъ первымъ *русскимъ* журналомъ, поставившимъ себѣ цѣлью не ознакомленіе читающей публики съ образцовыми произведеніями иностранной литературы, но разработку прежнихъ и текущихъ вопросовъ собственной народной жизни.

Рядомъ съ университетомъ важное значеніе для Москвы имѣлъ *театръ*. Чтобы понять, какую роль игралъ театръ въ московской жизни, достаточно припомнить слова Бѣлинскаго. „Любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т.-е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? или лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины. И въ самомъ дѣлѣ, не сосредоточиваются ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ? Не есть ли онъ исключительно самовластный властелинъ нашихъ чувствъ, готовый во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ возбуждать и волновать ихъ, какъ вздымаетъ ураганъ песчаныя метели въ безбрежныхъ степяхъ Аравіи" (ч. I, стр. 96). И дѣйствительно, въ обществѣ, куда еще не успѣло проникнуть образованіе, гдѣ не привыкли читать и мало интересуются печатью, театръ представляется единственною школою, гдѣ масса публики знакомится съ классическими произведеніями иностранныхъ литературъ, гдѣ образуется ея эстетическій вкусъ, гдѣ наглядно воспринимаются потребность и интересы иной, болѣе возвышенной среды. Мы видимъ, что въ XVIII столѣтіи въ количественномъ отношеніи театральная литература у насъ имѣла огромное преобладаніе. Академія наукъ въ 1786—1794 годахъ издала „Россійскій ѳеатръ или полное собраніе всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій" въ 43 частяхъ. Собраніе это не заключаетъ въ себѣ всѣхъ игранныхъ піэсъ, такъ какъ многія напечатанныя не вошли, а многія и вовсе не были напечатаны. Каждый изъ извѣстныхъ нашихъ писателей, болѣе или менѣе удач-

но, въ томъ или другомъ родѣ, пробовалъ свои силы на театральномъ поприщѣ; масса переводовъ стала появляться съ самаго начала. Вся театральная литература была или чисто переводная, или подражательная; это понятно, ибо другаго и быть не могло. Современный критикъ (Дашковъ) въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ" говоритъ по этому поводу: „Стихотворцы наши брали изъ Расина и Вольтера цѣлыя явленія, цѣлыя роли и удачнымъ перенесеніемъ чужихъ красотъ на русскій языкъ обогатили оный. Однако же нужно признаться, что у насъ очень мало хорошихъ трагедій, и что *самая склонность* молодыхъ нашихъ писателей къ театру вредитъ его успѣхамъ. Корнель и Расинъ не спѣша принимались за трагедіи, сперва выучились основательно своему языку и затвердили всѣ правила драматическаго искусства; они дѣйствовали болѣе воображеніемъ, нежели памятью, и не хватали по нѣскольку стиховъ изъ разныхъ писателей; наконецъ, прекрасную трагедію перевести хорошо почти также трудно, какъ и сочинить самому." Тѣмъ не менѣе, въ культурномъ отношеніи, въ высшей степени интересно подробно и обстоятельно прослѣдить, что давалъ театръ современной публикѣ. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ пока еще мало разработанъ.

Вообще говоря, потребность воспроизведенія людскихъ отношеній между собою и къ окружающей природѣ,—потребность представленій, зрѣлищъ, театра,—есть физіологическая потребность во всемъ человѣчествѣ: стоитъ только припомнить различныя проявленія этой потребности у дикихъ народовъ, стоящихъ на самой низшей ступени развитія, и дѣтскія игры, какъ скоро способность наблюдательности настолько усовершенствовалась, что даетъ дѣтямъ достаточный матеріалъ для осмысленной забавы. Потребность эта, выражавшаяся у всѣхъ народовъ различными обрядами, при чествованіи особенно поразившихъ воображеніе явленій природы и исполненіи самыхъ торжественныхъ случаевъ обыденной жизни, какъ бракъ, погребеніе, пора возмужалости и т. п., получила широкое значеніе въ жизни славянскаго племени, одареннаго отъ природы живою фантазіей и сильною воспріимчивостью. При этомъ, по замѣчанію профессора Веселовскаго, въ самомъ характерѣ славянина какъ бы лежитъ предрасположеніе къ драмѣ: онъ всюду любитъ придавать драматическую форму своему разговору, пѣснѣ и т. д.; чешскія духовныя пѣсни имѣютъ доселѣ драматическій оттѣнокъ, и по сю пору въ русской раскольничьей литературѣ от-

части сказывается подобное же стремленіе; не говоримъ уже о южныхъ славянахъ, живая, огненная природа коихъ, согрѣтая благодатью южнаго климата, развила и въ пѣснѣ, и въ разговорѣ живое, взволнованное и почти драматическое движеніе (Старинный театръ, стр. 213). Проникавшая весь бытъ племени въ періодъ поэтическаго и свободнаго строя первобытной культуры и получившая религіозную окраску въ языческомъ вѣрованіи,—эта исполненная драматизма обрядность постоянно и усиленно подавлялась распространеніемъ христіанства, усиленіемъ борьбы экономической и политической, неразлучной съ окончательною осѣдлостью народа и чужеземнымъ вліяніемъ, въ той или другой формѣ отразившимся у различныхъ племенъ. Чѣмъ дальше мы удаляемся отъ современности, тѣмъ переживаніе этой старинной обрядности рельефнѣе и живѣе въ народномъ сознаніи; но передъ напоромъ противныхъ ему вліяній оно все болѣе и болѣе отступаетъ въ самые отдаленныя захолустья и въ низшіе слои населенія, гдѣ эти противныя вліянія сказываются всего слабѣе. Въ настоящее время слѣды этой обрядности сохранились у славянъ только въ свадебныхъ обрядахъ, нѣкоторыхъ праздникахъ, сохранившихся отъ временъ язычества, и въ народныхъ играхъ, представляющихъ много общаго у различныхъ славянскихъ народностей. Въ сочиненіи профессора Веселовскаго („Старинный театръ въ Европѣ") собраны современные остатки этого переживанія у славянскихъ народовъ, и указано присутствіе въ нихъ драматическаго элемента, какъ первоначальнаго зародыша для развитія народнаго театра, народной драмы и комедіи. Отъ этого переживанія особенно сильно и повсемѣстно сохранился въ Россіи обычай переряживанія во время Рождества и Масляницы, соединенный съ импровизованнымъ представленіемъ различныхъ бытовыхъ или историческихъ сценъ. Нѣтъ русскаго города или русской деревни, гдѣ бы ряженые не ходили изъ дома въ домъ во время этихъ праздниковъ. Эти старинные народные маскарады были первымъ проявленіемъ народнаго театра и поэтому, въ то время, когда жизнь пересоздавалась по европейскому образцу, Петръ Великій преимущественно остановился на маскарадахъ, какъ на увеселеніи болѣе знакомомъ и близкомъ къ стариннымъ нашимъ нравамъ. По той же причинѣ на первыхъ порахъ собственно театральное представленіе и публичный маскарадъ у насъ существовали нераздѣльно, такъ что театральные ма-

скарады у насъ появились издавна, какъ мѣстный обычай. Когда представленіе итальянскихъ оперъ въ Москвѣ у Локателли не привилось и театръ оставался пустымъ,—Локателли обратился къ театральнымъ маскарадамъ и нѣкоторое время этимъ привлекалъ къ себѣ публику. При этомъ замѣчательно, что уже впослѣдствіи, когда раздѣленіе сословій рѣзко обозначилось, между прочимъ, и въ культурномъ отношеніи, обрядное переживаніе и тогда напоминало имъ старинное объединеніе. Во всякой помѣщичьей усадьбѣ на Рождествѣ и Масляницѣ ряженые дворовые являлись къ господамъ, давали свои народныя представленія и получали угощеніе; толпы семинаристовъ, мастеровыхъ и солдатъ въ городахъ бродили изъ дома въ домъ и принимались въ самыхъ лучшихъ домахъ. Я еще помню живо изъ временъ моего дѣтства этотъ обычай въ Костромской губерніи. Обыкновенно предметомъ этихъ представленій были неизбѣжный Михайло Ивановичъ (медвѣдь съ козою), или разныя бытовыя сцены, гдѣ обыкновенно однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ являлся цыганъ, или историческія преданія, причемъ разыгрывалась сцена плаванія по Волгѣ разбойничьей шайки, пристававшей для грабежа къ богатому селу. Само собою разумѣется, что эти домашніе театры и маскарады имѣли несравненно болѣе значенія въ старинную эпоху и составляли любимую и непремѣнную забаву въ боярскихъ домахъ, наполненныхъ многочисленною и разнообразною дворнею, во главѣ которой стояли барскіе люди и барыни изъ небогатыхъ дворянъ, участвовавшіе въ господскихъ увеселеніяхъ и нарочно для этой цѣли содержавшіеся шуты и скоморохи. Забавы эти, безъ сомнѣнія, проникали и въ царскіе чертоги. Въ „Хроникѣ русскаго театра“ Носова есть очень правдоподобное извѣстіе, что на святкахъ во дворцѣ Бориса Годунова представляли Шамана въ Сибири, Кота въ сарафанѣ и Михайлу Ивановича (медвѣдя). Тамъ же передается, что еще до появленія нѣмецкаго театра, послѣ бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, бояре и боярыни, желая потѣшить новобрачныхъ, сговорились разыграть въ царской потѣшной палатѣ комедію, самими ими сочиненную, изъ сказокъ въ разговорахъ съ пѣснями и плясками, которыя имъ разсказывали дѣдушки и бабушки, потѣшая ихъ въ ребячествѣ. Приведены и заглавія этихъ доморощеныхъ боярскихъ представленій: Яга Баба, Туръ, праздникъ Услада. Въ томъ же году знаменитые москов-

скіе бояре—Милославскій, Матвѣевъ, Долгорукій, Шереметевъ и др.—завели свои домашніе театры, на коихъ въ торжественные и праздничные дни сами разыгрывали комедіи, сказки, а иногда и ихъ барскіе люди и барскія барыни. У бояръ приводятся тамъ же названія народныхъ игръ: у Матвѣева—Коляда, у Долгорукаго—Горе Богатырь. Эти боярскія представленія продолжались и при Петрѣ: такъ въ 1689 году, на третій день свадьбы царя Петра съ Евдокіей Ѳеодоровной Лопухиной, на Потѣшномъ дворѣ боярами и боярынями представлено „Илья Муромскій богатырь и Соловей разбойникъ". Достовѣрность этихъ извѣстій Носова, заподозрѣнная Веселовскимъ, возстановляется издателемъ „Хроники" Барсовымъ съ полной основательностью. Дѣйствительно, во времена Алексѣя Михайловича, когда знакомство высшаго боярства съ европейскими и, преимущественно, польскими обычаями совершенно уже измѣнило прежнюю простую и тихую жизнь, старинныя потѣхи могли и должны были принять болѣе грандіозные и шумные размѣры. Въ этомъ смыслѣ московскимъ боярамъ и боярынямъ легко могло придти на мысль потѣшить царя тѣми нехитрыми представленіями, которыя каждый изъ нихъ съ измалѣтства видѣлъ у себя въ домѣ. А какъ скоро такія представленія понравились при дворѣ, они сейчасъ же вошли въ моду, знатные бояре заставляли своихъ барскихъ людей и барынь разыгрывать передъ ними то, что сами они изображали передъ царемъ въ его покояхъ. Это повтореніе царскихъ театральныхъ забавъ богатымъ дворянствомъ и впослѣдствіи составляло характеристическую черту исторіи русскаго театра. Всѣ эти народныя представленія не имѣли, конечно, никакого непосредственнаго отношенія къ позднѣйшему театру на европейскій ладъ, но они важны потому, что именно этими народными обычаями объясняется быстрое усвоеніе у насъ европейскаго театра и привязанность къ нему двора и богатаго дворянства, съ самой эпохи перваго его возникновенія въ Россіи.

Европейскій театръ прежде всего водворился въ Москвѣ изъ Польши. Въ Польшѣ, католическое духовенство и, въ особенности, іезуиты, борьбу противъ языческой обрядности, которою прикрывались проявленія древняго народнаго земскаго строя, начиная еще съ XII вѣка, повели обращеніемъ именно этой обрядности въ своеобразныя формы церковнаго богослуженія, направленныя къ распространенію католической пропаганды въ религіозномъ и политическомъ смыслѣ.

Таково происхожденіе церковныхъ мистерій, занесенныхъ въ Польшу и отправлявшихся при богослуженіи, съ участіемъ въ нихъ лицъ, не принадлежащихъ собственно къ церковному клиру. Само собою разумѣется, что эти мистеріи перешли и въ училища, находившіяся исключительно въ рукахъ духовенства. Впослѣдствіи, когда этотъ пріемъ сдѣлалъ уже свое дѣло, и католичество прочно водворилось въ средѣ польскаго народа, папа и высшее духовенство возстали противъ церковныхъ мистерій, какъ противъ обряда, допускавшаго въ богослуженіи ненавистную для католичества примѣсь народнаго и свѣтскаго, житейскаго; съ XV столѣтія начинается формальное запрещеніе мистерій, но, несмотря на то, онѣ просуществовали еще два вѣка и были окончательно изгнаны изъ церковнаго богослуженія только въ началѣ XVII столѣтія. Тогда мистеріи сосредоточились въ училищахъ, гдѣ онѣ, помимо цѣлей католической пропаганды, получили значеніе педагогическое, въ смыслѣ классного упражненія. Въ Краковской академіи, основанной въ 1557 году и послужившей образцомъ для постепенно распространившихся во всей странѣ второстепенныхъ, подчиненныхъ ей школъ, семинарій или бурсъ, молодые слушатели богословскаго факультета, подъ руководствомъ своихъ профессоровъ, принимались за сочиненія духовно-драматическихъ піэсъ, въ составленіи и исполненія которыхъ современная школьная практика видѣла важное подспорье основательному религіозному воспитанію. Въ низшихъ польскихъ школахъ духовная драма, подобно твореніямъ, возникавшимъ въ позднѣйшихъ южно-русскихъ бурсахъ, отличалась перевѣсомъ свѣтскаго, житейскаго элемента. Этотъ обычай исполнять духовныя піэсы семинаристами и учениками академій перенесенъ былъ, въ видѣ подражанія, въ южную Русь, и мистерія была такимъ образомъ водворена въ Россіи (Веселовскій, стр. 269 и 270). Эта духовная драма, какъ обычная рекреація семинаристовъ въ Польшѣ, ходившихъ съ переносными, миніатюрными театрами по городамъ и селамъ въ теченіе лѣтняго времени, въ XVI столѣтіи занесена была на югъ Россіи. Въ Кіевской академіи, особенно со времени преобразованія ея ПетромъМогилою, и въ соединенныхъ съ нею духовныхъ училищахъ преподаватель излагалъ по рутинному учебнику сущность теоріи поэзіи вообще и знакомилъ съ правилами духовной драмы, а къ лѣтнимъ или майскимъ вакаціямъ, получившимъ отъ того названіе маевокъ, либо самъ

приготовлялъ драматическое сочиненіе, прилагавшее къ практикѣ указанныя правила, или выбиралъ изъ готовыхъ піэсъ, русскихъ или даже польскихъ, наиболѣе соотвѣтствовавшую его цѣлямъ, давалъ ее разучивать ученикамъ и потомъ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней или частныхъ школьныхъ торжествъ, исполнялъ при содѣйствіи своей молодой труппы избранную піэсу на ученическомъ театрѣ, по всей вѣроятности весьма незатѣйливомъ по сценическому устройству. Училищное начальство и приглашенныя духовныя и свѣтскія власти присутствовали при представленіи диллетантовъ бурсаковъ. Разъ представленная и разученная піэса становилась какъ бы достояніемъ учениковъ, употреблявшихъ ее затѣмъ для своихъ личныхъ цѣлей; въ привольное украинское лѣто разбредутся они небольшими группами по селамъ и хуторамъ и, живя истыми дѣтьми природы, изо дня въ день повторяютъ піэсу своего учителя у богатыхъ или зажиточныхъ поселянъ, козаковъ и сельской знати. Такимъ образомъ совершилась несомнѣнная пропаганда духовной драмы въ народѣ Украйны, возбуждая вкусъ и любовь къ подобнаго рода удовольствіямъ, и въ то же время сближеніе съ народомъ облегчало возможность освобожденія драмы отъ схоластическихъ оковъ и освѣженіе ея мѣстными элементами (Веселовск., стр. 334, 336, 337). Насколько, благодаря этой популярности духовныхъ представленій на югѣ Россіи, развился тамъ въ народѣ вкусъ къ нимъ и болѣе тонкое пониманіе, мы можемъ въ данную минуту наглядно оцѣнить въ Москвѣ на представленіяхъ обѣихъ малороссійскихъ труппъ. Народно-актёрская жилка въ бытовыхъ піэсахъ, даваемыхъ этими труппами, несравненно живѣе, нежели на нашей сценѣ, и именно это обстоятельство такъ обаятельно дѣйствуетъ на зрителей, не смотря на отсутствіе художественности въ самой обработкѣ піэсъ. Народно-актёрская жилка, воспитанная этими ходячими бурсацкими театрами, даетъ игрѣ малороссійскихъ артистовъ ту цѣльность и естественность, которой недостаетъ нашимъ русскимъ актерамъ, воспитаннымъ личнымъ изученіемъ и наблюденіемъ, но лишеннымъ живой традиціи, безъ которой артистъ ставится въ положеніе сторонняго лица, изучающаго чуждую ему среду motu proprio. Въ этомъ также лежитъ отчасти объясненіе того, почему творецъ новѣйшей народной комедіи, имѣвшей такое преобладающее значеніе въ развитіи нашего драматическаго искусства—Гоголь—по происхожденію былъ малороссіяниномъ. Носовъ

передаетъ, что народные польскіе комедіанты изъ Кіева въ 1665 году забрели въ Москву и увеселяли своими представленіями московское простонародіе до 1669 года. И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: это подтверждаетъ только несомнѣнный фактъ, что въ эпоху Алексѣя Михайловича болѣе оживленныя сношенія съ Польшею чрезъ Кіевъ произвели замѣтное измѣненіе въ русскихъ нравахъ, не ограничившись одними высшими сословіями. Преобразовательная эпоха Петра этимъ культурнымъ стремленіямъ указала другой путь и другую цѣль, но поворотъ въ народной жизни уже былъ сдѣланъ и началъ проникать даже въ низшіе слои столичнаго населенія: иначе нельзя объяснить успѣха реформъ и появленія цѣлой массы людей, къ ней приставшихъ и вынесшихъ на своихъ плечахъ вопреки консервативному отпору защитниковъ старины.

Въ Москву школьная духовная драма занесена была съ основаніемъ въ 1685 году, при царевнѣ Софіи, братьями Лихудами Словено-Греческой академіи, куда поступили всѣ ученики изъ типографской школы, основанной при царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1679 году, іеромонахомъ Тимоѳеемъ, до 40 боярскихъ дѣтей и значительное число разночинцевъ. Это было первое учрежденіе для высшаго образованія въ Россіи, не имѣвшее вовсе профессіонально-духовнаго характера: такъ, уже при императрицѣ Аннѣ, въ 1736 году, по опредѣленію сената поступило въ академію въ одинъ разъ 138 дѣтей дворянскихъ, между которыми были кн. Оболенскіе, Прозоровскіе, Хилковы, Тюфякины, Хованскіе, Долгорукіе, Мещерскіе и другіе. Среди этого общества находились подъяческіе канцелярскіе, дьяческіе, солдатскіе и конюховы дѣти. Такимъ образомъ съ самаго перваго своего основанія у насъ высшія учебныя заведенія были всесословными и вовсе не имѣли аристократическаго или дворянскаго характера, какъ это появилось уже впослѣдствіи. Польскія духовныя драмы перешли въ Московскую академію, когда Петръ I въ 1701 году отдалъ академію въ завѣдываніе Стефана Яворскаго, который преобразовалъ ее по примѣру Кіевской и сталъ оттуда выписывать наставниковъ, что продолжалось вплоть до митрополита Платона. Даже ученики въ Московскую академію первоначально поступали изъ числа подготовленныхъ въ Кіевскихъ школахъ: въ спискѣ учениковъ философіи за 1704 г. изъ числа 34 человѣкъ только трое великороссіянъ, а остальные имѣютъ

фамиліи бѣлорусскія и польскія (Смирновъ: „Исторія Московской Сл.-Гр.-Лат. Акад.“ стр. 81).

Первоначально театральныя піэсы, разыгрывавшіяся въ Заиконоспасской академіи, были тождественны съ мистеріями, перешедшими изъ Польши въ Кіевъ, и имѣли характеръ схоластически-духовный; передѣлкой этихъ мистерій у насъ занялись Симеонъ Полоцкій и Димитрій Ростовскій. Несмотря на чисто - подражательный характеръ въ мистеріяхъ этихъ появлялись нѣкоторыя примѣненія къ русской жизни. Пекарскій замѣчаетъ, что въ мистеріяхъ Димитрія Ростовскаго выведены „живыя лица изъ русской дѣйствительности, они говорятъ не переведенною съ польскаго рѣчью, нô языкомъ русскаго человѣка; притомъ являются анахронизмы, изъ которыхъ видно, что народный элементъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ заученными съ чужаго голоса правилами“.Этотъ отзывъ преувеличенъ, но попытки придать заимствованнымъ произведеніямъ народный характеръ проявляются уже тогда, точно также какъ впослѣдствіи появилась потребность заимствованныя изъ чужаго театральнаго репертуара піэсы примѣнить къ русскимъ нравамъ. Образцомъ такихъ духовныхъ мистерій мы имѣемъ напечатанныя въ Сборникѣ Тихонравова и относящіяся къ 1701—1702 годамъ: „Ужасная измѣна сластолюбиваго участія съ прискорбнымъ и нищетнымъ въ евангельскомъ міролюбцѣ и Лазарѣ изображенная“, „Страшное изображеніе втораго пришествія на землю“, причемъ прямо указано, что онѣ исполнены были дѣйствіемъ великороссійскихъ младенцевъ въ новосіяющихъ Славяно-Латинскихъ Аѳинахъ, въ Москвѣ. Между 1673 и 1675 годами въ Кіевѣ появилась „Комедія или дѣйствіе о блудномъ сынѣ“, получившая у насъ большую популярность; она въ Москвѣ вырѣзана на мѣди, и составившаяся изъ нея книга сдѣлалась достояніемъ лубочныхъ изданій, на которыхъ долгое время выставлялся 1685 годъ. По своему строю комедія эта не подходитъ къ типу занесенныхъ заѣзжими нѣмцами-комедіантами и не могла быть представлена на ихъ сценѣ [59]). Остается предположить, что она была одною изъ первыхъ, разыгранныхъ въ академіи вслѣдъ за ея основаніемъ, и что разыгрываніе мистерій въ академіи началось ранѣе Стефана Яворскаго. Но уже съ самаго начала характеръ театральныхъ представленій въ Заиконоспасской акамедіи получилъ своеобразное направленіе. Петръ Великій замѣчателенъ именно цѣльностью своей дѣятельности, которая

подчиняла всѣ проявленія народной жизни служенію одной великой идеѣ, которой носителемъ и первымъ работникомъ являлся онъ самъ. Петръ не пропустилъ и театра. Когда нѣмцы оказались въ этомъ случаѣ непригодны, и Яганъ Куништъ затруднялся выполнить заказанную Петромъ по случаю побѣды его „тріумфальную“ комедію, Петръ обратился къ академіи. Академія, которая въ рукахъ Яворскаго была представительницею того новаго украинскаго слоя духовенства, которое поддерживало реформу Петра, сослужила ему эту службу.

„Школьная драма Славянской академіи во все время Свейской войны служила видамъ преобразователя, началась посильнымъ отраженіемъ важнѣйшихъ перипетій этой великой борьбы и замолкла на долго и въ печати, а вѣроятно, и въ самой школѣ только послѣ Полтавской битвы, которая была отпразднована особымъ дѣйствомъ“ (изъ лекцій проф. Тихонравова). Каждый разъ, когда Петръ возвращался побѣдителемъ въ Москву, въ наступавшемъ торжествѣ принимали видное участіе Стефанъ Яворскій и вмѣстѣ съ нимъ ученый и учебный персоналъ академіи. Обыкновенно по этому случаю въ академіи давалось театральное представленіе, приноровленное къ празднуемому событію. 16 января 1703 г., при возвращеніи Петра Великаго въ Москву послѣ взятія Орѣшка, въ Заиконоспасской академіи разыграно было „Торжество міра православнаго“. Эта школьная піэса носитъ на себѣ двойственный характеръ: одна часть ея отходитъ въ область церковнаго содержанія—миракдей, другая относится къ разряду піэсъ панегирическихъ, носившихъ названіе ludi caesarei. Въ февралѣ 1704 г. въ академіи изображена была „ревность православія, древле преобразованная чрезъ презельнаго ревнителя и непобѣдимаго вождя израильскаго Іисуса Навина, нынѣ же въ равныхъ прехрабрыхъ ревнителяхъ православныхъ истинно зримая“. Здѣсь въ лицѣ Іисуса Навина представленъ Петръ и борьба Россіи со Шведами представляется борьбою правовѣрія съ зловѣріемъ и злонечестіемъ. Въ концѣ того же года, послѣ взятія Дерпта, разыграно было школьное дѣйствіе „Свобожденіе Ливоніи и Ингерманландіи“. Послѣ Полтавской побѣды академія разыграла въ 1710 г. викторіальную піэсу, подъ названіемъ „Божіе уничижителей гордыхъ“, гдѣ аллегорически выведенъ Петръ въ лицѣ Давида, восторжествовавшаго надъ Голіаѳомъ и Авессаломомъ. Замѣчательно, что эта послѣдняя піэса не лишена нѣко-

тораго сатирическаго оттѣнка: борьба была окончена, бояться за исходъ было нечего и русскій умъ на свободѣ отдался той юмористической наклонности, которая составляетъ одно изъ характеристическихъ его свойствъ. Но этого мало, Петръ имѣлъ дѣло съ народомъ неразвитымъ, у котораго мысль меньше всего привыкла работать, Петръ понималъ, что его трудно расшевелить манифестами, проповѣдями, вѣдомостями, которыя онъ ввелъ въ это время и театральными дѣйствіями, Петръ сознавалъ, что больше всего на тогдашнее общество можно было подѣйствовать наглядностью, растрогать и поразить его чувство, внѣшнюю его воспріимчивость, чтобъ проложить дорогу къ его сознанію. Этимъ объясняются усиленныя заботы Петра объ устройствѣ въ Москвѣ празднествъ по случаю побѣдъ его надъ шведами. Въ этихъ празднествахъ самую важную роль играли тріумфальныя ворота, покрытыя аллегорическими изображеніями и надписями, которыя наглядно должны были разъяснять народу значеніе и славу одержанныхъ побѣдъ. Академія въ этихъ празднествахъ принимала своеобразное участіе. У иконнаго ряда сооружались тріумфальныя ворота, у которыхъ встрѣчалъ побѣдителя ректоръ, окруженный наставниками и учениками, говорились привѣтственныя рѣчи, хоръ воспѣвалъ славу русскаго оружія. Ворота, сооруженныя академіею, отличались своей затѣйливостью: онѣ покрывались аллегорическими изображеніями, гдѣ священные сюжеты перемѣшаны были съ миѳологіей и древней исторіей, на нихъ красовались хвалебныя и приноровленныя къ событію надписи, такъ что объясненіе всего, на воротахъ изображеннаго, составляло цѣлыя книги. То, что по традиціямъ объ обязательномъ содержаніи духовныхъ мистерій считалось неприличнымъ помѣстить въ самыхъ „дѣйствіяхъ“, гдѣ событіе должно было все-таки отступить на задній планъ, находило свободное выраженіе, сообразно школьному духу того времени, на тріумфальныхъ сооруженіяхъ. Особенно въ этомъ отношеніи отличались тріумфальныя ворота, устроенныя академіею по случаю Полтавской побѣды. „Это было не только архитектурное сооруженіе, исполненное единой мысли, обставленное замысловатыми притчами, сатирами, историческими картинами,—это было литературное произведеніе московскихъ новосіяющихъ Аѳинъ, изображавшее апологію реформы и представлявшее, по сознанію самого училищнаго собранія, апоѳеозъ Петра“. Послѣ 1710 года московская школьная драма за-

молкла надолго. Тріумфальныя торжества перенесены въ Петербургъ. Лишь въ 1743 году новая драма собрала зрителей въ Славяно-Греко-Латинской академіи. Эта новая драма носила названіе „Стефанотокоса“ и, по предположенію профессора Тихонравова, изображаетъ въ аллегоріи жизнь Елисаветы и бѣдственную эпоху, пережитую Россіей до ея вступленія на престолъ. Но значеніе школьной драмы въ Заиконоспасской академіи не ограничилось этой служебной ролью. Внесеніе въ академическія театральныя событія современныхъ событій естественно направило ихъ на отечественную исторію: Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ въ 1705 году комедію „Владиміръ, славяно-россійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тьмы въ свѣтъ евангельскій привсденный духомъ святымъ“, разыгранную въ Кіевской Могилянской академіи. Мало того. Вездѣ на западѣ, гдѣ появлялась школьная драма, въ антрактахъ представлялись интермедіи или интерлюдіи—простые разговоры, безъ всякой завязки, гдѣ выводились на сцену разные бытовые типы. Здѣсь открывалось несравненно болѣе простора для свободнаго народнаго творчества. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ Польшѣ эти интермедіи получили сильное развитіе и представляли живую картину современнаго общества. То же самое происходило и у насъ. Пекарскій нашелъ въ рукописи одну изъ такихъ интермедій, относящуюся къ эпохѣ Петра и изложенную имъ въ его „Наукѣ и литературѣ при Петрѣ“. Здѣсь выведены всѣ главные типы, которые представляла тогдашняя дѣйствительность: раскольникъ, ставленникъ въ попы, подъячій, пономарь не желающій отдавать своихъ дѣтей въ ученье. Въ „Хроникѣ“ Носова, начиная съ 1678 года по 1716 годъ, помѣщенъ цѣлый хронологическій перечень комедій, разыгранныхъ въ Заиконоспасской академіи—перечень, прерываемый оговоркою, что съ перенесеніемъ столицы въ Москву, Петръ перестал обращать вниманіе на московскій театръ, и потому свѣдѣнія о немъ до насъ не дошли. Въ этомъ перечнѣ особаго вниманія заслуживаютъ указанія о піэсахъ, сочиненныхъ самими воспитанниками академіи; изъ числа ихъ упоминаются: Ник. Осиповъ—„Два брата, Каинъ и Авель, или убіеніе“, Вас. Козодавлевъ—„Убожество Лазарево“, Ив. Блудовъ—„Лазарево Воскресеніе“, Влад. Обуховъ—„Илья Пророкъ“, Вас. Кургановъ—„Симъ, Хамъ и Афетъ“, Ник. Лазаревъ—драма „Царь Иродъ“, Ант. Жихаревъ—ком. „Клады или старинныя диковинки“,

Арк. Бѣлозеровъ—„Пустынникъ горы Голгоѳы“, Порф. Страховъ—„Судъ Шемякинъ“, Никан. Абрамовъ—„Іоаннъ Грозный, или взятіе Казани“, Ал. Митусовъ—„Кн. Пожарскій или освобожденіе отъ супостатовъ Москвы“, Яковъ Приклонскій—„Пуст. Іосафатовой долины“, Петръ Ключаревъ—„Лазарь и Песъ“. Хронологія „Хроники“, конечно, не заслуживаетъ довѣрія, названія піэсъ легко могли быть перепутанными, но едва ли есть основаніе безусловно отвергать тотъ фактъ, что въ сочиненіи комедій принимали участіе и воспитанники Заиконоспасской академіи. Самыя комедіи, конечно, не могли сохраниться, такъ какъ онѣ не были напечатаны, но, очевидно, въ „Хронику“ занесено воспоминаніе, въ то время еще свѣжее. Въ той же „Хроникѣ“ указана подъ 1 января 1702 года разыгранная на домашнемъ театрѣ Тат. Иван. Арсеньевой, „придворной дамы“ царевны Софьи Алексѣевны, домашними ея челядинцами комедія подъ названіемъ „Ай да друзья, или промотавшійся господинъ“; сочинена въ насмѣшку промотавшимся помѣщикамъ. Извѣстіе это нельзя считать выдуманнымъ, такъ какъ приведенъ коротенькій „образецъ“ комедіи (стр. 37), изъ котораго видно, что она совершенно похожа на тѣ доморощенныя импровизаціи, которыя разыгрывались въ позднѣйшее время передъ господами ихъ домашнею прислугою во время святокъ. Очевидно, что тамъ, гдѣ русскій человѣкъ не ставился насильно подъ ферулу иноземнаго учителя, онъ не задумывался надъ созданіемъ своихъ народныхъ типовъ, но къ сожалѣнію это свободное творчество открывалось только въ низшихъ и, такъ сказать, непризнанныхъ сферахъ, среди учениковъ академій и челядинцевъ знатныхъ бояръ. Въ „Хроникѣ“ Носова есть указаніе, что представленія въ Заиконоспасской академіи посѣщалъ иногда и царь Петръ Алексѣевичъ. Берхгольцъ въ своемъ дневникѣ говоритъ, что герцогъ Голштинскій приглашенъ былъ на театральное представленіе въ Заиконоспасскую академію 28 мая 1724 года; латинская, лишенная вкуса, комедія продолжалась до 11 часовъ вечера. Тотъ же Носовъ сообщаетъ, что царь Петръ далъ указъ прочимъ семинаріямъ, чтобы играли и тамъ ученики подобныя комедіи обыкновенно въ праздничные и торжественные дни. И это вѣроятно, такъ какъ въ духовный регламентъ 25 января 1721 года о представленіяхъ въ семинаріяхъ упомянуто въ слѣдующемъ видѣ: „можно же еще дважды въ годъ или больше дѣлать нѣкія акціи, диспуты, коме-

діи, риторскія экзерциціи. И то бо зѣло полезно къ наставленію и къ резолюціи, сіе есть честной смѣлости, каковыя требуетъ проповѣдь слова Божія и дѣло посольское, но и веселую перемѣну дѣлаютъ таковыя акціи" (П. С. З. VI, № 3718, стр. 337). Это исполнялось въ московскомъ Заиконоспасскомъ училищѣ, въ Новгородской семинаріи, въ Ростовскомъ архіерейскомъ домѣ и въ Троицко-Сергіевской семинаріи. Въ особенности театральныя представленія нашли удобную почву въ Ростовѣ: Св. Димитрій Туптало, еще бывши іеромонахомъ въ Кіевѣ, написалъ нѣсколько духовныхъ мистерій и въ своей крестовой церкви въ Ростовѣ давалъ духовныя представленія изъ своихъ сочиненій, о чемъ также есть указаніе въ „Хроникѣ" Носова (стр. 43—48). Это обстоятельство очень важно, потому что оно объясняетъ, почему первый народный театръ возникъ въ Ярославлѣ. У Карабанова есть извѣстіе, что основатель русскаго театра Ф. Г. Волковъ учился въ Заиконоспасской академіи и участвовалъ тамъ въ разыгрываніи театральныхъ піэсъ. Въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго, такъ какъ въ академію поступали въ то время лица всѣхъ сословій. Но во всякомъ случаѣ еще до Москвы врожденная страсть Волкова къ театру нашла себѣ пищу въ традиціяхъ мѣстнаго Ростовскаго театра. Театральныя представленія въ Заиконоспасской академіи въ исторіи нашей культуры имѣютъ то важное значеніе, что они положили начало той неразрывной связи театра съ учебными заведеніями, которая наполняетъ всю его первоначальную исторію. Можно сказать, что наше драматическое искусство вышло исключительно изъ этого источника, откуда вообще образованіе распространялось по Россіи. На ряду съ Заиконоспасской академіей въ развитіи театральнаго искусства приняло участіе медицинское училище, заведенное Петромъ въ Москвѣ. Въ 1706 году Петръ Великій основалъ въ Москвѣ военный гошпиталь и при немъ хирургическую школу, гдѣ учителемъ былъ извѣстный докторъ Николай Бидло (Nic. Biddloo), въ теченіе тридцати-лѣтнихъ своихъ занятій образовавшій многихъ русскихъ врачей. Здѣсь на казенный счетъ содержалось до 50 воспитанниковъ, приготовлявшихся къ занятію медицинскихъ должностей (Richter Gesch. der Medicin. in Russland III, 16, 21). Въ „Хроникѣ" Носова, начиная съ 1701 года, помѣщены піэсы, представленныя въ московскомъ гошпиталѣ учениками онаго; при этомъ замѣчено, что представленіямъ быть ихъ начальниками назначено на Святкахъ, на Масляницѣ и

въ дни Пасхи въ гошпитальныхъ палатахъ, перегородя ширмами; піэсы играли, большею частью, своего сочиненія (стр. 34). Изъ числа такихъ піэсъ упомянуты въ 1701 году: комедія „Лѣкарь Самоучка“, ученика Андрея Скороспѣлова; „Муракъ въ счастіи или чего на свѣтѣ не бываетъ“, ученика Павла Станкевича; комедія „Малъ да удалъ“—Степ. Морозова; „Ученье свѣтъ, неученье тьма“, ученика Ал. Кулебякина; „Разговоръ двухъ пріятелей въ царствѣ мертвыхъ“, ученика Арк. Сирякова. Хронологія опять невѣрная, такъ какъ школа, какъ мы сейчасъ видѣли, основана только въ 1706 г., но фактъ подтверждается извѣстіемъ Штелина о представленіяхъ въ хирургической школѣ при московскомъ гошпиталѣ (Пекарскій, стр. 421). Въ дневникѣ Берхгольца въ декабрѣ 1722 года и январѣ 1723 года описанъ театръ, устроенный въ гошпиталѣ учениками въ сараѣ, узкомъ и невзрачномъ; сюжетомъ піэсы была „Исторія Александра Македонскаго и Дарія“; піэса состояла изъ 18 актовъ, изъ которыхъ 9 давались за одинъ разъ, а остальные на другой день. Между антрактами были забавныя интермедіи, очень плохія и оканчивавшіяся всегда потасовкою. Піэса была серьезнаго содержанія, но исполнялась дурно. Представленіе посѣтилъ императоръ и герцогъ Голштинскій, въ остальной публикѣ было нѣсколько нѣмецкихъ дамъ и очень мало особъ значительныхъ (Пекарскій, 433).

Араповъ передаетъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ „Словаря свѣтскихъ писателей“ митрополита Евгенія и „Русской Старины“ Снегирева, что Куништъ обучалъ воспитанниковъ корабельнаго Сухаревскаго училища, т.-е основаннаго Петромъ въ 1701 г. на Сухаревой башнѣ училища математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, куда поступали дѣти какъ дворянскія, такъ и другихъ сословій, и что они представляли свѣтскія комедіи въ рапирной залѣ, нерѣдко (!!) посѣщавшіяся Петромъ Великимъ. На чемъ основаны эти показанія—неизвѣстно, и въ „Хроникѣ“ Носова о томъ не упоминается; можетъ быть это переиначенное извѣстіе о театральныхъ зрѣлищахъ въ Московскомъ гошпиталѣ, которыя дѣйствительно Петръ посѣщалъ, какъ мы видѣли выше. А можетъ быть и дѣйствительно, въ школѣ на Сухаревой башнѣ также были подобныя увеселенія,—тогда это будетъ однимъ фактомъ больше, доказывающимъ связь нашихъ учебныхъ заведеній съ театромъ (Лѣтоп. рус. театра, стр. 26). У того же Арапова содержится извѣстіе, повторенное у Карабанова, что

въ царствованіе Анны Іоанновны, въ 1736 г., представлена была на новомъ Императорскомъ театрѣ, деревянномъ, въ Лѣтнемъ саду комедія „Сила любви и ненависти“, переведенная съ итальянскаго, разыгранная плохими русскими актерами, учениками съ Сухаревой башни. Свѣдѣніе это заимствовано изъ „Словаря драматическихъ писателей“ (изд. Суворина, стр. 127) и, вообще, подозрительно. Комедіи „Сила любви и ненависти“ нѣтъ ни у Сопикова, ни у Смирдина. Извѣстно только одно, что во время коронаціи Елизаветы Петровны въ Москвѣ, въ театрѣ выстроенномъ на берегу Яузы, итальянскіе оперные актеры представляли оперу Метастазіо „Титово милосердіе“ съ прологомъ, сочиненнымъ Штелинымъ подъ названіемъ „Россія огорченная и утѣшенная“ (La Russia offlitta è reconsolata). Статистами были молодые русскіе дворяне, обучавшіеся на Сухаревой башнѣ, а хоры исполняли придворные пѣвчіе. Кромѣ того „въ Хроникѣ“ Носова упоминается, что при Аннѣ Іоанновнѣ (1732—34) давались представленія въ артиллерійскомъ полку воспитанниками, на которыя стекалось великое число зрителей. Эта связь театра съ учебными заведеніями всего полнѣе и плодотворнѣе выразилась въ сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ и Московскомъ университетѣ, двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, оказавшихъ самое сильное вліяніе на наше образованіе. Объ этомъ мы сейчасъ упомянемъ, продолжая разсказъ объ исторіи возникновенія у насъ театра. Но при разсмотрѣніи связи театра съ учебными заведеніями нельзя не замѣтить, что лишь только русская мысль среди учениковъ Заиконоспасской академіи стала освобождаться отъ чуждыхъ, занесенныхъ въ нее духовно-католическихъ и польскихъ элементовъ, только-что она стала черпать свои вдохновенія въ родномъ источникѣ бытовыхъ явленій и историческихъ воспоминаній, какъ новое, болѣе сильное теченіе повернуло ее въ другую сторону. Начатое своими собственными усиліями преобразованіе духовной драмы въ свѣтскую должно было уступить западно-европейскому вліянію, гдѣ это преобразованіе уже закончилось многовѣковымъ трудомъ, и снова русская мысль поставлена была въ служебную зависимость, на этотъ разъ отъ культуры болѣе могущественной, гдѣ пробиться было труднѣе и дольше, но за то урокъ приносилъ самобытной мысли такую обработку, которая разомъ подвигала ея на столѣтіе впередъ. Это подчиненіе театра иноземнымъ образцамъ вмѣстѣ съ тѣмъ вызвано было другою причиною внѣшней связи учебныхъ за-

веденій съ театромъ: явилась необходимость приготовлять для заѣзжихъ иностранцевъ статистовъ, знавшихъ иностранные языки, для чего всего пригоднѣе оказывались молодые люди, обучавшіеся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но эта внѣшняя связь не могла не произвести и радикальнаго внутренняго измѣненія въ самомъ существѣ связи, соединявшей училища съ театромъ: училища сами дѣлаются центромъ и проводниками подражательной драматической литературы, которая начинаетъ свое дѣло съ подавленія только-что пробуждавшихся попытокъ къ народности.

Россія XVII вѣка уже переставала быть замкнутой древнею Русью. Присоединеніе Малороссіи приблизило сѣверную Русь къ Европѣ не только географически, но и въ культурномъ отношеніи, поставя ее въ непосредственныя, близкія и постоянныя сношенія съ польскою цивилизаціей, несравненно болѣе близкою къ европейской и въ то же время болѣе понятною и родственною для русскихъ людей. Польскій языкъ былъ тогда сильно распространенъ въ Москвѣ: онъ игралъ такую же роль, какъ французскій въ XVIII столѣтіи. Съ юга и югозапада приходили иноки, ересей вводители, которые не только сѣяли новшества, нарушали преданія, но и обличали русскую старину, какъ дикое невѣжество. Сближеніе Россіи съ Европой возбуждало и тамъ любопытство и желаніе ближе узнать надвигающагося сосѣда: иностранныя посольства пріѣзжали все чаще и чаще, а въ отвѣтъ посылались русскія за границу; наплывъ иноземцевъ все увеличивался, на окраинѣ Москвы, въ глазахъ самого царя, выросла нѣмецкая слобода, какъ постоянный, всегда открытый клапанъ европейской культуры; явились новые люди, піонеры зарождавшагося просвѣщенія, которые совершенно отрекались отъ старины—бояре: Матвѣевъ, Ртищевъ и, по всей вѣроятности, не мало другихъ, не имѣвшихъ такого вліянія и потому оставшихся въ неизвѣстности. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ сталъ впереди этого движенія. Само собой разумѣется, что на первыхъ порахъ привлекла къ себѣ внѣшняя, блестящая, веселая сторона европейской жизни, причемъ театръ игралъ немаловажную роль. И вотъ царь и бояре, наскучившіе однообразіемъ и безсодержательностью доморощенныхъ святочныхъ забавъ, потянулись къ театру. Театръ тогда сдѣлался извѣстнымъ русскимъ людямъ. Въ XVII столѣтіи на западѣ Европы театръ обратился, главнымъ образомъ, въ придворное увеселеніе и въ этомъ смыслѣ сдѣ-

лался обычнымъ угощеніемъ для иноземныхъ пословъ. Во Флоренцію въ 1659 году отправлено было посольство, во главѣ котораго стоялъ Лихачевъ, по возвращеніи описавшій все видѣнное и въ томъ числѣ театральное зрѣлище, которымъ угостилъ его герцогъ. Въ 1768 г. русскій посланникъ Потемкинъ присутствовалъ во французскомъ театрѣ при представленіи труппы Дюмаре, а на другой день Мольеръ съ своей труппой давалъ предъ нимъ своего „Амфитріона". Царь послалъ полковника фонъ-Стадена въ Курляндію приглашать актеровъ; но когда приглашенные по разнымъ причинамъ не явились—за исключеніемъ трубача и четырехъ музыкантовъ—онъ обратился въ Нѣмецкую слободу. Пасторъ нѣмецкой лютеранской церкви магистръ Яганъ-Готфридъ Грегори, по приказанію Алексѣя Михайловича въ 1672 г., вмѣстѣ съ учителемъ Юріемъ Михайловичемъ, собралъ по Москвѣ дѣтей различныхъ чиновъ, служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, всего 64 человѣка и сталъ съ ними разучивать комедію объ Есфири или такъ-называемое „Артаксерксово дѣйство", представленную въ ноябрѣ того же года въ устроенной вновь хороминѣ въ селѣ Преображенскомъ. Грегори упрочилъ существованіе театра при дворѣ отца Петра Великаго. Въ 1673 году пасторъ стоялъ ужь во главѣ цѣлой школы, въ которой начали учиться комедійному дѣлу двадцать шесть человѣкъ мѣщанскихъ дѣтей, выбранныхъ въ комедіанты изъ Новомѣщанской слободы. Переводчикъ посольскаго приказа Георгъ Гильнеръ помогалъ Грегори въ строеніи и переводѣ комедій. За „Артаксерксовымъ дѣйствомъ" послѣдовали комедіи „Юдифь", „Товія", малая прохладная комедія о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ „объ Іосифѣ", жалостная комедія „объ Адамѣ и Евѣ", „Темиръ-Аксаково дѣйство, или Баязетъ и Тамерланъ" (Тихонравовъ, рѣчь о первомъ пятидесятилѣтіи русскаго театра, 7 и 8). Первыя комедіи, разыгранныя при дворѣ Алексѣя Михайловича представляютъ буквальные, часто тяжелые переводы тѣхъ нѣмецкихъ пьесъ, которыя занесены были въ Германію въ XVII стол. странствующими англійскими актерами и ходили подъ названіемъ англійскихъ трагедій и комедій. Являясь на сценѣ, большею частью, въ видѣ свободной импровизаціи самихъ комедіантовъ, онѣ заимствовали свое содержаніе изъ исторіи, новеллъ, сказокъ, рыцарскихъ романовъ и передѣлывали по своему даже дѣйства, заимствованныя изъ религіозныхъ сказаній. Кровавыми, потрясающими сценами богаты были пьесы англійскихъ комедіантовъ; но въ нихъ смѣшивалось

грубое, ничѣмъ не сдержанное шутовство, воплощавшееся неизмѣнно въ одномъ лицѣ—въ своеобразной фигурѣ шута, нѣсколько видоизмѣненнаго вліяніемъ Голландіи и подъ именемъ Пикельгеринга неограниченно господствовавшаго на нѣмецкой сценѣ втеченіи всего XVII вѣка.

Г. Барсовъ напечаталъ документъ, изъ котораго видно, что при Алексѣѣ Михайловичѣ во главѣ московской труппы стоялъ шляхтичъ Чижинскій, бывшій два года учителемъ латинскаго языка въ Кіево-Братской духовной академіи. Догадка г. Барсова,—что Чижинскій, который два года занимался обученіемъ шляхетскихъ дѣтей въ Смоленскѣ и былъ извѣстенъ тамъ боярину кн. Ан. М. Голицыну, вызванъ былъ оттуда Матвѣевымъ, чтобъ помочь въ переводахъ нѣмецкой труппѣ и придать театру болѣе чисто-русскій или славянскій характеръ, — не лишена правдоподобія. Чижинскій указываетъ, что онъ, для доказательства своего искусства въ комедійныхъ наукахъ, по приказу боярина Матвѣева, дѣлалъ комедію о „Давидѣ съ Голіаѳомъ“ и иныя комедіи; кромѣ того онъ училъ комедійному дѣлу 80 человѣкъ всякаго чину людей.

Это первое и довольно кратковременное проявленіе театра при Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательно тѣмъ, что сейчасъ же проявились по условіямъ быта тѣ основныя черты, которыми опредѣлялась исторія нашего театра впослѣдствіи.

Театръ сразу завоевалъ себѣ покровительство Двора и сдѣлался придворною забавою. Изъ многочисленной семьи Алексѣя Михайловича только набожный и ограниченный Ѳеодоръ Алексѣевичъ — врагъ всякаго новшевства—разогналъ комедіантовъ; въ декабрѣ 1676 года Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ очистить палаты, которыя заняты были на комедію и устроены при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ при аптекѣ. Характеристично, что, въ „Хроникѣ“ Носова, въ царствованіе Ѳеодора на Потѣшномъ дворѣ давались представленія барскими людьми и барскими барынями, заимствованныя изъ народной жизни: „коза въ сарафанѣ“, „шаманъ сибирскій“; боярами и боярынями: „мечъ кладенецъ“, „яга баба“.

Это показаніе Носова, на которое не обращено никакого вниманія и которое заподозрѣно безъ всякихъ основаній, единственно въ силу совершенно книжныхъ представленій о тогдашней старинѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Боярскій домъ того времени уже совершенно сложился по польскому

образцу, но не въ силу заимствованія, а въ силу сходныхъ и вездѣ повторявшихся историческихъ обстоятельствъ. Болѣе веселая, разсѣянная и наполненная взаимными посѣщеніями и праздниками жизнь тогдашняго боярства потребовала соразмѣрнаго увеличенія дворовой челяди. Среди нихъ появились въ большемъ количествѣ нахлѣбники и приживалки, бѣдные дворяне, называвшіеся барскими людьми и барскими барынями, которые не входили въ составъ дворовыхъ, но жили на счетъ бояръ для того именно, чтобы забавлять ихъ, разсѣевать скуку одиночества разговорами, перенесеніемъ сплетенъ, пляскою, пѣснями и т. п. Когда распространился вкусъ къ театральнымъ зрѣлищамъ, на первое время сильно возбудившій все общество, какъ новость, и при томъ настолько оригинальная, занятная и разнообразная,—эти барскіе люди и барскія барыни, отчасти волей, отчасти неволей, должны были ухватиться за такое новое и настоятельно требовавшееся средство развлекать своихъ бояръ-милостивцевъ. Очень понятно, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, не терпѣвшій заморскихъ игрищъ, всетаки увлеченъ былъ развившеюся страстью къ театральнымъ зрѣлищамъ, охотно посѣщалъ домашній спектакль своей сестры и допустилъ бывшее въ старинныхъ нравахъ разыгрываніе народныхъ святочныхъ и масляничныхъ представленій своими приближенными и дворовою челядью. Само собою разумѣется, что эти обыденныя, домашнія развлеченія, не требующія никакой особой затраты суммъ и не имѣющія никакого, такъ сказать, оффиціальнаго характера, не вносились въ такіе документы, какъ разрядныя и расходныя книги, и молчаніе о нихъ послѣднихъ нисколько не можемъ заподозрѣвать показаній Носова. Актерство между этимъ населеніемъ боярскихъ домовъ въ эпоху возникновенія театра при Алексѣѣ Михайловичѣ такъ распространилось, что въ царствованіе Петра Великаго въ Царскомъ селѣ Преображенскомъ, на потѣшномъ дворѣ представлялись *разными* боярскими людьми комедіи: „Побѣжденіе Мамая" и „Кумъ Иванъ", историческое представленіе изъ жизни царя Ивана Васильевича Грознаго (Хрон., стр. 38 и 39). Замѣчательно, что въ то же время въ Гошпиталѣ ученики разыгрывали комедію: „Кумъ Матвѣй" (стр. 42). Царевна Софья Алексѣевна была, повидимому, страстная любительница театра: въ теремахъ ея ближніе бояре и боярыни разыгрывали театральныя піэсы съ пѣніемъ и танцами. Что въ этихъ піэсахъ введены были *польскіе танцы*—въ этомъ нѣтъ ничего не

сообразнаго, такъ какъ, по свидѣтельству Штелина, въ его исторіи танцевъ (въ neu veränderte Rusland), польскіе танцы сильно распространились во время Михаила Ѳеодоровича. Изъ „Хроники" Носова видно, что репертуаръ домашнихъ театровъ въ теремахъ царскихъ былъ очень разнообразный: старинныя народныя маскарадныя представленія (Русалки), духовныя мистеріи („Вѣра, Надежда и Благотворительность", „Екатерина мученица"), и даже переводныя комедіи западныхъ авторовъ (Врачъ противъ воли, Мольера, Мѣдный конь или Осада города Трои, директора нѣмецкихъ комедіантовъ, Вильгельма Рейнольда) (60). „Хроника" переводъ послѣднихъ двухъ піэсъ и сочиненіе „Русалокъ", „Екатерины мученицы" и *трагедіи „Стрѣльцы"* (?!) приписываетъ Софьѣ. Карамзинъ въ своемъ „Пантеонѣ россійскихъ авторовъ" упоминаетъ съ похвалами о драмѣ „Екатерина мученица", сочиненной Софьею Алексѣевною, которую онъ читалъ въ рукописи, и тоже подтверждаетъ кн. Шаховской на основаніи семейныхъ воспоминаній, слышанныхъ отъ прабабки его Тат. Ив. Арсеньевой, исполнявшей роль Екатерины въ этой піэсѣ. Если импровизировали ученики академіи, боярскіе дворовые люди, если сочиняли, какъ увидимъ ниже, цѣлыя комедіи выученные актеры изъ подъячихъ, то нѣтъ ничего неправдоподобнаго и въ извѣстіи о сочиненіи комедій царевной Софьей. Само собою разумѣется, что заглавія піэсъ, приводимыя „Хроникою", нельзя считать достовѣрными, и только малограмотному Носову могло прійти въ голову приписать царевнѣ Софьѣ трагедію „Стрѣльцы". Переводъ Мольеровой комедіи „le medecin malgré lui" принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ; если сама Софья не знала европейскихъ языковъ, то изъ окружавшихъ ее приближенный къ ней В. В. Голицынъ зналъ по-французски, былъ большой любитель театра, устроилъ его въ своемъ домѣ и въ библіотекѣ своей имѣлъ четыре письменныхъ книги „о строеніи комедіи". Великая княгиня Наталья Алексѣевна также была охотница до театра: въ 1707 году, когда разобрана была „комедійная храмина" у Красныхъ воротъ, царевна Наталья взяла въ Преображенское всѣ комедійныя платья и перспективы. Въ „Хроникѣ" Носова есть извѣстіе, что царевна Наталья Алексѣевна уговаривала Петра открыть театръ въ Петербургѣ и собрала 10 актеровъ и 16 музыкантовъ охотниковъ, наиболѣе русскихъ *изъ подъячихъ*: спектакль устроился, но не привился

(стр. 50). Бассевичъ сообщаетъ, что принцесса Наталья, меньшая сестра Императора, очень имъ любимая, сочинила, говорятъ, при концѣ своей жизни (1723 г.) двѣ-три пьесы, довольно хорошо обдуманныя и не лишенныя нѣкоторыхъ красотъ въ подробностяхъ; но за недостаткомъ актеровъ онѣ не были поставлены на сцену (Бассевичъ, 152). Въ „Хроникѣ" Носова есть извѣстіе, что по смерти Натальи Алексѣевны управленіе надъ театрами приняла на себя Екатерина Алексѣевна (стр. 59). Вдовствующая супруга царя Іоанна Алексѣевича Парасковья Θеодоровна, урожденная Салтыкова и обѣ дочери ея, Анна Іоанновна, герцогиня Мекленбургская, и Парасковья Іоанновна, были любительницами театра. Берхгольцъ описываетъ въ ноябрѣ 1722 года домашній театръ въ Измайловѣ, у царицы Парасковьи, въ устройствѣ котораго принимали участіе обѣ ея дочери. „Въ залѣ спектакля было большое общество придворныхъ дамъ и кавалеровъ, но изъ иностранцевъ кромѣ Берхгольца и графа Бонде не было никого. Сцена была устроена весьма не дурно, но костюмы актеровъ не отличались изяществомъ. Герцогиня Мекленбургская сама всѣмъ распоряжалась, хотя спектакль состоялъ не изъ чего иного, какъ изъ пустяковъ (II, 313). 15 ноября былъ спектакль у Анны Іоанновны, въ теченіе котораго она была больше за сценой, потому что она управляла представленіемъ сама, ибо безъ нея все бы остановилось. При этомъ Берхгольцъ разсказываетъ характеристическую черту нравовъ. Передъ самымъ представленіемъ актеру, игравшему роль короля, дано было двѣсти ударовъ батогами, за то, что онъ, обнося по городу афиши, выпрашивалъ себѣ деньги; товарищъ его и соучастникъ былъ также наказанъ батогами и выгнанъ вонъ". Показалось мнѣ удивительнымъ, прибавляетъ Бассевичъ, что наказанный игралъ и послѣ этого на театрѣ, вмѣстѣ съ княгинею и благородными дѣвицами; одна изъ нихъ, игравшая роль генерала, дѣйствительно княжескаго рода, а супруга наказаннаго батогами короля—родная дочь маршала вдовствующей царицы". Весь этотъ разсказъ носитъ характеръ выдуманнаго. Театръ былъ, очевидно, домашній, составленный изъ приближенныхъ царицы и царевенъ, куда, конечно, комедіантъ изъ простыхъ не имѣлъ доступа. Какія же „афиши по городу" могъ разносить одинъ изъ участниковъ этого театра, когда самъ герцогъ Голштинскій попалъ туда безъ приглашенія и хозяйка извинялась, называя театръ „дѣтскою забавой"? Очевид-

но, Берхгольцъ для краснаго словца приписалъ сюда фактъ, дѣйствительно практиковавшійся съ простыми комедіантами, но немыслимый въ этой средѣ, ибо, конечно, царевны не могли и не имѣли права наказывать батогами своихъ приближенныхъ бояръ.

На ряду съ царской семьей страсть къ театру заразила и близко стоявшее боярство. Кромѣ боярина Матвѣева, зачинщика театральнаго дѣла, устроившаго въ своемъ домѣ организованный театръ въ родѣ царскаго, театральныя зрѣлища устраивались въ домѣ боярина Милославскаго, получившаго оттого, по словамъ Малиновскаго, названіе *потѣшнаго*, кн. Як. И. Одоевскаго, у любимца царевны Софьи, кн. В. В. Голицына. Даже одна изъ приближенныхъ боярынь царевны Софьи, Тат. Ив. Арсеньева, устраивала у себя въ домѣ театральныя зрѣлища, на которыхъ представляли ея барскіе люди и барыни. Когда царь Петръ выписалъ нѣмецкихъ комедіантовъ, до постройки особаго театра, сдѣлано было временное приспособленіе въ домѣ Лефорта, въ Нѣмецкой Слободѣ; кромѣ того въ Москвѣ существовалъ театръ въ домѣ гр. Брюса. Въ Петербургѣ уже во времена Елизаветы существовали театры въ домѣ гр. Ягужинскаго и гр. Б. П. Шереметева, при Императрицѣ Екатеринѣ—кн. Голицина, гр. Воронцова. Этотъ обычай богатыхъ вельможъ заводить у себя постоянные домашніе театры сохранялся очень долго. Въ концѣ девяностыхъ годовъ въ Москвѣ было до двадцати домовыхъ театровъ, при которыхъ были оркестры музыки, оперныя и даже балетныя труппы, изъ своихъ крѣпостныхъ, находившихся подъ руководствомъ лучшихъ артистовъ по своей части. Балетъ, представленіе говорившее не уму, а одной чувственности, получилъ у насъ важное значеніе въ театральномъ искусствѣ съ самаго начала и отчасти удержалъ его до сихъ поръ. Въ 1736 году вмѣстѣ съ первою Итальянскою труппою, положившею у насъ начало Итальянской камерной музыкѣ, прибылъ итальянскій комическій танцоръ Фузано, съ большимъ успѣхомъ танцовавшій на Итальянской и Лондонской сценѣ, впервые познакомившій дворъ и знатное дворянство съ балетнымъ искусствомъ. Фузано на второй же годъ вернулся въ Италію, но слѣды его пребыванія оказались прочными и послужили первымъ поводомъ къ подневольному привлеченію лицъ изъ низшаго сословія къ театральному поприщу на потѣху двора и богатаго дворянства. Французъ Ланде, выписанный изъ Парижа и назначенный въ

1738 г. придворнымъ балетмейстеромъ, выбралъ прежде всего 12 ловкихъ взрослыхъ, молодыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, преимущественно, изъ низшихъ классовъ (meist gemeinster Leute Kinder), изъ дворцовой прислуги, какъ передаетъ Араповъ, воспитывавшихся и обучавшихся на счетъ двора. Изъ нихъ отличались дѣвицы: Аксинья, Елизавета и Авдотья, а изъ учениковъ: Афанасій, Андрей и Андрюшка; остальные поступили въ фигуранты и фигурантки. Изъ нихъ въ особенности отличалась Аксинья, которою гордился Ланде. Въ „Запискѣ о жалованьѣ служителямъ итальянской компаніи", помѣщенной въ Чтеніяхъ общ. ист. и древностей за 1860 г. (кн. 3) показано, что русская танцовальщица Аксинья Сергѣева умерла 24 апрѣля 1746 г.; она получала жалованья 350 р., больше многихъ иностранцевъ музыкантовъ; наравнѣ съ ней изъ русскихъ только танцовщикъ Афанасій Топорковъ, всѣ остальные гораздо меньше. Далѣе встрѣчаемся съ русскими танцорами и танцовщицами на Ораніенбаумскомъ придворномъ театрѣ, выстроенномъ для себя великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ, по образцу Берлинскаго, гдѣ балетмейстеромъ былъ Кальцеваро изъ труппы Локателли. Изъ танцоровъ отличались Вавило и Петрушка, изъ танцовщицъ—Авдотья и Варвара, изъ фигурантокъ: Анисья, Аграфена, Парасковья и Францина (?!). Въ спискѣ принадлежащихъ къ придворной сценѣ танцоровъ и танцовщицъ въ *1768* году поименованы: танцовщикъ Тимоѳей Бубликовъ, а затѣмъ фигуранты и фигурантки—всѣ русскіе. Тимоѳей Бубликовъ, называвшійся Тимошкою, ученикъ вѣнскаго балетмейстера Гильфердинга, прибывшаго въ Россію въ концѣ царствованія Императрицы Елизаветы (1759—1761), вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ въ Вѣну (Stählin's Nachrichten von der Tanzkunst in Russland въ Haigold's Beilagen zum neuveränderten Russland). „Хроника" Носова къ этимъ извѣстіямъ, сообщеннымъ Штелинымъ, дополняетъ слѣдующее: Въ одной изъ афишъ французской труппы Серинья при императрицѣ Елизаветѣ до начала спектаклей въ русскомъ театрѣ участвуютъ танцовщики: двое Бомбовыхъ, Дружининъ, Лазаревъ и танцовщицы: Жемчужникова, Цвѣткова, Яхонтова и Лазарева, кромѣ того 12 фигурантовъ и 12 фигурантокъ, конечно изъ русскихъ (стр. 66). Вскорѣ послѣ того въ балетѣ „Пигмаліонъ и Галатея", поставленномъ придворнымъ танцовщикомъ Лебрюномъ—кромѣ самого Лебрюна, г-жи Фассано и дѣвицы Розмарень—исполнители все рус-

скіе и въ томъ числѣ дѣвица Лазарева и г-жа Лабзина (стр. 75). Затѣмъ въ балетѣ, поставленномъ Фассано, „Лекса или Европейцы въ плѣну у дикихъ", участвуетъ вмѣстѣ съ четырьмя русскими танцорами г-жа Лазарева (стр. 86). Въ другомъ балетѣ „Діана на охотѣ"—дѣвица Озерова, г-жи Цвѣткова и Яхонтова (стр. 88). Замѣчательно, что въ приведенной мною запискѣ имена танцовщиковъ и танцовщицъ другія, нежели въ афишахъ, помѣщенныхъ въ „Хроникѣ" Носова и въ показаніяхъ Штелина: очевидно, что балетный персоналъ оставался на сценѣ не долго и постоянно возобновлялся выученными вновь. Слѣдовательно, прежде нежели возникъ постоянный русскій театръ въ Москвѣ, сформированъ уже былъ для *публичнаго театра* полный кордебалетъ не только изъ мущинъ, но и изъ женщинъ. Прежніе помѣщики на своихъ домашнихъ театрахъ преимущественно ставили балеты, и до сихъ поръ они поглощаютъ такія громадныя суммы въ театральной дирекціи, какихъ, сравнительно, не тратится нигдѣ. Въ эти театры знакомые приглашались безплатно, и послѣ театра открывался балъ. Разумѣется, это отвлекало публику отъ вольнаго театра. Такими домашними театрами отличались: гр. П. Б. Шереметевъ, кн. Вл. И. Щербатовъ, Д. Е. Столыпинъ, Н. Е. Мясоѣдовъ, кн. Б. Гр. Шаховской, кн. М. П. Волхонской, В. П. Салтыковъ, И. Я. Блудовъ, А. Н. Зиновьевъ и др. Въ позднѣйшее время, въ восьмисотыхъ годахъ были домашніе театры у Ст. Ст. Апраксина, Н. А. Дурасова и П. А. Познякова; послѣдній продолжался еще въ первой половинѣ 1814 г., до открытія послѣ пожара Москвы Императорскаго театра. „Прекраснѣйшій театръ Познякова открытъ, и каждое воскресенье какая-нибудь новая опера, съ искусствомъ расположенная и разыгранная, прогоняетъ и послѣднюю мысль о безчисленныхъ бѣдствіяхъ", писалъ въ „Сынѣ Отечествѣ" М. Макаровъ въ 1814 г. Сборъ съ театра поступалъ въ пользу пострадавшихъ отъ непріятельскаго нашествія. Французъ Арманъ Домергъ, посланный въ 1805 году Нарышкинымъ въ Германію для набора французской труппы въ Москву и бывшій, какъ онъ себя называетъ, главнымъ режиссеромъ французскаго придворнаго театра въ Москвѣ предъ 1812 г., говорилъ, что въ то время у большинства русскихъ баръ устроены были домашніе театры въ ихъ домахъ. На театрѣ въ домѣ Познякова, уцѣлѣвшемъ отъ пожара, Наполеонъ заставилъ давать представленія французскихъ актеровъ, оставшихся въ Москвѣ, во время его тамъ пребыванія.

La Russie pendant les guerres de l'empire, souvenirs historiques par. M. Arm. Domergue, publiés par. M. Tiran. Paris, 1839, II, стр. 96 и слѣд.).

Эти домашніе театры при дворѣ и у знатныхъ бояръ кромѣ того, что они служили преимущественно къ распространенію въ обществѣ любви къ драматическому искусству, важны еще тѣмъ, что они способствовали появленію женщинъ на сценѣ. Это появленіе впервые нашло себѣ мѣсто въ теремахъ царевны Софьи, откуда распространился обычай участія женщинъ на *домашнихъ спектакляхъ*. Я уже говорилъ, что домашніе спектакли кромѣ самихъ господъ разыгрывались и проживавшими у нихъ барскими людьми и барскими барынями. Само собою разумѣется, что у себя дома барскія барыни не стѣснялись появляться на сценѣ, коль скоро обычай этотъ приняли и сами госпожи. На публичномъ театрѣ женскія роли занимались мущинами, и женщины появились уже съ 1757 года, вскорѣ послѣ учрежденія постояннаго русскаго театра при императрицѣ Елизаветѣ. Исторія появленія этого перваго кружка русскихъ актрисъ, рѣшившихся явиться передъ публикою на сценическихъ подмосткахъ въ то время, когда еще званіе комедіанта не пользовалось уваженіемъ въ публикѣ, и когда еще существовало предубѣжденіе противъ театра и лицъ, ему себя посвятившихъ—весьма интересна. Петръ I при пріѣздѣ нѣмецкихъ комедіантовъ привлекъ къ театральному дѣлу подъячихъ. Есть указанія, что подъячіе не погнушались навязанною имъ новою службою, и что въ ихъ средѣ театръ постоянно находилъ новыхъ любителей уже съ воли. Театральное дѣло спустилось еще ниже: комедіанты являлись въ средѣ мастероваго люда разныхъ профессій, между царскими конюхами, дававшими представленія балаганнаго типа задолго до появленія русскаго театра. Всѣ эти любители были, безъ сомнѣнія, мущины. Но съ открытіемъ публичнаго театра этотъ контингентъ мелкихъ чиновниковъ далъ первыхъ актрисъ. Кто были эти первыя актрисы — до сихъ поръ обстоятельно не изложено. Штелинъ называетъ первыми русскими актрисами Пушкину и двухъ Ананьиныхъ; обѣ послѣднія, по его словамъ, были дочери чиновниковъ. Пушкину онъ называлъ M-lle, слѣд., указываетъ на болѣе высокое ея происхожденіе, кто же она была на самомъ дѣлѣ, остается въ неизвѣстности, хотя г. Сиротининъ въ своей біографіи Троепольской указываетъ, что обѣ Ананьины и Пушкина были офицерскія до-

чери (Р. Арх. 1887 г., № 11). Рядомъ съ этимъ Карабановъ передаетъ извѣстіе, что въ 1754 году поступили на петербургскую сцену Зорина и Авдотья Михайлова, которыхъ совершенно неосновательно онъ считаетъ *первыми* русскими актрисами. Лонгиновъ сообщаетъ, что съ открытіемъ въ Петербургѣ постояннаго русскаго театра въ 1756 г. Мусина-Пушкина вмѣстѣ съ Ананьиными поступила на эту сцену, и онѣ вышли замужъ: Марья Ананьина за Григорія Волкова, Ольга за Шумскаго, Мусина-Пушкина за Дмитревскаго. Это именно поступленіе на казенную сцену и подало поводъ Штелину назвать ихъ *первыми русскими актрисами.* Самая знаменитая изъ кружка русскихъ актрисъ была Троепольская, петербургская уроженка; мужъ ея служилъ регистраторомъ сенатской типографіи и вслѣдъ за ней дебютировалъ на сценѣ. Время и мѣсто поступленія на сцену Троепольской также показывалось сбивчиво. Эта неясность и противорѣчіе вполнѣ разрѣшаются „Хроникою“ Носова. Въ первыхъ афишахъ спектаклей, дававшихся ярославцами, женскія роли еще замѣняютъ мущины (стр. 81, 89, 92, 107). Но въ 1757 году въ афишахъ уже появляются М. Волкова, Пушкина, Голубева, Михайлова, которыя и были, безъ сомнѣнія, *первыя актрисы, дебютировавшія на сценѣ постояннаго казеннаго театра въ С.-Петербургѣ* (стр. 96). Въ томъ же году показанъ первый дебютъ г-жи Троепольской въ „Семирѣ“ Сумарокова (стр. 98, 101), и появляется на афишѣ новая актриса Бахметьева; въ слѣдующихъ афишахъ—Ольга Ананьина (стр. 98), Логинова (стр. 100), Анна Попова (стр. 103), Драницына, Демидова, Паралова (106), Зорина (109), Караулова (115), Иванова (116), М. Попова (стр. 117), Александрова (стр. 119), участвовавшая также и въ балетахъ (стр. 132). На стр. 109 Марья Ананьина уже является подъ именемъ г-жи Волковой. Замѣчательно, что Ольги Ананьиной вовсе не встрѣчается въ афишахъ, помѣщенныхъ въ „Хроникѣ“, а прямо появляется г-жа Шумская (стр. 141). Всѣ эти актрисы играли на петербургскомъ театрѣ до открытія московскаго, и, слѣдовательно, театръ уже тогда располагалъ довольно многочисленнымъ женскимъ персоналомъ. При открытіи московскаго театра въ него поступили на женскія роли: Троепольская, Ольга Шумская, Анна Попова, Голова и Новикова, съ мужьями. Шумская и Анна Попова были жены принятыхъ на сцену Шумскаго и Ал. Попова, Голова была женою одного изъ придворныхъ пѣвчихъ, обучавшагося въ корпусѣ, Новикова

жена одного изъ корпусныхъ офицеровъ, поступившихъ въ актеры, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ (стр. 149). Замѣчательно, что на всѣхъ московскихъ афишахъ, приведенныхъ въ „Хроникѣ“, обозначается именно этотъ женскій персоналъ, при чемъ иногда Шумская появляется въ афишахъ разомъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ (стр. 198), что происходитъ отъ того, что порядокъ спектаклей означенъ невѣрно. 13 октября 1762 г. означенъ дебютъ въ московскомъ театрѣ г-жи Авдотьи Михайловны Михайловой, и въ примѣчаніи сказано, что Михайлова нарочито принята на роли служанокъ *для петербургскаго театра* (стр. 217). Это кажущееся противорѣчіе совершенно вѣрно. Московскій театръ закрытъ въ іюнѣ 1761 года, а Михайлова принята была въ Москвѣ для петербургскаго театра во время коронаціи, когда втеченіи всего пребыванія императрицы съ 3 сентября 1762 г. по 19 іюня 1763 были открыты представленія въ Москвѣ на театрѣ у Краснаго пруда, гдѣ помѣщался и прежде казенный театръ. Авд. Мих. Михайлова съ перваго же разу обнаружила замѣчательный талантъ, играя все время въ Москвѣ, пока тамъ продолжались временныя представленія, и затѣмъ перешла въ Петербургъ, куда еще ранѣе Волковъ увезъ часть московской труппы, въ томъ числѣ Троепольскую, вслѣдствіе чего театръ въ Москвѣ закрылся.

На домашнихъ барскихъ театрахъ давали впослѣдствіи представленія заѣзжіе иностранцы-комедіанты, и сами господа любители, но заведены они были первоначально собственно для своихъ дворовыхъ и потомъ предназначались для нихъ, при чемъ домашніе театры обращались иногда въ публичные, куда допускались зрители за деньги. Образцомъ для всѣхъ служилъ театръ Матвѣева. Матвѣевъ выбралъ молодежь изъ своихъ дворовыхъ, исключительно мущинъ, и отдалъ въ науку нѣмцамъ-комедіантамъ, обучившимъ ихъ музыкѣ, танцамъ и театральному искусству. Выученные актеры въ театрѣ боярина въ присутствіи царя и знати разыгрывали духовныя мистеріи и нѣмецкія комедіи изъ репертуара своихъ учителей. Въ „Хроникѣ“ Носова есть извѣстіе, что нѣкоторые изъ выученныхъ даже переводили нѣмецкія пьесы на славянскій языкъ, тогда исключительно господствовавшій въ литературѣ. Замѣчательно, что на первыхъ порахъ, какъ скоро театръ изъ домашняго развлеченія въ тѣсномъ кружкѣ своихъ и близкихъ знакомыхъ выходилъ на болѣе обширное поприще и дѣлался особою, опредѣленною

потѣхою для болѣе обширнаго круга зрителей, бояринъ Матвѣевъ не рискнулъ идти совершенно наперекоръ общественнымъ нравамъ и отдать въ науку нѣмецкимъ комедіантамъ, въ числѣ которыхъ были и женщины, дѣвочекъ изъ своихъ дворовыхъ, не смотря на свое неограниченное надъ ними право. Такимъ образомъ домашнія потѣхи, которыя въ прежнее время разыгрывали дворовые добровольно для забавы господъ и собственной потѣхи, обратились для нихъ въ подневольную науку. Чѣмъ дальше распространялась цивилизація, тѣмъ больше стирала она мягкость патріархальныхъ отношеній между господами и слугами, тѣмъ болѣе эстетическія стремленія богатаго дворянства получали свою возмутительную сторону, когда помѣщикъ,

Согнавъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей,—

страданіями своихъ подвластныхъ разгонялъ скуку праздныхъ зрителей. Но и эта возмутительная сторона тогдашняго театральнаго искусства принесла нѣкоторую пользу общему развитію: эти труппы иногда давали на столичные театры замѣчательныхъ артистовъ. Прежде всего артистами изъ дворовыхъ появились музыканты, такъ какъ со времени появленія у насъ итальянской музыки страсть къ заведенію домашнихъ оркестровъ распространилась вообще между дворянствомъ. Домашніе оркестры начали заводиться съ царствованія Анны Іоанновны, преимущественно изъ волторнистовъ. Первый примѣръ замѣчательной частной капеллы подалъ при Елизаветѣ малороссійскій гетманъ Кир. Григ. Разумовскій, который у себя въ Глуховѣ собралъ до 40 музыкантовъ, преимущественно изъ русскихъ, и только нѣкоторые изъ иностранцевъ. Въ хорѣ Разумовскаго музыканты были настолько хороши, что каждый изъ нихъ могъ быть солистомъ. Хоръ этотъ организованъ былъ при содѣйствіи Г. Н. Теплова, который самъ замѣчательно игралъ на скрипкѣ, пѣлъ итальянскія аріи и первый переложилъ на музыку русскія пѣсни, придавъ имъ итальянскій характеръ. Г. Н. Тепловъ, сынъ истонника въ Псковскомъ архіерейскомъ домѣ и воспитанникъ Ѳеофана Прокоповича, сопровождалъ К. Г. Разумовскаго во время путешествія его за границу; вовремя его гетманства въ качествѣ правителя гетмановой канцеляріи Тепловъ продолжалъ свое менторство при Кириллѣ Григорьевичѣ и вмѣсто него управлялъ Малороссіею.

Въ Батуринѣ, подаренномъ ему Екатериной, фельдмаршалъ К. Г. Разумовскій, бывшій не на дѣйствительной службѣ, тоже имѣлъ оркестръ изъ 14 музыкантовъ и 18 человѣкъ пѣвчихъ. Разумовскій былъ страстный любитель малороссійскихъ пѣсенъ. При Аннѣ Іоанновнѣ извѣстенъ былъ артистъ на лютнѣ и пѣвецъ Бѣлградскій, украинскій уроженецъ, котораго вывезъ съ собою въ Дрезденъ посланникъ нашъ при Саксонскомъ дворѣ гр. Кайзерлингъ и отдалъ на нѣсколько лѣтъ въ ученье знаменитому Вейзе. Бѣлоградскій пѣлъ сопрано самые трудные концерты и аріи, самъ себѣ аккомпанируя, и подражалъ въ совершенствѣ тогдашнимъ дрезденскимъ виртуозамъ (Аннибалу, Фаускино и др.), въ обществѣ которыхъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ практиковался въ Дрезденѣ. Послѣ смерти императрицы Анны Бѣлоградскій вмѣстѣ со многими итальянскими музыкантами отправился въ Дрезденъ и вступилъ на службу перваго саксонскаго министра гр. Брюля. Затѣмъ Штелинъ упоминаетъ уже при Елизаветѣ какого-то Гаврилу, также пѣвца изъ украинцевъ, который пѣлъ сопрано труднѣйшія итальянскія оперныя аріи, въ совершенствѣ изображая самые трудные пассажи. Этотъ пѣвецъ появлялся постоянно при дворѣ во время музыкальныхъ интермедій на придворныхъ балахъ и обѣдахъ и заслуживалъ общее одобреніе. Внушенію этого пѣвца и другихъ украинцевъ, отличавшихся въ пѣніи, внушенію, которое дошло до императрицы Елизаветы, обязаны мы происхожденіемъ цѣльной оперы на русскомъ языкѣ. Здѣсь Штелинъ, очевидно, впалъ въ ошибку, принялъ одно и то же лицо за двухъ различныхъ: о Гаврилѣ и о Бѣлоградскомъ Штелинъ сообщаетъ одно и то же только въ разное время и при томъ весьма близкое: конецъ царствованія импер. Анны и начало царствованія Елизаветы; между тѣмъ Бѣлоградскаго звали Гаврилой и, по всей вѣроятности, онъ изъ Саксоніи при императрицѣ Елизаветѣ вернулся въ Россію. Русская опера написана была Сумароковымъ „Цефалъ и Прокриса“ положена на музыку капельмейстеромъ Арайя и дана была въ первый разъ на масляницѣ въ 1755 году. Она исполнена была впервые молодыми воспитанниками, изъ которыхъ старшей — дѣв. Бѣлоградской, меньшой дочери упомянутаго придворнаго пѣвца Бѣлоградскаго, артисткѣ на фортепіано было 14 лѣтъ отъ роду, а остальные—Гаврила Марцинковичъ, извѣстный подъ именемъ Гаврилушки, Николай Ключаревъ, Степанъ Рошевскій и Степанъ Евстафьевъ — были еще моложе. По свѣдѣніямъ „Хроники“

Носова, при Аннѣ Іоанновнѣ въ операхъ „Незрячій Велизарій“, „Птицеловцы“, сочиненныхъ капельмейстеромъ Арайя, вмѣстѣ съ итальянскими пѣвцами принимала участіе Елизавета Бѣлоградская (стр. 79 и 94). Поэтому извѣстіе Штелина, что первый разъ опера Сумарокова была исполнена малолѣтними пѣвцами, несправедливо, да и вообще, оно мало вѣроятно. По другимъ извѣстіямъ исполнители первой русской оперы были артисты изъ хора Разумовскаго. При Екатеринѣ отправленъ былъ въ Италію крѣпостной человѣкъ гр. Ягужинскаго Машинскій, композиторъ и сочинитель оперъ. Въ „Хроникѣ“ упоминаются его оперы: „С.-Петербургскій гостинный дворъ“, комич. опера, музыка его же (стр. 367); „Паша Тунисскій“, комич. опера въ 2 дѣйствіяхъ, музыка придворнаго камеръ-музыканта Паскевича, обѣ онѣ въ свое время имѣли блестящій успѣхъ и постоянно давались на сценѣ (стр. 324); „Горбатые“, большая комическая опера въ 2 д., музыка Машинскаго (стр. 323, обозначено М-го). Кромѣ того Машинскій перевелъ комедію Гиллерта „Богомолка“ (СПБ. 1774). Вообще, до самаго освобожденія крестьянъ рѣдкій изъ сколько-нибудь состоятельныхъ помѣщиковъ не имѣлъ своего домашняго оркестра. Въ отдаленныхъ захолустьяхъ иногда эти оркестры доводились до замѣчательнаго совершенства. Въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи дядя мой П. А. Межаковъ, выступившій въ 1817 г. на поприще поэзіи подъ именемъ „уединеннаго пѣснопѣвца“ и заслужившій похвальный отзывъ Греча въ „Сынѣ отечества“ (61), имѣлъ оркестръ изъ 30 человѣкъ, не уступавшій Тепловскому: способные дворовые мальчики отдавались въ ученье въ Петербургъ первымъ знаменитостямъ, и капельмейстеромъ былъ вольнонаемный полякъ Дембинскій, замѣчательный музыкантъ и композиторъ. Оркестръ этотъ окончилъ свое существованіе трагически: вслѣдствіе семейной исторіи большинство музыкантовъ было отдано въ солдаты. Позднѣйшій Московскій театръ пополнился изъ барскихъ домашнихъ театровъ. Въ началѣ 1806 г. образована была особая театральная контора въ Москвѣ съ отдѣльнымъ директоромъ, находившаяся въ непосредственномъ завѣдываніи Московскаго генералъ-губернатора. Труппа этого новаго Императорскаго театра составилась главнымъ образомъ изъ скупленныхъ помѣщичьихъ труппъ. Тогда труппа актеровъ кн. Волхонскаго была *куплена* въ казну, и актерамъ зачтена была вся прежняя ихъ служба въ частномъ

русскомъ театрѣ. Перешедшіе въ Императорскій публичный театръ бывшіе актеры изъ крѣпостныхъ труппъ Волхонскаго—Уваровъ, Волковъ, Баранчеева, Лисицына—были на особомъ положеніи, и когда они *зашибались*, что случалось нерѣдко, то имъ дѣлали выговоръ *особаго рода*. Актриса Бутенброкъ, хорошая пѣвица, была высѣчена розгами передъ самымъ вѣнчаніемъ (Зап. Совр. 1, 178). Загряжскій, пріѣхавши въ 1805 г. въ Москву, привезъ собственную свою балетную труппу и чрезъ балетмейстера своего, итальянца Стеллера, поладилъ съ антрепренеромъ Муромцевымъ насчетъ опредѣленія своихъ танцоровъ къ нѣмецкому театру за извѣстную плату съ тѣмъ, чтобы первая его танцовщица Наташа и славный „прыгунъ" Иваницынъ, отпущенные на волю, получали особое жалованье (Зап. Совр. 1, 250). Послѣдняя такая покупка сдѣлана была уже Кокошкинымъ, который во время своего директорства купилъ крѣпостной балетъ у помѣщика Ржевскаго, причемъ солистокъ и фигурантокъ публика нашла не хуже присяжныхъ танцоровъ и отлично принимала (театр. восп. Н. И. Куликова, Искусство, № 3, стр. 30). Въ послѣдній годъ XVIII столѣтія актриса домашняго театра Столыпина пѣвица Варинька Новикова поступила на Императорскую сцену и замѣнила Ел. Сандунову, перешедшую, вслѣдствіе амурныхъ преслѣдованій Безбородко на Московскую сцену (стр. 108). Н. А. Полевой въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ передаетъ, что изъ труппы Познякова вышло нѣсколько хорошихъ актеровъ (Реперт. 1840 г.). Самъ Щепкинъ такимъ путемъ попалъ сначала на провинціальную, а потомъ на Московскую сцену. Но при этомъ слѣдуетъ оговориться, что крѣпостное право, конечно, не было само по себѣ явленіемъ, вызывающимъ и развивающимъ художественные задатки въ русскомъ обществѣ. Если они появлялись и поддерживались въ такой средѣ, то, большею частью, и погибали подъ давленіемъ помѣщичьяго произвола; не многимъ личностямъ, и то случайно, удавалось благополучно окончить свою артистическую карьеру въ этой суровой и опасной школѣ.

Возвращаемся къ исторіи у насъ *настоящаго театра съ актерами по профессіи*, возникшаго у насъ при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Театральное дѣло, законченное съ кончиною Алексѣя Михайловича, возобновилъ Петръ. Великій преобразователь и въ этомъ

случаѣ оказался далеко впереди своихъ современниковъ. Прежде всего Петръ обратилъ театръ изъ придворнаго въ народный, для всѣхъ „охотныхъ смотрѣльщиковъ". Съ этою цѣлью театръ Петра перешелъ изъ царскихъ хоромъ на Красную площадь, гдѣ близъ тріумфальныхъ избъ воздвигнута была особая „комедійная храмина". Указомъ 5 января 1705 г. Петръ дозволялъ „смотрящимъ всякихъ чиновъ людямъ россійскаго народа и иноземцамъ ходить повольно и свободно, безъ всякаго опасенія, а въ тѣ дни (представленія) воротъ городовыхъ по Кремлю, по Китаю-городу и по Бѣлому городу въ ночное время до 9 часу ночи не запирать и съ пріѣзжихъ указной по воротамъ пошлины не имать для того, чтобы смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно". Петръ требовалъ, чтобы комедіи непремѣнно играны были на русскомъ языкѣ, и потому желалъ имѣть комедіантовъ преимущественно изъ Польши, а не изъ Германіи. Оставляя въ сторонѣ то неудобство, что нѣмецкіе комедіанты не умѣли сослужить ему службу при обнародованіи его подвиговъ въ тріумфальныхъ комедіяхъ, Петръ, не лишенный художественнаго чувства, вообще не доволенъ былъ современнымъ ему нѣмецкимъ репертуаромъ. Берхгольцъ разсказываетъ, что Петръ требовалъ отъ актеровъ піэсъ, которыя имѣли бы не болѣе трехъ дѣйствій, не заключали въ себѣ никакихъ любовныхъ интригъ и были бы не слишкомъ грустны, не слишкомъ серьезны, не слишкомъ веселы (IV, 9; тоже Бассевичъ, стр. 153).

Въ іюнѣ 1702 г. прибыла одна изъ странствующихъ нѣмецкихъ труппъ съ Ягахомъ Кунштомъ во главѣ, и открыла свои представленія въ театрѣ на Красной площади. Разсчетливый вообще и скупой въ особенности на прихоти Петръ не щадилъ денегъ на театральное дѣло, которое въ его глазахъ было дѣло общественное. Въ началѣ октября взяты въ посольскій приказъ для ученія комедійныхъ дѣйствъ разныхъ приказовъ подъячіе, и сказанъ имъ его, Великаго Государя указъ, чтобы они комедіямъ учились у комедіанта Ягана Кунпта и были бы ему, комедіанту, въ томъ ученіи послушны. Кунштъ былъ и актеромъ, и авторомъ: репертуаръ его, создавшійся среди труппъ странствующихъ нѣмецкихъ актеровъ въ періодъ разработки нѣмецкаго національнаго театра Фельтеномъ, заключалъ піэсы, обязанныя своимъ происхожденіемъ литературѣ французской, нѣмецкой, итальянской, но въ видѣ сво-

бодной обработки нѣмецкими актерами. Исторія античнаго и христіанскаго міра, бытовыя происшествія и любовныя похожденія давали сюжетъ этимъ дѣйствамъ; но среди экзальтированнаго паѳоса выставленныхъ на сценѣ героевъ являлся неизбѣжно нѣмецкій шутъ Гансвурстъ и вносилъ элементъ самаго вульгарнаго комизма, грязнаго и неприличнаго шутовства, такъ что дьяки посольскаго приказа были правы, находя въ комедіяхъ Куншта „мало пристоинства". Но неудивительно, что среди тяжелыхъ и скучныхъ мистерій съ духовно-назидательнымъ содержаніемъ *потѣшныя и радостныя* комедіи странствующаго нѣмецкаго театра пришли по вкусу зрителямъ. Въ репертуарѣ Куншта показаны, между прочимъ: „Докторъ принужденный"—передѣлка комедіи Мольера „Le medicin malgré lui"; „Тюрьмовый заключенникъ, или принцъ Пикель Герингъ", заимствованный изъ комедіи младшаго Корнеля— „Le geolier de soi même ou Jodelet prince", въ свою очередь передѣланной изъ знаменитой комедіи Кальдерона—„El Alcaide de sé mismo"; „Постоянный Папиніянусъ", трагедія Грофіуса; „Честный измѣнникъ или Фридерихъ фонъ-Поплей и Алоизія, супруга его"— трагедія Чиконьини. Кромѣ того указана комедія о Донъ-Педрѣ и Донъ-Янѣ — довольно близкій переводъ старой итальянской траги-комедіи, которая представлена была въ Парижѣ итальянскими комедіантами за нѣсколько лѣтъ до появленія Мольеровскаго Донъ-Жуана и переведена на французскій языкъ де Виллье. Переводъ де Виллье совершенно совпадаетъ съ текстомъ Кунштовой комедіи (Тихонравовъ). Изъ переводовъ Мольера въ Петровскую эпоху извѣстна еще комедія „Драгія смѣянныя", переводъ съ дополненіями комедіи „les précieuses ridicules" сдѣланный въ 1703 году, по предположенію Пекарскаго, полякомъ, проживавшимъ въ Петербургѣ въ качествѣ придворнаго шута, извѣстнымъ подъ именемъ Самоѣдскаго короля. Въ рукописи публичной библіотеки Пекарскій нашелъ Мольеровскаго Амфитріона; хотя на переплетѣ рукописи означенъ 1755 годъ, но самый переводъ Тихонравовъ относитъ къ концу XVII вѣка.

Въ концѣ 1703 г. Кунштъ умеръ. Петръ Великій тотчасъ по смерти Куншта указалъ нѣмецкимъ комедіантамъ впредь больше не играть. Труппа нѣмецкихъ актеровъ была отпущена назадъ; въ Москвѣ изъ нея были оставлены жена Куншта и комедіантъ Бендлеръ, котораго вскорѣ замѣнилъ золотаго дѣла мастеръ Ар-

темій Фирштъ, „чтобы русскихъ комедіантовъ въ ученіи совершать“. Новый директоръ, повидимому, былъ мало опытенъ. Ученики Фирштa жаловались, что не могутъ дѣйствовать выученныхъ комедій въ твердости за нерадѣніемъ иноземца въ комплементахъ (тогдашнихъ сценическихъ пріемахъ) и за недознаніемъ въ рѣчахъ; жаловались, что иноземецъ ихъ русскаго поведенія не знаетъ, и просили выбрать изъ нихъ же русскихъ комедіантовъ одного человѣка или двухъ, по разсмотрѣнію, вмѣсто Фирштa. Комедіанты были люди буйные и непослушные, ходили всегда со шпагами на-голо, пили и бражничали по ночамъ, обирали и задирали купцовъ; ихъ смиряли батогами. Но это не мѣшало русскимъ ученикамъ изъ приказныхъ людей освоиться съ театральными дѣлами. Одинъ изъ этихъ учениковъ Семенъ Смирновъ, приказный изъ ратуши, написалъ между 1702 — 1709 годами двѣ комедіи: „о Тенерѣ, Лизетинѣ отцѣ, винопродавцѣ“ и „о Тонвуртинѣ, старомъ шляхтичѣ“, напечатанныя въ сборникѣ г. Тихонравова.

Кто именно былъ этотъ Фирштъ и какая была дальнѣйшая его судьба—въ точности мало извѣстно. Въ „Хроникѣ“ Носова помѣщено извѣстіе, что послѣ отъѣзда труппы Кунштa въ 1704 году явилась новая труппа Отто Фирштa, такъ что на театрѣ Красной площади давались по очереди представленія: по воскресеньямъ и вторникамъ—русскіе ученики Ягана Кунштa, а по понедѣльникамъ и четвергамъ—нѣмецкая труппа Фирштa. Обѣ труппы состояли въ управленіи Фирштa. Это подтверждаетъ напечатанный г. Барсовымъ указъ 5 января 1705 г., т.-е. уже послѣ отъѣзда за границу труппы Кунштa, гдѣ сказано: „Государь указалъ комедіи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ дѣйствовать и при тѣхъ комедіяхъ музыкантамъ на разныхъ инструментахъ играть въ указные дни въ недѣлѣ: въ понедѣльникъ и въ четвергъ“. Въ 1707 году „комедійная храмина“ на Красной площади была разобрана и театръ въ Москвѣ прекратился за исключеніемъ ученическихъ въ Заиконоспасской академіи и при гошпиталѣ до царствованія императрицы Елизаветы. Придворный театръ являлся въ Москвѣ только при долговременномъ туда переселеніи двора, какъ напримѣръ, при Елизаветѣ Петровнѣ съ 16 декабря 1752 г. по 19 мая 1754 года, представленія давались тогда въ Кремлевскомъ дворцѣ.

За то театръ появился въ Петербургѣ. Объ его тамъ учрежденіи „Хроника“ Носова содержитъ слѣдующія интересныя подроб-

ности. Въ 14 году по основанiи Петербурга, на Петербургскомъ островѣ, въ Никольской улицѣ, въ частномъ домѣ начали свои представленія „россійскіе комедіанты“. Комедіанты эти были охотники, подъячіе, типографщики и проч. Въ домѣ, болѣе похожемъ на сарай, выломаны стѣны, полъ, углубили землю для партера, сколотили изъ досокъ ярко-размалеванный ярусъ ложъ—и театръ готовъ. Публика съ нетерпѣніемъ ожидала сей неожиданной новинки. Успѣхъ первоначальнаго представленія понравился публикѣ и царевна Наталья Алексѣевна приказала выписать изъ Москвы въ С.-Петербургъ труппу актеровъ, въ числѣ которыхъ находился 1-й актеръ, сынъ содержателя нѣмецкой и русской труппы въ Москвѣ Отто Фирште Францъ Фирштъ, который и назначенъ главнымъ директоромъ надъ петербургскимъ театромъ. Актеры-охотники сами сочиняли комедіи, трагедіи и разыгрывали оныя; представленія иной разъ продолжались до 7 вечеровъ, въ дѣйствіи рѣдко былъ планъ, актеры выходили и уходили часто безъ всякой надобности, а въ антрактахъ собирались на сценѣ толпами, кривлялись, бранились, разговаривали съ зрителями и даже давали другъ другу пощечины. Такія неблагопристойныя трагедіи и комедіи царевна Наталья Алексѣевна приказала уничтожить, а директору Францу Фиршту ѣхать въ Германію для приглашенія комедіантовъ, и по возвращенiи его изъ Германіи въ Петербургъ съ труппою актеровъ, состоящею изъ 12 человѣкъ, начались представленія. Отъ 1716 г. до 1720 года играли піэсы стараго репертуара. Въ 1720 году устроенъ для этой вновь прибывшей труппы театръ у Зеленаго (Полицейскаго) моста. Съ 1721 по 1725 годъ на этомъ театрѣ нѣмецкіе комедіанты играли піэсы стараго репертуара, но, не смотря на то, театръ Франца Ф. былъ посѣщаемъ нѣмцами, поселившимися въ Петербургѣ; стеченіе народу было такое множество, что болѣе половины не могли достать билетовъ, между тѣмъ какъ русскій театръ (на Петровскомъ Островѣ) пустѣлъ; не смотря на желаніе царевны Натальи Алексѣевны вкусъ къ театральнымъ представленіямъ не пробуждался. При Императрицѣ Екатеринѣ I до восшествія на престолъ Петра II въ 1728 году, театральныхъ представленій ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не было. 3 марта 1731 г. при Аннѣ Іоанновнѣ отмѣчено: театръ у Полицейскаго моста былъ разрушенъ разлитіемъ рѣки Мойки, которая не была еще укрѣплена берегами. По сему случаю Францъ

Фирштъ съ труппою выѣхалъ изъ Россіи, а русскіе его ученики перешли въ амфитеатръ стараго развалившагося каруселя на потѣшной площади большаго театра. Весь этотъ разсказъ чрезвычайно запутанный, и, очевидно, какъ во всей „Хроникѣ", выдумки и недоразумѣнія перемѣшаны съ достовѣрнымъ преданіемъ. Даже въ самой „Хроникѣ" есть очевидныя и необъяснимыя противорѣчія (Ср. стр. 50, 51 и 52 прим. и стр. 54 прим.). Но изъ этого разсказа можно вывести безошибочно заключеніе, что еще въ царствованіе Петра 1-го въ Петербургѣ существовалъ вольный русскій театръ балаганнаго типа, который дворъ хотѣлъ, но неудачно, обратить въ придворный, и рядомъ съ этимъ отдѣльный нѣмецкій театръ, процвѣтавшій подъ управленіемъ Франца Фиршта. Берхгольцъ (ч. III, 193 и 194) сообщаетъ, что 21 августа 1723 г. Императоръ, принцессы и герцогъ Голштинскій посѣтили театръ, гдѣ нѣмецкіе актеры давали комедію „Возможность, сдѣланная невозможною" (die unmöglich gemachte Möglichkeit), труппа состояла изъ 10—11 человѣкъ и еще очень плохо снабжена была костюмами. Представленія больше всего посѣщаются дворомъ, и безъ него актеры умерли бы съ голоду, потому что изъ русскихъ никто не ходитъ смотрѣть ихъ, и изъ иностранцевъ также бываютъ у нихъ немногіе. Берхгольцъ при этомъ замѣчаетъ, что строили новый театръ. Извѣстія о комедіи продолжаются и въ 1725 году, между прочимъ о постановкѣ піэсы о „бѣдномъ Юргенѣ" (бѣдный Юрка, Отто Фиршта, Хрон. стр. 49), передѣлка изъ испанской комедіи (стр. 67, 76). Вѣроятно, это и была труппа Франца Фиршта, о которой говоритъ Носовъ.

Театральное дѣло въ Петербургѣ нѣсколько оживилось съ воцареніемъ Анны Іоанновны. Въ Аннѣ Іоанновнѣ, какъ во всей семьѣ Алексѣя Михайловича, сказывалась живая и склонная къ увеселеніямъ натура ея дѣда. Анна Іоанновна очень любила русскую пляску и танцы. Тогда русской пляской въ особенности отличались гвардейскіе унтеръ-офицеры изъ дворянъ съ ихъ молодыми женами. Поэтому Императрица повелѣла чтобы они являлись на каждомъ придворномъ балѣ для русской пляски. Къ коронаціи Императрицы король Августъ прислалъ славившихся тамъ актеровъ и они играли при дворѣ итальянскія интермедіи. Это понравилось, и въ 1735 году вызвана была итальянская труппа подъ дирекціей извѣстнаго капельмейстера и композитора Франческо Арайя и комическій

балетъ итальянца Фассано. Театры устроены были деревянные въ Лѣтнемъ саду и въ Зимнемъ дворцѣ во флигелѣ, мѣста раздавались безденежно придворнымъ по чинамъ. Въ балетѣ въ 1736 году въ танцахъ участвовали воспитанники Шляхетнаго корпуса подъ руководствомъ придворнаго балетмейстера изъ Парижа Ланде, здѣсь же обратилъ на себя вниманіе ученикъ Ланде — кадетъ Чоглоковъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся камергеромъ. Благодаря этому появленію у насъ итальянцевъ развилась, какъ мы видѣли, въ обществѣ страсть къ музыкѣ, и драматическая наша литература прежде всего обогатилась переводами оперъ итальянскихъ композиторовъ: Бертати, Бонеки, Лазарони и, преимущественно, Метастазіо; переводы послѣдняго издавались отъ Академіи Наукъ. Въ 1739 году прибыла странствующая нѣмецкая труппа изъ Лейпцига. Императрица Анна, не знавшая ни французскаго, ни итальянскаго языка, была въ особенности расположена къ этой труппѣ; труппа раздѣлила судьбу побѣжденной нѣмецкой партіи при дворѣ, и со смертью Анны Іоанновны нѣмецкіе актеры были выгнаны, даже не получивши разсчета. Кромѣ оффиціальнаго театра при Аннѣ Іоанновнѣ, есть въ извѣстіи о русскомъ театрѣ Штелина указаніе, что въ то время придворные играли русскія піэсы и въ томъ числѣ сказку въ лицахъ о Ягѣ-Бабѣ, въ которой главную роль игралъ оберъ-гофмаршалъ Дм. Андр. Шепелевъ. Это же подтверждаетъ и „Хроника“ Носова. Во время коронаціи въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ дана была вновь сочиненная Дм. Андр. Шепелевымъ комедія-сказка съ пѣснями и танцами „Баба-Яга“; тутъ же сообщена и афиша, по которой роль Ивана Царевича игралъ Шепелевъ, Яги-Бабы П. И. Ермаковъ, а Любаши, невѣсты Ивана Царевича — граф. Воронцова. Кромѣ того въ томъ же Кремлевскомъ дворцѣ указано исполненіе придворными слѣдующихъ піэсъ: „Ясная Соколиная пирушка“, „Соколъ съ мѣста, ворона на мѣсто“, „Лѣкарь по неволѣ“, Мольера. Въ исторіи академіи Пекарскаго есть указаніе, что императрица Анна по прибытіи въ Петербургъ придумала устроить при дворѣ домашній театръ, гдѣ поставлена была піэса изъ приключеній Іосифа, проданнаго братьями въ Египетъ, въ постановкѣ или сочиненіи которой принималъ участіе Тредьяковскій. Изъ росписанія, отнесеннаго къ 1732 году, видно, что дѣйствующими лицами были кадеты, пажи, карлы, калмыки и пѣвчіе. Театръ, значитъ, сыгранъ былъ въ самый годъ основанія Корпуса.

Въ 1741 году на престолъ взошла другая внучка Алексѣя Михайловича: внѣшняя сторона ея царствованія, связанная неразрывно съ замѣчательнымъ пробужденіемъ умственной жизни въ высшихъ слояхъ, преимущественно въ молодомъ поколѣніи, до сихъ поръ какъ-то мало оцѣнена. Музыкальное и театральное дѣло при Елизаветѣ очень выросло и стало на ноги. Никогда до тѣхъ поръ Петербургъ не представлялъ такого изобилія и разнообразія зрѣлищъ. Итальянцы процвѣтали: къ талантливому Арайи присоединился придворный піита, докторъ Бонеки, декораторъ Валерьяни и балетмейстеръ Фоссани. Императрица Елисавета сама была ученица Ланде, прекрасно танцовала и была охотница до танцевъ: при ней Ланде сдѣланъ былъ учителемъ танцованія въ корпусѣ. Елисавета кромѣ того была большая любительница церковнаго пѣнія и положила начало придворной пѣвческой капеллы, которая съ самаго начала достигла такого совершенства, что въ царствованіе Екатерины пріѣхавшій изъ Венеціи знаменитый капельмейстеръ, старикъ Галуппи, сказалъ: „такого великолѣпнаго хора еще не слыхала Италія". Подъ вліяніемъ господствовавшей при дворѣ музыки церковное пѣніе преобразилось въ придворномъ хорѣ и начало этому преобразованію, еще до Бортнянскаго, положилъ композиторъ Березовскій. Березовскій (1745—1777), урожденецъ, также какъ и Бортнянскій, гор. Глухова, поступилъ изъ Кіевской духовной академіи въ придворную капеллу, гдѣ образовался подъ руководствомъ Цописа и въ 1765 г. отправленъ былъ въ Болонью, къ одному изъ отличнѣйшихъ тогда профессоровъ, старшему Мартини. Отъ Болонской академіи Березовскій получилъ званіе капельмейстера и титулъ академика. По возвращеніи въ Россію въ 1774 г., онъ не получилъ мѣста въ придворной пѣвческой капеллѣ и не имѣвъ возможности заявить свои дарованія, окончилъ жизнь свою самоубійствомъ на тридцать третьемъ году отъ роду. Березовскій первый ввелъ расположеніе церковныхъ нашихъ концертовъ по плану концерто-гроссо и симфоніи въ томъ видѣ, какъ впослѣдствіи писалъ ихъ Бортнянскій и двухголосные или двухорные концерты; его духовная музыка замѣчательна сравнительною живостью и отчасти страстностью мотивовъ и носитъ болѣе складъ итальянской композиціи, нежели музыка Бортнянскаго, болѣе самобытная и близкая къ прежнему духовному напѣву. При Елизаветѣ въ первый разъ во всей Европѣ, а не только въ Россіи,

введены усиленные хоры въ итальянскихъ операхъ, съ участіемъ въ нихъ всей придворной капеллы. Въ 1751 году оберъ-егермейстеръ С. Кир. Нарышкинъ ввелъ роговую музыку, изобрѣтенную придворнымъ волторнистомъ, чехомъ Марешемъ (Marach), составившимъ оркестръ изъ служителей придворной охоты. Въ 1757 г. принятъ въ Императорскую службу прибывшій содержатель итальянской оперы и балетной труппы Баптисто Локателли, а Араія въ 1759 г. возвратился въ Италію. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Елизаветы (1772) прибыла французская труппа изъ Касселя Дюкло и Серинья и подъ управленіемъ послѣдняго принята была на службу. Въ 1748 и 1749 году въ Петербургѣ давалъ представленія извѣстный въ Гамбургѣ и Берлинѣ нѣмецкій актеръ Аккерманъ съ своей труппой, а въ 1751 его замѣнилъ нѣмецкій антрепренеръ Панталонь Гельфертингъ и съ нимъ акробатъ (балаганщикъ) Сколари, ходившій, къ удивленію зрителей, необычайно высоко по канату. Представленія Гелефертинга посѣщались только лакеями и чернью,—вѣроятно вслѣдствіе плохо выбраннаго репертуара; его замѣнилъ англичанинъ-акробатъ, удивившій своими необыкновенными скачками. Всѣ эти свѣдѣнія сообщаетъ Штелинъ и съ нимъ совершенно согласенъ Посовъ, разумѣется, не принимая въ разсчетъ хронологію. Кромѣ того Носовъ одновременно съ Гельфертингомъ упоминаетъ еще труппу изъ Стокгольма Сигмунда. Выдумать такой труппы Носовъ не могъ, но одновременное въ то время существованіе двухъ нѣмецкихъ труппъ въ Петербургѣ немыслимо. И потому остается предположить, что труппа Сигмунда была позднѣйшая, въ Елисаветинское царствованіе. Это невниманіе публики къ разнообразнымъ зрѣлищамъ показываетъ, что вкусъ ея не удовлетворялся иноземнымъ и жаждалъ представленій на русскомъ языкѣ. Поэтому понятно, съ какой радостью Императрица схватилась за кадетскій театръ и какъ энергически она взялась за отечественное театральное дѣло, когда открылась къ тому возможность. Трагедіи Сумаракова настолько удовлетворили стремленіе къ русскому и вкусъ современнаго общества, что при Екатеринѣ воспитанницы Смольнаго монастыря разыгрывали ихъ на своемъ домашнемъ театрѣ.

Умственное движеніе между молодежью Елисаветинской эпохи началось съ Шляхетнаго корпуса, самаго старшаго изъ свѣтскихъ высшихъ учрежденій для дворянства. Карабановъ пере-

даетъ, что кадеты составили между собою общество любителей русской словесности и читали другъ другу первые опыты сочиненійсвоихъ и переводовъ. На первыхъ порахъ въ корпусѣ товарищами Сумарокова были: кн. Рѣпнинъ, кн. Прозоровской, гр. П. И. Панинъ, М. Ф. Каменской, Румянцевъ, Херасковъ, Елагинъ, Свистуновъ, Мелиссино. Общество состояло изъ офицеровъ корпуса, гвардіи и кадетъ: туда ходилъ читать свои переводы А. В. Суворовъ, напечатавшій между прочимъ въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ „Разговоры: Кортеса съ Монтезумою" и „Александра Великаго съ Геростратомъ", приписанные Новиковымъ Сумарокову единственно потому, что обозначены были буквами А. С. Корпусное общество, въ хронологическомъ порядкѣ первое, предшествовавшее собраніямъ университетскихъ студентовъ и воспитанниковъ благороднаго пансіона, о которыхъ мы уже говорили, было однимъ изъ тѣхъ скромныхъ центровъ, изъ которыхъ образованіе разливалось болѣе или менѣе широко въ Россіи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда судьба забрасывала немногочисленныхъ питомцевъ только-что возникающихъ учрежденій. Въ корпусѣ, точно также какъ въ университетѣ и пансіонѣ, досуги воспитанниковъ посвящены были театру. Въ „Хроникѣ" Носова объ этомъ предметѣ существуетъ очень интересное указаніе. Подъ 1751 г. перечисляются директоры домашнихъ петербургскихъ театровъ и въ томъ числѣ 1-го шляхетскаго кадетскаго корпуса, оберъ-штальмейстеръ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ 1750 г., января 1-го (стр. 65 и 66). На стр. 128 (Прим.) означены переводы комедіи Мольера „Лѣкарь по неволѣ" (Le medecin malgre lui), въ такомъ порядкѣ: 1) Царицы Софіи Алексѣевны, 2) Петра Сумарокова, отца Александра П. Сумарокова 1751 г., 3) актера Ив. Аф. Дмитревскаго 1758 г. У Карабанова есть также извѣстіе, что въ корпусѣ въ 1752 г. былъ оберъштальмейстеромъ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ. Отца Ал. Петр. Сумарокова звали Петромъ Панкратьевичемъ; а Петръ Спиридоновичъ, упоминаемый въ запискахъ Нащокина, былъ камергеромъ герцога Голштинскаго Петра Ульриха (Петра III) и послѣ уже смерти Ал. П. Сумарокова жилъ въ Москвѣ въ чинѣ генералъ-аншефа (Буличъ, Сумароковъ и современная ему критика, стр. 10, прим.). Остается опредѣлить, дѣйствительно ли отецъ Ал. П. Сумарокова былъ переводчикомъ Мольера. Если это правда, то прибавляется очень важный фактъ къ малоизвѣстной біографіи

знаменитаго драматурга: отсюда видно, что страсть къ театру усвоена была Сумароковымъ между прочимъ и въ семейной его обстановкѣ, отъ отца, тоже любителя театра. Въ 1749 году кадеты на своемъ театрѣ представили первую трагедію Сумарокова „Хорекъ", и 8 февраля 1750 г. повторили ее во дворцѣ. По извѣстіямъ въ хроникѣ спектакли въ Корпусномъ театрѣ давались и на французскомъ языкѣ, причемъ приводится трагедія „Эдипъ" Вольтера и „Ифигенія въ Авлидѣ", де-ла-Туша; а Штелинъ утверждаетъ, что представленія па французскомъ языкѣ предшествовали русскимъ. Это очень вѣроятно потому, что, въ то время, въ корпусѣ на изученіе французскаго языка было обращено главное вниманіе и кадеты выходили изъ корпуса, владѣя имъ въ совершенствѣ. Французскіе спектакли продолжались въ корпусѣ и въ царствованіе императрицы Екатерины, подъ руководствомъ знаменитаго въ то время актера французской труппы Офрена (Арап., стр. 113, прим.); въ корпусѣ повидимому существовалъ въ то время особый, хорошо приспособленный домашній театръ, такъ какъ въ первомъ десятилѣтіи царствованія импер. Екатерины частный антрепренеръ Маттеи учредилъ тамъ оперу-буффъ, но, за недостаткомъ средствъ, опера эта скоро разрушилась (тамъ же, стр. 86). Піэсы, разыгрываемыя кадетами на своемъ театрѣ при Елизаветѣ, повторены были и на театрѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ присутствіи императрицы, принимавшей живѣйшее участіе въ кадетскихъ спектакляхъ: она велѣла выдать изъ царской кладовой все необходимое для костюмовъ и сама убирала къ представленію Свистунова, игравшаго роль Оснельды. По показанію Лонгинова, съ 8 февраля 1750 года по 21 декабря 1751 года кадеты постоянно играли на театрѣ въ Зимнемъ дворцѣ, подъ руководствомъ самого Сумарокова и давали, по мѣрѣ ихъ появленія, трагедіи Сумарокова, „Гамлетъ", „Синеусъ и Труворъ", „Аристона", „Семира"; его же комедіи „Трисотиніусъ", „Чудовище", „Пустая ссора"; и трагедію Ломоносова „Тамира и Селимъ". Въ показаніяхъ объ именахъ кадетъ актеровъ есть значительная разница. Въ „хроникѣ" помѣщены двѣ афиши съ именами кадетъ, участвовавшихъ во французскихъ спектакляхъ (стр. 78 и 87), гдѣ поименованы: Ив. Ив. Мелиссино, Сухомлиновъ, Татищевъ, гр. Бутурлинъ, Щербатовъ, Свистуновъ, Остервальдъ, Ник. Ан. Бекетовъ, Бестужевъ-Рюминъ, Ефимовичъ, Лихаревъ, Новиковъ, Лабызевъ. Лонгиновъ, на основаніи показа-

нія Сумарокова, кромѣ Бекетова, Свистунова, Мелиссино и Остервальда, называетъ Разумовскаго, Бухвостова, Рубановскаго, Гиршендена, Гельмерсена, Каница и Гоха. Можетъ быть кадеты мѣнялись и для французскаго спектакля были одни актеры, для русскаго другіе. Успѣхъ кадетскихъ представленій далъ мысль учредить въ корпусѣ школу для образованія актеровъ: 14 марта 1752 года въ корпусъ опредѣлены 7 придворныхъ пѣвчихъ, предназначенныхъ въ актеры. Передъ этимъ въ томъ же 1752 г. изъ Ярославля привезена, нарочно за ней отправленнымъ сенатскимъ экзекуторомъ Дашковымъ, труппа Ф. Г. Волкова, и 18 марта, въ присутствіи Государыни и нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, а не публично, она дебютировала въ мистеріи Св. Димитрія Ростовскаго „О покаяніи грѣшнаго человѣка". Затѣмъ уже начали представлять ярославцы піэсы современнаго репертуара. Изъ нихъ оставлены были въ Петербургѣ двое Волковыхъ, Нарыковъ, переименованный Императрицею въ Дмитревскаго, и Поповъ. О числѣ оставленныхъ въ Петербургѣ ярославцевъ существуетъ разнорѣчіе. Штелинъ наименовываетъ вышеуказанныхъ четырехъ; Карабановъ прибавилъ къ нимъ Шумскаго, и ту же ошибку, вслѣдъ за Шаховскимъ, повторяетъ Араповъ, помѣщая Шумскаго въ корпусъ, гдѣ онъ никогда не былъ. Между тѣмъ у Штелина въ числѣ первыхъ русскихъ актеровъ поименованы Шумскій и Сѣчкаревъ, оба родомъ украинцы. Въ перечнѣ состава театральной дирекціи, во время завѣдыванія театрами кн. Юсупова, назначеннаго въ 1791 г., приведенномъ Араповымъ изъ журнала Анд. В. Каротыгина, поименовано: старшій послѣ Дмитревскаго актеръ, украинецъ Шумскій, происходилъ изъ цирульниковъ, отличаемъ былъ всегда фонъ-Визинымъ (стр. 104). Сѣчкарева Носовъ помѣщаетъ въ числѣ офицеровъ, выпущенныхъ изъ кадетскаго корпуса въ 1752 г. и игравшихъ на театрѣ въ качествѣ любителей. Какъ бы ни разрѣшились эти недоразумѣнія, ясно одно, что при открытіи перваго и постояннаго общедоступнаго русскаго театра въ 1756 г. въ него, кромѣ ярославцевъ, вошли со стороны и не стѣсняясь званіемъ люди, чувствовавшіе истинное призваніе къ сценическому искуству, не исключая, какъ мы видѣли, и женщинъ; этимъ именно и замѣчателенъ этотъ первый кружокъ актеровъ, незабвенный въ исторіи русскаго театра. Десятаго сентября 1752 г. Дмитревскій и Поповъ опредѣлены были въ корпусъ для обученія словес-

ности, языкамъ и гимнастикѣ; а въ 1754 году туда же помѣщены Григорій и Ѳедоръ Волковы и придворный пѣвчій Приказный. Эти воспитанники находились особо, носили особое форменное платье и обѣдали сначала вмѣстѣ съ кадетами, а потомъ отдѣльно. Сверхъ обыкновеннаго курса наукъ, преподаваемыхъ кадетамъ, обучали ихъ правиламъ декламаціи корпусные офицеры: капитанъ-поручикъ Мелиссино, кап. пор. Остервальдъ и прап. Свистуновъ. Помѣщеніе въ корпусъ придворныхъ пѣвчихъ продолжалось, какъ видно, и послѣ 1754 года: такъ, упоминаются въ журналѣ—Бортнянскій, Татищевъ и другіе, не поименованные въ числѣ первыхъ 8 поступившихъ. Носовъ передаетъ, что въ 1759 г., когда нѣсколько придворныхъ актеровъ отправлены былъ изъ Петербурга для устройства московскаго театра, взяты были вновь и помѣщены въ корпусъ пѣвчіе, по назначенію Волкова и Дмитревскаго, и кромѣ того изъ чиновниковъ кадетскаго корпуса, извѣстные впослѣдствіи актеры, Вансловъ, Карауловъ и Драницынъ съ женами (стр. 150 и 151, прим.). Школа декламаціи при корпусѣ, повидимому, вполнѣ замѣняла приготовительную театральную школу, гдѣ всѣ желающіе и способные изъ кадетъ могли приготовляться къ сценическому исскуству. Такъ въ 1752 году выпущены были изъ корпуса кадеты, учавствовавшіе въ театральныхъ представленіяхъ, Сѣчкаревъ, Ефимовичъ, Лобазевъ, Сухомлиновъ и Новиковъ, которые, послѣ выпуска, иногда играли, по просьбѣ театральнаго начальства, на придворномъ театрѣ безъ всякаго возмездія; а въ мартѣ 1759 г. приняты на дѣйствительную службу въ Императорскій Московскій театръ, съ жалованьемъ каждому по 150 р. въ годъ (Носовъ, стр. 149 и 150, прим.). Только уже въ 1779 году Бибиковъ, которому въ 1763 г., по увольненіи Сумарокова и назначеніи главнымъ директоромъ театровъ Ив. Перф. Елагина поручено было управленіе русскою труппою,—завелъ особое театральное училище подъ руководствомъ Дмитревскаго. Такимъ образомъ значеніе сухопутнаго Шляхетскаго корпуса въ исторіи нашего театра очень велико: корпусъ былъ не только первою школою и разсадникомъ актеровъ, но и далъ театральному исскуству извѣстныхъ въ свое время драматическихъ писателей: Сумароковъ, Херасковъ, Озеровъ, С. Н. Глинка, Крюковскій, авторъ въ свое время знаменитой трагедіи „Пожарскій“, Ефимьевъ, авторъ въ свое время извѣстной драмы „Преступникъ отъ игры

или братомъ проданная сестра“, спасенный отъ забвенія Гречемъ, Нартовъ, одинъ изъ первыхъ у насъ переводчиковъ драматическихъ піэсъ. Къ корпусу же принадлежалъ Як. Бор. Княжнинъ, приглашенный учителемъ словесности въ корпусъ главнымъ начальникомъ его, граф. Ангальтомъ (1786—1794).

Въ 1756 году августа 30 состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи русскаго театра на Васильевскомъ острову, въ Головкинскомъ домѣ, близъ кадетскаго корпуса, гдѣ теперь академія художествъ, подъ дирекціей Сумарокова. Въ этотъ театръ поступили 8 пѣвчихъ, первоначально отданныхъ въ корпусъ, и 4 комедіанта Григорій и Ѳедоръ Волковы, Дмитревскій и Поповъ, кромѣ того другія неслужащія лица и актрисы, о которыхъ мы уже говорили выше. Въ декабрѣ 1757 года изъ Головкинскаго дома театръ перенесенъ былъ въ зданіе придворнаго театра, близъ Лѣтняго сада, гдѣ играли до тѣхъ поръ лишь труппы французская и италіянская; но актеры продолжали жить въ Головкинскомъ домѣ до 1761 года, когда домъ занятъ подъ академію художествъ, и давали тамъ особыя преставленія, для практики и не публично. Въ томъ же 1757 г. Локателли открылъ италіянскій театръ въ Москвѣ, но обанкрутился и вернулся въ Петербургъ. Въ сентябрѣ 1759 года разрѣшено было устроить и въ Москвѣ русскій придворный театръ, для чего были посланы туда Волковъ и Шумскій. Но уже въ іюнѣ 1761 г. придворный театръ въ Москвѣ прекратился. Такимъ образомъ исторія театра въ Петербургѣ и Москвѣ была совсѣмъ иная. Въ Петербургѣ театръ всегда сохранялъ придворный типъ: зрители сначала пускались въ него безденежно, по чинамъ. 5 мая 1757 г. разрѣшено было допущеніе на театръ зимняго дворца вольной публики за деньги; но въ іюлѣ 1761 года разрѣшеніе это прекращено. Только уже при Екатеринѣ объявленъ былъ 9 іюня 1773 г. указъ о возвращеніи къ системѣ „публичнаго, русскаго комедіанскаго зрѣлища“, приведенный въ исполненіе чрезъ 10 лѣтъ, съ постройкою архитекторомъ Тишбейномъ, на мѣстѣ называвшемся „для каруселя“,—теперь площадь большаго театра,—особаго театральнаго зданія. Передъ этимъ открытіемъ Императорскаго общедоступнаго театра существовалъ въ Петербургѣ вольный театръ *изъ Москвы*. Въ 1773 г. нѣкто Книперъ собралъ въ Москвѣ труппу изъ воспитанниковъ сиротскаго дома, которую обучалъ извѣстный московскій актеръ Калиграфъ. Книперъ при-

везъ свою труппу въ Петербургъ и сталъ давать свои представленія въ деревянномъ театрѣ, построенномъ Бецкимъ (откр. 10 октября 1781 г.) противъ Лѣтняго сада. Лонгиновъ предполагаетъ, что труппа Книпера выписана была для этого театра и была единственною частною труппой въ Петербургѣ, подчиненною впрочемъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Труппа эта познакомила между прочимъ петербургскую публику съ оперою „Мельникъ" Аблесимова, данною первый разъ въ Москвѣ 20 января 1779 года и выдержавшей въ Петербургѣ сразу 27 представленій. Хроника Носова относитъ театръ Книпера къ 1779 году, и въ этомъ случаѣ показаніе ея едва ли не справедливо, потому что имѣетъ нѣкоторое основаніе. Книперъ открылъ свои представленія оперою „Мельникъ". Роль мельника создалъ на театрѣ Книпера Крутицкій, сынъ гарнизоннаго сержанта, обучавшійся въ сиротскомъ домѣ. Его способности къ театру открылъ извѣстный московскій актеръ Калиграфъ и далъ ему образованіе. По пріѣздѣ въ Петербургъ Крутицкій, по неотступной просьбѣ Книпера и по желанію Бецкаго поступилъ на сцену. По свѣденіямъ „хроники", Крутицкій родился въ 1754 г., слѣдовательно въ 1773 году онъ былъ только 19 лѣтъ (стр. 336). Крутицкій приводилъ въ такой восторгъ зрителей, что разъ во время представленія Л. А. Нарышкинъ бросилъ ему на сцену кошелекъ, наполненный золотомъ и серебромъ (стр. 338). Болѣе позднее появленіе театра Книпера доказывается главнымъ образомъ тѣмъ, что опера „Мельникъ" прежде всего дана въ Москвѣ и тамъ въ первый разъ въ январѣ 1779 года, слѣдовательно ранѣе 1779 года она не могла появиться въ Петербургѣ. Кромѣ того въ Петербургѣ существовалъ въ тоже время народный театръ, открытый 4 апрѣля 1765 года, на второй день Пасхи, въ балаганѣ подъ открытымъ небомъ, за Малой Морской, на пустырѣ называвшемся Брумберговой площадью. Спектакли начинались въ 4 часа дня, за дешевую плату, и играли въ нихъ охотники, преимущественно мастеровые, въ переводныхъ комедіяхъ Мольера, Гольберга и пр. и въ нѣкоторыхъ оригинальныхъ. Существованіе этого театра было очень непродолжительно (соч. Лукина, 1868, 184—186). Можетъ - быть этотъ театръ подалъ поводъ къ приведенному мною выше туманному разсказу Носова о народномъ театрѣ при Петрѣ; а можетъ быть народный балаганный театръ существовалъ и прежде, и послѣ, возобновляясь, чрезъ болѣе или менѣе продолжительные

сроки, какъ всякій балаганный театръ, пока существовало зданіе и находились охотники изъ народа. Должно впрочемъ замѣтить, что въ „Хроникѣ“ Носова подъ 1762 годомъ сказано отдѣльно, что, по случаю коронованія Импер. Екатерины II въ Москвѣ, простонародье на Брумбергской площади завело свой театръ, актеры назывались безымянными, подъячіе, наборщики, переплетчики, портные, фабричные и прочіе мастеровые (стр. 224). Кромѣ того театръ на Брумберговой площади изрѣдка упоминается въ „Хроникѣ“ во все продолженіе Екатерининскаго царствованія. Во время коронаціи Императрицы Екатерины въ Москвѣ (съ 3 сентября 1762 г. по 17 іюня 1763 г.) *временно* давалъ представленія русскій Петербургскій придворный театръ, въ прежнемъ помѣщеніи у Краснаго пруда, а итальянцы и французы въ зданіи, построенномъ противъ Головинскаго дворца. Затѣмъ въ 1765 году, а по другимъ свѣдѣніямъ въ 1767 году (Носовъ, стр. 288), полковникъ Титовъ принялъ на себя содержаніе театра въ Москвѣ, въ казенномъ театральномъ зданіи, противъ Головинскаго дворца, приготовивши для своего театра отдѣльную труппу. Послѣ Титова былъ цѣлый рядъ антрепренеровъ, содержавшихъ *частный* Московскій театръ. Въ 1769 году иностранцы Бельмонте и Чинти, которые перевели театръ на Знаменку, въ домъ графа Р. А. Воронцова; въ 1771 году театръ въ Москвѣ прекратился вслѣдствіе чумы, отъ которой умеръ и содержатель Бельмонте; въ ноябрѣ 1772 года театръ въ домѣ Воронцова возобновился и перешелъ въ завѣдываніе антрепренера Гроти сдавшаго его въ 1776 г. своему товарищу кн. Урусову. Наконецъ послѣднимъ частнымъ антрепренеромъ театра въ Москвѣ былъ англичанинъ М. Е. Медоксъ, сначала въ товариществѣ съ кн. Урусовымъ, а потомъ остался одинъ. Послѣ пожара въ 1780 году театра въ домѣ гр. Воронцова, Медоксъ пріобрѣлъ домъ съ землею кн. Лобанова-Ростовскаго, на Петровской улицѣ, въ приходѣ древней церкви Спаса, что въ Копьѣ (находившейся позади теперешняго Большаго театра, гдѣ теперь лѣстница, ведущая въ переулокъ на Большую Дмитровку) и въ пять мѣсяцевъ выстроилъ Петровскій театръ, открытый въ 1781 г. Медоксъ былъ большой знатокъ своего дѣла и умѣлъ находить и цѣнить таланты: ему Московскій театръ много обязанъ правильною постановкою театральнаго дѣла. Отъ Медокса театръ въ 1806 году поступилъ въ казенное завѣдываніе и сдѣлался императорскимъ.

Московскій театръ съ самаго начала былъ тѣсно связанъ съ Московскимъ университетомъ. Еще во время частнаго театра Локателли, студенты университета пользовались имъ для своихъ представленій. Штелинъ первый пустилъ въ ходъ извѣстіе объ участіи Московскихъ студентовъ въ театрѣ, замѣтивши очень неопредѣленно, что въ числѣ актеровъ на Московскомъ театрѣ были и нѣкоторые студенты. Извѣстіе это переносилось изъ одной книги въ другую и пополнялось именами студентовъ, безъ всякой критики и безъ точнѣйшаго разслѣдованія. „Хроника" Носова и въ этомъ случаѣ служитъ надежнымъ руководителемъ. Изъ этой „Хроники" Носова видно, что въ театрѣ Локателли на Красномъ пруду играли студенты, но одни и совершенно отдѣльно отъ труппы Локателли, состоявшей исключительно изъ итальянцевъ; упоминаются разыгранные студентами піесы: „Обращенный міръ", драма на музыкѣ, соч. Карбоне, танцы Гаспара Сантини, „Сестры соперницы", драма сочиненія князя П. Ч., „Графъ Карамелли", переводъ съ итальянскаго студента А. Карина. Эта связь студентовъ съ театромъ Локателля условливалась тѣмъ, что какъ этотъ театръ, такъ и возникшій вслѣдъ за нимъ казенный отданы были подъ дирекцію директора университета Хераскова. Когда на казенномъ театрѣ появилась русская труппа, то студенты, при недостаточности театральнаго персонала, принимали участіе въ игрѣ, вмѣстѣ съ актерами: такъ Носовъ упоминаетъ, что, при разыгрываніи трагедіи „Кающійся грѣшникъ", воспитанники Московскаго университета изображали хоры небесныхъ и подземныхъ духовъ и танцующихъ фурій (стр. 171). Это совершенно понятно и вполнѣ правдоподобно. Херасковъ, получившій образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, воспитанники котораго какъ мы видѣли, вслѣдъ за его основаніемъ, участвовали на домашнихъ театрахъ и на дворцовыхъ представленіяхъ италіянскаго балета при императрицѣ Аннѣ, а вскорѣ и сами завели свой домашній театръ,—безъ сомнѣнія озаботился ввести этотъ обычай, общій для всѣхъ учебныхъ заведеній того времени, и въ университетѣ. Такъ какъ своего приспособленнаго театра въ университетскомъ зданіи не было, то Херасковъ, пользуясь званіемъ директора театра при Локателли, въ свободное время предоставлялъ его для игры студентовъ. Съ труппою Локателли студенты не могли имѣть ничего общаго, такъ какъ она давала исключительно италіанскія оперы и имѣла для этого достаточный составъ. Когда устроился въ 1756 году

казенный русскій спектакль, студенты принимали въ немъ участіе, но не въ качествѣ актеровъ, а въ качествѣ добавочнаго персонала, какъ кадеты и ученики другихъ училищъ на придворныхъ театрахъ. Но, вѣроятно, когда театръ закрылся въ Москвѣ, т. е. послѣ 1763 года, Херасковъ завелъ при университетѣ особый, домашній театръ, изъ студентовъ и учениковъ гимназій, подъ своей дирекціей. Когда именно заведенъ былъ этотъ театръ, не извѣстно, но существовалъ онъ съ перерывами до 1812 года. Университетъ иногда угощалъ своимъ театромъ посѣтителей. Въ 1777 г. заведенъ былъ *вновь* театръ изъ студентовъ (⁶²) и они представляли передъ публикой трагедію Сумарокова „Синавъ и Труворъ" и комедію „Нечаянное возвращеніе". Еще ранѣе 28 апрѣля 1760 г., въ день своего акта, университетъ пригласилъ знатныхъ особъ и дворянство въ оперный (т. е. въ театръ Локателли) домъ на итальянскую интермедію (Ист. унив., стр. 60). Изъ числа студентовъ, въ разное время принимавшихъ участіе въ домашнемъ университетскомъ театрѣ, въ особенности отличались Д. И. Фонъ-Визинъ, Я. И. Булгаковъ, Базилевичъ, Пушкинъ, Булатницкій и др. Проф. П. Илар. Страховъ, въ біографіи своего дяди, проф. П. Ив. Страхова, разсказываетъ: въ то время (около 1772—1778) лучшимъ и любимѣйшимъ увеселеніемъ гимназистовъ и студентовъ бывали театральныя представленія, для чего въ университетѣ былъ свой постоянный театръ, съ богатымъ гардеробомъ, собравшимся въ теченіи 30 лѣтъ чрезъ подарки старинныхъ боярскихъ гардеробовъ и постройкой новыхъ нарядовъ, по подпискѣ между студентами и профессорами. При директорѣ Тургеневѣ гардеробъ этотъ проданъ на Петровскій публичный театръ, съ условіемъ непремѣнно отпускать въ университетъ, по требованіямъ начальства, всякіе костюмы для театральныхъ представленій и маскарадныхъ кадрилей, что и продолжалось до 1812 года. Театральныя представленія дѣлались обыкновенно на святкахъ и масляницѣ, причемъ сцена и партеръ устраивались въ парадныхъ большихъ сѣняхъ главнаго университетскаго зданія. Гимназистъ Страховъ, мальчикъ живой, статный собой, красавецъ лицомъ, сперва началъ отличаться въ женскихъ роляхъ, и съ такимъ искусствомъ и удачею разыгралъ трагическую роль Семиры, что удивилъ и восхитилъ самого творца трагедіи, А. П. Сумарокова, тогда постояннаго распорядителя на театрѣ университета. Когда же Страховъ столько уросъ, что не могъ

являться въ женскихъ роляхъ, тогда онъ не менѣе сталъ отличаться и въ роляхъ мущинъ, даже перещеголялъ своихъ товарищей студентовъ, Иванова и Плавильщикова, чрезвычайно пристрастныхъ къ театру и которые послѣ оба поступили на публичный Московскій театръ, первый подъ именемъ Каллиграфова, а другой съ подлиннымъ своимъ именемъ и прозваніемъ. Въ 1778 г. Страховъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу и обратилъ на себя вниманіе вновь назначеннаго куратора Хераскова, сдѣлавшаго его своимъ секретаремъ. Въ это время Страховъ пріобрѣлъ славу *перваго актера* на благородныхъ театрахъ Хераскова и его братьевъ, кн. Трубецкихъ. Кромѣ Страхова на университетскомъ театрѣ въ то время отличались Сандуновъ, Макаровъ, Политковскій, Тимковскій, Зловъ, извѣстный потомъ актеръ сначала на Московской, а съ 1812 г. на Петербургской сценѣ. Изъ театральныхъ піэсъ ставились комедіи „Недоросль", „Скупой", „Такъ и должно" (Веревкина); оперы: „Мельникъ" Аблесимова, „Добрые солдаты" Хераскова, „Севильскій цирульникъ". Въ благородномъ пансіонѣ также былъ театръ изъ воспитанниковъ, гдѣ между прочимъ разыгрывались піэсы проф. Сандунова, переводчика Шиллеровыхъ „Разбойниковъ". Въ пансіонѣ домашніе спектакли продолжались долго и получили такое значеніе, что въ 1802 г. изданъ былъ сборникъ: „Дѣтскій театръ или собраніе піэсъ, представленныхъ воспитанниками въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ", М., 2 части, вышедшій новымъ изданіемъ въ 1818 году. Московскій университетъ, подобно кадетскому корпусу, служилъ также подготовительною школою для Московскаго театра. Въ 1760 г. на казенномъ коштѣ было 30 студентовъ: изъ нихъ четверо назначали себя для театра; учениковъ гимназіи было 100 и сверхъ того 18 учениковъ изъ разночинцевъ, предназначавшихся въ труппу Московскаго театра, содержимы были на иждевеніи Локателли. Изъ этихъ 18-ти десять должны были учиться музыкѣ инструментальной и вокальной, двое театральной живописи и шестеро танцамъ. При Шуваловѣ лучшіе воспитанники академической гимназіи при университетѣ предназначались въ художники по части различныхъ искусствъ, въ томъ числѣ и сценическаго. Однимъ изъ такихъ учениковъ былъ Плавильщиковъ (род. 1760 г.), который по окончаніи курса въ университетѣ въ 1779 г. поступилъ на Московскую сцену. Связь университета съ театромъ продолжалась даже гораздо дольше,

нежели кадетскаго корпуса. Въ двадцатыхъ годахъ изъ театральной школы лучшіе воспитанники посѣщали университетскія лекціи: таковы были извѣстный впослѣдствіи артистъ Сабуровъ и воспитанникъ изъ дворянъ Павловъ, по неспособности къ сценическому искусству выкупленный изъ школы и перешедшій въ университетъ, по окончаніи котораго изъ него вышелъ извѣстный литераторъ Н. Ф. Павловъ. Точно также впослѣдствіи, когда преподавателемъ въ театральной школѣ былъ Надеждинъ, по его протекціи, одинъ изъ старшихъ воспитанниковъ посѣщалъ университетъ.

До самаго царствованія Елизаветы Петровны или лучше сказать до появленія Сумарокова наша драмматическая литература не только не развивалась самобытно, но и не имѣла передъ собой настоящихъ европейскихъ образцовъ. Бродячія нѣмецкія труппы продолжали привозить съ собой прежній Фельтеновскій репертуаръ, т.-е. плохія импровизаціи на темы, заимствованныя изъ разныхъ иностранныхъ пьесъ. Иностранцевъ, какъ Берхгольцъ, поражали пустота и пошлость нѣмецкихъ комедій, разыгрывавшихся у насъ при Петрѣ. Замѣчательно, что въ репертуарѣ Франца Фирштa, игравшаго въ С.-Петербургѣ, показана между прочимъ комедія „Докторъ Фаустъ“ (Хрон., стр. 53). Совсѣмъ иною явилась труппа Серины, которая начала давать пьесы французскаго классическаго репертуара: „Ифигенія въ Авлидѣ“ Расина (стр. 78 и 80), „Тартюфъ или лицемѣръ“ и другія комедія Мольера, „Троянская женитьба“ Латуша (стр. 85), „Цида“ Корнеля (стр. 92). Очевидно, что эта труппа дала первый, непосредственный толчекъ театральному у насъ искусству: оттуда классическія драмы зашли въ кадетскій театръ, здѣсь нашли для себя первую пищу врожденныя способности Сумарокова. По извѣстіямъ въ хроникѣ Носова, въ репертуарѣ Елисаветинскаго русскаго театра главное мѣсто занимали переводныя пьесы Мольера, Де-Латуша и Гольберга. Мольеръ, какъ извѣстно, явился у насъ въ переводахъ очень рано. Интересно, что прежде всего переведена комедія Мольера „Принужденный докторъ“. Изъ сочиненій Мольера это самый грубый фарсъ, и притомъ съ потасовкой, которая, по свидѣтельству Берхгольца, была у насъ на театрѣ любимой и неизбѣжной забавой. Де-Латушъ занесенъ былъ труппою Серины, но откуда пришелъ Гольбергъ, прямаго указанія нѣтъ, можетъ быть его пьесы входили въ репертуаръ прибывшей изъ Стокгольма труппы Сигмунда. Переводчиками были Кропотовъ,

Нартовъ, Смирновъ, Салтыковъ и актеры Дмитревскій и Ф. Волковъ. Въ хроникѣ Носова есть интересное извѣстіе, что при Елисаветѣ переведены были изъ Расина „Андромаха" Ст. Марштенсомъ и „Есфирь" актеромъ Волковымъ: въ этомъ нѣтъ не вѣроятнаго, такъ какъ большинство пьесъ сначала не печаталось. Въ хроникѣ Носова (стр. 141) упомянуто также между прочимъ, что въ 1759 г. на театрѣ въ Зимнемъ дворцѣ представлена была трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ въ прозѣ „Жизнь и смерть Ричарда III, короля англійскаго"; соч. Шакспира, переведенная съ англійскаго буквально актеромъ Дмитревскимъ. Приложена афиша, по которой роль Ричарда игралъ Ф. Г. Волковъ, а леди Анны Марья Волкова, Дмитревскій— роль Бракенсбурга, коменданта Тоуэра. Въ „Драмматическомъ словарѣ" есть также курьезное извѣстіе о переводѣ этой пьесы: она переведена съ французскаго языка и прозою въ Новгородѣ въ 1783 г. и напечатана въ С.-Петербургѣ въ 1787 г. Въ царствованіе Екатерины театральный репертуаръ быстро подвинулся впередъ. Во главѣ драмматическихъ писателей встала сама императрица, щедро награждавшая авторовъ за всякое, сколько-нибудь замѣчательное оригинальное или переводное произведеніе; за нею на это поприще выступили ея приближенные, высшіе сановники и даже придворныя дамы. Иностранный театръ также процвѣталъ въ Петербургѣ: въ Петербургѣ, на казенномъ содержаніи, кромѣ театра Россійскаго, были: 1) пѣвцы италіанскіе для концертовъ при Дворѣ и для большой оперы, 2) оперы комическая и италіанская, 3) театръ французскій, 4) театръ нѣмецкій, 5) балетъ, 6) оркестръ, какъ для концертовъ при Дворѣ, такъ и для всѣхъ означенныхъ зрѣлищъ достаточный. Въ 1783 и 1790 годахъ труппа французскихъ актеровъ не уступала парижской; классическія трагедіи и такъ называемая высокая комедія (La haute comedie) разыгрывались талантливыми актерами, въ числѣ которыхъ были знаменитые Флоридоръ и Офренъ (Арап., 101). Драмматическая наша литература, на первыхъ порахъ, была и должна была быть переводною и подражательною. Это былъ періодъ, по справедливости называемый *Сумароковскимъ*, гдѣ вслѣдъ за нимъ слагателями классической трагедіи по французскому образцу явились Княжнинъ, Херасковъ, Державинъ, Николевъ, Майковъ. Но главное содержаніе репертуару давали переводы. Появились, кромѣ Мольера, переводы классическихъ трагедій Вольтера, Расина, Кребильона и рядомъ съ этимъ

драмы такъ называемыя мѣщанскія Дидеро и Бомарше. Матеріалъ для перевода доставляла преимущественно французская литература, въ лицѣ теперь забытыхъ, но тогда пользовавшихся извѣстностью авторовъ въ такомъ хронологическомъ порядкѣ: Лафонъ, Сентъ-Фуа, Легранъ, Детушъ, Реньяръ, Сорель, Буасси, Пуансонъ, Коллье, Мариво, Дюфренъ, Шамфоръ и нѣкоторые др. Сравнительно позднѣе появились переводы изъ нѣмецкой литературы — Клейстъ, Кронегкъ, Геллертъ, Лессингъ, Гете; и изъ англійской — Шериданъ, Юмъ, Томсонъ и др.; изъ итальянской — Гольдони и изъ польской. Въ 1773 и 1774 гг. явились даже переводы Теренція „Андріанка" пер. Ал. Хвостова, „Эатонъ Тиморуменосъ, или человѣкъ самъ себя наказывающій", пер. Рихмана, „Евнухъ или скопецъ", пер. Головина, „Адельфы или бремя", въ пер. Флоринскаго и „Екира или свекровь", въ пер. Моисеенкова (см. прим. II). повидимому онѣ не были поставлены на сцену. При этомъ и въ театральномъ искусствѣ вкусъ московской публики оказался своеобразнымъ: тогда какъ на петербургскомъ театрѣ господствовала классическая трагедія, въ Москвѣ преимущественно ставились на сцену и отчасти переводились мѣщанскія драмы, такъ что въ Москвѣ даже не производили такого сочувствія, какъ въ Петербургѣ трагедіи самого Сумарокова. Это взорвало послѣдняго, при пріѣздѣ его въ Москву. Сумароковъ, называвшій мѣщанскія драмы „пакостнымъ родомъ", съ ужасомъ увидѣлъ, что „онѣ вползли уже въ этотъ городъ, не смѣя появиться въ Петербургѣ". Въ своемъ предисловіи къ „Димитрію Самозванцу" Сумароковъ вкусъ къ нимъ москвичей называетъ „скареднымъ вкусомъ, не принадлежащимъ вѣку великія Екатерины". Онъ даже жаловался Вольтеру и получилъ отъ него одобрительное письмо. Послѣ сочувственнаго пріема на театрѣ комедіи Бомарше, Сумароковъ грозно обратился къ Москвѣ: „сіи рукоплесканія переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судьей Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики. Конечно, скоро свѣта представленіе будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели господину Вольтеру и мнѣ? Неужели вкусъ жителей московскихъ сходится со вкусомъ сего подъячаго?" Разница вкусовъ простиралась и на современную журнальную критику. Мы видѣли, какъ сочувственно отнесся Карамзинъ къ переводу „Эмиліи Галотти" Лессинга и съ какою желчью о томъ же Лессингѣ

и о Шекспирѣ отзывался Клушинъ въ журналѣ Крылова. Замѣчательно, что появленіе мѣщанской драмы совпадаетъ у насъ съ появленіемъ сатирическихъ журналовъ (1769 г.): русское общество, здоровое и свѣжее, при первомъ столкновеніи съ образованіемъ, потребовало и пищи здоровой и свѣжей, отвергая рутинное и неестественное. Само собой разумѣется, что вся эта масса переводныхъ и подражательныхъ пьесъ не могла пройти безслѣдно: въ области драматической литературы у насъ впервые зародилось сознаніе о народности.

Первымъ представителемъ этого стремленія былъ Лукинъ, вызванный изъ забвенія А. Н. Пыпинымъ. Лукинъ не имѣлъ таланта и комедіи его забыты, но въ длинныхъ своихъ предувѣдомленіяхъ онъ возставалъ противъ Сумарокова и тогдашнихъ драматурговъ, въ сочиненіяхъ которыхъ дѣйствующія лица не только „не наши поведеніи знаменуютъ", но и носятъ чужія имена. Впрочемъ Лукинъ не шелъ далѣе передѣлки. По его мнѣнію, „всякій не вычищенный, т. е. на правахъ того народа, передъ коимъ онъ представляется, *несклоненный къ драмѣ образецъ*, покажется на театрѣ не что иное, какъ смѣсь иногда русской, иногда французской, иногда обоихъ сихъ народовъ характеры вдругъ на себѣ имѣющій". Комедія русская, по мнѣнію Лукина, должна основываться на русской жизни, какъ у всѣхъ народовъ. Когда въ Петербургѣ появился народный театръ, о которомъ мы говорили, Лукинъ говорилъ о немъ съ большимъ сочувствіемъ, замѣчательнымъ въ то время, когда господствовали псевдоклассическая натянутость и высокомѣрное презрѣніе къ *подлому* народу. Требуя отъ комедіи русскаго содержанія, Лукинъ требовалъ вмѣстѣ и народнаго языка и не считалъ этого языка подлымъ и грубымъ, какъ тогда считали всѣ" (Пыпинъ). Противъ Лукина, за то что онъ не признавалъ тогдашнихъ авторитетовъ и смѣло заявилъ, что „мы на своемъ языкѣ свойственныхъ намъ комедій еще не видали", возстали всѣ сатирическіе журналы того времени и во главѣ ихъ Новиковъ, бывшій поклонникомъ Сумарокова. Но требованіе народности въ драматической литтературѣ не умолкало. Такъ Крыловъ въ своемъ журналѣ „Зритель" говоритъ: „Отъ чего опера „Мельникъ", со всѣми слабостями сочиненія и не наблюдающая Аристотелевыхъ правилъ болѣе 200 полныхъ представленій выдержала и всегда съ удовольствіемъ принимается, а „Нелюдимъ", славная Мольерова комедія, никогда полнаго со-

бранія не имѣла?—Для того что „Мельникъ“ нашъ, а „Нелюдимъ“ чужой. Между переводомъ и сочиненіемъ точно такая же разность, какъ между эстампомъ и картиною, если не болѣе. Многіе старались поправить сей недостатокъ подражаніемъ: оно хотя въ нѣкоторомъ отношеніи и полезно, но не производитъ однакожь истиннаго вкуса, который неотмѣнно существовать долженъ и въ собственномъ русскомъ своемъ видѣ“. Интересно, что уже въ XVIII столѣтіи Крыловъ приводитъ слѣдующія причины, тормозящія у насъ появленіе сколько нибудь выдающихся оригинальныхъ драматическихъ произведеній: „театръ здѣшній столь бѣденъ, что онъ долженъ представлять или переводныя или подобныя сему сочиненія. Правда, мы могли бы видѣть болѣе новостей, но здѣсь *выборъ въ сочиненіяхъ очень строгъ*; я знаю двухъ моихъ знакомыхъ, которыхъ сочиненія года съ три уже въ театрѣ, но нѣтъ надежды, чтобы они и еще три года спустя были представлены, хотя можно побожиться, что они лучше представленныхъ пьесъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Крыловъ дѣлаетъ такія предостереженія: „Берегитесь пуще всего нападать на пороки, для того что комедія, написанная на какой нибудь порокъ, почитается здѣсь личностью“. Въ отвѣтъ на требованіе народности появились: „Бригадиръ“ Фонъ-Визина, время появленія котораго Лонгиновъ относитъ къ 1765 г. (Библ. Зап. I, 752—754), „Недоросль“, представленный 24 сентября 1772 г., опера „Мельникъ“ Аблесимова—29 генваря 1779 г. въ Москвѣ и лучшія комедіи Княжнина „Чудаки“ и „Хвастунъ“; сюда же относится представленная при императорѣ Павлѣ 22 августа 1798 г. комедія „Ябеда“ Капниста. Какъ велико было стремленіе къ народности видно изъ того, что всякое произведеніе, выхваченное изъ русской жизни, сколько-нибудь удачное, сопровождалось необыкновеннымъ успѣхомъ; таковы были сантиментальныя драмы: „Лиза, или торжество благодарности“ Николева (1802 г.) „Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія“ В. М. Федорова (1803 г.), на сюжетъ „Бѣдной Лизы“ Карамзина, затѣмъ комедія Крылова „Модная лавка“ (1805 г.) Но рядомъ съ этимъ громаднымъ успѣхомъ пользовался переводъ Краснопольскаго нелѣпѣйшей нѣмецкой оперы „Русалка“ (Donauweibchen). 23 ноября 1804 года данъ былъ въ первый разъ „Эдипъ въ Аѳинахъ“ Озерова, имѣвшій огромный успѣхъ и положившій начало цѣлому періоду театральной исторіи, который можно назвать Озеровскимъ. Это періодъ классической французской трагедіи, господствовавшей до конца двадца-

тыхъ годовъ; кромѣ вліянія Озерова, вернувшаго снова общество на эту почву, этому много способствовали пріѣздъ въ 1808 году знаменитой французской актрисы Жоржъ, восхищавшей публику въ Петербургѣ и Москвѣ, и два такихъ крупныхъ таланта для трагическихъ ролей, какъ Яковлевъ (деб. 1 іюня 1794 г.) и Семенова. Пристрастіе это поддерживалось сверхъ того передъ 1812 г. сильнымъ возбужденіемъ патріотизма, нашедшаго для себя пищу въ любимыхъ трагедіяхъ того времени, всегда поднимавшихъ бурю въ театрѣ — „Димитріи Донскомъ" (1807 г.) и явившейся вслѣдъ затѣмъ трагедіи „Пожарскій" Крюковскаго. Въ то же время, въ царствованіе императора Павла русскую сцену заполонили восхищавшія въ свое время Германію произведенія Коцебу, которыя кн. Горчаковъ въ своей сатирѣ очень удачно охарактеризовалъ названіемъ „Коцебятины". Карамзинъ въ 1802 г. въ „Вѣстникѣ Европы" жаловался, что теперь въ страшной модѣ Коцебу, „какъ нѣкогда парижскіе книгопродавцы требовали Персидскихъ писемъ отъ всякаго сочинителя, такъ наши книгопродавцы требуютъ отъ переводчиковъ и самихъ авторовъ Коцебу, одного Коцебу! Романъ, сказка, хорошее или дурное—все одно, если на *титулѣ* имя славнаго Коцебу". Само собою разумѣется, что сочувствіе публики къ театральнымъ представленіямъ возрастало постепенно и съ тѣмъ вмѣстѣ очищался ея эстетическій вкусъ: на первыхъ порахъ признаки грубости и необразованности перенесены были и на театръ. Съ самаго начала вкусъ публики и даже поведеніе ея въ театрѣ вызывали рѣзкія осужденія со стороны лицъ болѣе развитыхъ и понимающихъ. Такъ Крыловъ въ своемъ сатирическомъ журналѣ удивляется, для чего въ „Безбожникѣ", въ „Семирѣ" и „Хвастунѣ" бываетъ менѣе людей, чѣмъ въ операхъ, изъ которыхъ иныя столь малозначущи въ литературномъ свѣтѣ, что не стоятъ никакого примѣчанія. Онъ замѣчаетъ, что „появились на театрѣ шуты, называемые иначе *буфами*: чѣмъ неблагопристойнѣе ломаются они и козлогласятъ, тѣмъ болѣе выигрываютъ предъ искусными актерами, а сіе и доказываетъ тонкій вкусъ зрителей". Вообще о русскомъ театрѣ конца XVIII столѣтія Крыловъ выражается такимъ образомъ: „Талія, правда, смѣшитъ народъ и за это собираетъ изрядный доходъ; но желаніе добывать деньги заставляетъ ее доходить до подлости, и она часъ отъ часу отваживаетъ отъ себя честныхъ людей, и вмѣсто того чтобы быть полезнымъ и веселымъ учителемъ нравовъ,

старается своими шутками понравиться пьяному народу. Мельпомена какъ ни жалко плачетъ, но во всю нынѣшнюю зиму (1792 года) она ни на башмаки себѣ не выплакала, и отъ ея трагедій плачутъ одни типографщики". Тотъ же Крыловъ передаетъ, что зрители во время представленія громко разговаривали, франты и тогдашніе петиметры вставали на ноги и обращаясь спиной къ сценѣ лорнировали дамъ, сидѣвшихъ въ ложѣ. Но мало по малу стремленія къ эстетическимъ удовольствіямъ облагородили высшій классъ и сдѣлали его воспріимчивѣе къ потребностямъ, присущимъ людямъ образованнымъ и развитымъ. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, какъ замѣтилъ Галаховъ въ „Исторіи словесности" (т. II, ч. 2, стр. 190—193 изд. 2), „въ публикѣ усиленно распространялся вкусъ къ благороднымъ зрѣлищамъ, отбивающимъ охоту отъ зрѣлищъ неблагородныхъ, отъ грубаго препровожденія времени. Изъ разныхъ слоевъ ея стало выдѣляться большее противъ прежняго количество лицъ, для которыхъ художественный интересъ занялъ мѣсто въ ряду потребностей, необходимыхъ человѣку образованному. Многіе даже люди серьезные и дѣловые предавались театру не какъ забавѣ только, но и какъ важному занятію. Сужденія о піэсахъ, о постановкѣ ихъ на сцену и выполненіи служили предметомъ разговоровъ, какъ во время самого спектакля, такъ и на обѣдахъ или вечернихъ собраніяхъ, литературныхъ и не литературныхъ. Въ числѣ посѣтителей театра явились страстные его любители, такъ называемые „театралы", къ которымъ принадлежали сановники на ряду съ малочиновными, пожилые на ряду съ молодыми". На это есть много указаній современниковъ. Съ 1808 г. по иниціативѣ кн. Шаховскаго, при содѣйствіи Крылова и Гнѣдича, началъ издавать Д. Языковъ „Драматическій Вѣстникъ" (5 частей). „Драматическій Вѣстникъ" выражалъ до извѣстной степени мнѣнія Оленинскаго кружка. Вѣстникъ старался давать читателямъ запасъ свѣдѣній изъ исторіи драматическаго искусства и указывать руководящія начала для болѣе здравой оцѣнки театральныхъ произведеній. Вообще говоря, критика журнала стояла на псевдоклассической точкѣ зрѣнія, но по крайней мѣрѣ не преклонялась слѣпо предъ нашими уже устарѣвшими драматургами прошлаго вѣка. Здѣсь между прочимъ нашли одобреніе комедіи Крылова и „Король Лиръ" въ переводѣ Гнѣдича съ передѣлки Дюси; здѣсь печатались подробные отзывы о пред-

ставленіяхъ г-жи Жоржъ, пріѣхавшей въ Петербургъ; напротивъ того слезливыя драмы Коцебу, столь нравившіяся большинству тогдашней публики, и даже драмы Шиллера подвергались здѣсь осужденію вмѣстѣ съ разными піэсами новаго французскаго репертуара (Л. Майковъ). По словамъ этого журнала русскій театръ сталъ обращать на себя вниманіе людей даже великосвѣтскихъ, пріученныхъ иностранными воспитателями презрительно отзываться о произведеніяхъ русскаго ума; они уже не стыдились признаваться, что плакали въ „Эдипѣ", „Димитріи Донскомъ" и „Пожарскомъ" (Крюковскаго), смѣялись въ „Недорослѣ" и „Модной лавкѣ". Въ Москвѣ М. Н. Макаровъ также въ 1814 г. началъ изданіе „Журнала Драматическаго", продолжавшагося всего одинъ годъ, гдѣ помѣщались піэсы драматическія, театральные разборы, стихотворенія и проч. Журналъ Вельяшева „Талія", издававшійся съ 1810—1812 (5 частей), ограничивался перепечаткою игранныхъ піэсъ. Жихаревъ въ своемъ дневникѣ говоритъ: „Тогдашняя публика нѣмецкаго театра не была похожа на нынѣшнюю. Она состояла большею частью изъ ревностныхъ поклонниковъ искусства. Въ то время нѣмецкій театръ, такъ же какъ и русскій, имѣлъ постоянныхъ своихъ посѣтителей, принимавшихъ горячее участіе въ представленіи" (Дивн. Чин. От. Зап. кн. 10, стр. 371, примѣчаніе). С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" замѣтилъ: „Публика горячо сочувствовала и сочинителямъ и актерамъ, и въ партерѣ театра было такъ же много жизни и движенія, какъ и на сценѣ". Раздѣлявшая общество въ эпоху ближайшую къ двѣнадцатому году борьба между шишковистами и карамзинистами, между старымъ консервативнымъ направленіемъ и молодыми сторонниками европейскаго просвѣщенія, перенесенная въ литературу—перешла и на театральныя подмостки. По словамъ кн. Вяземскаго и тогда уже были *патріотическіе* театралы, почитавшіе почти государственной измѣной болѣе любить хорошее французское представленіе, нежели плохое отечественное. Пріятель и сторонникъ Шишкова кн. Шаховской въ „Липецкихъ водахъ" осмѣивалъ Жуковскаго и романтизмъ, въ комедіи „Новый Стернъ"—Карамзина. Кромѣ того театръ, существуя въ качествѣ придворнаго, долженъ былъ безусловно сообразоваться со вкусомъ двора. Въ петербургскомъ театрѣ даже свободное выраженіе мнѣнія публики не могло имѣть мѣста. Въ „Русскомъ Архивѣ (1873, № 11, стр. 12296) на-

печатано такое распоряженіе изъ временъ императора Александра I относительно театральной дисциплины: „Его Императорское Величество съ крайнимъ негодованіемъ усмотрѣть изволилъ во время послѣдняго, въ Гатчинѣ бывшаго, театральнаго представленія, что нѣкоторые изъ бывшихъ зрителей, вопреки прежде уже отданныхъ приказаній по сему предмету, принимали вольность плескать руками, когда Его Величеству одобренія своего проявлять было неугодно, и, напротивъ того, воздерживались отъ плесканія, когда Его Величество своимъ примѣромъ показывалъ желаніе одобрить игру актеровъ". Это поведеніе публики наказано было отказомъ двору и гатчинскому гарнизону входа въ театръ и церковь, кромѣ малаго числа имѣющихъ входъ на вечернія собранія и удаленіемъ государя отъ своего присутствія въ собраніяхъ, въ знакъ справедливаго своего негодованія. Распоряженіе это не ограничивалось однимъ гатчинскимъ театромъ, потому что по этому поводу повелѣно было сдѣлать приглашеніе всему городу, для предосторожности жителей столицы. Такое полицейское вмѣшательство въ сужденіе о театральномъ дѣлѣ не ограничивалось придворными театрами. Въ сравнительно позднѣйшую эпоху (1825—1831 года, когда въ Москвѣ былъ оберъ-полицiймейстеръ Шульгинъ 2-й), кн. Вяземскій сообщаетъ такой разсказъ: „Русская барыня Карцева содержала нѣкоторое время въ Москвѣ труппу французскихъ актеровъ. Лучшее московское общество посѣщало ея театръ. По какимъ-то закулиснымъ или внѣ-кулиснымъ обстоятельствамъ содержательница не взлюбила молодой актрисы, которая была любимицею публики. Однажды въ ея роли явилась другая актриса. Публика встрѣтила ея дружнымъ шиканьемъ; не давали ей пикнуть. Вслѣдъ затѣмъ стали требовать прежней актрисы. Шумъ и разныя наступательныя заявленія поминутно разростались. Публика начала вызывать къ отвѣту директрису театра. Завелась гласная и крупная полемика между креслами и сценою. Пересылались съ одной стороны къ другой колкости и разные поджигательные вызовы. Полиція была въ недоумѣніи и не знала на что рѣшиться, тѣмъ болѣе, что спектакль не принадлежалъ императорской дирекціи, а совершенно частной. Казусъ выходилъ неслыханный въ лѣтописяхъ полиціи и театра. Разумѣется, донесли о немъ въ Петербургъ и, вѣроятно, съ нѣкоторыми преувеличеніями и выдумками. Изъ Петербурга не замедлило приказаніе арестовать зачинщиковъ театральнаго скандала и разса-

дить—военныхъ или военно-отставныхъ по гауптвахтамъ, а статскихъ по съѣзжимъ домамъ. Въ числѣ временныхъ жильцовъ съѣзжей былъ и богатый гр. Потемкинъ. Въ восьмой день заточенія пріѣхалъ оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ 2-й и объявилъ узникамъ, что они свободны". (Соч. т. VIII, стр. 224 и 5).

Вообще дворянское общество въ той или другой формѣ стремилось къ эстетическимъ удовольствіямъ, и, нисколько не защищая мрачныхъ сторонъ этого стремленія, сообщенныхъ ему духомъ времени и современнымъ строемъ общества, нельзя за этимъ стремленіемъ не признать культурнаго значенія. Стремленіе это обнаружилось сейчасъ же, какъ скоро, при Аннѣ Іоанновнѣ, появилась итальянская опера и при ней придворный оркестръ, составленный изъ иностранныхъ артистовъ, въ числѣ которыхъ были многія знаменитости. Страсть къ музыкѣ распространилась въ такой степени, что при неурядицѣ, слѣдовавшей за кончиною Анны Іоанновны, когда придворные театры закрылись до воцаренія Елизаветы, иностранные виртуозы остались и выручали частными уроками больше придворнаго своего жалованья. По извѣстію Штелина, домъ барона Строганова въ Москвѣ былъ весь музыкальный и изъ трехъ братьевъ старшій, Александръ, былъ отличный солистъ на віолончели. Молодая княжна Кантеміръ, вышедшая въ 1750 г. замужъ за кн. Дм. М. Голицына и умершая въ 1761 г. въ Парижѣ, гдѣ мужъ ея былъ посланникомъ, не только играла труднѣйшіе концерты на фортепіано, но исполняла всѣ самыя высокія итальянскія аріи, сочиненныя капельмейстеромъ Арайя для знаменитаго кастрата Морини и часто изъ соревнованія пѣла дуэты съ послѣднимъ. Кн. П. И. Рѣпнинъ, старшій сынъ извѣстнаго фельдмаршала, былъ замѣчательный артистъ на флейтѣ. При Екатеринѣ, въ 1764 году у польскаго посла, гр. Огинскаго, замѣчательнаго игрока на кларнетѣ, собиралась тогдашняя знать на музыкальные вечера. Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ въ Москвѣ, у Всеволожскаго, еженедѣльно разыгрывались квартеты, въ которыхъ участвовали всѣ лучшіе музыканты, тамъ находившіеся на-лицо (Роде, Бильо, Ламаль и др.): на нихъ съѣзжалась вся Московская знать; у него былъ прекрасный оркестръ подъ управленіемъ Маурера. Воейковъ упоминаетъ, что въ Москвѣ собиралось общество у К. Е., А. В., гдѣ „читали образцовыя творенія и переводы отечественныхъ нашихъ писателей, разбирали ихъ критически, переводы свѣ-

ряли съ подлинниками". Въ 4 № „Вѣстника Европы", за 1810 г., напечатана рѣчь въ этомъ обществѣ Воейкова: „О вліяніи женщинъ на изящныя искусства, а изящныхъ искусствъ на благоденстіе общества". По всей вѣроятности, это была княгиня Е. А. Волконская, письма къ которой Воейкова напечатаны въ 1-мъ томѣ библіографическихъ записокъ (259—272). Благородные спектакли были любимымъ занятіемъ не только въ высшемъ кругу въ Москвѣ и подмосковныхъ, но и въ провинціи. Первое извѣстіе о благородномъ спектаклѣ встрѣчается въ „Хроникѣ Носова", въ царствованіе императрицы Елисаветы (подъ 1751 годомъ): на театрѣ въ домѣ графа Ягужинскаго благороднымъ обществомъ дана была комедія „Не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ", въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Луки Яковл. Яблонскаго, съ національными русскими пѣснями и плясками. Тутъ же приложена и афиша (77). Въ 1765 году происходилъ благородный спектакль у гр. Шереметьева, о которомъ извѣстіе помѣщено въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 11 февраля того года. Въ Москвѣ подобные спектакли давались постоянно сперва у Хераскова, кн. Трубецкихъ, а въ первой четверти XIX вѣка у Кокошкина, кн. Щербатова, Столыпина, Мясоѣдова, кн. Б. Шаховскаго, кн. Волконскаго, Салтыкова, кн. И. М. Долгорукаго, кн. Ю. В. Долгорукаго, Ст. Ст. Апраксина, И. Я. Блудова, Зиновьева, у И. П. Архарова въ Иславскомъ, у гр. П. Б. Шереметьева въ Останкинѣ и т. д. Позднѣйшіе оставшіеся и послѣ 1812 года домашніе театры были у Ст. Ст. Апраксина, Дурнова и Позднякова. С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" разсказываетъ знаменитый благородный спектакль у Кокошкина въ 1821 г., гдѣ принимали участіе извѣстные актеры-любители, соперники между собою, оба переводчики Мольера— Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и А. М. Пушкинъ: это была дуэль на смерть между двумя признанными талантами, въ небольшой комедіи Мольера, „Два Криспина" (Разн. соч., стр. 70). Страсть къ благородному спектаклю была до такой степени распространена, что она была выведена на сцену въ двухъ комедіяхъ: кн. Шаховскаго—„Полубарскія затѣи или домашній театръ" (1808 г.) и въ лучшей комедіи Загоскина, удержавшейся до сихъ поръ,—„Благородный театръ" (1828 г.). Не только игра на сценѣ, но и искусство читать драматическую піэсу, декламировать изъ нея монологи и цѣлыя сцены уважалось высоко; благодаря ему предъ новичками въ лите-

ратурѣ отворялись двери опытныхъ литераторовъ. Извѣстными чтецами въ ту эпоху были: въ Москвѣ—Кокошкинъ, С. Т. Аксаковъ, въ Петербургѣ—Гнѣдичъ, Жихаревъ, Араповъ и др. Измѣнился въ послѣднее время и взглядъ общества на самихъ актеровъ. Мы уже отчасти говорили о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ находились крѣпостные актеры. Немногимъ лучше было съ самаго начала и положеніе вольныхъ „комедіантовъ". Крыловъ званіе комедіанта называетъ „подлымъ", хотя и признаетъ, что во всякомъ званіи могутъ быть люди, заслуживающіе уваженія ([63]). Такіе люди дѣйствительно и появлялись на русской сценѣ, подымая свое званіе и заставляя образованную часть публики относиться сочувственно къ представителямъ драматическаго искусства. На первыхъ же порахъ мы видимъ въ Петербургѣ Дмитревскаго, а въ Москвѣ Плавильщикова. Дмитревскій, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени, сдѣлавшій на счетъ правительства не одну артистическую поѣздку по Европѣ, занимался самъ сочиненіями и переводами съ англійскаго, французскаго, итальянскаго театральныхъ піэсъ и исправлялъ чужія; онъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ россійской академіи и короткимъ пріятелемъ Державина, котораго онъ руководилъ своими совѣтами въ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для сцены. Актеръ Плавильщиковъ, воспитанникъ Московскаго университета, былъ членомъ Московскаго общества любителей россійской словесности, въ 1816 г. издалъ 4 части своихъ сочиненій, гдѣ помѣщено нѣсколько театральныхъ піэсъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Женой Дмитревскаго была Агриппина Михайловна Мусина-Пушкина; она была явленіемъ для того времени замѣчательнымъ. Мы уже видѣли, что Пушкина, изъ любви къ сценическому искусству, была одною изъ первыхъ русскихъ женщинъ, отважившихся выйти публично на театральныя подмостки, и сдѣлалась любимой актрисой двухъ императрицъ и публики. Въ хроникѣ приведенъ разсказъ самого Дмитревскаго, какъ императрица Екатерина выдала на свадьбу Дмитревскихъ изъ придворной конторы годовой окладъ жалованья, сверхъ того велѣла выбрать піэсы и назначить день представленія на театрѣ лѣтняго дворца въ пользу Дмитревскихъ. Это былъ *первый бенефисъ* на сценѣ русскаго театра: давали „Эдмонъ и Берфу", шутливую мелодраму Метастазіо, въ переводѣ актера Ф. Гр. Волкова и аллегорическій балетъ „Аполлонъ и Дафна" (стр. 133). У кн. М. А.

Долгорукова обычными гостями были Плавильщиковъ и Зловъ, иногда и другіе актеры—Померанцевъ, Украсовъ, Сандуновъ. Жихаревъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ (1, 35), что разъ за обѣдомъ кн. Долгорукій приказалъ поставить особую бутылку вина Злову, примолвивъ: „Никому, братецъ, своей порціи не давай“. На вечерахъ кн. Шаховскаго, на ряду съ военнымъ г.-губернаторомъ Милорадовичемъ и другими знатными лицами, являлись и актеры Петербургскаго театра. Самъ М. С. Щепкинъ, обворожившій своей игрой на устроившемся въ Полтавѣ постоянномъ театрѣ, былъ выкупленъ, по иниціативѣ тогдашняго начальника края кн. Н. Г. Рѣпнина, добровольною складчиною Полтавскаго дворянства, собравшаго для этой цѣли крупную для того времени цифру 7.207 р. Такимъ образомъ умственная жизнь еще до 1812 года проявлялась въ Москвѣ сильнѣе, нежели въ Петербургѣ. Батюшковъ, пріѣхавши въ первый разъ въ Москву изъ Петербурга, былъ пораженъ замѣченною имъ разницею въ обществѣ и нашелъ, что „Москва идетъ сама собою къ образованію, ибо на нее почти никакія обстоятельства вліянія не имѣютъ“. „Значитъ—объясняетъ Майковъ—въ пестромъ составѣ Московскаго общества Батюшковъ подмѣтилъ дѣйствительный процессъ умственнаго развитія, совершающійся безъ толчковъ извнѣ, естественною силою вещей“. Кн. П. А. Вяземскій въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ о допожарной Москвѣ говоритъ: „Въ то время были еще Европѣ памятны свѣжія преданія о событіяхъ, возмутившихъ и обагрившихъ кровью почву Франціи, въ борьбѣ съ старыми порядками и въ напряженныхъ, восторженныхъ усиліяхъ установить порядки новые. Въ самой Франціи умы успокоились и остыли. Эта реакція вызвала потребность и жажду мирныхъ и обще-житейскихъ удовольствій. Эта реакція, хотя до насъ, собственно, и не касавшаяся, потому что у насъ не было перелома, неминуемо однакоже должна была отозваться и въ Россіи. Праздная Москва обратилась къ этимъ удовольствіямъ, и общественная жизнь сдѣлалась потребностью и цѣлью ея исканій и усилій. Было въ этомъ много поверхностнаго, много, можетъ быть, легкомысленнаго,—не спорю; но по крайней мѣрѣ *внѣшняя и блестящая сторона умственной жизни, именно допожарной Москвы, была во всей силѣ своей и процвѣтаніи*“. Гречъ въ своихъ запискахъ пишетъ: „Въ то время Москва въ литературномъ отношеніи стояла гораздо выше Петербурга: тамъ

было средоточіе ученыхъ и русской литературы. Въ Москвѣ писали и печатали книги гораздо правильнѣе, если можно сказать, гораздо *народнѣе*, нежели въ Петербургѣ. Москва была театромъ, Петербургъ—залою театра. Тамъ дѣйствовали, у насъ судили и имѣли на то право, потому что платили за входъ; въ Петербургѣ расходилось Московскихъ книгъ гораздо болѣе, нежели въ Москвѣ. И въ этомъ отношеніи Петербургская литература походила на зрителей театра, что выражала свое мнѣніе рукоплесканіемъ и свистомъ, но *сама не производила*" (Зап., стр. 204). Центромъ этого культурнаго движенія былъ университетъ и связанный съ нимъ благородный пансіонъ. Большинство выдающихся дѣятелей на поприщѣ литературы, науки и государственной службы были питомцами университета и тѣсно связаннаго съ нимъ пансіона; оттуда выходила и отчасти возлѣ него сплачивалась масса тѣхъ чернорабочихъ силъ въ дѣлѣ образованія, которыхъ имена теряются въ потомствѣ, но которыхъ труды, какъ вообще труды большинства, для современной исторіи имѣютъ значеніе разносящихъ пищу артерій съ ихъ мельчайшими и теряющимися развѣтвленіями, чѣмъ именно и совершается обмѣнъ веществъ въ организмѣ. Цѣлымъ, непрерывнымъ рядомъ періодическихъ изданій, собраніями связанныхъ съ университетомъ обществъ, публичными чтеніями профессоровъ университетъ поддерживалъ связь свою съ публикою и давалъ тонъ общественной жизни, которая въ Москвѣ, удаленной отъ правительственнаго центра, принимала ближе къ сердцу интересы науки и литературы. Въ университетѣ уже въ то время зародился кружокъ, посвятившій свою дѣятельность философской мысли, и хотя стремленія его еще мало выяснились и еще менѣе проникли въ общество, но уже явился запросъ на философскую литературу, конечно весьма ограниченный и поверхностный, но тѣмъ не менѣе знаменательный, какъ сѣмя, брошенное для будущаго. Даже театръ въ Москвѣ, частный и лишенный того оффиціальнаго значенія, какъ въ Петербургѣ, въ своей сферѣ развивалъ эстетическій вкусъ публики и отличался болѣе серьезнымъ выборомъ піэсъ.

Двѣнадцатый годъ совершилъ великій переворотъ въ судьбахъ Россіи: начиная съ него не только сама Россія, но и Европа сознала, что мы представляемъ собою культурную силу. По вступленіи русскихъ войскъ въ Пруссію въ 1813 году, король прусскій, призывая своихъ подданныхъ къ войнѣ за независимость, въ „воз-

званіи къ прусакамъ“ указывалъ на русскій народъ, какъ на великій образецъ, достойный подражанія. Онъ говорилъ въ современномъ переводѣ: „Каждый поселянинъ являлся героемъ, каждый гражданинъ представлялся воиномъ; *побѣды или смерти, свободы или погибели*—вотъ чего желали сіи гордыя души. Высокій примѣръ передъ очами вашими; вы видѣли, что̀ можетъ народъ, боящійся Бога, почитающій отчизну свою и свободу превыше всѣхъ благъ на свѣтѣ“. Возбужденіе патріотизма и народное значеніе 12 года совершенно вѣрно выражено въ статьѣ В. Е. Якушкина „М. И. Муравьевъ-Апостолъ“ (Р. Стар. 1886, кн. 7, стр. 158 и слѣд.): „Во всякомъ дѣлѣ важно первое начало; двѣнадцатый годъ положилъ начало послѣдующимъ важнымъ общественнымъ явленіямъ. Сильное возбужденіе патріотизма вызвало и общее усиленіе общественныхъ интересовъ и общественныхъ стремленій. Люди были выбиты изъ своей узкой колеи, оторваны отъ своихъ мелкихъ личныхъ интересовъ, какъ бы освобождены отъ прежней своей придавленности, сразу поставлены въ среду широкаго и важнаго общественнаго, государственнаго, народнаго дѣла, и они были тогда въ этомъ дѣлѣ не слѣпыми орудіями, не пѣшками, а сознательными и одушевленными работниками. Сильное патріотическое одушевленіе охватило тогда нашихъ предковъ. Муравьевъ разсказывалъ, что еще до торжественнаго заявленія Александра I—„не класть оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ“ молодые гвардейскіе офицеры уже дали такую же клятву: знаменитый рескриптъ не внесъ ничего новаго въ господствующее одушевленіе, онъ только царскимъ словомъ освѣтилъ общее направленіе. Разъ любовь къ родинѣ была обнаружена, она, конечно, не могла уничтожиться и по минованіи военныхъ обстоятельствъ, она должна была лишь видоизмѣниться, должна была обратиться отъ внѣшнихъ враговъ къ внутреннимъ бѣдствіямъ, ясно сознаннымъ во время самой войны. Любовь къ родинѣ, любовь къ народу, сближеніе съ нимъ не могли пройти безслѣдно. 1812 годъ былъ дѣломъ народнымъ и на этомъ дѣлѣ, въ дружной работѣ, встрѣтились и такъ называемое общество, и простой народъ“. Любопытны слова одного солдата, передаваемыя современникомъ: „Ну, слава Богу, *вся Россія въ походъ пошла!*“ Дѣйствительно, походъ 12 года былъ походъ *всей Россіи*. Народъ единодушнымъ возстаніемъ, сильнымъ порывомъ въ 1812 году спасъ родину, спасъ рус-

свое государство отъ гибели, отъ политическаго порабощенія; и вотъ послѣ этой торжественной побѣды значительной части народа приходилось вернуться въ прежнее крѣпостное рабство. Одного уже этого было достаточно, чтобы создать общественное движеніе. Это народное движеніе должно было всего ярче отразиться непосредственно на самихъ участникахъ великихъ событій. Впереди всего стояло дворянство, которое тогда почти безъ исключенія стояло въ рядахъ армій. Чтобы понять значеніе долговременнаго пребыванія нашихъ войскъ за границей, стоитъ припомнить, что и теперь путешествіе за границу русскаго человѣка, не лишеннаго наблюдательности и стремящагося къ образованію, совершенно его перевоспитываетъ. Это не то, что мертвое знакомство съ европейскою культурой посредствомъ чтенія и образованія; за границей эта культура со всѣмъ могуществомъ ея традицій и созданнаго ею строя политической и повседневной жизни охватываетъ со всѣхъ сторонъ и воочію человѣкъ вбираетъ ее въ себя всѣмъ существомъ, пріучается дышать ею и постигаетъ рядомъ съ неизбѣжными и преходящими противорѣчіями и недостатками всю непреложность добытыхъ ею результатовъ. Для мыслящаго человѣка, послѣ путешествія въ Европу, невозможно дойти до презрѣнія къ наукѣ и цивилизаціи, невозможно мириться съ грубостью, невѣжествомъ и царствомъ произвола и угнетенія. Такое впечатлѣніе должна была произвести Европа въ эпоху 1813—1815 годовъ на русское образованное меньшинство. Можно выразиться, что тогда заграничное и притомъ продолжительное путешествіе и при благопріятныхъ обстоятельствахъ совершили не отдѣльныя единицы, а все образованное общество тогдашней Россіи. Особенно сильно это отразилось на гвардіи. Командиръ гвардейскаго корпуса Васильчиковъ, отвѣчая начальнику главнаго штаба Волконскому на запросъ о причинахъ перемѣны настроенія въ офицерахъ, заявилъ: „причину надо искать въ различіи времени; не многіе изъ насъ читали тогда газеты, никто не говорилъ о политикѣ, служили утромъ и веселись вечеромъ“. Въ запискахъ Греча есть характеристическій разсказъ, ярко обрисовывающій тогдашнее настроеніе всего гвардейскаго корпуса. Въ 1816 г. масонская ложа давала обѣдъ гвардейскимъ фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ. „Люди эти вели себя честно, благородно, съ чувствомъ своего достоинства; у многихъ были часы и серебряныя табакерки, нѣкото-

рые вмѣшивали въ свою рѣчь французскія фразы". Къ этому непосредственному вліянію заграничнаго пребыванія присоединились послѣдующія внѣшнія событія въ Россіи и за границею. На нашемъ рубежѣ въ Германіи происходило въ обществѣ сильное политическое движеніе. „Самые умѣренные люди, говоритъ Гервинусъ, ожидали, какъ дѣла неизбѣжнаго, какъ самаго малаго и естественнаго того явленія, что великій переворотъ, совершившійся въ Германіи, создаетъ законъ и энергичесви устроитъ государственную жизнь, которая разовьется съ большимъ единствомъ, большей свободой, нежели прежняя; ожидали вслѣдъ за внѣшнимъ и внутренняго освобожденія нѣмецкаго народа. Вѣдь за внутреннюю, а не за одну только внѣшнюю свободу поднялся на войну народъ, и внутренняя, а не одна внѣшняя обѣщалась въ воззваніяхъ государей, въ рѣчахъ оффиціально назначенныхъ ораторовъ свободы, сопровождавшихъ главныя квартиры освобождающихъ армій, въ объявленіяхъ ганноверскихъ и австрійскихъ министровъ на вѣнскомъ конгрессѣ, даже и на франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ; вѣдь во всѣхъ этихъ обѣщаніяхъ прямо говорилось, что цѣль войны и плодъ пролитой крови—основать нѣмецкую свободу внутреннимъ и политическимъ устройствомъ, поставить законный порядокъ на мѣсто произвола". (Ист. XIX стол., пер. Антоновича, II, 30). Здѣсь, въ Германіи, стремленіе къ конституціи сдѣлалось общимъ знаменемъ для всѣхъ друзей свободы и образованія. Императоръ Александръ въ 1814 году потребовалъ отъ бурбоновъ конституцію для Франціи, а въ 1818 году, по собственному побужденію, даровалъ конституцію Царству Польскому и этимъ возбудилъ надежды въ русскомъ обществѣ, уповавшемъ, что его пожертвованія и участіе въ освобожденіи отечества и всей Европы получатъ, въ той или другой формѣ, награду изъ рукъ своего вѣнценоснаго вождя, котораго милосердіе, справедливость и гуманное чувство прославлялись народами иноземными. Рѣчь Императора Александра, при открытіи польскаго сейма (15 марта 1818 г.), произвела глубое впечатлѣніе въ обществѣ. Разбирая ее въ „Сынѣ Отечества" (1818 г. № 18), профессоръ Куницынъ разъясняетъ „доброту представительнаго правленія" выпиской изъ этой рѣчи, гдѣ выражено, что „законно-свободныя постановленія", коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, *не суть мечта опасная*. Въ

тонѣ Высочайшей рѣчи нѣсколько позже попечитель петербургскаго округа, гр. С. С. Уваровъ, въ торжественномъ собраніи главнаго педагогическаго института выразился прямо, что „мы, по примѣру Европы, начинаемъ помышлять о свободныхъ понятіяхъ". Послѣдствія не замедлили обнаружиться: въ нашемъ образованномъ меньшинствѣ послѣ 1812 года сейчасъ начались движенія нѣсколько иного свойства, нежели въ предшествовавшую эпоху. Мы видѣли, что въ предыдущую эпоху Новиковъ, который такъ зрѣло и радикально относился ко всѣмъ вопросамъ внутренней общественной жизни, не установился еще въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Политическое сознаніе до нѣкоторой степени пробудило само правительство, въ началѣ царствованія Императора Александра I, отчасти своими либеральными реформами, отчасти приглашеніемъ самого общества принять участіе въ дѣятельности правительства. Отвѣтомъ на это былъ Карамзинскій оптимизмъ, въ ту минуту совершенно понятный и законный. Но послѣ Наполеоновскихъ войнъ толчокъ, сообщенный внѣшними событіями, отразился возбужденіемъ самодѣятельности и въ области мысли, и въ общественной жизни, которая пріобрѣла политическій оттѣнокъ, до тѣхъ поръ для нея совершенно чуждый. „Кто изъ тогдашнихъ молодыхъ людей былъ на сторонѣ реакціи, говоритъ Гречъ въ своихъ „запискахъ" (стр. 446), всѣ тянули пѣсню конституціонную". Гречъ, который, конечно, не былъ революціонеромъ и который почему-то питалъ явное недоброжелательство къ эпохѣ царствованія Императора Александра и къ либеральнымъ людямъ того времени (даже къ Тургеневымъ), признаетъ, что молодые, пламенные, благородные люди возъимѣли ревностное желаніе доставить торжество либеральнымъ идеямъ, подъ которыми разумѣли владычество, водвореніе правды, безкорыстности и честности въ судахъ и въ управленіи, искорененіе вѣковыхъ злоупотребленій, подтачивающихъ дерево русскаго величія и благоденствія народнаго. Составилось общество, основанное на самыхъ чистыхъ и благородныхъ началахъ, имѣвшее цѣлію: распространеніе просвѣщенія, поддержаніе правосудія и поощреніе промышленности и усиленіе народнаго богатства (стр. 359—360). Послѣдствіемъ такого пробужденія было послѣдующее наше развитіе, гдѣ, несмотря ни на гнетъ цензуры, ни на дѣйствія реакціи, вырывавшей одну жертву за другой, начался свой Sturm und Drang-Periode, гдѣ литература отъ переводной

и подражательной начинаетъ мало-помалу вырабатывать свое, національное направленіе. Прежде всего намъ слѣдуетъ ознакомиться, какое направленіе получило непосредственно это возбужденіе самодѣятельности мысли и жизни въ русскомъ обществѣ подъ ближайшимъ вліяніемъ совершившихся событій. Распространеніе культурныхъ идей французской революціи путемъ Наполеоновскихъ войнъ совершилось въ давно небывалыхъ, грандіозныхъ размѣрахъ. Событія быстро смѣнялись, личности возвышались и падали, разсчеты не удавались, предчувствія обманывались; все какъ будто подсказывало присутствіе высшей, таинственной силы, которая властвуетъ надъ людьми и управляетъ событіями. И это въ ту минуту, когда мысль человѣческая вставала на ноги и, съ гордостью сознавъ свое всемогущество, перенесла его именно на вопросы жизни, гдѣ, казалось, все отъ нея зависѣло и все ею устраивалось,—безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Это противорѣчіе между ускоренно-совершавшеюся и непонятною для современниковъ дѣйствительностью и между мыслью, оторвавшеюся отъ старыхъ основъ, но еще не успѣвшею выработать новыя,— было причиною распространенія мистицизма вслѣдъ за замиреніемъ особенно въ Германіи и въ Россіи. Оно обусловливалось тѣмъ политическимъ положеніемъ, въ которое поставлены были обѣ стороны вслѣдъ за окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ. Германія, оскорбленная и приниженная, ухватилась за мистицизмъ, какъ за неизбѣжный исходъ, какъ за всегда являющійся отвлекающій паллiативъ въ тревожныя времена переходныхъ эпохъ. Къ этому присоединилась на западѣ еще другая причина: „потрясающіе перевороты, какіе испытала Европа, возбудили реакцію прежнему повальному либерализму и невѣрію. Болѣе всѣхъ проигрывавшіе среди религіозныхъ движеній высшіе классы и правительство ухватились за религію, какъ за самый консервативный элементъ жизни, какъ за единственный якорь спасенія отъ утомившихъ всѣхъ качки и бурныхъ тревогъ недавняго прошлаго, и для того, чтобы крѣпче соединиться между собою, стали вырабатывать для себя какую-то общую религію, въ которой могли бы одинаково сойтись между собой и католики, и протестанты, и философы, и масоны, какое-то отвлеченное христіанство, безъ церкви и догматовъ, уповавшее на одно внутреннее озареніе каждаго отъ самого Св. Духа". Вся Европа кишмя закипѣла мистиками, находившими самый радушный пріемъ

у всѣхъ правительствъ, въ высшемъ обществѣ (Знаменскій, Чтенія Истор. Р. Ц., стр. 27). Россія наоборотъ оказалась на такой высотѣ торжества и славы, которая никогда до тѣхъ поръ не грезилась самому пламенному увлеченію патріотизма; подъ обаяніемъ событій общество невольно приходило къ смиренному сознанію о благодѣтельной помощи свыше. Это мистическое настроеніе всего сильнѣе отразилось на самомъ Императорѣ Александрѣ. Евангелическій прусскій епископъ Эйлертъ приводитъ слѣдующія слова, слышанныя имъ самимъ отъ Императора: „Вслѣдствіе воспитанія, общаго въ то время въ высшихъ кругахъ европейскаго общества, онъ чувствовалъ *душевную пустоту*, но Московскій пожаръ озарилъ его душу и судъ Божій, совершившійся на поляхъ битвы, наполнилъ сердце невѣдомою дотолѣ теплотою вѣры; съ тѣхъ поръ онъ сталъ другимъ человѣкомъ; спасенію Европы отъ гибели онъ обязанъ своимъ собственнымъ спасеніемъ". Ближайшій союзникъ Императора Александра, прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ также однимъ изъ представителей тогдашней религіозно-мистической сантиментальности, и священный союзъ въ его христіанско-мистическомъ значеніи былъ дѣломъ ихъ обоихъ. Вслѣдъ за Императоромъ Александромъ общество его приближенныхъ и вообще высшее чиновничество въ Петербургѣ, немногіе по личному настроенію, большинство изъ корыстныхъ видовъ, видя въ мистицизмѣ вѣрное для того времени средство къ возвышенію, возобновили несравненно въ болѣе широкихъ размѣрахъ Новиковскую эпоху въ самой правительственной сферѣ. А какъ у насъ вообще чиновничество даетъ тонъ общественной жизни, то первое проявленіе общественныхъ движеній получило мистическій оттѣнокъ.

Вліяніе мистицизма выразилось прежде всего въ возстановленіи стараго масонства. Масонскія ложи возстановились съ самаго начала царствованія Императора Александра. Въ запискѣ „О крамолахъ враговъ Россіи" говорится, что до 1822 года ложи французскія, нѣмецкія и русскія разныхъ системъ росли какъ грибы. Въ 1815 году ложи эти соединились около двухъ главныхъ Директорской и Астреи, возстановленной 20 августа того года и развѣтвленной по цѣлой Россіи. Главный центръ масонства въ эту эпоху былъ въ Петербургѣ, Москва же мало въ немъ принимала участія. Естественно, что образованные люди тогдашняго времени, сознавая потребность объединенія, обратились прежде всего къ

старой, привычной формѣ тѣмъ болѣе, что она была въ то время разрѣшена правительствомъ и не внушала никакихъ опасеній. Но значеніе масонства подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ перемѣнилось, и подъ его наружною оболочкою скрывалось политическое броженіе. Гречъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что масонская ложа давала обѣдъ гвардейскимъ фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ; масонская ложа открыла Ланкастерскую школу, въ которой „дѣло, по выраженію Греча, шло очень хорошо". Лица, вступившія впослѣдствіи въ заговоръ декабристовъ, были членами масонскихъ ложъ. Въ 1820 году ложи съ чисто политическимъ оттѣнкомъ, соединенныя съ тайными обществами, стали появляться особенно часто, вслѣдствіе чего въ 1822 году послѣдовалъ общій указъ о запрещеніи всякихъ тайныхъ обществъ и о закрытіи всѣхъ масонскихъ ложъ. Интересно, что однимъ изъ главныхъ виновниковъ этого закрытія былъ сенаторъ Кушелевъ, избранный великимъ мастеромъ „Астреи" въ 1820 г. и подавшій Императору записку въ іюнѣ 1821 г. (во время Лайбахскаго конгресса), гдѣ онъ указывалъ на политическій оттѣнокъ тогдашняго масонства. (См. Пыпина „Обществ. движ. при Александрѣ" изд. 2, стр. 428 и слѣд.).

Содержаніе тогдашнихъ политическихъ идеаловъ масонства намъ неизвѣстно, но въ томъ или другомъ видѣ они существовали. Этимъ масонство Александровской эпохи отличается отъ Екатерининскаго. Въ царствованіе Екатерины политическій оттѣнокъ извнѣ насильственно навязанъ былъ Мартинистамъ. Въ обвиненіи ихъ особое значеніе получили два факта: во первыхъ, сношеніе ихъ съ Вел. Кн. Павломъ Петровичемъ, которому гр. Панинъ передалъ экземпляръ конституціи, чему придала значеніе особая подозрительность Екатерины къ своему наслѣднику; во вторыхъ, найденныя бумаги о сношеніяхъ московскихъ Мартинистовъ съ прусскими въ то время, когда отношенія къ Пруссіи, во время войны съ Турціей и Швеціей, были натянуты и даже грозили разрывомъ. На эти обстоятельства указываетъ собственноручная записка Екатерины, послужившая матеріаломъ для составленія вопросныхъ пунктовъ Шешковскому. Наконецъ кн. Прозоровскій, въ донесеніи своемъ о мартинистахъ, поставилъ впереди политическую ихъ тенденцію, вовсе стушевавъ мистику и придавъ особенный характеръ благотворительной и образовательной дѣятельности масоновъ и ихъ сношеніямъ внутри и за границею. (Иконниковъ: „Н. И. Новиковъ", стр. 24 и 25). Но сами Екатери-

нинскіе масоны были далеки отъ приписываемыхъ имъ политическихъ замысловъ. По крайней мѣрѣ ни у самого Новикова, ни у всѣхъ людей его кружка нѣтъ на это ни малѣйшаго намека, а напротивъ они основнымъ своимъ убѣжденіемъ принимали полное примиреніе съ существующимъ порядкомъ вещей. Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и видныхъ Мартинистовъ, И. В. Лопухинъ, прямо и совершенно искренно предписываетъ въ своемъ масонскомъ катехизисѣ—„чтить правительство и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не только доброму и кроткому, но и строптивому". „Нашего общества, говоритъ онъ, предметъ была добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи въ совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша,—что Христосъ начало и конецъ такого блаженства. Тайныя же политическія общества, по мнѣнію Лопухина, основаны на томъ, чтобы отвергать Христа, а обществъ оныхъ предметъ: заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству". Изданная Лопухинымъ въ разгаръ революціи книга, о которой мы уже упоминали—„Изліяніе сердца, чтущаго благость единоначалія", хотя она написана и послѣ опалы, обнаруживаетъ въ немъ совершенно искренняго сторонника самодержавія. Но зато Александровское масонство лишено было того филантропическаго, гуманнаго направленія, которое выразилось такою широкою благотворительною и просвѣтительною дѣятельностью въ обществѣ Новикова и Мартинистовъ, дѣятельностью, которая невольно примиряла съ ихъ религіозно-философскими заблужденіями. Правда, масоны и мистики позднѣйшей эпохи участвовали въ пожертвованіяхъ патріотическому обществу для помощи разореннымъ войною 1812 г., Императорскому человѣколюбивому обществу, женскому благотворительному, попечительству о тюрьмахъ и пр., но все это были пожертвованія оффиціальныя, скорѣе вызываемыя служебно-общественнымъ положеніемъ и личными разсчетами, но не искренними стремленіями, не серьезнымъ желаніемъ принесть общественную пользу. Помимо масонства широкое распространеніе получилъ тотчасъ послѣ 1812 г. мистицизмъ. Выше я сказалъ, что мистицизму предался самъ Императоръ. Гречъ разсказываетъ, что въ 1817 г. Вильменъ такъ передавалъ ему впечатлѣніе, произведенное на него Императоромъ Александромъ: „до сихъ поръ не могу понять, что хотѣлъ мнѣ сказать вашъ царь. Рѣчи его были

смѣсью либеральныхъ идей съ библіею; что въ нихъ общаго?“ Эту рознь въ убѣжденіяхъ объясняютъ двойственностью характера Императора Александра. Если подъ характеромъ разумѣть то, что обыкновенно называется этимъ именемъ, т. е. силу воли и способность послѣдовательно достигать предположенной въ данную минуту цѣли,—то это невѣрно. Императоръ Александръ, напротивъ, обладалъ замѣчательною силою воли, которая въ серьезныя минуты творила дѣла, прославившія его имя, а въ мелочахъ иногда переходила въ упрямство. Причина этой двойственности лежитъ въ первоначальной обстановкѣ Императора Александра и въ его воспитаніи. Личныя впечатлѣнія ранней молодости Александра, воспитаннаго въ правилахъ возвышенныхъ и благородныхъ республиканцемъ Лагарпомъ и однимъ изъ лучшихъ людей того времени М. Н. Муравьевымъ, должны были поминутно оскорбляться скептически развратнымъ и ослѣпительно пустымъ направленіемъ Екатерининской эпохи; въ немъ должна была смолоду обнаружиться *душевная пустота*, естественно переходящая въ мечтательность и мистицизмъ, если отъ этого не удерживаетъ серьезное образованіе. „Образованіе Александра, говоритъ Гречъ, было болѣе блистательное и многостороннее, нежели основательное и прочное. Онъ выучилъ многое наизусть, говорилъ по французски, какъ дофинъ, но не умѣлъ безошибочно читать по русски“. Такимъ образомъ того единственнаго тормоза, который могъ дать устойчивость убѣжденіямъ Императора Александра, при замѣчательной твердости характера,—у него не было. Совѣты и указанія кн. Голицына, Кошелева и Сперанскаго, встрѣча съ общиной Моравскихъ братій въ Силезіи, свиданіе съ Юнгомъ Штиллингомъ въ Баденѣ, бесѣды и умныя молитвы съ квакерами въ 1814 г. въ Лондонѣ, таинственныя явленія ночью и восторженныя пророчества баронессы Криднеръ въ 1815 г.—все это упало на почву подготовленную и воспріимчивую. Первоначальное обращеніе въ мистицизмъ Императора Александра приписывалъ себѣ кн. А. Н. Голицынъ. Въ интересныхъ запискахъ Ю. Н. Бартенева помѣщенъ весьма любопытный о томъ разсказъ самого Голицына. Перейдя изъ тѣснаго кружка, какой представляли масоны-мистики Новиковской эпохи, въ сферу оффиціальную, мистицизмъ совершенно измѣнилъ свой характеръ, прежде всего изъ гонимаго онъ сдѣлался *гонителемъ*. Все ближайшее ко двору заражено было мистицизмомъ. Дворъ Императрицы Елизаветы на-

полненъ былъ представительницами мистицизма въ дамскомъ обществѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли большое вліяніе на Государя и Государыню—кн. Голицына, кн. Мещерская, гр. Толстая, Хвостова (сотрудница Лабзина, о которой мы говорили), фрейлина Стурдза. Изъ нихъ напримѣръ кн. Мещерская въ 1813—1826 году напечатала, отчасти на свой счетъ, болѣе 90 брошюръ духовнаго содержанія для народнаго чтенія и распространила ихъ въ 400.000 экз. Отсюда мистицизмъ спускался все ниже и ниже и наконецъ распространился по цѣлой Россіи, проникнувъ въ литературу, въ искусство, въ общественную жизнь. Станевичъ въ своей книгѣ противъ мистицизма (Бесѣда на гробѣ младенца) жаловался, что мистики находятся въ столицахъ, городахъ и селахъ и что ихъ очень много и въ свѣтскомъ и въ духовномъ званіи. Такъ, къ числу завзятыхъ мистиковъ принадлежали изъ духовенства: Архіереи Онисифоръ Вологодскій, Симеонъ Крыловъ Тульскій, Димитрій Сулима Кишеневскій; извѣстный Одесскій архимандритъ Өеофанъ; проповѣдникъ кончины міра, священникъ въ Балтѣ, Өеодосій Левицкій и Подольскій священникъ Өедоръ Лисѣвичъ; законоучитель кадетскаго корпуса монахъ Іона, поколовшій образа въ иконостасѣ церковнымъ копьемъ; извѣстный проповѣдникъ, священникъ Маловъ. Мистицизмъ проникалъ и въ духовныя школы: въ Петербургской академіи, по свидѣтельству Фотія, студенты зачитывались Юнгомъ Штиллингомъ, „иноверцемъ брехуномъ“. Митрополитъ Филаретъ, тогда ректоръ С.-Петербургской академіи, пользовавшійся покровительствомъ кн. Голицына, тоже, хотя со свойственной ему осторожностью, перешелъ на сторону мистицизма. Даже первостепенные іерархи, противники мистицизма, подпадали вліянію духа времени: Сушковъ разсказываетъ, что, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, митр. Амвросій, Феофилактъ и Михаилъ совѣтовали ему чтеніе Эккартсгаузена, Сведенберга, Штиллинга и Гюйонъ. Возвращенный изъ ссылки Новиковъ (ум. 31 іюля 1818 г.) тихо доживалъ свой вѣкъ въ деревнѣ, не принимая никакого участія въ общественной дѣятельности; но члены его кружка—Лабзинъ, Кошелевъ, Поздѣевъ, Лопухинъ, Гамалея, Лѣнивцевъ и друг. еще были на ногахъ и дѣйствовали. Конечно, изъ числа новообращенныхъ мистиковъ были люди по своему искренніе. Таковъ былъ самъ кн. Голицынъ, который имѣлъ все и безъ мистицизма, а равно его ближайшіе сподвижники изъ директоровъ: департамента народнаго просвѣщенія—В. М.

Поповъ, переводчикъ Госнера, и почтоваго—Н. У. Жулковской. По крайней мѣрѣ по отзыву Греча, не щедраго на похвалы и нерасположеннаго къ мистикамъ, послѣдніе были люди честные, искренніе, убѣжденные въ своихъ вѣрованіяхъ. Но, благодаря оффиціальному значенію мистицизма, къ нему примкнула толпа изувѣровъ и лицемѣровъ, ища спасенія на томъ свѣтѣ и благъ въ нынѣшнемъ, шедшихъ по кресту къ крестамъ, чинамъ и деньгамъ (Гречъ). Мистицизмъ сдѣлался моднымъ и вѣрнымъ средствомъ составить себѣ карьеру. Мистики убѣжденные и образованные предавались благочестивымъ бесѣдамъ и распространенію своего ученія; мистики изъ разсчета преслѣдовали свои личныя цѣли; мистики изъ менѣе развитыхъ людей, захваченные общимъ потокомъ, переходили въ сектантство. Такъ составилось извѣстное общество Татариновой, въ которомъ принимали участіе Лабзинъ и Поповъ; такъ, напримѣръ, на Дону основалъ ученіе духоносцевъ отставной донской эсаулъ Евлампій Котельниковъ, отправленный сначала въ Юрьевъ монастырь на увѣщаніе братіи, потомъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а оттуда на посмертное заточеніе въ Соловецкій монастырь. Такъ всегда люди неизвѣстные платились за то, что въ данномъ случаѣ вмѣнялось въ заслугу лицамъ высокопоставленнымъ. Такое повальное увлеченіе мистицизмомъ не могло не оставить слѣдовъ и въ литературѣ, и въ искусствѣ. Мистицизмъ отразился напримѣръ на поэмѣ „Владиміръ освобожденный“ Хераскова, на стихотвореніяхъ Лабзина, Невзорова и многихъ его поэтовъ-сотрудниковъ, зашелъ даже, какъ мы видѣли, въ „Сѣверный Вѣстникъ“. Много ярче вліяніе мистицизма отражалось на тогдашнихъ проповѣдяхъ, начиная словами Филарета, Митрополита Михаила Демацкаго, одного изъ питомцевъ Новиковскихъ учрежденій и извѣстнаго проповѣдника, члена россійской академіи, священника Малова. Въ живописи стало преобладать стремленіе къ аллегорическимъ сюжетамъ на мистическія темы, преимущественно изъ библейскихъ притчей: извѣстный художникъ Боровиковскій былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ секты Татариновой. Наконецъ самое полное и грандіозное осуществленіе русское мистически-настроенное искусство получило въ проектѣ храма, предполагавшагося на Воробьевыхъ горахъ, мистика и теозофа Витберга.

Главнымъ средствомъ распространенія мистицизма служила литература. Эта литература теперь находилась подъ покровительствомъ

самого императора. Во главѣ подписчиковъ на „возобновленный по Высочайшему повелѣнію“ „Сіонскій Вѣстникъ“ стояли имена императора и в. кн. Константина Павловича. Императору посвященъ перезодъ ультра-мистическаго сочиненія „Христіанская философія“ Дю-Туа (1815 — 1817) и по его же повелѣнію изданъ переводъ „Благоговѣйныхъ размышленій о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя“ Таулера (1823). Съ 1803 г. началась энергическая дѣятельность Лабзина по переводу мистическихъ книгъ, о которой мы уже говорили. Усиленіе мистической литературы замѣтно въ особенности съ 1809 года, со времени поворота къ этому направленію высшихъ правительственныхъ сферъ, и затѣмъ достигло своего апогея въ 1813 г., когда при содѣйствіи библейскаго общества выпускалось ежегодно по нѣскольку духовныхъ книгъ, переводныхъ и оригинальныхъ. Всѣ эти книги выходили въ свѣтъ помимо духовной цензуры и покровительствовались свѣтскою. Самыми видными дѣятелями на этомъ поприщѣ, кромѣ Лабзина, были Уткинъ, Шамшинъ, Сахаровъ, Лубяновскій, Кожановъ (сотрудникъ Друга юношества), сенаторъ З. Карнѣевъ, Хвостовъ, кн. Мещерская и др. Главными авторами для перевода служили, какъ мы видѣли, Ю. Штиллингъ, Эккартсгаузенъ, Бема, Дю-Туа, а съ 1820 годовъ г-жа Гюйонъ. Книги эти разсылались отъ министра по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ и по губерніямъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ. „Сіонскій Вѣстникъ“ получалъ все больше и больше значенія: изъ духовенства его выписывали всѣ архіереи, всѣ архимандриты, всѣ семинаріи и академіи (одна петербургская 11 экземпляровъ) и множество священниковъ; выходъ каждой книжки ожидался съ нетерпѣніемъ. По прекращеніи „Сіонскаго Вѣстника“, вслѣдствіе подчиненія его духовной цензурѣ, „Христіанское Чтеніе“, журналъ выходившій съ 1821 года при С.-Петербургской духовной академіи, въ первые три года въ значительной степени носилъ совершенно мистическій характеръ и служилъ какъ бы продолженіемъ прекратившагося „Сіонскаго Вѣстника“. Стоявшій во главѣ мистицизма и вмѣстѣ съ тѣмъ министръ всѣхъ духовныхъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ былъ человѣкъ добраго сердца, одаренный большимъ придворнымъ тактомъ и знаніемъ, чего не должно ему говорить; но умъ и разсудокъ его были весьма тѣсные (Гречъ, стр. 185 прим.). Опутать и склонить на свою сторону такого мистика, какимъ былъ кн. А. Н. Голицынъ, не трудно. Возлѣ

него по ученому вѣдомству собралась группа людей, готовыхъ на все ради своихъ личныхъ интересовъ и пріобрѣтенія власти. Вождемъ этой группы былъ извѣстный Магницкій, а главными клевретами попечитель Петербургскаго округа Руничъ и директоръ педагогическаго института Дм. Ал. Кавелинъ (отецъ всѣми уважаемаго Константина Дмитріевича), бывшій когда-то членомъ Арзамаса, сдѣлавшійся мистикомъ и гонителемъ просвѣщенія, по отзыву Греча, „жалкій и глупый, но тихій лицемѣръ". И вотъ во имя мистицизма они начали ожесточенную и тупую реакцію, нападки на университетъ, науку и просвѣщеніе, борьбу противъ всякой свободной мысли, которая не укладывалась въ фантастическія рамки мистицизма. Возраженія не допускались. Переводчикъ Московской академіи Смирновъ написалъ противъ мистицизма книгу „Вопль жены, облеченной въ солнце" (1816), но книга его не была напечатана, онъ лишился мѣста и умеръ въ нищетѣ. Станевичъ издалъ книгу „Бесѣда на гробѣ младеица", книга была запрещена и отобрана, а самъ авторъ едва спасся отъ ссылки, благодаря заступничеству статсъ-секретаря у принятія прошеній Кикина; цензоръ, пропустившій книгу Станевича, извѣстный ученостью и дарованіями ректоръ Петербургской семинаріи арх. Иннокентій, получилъ за это строгій выговоръ и посланъ въ почетную ссылку, архіереемъ въ Пензу; редакторъ духовнаго журнала Яценковъ за помѣщеніе критики на Эккартсгаузена въ своемъ журналѣ подвергся строгому выговору. Понятно, болѣе охотниковъ на возраженія не находилось. И въ этомъ случаѣ мистицизмъ Голицына отличался отъ мистицизма Лабзина, допускавшаго полную свободу обсужденія. Между тѣмъ мистицизмъ, въ томъ видѣ, какъ онъ проповѣдывался, не только былъ въ открытой враждѣ съ православіемъ. Сводя всю религію къ одной идеѣ возрожденія и соединенія съ божествомъ, мистицизмъ отвергалъ таинства и вѣру въ Божію Матерь и Святыхъ, Священное Писаніе ставилъ ниже личнаго общенія съ божествомъ, утверждая, что Священное Писаніе есть нѣмой наставникъ, указующій знаками на живаго учителя, обитающаго въ сердцѣ (Лабзинъ); самого Христа онъ признавалъ не ипостаснымъ лицемъ Пресвятыя Троицы, а аллегорическимъ представленіемъ о мистическомъ внутреннемъ словѣ. При томъ характеръ распространеннаго мистицизма былъ совершенно западный. Мистицизмъ есть явленіе всеобщее, но онъ существенно отличенъ на западѣ и во-

стокѣ, какъ природа и культура этихъ странъ. На востокѣ человѣкъ не пріученъ борьбой съ природой къ постоянной и озабоченной дѣятельности, культура не возбудила въ немъ стремленія къ политической жизни и къ наукѣ; поэтому мистическое настроеніе выработало тамъ только аскетизмъ—умерщвленіе плоти, молчаніе, умную молитву и подвиги милосердія; если въ минуты мистическаго экстаза восточному аскету представляются сверхчувственныя внушенія, то въ смыслѣ отрывочныхъ фантастическихъ видѣній, до которыхъ не касается аналитическая работа разума. Напротивъ, западный мистикъ, живущій въ атмосферѣ мысли и науки, плоды своей фантазіи стремится облечь въ систему, придать имъ стройный и поэтическій складъ, связать ихъ съ тѣми или другими научными познаніями, обращающимися въ обществѣ. Съ другой стороны, живая западная жизнь, полная тревогъ и интересовъ всякаго рода, политическихъ, общественныхъ, научныхъ,—не могла помириться съ духовною жизнью отшельника, съ умерщвленіемъ плоти и самоистязаніемъ; вмѣсто того она содержаніемъ мистической дѣятельности указала общее и неопредѣленное состояніе соединенія съ божествомъ, не становящееся въ разрѣзъ съ какими-либо условіями окружающей среды, напротивъ оправдывающее дѣйствія мистика, достигнувшаго этого соединенія,—до полнаго невмѣненія. Восточный мистицизмъ у насъ былъ извѣстенъ еще допетровской Россіи: тогда существовалъ переводъ Макарія Египетскаго, Исаака Сирина, Іоанна Лѣствиничника, Максима Исповѣдника, Григорія Синаита, Симеона новаго Богослова и творенія извѣстнаго русскаго подвижника Нила Сорскаго. Но на нихъ не остановились мистики Александровской эпохи; имъ, людямъ образованнымъ, богатымъ и знатнымъ, естественно казался привлекательнѣе этотъ покойный и безобидный западный мистицизмъ, переходившій отъ наивныхъ бредней больной фантазіи къ возвышеннымъ и поэтическимъ образамъ, завлекающій таинственностью, новизною и смѣлостью своего ученія. Но людей непосвященныхъ наши тогдашніе мистики не могли не поражать совершеннымъ разладомъ между словомъ и дѣломъ. Мистики безпрестанно твердили о духѣ, о внутреннемъ человѣкѣ, о соединеніи съ божествомъ, въ которомъ плотскій человѣкъ исчезаетъ, со всѣми своими помыслами и страстями. Между тѣмъ кн. Голицынъ, на старости лѣтъ, 35 лѣтъ не знавшій женщинъ, всетаки говоритъ о себѣ: „я и понынѣ сохраняю еще всю

возможность паденія, я и по сіе даже время не рѣшусь ѣхать въ одномъ и томъ же экипажѣ или оставаться наединѣ съ какою бы то ни было женщиною". Кн. Голицынъ обѣдалъ у другаго извѣстнаго мистика, Р. А. Кошелева, куда, съ цѣлью пріобрѣтенія въ Голицынѣ новаго прозелита, приглашенъ былъ пользовавшійся въ обществѣ громкою славою отличнаго ума и благочестія, Мартинистъ Лѣнивцевъ. За обѣдомъ, говоритъ въ своихъ запискахъ Бартеневъ, въ промежутки важныхъ и торжественныхъ конференцій, „хозяинъ и гость" не переставали разсуждать о поставленныхъ предъ ними яствахъ, смаковали ихъ какъ подобаетъ истиннымъ застольнымъ амфитріонамъ и дегюстировали вино съ такимъ умѣньемъ, которое только можно отыскать у самыхъ опытныхъ знатоковъ дѣла". Это заставило Голицына на первыхъ порахъ придти къ такому сомнѣнію: „Что-жь это за христіанство?—сладко ѣдятъ, протяженно смакуютъ и говорятъ еще грозныя сентенціи о душѣ и ея безотрадныхъ лишеніяхъ, какъ бы для того единственно, чтобы Лукулловская ихъ трапеза тѣмъ еще болѣе казалась имъ привлекательнѣе, тѣмъ ярче отдѣлилась, т. е. отъ строгаго христіанскаго самоотверженія" (стр. 80). Самого Ю. Н. Бартенева я хорошо помню въ дѣтствѣ, такъ какъ онъ былъ пріятелемъ моего отца. Это былъ человѣкъ искательный и ловкій, съ большимъ честолюбіемъ, рѣзко-циничный въ обращеніи, охотникъ до женщинъ и также любилъ сладко поѣсть и протяженно смаковать за вкуснымъ обѣдомъ. Такимъ онъ является и въ своихъ запискахъ, гдѣ при всемъ искусствѣ оригинально образнаго языка просвѣчиваетъ настоящая его природа. Въ одномъ мѣстѣ онъ самъ говоритъ о себѣ: „мало по малу прозрачность моя истлѣлась, плотское слово разбушевалось, и я сталъ выливаться въ *обыкновенной* полудіогенской моей формѣ, *не наблюдая за собою*, грязнясь въ совѣсти, шутя миромъ ближняго моего и его спокойствіемъ. Вѣроломное сердце человѣка, пресытившись яствами, упившись вина, не къ Господу уже обращалось; нѣтъ, оно отражать хотѣло только страсти, можетъ быть уснувшія; припоминало свои мелочныя претензіи, припоминало, какъ нѣкогда волновалось оно, это сердце, на своего ближняго за то, что не поднесли хорошаго вина и проч. и проч." (Р. Арх. № 7, 322—23). Въ виду такого направленія мистицизма съ точки зрѣнія православія должна была родиться и дѣйствительно родилась оппозиція противъ мистицизма. Но безкорыстнымъ поборникомъ

православія во всей этой оппозиціи былъ только престарѣлый Шишковъ, причемъ его православіе выражалось лишь сожалѣніемъ, что святители въ своихъ рясахъ должны сидѣть рядомъ съ людьми во фракахъ и вести съ ними общее дѣло распространенія благочестія въ народѣ, или негодованіемъ, что слово Божіе подвергалось поруганію, переложенію его на простонародный языкъ черни, романовъ и театра, т. е. русскій. Высшіе духовные сановники въ концѣ концовъ примирились съ тѣми или другими взглядами Голицына, но они не могли примириться съ однимъ — съ подчиненіемъ церковной іерархіи свѣтской власти, наряду съ жидами и магометанами. Представителемъ этой іерархической оппозиціи былъ митрополитъ Серафимъ, а передовымъ борцомъ, въ силу своей дерзкой смѣлости, недоучившійся архимандритъ Фотій, интриганъ-фанатикъ, скрывавшій подъ личиной строгаго подвижника непомѣрное честолюбіе. Но этого было мало, и оппозиція тогда только сломила Голицына, когда ее поддержалъ Аракчеевъ, изъ за своихъ личныхъ видовъ и счетовъ, чтобъ уронить значеніе и вліяніе у государя кн. Голицына. Но, получивши власть, оппозиція осталась вѣрною направленію своихъ низверженныхъ противниковъ, Семидесятилѣтній старецъ Шишковъ, сдѣланный министромъ просвѣщенія, открылъ свою дѣятельность проведеніемъ цензурнаго устава, составленнаго Магницкимъ и компаніею; министерство Шишкова вообще Карамзинъ называлъ *министерствомъ затмѣнія*.

Другое учрежденіе, соединявшее между собою людей изъ образованнаго меньшинства и также исходившее изъ религіознаго настроенія того времени, было русское библейское общество. Первую мысль къ открытію этого общества подало знаменитое „Британское и Иностранное Библейское Общество", основанное въ 1804 году методистами, квакерами и другими религіозными сектантами мистическаго направленія. Первое библейское общество, въ подражаніе англійскому, возникло у насъ въ Финляндіи въ 1811 году, а затѣмъ въ 1812 г. англійскіе методисты—пасторы Патерсонъ и Пинкертонъ, игравшій потомъ такую важную роль въ дѣйствіяхъ русскаго библейскаго общества, выхлопотали чрезъ кн. Голицына разрѣшеніе объ открытіи библейскаго общества (11 генваря 1813). Французская революція вызвала въ Англіи, такъ же какъ впослѣдствіи на континентѣ, сильную реакцію, которая съ середины XVIII вѣка приняла форму религіозной экзальтаціи, соединенной съ чрезвычайнымъ развитіемъ

духа миссіонерства и евангельской проповѣди. Въ числѣ проявленій этого настроенія было основаніе общества для повсемѣстнаго распространенія Библіи и школъ взаимнаго обученія, такъ-называемыхъ ланкастерскихъ, первоначально предназначенныхъ для приготовленія миссіонеровъ. Изъ Англіи оба эти учрежденія обошли всю Европу, повсюду встрѣчая самый сочувственный пріемъ, и, какъ водится, забрели въ Россію. Время какъ нельзя болѣе благопріятствовало. Возбужденное состояніе общества, настроенное на распространеніе просвѣщенія и улучшенія народнаго быта, искало пищи и съ радостью остановилось на обѣихъ задачахъ, самыхъ скромныхъ, безопасныхъ и все-таки обѣщающихъ извѣстный успѣхъ. И здѣсь честь инициативы принадлежитъ Императору Александру. Прусскій епископъ Эйлертъ передаетъ слова Его: „Къ чему послужитъ свящ. союзъ, если начала его останутся одинокими и не проникнутъ въ сердца народа? Это можетъ совершиться вполнѣ искренне только посредствомъ Св. Писанія на языкѣ каждаго нанарода. Надо распространять святыя книги въ томъ видѣ, какъ онѣ намъ даны; надо предоставить каждому христіанину, какого бы исповѣданія онъ ни былъ, воспринять благодатное дѣйствіе Св. Писанія“. Быстро библейское общество отдѣленіями своими покрыло цѣлую Россію, до самыхъ отдаленныхъ ея захолустьевъ. Въ исторіи библейскаго общества надо отличать двѣ совершенно различныя стороны, результаты самого дѣла и судьбу его, зависѣвшую отъ случайнаго состава лицъ, ставшихъ во главѣ общества. Что касается до результатовъ, то въ нихъ было много утѣшительнаго и обѣщающаго. А. Н. Пыпинъ говоритъ, что библейское общество было едва ли не первый случай соединенія частныхъ усилій въ обширномъ предпріятіи на пользу общую, гдѣ соединилась во имя религіозной терпимости просвѣщенная часть православнаго и иновѣрнаго духовенства. Дѣлами общества управлялъ комитетъ въ Петербургѣ, въ разныхъ мѣстахъ Россіи были частныя отдѣленія общества и въ нихъ комитеты. Въ 1819 г. всѣхъ такихъ мѣстъ въ Россіи было 196. Матеріальныя средства общества составлялись изъ суммъ, собиравшихся чрезъ подписки, и добровольныхъ приношеній, а также изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ и благотворителей общества. Въ теченіе 7 лѣтъ существованія общества (до 1819 г. включительно) такихъ суммъ поступило 1.747.862 р. Изданія общества печатались въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Астра-

хани и Митавѣ; въ тотъ же семилѣтній періодъ отпечатано 71 изданіе, на 22 языкахъ, въ числѣ 315.000 экземпляровъ. Въ 1819 году разослано для продажи и продано въ Петербургѣ 66.287 экз. книгъ Св. Писанія на 32 языкахъ, на сумму 345.313 р. роздано и разослано безденежно на разныхъ языкахъ 2.252 экз., на сумму 10.242 р. (Библ. Зап. т. II, 118—127). Къ 1826 году общая цифра изданій общества, болѣе чѣмъ на 40 языкахъ и нарѣчіяхъ, доходила до 876.000 экземпляровъ. Къ сожалѣнію, оффиціальное вмѣшательство придало этимъ результатамъ совершенно превратное значеніе. Вслѣдствіе того, что во главѣ библейскаго общества стоялъ Голицынъ, министръ духовныхъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія и „другъ государевъ", библейское общество сдѣлалось не только моднымъ дѣломъ, но почти обязательнымъ средствомъ для служебной карьеры. Вслѣдствіе того духъ ханжества сильно распространился въ обществѣ, особенно въ служебныхъ сферахъ. Мѣстныя начальства, начиная отъ губернаторовъ, архіереевъ, полковыхъ командировъ и директоровъ гимназій и кончая почтмейстерами, городничими и исправниками, были ревностными распространителями Св. Писанія и сборщиками quasi добровольныхъ на то пожертвованій. Такимъ образомъ дѣло библейскаго общества, по замѣчанію Знаменскаго, изъ общественно - религіознаго превращалось въ служебное и казенное. Но всетаки книги священнаго писанія проникали въ народъ и оказывали свое дѣйствіе. Президентъ общества указывалъ въ своемъ отчетѣ, что священное писаніе распространялось у насъ и между поселянами. „Солдаты и матросы сами ищутъ сей пищи духовной. Во внутренности семействъ Библія становится правиломъ жизни и ежедневнымъ поученіемъ". Народъ у насъ любитъ это чтеніе: въ Ветлужскомъ уѣздѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, по иниціативѣ Ф. Н. Лугинина, была открыта продажа Библіи и Евангелія на русскомъ языкѣ, и въ короткое время разошлась не одна сотня экземпляровъ, хотя количество грамотныхъ относительно не велико. Это и понятно: никакихъ книгъ для чтенія въ рукахъ народа нѣтъ, а между тѣмъ стремленіе къ чтенію есть, и притомъ стремленіе къ чтенію *назидательному*, которое ничѣмъ другимъ лучше не можетъ быть удовлетворено, какъ книгами Св. Писанія. Въ числѣ дѣятелей, помимо людей оффиціальныхъ и приглашенныхъ, было много людей искренне заинтересованныхъ этимъ дѣломъ. Къ обществу примкнули остатки старыхъ ма-

сонов и людей дружескаго общества; въ немъ приняла горячее участіе молодежь. Воспитанники университетовъ, лицеевъ и другихъ учебныхъ заведеній спѣшили составлять библейскія сотоварищества и христіанскія собранія. Такъ, студенты Казанскаго и Харьковскаго университетовъ вносили имена свои въ списки членовъ библейскихъ обществъ и труды свои, писанные въ духѣ этихъ обществъ, помѣщали въ университетскихъ изданіяхъ. При Пермской гимназіи открыто сотоварищество россійскаго библейскаго общества, ученики Пензенской гимназіи устроили христіанскія и литературныя бесѣды, гдѣ читались псалмы и разсужденія о важнѣйшихъ истинахъ религіи и о жизни святыхъ мужей; даже *дѣти* нынѣшняго Ришельевскаго лицея учредили между собою библейское сотоварищество для снабженія сверстниковъ книгами слова Божія. Въ этихъ движеніяхъ нельзя видѣть *исключительно* начальственнаго вліянія. Въ возбужденныя эпохи молодежь всегда является самою чуткою и податливою,—разумѣется, въ тонѣ общаго настроенія минуты,—а тогда оно было искренно-религіозное. Но, къ сожалѣнію, дѣятельность библейскаго общества съ самаго начала поставлена была на мистическую почву, такъ что эти два дѣла— распространеніе Библіи и мистицизмъ, совершенно разныя, слились въ одно. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство. Члены англійскаго библейскаго общества открыто заявляли, что конечною цѣлью связаннаго съ англійскимъ русскаго общества должно служить обращеніе Россіи въ протестантизмъ. Попытки къ этому дѣйствительно были сдѣланы между инородцами, на что указываютъ миссіи гернгутеровъ въ Калмыцкихъ степяхъ, англійскія въ Сибири и отчасти шотландскія у киргизовъ. Въ Лифляндіи въ короткое время число моравскихъ братьевъ возвысилось съ 300 на 40.000 чел. Такимъ образомъ борьба во имя православія съ мистицизмомъ всецѣло перенесена была на библейское общество. Въ глазахъ Шишкова— именно библейское общество отвѣчало за все: онъ считалъ его гнѣздомъ и религіознаго отступничества, и, неизвѣстно почему, даже революціонной пропаганды. Такимъ образомъ участь Голицына раздѣлило и общество: съ выходомъ его изъ министерства въ 1824 году, общество почти прекратило свое дѣйствіе и Высочайшимъ рескриптомъ отъ 15 іюля 1826 г. на имя митрополита Серафима передано было со всѣмъ имуществомъ въ вѣдѣніе Св. Синода. Между прочимъ, въ исторіи библейскаго общества

поучителенъ фактъ, что въ Ученомъ Комитетѣ Мин. Народнаго Просв. разсматривалось присланное по адресу библейскаго общества министру профессоромъ Баварскаго лицея сочиненіе о всеобщемъ языкѣ для будущихъ братьевъ.

Объ руку съ распространеніемъ библейскаго общества подвигалось, хотя несравненно медленнѣе, образованіе ланкастерскихъ школъ, или школъ взаимнаго обученія, какъ тогда называли. Такъ называемыя ланкастерскія школы были изобрѣтены Андр. Белемъ, надзирателемъ сиротской школы въ Остъ-Индіи. Изобрѣтенный имъ пріемъ взаимнаго обученія онъ примѣнялъ первоначально въ своей школѣ (1790—1796 въ Мадрасѣ). Въ 1791 году, совершенно отъ него независимо, квакеръ Ланкастеръ устроилъ такую же школу для бѣдныхъ въ лондонскомъ предмѣстьѣ и распространилъ свой способъ въ Англіи, во время объѣзда своего въ 1810 г. Такъ какъ духовенство недовольно было обстоятельствомъ, что широко распространявшіяся школы одолжены своимъ происхожденіемъ квакеру, то оно выставило впередъ возвратившагося въ Англію Беля; вслѣдствіе того школы, основанныя Белемъ, получали пособіе отъ духовенства и придворной партіи, а Ланкестеровы отъ общества. Ланкастерскія школы, заведенныя изъ Англіи гр. Лабордомъ, прежде всего распространились съ 1815 г. во Франціи. Императоръ Александръ познакомился съ этими школами въ Лондонѣ, во время посѣщенія квакеровъ. Исторія этихъ школъ у насъ подробно изложена Гречемъ, который принималъ въ этомъ дѣлѣ участіе въ качествѣ завѣдывающаго центральною школой для обученія солдатъ Гвардейскаго корпуса и потомъ директора полковыхъ гвардейскихъ школъ. Первое ланкастерское училище заведено было гр. Воронцовымъ, командиромъ русскаго оккупаціоннаго корпуса, оставленнаго во Франціи, въ Мобёжѣ, и дало замѣчательные результаты: до трехъ сотъ человѣкъ солдатъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, выучились чтенію и письму. Затѣмъ, въ самомъ отдаленномъ краѣ Россіи, въ Сибири, школы заведены были командиромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, ген.-лейт. Глазенапомъ, узнавшимъ о нихъ изъ печатныхъ извѣстій, въ Сибирскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи и нѣсколько позже въ такихъ же отдѣленіяхъ Кіевскомъ и С.-Петербургскомъ. Изъ сиротскихъ отдѣленій ланкастерскія школы перешли въ гвардію. Центральная школа для обученія гвардейскихъ солдатъ была заведена

начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса Н. М. Сипягинымъ и пошла очень хорошо: въ концѣ втораго мѣсяца солдаты, не знавшіе дотолѣ ни іоты, выучились читать и съ таблицъ, и по книгамъ; многіе уже писали порядочно. „Нельзя, говоритъ Гречъ, вообразить прилежанія, рвенія, удовольствія, съ которыми они учились: предъ ними разверзался новый міръ". По осмотрѣ этой школы Государемъ, повелѣно было учредить по такому училищу въ каждомъ гвардейскомъ полку. Такія школы были учреждены въ Преображенскомъ, Московскомъ, Егерскомъ и Кавалергардскомъ полкахъ. Гречъ въ качествѣ директора школы составлялъ уставы, руководства и учебныя таблицы и разсылалъ ихъ по арміи. Въ 1820 г. Императрица Марія Ѳеодоровна поручила Гречу ввести систему взаимнаго обученія въ школахъ воспитанниковъ и воспитанницъ воспитательныхъ домовъ Петербургскаго и Гатчинскаго; потомъ заведены были, удержавшіяся долѣе всѣхъ, училища солдатскихъ дочерей полковъ гвардіи—первое въ Семеновскомъ полку, другое въ Большой Конюшенной. Наконецъ въ 1819 г. составилось съ этою цѣлью Высочайше утвержденное свѣтское общество, преимущественно изъ членовъ ложи „избраннаго Михаила", подъ предсѣдательствомъ гр. Ф. П. Толстаго. Первоначальными членами этого общества были между прочимъ Ѳ. Н. Глинка, Гречъ, Григоровичъ, Н. П. Кусовъ и другіе. Потомъ это общество разросталось и имѣло уже болѣе 86 членовъ; приглашены, въ качествѣ почетныхъ, высшія лица изъ православнаго и католическаго духовенства и самые вліятельные государственные сановники, не исключая Аракчеева и Шишкова. 16 іюня 1819 г. общество открыло школу на 25 мальчиковъ, которая, по словамъ Греча, принесла въ свое время много пользы, но потомъ исчезла отъ недостатка вниманія и соревнованія. По распоряженію военнаго министерства велѣно было устроить такія школы при каждомъ дивизіонномъ штабѣ; насколько это было приведено въ исполненіе, данныхъ нѣтъ. Были заводимы такія школы кое-гдѣ и въ губерніи, но тамъ проявленіе этого движенія было въ началѣ очень слабо, хотя Гречъ упоминаетъ, что въ „общество учрежденія училищъ по методу взаимнаго обученія" обращались многіе помѣщики, желая завести въ имѣніяхъ своихъ для крестьянъ школы взаимнаго обученія съ просьбами о принятіи знающихъ хотя читать и писать людей ихъ для обученія правиламъ сей ме-

тоды, чтобы они могли занять съ пользою должности сельскихъ учителей. Въ 1820 г. заведены были школы взаимнаго обученія въ Тулѣ и Вологдѣ мѣщаниномъ Муратовымъ. Въ 1821 году всѣхъ училищъ считалось до 60, а число учащихся до 9.000. Въ 1823 году училища начали сильно распространяться; они были открыты по военному вѣдомству въ большинствѣ военно-сиротскихъ отдѣленій, въ Оренбургѣ для кантонистовъ, въ Тифлисѣ при штабѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, въ Кронштадтѣ для крестьянскихъ мальчиковъ, приготовлявшихся въ морскую службу, при всѣхъ батальонахъ и ротахъ поселенныхъ войскъ, въ Кіевѣ при кантонистской ротѣ. Въ распространеніи ихъ принимали участіе губернаторы въ Перми, Тулѣ; Виленскій университетъ, который открылъ училище при университетѣ и заботился о распредѣленіи наставниковъ по училищамъ, заводимымъ помѣщиками въ своихъ имѣніяхъ и ксендзами; въ Винницѣ училище открыто было при гимназіи. Въ этомъ движеніи начали принимать дѣятельное участіе и помѣщики: такъ, школы были заведены въ имѣніяхъ: Дмитровскаго уѣзда въ селѣ Льговѣ у ген. С. С. Апраксина, Рузскаго уѣзда въ селѣ Тепломъ Соймонова, Подольской губ., Летичевскаго уѣзда, въ имѣніи кн. Чарторижскаго, въ Пинскомъ уѣздѣ у гр. Поцея, у гр. Румянцова въ Гомелѣ, у Кочубея въ Малороссіи. Дворянство Слуцкаго уѣзда сдѣлало между собою соглашеніе о распространеніи школъ взаимнаго обученія на счетъ ежегодныхъ добровольныхъ складовъ и предположило завести на первый разъ училище въ городѣ Слуцкѣ, для образованія учителей, а потомъ учреждать школы по селеніямъ и деревнямъ. Такимъ образомъ учрежденіе народныхъ школъ въ двадцатыхъ годахъ по характеру своему напоминаетъ движеніе шестидесятыхъ годовъ, по устройству воскресныхъ школъ; точно также оно сосредоточивалось главнымъ образомъ въ Петербургѣ, при содѣйствіи военнаго министерства, и учителями по большей части были офицера гвардіи и флота. Семеновская исторія положила конецъ этому движенію. Гвардейскія школы были заподозрѣны, что онѣ содѣйствуютъ ослабленію дисциплины въ войскахъ и служатъ распространеніемъ вредныхъ мыслей, подъ руководствомъ людей, имѣющихъ связь съ революціонерами, изъ которыхъ главнымъ подразумѣвался Н. И. Гречъ. Прежде всего число школъ ограничили существующими; новыхъ не заводили, да и въ прежнихъ стѣснили продолженіе уроковъ, занимая солдатъ служ-

бою. Съ 1821 г., воспользовавшись выступленіемъ гвардіи въ походъ, школы совсѣмъ закрыли. Замѣчательно, что и въ то время министерство народнаго просвѣщенія не только не содѣйствовало открытію народныхъ школъ, но напротивъ относилось къ этому дѣлу враждебно и всячески его тормозило. Такъ какъ Ланкастерскими школами интересовался самъ Императоръ, то, по его повелѣнію, министерство народнаго просвѣщенія съ самаго начала командировало въ Англію и Францію четырехъ студентовъ педагогическаго института для изученія ихъ устройства подъ надзоромъ прикомандированнаго къ англійскому посольству барона Шрандмана, и учредило особое вѣдомство, заботившееся о приготовленіи для нихъ таблицъ и руководствъ. Но изъ этого ничего не вышло и объ открытіи министерскихъ школъ ничего не извѣстно. Члены библейскаго общества принимали, или по крайней мѣрѣ должны были также принимать, участіе въ распространеніи школъ взаимнаго обученія и введеніи этого метода въ существовавшія школы, но какъ и гдѣ—не видно. Между тѣмъ распространеніемъ Св. Писанія библейское общество естественно поставило вопросъ о распространеніи грамотности и объ учрежденіи народныхъ школъ: члены библейскаго общества требовали, чтобы прежде раздачи Св. Писанія были раздаваемы азбуки и призваны лица для обученія крестьянъ грамотѣ. До того времени первоначальныя, или такъназываемыя приходскія школы существовали только въ уставѣ и не были открыты въ дѣйствительности. Образованіе народа было предоставлено произволу и счастливому случаю. Въ числѣ наставниковъ встрѣчались и отставная актриса, и разстриженный діаконъ, и цѣлые десятки раскольниковъ поморской, молоканской и поповщинской сектъ. Въ одномъ Саратовѣ учили „накрывомъ“ около пятидесяти человѣкъ и у нихъ было болѣе тысячи учащихся. Такъ какъ министерство народнаго просвѣщенія не располагало средствами для открытія школъ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ признавались необходимыми, то одинъ изъ педагоговъ его вѣдомства представилъ проектъ передать приходскія училища духовенству, подчинивъ ихъ духовнымъ уѣзднымъ училищамъ. Зависимость школъ отъ свѣтскихъ уѣздныхъ училищъ должна была ограничиваться тѣмъ, что смотрители послѣднихъ вмѣстѣ съ ректорами духовныхъ училищъ должны были присутствовать при открытыхъ испытаніяхъ, получать годовые и полугодовые отчеты и дѣлать представленія о

наградахъ учителей. Чтобы обезпечить приходскія училища постоянными учителями, проектъ предлагалъ соединить навсегда должность дьякона съ званіемъ приходскаго учителя, и семинаристовъ, по окончаніи курса, выпускать не въ священники, а въ дьяконы-учители на шесть лѣтъ. Основываясь на отзывѣ члена своего, тогда ректора Петербургской духовной академіи, архимандрита Филарета, главное правленіе училищъ нашло проектъ неисполнимымъ, находя, что нельзя навязать учительство дьяконамъ земледѣльцамъ, какихъ бо́льшая часть, а семинаристовъ, кончившихъ курсъ, недостаетъ и для священническихъ мѣстъ. Кромѣ того, проектъ, съ цѣлью устройства приходскихъ училищъ, признавалъ необходимымъ общее преобразованіе духовенства и его управленія. Такимъ образомъ тяжесть устройства приходскихъ училищъ упадала на само библейское общество. Оно предположило расходовать на этотъ предметъ два милліона рублей, которые должно было получать ежегодно съ пошлины на соль. Такъ какъ число училищъ полагалось до 10.000, а число селъ въ Россіи до 40.000, то школы полагалось переводить изъ одного села въ другое чрезъ два или три года. Рѣшено было не откладывать учрежденіе школъ, хотя бы на первыхъ порахъ число явившихся учениковъ оказалось бы незначительно, ибо со временемъ оно непремѣнно бы возросло, по мѣрѣ удостовѣренія крестьянъ въ дѣйствительной пользѣ училищъ. Но этимъ благимъ начинаніямъ не суждено было сбыться, вслѣдствіе уничтоженія общества (61).

Кромѣ религіозно-мистическаго въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, возникло другое теченіе, а именно стремленіе къ изученію философіи. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что мистицизмъ и умозрительная нѣмецкая философія имѣютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія. Скептицизмъ XVIII вѣка, отвергавшій всецѣло обветшалыя, традиціонныя формы Европейской жизни, не могъ остановиться на одномъ отрицаніи и требовалъ возстановленія необходимыхъ устоевъ и въ жизни, и въ мысли. Односторонній матеріализмъ, отказывавшійся отъ разрѣшенія многихъ важнѣйшихъ вопросовъ, не могъ вполнѣ удовлетворить всю мыслящую часть общества. Для посильнаго разрѣшенія этихъ нерѣшенныхъ задачъ явились одновременно и мистицизмъ, и умозрительная философія. Какъ тотъ, такъ и другая признавали сферу духа, идеала, абстракта, цѣлой области, недоступной

чувственному пониманію человѣка путемъ изученія исключительно реальныхъ фактовъ; но оба разошлись въ методѣ изслѣдованія этой сверхчувственной области. Мистицизмъ признавалъ за единственный путь къ изслѣдованію непосредственное созерцаніе или откровеніе, не подлежащее обыкновенному процессу мышленія или дедукціи и потому теряющееся въ безграничной и личной фантазіи своихъ послѣдователей. Умозрительная философія старалась подойти къ этой сверхчувственной области съ тѣмъ же самымъ аппаратомъ мышленія, который до сихъ поръ руководилъ человѣчество въ открытіи исторической истины, составляющей содержаніе современной цивилизаціи. Понятно, что люди менѣе развитые уходили въ мистицизмъ; люди болѣе сильные, у которыхъ мыслительная способность привыкла къ самодѣятельности, стремились къ умозрительной философіи. Кирѣевскій, въ своемъ разборѣ книги Ѳ. Надеждина „Опытъ науки философіи" (Москв. 1845 г., кн. 2, стр. 33), говоритъ объ этомъ времени: „было время, когда появленіе подобной книги у насъ могло бы составить эпоху въ нашей литературѣ, слово *философія* имѣло въ себѣ что-то магическое. Слухи о любомудріи нѣмецкомъ, распространяя повсюду извѣстіе о какой-то новооткрытой Америкѣ въ глубинѣ человѣческаго разума, возбуждали если не общее сочувствіе, то по крайней мѣрѣ общее любопытство. Особенно молодое поколѣніе съ жадностью искало всякой возможности проникнуть въ этотъ таинственный міръ. Страсть доходила до того, что даже читали Велланскаго и Галича! Этого мало: ихъ не только читали, но даже многіе восхищались ихъ сочиненіями, и, что всего замѣчательнѣе, эти поклонники „біологическаго изслѣдованія природы въ ея творящемъ и творимомъ началѣ," принадлежали къ числу самыхъ образованныхъ людей того времени".

Несмотря на то, что умозрительная философія не много болѣе могла удовлетворить стремленія человѣка къ положительному знанію, какъ и мистика, — цивилизующее значеніе этой философіи весьма важно. Не подлежитъ спору, что умозрительная философія у насъ, какъ и вездѣ, принесла ту пользу, что пріучила къ систематическому мышленію и къ критикѣ фактовъ подъ однимъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія. Но этого мало. Въ біографіи Галича, составленной Никитенко, есть такой разсказъ: „Скажите Александръ Ивановичъ, спросилъ ученикъ у Галича, можно ли

сказать, что „философія Шеллинга рѣшаетъ удовлетворительно задачи, составляющія ея программу?“ Галичъ улыбнулся своей иронической улыбкой и спросилъ у своего собесѣдника: „А вы сами какъ думаете, находите ее удовлетворительной?“ „И такъ, и сякъ, отвѣчалъ онъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ меня удовлетворяетъ, въ другихъ нѣтъ.“ „Ну я поставлю вопросъ иначе: чувствуете ли вы, что вамъ съ нею нѣсколько лучше, и вы сами, съ помощью ея, не сдѣлались ли нѣсколько лучшимъ?“ „О, да!“ „Ну, такъ и довольствуйтесь этимъ. Тотъ философскій образъ есть самый для насъ приличный, *который наиболѣе содѣйствуетъ намъ къ достиженію мира съ самимъ собою и съ другими.* Счастливъ тотъ, чьи убѣжденія ближе къ истинѣ, но безъ убѣжденій жить нельзя!“ (Никит. стр. 78). И это правда. Благодушно примирительное отношеніе къ окружающему, соединенное съ устойчивымъ и неподкупнымъ нравственнымъ убѣжденіемъ—что безспорно слѣдуетъ признать за людьми сороковыхъ годовъ—было результатомъ распространенія у насъ философіи Шеллинга и Гегеля.

Степень удовлетворенія философской любознательности у насъ, какъ вообще во всемъ касающемся умственнаго развитія, во многомъ зависѣла отъ отношенія къ изученію философіи правительства. Съ самаго начала занятіе философіею не только не встрѣчало препятствія, но повидимому пользовалось поддержкою съ его стороны. Философія издавна уже преподавалась у насъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и съ самаго начала вошла въ составъ университетскаго преподаванія. Уставъ Московскаго университета отъ 5 ноября 1804 г., примѣненный къ открытымъ вслѣдъ за нимъ Казанскому и Харьковскому, вводитъ философію, какъ необходимый, обязательный предметъ въ сферу общаго образованія, вслѣдствіе чего преподаваніе этой науки перенесено было и на гимназіи, какъ на учебныя заведенія, подготовляющія къ университетскому курсу. Въ видѣ руководства для послѣднихъ, главное правленіе училищъ поручило составить харьковскому профессору Якобу и издало въ переводѣ „Курсъ философіи для гимназій, (8 частей 1815—1817 г., изд. 2), состоящій изъ „начертанія всеобщей логики“, 1811 и 1815 г., „психологіи для гимназій“ 1816 г. изд. 2, „начертанія нравственной философіи“ 1816 г. Видное мѣсто отведено было философіи и при преобразовніи духовныхъ училищъ въ 1808 г. Но, покровительствуя распространенію философіи,

правительство въ тоже время старалось изученіе ея задерживать въ рамкахъ самыхъ тѣсныхъ и неудовлетворяющихъ возбужденной любознательности. Въ инструкціи воспитаннику Петербургскаго педагогическаго института Галичу, командированному за границу для подготовленія къ занятію философской каѳедры, приписываемой проф. С.-Петербургскаго университета Лодію, конференція института дала такое наставленіе (1808 г.): „приготовляющемуся къ занятію философіей должно знать естественную исторію, физику, медицинскую антропологію, всемірную исторію, энциклопедію наукъ и вообще грамматику, до вступленія въ такъ называемую философію. Всего удобнѣе начать оную (т. е. философію) элементарною психологіею, эстетикой и логикой, а потомъ перейти къ метафизикѣ. Но какъ сія послѣдняя издавна служитъ игралищемъ различныхъ сектъ и имѣетъ великое вліяніе на направленіе мыслей, то молодой человѣкъ ещё болѣе имѣетъ нужду въ *хорошемъ наставленіи* оной, чтобы избѣжать ему угрожающихъ въ нашемъ вѣкѣ опасностей. При таковомъ направленіи можно надѣяться, что онъ не бросится на первую систему, которая ему представится, и не захочетъ самъ почерпать свѣдѣнія изъ философовъ разныхъ древнихъ и новыхъ училищъ“. Такимъ образомъ самостоятельность философской мысли и историческое изученіе наукъ, какъ первый и ближайшій къ тому проводникъ, съ самаго начала ставились внѣ программы. Та же конференція, разсмотрѣвъ диссертацію, представленную Галичемъ по возвращеніи изъ заграницы (1813 г.), сочла нужнымъ внушить Галичу, чтобы „онъ, при преподаваніи въ Россійскихъ училищахъ философскихъ наукъ отнюдь не вводилъ своей системы, а держался бы книгъ, начальствомъ введенныхъ“. Инструкція, данная главнымъ комитетомъ институту въ руководство, предписывала профессору преподавать логику по сочиненію Кизеветтера, а метафизику и нравственную философію по Баумейстеру, котораго дозволялось дополнять собственными замѣчаніями и изысканіями, разумѣется, въ духѣ того же руководителя. Вольфъ былъ альфою и омегою этой институтской философіи.

Даже въ позднѣйшее время, въ 1831 году, когда Надеждинъ представилъ въ Московскій университетъ свою диссертацію pro venia legendi, профессора Ивашковскій и Снегиревъ подали отдѣльное мнѣніе, гдѣ они говорили: „хотя самъ сочинитель не упоминаетъ, какому ученію предпочтительно слѣдовалъ, но весьма оче-

видно, что оно принадлежитъ Шеллингу, и потому желательно прежде всего знать, можетъ ли сіе ученіе быть допущено въ нашемъ университетѣ". Это ограниченное допущеніе философіи должно было уступить мѣсто современному ея запрещенію во время упомянутой нами мистико-религіозной реакціи въ министерство Голицына. Всего прискорбнѣе, что реакція эта пришла къ намъ извнѣ, вызвана была не внутреннимъ состояніемъ Россіи, а заграничными происшествіями. Явившись со стороны, въ то время, когда общество въ правѣ было ожидать и дѣйствительно ожидало расширенія своихъ правъ, она, какъ это естественно, произвела всеобщее неудовольствіе, вызвала внутреннее броженіе и привела къ печальнымъ событіямъ 1825 года. Начало этой реакціи относится къ эпохѣ Карлсбадскихъ конференцій и Франкфуртскаго сейма. Среди обманутой въ своихъ ожиданіяхъ Германіи распространилось національное движеніе: появленіе Тугендбунда, Бреславльскіе безпорядки, Вартбургскій студенческій праздникъ въ годовщину Лютера, убійство Коцебу юношею фанатикомъ Зандомъ, покушеніе аптекаря Лессинга на жизнь президента Ибеля, еврейскіе погромы, мелкія волненія въ нѣкоторыхъ университетахъ—всѣ эти явленія вызвали на упомянутыхъ собраніяхъ рядъ стѣснительныхъ мѣръ противъ университетовъ, печати и вообще либеральнаго движенія въ обществѣ, мѣры, которыя долго разъѣдали Германію и наконецъ привели къ революціи 1848 года. Тогдашній хозяинъ Европы Меттернихъ, задался мыслью возстановить первенствующее значеніе Австріи, опираясь на реакціонную партію. Волненія, — какъ они ни были случайны и въ общемъ ходѣ событій сами по себѣ ничтожны, — оказались какъ нельзя болѣе сподручны для такой политической цѣли и позволили Меттерниху стянуть въ свои руки нити Европейской политики угрозой несуществующаго общаго возстанія противъ правительствъ и законнаго порядка. Въ искусныхъ рукахъ Меттерниха священный союзъ сдѣлался какимъ то спеціальнымъ орудіемъ къ подавленію въ Европѣ всего живаго и свободнаго, какимъ то своекорыстнымъ комплотомъ правителей противъ народовъ и все это только для того, чтобы придать не крѣпко сплоченной имперіи Габсбурговъ преобладающее значеніе въ Европѣ, котораго не могла добиться Австрія при спокойномъ состояніи остальныхъ государствъ. Императоръ Александръ очутился въ самомъ трагическомъ положеніи. Поборникъ либеральныхъ конституціонныхъ

туціонныхъ идей, положившій въ основу священнаго союза благо народовъ и добрыя отношенія къ нимъ правительства, онъ долженъ былъ во имя своего собственнаго созданія подавить общественное движеніе и идти на перекоръ всѣмъ стремленіямъ къ тѣмъ именно цѣлямъ, которыя самъ онъ намѣтилъ и защищалъ. Меттернихъ достигъ своей цѣли и хозяйничалъ въ Германіи и Россіи точно такъ же, какъ въ своей Австріи. Главнаго врага Меттернихъ искалъ въ молодомъ поколѣніи и потому онъ объявилъ самую ожесточенную вражду нѣмецкимъ университетамъ, гдѣ видѣлъ только средоточіе демагогическихъ замысловъ и революціонныхъ стремленій. Система Меттерниха примѣнена была во всей послѣдовательности и къ Россіи, хотя въ русскихъ университетахъ того времени не было никакихъ намековъ на политическое движеніе и наука преподавалась скорѣе въ отсталомъ и ретроградномъ направленіи. Реакція началась съ преобразованія въ 1817 г. министерства народнаго просвѣщенія въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, съ цѣлью подчинить общественное воспитаніе религіозному направленію. Главнымъ проводникомъ этого направленія былъ учрежденный тогда же ученый комитетъ. Здѣсь важнѣйшимъ дѣятелемъ съ самаго начала явился камеръ-юнкеръ Стурдза, самый ярый противникъ университетской науки въ Германіи, представившій въ 1818 году, во время ахенскаго конгресса, знаменитую записку „о современномъ положеніи Германіи“ (Memoire sur l'etat actuel de l'Allemagne), гдѣ Меттерниховская программа проведена была съ самою рѣзкою и открытою послѣдовательностью. Вскорѣ въ члены ученаго комитета вступилъ Руничъ, а членомъ главнаго управленія училищъ сдѣланъ Магницкій. Дѣйствія новаго министерства были рѣшительны и послѣдовательны. Составлено было новое росписаніе преподованія: въ уѣздныхъ училищахъ исключены начальныя основанія естественной исторіи и технологіи; въ гимназіяхъ — курсъ статистики всеобщей и русской, начальный курсъ философіи и эстетики, начальныя основанія политической экономіи, технологіи и наукъ, относящихся до торговли, а вмѣсто того введено чтеніе Евангелія отъ Матѳея, притчи Соломоновы и книга премудрости Іисуса сына Сирахова. Министерство въ отношеніи къ образованію держалось правила: дерзнемъ меньшему учить юношество и оно несомнѣнно будетъ болѣе знать. Лекціи профессоровъ подвергались строгой цензурѣ;

министерство опредѣляло основанія и методу университетскаго преподаванія, стѣсняло его кругъ и убивало его свободу различными инструкціями, обращавшими науку въ орудіе посторонних для нея цѣлей; всѣ лучшіе профессора были удалены и остались только лица, согласившіяся безусловно подчиниться существующему направленію. Сущность этого направленія очень рельефно выражена въ рѣчи, произнесенной на актѣ 28 февраля 1823 года въ Петербургскомъ университетѣ французомъ профессоромъ исторіи Дегуровымъ: „de la direction donnée à l'enseignement dans les universités (о направленіи, данномъ ученію въ университетахъ). Дегуровъ, проходимецъ, вытѣсненный изъ Харькова, по рекомендаціи Магницкаго переведенъ былъ въ Петербургъ. Вотъ изъ нея выдержка: „Развитіе нечестія и опасность, грозившая цивилизаціи и общественному порядку, остановлены *священнымъ союзомъ*, открывшимъ истинный свѣтъ, и правительства поспѣшили удалить изъ преподаванія всѣ вредныя доктрины. Университеты имѣли полное право не только отвергнуть всѣ ложныя и пагубныя начала новѣйшей философіи, но и преслѣдовать ихъ и дать почувствовать всѣ ихъ вредныя слѣдствія. По всей справедливости осуждено ученіе о воображаемой древности вселенной, поддерживаемое многими учеными, вопреки свидѣтельству священнаго писанія о сотвореніи міра. Всеобщая исторія должна быть излагаема такимъ образомъ, чтобы постоянно доказывалось господство монархическаго правленія надъ всѣми другими. Она должна изобразить постоянное разложеніе республики вслѣдствіе цивилизаціи, необходимой спутницы монархизма, и указать путь, по которому избирательныя монархіи, волнуемыя внутренними междоусобіями, въ виду неминуемой гибели, нашли свое спасеніе, силу и благосостояніе въ монархіи наслѣдственной“ (Сухомлиновъ 11, 15). Тогдашняя журнальная литература съ такимъ сочувствіемъ встрѣтила эту рѣчь, что Гречъ въ „Сынѣ Отечества“ съ сожалѣніемъ указываетъ на помѣщеніе ея перевода въ 7 № журнала императорскаго человѣколюбиваго общества за 1823 годъ и обращаетъ на нее вниманіе читателей. Ученый комитетъ подвергъ цензурѣ всѣ существовашія тогда научныя книги и учебныя руководства и дошелъ до того, что допустилъ только условно и то съ ограниченіями всеобщую исторію Кайданова; были осуждены „метафизика“ и „логика“ Лубкина, логика Лодія, „естественное право“ Куницына, даже „книга о

должностяхъ гражданина и человѣка", составленная извѣстнымъ педагогомъ Янковичемъ де Миріево, а по другимъ свѣдѣніямъ самою императрицею Екатериною и съ 1783 — 1819 года употреблявшаяся въ народныхъ училищахъ, для которыхъ она была предназначена.

Сношеніе учащейся молодежи съ германскими университетами были прекращены. Въ 1820 г. изъ Остъ-Зейскихъ губерній отправлено было для окончательнаго образованія 84 человѣка и изъ нихъ около трети приходилось на Гейдельбергъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ въ представленіи своемъ въ комитетъ министровъ признавалъ Гейдельбергскій университетъ за опаснѣйшій во всей Германіи, съ одной стороны по вольнодумству тамошнихъ наставниковъ, поучающихъ всѣмъ мятежнымъ правиламъ и проповѣдующихъ самое невѣріе, а съ другой по духу буйства и развращенія, поселившагося между питомцами. Вслѣдствіе этого предписано было частными совѣтами отвращать родителей и опекуновъ отъ посылки молодыхъ людей въ Гейдельбергъ, а рижскому военному губернатору поручено дѣлать внушенія и предостерегать отъ университетовъ Іенскаго, Гейдельбергскаго и Гиссенскаго, къ числу которыхъ губернаторъ присоединилъ отъ себя Вюрцбургскій. Комитетъ министровъ положилъ отозвать изъ всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ русскихъ студентовъ, такъ какъ имъ нѣтъ нужды обучаться въ иностранныхъ университетахъ (Сухомлиновъ). Нѣмецкое устройство, приданное нашимъ университетамъ уставомъ 1805 года, сильно не нравилось реакціонному министерству и вмѣсто него предполагалось ввести къ намъ французскія клерикально-іезуитскія учрежденія для высшаго образованія. Особенно хлопоталъ объ этомъ Магницкій при преобразованіи Казанскаго университета, и хотя и не достигъ своей цѣли вполнѣ, но успѣлъ ввести духъ шпіонства въ отношенія между профессорами и склонность къ доносамъ между студентами. Въ 1823 г. Магницкій подалъ записку мин. нар. просв. о совершенномъ запрещеніи преподаванія наукъ философскихъ. На этотъ разъ философію отстояли членъ ученаго комитета гр. Лаваль и еще сильнѣе рижскій попечитель кн. Ливенъ. Главное правленіе училищъ уже при министрѣ Шишковѣ пришло къ такому заключенію (10 декабря 1826 г.): „Курсъ философскихъ наукъ, очищенный отъ нелѣпостей новѣйшихъ философовъ, основанный на истинахъ христіанскаго ученія и сообразный

съ правилами монархическаго правленія, необходимъ въ нашихъ высшихъ учебнымъ заведеніяхъ". (Скаб.).

Философія въ Московской Россіи явилась вмѣстѣ съ учрежденіемъ Эллино-Славянской академіи при царицѣ Софьѣ въ той своеобразной формѣ, которая преобладала во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ еще въ концѣ XVIII стол. Схоластическая философія приносила пользу какъ гимнастика, выработывающая процессъ мышленія. Это именно и давало преимущество на государственной службѣ лицамъ изъ духовнаго званія: изъ нихъ преимущественно вырабатывались *дѣльцы* стараго времени, начиная секретарями и кончая высшими государственными сановниками. Въ конспектахъ, разосланныхъ коммиссіею духовныхъ училищъ въ 1808 г., между прочимъ ясно выражено, что „философскія науки должны развить разсудокъ въ учащихся и возвести ихъ до того, чтобы они мыслили постоянно и основательно". Въ эпоху ближайшую къ преобразованію 1808 года, преподаваніе философіи было не что иное, какъ догматическое, болѣе или менѣе неловкое и тяжелое формулированіе началъ, признанныхъ за неопровержимыя въ руководствахъ Винклера и отчасти Баумейстера, послѣдователей Вольфа, безъ малѣйшаго покушенія къ свободному изслѣдованію. Первымъ реформаторомъ философіи въ преобразованной Петербургской академіи является Фишеръ, вызванный изъ заграницы въ 1809 году, по рекомендаціи проф. философіи Лодія, первоначально для преподаванія еврейскаго языка и потомъ перешедшій на каѳедру философіи. Фишеръ былъ человѣкъ съ обширными и разнообразными свѣдѣніями, съ необыкновенно пылкимъ воображеніемъ, страстный, проведшій бурную молодость. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фишеръ былъ масонъ и мистикъ; онъ принялъ въ свою вѣру Сперанскаго и игралъ довольно важную роль въ исторіи русскаго масонства. Въ своей программѣ, представленной совѣту академіи, Фишеръ говоритъ, что его „курсъ философіи" будетъ разсматривать идеи о Богѣ, о свободѣ, о безсмертіи души, не какъ простые постулаты практическаго разсудка, употребляемые имъ для изъясненія нѣкоторыхъ обоюдностей, или для соглашенія противорѣчій, которыя находятся въ душѣ человѣческой и порядкѣ міра; но поколику они суть очевидное знаніе созерцающаго разума, которое отсвѣчивается въ образованныхъ изъ оныхъ понятіяхъ и составляетъ самую сущность внутренней жизни человѣка, какъ въ разсужденіи ея отрицатель-

ности, такъ и въ разсужденіи дѣятельности (Ист. Спб. Акад. Чистоваго, 176). Фишеръ продолжаетъ: „разумъ, изъ врожденной себѣ первоначальной идеи, произрождаетъ общіи свои идеи и отражаетъ ихъ въ разсудокъ, чрезъ зеркало сознанія (197). Противъ Фишера возсталъ калужскій архіепископъ Феофилактъ, тогда самый вліятельный членъ Святѣйшаго Синода, принимавшій дѣятельное участіе въ преобразованіи духовныхъ училищъ въ 1808 г., въ томъ числѣ и академіи; Феофилактъ съ ея открытіемъ самъ занялъ каѳедру словесности. Однокашникъ и другъ Сперанскаго, блестящій и свѣтскій Феофилактъ, котораго называли русскимъ Бріеномъ (это былъ французскій епископъ, примкнувшій къ революціи), онъ былъ самъ философъ, но совсѣмъ другаго направленія, „Кондильяковскаго", какъ выразился о немъ преосв. Филаретъ черниговскій. Феофилактъ на основаніи опытной философіи возсталъ противъ идеализма Фишера, именно противъ „его врожденной первоначальной идеи", которую Фишеръ принималъ за исходную точку своей философіи. Но, согласно господствовавшему тогда обычаю, Феофилактъ, не ограничиваясь научною стороной, бросилъ въ Фишера обвиненіе въ невѣріи, мистицизмѣ и иллюминатствѣ. При этомъ замѣчательно мнѣніе, высказанное обвиненнымъ въ неправославіи и пантеизмѣ архіепископомъ о философіи Канта. Феофилактъ указываетъ, что „Кантовой философіи цѣль есть двоякая: ниспроверженіе христіанства и замѣна его не деизмомъ, а совершеннымъ безбожіемъ". Упомянувши о вредѣ, который, по мнѣнію его, философія эта принесла въ Германіи, Феофилактъ говоритъ, что сѣмена ея посѣяны и въ Россіи выходцами изъ Германіи. Изъ таковыхъ выходцевъ, продолжаетъ онъ, замѣчательнѣйшіе суть: Фишеръ, присланный изъ С.-Петербургской духовной академіи; Буле, вытѣсненный изъ Московскаго университета; Паротъ, господствовавшій въ Дерптѣ; Якобъ, заразившій Харьковскій университетъ и оттуда истребованный въ С.-Петербургъ для содѣланія Кантовой философіи классическою книгой для всѣхъ высшихъ училищъ народнаго просвѣщенія (Ч. Об. Ист. и Др. 1859, 11; 128). Впрочемъ властолюбивый Феофилактъ, нетерпѣвшій соперниковъ, вооружился противъ Фишера не столько въ защиту благочестія, сколько за вліяніе Фишера па студентовъ, подрывавшее авторитетъ Феофилакта. Когда на дорогѣ Феофилакту сталъ своимъ проповѣдническимъ талантомъ Филаретъ, Феофилактъ и его

обвинялъ въ „пантеизмѣ“, за что Филаретъ въ свою очередь обвинялъ Феофилакта въ „неправославіи, натурализмѣ и пантеизмѣ“ за переводъ сочиненія Ансильона „эстетическія разсужденія“ (1813), сдѣланный студентами подъ надзоромъ Феофилакта и назначавшійся въ числѣ руководствъ по классу словесности. Фишеръ оставался въ академіи не долго. Преобразованная академія открыта была 17 февраля 1809 г., а 22 іюня 1810 г. Фишеръ уже былъ назначенъ при коммиссіи законовъ въ должности корреспондента по предметамъ уголовнаго права, гдѣ ему помогъ устроиться Сперанскій. Такимъ образомъ Фишеръ читалъ въ академіи только одному курсу начиная съ февраля въ теченіи пяти мѣсяцевъ. Изъ студентовъ перваго академическаго курса, слушавшихъ Фишера, 12 оставлены были для преподаванія въ самой академіи, въ томъ числѣ Павскій и Кочетовъ, 8 посланы были баккалаврами въ Московскую академію, между ними Гр. Левицкій, Мих. Бажановъ и Вас. Кутневичъ, а остальные 25 размѣщены профессорами по разнымъ губернскимъ семинаріямъ. Несмотря на кратковременное свое пребываніе въ академіи Фишеръ успѣлъ возбудить въ умахъ академическаго юношества новыя философскія идеи, которыя многіе изъ его учениковъ распространили далѣе, сдѣлавшись сами преподавателями. Въ запискѣ Н. И. Надеждина, приведенной Никитенко, разсказывается слѣдующее о преподаваніи философіи въ Московской академіи. „Я учился у учениковъ Фишера и знаю, какой энтузіазмъ возбуждало въ нихъ одно воспоминаніе, одно имя великаго учителя. Дѣйствительно, то немногое, что онъ успѣлъ сообщить имъ, было исполнено такой жизни, облито такимъ свѣтомъ, что душа, чувствующая потребность и силу мыслить, естественно должна была покориться непреодолимому магическому очарованію. Въ самой академіи слѣды преподаванія Фишера невозможно было истребить совершенно“. Феофилактъ предполагалъ вернуться снова къ Вольфу и Винклеру; но переведенный изъ Дерпта на каѳедру философіи, бывшій адъюнктъ профессоръ богословія въ Геттингенѣ Фонъ Хорнъ (1810—1814) имѣлъ добросовѣстность представить противъ этого серьезныя возраженія. По мнѣнію Хорна, „философія Винклера есть таже самая Вольфова философія, которой болѣе ста лѣтъ отъ роду... Философія нашего времени почти ни мало на нее не походитъ; соотношеніе между ними такое же, какое между дитятей и мужчиной“. Поэтому Фонъ-Хорнъ на лекціяхъ

допустилъ непрерывную критику Винклеровой системы и безпрестанное сравненіе его съ понятіями нынѣшняго вѣка. При этомъ Хорнъ былъ противникомъ Канта; онъ говоритъ о немъ: „Система эта, подвергшаяся осмѣянію и презрѣнію, неопровержимыми доказательствами со стороны ученыхъ людей опровергнута въ Германіи, и первые ученые Германіи ее почти совершенно истребили". При этомъ Хорнъ замѣчаетъ, что уже въ то время система Канта распространилась въ Россіи. По рекомендаціи Филарета, и видя невозможность удержать Винклера, коммиссія духовныхъ училищъ впослѣдствіи замѣнила руководство Винклера сочиненіями Карпе (Karpii „Institutiones philosophiae dogmaticae" (1804) и „Institutiones philosophiae moralis" (1813). Карпе былъ противникомъ философіи Канта и въ своемъ эклектическомъ изложеніи придерживался преимущественно Федера. Философія послѣдняго коренилась въ системѣ Лейбницо-Вольфовской, на основаніи которой Федеръ, исходя изъ опыта, создалъ эклектическую популярную философію съ преобладающимъ практическимъ направленіемъ, причемъ въ основаніе положены доказательства о реальности видимаго міра, о безтѣлесности и безсмертіи души, о существованіи, благости и премудрости Бога, какъ руководящія начала въ практической жизни, а въ анализѣ различныхъ побужденій человѣческой дѣятельности за исходную точку Федеръ принималъ ощущенія симпатіи. На этомъ фундаментѣ Федеръ построилъ практическую философію, которая прямою цѣлью ставила искусство наслажденія (Ноакъ). Такимъ образомъ коммисія духовныхъ училищъ доходила только до Канта и, начиная съ него, оффиціально не признавала новѣйшей германской философіи. Исторія преподаванія философіи въ Петербургской духовной академіи изложена въ интересныхъ о ней статьяхъ Ростиславова, студента академіи и потомъ профессора математики и физики (съ 1853 г.), одного изъ лучшихъ нашихъ писателей по предметамъ духовнаго быта (В. Евр. 1872 и 1883 г.). Послѣ Хорна преподавателемъ сдѣланъ былъ Вѣтринскій (1814—1826), магистръ перваго курса академіи, поступившій по окончаніи курса професоромъ философіи въ Петербургскую семинарію. „Вѣтринскій издалъ на латинскомъ языкѣ свои лекціи („Instutiones Metaphysicae". P. 1821), сочиненіе далеко не оригинальное, но все-таки доказывавшее въ авторѣ любовь къ своей наукѣ и желаніе заявить чѣмъ-либо полезнымъ свою профессорскую

дѣятельность, а не проводить время въ буддійскомъ покоѣ". Вынужденный впослѣдствіи читать по Винклеру, Вѣтринскій впалъ въ апатію и наконецъ перешелъ въ цензоры при главномъ управленіи. При немъ началъ свои чтенія по исторіи философіи магистръ V курса Красносельскій (1823—1830). Владѣя хорошимъ даромъ слова, преподавая свою науку съ воодушевленіемъ любителя ея, смѣло высказывая либеральныя идеи, онъ увлекалъ слушателей своими лекціями и принадлежалъ къ числу профессоровъ, оказавшихъ наибольшее вліяніе на студентовъ. Особенно интересовала ихъ та часть лекцій Красносельскаго, гдѣ онъ съ безпристрастіемъ ученаго разсматривалъ философію отцевъ церкви. Но усиленныя занятія разстроили его здоровье и на шестомъ году своего преподаванія онъ умеръ отъ чахотки. Поступившій еще до Красносельскаго въ академію родной его братъ, магистръ VI курса, Вершинскій (1816—1835), перевелъ краткую „исторію философскихъ системъ" Аста (1831), „обозрѣніе Пиѳагоровой системы Риттера" (1832) и „систему логики Бахмана" (1883). Но онъ читалъ невыносимо небрежно, можетъ-быть чтобы избѣгнуть обвиненія въ вольнодумствѣ, и въ 1835 году перешелъ въ Штутгардтъ придворнымъ священникомъ. Въ 1830 году, по случаю смерти Красносельскаго, на каѳедру исторіи философіи переведенъ изъ преподавателей англійскаго языка поступившій въ Петербургскую академію въ 1825 г. и окончившій курсъ магистромъ Ф. Ф. Сидонскій (1830—1833); но вмѣсто исторіи ему поручено было съ перваго же раза читать метафизику, нравственную философію и естественное право.

Сидонскій, еще будучи студентомъ академіи, былъ извѣстенъ обширными свѣдѣніями, неутомимымъ прилежаніемъ и слылъ поклонникомъ тогдашнихъ нѣмецкихъ представителей философіи Шеллинга, Окена, Гербарта, Круга и друг. Сидонскій, только что кончившій курсъ не обладалъ всѣми необходимыми свѣдѣніями для выполненія такой обширной программы; поэтому студенты сначала не были довольны его лекціями, хотя и тутъ онъ нерѣдко умѣлъ заинтересовать и даже удивлять своихъ слушателей. Сидонскій сообщилъ имъ весьма многія изъ тѣхъ идей, которыя въ то время занимали нѣмецкихъ и французскихъ мыслителей; онъ затрогивалъ и поддерживалъ любознательность студентовъ и пробуждалъ въ нихъ стремленіе къ философскому мышленію. Начиная съ сентябрьской

трети 1831 г. Сидонскій явился довольно подготовленнымъ къ тому, чтобы читать философію по собственнымъ своимъ запискамъ. Студенты были весьма довольны новыми лекціями, хотя эти лекціи, какъ первый опытъ молодого человѣка, не могли не имѣть многихъ недостатковъ. Вдругъ, на экзаменѣ въ 1833 г. разыгралась неожиданная сцена. На этомъ экзаменѣ присутствовали тогдашній ректоръ академіи Венедиктъ Григоровичъ и назначенный въ 1832 г. оберъ-священникомъ арміи и флота, бывшій профессоръ философіи въ Московской академіи, Кутневичъ. Между Сидонскимъ и экзаменаторами завязался споръ, и, въ отвѣтъ на сдержанный и полный чувства собственнаго достоинства отпоръ Сидонскаго, экзаменаторы разразились безобразными криками: по словамъ Ростиславова, сцена была отвратительная, забыты всѣ приличія, соблюдаемыя при ученыхъ спорахъ, и трудно было рѣшить, чѣмъ бы все окончилось, если бы не пріѣхалъ на экзаменъ митрополитъ Серафимъ. Что было причиною такого поведенія ученика Фишера и бывшаго либеральнаго философа,— простое ли разномысліе или несовершенная опредѣлительность, понятная въ преподаваніи молодаго баккалавра — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ сцена эта, напоминающая извѣстный экзаменъ въ Петербургскомъ университетѣ, производившійся Руничемъ и Кавелинымъ у проф. Плисова,—очень характеристична для своего времени. Какъ бы то ни было, Сидонскій съ каѳедры философіи переведенъ былъ на уроки французскаго языка. Но онъ увлекся своею страстью къ философствованію и вмѣсто того, чтобы обучать студентовъ только французскому языку, онъ возложилъ на себя обязанность учить ихъ философіи, такъ сказать въ отрывочномъ видѣ. Встрѣтится что-нибудь замѣчательное при переводѣ статей французской хрестоматіи, Сидонскій пускался въ философскія разсужденія (В. Ев. 1883 г. VIII, 591—598). Въ 1835 году новый ректоръ академіи Виталій Щепетовъ изъ Московской академіи, выдвинутый митрополитомъ Филаретомъ и находившійся подъ постояннымъ его покровительствомъ (впослѣдствіи московскій викарій, умершій костромскимъ архіереемъ), удалилъ Сидонскаго вовсе изъ преподавателей за оказываемое имъ неуваженіе къ митрополиту Филарету, вмѣстѣ съ проф. словесности Делекторскимъ, котораго единственная вина состояла въ томъ, что онъ слогъ въ проповѣдяхъ Филарета находилъ напыщеннымъ и не заслуживающимъ подражанія. Сидонскій продолжалъ свои занятія философіей и послѣ выхода изъ

академіи; вслѣдъ за тѣмъ онъ издалъ лекціи свои исправленныя и пополненныя, подъ заглавіемъ „Введеніе въ науку философіи“ (Спб. 1833 г.). Книга эта удостоена полной демидовской преміи; въ ней Сидонскій предположилъ себѣ цѣлью объяснить всю важность и пользу философскихъ задачъ, указать путь къ возможному ихъ рѣшенію и, наконецъ, опровергнуть недоразумѣнія и вкоренившіеся предразсудки на счетъ философіи,—именно несовмѣстимость ея съ вѣрою и откровеніемъ. Книга эта, пропущенная свѣтской цензурою возбудила противъ себя гоненія въ духовной средѣ и отдана была для раскритикованія викарію петербургской епархіи Григоровичу, при участіи проф. Карпова, но критика ихъ не имѣла послѣдствій. Кромѣ того Сидонскій перевелъ Шульца „Психическую антропологію“ (2 вып. Спб. 1836 г.) и разсужденіе Ансильона „объ общемъ и частномъ“ (Ж. М. Н. Пр. за 1844 г.). Въ 1864 году Сидонскій удостоенъ за ученыя заслуги степени доктора философіи Петербургскимъ университетомъ и въ 1865 г. поступилъ туда на должность законоучителя и профессора философіи. Послѣ Сидонскаго должность профессора философіи въ академіи занялъ воспитанникъ Кіевской академіи, занимавшійся уже тамъ преподаваніемъ въ теченіе четырехъ лѣтъ—Карповъ (1833—1844), извѣстный переводчикъ Платона. (Соч. Платона. 2 ч. Спб. 1841 г.— шесть разговоровъ и седьмой (Федонъ) въ IV т. „Пропилей“ изданія Леонтьева) и „Исторіи философіи Риттера (Спб. 1839 г.). По словамъ Ростиславова, въ своихъ лекціяхъ Карповъ развивалъ ту мысль, что въ природѣ есть нѣчто особенное, которое онъ называлъ жизнью природы. Конечно, не только теперь, но и въ то время система Карпова не могла выдержать серьезной критики. Карповъ очень неудовлетворительно зналъ всѣ науки, относящіяся къ естествознанію, даже физику, и свою теорію мірозданія строилъ по тогдашнему обычаю, изъ идей a priori, не заботясь согласны ли онѣ съ тѣми фактами, съ которыми ознакомило людей естествознаніе. При всемъ томъ Карповъ въ свое время весьма интересовалъ студентовъ своими лекціями. Онъ былъ тогда въ цвѣтущемъ возрастѣ, вѣрилъ въ непогрѣшимость своей философіи природы, съ воодушевленіемъ, даже съ энтузіазмомъ старался передать свою вѣру студентамъ, излагалъ свои мнѣнія въ строго-логическомъ порядкѣ, сообщалъ много интересныхъ свѣдѣній и главное расшевеливалъ любознательность слушателей, заставлялъ ихъ размышлять (Т. 601). Отзывъ Рости-

славова не даетъ никакого понятія о системѣ философіи, выработанной Карповымъ, точно также и черезчуръ краткое и недостаточно ясное ея изложеніе въ исторіи русской философіи архим. Гавріила. Пополнить этотъ пробѣлъ собственными сочиненіями Карпова нѣтъ достаточно данныхъ, какъ это видно изъ слѣдующаго перечня оставшихся послѣ Карпова трудовъ: Введеніе въ философію (Спб. 1840 г.) Систематическое изложеніе логики (Спб. 1856 г.) Взглядъ на движеніе философіи въ мірѣ христіанскомъ и на причины различныхъ ея направленій (Ж. М. Н. Пр. 1856 г.). Карповъ изъ философовъ преимущественно останавливался на Платонѣ и былъ человѣкъ религіозный, всячески старавшійся не расходиться съ православіемъ. Филаретъ на экзаменѣ убѣдился, что философія Карпова ведетъ къ религіи, и благодарилъ его за такое преподованіе. Духъ, господствовавшій въ это время (1810—1840) въ академіи, Ростиславовъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „тогда въ Петербургской духовной академіи господствовалъ *добрый духъ,* который стремился къ философскому самомышленію, къ свободному пересмотру началъ знанія и вѣры, къ самостоятельности въ жизни. Можетъ быть хоть и не вполнѣ, онъ получилъ свое начало въ первомъ еще курсѣ. Многіе изъ студентовъ, пріѣхавшихъ въ академію, были изъ учителей, изъ воспитанниковъ Кіевской, Московской, Александро-Невской академій; они не позволяли себя трактовать какъ мальчишекъ, да и первые два ректора не убивали ихъ самостоятельности. Кромѣ того и въ научномъ отношеніи они дѣлали большіе шаги впередъ и могли, хоть и не всѣ, считать себя образованными людьми по тогдашнему времени. Филаретъ Дроздовъ старался было подавить этотъ духъ и студентовъ передѣлать въ нѣчто похожее на монастырскихъ послушниковъ; отъ этого второй, третій и отчасти, четвертый выпуски были несравненно слабѣе перваго. Но духъ не былъ вполнѣ задавленъ, онъ всетаки поддерживался Павскимъ, Сербжинскимъ, Райковскимъ и другими наставниками, и потому при Григорьѣ Постниковѣ онъ опять пробудился и ожилъ, отчего студенты, начиная съ шестаго выпуска, оказались даже лучше студентовъ перваго. Наконецъ, при Иннокентіи Борисовѣ и Красносельскомъ поокрѣпнулъ духъ философской любознательности, даже духъ довольно сильнаго стремленія къ религіозной и политической независимости. Пусть обучавшіеся въ то время въ академіи припомнятъ тѣ горячіе и оживленные споры о

философскихъ, богословскихъ и прочихъ предметахъ, которые тогда происходили у студентовъ и между собой въ комнатахъ, и съ наставниками въ классахъ. Что касается до высказавшихся мыслей то ихъ теперь нельзя было бы напечатать, по независящимъ отъ автора обстоятельствъ. Къ любимымъ предметамъ принадлежали философія и богословіе, особено въ раціоналистическомъ тонѣ. Развѣ мало было труженниковъ, которые, такъ сказать, корпѣли надъ сочиненіями Канта, Шеллинга, Гербарта, Шада, Круга, Вегшейдера, Брейтшнейдера, Розенмюллера, Маргейнекке и проч. Студенты любили также заниматься и словесностью, съ жадностью читали критическія и ученыя статьи „Московскаго Телеграфа" и предпочитали его „Телескопу". Романы Вальтеръ Скотта, Купера и особенно Загоскина чуть ли не всѣхъ интересовали. Академисты не чуждались даже и политики и въ этомъ отношеніи едва ли не были выше студентовъ, по крайней мѣрѣ Пететербургскаго университета (В. Ев. 1872 г. IX, 199—201). Не смотря на гнетъ подъ которымъ имъ приходилось жить въ тридцатыхъ, сороковыхъ и даже въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, сѣмена, посѣянныя Иннокентіемъ, Красносельскимъ, Делекторскимъ, Павскимъ и проч. не погибли, а давали отростки; духъ пытливости, критизма и любознательности былъ истребляемъ, но не истреблялся въ академіи; а недовольство господствовавшими въ духовно-учебномъ и духовномъ вѣдомствѣ безпорядками и злоупотребленіями едва ли не увеличивалось" (тамъ же, 205—206).

Но этимъ проблескамъ свободнаго развитія философской мысли какъ въ Петербургской академіи, такъ и въ другихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, скоро положила конецъ такъ называемая *Протасовская реформа.* Распространеніе въ двадцатыхъ годахъ мистицизма и близкія сношенія православнаго духовенства съ иновѣрнымъ въ дѣятельности библейскаго общества не могли не оставить слѣдовъ и въ нашей церковной догматикѣ; допускалась относительно нѣкоторая свобода толкованія, разумъ считался однимъ изъ источниковъ богословскаго познанія, вѣротерпимость получила болѣе широкіе размѣры. Со стороны строгихъ ревнителей православія эта эпоха получила названіе *протестантскаго направленія.* Дѣйствительно, какъ мы видѣли сейчасъ, протестантское раціоналистическое богословіе получило въ то время распространеніе между молодежью въ духовныхъ училищахъ, и какъ впослѣдствіи

матеріализмъ и атеизмъ въ лицѣ Фейербаха, Бюхнера и Молешота увлекалъ тамъ умы молодежи, такъ въ то время богословіе Вегшейдера, считавшееся катехизисомъ раціонализма, было любимымъ *запрещеннымъ* чтеніемъ между молодежью. Представителемъ этого направленія былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ іерарховъ, Херсонскій архіепископъ Иннокентій Борисовъ, магистръ перваго курса (1823 г.) Кіевской академіи, вызванный въ 1823 г. въ инспекторы Петербургской академіи и съ 1824—1830 годъ занимавшій должность инспектора и преподавателя богословія въ Петербургской академіи. Иннокентій занимался съ большимъ усердіемъ богословскою иностранною литературою; можно сказать, что онъ прочиталъ все, что тогда выходило замѣчательнаго въ ней, принадлежало ли это тогдашнимъ раціоналистамъ и теологамъ, или защитникамъ католической и протестантской догмы. Въ своихъ академическихъ лекціяхъ основнаго или догматическаго богословія (въ 1829 — 30 г.) онъ смѣло касался раціоналистическихъ идей, оцѣнивалъ и критиковалъ ихъ, какъ прилично наставнику духовной академіи, но не ратовалъ противъ нихъ, какъ фанатикъ. Студенты были увлечены этими лекціями, заслушивались ихъ и выходили изъ класса въ полномъ очарованіи (В. Евр. 1872 г., IX, 175). Конечно, дѣло не обошлось безъ преслѣдованій. Еще въ 1827 году, когда диссертаціи на ученыя степени воспитанниковъ академіи по предмету богословія, согласно уставу, поступили въ коммиссію духовныхъ училищъ и отданы были на разсмотрѣніе Рязанскому архіепископу (впослѣдствіи Кіевскому митрополиту) Филарету, послѣдній замѣтилъ въ двухъ изъ нихъ неправославную мысль, заявленную впрочемъ еще Оригеномъ, что язычникамъ, которые жили на бѣломъ свѣтѣ добродѣтельно, не придется всю вѣчность мучиться въ аду. Филаретъ смутился и, говорятъ, на колѣняхъ умолялъ членовъ коммиссіи положить конецъ нечестію. Но на этотъ разъ дѣло обошлось безъпослѣдствій и тогдашній ректоръ академіи успокоилъ митрополита Серафима. Это происшествіе только обратило вниманіе на Иннокентія, распространивъ славу о немъ въ обществѣ. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, когда Иннокентій уже перешелъ ректоромъ въ Кіевскую академію, на него поднялась гроза, болѣе опасная. На него возсталъ уже не строгій и мелочный, но отходчивый и благодушный ревнитель Филаретъ Кіевскій,—возсталъ самъ Филаретъ Московскій, никогда не мирившійся съ та-

лантомъ и самостоятельностью, до конца преслѣдовавшій всякаго, кто можетъ стать на его пути. Доставши лекціи Иннокентія, Филаретъ свое обвиненіе перенесъ въ высшую инстанцію. Иннокентію посланъ былъ запросъ: онъ отказался и отъ своихъ лекцій, и отъ дальнѣйшаго продолженія въ томъ же духѣ своего преподаванія. Къ этому обвиненію присоединилось совсѣмъ уже другое обстоятельство. Въ 1836 году Иннокентій пріѣхалъ въ Петербургъ и сблизился съ Протасовымъ; ходило предположеніе, что Иннокентій сдѣлается пособникомъ ненавистнаго духовенству оберъ-прокурора въ задумываемыхъ имъ преобразованіяхъ. Митрополитъ Серафимъ испросилъ у Государя высылку Иннокентія въ Кіевъ, затѣмъ (въ 1849 году) онъ былъ уволенъ отъ должности ректора Кіевской академіи и, назначенный епископомъ, началъ свое странствованіе по епархіямъ, начиная съ Вологды (1847 г.). Такъ прекратилъ свою полезную дѣятельность по духовному образованію, еще въ полномъ разцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и образованныхъ представителей нашего духовенства.

Тогдашніе высшіе іерархи, преслѣдуя формальное уклоненіе отъ рутиннаго изложенія, не подозрѣвали, что сами они находятся въ рукахъ неожиданнаго союзника, который не только далеко превзойдетъ ихъ въ стѣсненіи свободы мысли, но и нанесетъ духовному образованію такой ударъ, отъ котораго оно долго не встанетъ на ноги. 25 іюня 1835 года на должность оберъ-прокурора назначенъ былъ лейбъ-гусарскій полковникъ и флигель-адъютантъ графъ Протасовъ. Прежде всего Протасовъ привелъ въ порядокъ нищенскую обстановку студентовъ академіи, возведенную въ принципъ монашествующимъ начальствомъ, какъ средство удаленія академической молодежи отъ *свѣта* и воспитанія въ ней мысли объ отшельнической монастырской жизни, не пекущейся объ удобствахъ. Но образцомъ для академіи Протасовъ избралъ батальонъ военныхъ кантонистовъ и молодыхъ людей въ высшемъ духовномъ заведеніи подчинилъ чуть не всей строгости существовавшей тамъ дисциплины. На этомъ внѣшнемъ улучшеніи Протасовъ впрочемъ не остановился; виды его простирались гораздо дальше и онъ задумалъ коренную реформу въ духовенствѣ, взявшись за дѣло съ корня и направивъ свою преобразовательную дѣятельность исключительно на воспитаніе духовенства. Реформу эту, въ про-

тивуположность обнаружившемуся въ то время протестантскому направленію, обыкновенно называютъ *католическою*; но авторъ исторіи Петербургской семинаріи, г. Надеждинъ, совершенно справедливо замѣчаетъ, что это—случайное совпаденіе; что реформа эта, которой онъ придаетъ названіе „консервативно-дисциплинарной," была только необходимымъ результатомъ всей цѣлости тогдашняго направленія, стремившагося къ подавленію всякихъ свободныхъ проявленій и вопросовъ, возбуждающихъ дѣятельность мысли, къ охраненію власти, порядка и однообразія не только въ формахъ жизни, но и знанія. Красноярскій епископъ Никодимъ, бывшій тогда ректоромъ Вятской семинаріи и вызванный Протасовымъ, чтобы сдѣлать его орудіемъ исполненія задуманныхъ имъ плановъ, въ интересной статьѣ „о Филаретѣ митрополитѣ Московскомъ моя память," помѣщенной въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн." за 1877 годъ, подробно разсказываетъ о сношеніяхъ своихъ съ Протасовымъ по этому предмету. Цѣль своихъ предположеній по преобразованію духовнаго образованія Протасовъ объяснилъ Никодиму такимъ образомъ. „Изъ семинарій поступаютъ въ священники по селамъ. Имъ надобно знать сельскій бытъ и умѣть быть полезными крестьянину даже въ его дѣлахъ житейскихъ. Итакъ, на что такая огромная богословія сельскому священнику? Къ чему нужна ему философія, наука вольномыслія, вздоровъ, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрія, дифференціалы, интегралы? Пусть лучше затвердятъ хорошенько катехизисъ, церковный уставъ, нотное пѣніе и довольно! Высокія науки пусть останутся въ академіяхъ". Никодимъ отстаивалъ необходимость высшихъ наукъ для воспитанниковъ семинаріи, подготовляемыхъ въ священники, въ особенности философіи; при этомъ онъ между прочимъ выразился: „Императоръ Александръ Павловичъ уничтожилъ въ университетахъ философію, опасаясь конечно вольностей. Что же вышло? Пустыя науки, науки безъ зерна, сдѣлали пустыми головы студентовъ: и мы имѣемъ несчастіе записать въ исторію 14 декабря 1825 года". Протасовъ, въ видѣ окончательнаго довода высказалъ: „Когда я напомянулъ Государю, что въ духовныхъ семинаріяхъ читаютъ философію, Государь въ гнѣвѣ и въ недоумѣніи воскликнулъ: „какъ? у духовенства есть философія, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука! изгнать ее! Государь не терпитъ самого имени философіи". Такимъ образомъ по мысли Гр. Протасова образова-

ніе духовенства должно было получить сословно-профессіональный или лучше сказать техническій характеръ; священникъ обращался въ простаго исполнителя требъ во всемъ согласно установленному обряду; его обязанностью дѣлалось помогать крестьянину даже въ его житейской, повседневной обстановкѣ, совершенно чуждой призванію служителя алтаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ священникъ теряетъ значеніе пастыря-наставника, освѣтившаго мірское знаніе свѣтомъ христіанской религіи. Реформу свою Гр. Протасовъ проводилъ не вдругъ, постепенно, но рѣшительно и радикально. На первый разъ онъ предложилъ коммиссіи духовныхъ училищъ истребовать конспекты богословскихъ наукъ изъ всѣхъ семинарій, чтобы поставить богословіе въ болѣе узкія и утилитарныя рамки, приноровивъ его къ ближайшему ознакомленію съ церковнымъ преданіемъ и обрядностью, вооруживъ его полнымъ запасомъ для борьбы съ расколомъ (богословіе обличительное.) Для разсмотрѣнія присланныхъ конспектовъ учрежденъ былъ въ 1837 г. особый комитетъ при конференціи С.-Петербургской академіи, на который возложено было изданіе книгъ богословскихъ, пригодныхъ въ качествѣ классическихъ учебниковъ и вспомогательныхъ. На основаніи доклада этого комитета состоялось распоряженіе коммиссіи духовныхъ училищъ, сообщенное академіямъ и оттуда разосланное по семинаріямъ, гдѣ подробно изложены программы преподаванія богословскихъ и философскихъ наукъ, съ указаніемъ руководствъ и учебныхъ пособій, обязательно рекомендованныхъ коммиссіей. Преподаваніе вообще было стѣснено и ему приданъ характеръ болѣе утилитарный, нежели развивающій. Въ отношеніи къ философіи коммиссія предположила: „какъ руководительной нити держаться того правила, что истиннаго и спасительнаго познанія должно искать выше разума человѣческаго—въ откровеніи Божіемъ. Истинная *смиренная* философія должна сдѣлаться служительницею истинной религіи, способной низлагать возношенія ложной, гордой, самонадѣянной философіи, вздымающейся на разумъ Божій" (Ист. Спб. акад., Надеждина, стр. 127). „Логика не должна быть отуманена отвлеченіями критицизма, которыхъ разбирательство для незрѣлыхъ умовъ представляетъ болѣе трудность нежели пользу; въ философіи нравственной отнюдь не вдаваться въ изслѣдованія, превышающія возрастъ учащихся, или находящіяся въ сторонѣ отъ цѣли для нихъ предпоставленной, ка-

ковы напримѣръ изслѣдованія, относящіяся къ праву естественному". Сообразно этой цѣли, указаны были для всѣхъ наукъ обязательныя руководства. Это было послѣднее распоряженіе коммиссіи духовныхъ училищъ, ея лебединая пѣснь: 1-го марта 1839 г. коммиссія была закрыта и все дѣло духовнаго образованія сосредоточено въ духовно-учебномъ управленіи при святѣйшемъ синодѣ, подъ главнымъ управленіемъ оберъ-прокурора. Тогда у Гр. Протасова руки были развязаны; онъ провелъ безпрепятственно свой проектъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденый 21 августа 1840 года. На основаніи этого проекта измѣнено преподаваніе богословія въ семинаріи, изъ философіи оставлены только логика и психологія, введены новые предметы, а именно науки естественныя и науки медицинскія и сельскаго хозяйства. И этому не противорѣчилъ митрополитъ Филаретъ, всегда защищавшій цѣльность духовнаго образованія и философскій его фундаментъ. Въ разговорѣ съ Никодимомъ по поводу Протасовскихъ преобразованій митрополитъ, правда, пожалѣлъ объ урѣзываніи философіи и математики, замѣтивши, что „науки сіи нужны въ семинаріи, какъ оселокъ испытанія, изощренія и приведенія въ порядокъ мыслящаго духа", но тутъ же съ практическимъ благоразуміемъ, прибавилъ: „надобно же въ *чемъ-нибудь* (?!) и имъ (свѣтскимъ) уступить, чтобы отъ нетерпѣливости не перепортили *всего*". Такимъ образомъ свобода движенія философской мысли значительно сокращена въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, ограничиваясь, да и то въ несравненно меньшемъ объемѣ, преподаваніемъ только въ духовныхъ академіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ основаніе духовнаго образованія положены были слѣдующія начала: церковнымъ заповѣдямъ, преданію и обряду отведено преобладающее значеніе при обученіи и во всей практической жизни; признана неприкосновенность установившагося славянскаго перевода библіи; недозволено читать священное писаніе всякому, безъ особаго руководителя, дабы чрезъ то не впадать въ религіозныя умствованія. Все это, безъ сомнѣнія, пріемы чисто католическіе, но они не заимствованы извнѣ, а сами выработались всѣмъ строемъ господствовавшаго тогда направленія и должны были получить такой именно характеръ, чтобъ возможно было и эту сферу подвести подъ общій уровень современнаго гражданскаго устройства.

Кромѣ семинарій тяжесть Протасовской реформы упала въ

особенности на Петербургскую духовную академію, какъ на ближайшую. Разочаровавшись въ архимандритѣ Никодимѣ, Протасовъ нашелъ усерднаго помощника въ ректорѣ Херсонской семинаріи, архимандритѣ Аѳанасіи Дроздовѣ, который, по выраженію преосвященнаго Филарета Гумилевскаго, „одержимъ былъ сильною охотою сдѣлать угодное людямъ вѣка". Воспитанникъ Московской академіи, архимандритъ Аѳанасій (впослѣдствіи астраханскій архіепископъ) назначенъ былъ ректоромъ Петербургской академіи въ 1841 г. и оставилъ ее епископомъ саратовскимъ въ 1847 году. Архимандритъ Аѳанасій съ 1829—1838 г. былъ ректоромъ Костромской духовной семинаріи и былъ большимъ пріятелемъ моего отца. Аѳанасій былъ человѣкъ ученый и блестящій, онъ зналъ восточные и древніе языки и нѣсколько новыхъ, въ томъ числѣ англійскій, который онъ преподавалъ въ Московской духовной академіи. По разсказамъ моего отца Аѳанасій былъ отлично знакомъ съ новой нѣмецкой философіей, излагалъ ее съ увлекательной ясностью въ живомъ разговорѣ, но далеко не былъ самъ направленія строго православнаго. За данное ему Протасовымъ порученіе ректоръ Аѳанасій взялся очень горячо и даже перешелъ въ крайность: по крайней мѣрѣ лица, изучавшія исторію академіи за то время, находятъ, что чѣмъ болѣе они знакомятся съ дѣятельностію Аѳанасія, тѣмъ ниже она оцѣнивается, хотя Аѳанасій прекрасно умѣлъ устроить показную часть и при немъ академія стояла на виду. Преемникомъ Карпова по каѳедрѣ академіи сдѣланъ былъ при Аѳанасіи профессоръ философіи въ Петербургскомъ университетѣ и педагогическомъ институтѣ Фишеръ (въ акад. 1843—1853). Курсъ свой Фишеръ началъ съ такого опредѣленія: „основаніе философіи суть священное уваженіе къ религіи, непоколебимая вѣрность къ монарху и безусловное повиновеніе существующимъ законамъ" (Ист. фил. арх. Гавріила. Каз. 1840, ч. VI, 148).

Московская духовная академія по преобразованіи переведена была въ Троицко-Сергіевскую лавру и открыта 1 октября 1814 г. Въ Московскую академію принесъ съ собою философію ученикъ Фишера, Кутневичъ (1815—1824). Кутневичъ былъ человѣкъ умный и даровитый; его время было самою блестящею эпохою для изученія философіи въ академіи. Смирновъ, въ своей исторіи Московской духовной академіи, говоритъ: занятіе философіею сдѣлалось серьезнымъ; студенты доходили при Кутневичѣ до увлеченія

въ изученіи науки мудрости. Наставникъ познакомилъ ихъ со многими новыми книгами, выходившими въ ту пору на западѣ; всякую новую, сколько-нибудь замѣчательную книгу онъ выписывалъ для академіи. Такъ онъ выписалъ въ одинъ разъ Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби, исторію философіи Теннемана и другія философскія книги. Подобная выписка книгъ была ежегодно. Одинъ изъ учениковъ его, студентъ втораго курса академіи Ф. Ф. Измайловъ, бывшій потомъ профессоромъ физико-математическихъ наукъ въ Виѳанской семинаріи (Взглядъ на собственную прошедшую жизнь. М. 1860 г. и продолженіе въ Православномъ Обозрѣніи за іюль 1879), говоритъ о Кутневичѣ: „профессоръ былъ человѣкъ очень умный и близко знакомый съ новѣйшею въ то время философіей. Профессоръ нашъ любилъ идеализмъ и уважалъ преимущественно Платона и всѣхъ новѣйшихъ философовъ; метафизики и нравственной философіи намъ не читалъ, а съ главными ихъ предметами знакомилъ насъ профессоръ при чтеніи философской исторіи“. Изъ тѣхъ же воспоминаній видно, что въ 1816 г. студенты перваго курса въ числѣ 24 человѣкъ образовали изъ себя ученое общество подъ названіемъ „ученыя бесѣды“, гдѣ принимали видное участіе студенты того времени — извѣстные впослѣдствіи профессора Голубинскій и Делицынъ. На этихъ бесѣдахъ, говоритъ Измайловъ, тѣ изъ насъ, младшіе и старшіе, которые любили философію, часто въ свободные часы сходились на бесѣду, философствовали, спорили помогали другъ другу въ пониманіи Кантова ученія, трудились надъ переводомъ техническихъ словъ его языка и разбирали системы его учениковъ, которые не сходились ни съ нимъ, ни между собою въ своихъ мнѣніяхъ (Ист. Смирн. 147). Въ 1820—1824 году, когда Надеждинъ былъ студентомъ Московской духовной академіи, философскія науки читалъ тамъ іером. Гавріилъ Воскресенскій, извѣстный впослѣдствіи профессоръ философіи въ Казанскомъ университетѣ и авторъ „Исторіи философіи“, въ томъ числѣ и русской, Кутневичъ и Голубинскій, а исторію философскихъ системъ Молчановъ. По свидѣтельству Надеждина духъ философскаго мышленія сильно овладѣлъ тогда умами студентовъ Московской академіи. „Невозможно вообразить, говоритъ Надеждинъ, какое одушевленіе, какая, можно сказать, страсть къ философіи господствовала тогда въ уединенныхъ стѣнахъ Сергіевской лавры; когда я поступилъ въ студенты ака-

деміи въ 1820 году, тамъ уже находились цѣлые переводы (въ рукописи) Кантовой „критики чистаго разума", „эстетики Бутервека", Шеллинговой философіи религіи и т. п., переводы, которые жадно списывались юношами, собранными изъ разныхъ концовъ неизмѣримой Россіи". Послѣ Кутневича въ теченіи 36 лѣтъ (1818 — 1854) каѳедру философіи занималъ ученикъ Кутневича, уроженецъ Костромы, протоіерей Ѳ. А. Голубинскій. Судя по разсказамъ его слушателей и всѣхъ его знавшихъ, Голубинскій былъ замѣчательный мыслитель. Извѣстіе о перепискѣ Ѳедора Александровича съ Океномъ, по отзыву сына его, проф. Дм. Ѳ. Голубинскаго, не вѣрно; но онъ дѣйствительно извѣстенъ былъ Шеллингу, — по какому именно случаю неизвѣстно. По крайней мѣрѣ, когда кн. С. Н. Урусовъ посѣтилъ Шеллинга, то послѣдній между прочимъ спросилъ его о Голубинскомъ; на отвѣтъ кн. Урусова, что онъ о Голубинскомъ не имѣетъ никакого понятія, Шеллингъ замѣтилъ: „стыдно русскому не имѣть никакого понятія о такомъ замѣчательномъ мыслителѣ". Изъ числа посѣщавшихъ Троицкую лавру иностранцевъ, Голубинскій поразилъ своимъ знакомствомъ съ нѣмецкою философіей и глубиною своего взгляда бар. Гактсгаузена, которому онъ показывалъ достопримѣчательности лавры. Кромѣ 9 словъ (Приб. къ твор. Св. Отцевъ ч. XIII—XIV) Голубинскій напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка" (о конечныхъ причинахъ), М. 1855 г. Изъ лекцій его изданы подъ редакціей протоіерея Назаревскаго, „Умственное богословіе" (М. 1868) и „Метафизическая психологія" (М. 1871 г.). Въ настоящее время изданы редакціей „Чтеній въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія"—„Общее введеніе въ философію," „пропедевтика въ метафизику", „онтологія или гносеологія" (т. е. наука, сообщающая понятія о всеобщихъ коренныхъ свойствахъ вещей и о необходимыхъ основаніяхъ ихъ бытія) и вторымъ изданіемъ умозрительное богословіе. Философская система Голубинскаго охарактеризована въ послѣднемъ изданіи слѣдующимъ образомъ: „центромъ его философіи является идея о существѣ безконечномъ. Происхожденіе и значеніе этой идеи въ ряду всѣхъ другихъ нашихъ познаній, доказательство ея объективности и построенная на этомъ система выводовъ составляютъ лучшія мѣста онтологіи Голубинскаго. Ученіе его о доказательствахъ

бытія Божія, свойствахъ Божіихъ, міротвореніи и міроправленіи въ умственномъ богословіи и богоподобныхъ свойствахъ души человѣческой въ психологіи можно считать едва ли не самымъ лучшимъ развитіемъ деизма. Крайне было бы ошибочно считать философскую систему Голубинскаго не оригинальной и эклектической только потому, что она не блещетъ никакими крайностями и односторонностями философскихъ доктринъ запада и во многихъ случаяхъ согласно то съ ученіемъ Платона и Якоби (въ особенности объ идеяхъ), то Канта (въ ученіи о происхожденіи формъ чувственнаго воспріятія, пространства и времени, равно какъ и категорій разсудка), то второстепенныхъ мыслителей, которыхъ философствованіе согрѣто было религіознымъ чувствомъ, какъ то Баадера, Зайлера, Поарета и другихъ. Философія Голубинскаго является результатомъ самостоятельной работы мыслителя, какъ въ критикѣ различныхъ философскихъ системъ, такъ и въ положительномъ развитіи и обоснованіи идей философскихъ (Вып. 1, 18). Въ общемъ смыслѣ изъ нѣмецкихъ системъ философія Голубинскаго примыкаетъ болѣе всего къ Якоби, деисту, имѣющему нѣкоторое отношеніе къ Канту, на почвѣ философіи котораго выросла философская система Якоби. Философія Якоби въ эпоху Голубинскаго получила важное значеніе въ Московской академіи—такъ философская часть въ лекціяхъ о словесности проф. Доброхотова также была проникнута этою системою. Голубинскій былъ противникомъ системы Гегеля и въ періодъ ея преобладанія читалъ о ней критическія лекціи; а въ своихъ разговорахъ съ Гакстгаузеномъ Голубинскій выразился о Шеллингѣ, что онъ отъ однаго берега отсталъ, а къ другому не присталъ. Въ „исторіи Московской академіи“ Смирнова сообщается между прочимъ, что Голубинскій перевелъ книгу Кернера „die Seherinn von Prevost“ (Превостская Ясновидящая), надѣлавшую въ свое время такого шума между послѣдователями мистицизма. Разсказывая судьбу философской науки, нельзя не замѣтить факта, что реакція менѣе всего отражалась на московскихъ образовательныхъ учрежденіяхъ. Въ свое время реакція Магницкаго и компаніи менѣе всего отразилась на Московскомъ университетѣ; Протасовская реакція, благодаря митрополиту Филарету, совсѣмъ не задѣла Московской академіи. Митрополитъ Филаретъ любилъ хозяйничать у себя самовластно и порой безжалостно; но не любилъ допускать вмѣ-

шательство другихъ. Философію, пока она держалась въ опредѣленныхъ границахъ, митрополитъ Филаретъ не трогалъ и даже внимательно прочитывалъ всѣ сочиненія по предмету философіи студентовъ академіи и дѣлалъ на нихъ замѣчанія, но при этомъ Филаретъ былъ не только участникомъ, даже главнымъ виновникомъ распоряженій коммиссіи духовныхъ училищъ 1838 г., гдѣ главная цѣль была сократить рамки философскаго преподаванія и сдѣлать его сухимъ и безжизненнымъ заучиваніемъ плохихъ учебниковъ. Филаретъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы безъ крайней необходимости и требованія свыше преслѣдовать *ученіе*; рѣдко въ этомъ случаѣ его побуждалъ къ этому личный и непонятный капризъ. Такъ, Филаретъ почти на всякомъ публичномъ испытаніи возставалъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ въ теоріи словесности и всего болѣе преслѣдовалъ статьи о геніи. Филаретъ вооружался противъ *людей*, когда они могли занять видное мѣсто по своимъ талантамъ или не преклонялись безусловно предъ его авторитетомъ. Такъ мы видѣли, какъ онъ, едва оперившись, низвергъ Феофилакта, удалилъ отъ полезной дѣятельности Иннокентія, вызвалъ отставку профессоровъ С.-Петербургской академіи Делицкаго и Сидонскаго, въ Московской академіи вооружался противъ лекцій о словесности проф. Доброхотова, проникнутыхъ философскимъ направленіемъ и имѣвшимъ, по отзыву Черниговскаго архіепископа Филарета Гумилевскаго, ученика и потомъ сослуживца Доброхотова, сильное вліяніе на умственное развитіе студентовъ (См. Исторію. Моск. ак. 54 и 55). Благодаря относительной терпимости Филарета въ Московской семинаріи установилась традиція по философской наукѣ, сложилась опредѣленная и устойчивая ея система: послѣ 36-лѣтняго преподаванія Ѳ. Ал. Голубинскаго, еще при немъ, съ 1854 г. началъ преподаваніе философіи ученикъ его, извѣстный проф. В. Дм. Кудрявцевъ-Платоновъ, занимающій эту каѳедру и въ настоящее время, въ общемъ направленіи продолжающій дѣло своего учителя.

Серьезное изученіе философіи, начавшееся въ Петербургской академіи со времени Фишера, занесено было и въ Кіевскую во время преобразованія ея въ 1819 году. Исполнителями этого преобразованія явились въ Кіевъ изъ Петербургской академіи назначенные въ Кіевъ ректоромъ Моисей и профессоромъ философіи Ив. Мих. Скворцовъ. Скворцовъ былъ магистромъ втораго курса Петер-

бургской академіи, ближайшаго къ Фишеру, и на торжественномъ открытіи академіи, 28 сентября 1819 года, произнесъ на латинскомъ языкѣ рѣчь „о метафизическомъ началѣ въ философіи". Въ дѣятельности протоіерея Скворцова поражаетъ прежде всего не знающая отдыха неутомимость. Онъ началъ свои лекціи по философіи въ Кіевской академіи одинъ и читалъ всѣ предметы, входившіе тогда въ философскую систему; при этомъ послѣ окончанія каждой части онъ дѣлалъ репетиціи и тщательно разбиралъ и исправлялъ письменныя упражненія студентовъ, которыя по уставу они должны были представлять ежемѣсячно. Когда Скворцовъ самъ подготовилъ для себя помощниковъ, раздѣлившихъ съ нимъ трудъ преподаванія, и вмѣстѣ съ тѣмъ открылся Кіевскій университетъ, Скворцовъ поступилъ туда законоучителемъ и настоятелемъ церкви; кромѣ того онъ давалъ уроки по закону Божію въ Кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. По званію законоучителя Скворцовъ издалъ краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной, краткое начертаніе исторіи церкви новозавѣтной, выдержавшія по 6 изданій, записки по церковному законовѣдѣнію, чтеніе изъ церковной исторіи для дѣтей, о богослуженіи православной церкви. Въ 1845 г., по увольненіи изъ академіи, онъ продолжалъ до 1849 года читать безвозмездно по одной лекціи въ недѣлю, а съ 1850 г. принялъ на себя преподаваніе логики и психологіи въ Кіевскомъ университетѣ. Сверхъ того онъ постоянно исправлялъ съ усердіемъ обязанности священника и, назначенный въ 1849 году протоіереемъ въ Кіевскій Софійскій соборъ, занялся изученіемъ древностей и произнесъ длинный рядъ катехизическихъ проповѣдей, составившихъ цѣлый томъ. Эта неутомимая и разнообразная дѣятельность совершенно исключаетъ предположеніе, чтобы протоіерей Скворцовъ могъ быть самостоятельнымъ и глубокимъ мыслителемъ въ области философіи. Проф. Владимірскій-Будановъ въ исторіи Кіевскаго университета говоритъ, что Скворцовъ всею преподовательскою и ученою дѣятельностью напоминалъ философствованіе Вольфа и схоластиковъ; онъ даже былъ противникомъ Канта. Но біографы Скворцова, проф. Малышевскій (въ исторической запискѣ о состояніи Кіевской академіи, по поводу ея пятидесятилѣтія) и Фаворскій совершенно согласно приписываютъ Скворцову большія педагогическія и лекторскія способности. Скворцовъ обладалъ даромъ необыкновенно ясно, сжато и опредѣленно излагать философскія системы, кото-

рыя онъ тщательно изучалъ по источникамъ, владѣя прекрасно древними и новыми языками; въ послѣднее время онъ читалъ въ академіи спеціальныя лекціи объ отдѣльныхъ философскихъ системахъ, такъ напримѣръ „о подлинной логикѣ Аристотеля". Въ отношеніи къ своимъ слушателямъ Скворцовъ былъ требователенъ и обращалъ вниманіе не только на опредѣленность и послѣдовательность отвѣта, но и на самостоятельную работу мысли при изученіи. Философскихъ сочиненій послѣ Скворцова осталось немного. За сочиненія „критическое обозрѣніе Кантовой религіи въ предѣлахъ одного разума" (Ж. М. Н. Пр. 1838) и чисто богословское „о посланіи къ евреямъ", Скворцовъ получилъ степень доктора богословія; въ Ж. М. Н. Пр. онъ помѣстилъ статью безъ подписи: „о философіи Платона, критическое обозрѣніе ученія древнихъ объ истинномъ благѣ человѣка" (VIII, IX, XVII); и наконецъ часть его лекцій помѣщена въ сборникѣ, изданномъ Кіевскою духовною академіею по случаю ея пятидесятилѣтія. Педагогическія способности И. М. Скворцова и его замѣчательное усердіе дали ему возможность приготовить себѣ помощниковъ и окружить себя, такъ сказать, цѣлою школою профессоровъ философіи, изъ его аудиторіи разошедшихся въ разныя стороны. Ученики его, начиная свое поприще въ академіи, скоро по недостаточности средствъ и другимъ стѣснительнымъ обстоятельствамъ переходили въ свѣтское званіе. Кромѣ профессора Карпова, перешедшаго послѣ четырехъ-годичнаго преподованія въ Кіевской академіи въ 1833 г. въ Петербургскую на каѳедру философіи, въ Кіевской сотоварищами Скворцова сдѣлались слѣдующія лица. Магистръ V курса (1827—1831) Новицкій, начавшій преподаваніе философіи въ академіи, рекомендованъ былъ ректоромъ Иннокентіемъ попечителю только что открытаго университета Св. Владиміра Фонъ Брадке и съ 1835 года занялъ тамъ первый каѳедру философіи. Новицкій оставался ординарнымъ профессоромъ до 1850 года, когда преподованіе философіи закрыто было въ университетахъ, за исключеніемъ логики и психологіи, порученныхъ обязательно законоучителямъ. Магистръ VI курса (1829—1833) Михневичъ былъ профессоромъ философіи въ академіи съ 1833 года и въ 1839 г. перешелъ въ Одесскій Ришельевскій лицей. Магистръ того же курса Авсеневъ, сдѣланный баккалавромъ въ 1833 году долѣе всѣхъ оставался преподавателемъ въ академіи и въ 1844 г. поступилъ въ монахи подъ именемъ Ѳеофана, послѣ чего недолго

продолжалъ преподованіе и умеръ въ Римѣ настоятелемъ посольской церкви. Съ 1838—1844 Авсеневъ, не оставляя академіи, поступилъ адъюнктомъ въ Кіевскій университетъ и читалъ тамъ психологію. Ему главнымъ образомъ студенты академіи обязаны были своимъ философскимъ развитіемъ. Проф. Авсеневъ былъ человѣкъ ума глубокаго и производилъ сильное вліяніе на слушателей и своими чтеніями, и нравственной чистотой своей личности; но умъ его, чуждаясь всего внѣшняго, не выходилъ изъ области дедуктивныхъ выводовъ и принялъ складку мечтательную, приведшую его къ мистицизму. Біографія его, въ „словарѣ профессоровъ Кіевскаго университета“ говоритъ: „Авсеневъ мыслилъ болѣе сердцемъ, чѣмъ головой, болѣе чувствомъ и воображеніемъ, чѣмъ разсудкомъ, довѣрялъ болѣе непосредственному чутью, чѣмъ ясному анализу. Изъ новѣйшихъ психологическихъ теорій ему сочувственнѣе другихъ были теоріи, составленныя подъ вліяніемъ идей Шеллинговой философіи, въ особенности теорія души Шуберта. Между прочимъ Авсеневъ, изучая исключительныя состоянія души (сонамбулизмъ, лунатизмъ и пр.), пришелъ къ заключенію, что въ душѣ нашей есть способность сообщаться съ внѣшнимъ міромъ непосредственно и знать многое безсознательно“. Магистръ VIII курса (1833—1837) Гогоцкій началъ преподаваніе философіи въ академіи съ 1842 года при Скворцовѣ и въ 1848 году, не оставляя академіи, онъ получилъ доцентуру въ Кіевскомъ университетѣ. Въ 1850 г. Гогоцкій въ университетѣ перешелъ на каѳедру педагогики. Изъ той же философской школы, основанной въ Кіевской академіи Скворцовымъ вышли профессора Юркевичъ и М. М. Троицкій.

Профессоръ Малышевскій передаетъ интересныя подробности о состояніи Кіевской академіи въ разсматриваемый періодъ. Кіевская академія, преобразованная Петромъ Могилою, и вышедшее оттуда малоросійское духовенство занимали выдающееся положеніе въ русской церковной іерархіи со временъ Петра и дѣйствовали въ смыслѣ начатой ими реформы. Теперь очередь перешла на Кіевъ и преобразованіе въ академію вносили великороссы. Первыми дѣятелями при преобразованіи академіи были, какъ мы видимъ, ректоръ Моисей и проф. Скворцовъ изъ Петербурга; воспитанники съ большой неохотой шли въ академію и туда назначали *очередныхъ* изъ семинарій, принадлежащихъ къ Кіевскому духовно-учебному округу; но и этого было недостаточно, такъ что въ со-

роковыхъ годахъ послѣдовало разрѣшеніе принимать въ заведеніе изъ другихъ округовъ. Такимъ образомъ постепенно великороссы, оказавшіеся при томъ гораздо болѣе усидчивыми въ дѣлѣ образованія, постепенно пересиливали мѣстный элементъ. Въ первое десятилѣтіе ученіе, производившееся на латинскомъ языкѣ, доставалось съ большимъ трудомъ и наставникамъ, еще не выработавшимъ опредѣленной системы въ преподаваемыхъ ими наукахъ, и студентамъ. Смертность между студентами относительно была очень значительна, чему, по всей вѣроятности, способствовала плохая матеріальная обстановка студентовъ; многіе изъ нихъ сходили съ ума или оставляли заведеніе до окончанія курса. Блестящею эпохою Кіевской академіи было ректорство Иннокентія Борисова (съ 17 августа 1830—1839 годъ). При немъ съ тридцатыхъ годовъ въ академической наукѣ замѣчается новое, болѣе правильное, болѣе оживленное, свободное и широкое развитіе. Первымъ признакомъ новаго движенія была замѣна латыни живымъ русскимъ словомъ на каѳедрахъ наукъ богословскихъ и философскихъ (94 и 95). При Иннокентіи и при его преемникахъ по ректорству въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ выступили въ философской наукѣ тѣ ученики проф. Скворцова, на которыхъ мы сейчасъ указали. Но всетаки философія была не ко двору въ Кіевской академіи, даже меньше, чѣмъ въ Московской; при этомъ въ Кіевѣ преслѣдовались не *лица*, а самое *ученіе*. Митрополитъ Евгеній, археологъ по призванію, не обращалъ вниманія на прочія науки и ему не нравилось „свободомысліе“ Иннокентія, хотя Евгеній никогда его не преслѣдовалъ и даже былъ его защитникомъ. Митрополитъ Евгеній нападалъ въ особенности на обремененіе студентовъ записываніемъ лекцій и требовалъ вмѣсто того преподаванія по печатнымъ учебникамъ. Распоряженіе коммиссіи духовныхъ училищъ въ 1825 г. о замѣнѣ собственныхъ чтеній или записокъ профессоровъ, между прочимъ и по философіи, старыми печатными руководствами, указанными коммиссіей, объясняли именно вліяніемъ Евгенія, который былъ тогда въ Петербургѣ и 25 февраля 1825 г. сдѣланъ членомъ коммиссіи. Преемникъ Евгенія, митрополитъ Филаретъ рѣзко и строго выражался нерѣдко о философскихъ терминахъ и трактатахъ, особенно по исторіи философіи, гдѣ ему противны были не только философскія формулы, но самыя имена какого нибудь Спинозы или Гегеля.

Прежняя Казанская академія закрыта была въ 1818 году и обращена въ преобразованную семинарію, а новая или окружная академія въ Казани открыта была уже 8 сентября 1842 года.

Проектъ устава о преобразованіи духовныхъ училищъ, составленный въ 1808 г. особымъ комитетомъ, гдѣ главными дѣятелями были Сперанскій и архіепископъ Ѳеофилактъ, былъ затѣмъ окончательно разработанъ въ коммиссіи духовныхъ училищъ въ 1814 году тѣмъ же Ѳеофилактомъ. Уставъ поставилъ преподаваніе философіи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на широкую ногу. Не только въ духовныхъ академіяхъ, но даже и въ семинаріяхъ философія проходилась въ полномъ объемѣ, а именно: логика, метафизика и нравственная философія, а съ 1813 г. и исторія философіи. Надобно отдать справедливость составителямъ уставовъ о преобразованіи духовныхъ училищъ съ 1808 по 1814 годъ. Для духовнаго образованія въ семинаріяхъ они начертили цѣльный и искусно расположенный планъ. Шестилѣтній семинарскій курсъ подраздѣлялся на три отдѣленія, по два года въ каждомъ: младшій или *риторика*, посвященный наукамъ словеснымъ, исторіи и изученію языковъ, средній или *философія*, гдѣ сосредоточивались науки философскія и физико-математическія, и высшій или *богословіе*, гдѣ проходились науки богословскія и церковная исторія. Въ среднемъ отдѣленіи или философіи въ первомъ году, въ первое полугодіе проходилась логика, во второе онтологія, космологія и пневматологія; на второй годъ въ первое полугодіе естественное богословіе, во второе философія нравственная и исторія философіи. Всѣ эти науки предназначено было проходить на латинскомъ языкѣ, хотя часто не только ученики, но и сами учителя знали его такъ поверхностно, что впадали въ грубыя ошибки. Рекомендованныя коммиссіею духовныхъ училищъ учебники: Institutiones philos. metaphysicae methodo Wolfii adornatae Baumeisteri (1738, 1749, 1754), Philosophia definitiva (1736, 1762) его же, Lockii De intellectu humano, переводъ Thilo, 1731 г. Philosophiae meditationes Cantzii, 1750, вышеприведенныя сочиненія Карпе, для исторіи—Buddei Analecta historiae philosophiae, 1706, 2 изд. 1724, Heinecii Elementa philosophiae rationalis et moralis, quibus praemissa est historia philosophica, 1728, Gentzkeni Historia philosophica, Bruckeri Historia critica philosophiae 1747. Degèrando Histoire comparée des systèmes de philosophie relativement aux principes des connaissances humaines, 1804, — были частію до того

устарѣлые, что не давали никакого понятія о современной наукѣ, частію мало пригодные и не сообщали ясныхъ, отчетливыхъ и безпристрастныхъ свѣдѣній о современномъ движеніи философской мысли. Ученіе, въ большинствѣ случаевъ, введенное на латинскомъ языкѣ, было схоластическое и ограничивалось выучиваніемъ наизусть избраннаго преподавателемъ руководства или составленныхъ имъ разъ навсегда лекцій. Но, на сколько можно судить изъ отзывовъ лицъ, ревизовавшихъ семинаріи, приведенныхъ въ печатныхъ „Исторіяхъ", преподаватели не держались исключительно рекомендованныхъ коммиссіею руководствъ и добавляли ихъ—болѣе или менѣе подробно и обстоятельно—свѣдѣніями изъ лучшихъ современныхъ сочиненій. Существуютъ отрывочные намеки, что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ профессора философіи были близко знакомы съ новѣйшею германскою философіею и успѣшно подготовляли воспитанниковъ семинарій къ послѣдующимъ, самостоятельнымъ занятіямъ философіей въ академіяхъ или послѣ окончанія учебнаго курса. Такъ, преподаватель философіи въ Спб. Академіи В. Н. Карповъ слушалъ философію въ Воронежской семинаріи въ 1820 г. у протоіерея Іоанна Зацѣпина, который былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, близко знакомый съ германскою литературой и въ особенности цѣнилъ философію Шеллинга. Въ 1833 г. въ Петербургской академіи окончилъ курсъ Ф. А. Надежинъ, ученикъ Сидонскаго и опредѣленъ былъ учителемъ философіи въ Нижегородскую семинарію, гдѣ впослѣдствіи былъ инспекторомъ и затѣмъ въ 1854 г. епископомъ въ Самарѣ. Надежинъ издалъ чрезъ посредство Сидонскаго въ 1837 году очеркъ исторіи философіи по Рейнгольду и въ 1844 году „опытъ науки философіи". Въ рецензіи на послѣднюю книгу, помѣщенной въ „Москвитянинѣ" (1845, I, 33), Киреевскій говоритъ: „Книга эта имѣетъ многія замѣчательныя качества: языкъ чистый, отчетливый, не лишенный иногда новыхъ, счастливыхъ выраженій, но мысли, взятыя въ частности, представлены какъ удобомыслимыя, а не какъ логически неизбѣжныя". Послѣднее замѣчаніе указываетъ на общій недостатокъ, находимый Киреевскимъ во всѣхъ нашихъ философскихъ сочиненіяхъ". Одинъ изъ главныхъ участниковъ изданнаго въ 1836 году студентами с.-петербургской духовной академіи перевода „Новаго курса философіи", соч. Жерюзе, былъ И. А. Кедровъ, бывшій потомъ профессоромъ ярославской семинаріи и из-

давшій „Опытъ философіи природы“ и разсужденіе „критическій взглядъ на науку философіи“.

Изъ этого бѣглаго очерка внѣшней исторіи философскаго преподаванія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, обнаруживается съ достаточною ясностью что первое серьезное знакомство наше съ новѣйшею германскою философіею произошло въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Отношеніе философіи, преподаваемой въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, къ новѣйшей философіи было, по преимуществу, критическое, ибо она была поставлена въ опредѣленныя рамки ученіемъ православной церкви. Въ этомъ смыслѣ одинъ изъ преподователей такъ философіи очень мѣтко и характеристично назвалъ философію *служанкою* религіи. Поэтому преподаваніе съ каѳедры духовно-учебныхъ заведеній цѣльнаго міровоззрѣнія нѣмецкой философіи было немыслимо. По своей задачѣ философія, сложившаяся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, ближе всего подходитъ къ не совсѣмъ правильно названной *правой* сторонѣ гегеліанской философіи, т.-е. къ новѣйшимъ деистамъ, стремящимся переработать философію установленіемъ связи между религіею и эмпиризмомъ, въ родѣ Фихте младшаго, Ульрици и другихъ. Одна только эстетика, какъ отрасль, менѣе всего соприкасающаяся съ богословіемъ излагалась нѣкоторыми профессорами по Гегелю, какъ напримѣръ въ лекціяхъ профес. Амфитеатрова въ Московской академіи. Но самое догматическое изложеніе православной философіи, заимствовавшее у Канта сдѣлавшійся обязательнымъ со времени его появленія для всякаго философскаго мышленія пріемъ постановки и разработки предлежащихъ задачъ, развивало и укрѣпляло самодѣятельность мышленія. А затѣмъ историко-критическое знакомство съ новѣйшими философскими системами, особенно въ изложеніи выдающихся представителей философской науки въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, давало пищу для самостоятельныхъ занятій слушателя. Мы уже видѣли, что рядомъ съ догматическимъ изложеніемъ съ каѳедры въ средѣ самихъ студентовъ являлось стремленіе къ болѣе близкому знакомству со свѣтскою философіею, не только какъ съ предметомъ критическаго обсужденія. Въ періодъ 1810 — 1840 годовъ въ этихъ духовныхъ учрежденіяхъ получили первоначальное свое философское образованіе чуть не всѣ ученые и профессора, которые впослѣдствіи, выйдя въ свѣтское званіе, были провод-

никами и распространителями философскаго движенія, охватившаго мыслящую часть общества съ конца двадцатыхъ годовъ.

Господствовавшая въ нашихъ духовныхъ училищахъ Лейбницъ-Вольфовская философія не нашла никакого отголоска въ періодической нашей литературѣ. Литература эта возникла въ то время, когда въ самой Германіи, въ половинѣ XVIII столѣтія, исключительное господство этой философіи окончилось и настал періодъ между Вольфомъ и Кантомъ извѣстный подъ именемъ *просвѣтительной философіи* (Aufklärungs-philosophie). Періодъ этотъ характеризуется вліяніемъ на Германію англійскихъ и французскихъ ученій, вслѣдствіе чего появились различные философскіе трактаты, не имѣющіе между собою ничего общаго и представляющіе личныя системы каждаго автора, примыкающія болѣе или менѣе къ избранному имъ авторитету. Научное построеніе Лейбницъ Вольфовской философіи было окончено и ей предстояло перейти на практическую почву, найти примѣненіе къ различнымъ частнымъ вопросамъ изъ житейской среды или изъ нравственной сферы, гдѣ чистое умозрѣніе сталкивалось съ фактами и подчинялось наблюденію. Между тѣмъ эта практическая сфера нашла уже болѣе полный отголосокъ у другихъ народовъ въ философскихъ системахъ, построенныхъ болѣе на опытѣ и наблюденіи, нежели на умозрѣніи. Представителемъ чистаго эмпиризма былъ Локкъ; англійскіе моралисты XVIII столѣтія создали свое ученіе на психологическомъ наблюденіи; къ нимъ примыкалась шотландская „система здраваго смысла", основанная Т. Ридомъ (Reid), также опирающимся на опытную физіологію; во Франціи оттѣнки сенсуализма, начиная съ Кондильяка и Жанъ Жака Руссо, съ его демократизмомъ и теоріею естественнаго воспитанія, граничили съ грубымъ матеріализмомъ Ламеттри и его послѣдователей. За исключеніемъ послѣдняго направленія, распространеннаго въ высшихъ кругахъ германскаго общества, но встрѣтившаго отпоръ въ философской литературѣ и въ среднемъ сословіи, всѣ остальныя направленія болѣе или менѣе представлены были тамъ въ это время. Представителемъ Локковскаго эмпиризма въ Германіи были Ирвингъ (1728—1801), Тидеманъ (1748—1803) и наиболѣе оригинальный изъ современныхъ нѣмецкихъ философовъ Ник. Тетенсъ (1736—1805); швейцарецъ Боннетъ (1720—1790) былъ послѣдователемъ сенсуализма въ смыслѣ Кондильяка; Федеръ (1740—1820)

и другъ его Мейнерсъ (1747—1810) были философы эклектики, придававшіе философіи значеніе болѣе практическаго руководства въ жизни, нежели теоретическаго изслѣдованія, и въ этомъ смыслѣ склонявшіеся также къ сенсуализму, поставляющему цѣлью наслажденіе; наконецъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ шотландскихъ моралистовъ сложилась цѣлая школа моралистовъ нѣмецкихъ. Гетнеръ школу эту раздѣляетъ на три направленія. Первое направленіе имѣло цѣлью борьбу за независимость естественнаго нравоученія противъ притязаній церковной догматической нравственности, заявлявшей претензію на исключительное ручательство въ спасеніи души, второе есть научное изложеніе самаго естественнаго нравоученія, и, наконецъ, третье есть популяризація философскаго знанія, проведеніе естественнаго нравоученія въ общественное сознаніе, въ господствующіе нравы, въ различные слои общества и народное образованіе. Представителями перваго направленія являются Эбергардтъ (1739—1809) и Зах. Генр. Шульцъ; ко второму направленію относятся Гарве (1742—1798), послѣдователь шотландской школы, Штейнбертъ и др.; изъ массы писателей третьяго направленія самый вліятельный и распространенный былъ Энгель (1741—1804).

Заимствовавъ у Локка стремленіе къ опытному знанію, нѣмецкая просвѣтительная философія обратилась къ изслѣдованію психологической стороны самого человѣка, поставивши на первый планъ ученіе о впечатлѣніяхъ и чувствованіяхъ, причемъ самого человѣка она избрала почти исключительнымъ своимъ предметомъ; вслѣдствіе чего философія получила по преимуществу практическое значеніе и сдѣлалась философіей жизни, „ученіемъ о блаженствѣ", какъ ее назвалъ Штейнбертъ. Это философское направленіе, не прибавивши ничего къ движенію человѣческой мысли, имѣло однако же въ свое время, какъ замѣтилъ Гетнеръ, большое культурное значеніе, оказало сильное вліяніе на поднятіе нравственнаго уровня въ современномъ обществѣ. Утвердившись болѣе всего на началахъ *здраваго смысла* (Gesunder Menschenverstand), философы этого направленія тѣмъ самымъ объявили войну противъ всякаго рода предразсудковъ, суевѣрій, нетерпимости, ортодоксіи, піэтизма, мистицизма и іезуитизма. На почвѣ этой философіи воспитался въ публицистической германской дѣятельности другъ Лессинга, Николаи, который задачею своей жизни избралъ преслѣдованіе серь-

езными дидактическими статьями и сатирою общественныхъ язвъ всякаго рода и борьбу за свободу, просвѣщеніе и гуманность; на этой же почвѣ выросъ великій критическій талантъ самого Лессинга, давшаго такой сильный толчокъ развитію національной германской литературы. Вліянію моралистовъ слѣдуетъ приписать то широкое и преобладающее положеніе, которое отвелъ нравственности Кантъ въ своей системѣ, и вслѣдъ за нимъ и вся умозрительная нѣмецкая философія.

Русское общество временъ Екатерины, какъ уже мы видѣли, увлекалось французскою философіей: переводы изъ Вольтера, Дидерота, Руссо и Кондильяка, а также изъ англійскихъ философовъ Локке и Гобза начали появляться еще съ конца XVIII столѣтія (они перечислены въ приложеніи II). Въ журналахъ конца XVIII столѣтія и первой четверти XIX появлялись отрывки изъ этихъ писателей, но слишкомъ коротенькіе и при томъ не представляющіе серьезнаго содержанія, которое могло бы дать хотя поверхностное понятіе о цѣльномъ воззрѣніи и отличительномъ характерѣ переводимаго автора. И все-таки они возбуждали противъ себя полемику: такъ переводъ изъ „историческихъ уроковъ Кондильяка принцу пармскому", помѣщенный въ „Петербургскомъ Вѣстникѣ" 1812 г., возбудилъ ожесточенныя нападки со стороны Невзорова въ „Другѣ Юношества". Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", издававшемся Мартыновымъ (1804—1805), помѣщенъ переводъ начала сочиненія Гельвеція „естественная политика". Но съ начала XIX вѣка начала распространяться въ литературѣ, по преимуществу, такъ-называемая *нравственная философія*. Первая очередь наступила для англійскихъ моралистовъ Фергюсона (1724—1816) и Честерфильда (1694—1773). Особенное значеніе получилъ Фергюсонъ; его „нравственная философія" въ 1804 году переведена была одновременно въ Петербургѣ, съ англійскаго, Вас. Созоновичемъ и въ Москвѣ съ нѣмецкаго проф. Брянцевымъ. Затѣмъ, вплоть до тридцатыхъ годовъ, въ журналистикѣ по части философіи важнѣйшую роль играли нѣмецкіе моралисты, обратившіе на себя вниманіе русской печати и по способу изложенія, доступному для большинства, и по своей практической цѣли, интересной для всякаго, даже не слѣдившаго за научными вопросами. Изъ числа нѣмецкихъ моралистовъ въ журналахъ встрѣчаются переводы изъ Эбергардта, Гарве и Энгеля. Сочиненіе Эбергардта „Новая апологія Сократа" (B. 1772) написано было

въ отвѣтъ на нападки противъ греческаго философа со стороны пастора Гофштеда. Здѣсь догматическому ученію о нравственности противопоставляется добродѣтель, какъ единственный источникъ блаженства, кроющійся въ одинаковомъ во всѣ времена и на всемъ пространствѣ земнаго шара врожденномъ расположеніи человѣка къ добру. Изъ Эбергардта отрывокъ заимствованъ въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“; изъ Гарвея въ „Цвѣтникѣ“ на 1810 годъ, гдѣ также помѣщенъ отрывокъ изъ Бейля. Еще болѣе распространенъ былъ журналъ Энгеля въ сотрудничествѣ съ Гарвеемъ, Эбергардтомъ, Мендельзономъ и другими, „Философъ для Свѣта“ (2 Bд. L. 1775—1777); безъ извлеченій изъ него необходилось ни одно изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій. Сочиненіе это, по словамъ Гетнера, сохраняетъ свою цѣну до сихъ поръ, такъ что новое изданіе полныхъ сочиненій Эбергардта появилось уже въ 1857 году. Въ русскомъ переводѣ избранныя статьи изъ этого журнала приложены къ переводу соч. Бульи „Золотые часы цвѣтущаго возраста или повѣсти Бульи, писанныя для его дочери“, изданному въ Москвѣ въ 1815 году. Этою практическою философіей удовлетворилась журналистика съ присоединеніемъ французскаго философа Дежерандо (1772—1842), котораго еще Карамзинъ признавалъ „первымъ современнымъ философомъ“; Дежерандо ближе познакомилъ французскую публику съ новѣйшими иноземными мыслителями въ своей „сравнительной исторіи философскихъ системъ“ (3 ч. P. 1803), но болѣе извѣстенъ своими филантропическими сочиненіями, и теперь еще сохраняющими нѣкоторое значеніе (de la bienfaisance publique 4 ч. P. 1839). Если философія моралистовъ оказала въ Германіи вліяніе на развитіе этическаго настроенія въ обществѣ, то тѣмъ болѣе у насъ—при недостаткѣ серьезной самобытной литературы и при маломъ вообще распространеніи образованія даже въ верхнихъ слояхъ общества—нравственная философія, и вообще статьи дидактическаго содержанія были существенною необходимостью. Статьи эти не мало способствовали въ свою очередь выработкѣ нравственнаго сознанія въ обществѣ двадцатыхъ годовъ, по крайней мѣрѣ, въ отрицательномъ смыслѣ неудовлетворенія пустотой праздной свѣтской жизни и подготовили почву для болѣе положительнаго стремленія къ идеалу и къ опредѣленности и стойкости убѣжденій, характеризующаго людей сороковыхъ годовъ.

Распространеніе у насъ новѣйшей германской философіи ограничивалось появленіемъ ея изрѣдка на каѳедрахъ высшихъ учебныхъ заведеній, куда она случайно заносилась даровитыми учениками нѣмецкихъ учителей, но тотчасъ изгонялась преслѣдованіями со стороны начальства. Что же касается до литературы, то вообще она мало ею занималась. Самый серьезный и ученый журналъ „Вѣстникъ Европы" и самый либеральный „духъ журналовъ" прямо и открыто заявили себя ея противниками, а въ другихъ повременныхъ изданіяхъ знакомство съ нею ограничивалось главнымъ образомъ извлеченіями о нѣмецкой и англійской философіи изъ сочиненія „О Германіи" г-жи Сталь. Отдѣльно первые переводы по философіи Канта появились у насъ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Кантово основаніе для метафизики нравовъ", пер. съ нѣм. проф. Якова Рубана, Николаевъ, 1803 г., „Канта наблюденіе объ ощущеніи прекраснаго и возвышеннаго, въ разсужденіи природы человѣческой вообще и характеровъ народныхъ особенно", пер. съ нѣм. Романа Цебрикова, С.-Пб. 1804., „Кантова философія", пер. съ франц. П. Петрова, С.-Пб. 1807 г. Но наши старинные переводы философскихъ сочиненій часто являлись въ такомъ урѣзанномъ и искаженномъ видѣ, что чтеніе ихъ не могло возбудить серьезнаго интереса: таковъ, напримѣръ, переводъ Бруккеровой исторіи проф. Гавриловымъ (1788 г.). Философское мышленіе росло у насъ подъ спудомъ, укрываясь отъ свѣта и опасаясь враждебной для него гласности, то въ видѣ запретнаго чтенія между молодежью, то въ отдѣльныхъ небольшихъ кружкахъ мыслящихъ людей, на которыхъ подозрительно смотрѣли окружающіе.

Живое преподаваніе философіи на каѳедрѣ появлялось случайно, урывками и тотчасъ же прекращалось. Но такова сила культурнаго движенія, что совершенно ему запереть дорогу невозможно никакими стѣсненіями, никакими запретительными мѣрами. Не смотря на всѣ усилія реакціонернаго министерства, эпоха двадцатыхъ годовъ замѣчательна у насъ распространеніемъ шеллингизма въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ средѣ мыслящихъ людей. Причина тому прежде всего хронологическая. Хотя въ двадцатыхъ годахъ въ Германіи уже окончательно выработалъ свое ученіе Гегель, но цѣльная его система (помимо отрывочныхъ изданій) была извѣстна только путемъ академическаго ея преподаванія, для нашей же публики была недоступна, такъ какъ

посмертное изданіе цѣльной системы началось уже послѣ (1832—1841). Такое объясненіе однако же недостаточно и распространеніе у насъ Шеллинговой философіи объясняется самою ея сущностью. Философія Канта была однимъ изъ результатовъ революціоннаго движенія XVIII вѣка. Кантъ освободилъ человѣчество отъ устарѣвшихъ традицій въ области мысли и знанія, какъ французскіе энциклопедисты исполнили это въ религіозномъ и общественномъ отношеніи; вмѣстѣ съ тѣмъ Кантъ вѣрно поставилъ задачи человѣческаго познанія и усовершенствовалъ самый методъ его опредѣленіемъ отношенія между отвлеченнымъ умозрѣніемъ (дедукціею) и наблюденіемъ (индукціею). Въ этомъ смыслѣ вся новѣйшая философія получила свой корень въ построеніи кантовской системы. Но критическій анализъ Канта остановился на распутьи между разумнымъ сознаніемъ человѣческимъ, какъ самостоятельною способностью познавать міръ явленій или ихъ причинную связь, и между отдѣльною жизнію матеріи самой въ себѣ (Ding an sich), между историческимъ запасомъ человѣческаго разумѣнія и таинственнымъ всемогуществомъ космическаго бытія природы. Опытъ примиренія, предложенный Кантомъ, состоявшій въ признаніи какой-то третьей инстанціи въ видѣ моральной сферы, былъ очевидно неудаченъ и давалъ только субъективное разрѣшеніе; а между тѣмъ задача этого примиренія не могла быть отложена. Фихте сдѣлалъ смѣлую и рѣшительную попытку совсѣмъ отбросить эту Ding an sich и умъ человѣческій поставить на вершину всего, какъ творящій и управляющій принципъ. Опытъ этотъ поразителенъ, какъ примѣръ самой полной и могучей діалектики, художественно доведенной до послѣднихъ своихъ предѣловъ; но онъ настолько одностороненъ, что палъ собственною своею тяжестью, ибо неопредѣленность и не состоятельность этого творящаго ума—абсолютнаго я—съ разу оцѣнивается всякимъ, у кого дѣятельность мышленія не тормозится такой же интензивною и глубокою наклонностью къ отвлеченности, какъ у самого Фихте. Оттого система Фихте держалась не долго и имѣла сравнительно мало послѣдователей. Его смѣнилъ Шеллингъ, который сдѣлалъ шагъ назадъ. Для Шеллинга оказалось одинаково невозможно и стоять на распутьи, на которомъ остановился Кантъ, и вслѣдъ за Фихте выбросить за бортъ природу, Ding an sich, оставивъ одинъ голый, діалектическій умъ. Притомъ Шеллингъ былъ въ душѣ поэтъ и

человѣкъ живой, не порвавшій связей ни съ обществомъ, ни со всѣми его традиціями и потому менѣе способный къ голой отвлеченности. Въ силу этого, въ головѣ Шеллинга возникла примирительная система тождества (der Jdentität), по которой, слѣдуя Бруно и Спинозѣ, самостоятельная дѣятельность познающаго разума получила призрачное, не выдерживающее критики сліяніе съ космическимъ бытіемъ матеріи, въ видѣ предвѣчнаго и безконечнаго абсолюта, изъ нѣдръ котораго происходитъ вся природа, какъ, конечно, существующее. Это воззрѣніе, на которомъ и самъ Шеллингъ не могъ остановиться, увлекло его впослѣдствіи къ запутанной теозофіи, напомнившей теорію неоплатониковъ и мистико-фантастическія бредни Якова Бема; но на второй стадіи своего построенія, въ видѣ системы „тождества", система Шеллинга не лишена была грандіозности и привлекала къ себѣ глубиною и живостью своего міровоззрѣнія, широтою замысла построить всѣ формы бытія на единомъ вѣчномъ началѣ, остроумными построеніями и поэтическою смѣлостью своихъ гипотезъ и многихъ частныхъ своихъ выводовъ. Людямъ безъ предварительной научной подготовки и съ энциклопедическимъ образованіемъ эта философія была болѣе по плечу, нежели гегелевская передѣлка, облеченная въ болѣе строгія діалектическія формы и требовавшая бо́льшихъ усилій мысли для ея пониманія.

Почва для шеллингизма была въ значительной степени подготовлена мистицизмомъ. Конечно, не по своему міровоззрѣнію, но *по методу* мистицизмъ и шеллингизмъ между собою весьма сходны. Ученикъ Шеллинга и послѣдователь его Велланскій, въ своемъ біологическомъ изслѣдованіи природы, говоритъ: „теорія всякой физической науки есть лучъ, исчезающій только отъ свѣта высшаго понятія натуры, безъ котораго никакая часть естественныхъ испытаній не можетъ быть озарена; и возстающіе бодрственно противъ онаго изъявляютъ великую свою привязанность ко тьмѣ. (Біол. изслѣд. прир. IV). Такъ называемаго опытнаго знанія самими опытами подтвердить не можно, ибо оно есть собственное произведеніе одного разума, судящаго произвольно и чувственнымъ образомъ о томъ, что находится внѣ чувственныхъ понятій. И какъ разумъ есть частное токмо отраженіе *абсолютнаго ума*, составляющаго сущность всеобщей жизни, то въ отвлеченномъ его положеніи видитъ онъ всѣ вещи внѣ себя и, притомъ, особливыми, разно-

образными и раздѣльными, соединенными только по взаимнымъ отношеніямъ и зависимости происхожденія и теченія оныхъ, т. е. *въ ничтожественномъ ихъ пребываніи*, гдѣ онѣ являются и исчезаютъ какъ невещественный призракъ. Существованіе вещества въ положительномъ началѣ сокрыто отъ смертнаго взора, и разумъ, не постигая онаго чувственными своими способностями, имѣетъ такое же право отрицать возможность къ понятію онаго, съ какимъ бы утверждалъ онъ сущность человѣка въ одномъ ограниченномъ и преходящемъ бытіи, безъ всякаго соучастія въ вѣчномъ и безпредѣльномъ существованіи" (тамъ же, стр. 4 и 5). Не та ли же безграничная ширь ничѣмъ не сдерживаемой фантазіи и притомъ еще доступнѣе и сподручнѣе, ибо не требуется даже искусственнаго возбужденія религіознаго экстаза, какъ въ мистицизмѣ. Но между тѣмъ переходъ отъ мистицизма къ шеллингизму былъ чрезвычайно важенъ въ культурномъ смыслѣ: шеллингизмъ все таки вводилъ насъ въ область работы мысли, онъ знакомилъ насъ съ одной изъ системъ нѣмецкой умозрительной или трансцендентальной философіи, имѣющей извѣстное и не маловажное значеніе въ исторіи умственнаго развитія и дѣлалъ насъ участниками во всемъ ея дальнѣйшемъ движеніи.

Распространенію у насъ Шеллинговой философіи въ передѣлкѣ Окена положилъ начало профессоръ С.-Петербургской медико-хирургической академіи Велланскій (1774—1847), одинъ изъ самыхъ любимыхъ учениковъ Шеллинга. Велланскій ограничивался ученіемъ собственно о природѣ и излагалъ его главнымъ образомъ по системѣ послѣдователя Шеллинга Окена. Въ письмѣ къ кн. Одоевскому отъ 17 іюня 1824 года Велланскій говоритъ: „почти за двадцать лѣтъ, то-есть въ 1804 году, я первый возвѣстилъ россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, которыя хотя значились у Платона, но образовались и созрѣли въ Шеллингѣ. Таковыя познанія относилъ я *единственно къ физическимъ предметамъ*, не приноравливая оныхъ ни къ какимъ происшествіямъ въ области духа человѣческаго; однако жъ нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ не могли ни понять, ни опровергнуть моихъ положеній, старались представить оныя предосудительными въ моральномъ и религіозномъ смыслѣ. До мрачныхъ обстоятельствъ для просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, я не страшился пустыхъ нареканій. Но съ того времени, какъ обскурантизмъ сталъ направ-

лять колесницею русскаго феба, ужаснулся я отъ тучъ окружавшихъ оную, и остаюсь въ бездѣйствіи". (Р. Арх. 1864, 804—805). Велланскій изъ студентовъ Кіевской академіи поступилъ въ С.-Петербургское медико-хирургическое училище (1790) и, по возвращеніи изъ-за границы, опредѣленъ адъюнктомъ физіологіи, патологіи и и гигіены въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію (1805), откуда уволенъ по случаю потери зрѣнія въ 1838 г. Проводя параллель между Велланскимъ и Галичемъ, проф. Никитенко говоритъ, что Велланскій вполнѣ и безусловно былъ послѣдователемъ Шеллинга (?!). Онъ простодушно и искренно вѣровалъ въ начала своего учителя и считалъ возможнымъ объяснить ими всѣ явленія жизни, рѣшить всѣ вопросы человѣческаго ума, не исключая и медицины, требующей совершенно другаго метода и пріемовъ изслѣдованія. Стоитъ только прочитать „пролюзію къ медицинѣ" и „біологію" Велланскаго, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Въ нихъ содержится не простое и объективное изложеніе, съ которымъ онъ хотѣлъ бы познакомить любознательный умъ, а энергическое провозглашеніе, пропаганда идей, принятыхъ къ сердцу, духъ какого-то сектаторства, исключающій всякое противоположное мнѣніе". Это узкое, но фанатическое пониманіе доктрины учителя, въ силу котораго она переходитъ въ убѣжденіе и роднится со всѣмъ внутреннимъ существомъ ученика — есть одно изъ самыхъ существенныхъ и необходимыхъ требованій пропаганды. Поэтому никто болѣе Велланскаго не способствовалъ распространенію у насъ если не философской мысли, то стремленія къ ней. Пропаганда Велланскаго была распространена гораздо болѣе, нежели объ этомъ обыкновенно думаютъ. На публичныя лекціи Велланскаго собиралась многочисленная публика. Въ числѣ слушателей Велланскаго былъ въ 1830 году и А. Ив. Кошелевъ. Сохранившуюся въ его бумагахъ программу чтеній я привожу, какъ интересный документъ (приложеніе V). Александръ Ивановичъ познакомился съ Велланскимъ на вечерахъ кн. Одоевскаго. Отецъ мой проживалъ постоянно въ Костромѣ, но для своего времени былъ человѣкъ серьезно-образованный и слѣдившій за литтературой и наукой. Послѣ него осталась небольшая библіотека, — для своего собственнаго обихода, а не въ видѣ коллекціи, — заключавшая въ себѣ все, что удовлетворяло умственнымъ потребностямъ людей его времени: сочиненія энциклопедистовъ, классическая французская литтература, Лагарпъ

и Батё, мистическіе переводы Лабзина, cité de Dieu Св. Августина, всемірная исторія Боссюэта и біологическое изслѣдованіе природы Велланскаго. Удивительно, какъ такое разнообразное наслоеніе помѣщалось въ головѣ одного поколѣнія... Приводимый мною фактъ не есть единичный: мнѣ не одинъ разъ въ провинціальныхъ библіотекахъ, оставшихся въ помѣщичьихъ домахъ и представляющихъ характеръ болѣе или менѣе сходный съ бибіотекою моего отца, приходилось встрѣчать біологическое изслѣдованіе природы. Я помню, что я читалъ Велланскаго предъ окончаніемъ курса въ гимназіи, въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ; онъ на меня не произвелъ никакого впечатлѣнія потому, что я ничего не понялъ. Такъ умственная атмосфера *отцевъ* уже въ то время была не пригодна для *дѣтей*. А между тѣмъ еще въ тридцатыхъ годахъ студенты Петербургской духовной академіи восхищались лекціями проф. Карпова именно потому, что онѣ непонятны. По словамъ Ростислакова, студенты говорили: „Что это за наставникъ? у него на лекціяхъ все ясно; послѣ не надъ чѣмъ подумать и поломать голову. А вотъ у Василья Николаевича (Карпова) совсѣмъ другое дѣло: не поймешь и въ классѣ, и послѣ класса думаешь, думаешь, и все-таки не поймешь,—вотъ это такъ лекціи!“ (66).

Инымъ характеромъ отличался другой проповѣдникъ Шеллинизма,—Галичъ. О Галичѣ говоритъ Никитенко: „Галичъ не былъ энтузіастомъ никакого ученія; въ немъ утвердился духъ истинно философскаго, то есть свободнаго мышленія, которое всегда было готово перешагнуть за предѣлы признаннаго имъ самимъ авторитета и, если не пойти своимъ путемъ далѣе, то по крайней мѣрѣ попытаться заглянуть и въ другія сферы мысли“. Самостоятельнымъ Галичъ является въ окончательномъ своемъ трудѣ „Картина человѣка“ (СПб. 1834), о которомъ академія наукъ, присуждая ему половинную демидовскую премію выразилась: это отнюдь не есть простая компиляція, а, безъ сомнѣнія, собственное достояніе ума, плодъ многолѣтнихъ трудовъ и изысканій; она способна поселить въ образованныхъ людяхъ много полезныхъ мыслей, разливая свѣтъ на разностороннія отношенія“. (Отч. акад. н. о четвертомъ присужденіи демид. преміи за 1834—35 годъ). Въ настоящее время книга Галича не имѣетъ научнаго значенія, потому что она написана подъ вліяніемъ натуральной философіи Шеллинга, оказавшейся несостоятельною; но

самый планъ сочиненія и теперь представляетъ замѣчательный образецъ самостоятельнаго мышленія. Галичъ задался мыслью написать популярную антропологію или, какъ онъ выражался, „человѣкоученіе“, которая должна разъяснить „сколько то, что мы есть и значимъ отъ природы, столько и то, что мы дѣлаемъ изъ себя въ исторіи или позволяемъ изъ себя дѣлать вліяніемъ общежитія, къ которому мы призваны“. Сообразно этому антропологія, по понятію Галича, должна обнимать три части: a) *человѣка въ разумѣ общей природы*, или мѣсто человѣка въ общемъ порядкѣ земной жизни, b) *человѣка въ особенномъ устройствѣ и составѣ его существа*, гдѣ разсматривается съ одинаковою подробностью тѣлесный организмъ человѣка и его душевныя свойства въ состояніи нормальномъ и патологическомъ, на основаніи послѣднихъ выводовъ физіологіи и психологіи, и c) *ходъ человѣчества въ исторіи*, какъ дополнительный источникъ для разъясненій существа человѣка. Первыя двѣ части и составляютъ картину природы, а третья была написана, но сгорѣла. Книга Галича для того времени была замѣчательна и написана она хорошимъ языкомъ—хотя читается она не легко, что зависитъ отъ самой научной терминологіи и склада мышленія того времени, не отличившагося ясностью — но это уже не вина Галича. Къ сожалѣнію, мы не можемъ останавливаться подробно на изложеніи плана Галича, но чтобы не говорить бездоказательно, приводимъ слѣдующее мѣсто: „На уродливостяхъ открывается и повѣряется общій законъ *постепеннаго развитія природы*, въ силу котораго не только всякой главной сторонѣ органическаго бытія земнаго служитъ основаніемъ одинъ коренной первообразъ, являющійся на разныхъ степеняхъ болѣе или менѣе полнымъ, выработаннымъ, но и всѣ благородные организмы, прежде чѣмъ достигаютъ присвоенныхъ имъ совершенствъ, прежде чѣмъ дозрѣваютъ—должны проходить болѣе простыя и низшія степени образованія, на которыхъ остановилась или *закоснѣла* жизнь мелкихъ тварей. Вотъ почему всѣ почти уродливости въ человѣчествѣ обличаютъ сходство наше съ какимъ-либо звѣремъ, съ какою-либо птицей, гадиной и проч., потому что онѣ сами по себѣ не иное что, какъ разные *знаки препинанія*, останавливающіе зиждительность извѣстнаго органа на той животной степени, которая въ опредѣленную эпоху развитія зародышей человѣческихъ была для него правильной, нормальной“ (стр. 111—112). Конечно, въ тог-

дашней нашей литературѣ не много было сочиненій, гдѣ встрѣчались такія здравыя и для того времени замѣчательныя сужденія. Первымъ представителемъ философіи въ Петербургѣ былъ П. Д. Лодій, окончившій образованіе въ Утверскомъ лицеѣ и затѣмъ получившій каѳедру философіи сначала въ Львовѣ, а потомъ въ Краковѣ. Въ 1803 г. онъ былъ вызванъ въ педагогическій институтъ при самомъ его основаніи профессоромъ на каѳедру логики, метафизики и нравственной философіи. Съ преобразованіемъ педагогическаго института, по Высочайше утвержденному 8 февраля 1819 г. докладу министра Голицына, въ Петербургскій университетъ, Лодій перешелъ туда на ту же каѳедру, а послѣ увольненія проф. Куницына, Лодію поручено было преподаваніе юридическихъ наукъ до самой его смерти (въ 1827 году). По отзыву Плетнева, Лодій болѣе отличался нравственными качествами, нежели научными достоинствами. Въ философіи Лодій не шелъ далѣе Вольфа, ея исторію онъ читалъ по Брукеру, уголовное право по Фейербаху, а право естественное, публичное и гражданское по учебникамъ Мартини (de lege naturali positiones, Viennae 1782, positiones de jure civitatum et gentium), причемъ успокоивалъ министерство, указаніемъ на допущеніе этихъ учебниковъ въ австрійскихъ университетахъ, что тогда служило достаточнымъ клеймомъ благонадежности. Но не смотря на это книга Лодія „Логическія наставленія" подвергла его сильному гоненію со стороны ученаго комитета. Комитетъ нашелъ, что она исполнена опаснѣйшихъ по нечестію и разрушительныхъ началъ, причемъ указывалъ, что авторъ, превосходя открытостью нечестія и Куницына (котораго 2 часть изданнаго имъ естественнаго права была сожжена) и Галича, занимаетъ въ университетѣ мѣсто декана и преподаетъ естественное право ([67]). Въ инструкціи, составленной Лодіемъ при отправленіи Галича за границу—о которой мы уже упоминали—Лодій, желая дать молодому человѣку *надлежащихъ руководителей* при изученіи философскихъ наукъ за границей, указывалъ на профессора Шульце въ Гельмштадтѣ (котораго психологія переведена была Сидонскимъ) и извѣстнаго юриста Гуго въ Геттингенѣ. Шульце (1761—1833) тогда только обратилъ на себя вниманіе изданіемъ безыменнаго сочиненія Aenesidemus oder über die Fundamente der von Prof. Reinhold Elementar Philosophie, гдѣ онъ опровергалъ Канта и популяризатора его Рейнгольда съ точки зрѣнія скептицизма.

Урожденецъ г. Трубчевска, Орловской губерніи, Галичъ (1783—1848) изъ Сѣвской семинаріи въ 1803 г. поступилъ въ Петербургскую учительскую гимназію, вскорѣ переименованную въ педагогическій институтъ; по окончаніи курса, для усовершенствованія въ философіи Галичъ былъ отправленъ въ Гельмштадтъ и Геттингенъ, откуда, вопреки инструкціи, Галичъ явился Шеллингистомъ. Галичъ съ 1813 г. началъ свои чтенія въ педагогическомъ институтѣ, продолжалъ съ 1819 года въ университетѣ, гдѣ началъ съ исторіи философіи и присоединилъ къ этому теорію философскихъ наукъ (метафизику, логику, психологію и этику) только съ 1821 г., когда Лодію поручено было преподаваніе наукъ юридическихъ.

Теоретическую часть науки Галичъ читалъ, подчиняясь требованіямъ начальства, вовсе не такъ какъ предполагалъ въ представленной имъ самимъ, послѣ возвращенія изъ заграницы, диссертаціи pro venia legendi, согласно тогдашнему обычаю. Въ метафизикѣ онъ руководствовался сочиненіемъ Карпе, котораго текстъ съ латинскаго языка студенты сами переводили на русскій; въ исторіи философіи, до изданія своей книги, онъ держался Теннемана. По случаю болѣзни Кошанскаго, Галичъ приглашенъ былъ для преподаванія царскосельскимъ лицеистамъ, на время его отсутствія, русской и латинской словесности. Скоро уроки Галича обратились въ непринужденныя и часто веселыя бесѣды съ воспитанниками, которые даже не оставались на своихъ мѣстахъ, а окружали толпой каѳедру снисходительнаго лектора, въ свободные же часы дружески посѣщали его въ отведенной ему комнатѣ. Пушкинъ, по словамъ Никитенко особенно полюбилъ молодаго философа. Безъ сомнѣнія философское направленіе Галича не могло не оставить слѣдовъ, хотя лицеисты того времени, какъ видно, учились шутя, не принимали близко къ сердцу отвлеченныхъ началъ философскаго знанія и скучныхъ вопросовъ науки. Галичъ не былъ педантомъ; онъ былъ человѣкъ живой и сообщительный, принималъ охотно участіе въ сходкахъ и пирушкахъ молодежи и разгулу придавалъ характеръ осмысленный и развивающій. Пушкинъ въ пьесѣ „пирующіе друзья“ (1414) обращаясь къ Галичу говоритъ:

Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты Эпикура младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.

Въ 1825 году, вслѣдствіе извѣстной исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, Галичъ былъ уволенъ отъ званія профессора и оставленъ при университетѣ съ жалованьемъ 1600 р. и казенной квартирою; на просьбу Галича о предоставленіи ему гдѣ либо каѳедры нѣсколько разъ послѣдовалъ отказъ или молчаніе, а между тѣмъ въ маѣ 1835 г. лишили его крова, а въ маѣ 1836 г. не дали жалованья. Между тѣмъ ночью съ 3 на 4-е августа 1835 года квартира Галича сгорѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно обработанная третья часть его антропологіи—философія исторіи. Ему выдано было пособіе въ 300 р. и затѣмъ онъ окончательно уволенъ съ единовременною выдачею оклада въ 1600 р. асс. Послѣ того Галичъ находился въ крайней бѣдности, пробивавшись кое какими уроками и литературными работами. Для поддержанія его существованія друзья, по словамъ Никитенко, выхлопотали ему мѣсто начальника архива при провіантскомъ департаментѣ. Но послѣ пожара Галичъ не выдержалъ и запилъ. „Дѣти моей мысли умерли, говорилъ онъ, жизнь моя потеряла цѣль и смыслъ, я слишкомъ старъ, чтобы снова начинать погибшее дѣло, а только дѣломъ можно жить. Жить безъ дѣла запрещаютъ разумъ и совѣсть“. Чрезъ 8 лѣтъ такой безотрадной жизни холера унесла еще одного изъ многихъ, потерпѣвшихъ у насъ за науку. (Ал. Ив. Галичъ, ст. Никитенко въ Ж. Мин. Нар. Просв. за 1869 годъ кн. I, стр. 1—100). Первое сочиненіе, изданное Галичемъ,—была „Исторія философскихъ системъ“ въ 1819 г., составленная довольно толково по лучшимъ тогдашнимъ сочиненіямъ (Захера, Аста, Буле, Теннемана, Вейлера): въ то время это была единственная исторія философіи до Шеллинга включительно. Книга Галича не прошла безслѣдно въ свое время: даже такой чисто-практическій умъ, чуждавшійся всякаго отвлеченнаго мышленія и мало способный къ философскому синтезу, какъ М. П. Погодинъ, „переворачивая о Шеллинговой системѣ у Галича“, восхищался чуднымъ ходомъ ея, мечталъ даже отправиться путешествовать и представиться Шеллингу, чтобы онъ просвѣтилъ его и приготовилъ для пользы цѣлаго сѣвера (Барсуковъ, жизнь Погодина, стр. 279). За этой исторіей Галичъ издалъ „Опытъ науки объ изящномъ“ (1825), гдѣ онъ главнымъ образомъ придерживался Шеллинга. Сочиненіе это въ тогдашней нашей литературѣ было съ выгодной стороны замѣчено критикою. Полевой, вслѣдъ за выходомъ книги, посвятилъ ей обширную кри-

тическую статью (Московскій Телеграфъ 1825 г. ч. VIII, стр. 126, 215, 316, IX, 120) и въ заключеніи заявилъ: „книга г. Галича достойна вниманія и, какъ первый опытъ, есть превосходное изложеніе истинной теоріи и практики изящнаго. Замѣченные нами недостатки и неисправности не уменьшаютъ ея внутренняго достоинства, ибо читатели могутъ видѣть, что начала, на которыхъ основывается г. Галичъ, совершенно справедливы, а это главное". (IX, стр. 141). Въ „Сынѣ Отечества" за 1826 годъ помѣщена обстоятельная но неоконченная и неподписанная рецензія на это сочиненіе Галича. Къ сожалѣнію, слишкомъ сжатое и отвлеченное изложеніе дѣлало эту книгу доступною для немногихъ. За этими двумя изданіями послѣдовало въ 1829 г. сочиненіе: „Черты умозрительной философіи", гдѣ изложена выборка изъ разныхъ нѣмецкихъ философовъ, преимущественно придерживаясь системы Шеллинга. Въ 1834 г. издано было капитальное сочиненіе Галича—„Картина человѣка", о которомъ я уже говорилъ. Кромѣ того Галичъ принималъ дѣятельное участіе въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара. Остались еще отъ Галича, такъ сказать, подрядныя работы, которыя онъ написалъ изъ хлѣба, по заказу книгопродавцевъ, и по которымъ, конечно, судить о Галичѣ нельзя. Сюда относится: „Теорія краснорѣчія для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій", 1830 г., компиляція съ нѣмецкаго; Логика, изложенная по Клейну, 1831 г. и два неоконченныхъ—Лексиконъ философскихъ предметовъ, 26 кн. 1847 г. и „Русскіе синонимы". Гораздо болѣе значенія нежели оффиціальныя лекціи имѣли частные уроки Галича у себя на дому, въ тридцатыхъ годахъ, когда около него образовалась маленькая аудиторія человѣкъ изъ десяти или двѣнадцати. Чтенія Галича то прерывались, то возобновлялись, судя по накоплявшемуся числу желающихъ. Здѣсь Галичъ въ своемъ самостоятельномъ изложеніи придерживался въ главныхъ чертахъ системы Шеллинга. Немногочисленность аудиторіи Галича и перерывы объясняются тѣмъ, что Галичъ въ 1829 г. просилъ разрѣшенія на чтеніе публичныхъ лекцій у министра, но ему было отказано. Преемникомъ Галича на каѳедрѣ философіи съ 1 января 1825 года былъ переведенный изъ Казани любимецъ Магницкаго Пальминъ, который проложилъ себѣ дорогу къ этой каѳедрѣ переводомъ соч. Борка (Burke): „Философскія изслѣдованія происхожденія нашихъ понятій о высокомъ и прекрасномъ". Трудно представить себѣ что либо, говоритъ Гри-

горьевъ, скучнѣе и снотворнѣе, чѣмъ были схоластическія лекціи Пальмина, который даже Вольфіанскую философію кастрировалъ ad-usum россійскаго юношества (Григ. зап. о П. Унив. 69). Въ Московскомъ Университетѣ, послѣ Буле, заканчивавшаго свою критическую исторію философіи Кантомъ, Фихте, Шеллингомъ, долго читалъ эту науку Брянцевъ. Брянцевъ началъ свое преподаваніе съ 1788 г. логикою; въ 1795 г. наименованъ онъ ординарнымъ профессоромъ логики и метафизики и продолжалъ чтеніе свое до самой смерти, въ началѣ 1821 г. Это былъ единственный у насъ представитель на каѳедрѣ такъ называемой моральной философіи, придерживавшійся преимущественно Фергюсона, котораго перевелъ съ нѣмецкаго. Брянцевъ былъ человѣкъ глубоко религіозный; каждое воскресенье, вмѣстѣ съ Страховымъ, стоялъ онъ у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ; въ жизни своей Брянцевъ отличался тѣмъ добродушнымъ и добродѣтельнымъ смиреніемъ, за которымъ бо̀льшею частью скрывается золотая посредственность. На слушателей своихъ Брянцевъ не имѣлъ никакого вліянія и чтенія его проходили безслѣдно. Даже внѣшній видъ его поражалъ комизмомъ самого Погодина, отличавшагося не только снисходительностью, но какимъ-то восторженнымъ отношеніемъ къ бывшимъ своимъ профессорамъ. „Такой фигуры, пишетъ Погодинъ, нынѣ уже не встрѣтишь. Во фракѣ съ большими пуговицами, въ короткихъ штанахъ съ пряжками, въ сапогахъ съ отворотами, изъ за которыхъ виднѣлись чулки,—его никто не понималъ, а можетъ быть и было что нибудь въ его гіероглифахъ". (Барсуковъ, 48 и 49). Мы видѣли, что при вступленіи въ университетъ Надеждина въ 1831 г. профессора Ивашковскій и Снегиревъ ставили вопросъ, можетъ ли быть ученіе Шеллинга терпимо въ университетѣ, хотя съ 1820 года его проповѣдывалъ съ каѳедры М. Г. Павловъ. Разсадникомъ Шеллингизма въ Москвѣ былъ университетскій пансіонъ, куда занесъ его Ив. Ив. Давыдовъ. Вообще значеніе въ Московскомъ университетѣ дѣятелей *эпохи двадцатыхъ годовъ*, заслоненной блестящими представителями Строгановскаго управленія, начиная съ Павлова и Надеждина, слишкомъ обезцѣнено. Университетъ, благодаря Муравьеву, наполнился русскими профессорами; они не были, можетъ быть, учеными въ строгомъ смыслѣ слова, а тѣмъ менѣе не двигали науку впередъ, но они въ значительной степени обладали талантомъ преподаванія, вносили въ свое дѣло усердіе и подготовляли въ слушателяхъ будущихъ серь-

сныхъ тружениковъ и въ области педагогики, и въ литературѣ, и въ общественной дѣятельности. Профессора Нѣмцы ограничивались передачею съ каѳедры своихъ свѣдѣній; но, за весьма малыми исключеніями, помимо аудиторіи, между профессорами и студентами не возникало никакой внутренней связи. Русскіе профессора поставили себя иначе: изъ біографіи Погодина видно, что въ его время, въ двадцатыхъ годахъ, связь эта возникла и многіе изъ профессоровъ поощряли и выдвигали талантливую молодежь. Гончаровъ въ своихъ запискахъ указываетъ, что уже въ тридцатыхъ годахъ установилась та внутренняя связь между профессоромъ и аудиторіею, въ силу которой студенты цѣнятъ не одно голое сообщеніе знанія съ каѳедры, но нравственное вліяніе профессора, которое пріобрѣтается только стойкостью и искренностью его личныхъ убѣжденій. Къ числу такихъ неоцѣненныхъ дѣятелей того времени принадлежалъ и И. И Давыдовъ, котораго скромная и невидная, но далеко не безполезная дѣятельность слишкомъ унижена людьми заставшими его уже покончившаго свою задачу и обойденнаго другими, болѣе блестящими представителями европейской науки. Оттого къ нему съ несправедливою жесткостью относились позднѣйшіе его слушатели и ученики. К. С. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ отзывается о Давыдовѣ иронически: „о Давыдовѣ И. И.скажу только, что въ его напечатанномъ курсѣ есть слѣдующія слова: о великихъ людяхъ пишемъ мы длинными стихами потому что воображаемъ ихъ себѣ большаго роста“. (День 1862 г. № 40). Бѣлинскій, послѣ помѣщенія Давыдовымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ 1839 г. Т. IV, стр. 153—162) статьи „о возможности эстетической критики“, въ письмѣ къ А. А. Краевскому обозвалъ Давыдова „пошлякомъ, педантомъ и школяромъ“. Гончаровъ, въ своихъ „воспоминаніяхъ“, такъ передаетъ взглядъ на профессора студентовъ тридцатыхъ годовъ. „Изъ лекцій Давыдова слушатели выносили только болѣе или менѣе красивыя фразы, сквозь которыя виднѣлась нагота мысли, содержанія; искры, feu sacré, у него не было. Студенты не любили Давыдова, считая его за человѣка ученаго, но вмѣстѣ ловкаго, практическаго“ (В. Евр. 1887 г., апрѣль, 508—9). А между тѣмъ было время, когда слушатели не менѣе даровитые смотрѣли на Давыдова совсѣмъ другими глазами. Морошкинъ въ своей автобіографіи говоритъ, что въ его время рѣзко выдѣлялись чтенія Мерзлякова, Каченовскаго и *Давыдова*; философское направленіе лекцій послѣдняго Морошкинъ

передаетъ своимъ оригинальнымъ языкомъ въ слѣдующемъ видѣ: „съ перваго разу Давыдовъ поражалъ умозрительною отвлеченностью своего ученія, живымъ сознаніемъ суеты однѣхъ фактическихъ познаній, стремленіемъ къ выспреннимъ началамъ вѣдѣнія“. Въ 1843—44 году я слушалъ лекціи Давыдова по теоріи русской словесности соединеннымъ курсамъ математиковъ и медиковъ; лекціи эти не были блестящею импровизаціей и не давали такого обильнаго, серьезнаго и обработаннаго матеріала, какъ чтенія другихъ выдающихся профессоровъ того времени; но во всякомъ случаѣ они были послѣдовательны и сообщали систематически элементарное знаніе своего предмета, чего нельзя было сказать о многихъ другихъ профессорахъ. На лекціи въ мое время И. И. Давыдовъ являлся съ сановитостью генерала (тогда чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника былъ рѣдкостью въ особенности между профессорами), въ сопровожденіи субъ-инспектора ради почета; въ дни его молодости, на Ив. Иван. сдѣланъ былъ доносъ, какъ на „заклятаго якобинца“. Ученая дѣятельность Давыдова по каѳедрѣ русской словесности исчерпывается капитальнымъ его трудомъ: „Чтенія о словесности“ (1837—1838). Давыдовъ, въ своей автобіографіи самъ помѣстилъ о нихъ слѣдующій отзывъ: „Чтенія эти отличаются отъ всѣхъ другихъ сочиненій по тому же предмету философскимъ воззрѣніемъ; руководствами при ихъ изложеніи служили изъ древнихъ писателей: Цицеронъ и Квинтиліанъ, изъ новыхъ—Блеръ, Вильменъ, бр. Шлегели и эстетика Гегеля“. Одно это сопоставленіе именъ Блера (Blair, „Lectures on Rhetoric and belles lettres,) англійскаго эстетика, видѣвшаго въ поэзіи только языкъ страсти, и Гегеля, съ примѣсью Вильмена и Шлегеля, указываетъ на компилятивно-переводное значеніе этого труда, лишеннаго самостоятельной мысли, перерабатывающей чужой матеріалъ въ стройную и самостоятельную систему; но всетаки „чтенія“ давали элементарныя свѣдѣнія по языкознанію, на основаніи тогда еще новыхъ и неизвѣстныхъ въ русской литературѣ ученій В. Гумбольдта, Боппа, Гримма и Беккера. Вообще „чтенія“ были далеко лучше всего остальнаго находившагося подъ руками. Цѣлыя поколѣнія учителей, подвинувшихъ у насъ гимназическое преподаваніе словесности, прошли чрезъ руки Ив. Ив. Давыдова и воспитали то поколѣніе, которое, уйдя далеко впередъ, неблагосклонно смотрѣло на дѣятелей старой эпохи. Въ этомъ

смыслѣ значеніе Ив. Ив. Давыдова совершенно тожественно съ заслугами его современника Дм. М. Перевощикова, который также весьма мало сдѣлалъ собственно для науки, но воспиталъ цѣлое поколѣніе преподавателей. Давыдову ставили въ вину даже обстоятельство, отъ него независѣвшее, именно—что онъ не разъ мѣнялъ каѳедру. Безъ сомнѣнія, это мѣшало ему сосредоточиться на извѣстномъ предметѣ и выражало его довольно равнодушное отношеніе къ содержанію своихъ чтеній. Въ оправданіе Давыдова можно сказать, что тогда въ наукѣ не было такого рѣзкаго разграниченія, какъ теперь; факультеты словесный и математическій составляли тогда въ дѣйствительности одинъ философскій, студенты котораго обязаны были слушать наравнѣ науки словесныя, математическія и естественныя; и наконецъ, при недостаткѣ профессоровъ, иногда необходимость и воля начальства заставляли профессора принимать на себя чтеніе предмета, не составляющаго его спеціальности. Гораздо справедливѣе нареканія на заискиванія Давыдова у сильныхъ міра сего, на непріязненныя его отношенія къ товарищамъ, напримѣръ къ Грановскому; но нравственныя его качества не мѣшаютъ признанію заслугъ его въ дѣлѣ просвѣщенія.

Философское образованіе, пріобрѣтенное Давыдовымъ исключительно въ университетѣ, было очень поверхностно. Ив. Ив. Давыдовъ (1794—1863) происходилъ изъ небогатыхъ Тверскихъ дворянъ и первоначальное образованіе получилъ въ Тверскомъ дворянскомъ училищѣ, гдѣ на него обратилъ вниманіе попечитель Муравьевъ; при его покровительствѣ Давыдовъ въ 1808 г. поступилъ въ Московскій университетъ. Здѣсь, по его собственнымъ словамъ, Давыдовъ въ особенности воспользовался лекціями Буле, Мерзлякова, Сохацкаго, Тимковскаго и Страхова. Буле Давыдовъ засталъ уже въ концѣ его университетскаго поприща (онъ оставилъ университетъ въ 1811 г.) и при этомъ, по выбытіи Баузе, Буле былъ отвлеченъ отъ своего предмета принятіемъ на себя обязанности ознакомить студентовъ съ Римскимъ правомъ; но въ 1809 и 10 годахъ Буле еще излагалъ свой курсъ метафизики, куда входило критическое объясненіе философскихъ системъ Канта, Фихте и Шеллинга. Профессоръ Сохацкій читалъ философію (въ 1801 г.), а съ 1805 года занялъ каѳедру эстетики. Для своихъ слушателей Сохацкій перевелъ начертаніе и исторію изящныхъ наукъ Мейнерса (М. 1803) и въ своемъ курсѣ фран-

цузское ученіе объ изящномъ (въ смыслѣ Батте) старался соединить съ нѣмецкими воззрѣніями Винкельмана и его послѣдователей. Вліяніе этихъ двухъ профессоровъ развило въ Давыдовѣ стремленіе къ философскимъ знаніямъ. Его докторская диссертація (1818 году) написана была на философскую тему: „О преобразованіи въ наукахъ, произведенномъ Бэкономъ". Изъ числа философовъ, Давыдовъ, по собственному признанію, Шеллинга предпочиталъ всѣмъ другимъ. Дѣятельность Давыдова, какъ профессора философіи въ университетѣ, была очень кратковременна. Въ „исторіи Московскаго университета" содержатся о томъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ 1817—18 г. Давыдовъ началъ свое поприще преподаваніемъ логики и нравственности по руководству Снелля и Буле, далѣе присоединилъ обозрѣніе исторіи философіи по тому же руководству и упражненія слушателей въ разсужденіяхъ о предметахъ нравственныхъ, въ философскихъ сочиненіяхъ и разборѣ оныхъ; съ 1820—21 г., по смерти Тимковскаго, Давыдовъ занялъ каѳедру Римской словесности. Мѣсто Давыдова по преподаванію философскихъ наукъ со смертью Брянцева въ началѣ 1821 г. занялъ адъюнктъ Любимовъ и читалъ два года логику по Кизеветтеру и нравственную философію по системѣ Рейнгарда (442—443). Затѣмъ обозначенъ переходъ Давыдова въ 1831—32 году на каѳедру словесности, но относительно профессорской дѣятельности Давыдова съ 1821 по 1831 годъ не сказано ничего ни въ исторіи университета, ни въ его біографіи, помѣщенной въ словарѣ. Между тѣмъ извѣстно, что въ 1826 г. онъ читалъ вступительную лекцію по философіи и этимъ ограничился. Гончаровъ, „въ университетскихъ воспоминаніяхъ", объясняетъ, что лекціи исторіи философіи, которыя началъ Давыдовъ, послѣ двухъ-трехъ закрылись, потому что посѣтившій ихъ флигель-адъютантъ донесъ о *вольнодумствѣ* профессора (В. Евр. 1887, апрѣль, 492). Вступительныя лекціи Давыдова напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" за 1826 годъ и отдѣльно (М. 1826 г.). Но не въ университетѣ, а главнымъ образомъ въ благородномъ пансіонѣ сосредоточивалась полезная дѣятельность Давыдова, ради которой нельзя не признать въ немъ извѣстной услуги дѣлу нашего умственнаго образованія. Въ пансіонѣ Давыдовъ былъ главнымъ помощникомъ педагогической дѣятельности Антонскаго, поставившаго, какъ мы видѣли, университетскій благородный пансіонъ на такую высокую степень, въ смыслѣ образова-

тельнаго учрежденія. Еще до поступленія въ университетъ Давыдовъ сдѣланъ былъ 1814 году преподавателемъ благороднаго пансіона, а въ 1815 году инспекторомъ его. Не говоря объ административныхъ и хозяйственныхъ трудахъ Давыдова по преобразованію пансіона и улушенію самаго помѣщенія и ученыхъ пособій, въ педагогическомъ оношеніи, послѣ директора Антонскаго, Давыдовъ принималъ самое живое участіе. Подъ его руководствомъ черезъ каждыя двѣ недѣли происходили засѣданія, въ собраніи питомцевъ пансіона, гдѣ, въ присутствіи директора и профессоровъ, читались рѣчи, разсужденія, стихотворенія, разборы писателей и часто происходили ученыя пренія. Подъ его наблюденіемъ издавались рѣчи и стихотворенія, говоренныя воспитанниками на актахъ и альманахъ „Калліопа". Давыдовъ пробудилъ и развилъ въ пансіонѣ стремленіе къ Шеллинговой философіи, онъ давалъ книги воспитанникамъ, толковалъ съ ними о новой системѣ и вообще имѣлъ сильное вліяніе на все молодое поколѣніе, прошедшее чрезъ его руки, въ этомъ учрежденіи (Погодинъ). Одоевскій, еще пансіонеромъ, приходилъ въ восторгъ отъ его статей и горячо благодарилъ руку, метавшую бисеръ (Восп. Одоевск. 48). Ближайшіе друзья молодости Ал. Ив. Кошелева, кн. Одоевскій, Титовъ, Шевыревъ,—воспитанники благороднаго пансіона, развились и сдѣлали первые шаги на литературномъ поприщѣ подъ руководствомъ Ив. Ив. Давыдова; такимъ образомъ, хотя косвенно, черезъ нихъ, Давыдовъ имѣлъ вліяніе на развитіе въ лѣтахъ юности Кошелева. Прибавимъ кстати, что Давыдовъ въ то время былъ дѣятельнымъ членомъ Общества любителей р. словесности; послѣ Каченовскаго онъ избранъ былъ секретаремъ, потомъ временнымъ председателемъ и редакторомъ трудовъ Общества, гдѣ помѣщено нѣсколько его статей. Значеніе Давыдова, какъ философа, безъ сомнѣнія, очень не высокое. Не смотря на свое пристрастіе къ Шеллингу, Давыдовъ не понималъ ни его, ни вообще умозрительной нѣмецкой философіи: стоитъ только прочесть его изложеніе ученія Сольгера объ изящномъ, чтобы убѣдиться, какъ смутно и неясно въ головѣ его ложились отвлеченныя и діалектическія тонкости нѣмецкихъ теорій. Въ № 4 „Москвитянина" за 1841 годъ Давыдовъ помѣстилъ статью „Возможна ли у насъ германская философія"? (стр. 385—401), навлекшую на него справедливый, но черезчуръ рѣзкій отзывъ Бѣлинскаго. Здѣсь онъ излагаетъ свое

пониманіе философіи, какъ науки, въ такомъ видѣ. Указавъ на преобладающее современное значеніе фолософіи Гегеля, онъ ставитъ вопросъ: „не наступаетъ ли очередь смѣны и для философіи Гегеля въ Германіи? Да, уже представляются уму новыя идеи, для которыхъ нѣтъ мѣста въ этой философіи, не смотря на ея всеобъемлющую обширность; уже слышны многіе вопросы, на которые она безмолвствуетъ". Давыдовъ не признаетъ возможнымъ, чтобы народы, различные по интересамъ ихъ занимающимъ, развили изъ себя *одну философію*, какъ результатъ мышленія, дѣйствія и чувствованія. Въ Россіи элементы для построенія философіи Давыдовъ указываетъ слѣдующіе: „святая вѣра наша, мудрые законы, изъ исторической жизни нашей развившіеся въ органическую систему, прекрасный языкъ, представляющій удивительную логику народа въ запечатлѣніи природы своею личностью, *дивная исторія славы нашей*, вотъ изъ чего должна развиваться философія наша"! Само собою разумѣется, что такая постановка философскаго вопроса не мало содѣйствовала тому жалкому мнѣнію о Давыдовѣ, которое имѣли о немъ люди сороковыхъ годовъ и передали въ наслѣдство. Но въ свое время Давыдовъ былъ усердный, хотя поверхностный популяризаторъ философскихъ свѣдѣній и одинъ помѣщалъ оригинальныя, а не переводныя статьи въ журналахъ того времени, въ „Сынѣ Отечества" и преимущественно въ „Вѣстникѣ Европы". Крупныхъ сочиненій по философіи Давыдовъ издалъ два и оба для воспитанниковъ благороднаго пансіона: „Основанія логики" М. 1820 г. и „Опытъ руководства къ исторіи философіи" М. 1820 г. Журнальныя статьи Давыдова представляютъ передѣлку изъ этихъ сочиненій, не прибавляющую впрочемъ къ нимъ ничего новаго. Изъ журнальныхъ статей, не принадлежащихъ къ названнымъ двумъ сочиненіямъ, Давыдовъ помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1822 годъ, подъ псевдонимомъ „Мемнонъ", переводъ разбора Варнея, сочиненія Бонстеттена „О человѣкѣ", „Нравственные афоризмы" и разборъ сочиненія Сольгера „Ервинъ или четыре разговора объ изящномъ" (⁶⁸). Исторія философіи Давыдова, отъ прежней философіи до Канта включительно, вышла послѣ „Исторіи философскихъ системъ" Галича и, по своей краткости и поверхностности, не можетъ быть съ нею поставлена рядомъ. Въ предисловіи къ исторіи философіи Давыдовъ говоритъ, что онъ главнымъ образомъ придерживался Дежерандо. „Въ иныхъ мѣстахъ вмѣнялъ я

себѣ за честь переводить знаменитаго философа; въ другихъ извлекалъ изъ него важнѣйшія мысли; есть предметы, въ которыхъ осмѣливался не соглашаться съ великимъ писателемъ". Изслѣдованіе ученія Пиѳагора и Сократа заимствовано изъ Бартелеми. Въ логикѣ Давыдовъ задался, какъ сказано въ его предисловіи „Опытныя начала Лонковы и Дежерандовы", по возможности соединить съ благоразумнымъ идеализмомъ Буле, незабвеннаго наставника своего и знаменитаго Кизеветтера. Въ началѣ, по руководству Шеллинга, съ которымъ первый въ отечествѣ нашемъ познакомилъ насъ почтенный профессоръ Галичъ, предложено обозрѣніе того, что предстоитъ мыслящему для духовнаго совершенства. И не смотря на то, Гречъ, отозвавшійся о Галичѣ съ непозволительной ироніей въ „Сынѣ Отечества", пришелъ въ восторгъ отъ книги Давыдова. По словамъ Греча, издатель ея доказалъ, что по-русски можно писать о предметахъ отвлеченныхъ *ясно* и *пріятно*, вводить философію въ училища и всенародныя собранія, не облекая оную въ варварскую циническую одежду нѣмецкихъ кратесовъ (?!). Логика Давыдова ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ тѣхъ элементарныхъ переводныхъ учебниковъ, которые начали появляться у насъ еще съ конца XVIII столѣтія, но не смотря на это заслужила неодобрительный отзывъ отъ Магницкаго. Въ запискѣ, представленной имъ Императору Александру въ февралѣ 1823 года, Магницкій указываетъ даже на нее, какъ на одно изъ доказательствъ бѣсовскаго революціоннаго духа, охватившаго всю Россію, наравнѣ съ Европою. Эта логика, по словамъ Магницкаго, пропитана отъ начала до конца богопротивнымъ ученіемъ Шеллинга, распространяющимъ вліяніе свое на всѣ отрасли человѣческихъ свѣдѣній и даже на литературу. Основу Шеллинговой философіи составляетъ, по словамъ Магницкаго, *вольнодумство* и *развратъ*. Такимъ образомъ Шеллингизмъ въ самомъ своемъ началѣ не успѣлъ свить себѣ прочнаго гнѣзда ни въ одномъ изъ нашихъ столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, кромѣ медицинской академіи, которая всегда, въ силу своего профессіональнаго характера и отдѣльнаго начальства, стояла какъ-то особнякомъ. Шеллингизмъ развивался у насъ, какъ и послѣдующія философскія системы, подъ спудомъ, отдѣльными кружками и только изрѣдка находилъ проповѣдниковъ на оффиціальныхъ каѳедрахъ. Но движеніе философской мысли въ то время *по уставу* не могло ограничиться сто-

лицами. Изъ губернскихъ городовъ счастливѣе въ этомъ случаѣ былъ Харьковъ. Мы видѣли уже, что тамошній попечитель, Гр. Северинъ Потоцкій, задался тою же мыслію, какъ и Муравьевъ въ Москвѣ: пополнить свой университетъ недостающими серьезными научными силами изъ Германіи, что въ то время было очень удобно, такъ такъ Наполеоновскія войны гнали оттуда лучшихъ людей. Въ 1802 г., по рекомендаціи Гете, Потоцкій пригласилъ на каѳедру философіи проф. Шада. Шадъ былъ извѣстенъ въ Германіи, какъ одинъ изъ немногихъ прямыхъ и строгихъ послѣдователей Фихте. Въ Харьковскомъ университетѣ, открытомъ 17 января 1803 года, Шадъ читалъ по-латынѣ логику, психологію, метафизику, этику, естественное право и исторію философіи. Но, по доносу попечителя Карнѣева, министерство нашло, что Шадъ придерживается новѣйшей германской философіи и въ особенности слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ, системѣ Шеллинга (?); а весьма сомнительно, должно ли прямо допустить введеніе этой системы въ Россію и вкорененіе ея въ памяти молодыхъ людей. Кромѣ того въ сочиненіяхъ Шада найдены мѣста, несообразныя съ понятіемъ о власти Государя, порицаніе существующихъ въ Россіи учрежденій, противное правамъ объясненіе супружескаго союза и т. д. Интересно, что Шаду поставлено было въ вину даже, что онъ называлъ въ своей рѣчи Наполеона „Корсиканскимъ чудовищемъ, исчадіемъ ада“, говорилъ, что французы обречены на вѣчное рабство, а удѣлъ нѣмцевъ — свобода и т. д. По представленію министерства, Комитетъ Министровъ призналъ дальнѣйшее пребываніе Шада въ Россіи не терпимымъ и Шадъ въ 1816 г. былъ высланъ изъ Россіи (69). Плодомъ преподаванія Шада въ Харьковѣ были явившіяся тамъ: „Яснѣйшее изложеніе, въ чемъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи, опытъ принудить читателя къ ея разумѣнію“, сочиненіе Ивана Фихта, пер. съ нѣмецкаго, Ст. Ес—кій, Харьковъ 1813 г.; Логика Любачинскаго, 1817. Первый русскій, получившій степень доктора философіи въ Геттингенѣ, былъ Сулима изъ Харькова. Въ свѣдѣніи объ открытіи Казанскаго университета объявлено, что на курсѣ, начатомъ съ февраля 1805 г., будетъ читать логику, по начертанію Рижскаго съ своими замѣчаніями, адъюнктъ Левицкій. Философію началъ читать въ Казани А. С. Лубкинъ, воспитанникъ Костромской семинаріи, а потомъ Петербугской академіи; въ 1801 г. онъ былъ опредѣ-

лен ректором и преподавателем философіи въ армейской семинаріи, а въ 1815 г. утвержденъ экст. проф. умозрительной и практической философіи въ Казанскомъ университетѣ. Лубкинъ помѣстилъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1805 г. Мартынова „Письмо о критической философіи“, гдѣ онъ первый изложилъ критически главныя основанія философіи Канта и изложилъ свои возраженія противъ понятій Канта о времени и пространствѣ. Вмѣстѣ съ П. С. Кондыревымъ, въ 1807 г. окончившимъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ и 1814 г. получившимъ каѳедру историческихъ наукъ и политической экономіи, Лубкинъ перевелъ въ 1813 году начальный курсъ философіи Снелля, извѣстнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и бездарнаго послѣдователя Канта, хотя въ своей рѣчи на актѣ Казанскаго университета 5-го іюля 1815 г. „Возможно ли нравоученію дать твердое основаніе независимо отъ религіи“, — Лубкинъ высказался противъ Канта. Онъ подалъ этимъ поводъ Срезневскому, на актѣ 5 іюля 1817 г., въ рѣчи „О разныхъ системахъ нравоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ“, выступить въ защиту послѣдняго. Кромѣ того Лубкинъ издалъ „Начертаніе метафизики“ (1818) и Логику (1807). Въ „Начертаніи метафизики“ Лубкина ученый комитетъ усмотрѣлъ желаніе автора согласить два рѣшительно противоположныя начала: вѣру, утверждающуюся на откровеніи, и изслѣдованія разума, ищущаго въ самомъ себѣ рѣшенія, какъ относительно предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, такъ и для самыхъ отвлеченныхъ идей, выходящихъ за его предѣлы. Многія мѣста въ метафизикѣ, удовлетворительно отвергая безбожіе, говорятъ о благонамѣренности автора; другія же, напротивъ того, исполнены заблужденій, ложныхъ началъ и служатъ доказательствомъ той истины, что разумъ, въ сужденіяхъ своихъ о предметахъ сверхчувственныхъ, ограничиваясь однимъ только разсмотрѣніемъ и изслѣдованіемъ видимой природы, неспособенъ простирать виды свои въ міръ безтѣлесный. Многія мѣста, неопредѣленныя и подлежащія произвольному толкованію, дѣлаютъ книгу Лубкина подозрительною (Скабич.). Во время разгрома Казанскаго университета профессоръ естественнаго права Солнцевъ „изобличенъ“ былъ въ томъ, что его система до нѣкоторой степени носила на себѣ слѣды философіи Канта: за это Солнцевъ не только былъ уволенъ изъ университета, но ему запрещено было преподавать даже и въ частныхъ заведеніяхъ.

Въ позднѣйшую эпоху, уже въ царствованіе Императора Николая, происходилъ погромъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Проф. естественнаго права Бѣлоусовъ, начавшій доносомъ, что нѣкоторые ученики пансіона читаютъ тайно книги неприличныя ихъ возрасту, держатъ у себя сочиненія *Александра Пушкина и другихъ подобныхъ*, былъ въ свою очередь уличаемъ проф. политическихъ наукъ Билевичемъ, что Бѣлоусовъ читалъ естественное право не по одобренной системѣ де-Мартини, а *по основаніямъ философіи Канта и Шада*. Указомъ 27 октября 1830 г. было повелѣно Бѣлоусова, вмѣстѣ съ тремя другими профессорами, обвиненными во вредномъ направленіи и развращеніи учениковъ, отрѣшить отъ должности, со внесеніемъ въ ихъ паспорты и выслать: не русскихъ за границу, а русскихъ на мѣсто родины, подъ присмотръ полиціи (Скабич.).

Гимназическое преподаваніе философіи продолжалось очень не долго. По уставу гимназіи 5 ноября 1804 г. (П. С. З. № 2150) предположено было, что учитель философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи преподаетъ уроки по 20 часовъ въ недѣлю. Въ первомъ классѣ, по 4 часа въ недѣлю, обучаетъ онъ логикѣ и всеобщей грамматикѣ; во второмъ классѣ по 4 часа преподаетъ психологію и нравоученіе; въ третьемъ классѣ, по 4 часа, эстетику и риторику; въ четвертомъ по 8 часовъ, изъ коихъ 4 обучаетъ праву естественному и праву народному, а остальные четыре часа политической экономіи (§ 23). Но циркулярнымъ предложеніемъ министерства отъ 5 іюня 1819 г. исключены были изъ учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ начальный курсъ философіи и изящныхъ искусствъ, оставивши только логику въ самомъ элементарномъ видѣ. Гимназическіе учебники по философскимъ наукамъ, какъ мы уже видѣли, составилъ проф. Якобъ. Якобъ (1759 — 1827) учившійся по системѣ Вольфа, съ юношескимъ жаромъ присталъ къ Кантовой философіи и старался, впрочемъ довольно поверхностно, популяризировать ее чтеніями, рецензіями и изданіемъ руководствъ. Кромѣ того Якобъ перевелъ Юлія, Кабаниса и сокращенно Байля. Въ особенности Якобъ прославился въ Германіи переводомъ Кабаниса, хотя онъ возражаетъ противъ основнаго положенія послѣдняго о томъ, что духовныя проявленія человѣческой дѣятельности суть прямой результатъ физической его организаціи. Якобъ въ 1807 году издалъ „Основанія Политической Экономіи“ и на этомъ основаніи въ 1807 г. избранъ былъ Совѣтомъ Харьковскаго

университета на каѳедру политическихъ наукъ, послѣ закрытія Гальскаго университета Наполеономъ. Якобъ изъ Харькова послалъ императору Александру сочиненіе свое о бумажныхъ деньгахъ въ Россіи и средствахъ удержать ихъ отъ паденія. („О деньгахъ, разсужденіе“, С.-Пб. 1810 г.). Вслѣдствіе этого Якобъ вызванъ былъ въ 1809 г. въ Петербургъ и назначенъ былъ членомъ по финансовой части въ коммиссію законовъ. Здѣсь онъ сблизился съ Сперанскимъ и, послѣ паденія его, снова переселился въ Галле, гдѣ получилъ профессорскую каѳедру. Ноакъ въ своемъ словарѣ сообщаетъ, что въ 1812 г. Якобъ за политическія мнѣнія сосланъ былъ въ Сибирь, но въ 1816 г. признанъ невиннымъ и возведенъ въ дворянское достоинство; но это извѣстіе по русскимъ источникамъ не подтверждается. Учебники свои Якобъ составилъ уже по переселеніи въ С.-Петербургъ, по порученію Главнаго Правленія училищъ. Въ основѣ ихъ лежала философія Канта, что и подало поводъ архіепископу Ѳеофилакту къ обвиненію въ распространеніи этой философіи между воспитанниками гимназіи. Сами по себѣ учебники, составленные Якобомъ, не представляли ничего зловреднаго и содержали въ себѣ хотя толковое, но совершенно элементарное и поверхностное руководство къ изученію философскихъ наукъ.

Вліяніе философіи на тогдашнее общество профессоръ Сухомлиновъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Занесенная въ чужой міръ, говорившая чужимъ языкомъ, философія скоро обжилась въ своемъ новомъ пріютѣ; ее полюбило русское молодое поколѣніе; ея таинственный языкъ нашелъ сочувственный отзывъ въ воспріимчивыхъ умахъ, въ которыхъ первыя университетскія лекціи успѣли заронить искру знанія и любви къ наукѣ. По самой сущности своей философія владѣла привлекательной силой: затрогивая общіе и важные вопросы, къ которымъ нельзя остаться равнодушнымъ при первой работѣ мышленія, философія вводила въ новую и высшую сферу, чуждую пошлостей и предразсудковъ, располагала къ умственному труду и пріучала цѣнить и уважать его. Для того, чтобы отдаться вполнѣ умственной работѣ, чтобы посвятить себя въ обществѣ полуобразованномъ ученому труду и изслѣдованіямъ, надо было дѣлать усилія, выдержать борьбу и на эту трудную, но славную борьбу вызывала философія своимъ ученіемъ о противорѣчіи идеала и дѣйствительности, о достоинствѣ и правахъ человѣческаго духа“. Эта работа философскаго мышле-

нія получила новую обильную пищу и число борцевъ за дѣло цивилизаціи значительно увеличилось, когда философія прочно утвердилась на каѳедрѣ въ Московскомъ университетѣ въ лицѣ Павлова и Надеждина,—оба изъ духовныхъ училищъ—и сложился въ нашемъ обществѣ московскій кружокъ Шеллингистовъ, во главѣ котораго на первыхъ порахъ сталъ Веневитиновъ.

Съ основаніемъ провинціальныхъ университетовъ, Московскій потерялъ значеніе единственнаго чисто русскаго учрежденія для высшаго образованія. Но университетъ все еще удержалъ за собою традиціи и значеніе старшаго и главнаго разсадника умственной жизни въ Россіи. Попечители, бывшіе послѣ Муравьева: гр. А. К. Разумовскій (2 ноября 1807 г.—14 мая 1810 г.), Голенищевъ-Кутузовъ (до 1817 г.), кн. А. П. Оболенскій (до іюля 1825 г.), ген.-майоръ Ал. Ал. Писаревъ (до 1830 г.), кн. С. М. Голицынъ (по 15 мая 1835 г.), не имѣли заслугъ Муравьева, но университетское движеніе въ двадцатыхъ годахъ продолжало развиваться въ томъ направленіи, которое сообщено было ему дѣятельностью послѣдняго. Названнымъ попечителямъ надо отдать справедливость въ одномъ: реакція, которая такъ свирѣпствовала въ остальныхъ университетахъ, не коснулась Московскаго, хотя въ это время ходили слухи о предстоящей ревизіи Московскаго университета Магницкимъ Изъ профессоровъ, въ двадцатыхъ годахъ самое важное значеніе по своему вліянію на слушателей и по своей литературно-общественной дѣятельности имѣли Мерзляковъ, Каченовскій и Павловъ.

Мерзляковъ былъ одною изъ крупныхъ культурныхъ силъ для своего времени. Мерзляковъ (1778 — 1830 годахъ), изъ купцовъ, по ходатайству директора Пермскаго главнаго народнаго училища И. И. Панаева и при содѣйствіи Хераскова поступилъ въ университетстую гимназію и оттуда въ университетъ; по окончаніи курса, со степенью баккалавра (соотвѣтствующею теперешней кандидата) Мерзляковъ занимался преподаваніемъ въ академической гимназіи. Въ университетъ въ 1807 году Мерзляковъ вступилъ благодаря покровительству попечителя Муравьева, который въ 1803 году пригласилъ его къ себѣ въ Петербургъ и ввелъ въ лучшій кругъ писателей, ученыхъ, людей государственныхъ. Еще Бѣлинскій выразился о Мерзляковѣ: Мерзляковъ былъ человѣкъ съ необыкновеннымъ поэтическимъ дарованіемъ и представляетъ

собою одну изъ умилительнѣйшихъ жертвъ духа времени. Онъ преподавалъ теорію изящнаго, и между тѣмъ эта теорія оставалась для него неразгаданною загадкою во все продолженіе его жизни; онъ считался у насъ оракуломъ критики, и не зналъ на чемъ основывается критика; наконецъ, онъ всю жизнь свою заблуждался на счетъ своего таланта, ибо написавши нѣсколько безсмертныхъ пѣсенъ, въ то же время написалъ множество одъ, въ коихъ гдѣ-гдѣ блистаютъ искры могучаго таланта, котораго не могла убить схоластика, и въ коихъ все остальное голая риторика. Онъ рожденъ былъ практикомъ поэзіи, а судьба сдѣлала его теоретикомъ; пламенное чувство влекло его къ пѣснямъ, а система заставила писать оды и переводить Тасса. (Соч. т. I, стр. 73 и 74). Мерзляковъ въ теоріи избралъ и часто дословно переводилъ въ своихъ сочиненіяхъ, статьяхъ и лекціяхъ Ешенбурга (Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften, von J. Eschenburg, 1783 г., 5 изд. 1836). Ешенбургъ былъ самый ходячій, поверхностный но популярный изъ эклектическихъ нѣмецкихъ теоретиковъ, которые техническимъ правиламъ и пріемамъ Батте желали придать внутреннюю, научную основу, заимствуя ея главнымъ образомъ изъ англійскихъ эстетиковъ, которые начала изящнаго отыскивали въ физіологическихъ ощущеніяхъ человѣческой природы. Но Мерзляковъ этимъ не удовлетворялся; его поэтическій инстинктъ понималъ всю фальшь шаблонныхъ правилъ и рвался на свободу. Мерзляковъ не любилъ нѣмецкихъ системъ, основанныхъ на одномъ умозрѣніи; вотъ гдѣ система, говаривалъ онъ своимъ слушателямъ, указывая на сердце. Такимъ онъ являлся и въ критикѣ. Въ то время, когда Карамзинъ и Жуковскій признавали у насъ критику по меньшей мѣрѣ излишнею, Мерзляковъ сознавалъ ея важность и былъ въ свое время самымъ виднымъ ея представителемъ. Мерзляковъ, говоритъ Шевыревъ, былъ теоретикомъ и критикомъ перваго періода нашей словесности — Ломоносовскаго. Школа, основанная Карамзинымъ и Жуковскимъ, не входила въ область его критическаго сознанія, а тѣмъ менѣе поэзія Пушкина. Чувство Мерзлякова при чтеніи произведеній Пушкина выражалось только слезами. Читая Кавказскаго плѣнника, онъ, говорятъ, плакалъ; онъ чувствовалъ, что это прекрасно, но не могъ себѣ отдать отчета въ этой красотѣ и безмолвствовалъ.“ (Б. Сл. 11, стр. 96). Эта разница между книжною теоріею и непосредственнымъ художественнымъ так-

томъ выразилась и въ отсутствіи цѣльности и опредѣленности въ критикѣ Мерзлякова. Съ одной стороны Мерзляковъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ примѣнялъ заученыя правила и пріемы и соблюденіе ихъ вмѣнялъ въ неотъемлемое достоинство всякаго литературнаго произведенія, съ другой онъ не могъ не чувствовать инстинктивно и не выражать того, что хорошо или дурно на самомъ дѣлѣ, а не по правиламъ. Эту общую черту всѣхъ критиковъ, одаренныхъ отъ природы художественнымъ смысломъ, замѣтилъ у Мерзлякова авторъ очерковъ Гоголевскаго періода. Теоретическіе принципы Буало, Лагарпа, Попе, Карамзина, Мерзлякова были неудовлетворительны въ научномъ отношеніи, а между тѣмъ эти критики, благодаря своему уму и вкусу, объ отдѣльныхъ произведеніяхъ литературы судили очень здраво, а хорошими называли дѣйствительно лучшихъ писателей своего времени, восхищались только тѣмъ, что было у этихъ писателей лучшаго (Стат. 3, стр. 85). Чтобы объяснить наглядно недостатокъ цѣльности и опредѣленности въ критикѣ Мерзлякова, мы ограничимся однимъ примѣромъ. Въ разборѣ трагедіи Озерова „Эдипъ въ Аѳинахъ“ Мерзляковъ порицаетъ автора за то, что онъ поступалъ съ басней своей насильственно, какъ съ мраморной древней статуей поступаетъ новѣйшій художникъ, смѣло обрубая ее по своему плану, безъ всякаго уваженія ко вкусу древности; „симъ образомъ потеряно истинное величіе трагедіи древней: очарованіе исчезло! Я не вижу здѣсь ни одного грека, ни Греціи!“ Между тѣмъ въ разборѣ Поликсены того же Озерова Мерзляковъ утверждалъ, что авторъ обязанъ непремѣнно, взявъ характеры древнихъ нравовъ, *сближать* насколько можно съ зрителями, для которыхъ трагедія сочиняется, какъ дѣйствительно поступали Корнели, Расины, Вольтеры и всѣ, поставившіе трагедію на нынѣшнюю степень совершенства. Мерзляковъ во многихъ своихъ статьяхъ обнаружилъ глубокое пониманіе народныхъ русскихъ пѣсенъ и самъ подражалъ имъ настолько удачно, что его пѣсни перешли въ народъ; но въ то же время на ряду съ народными пѣснями ставилъ неумѣлыя поддѣлки, сочиненныя Дмитріевымъ, Капнистомъ и друг. Но за то, преклоняясь предъ „знаменитѣйшими“, по его мнѣнію, россійскими писателями,— Сумароковымъ, Ломоносовымъ, Державинымъ, Херасковымъ, Озеровымъ, — Мерзляковъ не щадилъ ихъ недостатковъ и приводилъ въ смущеніе слишкомъ усердныхъ по-

читателей. Такъ въ своемъ разборѣ „Рогнѣды" Хераскова, Мерзляковъ между прочимъ заявилъ, что многіе герои Хераскова суть эфемеры, или лучше блестящія пылинки Санхоніятона, которыя сражаются между собою въ какомъ-то темномъ мірѣ, исчезаютъ и родятся, но чрезъ это ни мало не показываютъ намъ ни начала своего, ни сущности, ни качества. Точно также, называя Сумарокова отцемъ нашей драмы, Мерзляковъ немилосердно выводилъ наружу его недостатки. С. Т. Аксаковъ въ своихъ „воспоминаніяхъ" передаетъ слѣдующую замѣтку о публичныхъ чтеніяхъ Мерзлякова въ домѣ Кокошкина. Мнѣ удалось слышать только одну лекцію Мерзлякова, именно ту, въ которой онъ разбиралъ Дмитрія Донскаго, и разбиралъ очень строго и справедливо. Несмотря на убѣдительныя и ясныя доказательства профессора, почти всѣ слушатели нашли такой разборъ любимой трагедіи пристрастнымъ и недоброжелательнымъ, даже осердились за него. (Разн. соч. стр. 39).

Но главная заслуга Мерзлякова состоитъ не въ этомъ историческомъ его значеніи, а въ живомъ вліяніи его личности на современниковъ. Тотъ внутренній огонь, соединенный съ глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ и литературѣ, которымъ согрѣта была поэтическая душа Мерзлякова, производилъ обаятельное впечатлѣніе на слушателей и имѣлъ въ свое время громадное культурное значеніе, пробуждая въ нихъ самодѣятельность мысли и стремленіе къ литературно-общественной дѣятельности. Такое вліяніе Мерзлякова засвидѣтельствовали многіе его слушатели, отчасти ему обязанные своимъ развитіемъ. М. П. Погодинъ, въ своей автобіографіи, говоритъ: „самое сильное впечатлѣніе производилъ Мерзляковъ. Лекцій впродолженіи трехъ лѣтъ прочелъ онъ немного, но всякое его слово, отъ души сказанное, западало въ душу и навсегда въ ней оставалось". Погодинъ передаетъ далѣе, какимъ сочувствіемъ пользовались лекціи Мерзлякова: „студенты со всѣхъ сторонъ бросались въ аудиторію, точно на приступъ, спѣша занять мѣста; медики, математики,— о словесникахъ и говорить нечего,— юристы, кандидаты жившіе въ университетѣ, всѣ являлись въ аудиторію, которая наполнялась въ минуту народомъ сверху до низу, по окошкамъ, даже надъ верхними лавками амфитеатра; Мерзляковъ долженъ былъ продираться черезъ толпу. Какое молчаніе воцарилось, когда онъ сѣлъ наконецъ на каѳедру" (Біогр. слов. II, 235 и 236). Морошкинъ такъ вспоминаетъ о Мерзляковѣ:

„первая лекція (по вступленіи его въ университетъ) была Мерзлякова; а содержаніе ея критическій разборъ оды „Богъ". Чистосердечно говоря, я отъ роду не слыхалъ такой величественной декламаціи и такого могущественнаго дара импровизовать. Голосъ у Мерзлякова былъ теноро-басъ, глуховатый, гибкій и благородно-унылый; искусство управлять голосомъ было чрезвычайное. Этотъ голосъ произвелъ на меня дѣйствіе, подобное раскатамъ грома, теряющагося въ горизонтѣ. Всѣ сочиненія Мерзлякова ничего не значатъ въ сравненіи съ его живою, изустною рѣчью" (тамъ же, стр. 106 и 107). Въ біографіи Мерзлякова, написанной также однимъ изъ его слушателей въ благородномъ пансіонѣ, Шевыревымъ, встрѣчается замѣчаніе: „лекціи Мерзлякова состояли по большей части въ критическихъ импровизаціяхъ; рѣчь спокойно и роскошно лилась изъ устъ импровизатора. Все зависѣло отъ настроенія минуты. Въ критикѣ и профессорѣ сказывался поэтъ по призванію. Эти импровизаціи, приводившія иногда въ восторгъ его слушателей, запечатлѣвались въ ихъ памяти. Свѣтлая мысль, искра чувства электрически оживляли всю аудиторію" (тамъ же, стр. 96).

Вліяніе Мерзлякова на своихъ слушателей не ограничивалось лекціями. Изъ біографіи Погодина видно, что Мерзляковъ вообще поддерживалъ студентовъ и слѣдилъ за ихъ научнымъ развитіемъ; диссертація Погодина „О происхожденіи Руси" была пропущена и напечатана благодаря, главнымъ образомъ, заступничеству Мерзлякова. Когда Погодинъ учредилъ общество переводчиковъ, Мерзляковъ принялъ на себя предсѣдательство, и 25 октября 1825 года было у него собраніе. Тотъ же Погодинъ въ 1825 году учредилъ педагогическія чтенія или литературныя собранія изъ магистровъ и кандидатовъ всѣхъ отдѣленій для приготовленія молодыхъ людей къ лекторской обязанности. Въ бумагахъ по этому предмету сохранившихся у Погодина существуютъ поправки рукою Мерзлякова (Барсуковъ, 314—316). Помимо университета общественное значеніе Мерзлякова имѣетъ другую, не менѣе важную сторону. Мерзляковъ не принадлежалъ къ числу профессоровъ, дѣятельность которыхъ сосредоточивается преимущественно въ стѣнахъ аудиторіи; напротивъ, онъ принималъ самое дѣятельное, живое и широкое участіе во всей литературной жизни своего времени. По выходѣ Жуковскаго изъ благороднаго пансіона, онъ основалъ

дружеское литературное общество. Уставъ его, составленный баккалавромъ Бакаревичемъ, подписанъ основателями 12 января 1801 года; здѣсь съ именами Жуковскаго, братьевъ Кайсаровыхъ, Анд. и Алекс. Тургеневыхъ, Родзянки, Офросимова стоитъ и имя Мерзлякова. Предметомъ общества было „очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія о всемъ, что изящно, что превосходно", а средствами указаны были занятія теоріею изящныхъ наукъ, критическіе разборы переводовъ и сочиненій на русскомъ языкѣ, чтеніе полезныхъ книгъ и произнесеніе о нихъ своихъ сужденій, наконецъ, трудъ надъ собственными своими произведеніями и рачительная ихъ обработка. Члены общества сходились еженедѣльно, по большей части въ домѣ Воейкова. Здѣсь развилась та взаимная дружба, которая соединяла Мерзлякова съ Жуковскимъ до конца его жизни, не смотря на разность въ направленіи и взглядовъ обоихъ. Еще въ 1815 году Мерзляковъ въ письмѣ къ Жуковскому (Амфіонъ, кн. 1, стр. 50) вспоминалъ съ благодарностью объ этомъ обществѣ, „гдѣ мы, говоритъ онъ, въ цвѣтѣ юности, въ жару пылкихъ лѣтъ, одушевленные единымъ благодарнымъ чувствомъ дружества, не отравленнымъ частными выгодами самолюбія, учили и судили другъ друга въ первыхъ нашихъ занятіяхъ и, жертвуя, повидимому, своимъ удовольствіемъ, между тѣмъ нечувствительно и скромно исполненные патріотизма и любви къ изящному, приготовляли себя на будущее свое служеніе". Съ открытіемъ въ 1810 году Общества любителей россійской словесности, какъ мы уже видѣли, Мерзляковъ сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ его членовъ, и каждая книжка трудовъ общества заключала въ себѣ статью по теоріи изящныхъ искусствъ, или критику, или наконецъ стихотвореніе. Въ 1812 г., втеченіи всего великаго поста, Мерзляковъ читалъ публичныя лекціи о теоріи изящныхъ искусствъ въ домѣ кн. Б. Вл. Голицына, въ присутствіи лицъ высшаго круга, не исключая дамъ и извѣстныхъ литераторовъ. Въ 1818 г. Мерзляковъ возобновилъ свои публичныя чтенія уже въ домѣ Кокошкина. Чтенія Мерзлякова въ домѣ Кокошкина излагали сначала вкратцѣ полную теорію краснорѣчія и поэзіи, а затѣмъ получили болѣе критическій характеръ, представляя „практическіе разборы знаменитѣйшихъ россійскихъ стихотворцевъ во всѣхъ родахъ сочиненій, въ которыхъ наиболѣе наша поэзія успѣла" (⁷⁰). Мерзляковъ въ 1815 г. издавалъ журналъ „Амфіонъ" (12 книжекъ), при ближайшемъ участіи

брата своей жены Смирнова и друга своего Ф. Ф. Иванова. Журналъ Мерзлякова имѣлъ по преимуществу направленіе литературно-критическое. Самыя капитальныя статьи журнала принадлежатъ самому Мерзлякову: подробный разборъ „Россіады“ Хераскова, изложенный въ письмѣ къ другу (Жуковскому) и пятое публичное его чтеніе. Затѣмъ помѣщались критико-литературные отрывки о разныхъ писателяхъ изъ Лагарпа, Томаса, Мори, Аддисона, Лукіана; а изъ оригинальныхъ статей — разборъ трагедіи Грузинцева „Покоренная Казань“, написанной Смирновымъ, и объ „Анакреонѣ“, Глаголева. Обширное мѣсто въ журналѣ отведено было стихотвореніямъ. Здѣсь главными вкладчиками были самъ Мерзляковъ и Ивановъ; а затѣмъ ветерану поэзіи и критики посылало въ его журналъ по нѣскольку стихотвореній большинство тогдашнихъ поэтовъ *старшаго возраста*—Жуковскій, В. Пушкинъ, Шатровъ, кн. И. Долгоруковъ, Батюшковъ, кн. Вяземскій, Кокошкинъ, Д. Давыдовъ, Остолоповъ, Нахимовъ, Волковъ, Сушковъ и нѣсколько мало или вовсе неизвѣстныхъ. Оригинальной прозы въ журналѣ было очень мало, и притомъ самой плохой; а изъ переводовъ помѣщены были сокращенное извлеченіе изъ „les Martyrs“ Шатобріана, мысли Болинброка, небольшіе отрывки изъ Мармонтеля, Попе и Лакретеля и изъ классическихъ писателей — Тита Ливія и Квинта Курція. Въ Амфіонѣ помѣщена краткая біографія актера Померанцева.

Въ журнальной нашей литературѣ Мерзлякову принадлежитъ еще *косвенное* участіе. Любимый его ученикъ, проф. статистики въ Московскомъ университетѣ Андросовъ, издавалъ съ 1832 г. журналъ „Московское Обозрѣніе“, въ 1838 году перешедшій къ Бѣлинскому. Но въ двадцатыхъ годахъ литературное и общественное движеніе настолько уже ушло впередъ, что Мерзляковъ утратилъ свое значеніе: его слушали и читали съ уваженіемъ, но только уже по воспоминанію. „Молодое поколѣніе, говоритъ Погодинъ, слушало его разборъ „Шильонскаго узника“ Жуковскаго съ почтеніемъ и соглашалось съ вѣрностію многихъ его замѣчаній, но всетаки было въ восторгѣ отъ Байроновой поэмы, и даже начало *украдкою* отъ *Мерзлякова* восхищаться „Русланомъ и Людмилою“ Пушкина, поэмою, которая вышла въ 1826 г. Человѣкъ не блестящихъ способностей и самый посредственный стихотворецъ Ал. С. Норовъ, въ письмѣ къ Александру Ивановичу, уже считалъ возможнымъ такой

отзывъ о Мерзляковѣ, какъ о преподавателѣ русской словесности: „кажется у него нечему учиться кромѣ синтаксиса рос. языка. Конечно онъ очень ученъ по литературѣ; но для литературныхъ свѣдѣній недостаточно ли чтенія образцовыхъ авторовъ? Онъ прекрасно знаетъ теорію всѣхъ сочиненій; но сіе ни къ чему не ведетъ. Онъ самъ писатель; но кромѣ его учености слогъ его совсѣмъ незавиденъ. Отъ его же славянщины и напыщенности должно остерегаться какъ отъ огня и меча. Итакъ, что можно отъ него занять? *Критику* и какія-то отвлеченныя понятія *о вкусѣ*. Но это пріобрѣтается только опытностію и сравненіемъ. Итакъ, если продолжаешь у него учиться российско-славянскому языку, то хорошо дѣлаешь, если же вообще словесности, то теряешь время".

Каченовскій (1775—1842), какъ мы видѣли, приглашенъ былъ въ университетъ Муравьевымъ. Происходя изъ незнатной греческой фамиліи Качони, Каченовскій воспитывался въ Харьковскомъ коллегіумѣ, сначала служилъ въ военной службѣ, а потомъ по выходѣ въ отставку въ 1801 г. занималъ мѣсто библіотекаря и правителя канцеляріи у гр. А. К. Разумовскаго, бывшаго попечителя Московскаго университета послѣ Муравьева, въ 1805 г. получилъ званіе магистра философіи при университетѣ и сдѣланъ преподавателемъ въ академической гимназіи; въ 1806 г. онъ получилъ званіе доктора философіи и изящныхъ наукъ. Значеніе Каченовскаго, какъ главы такъ-называемой скептической школы въ русской исторіи, принадлежитъ къ позднѣйшему періоду его дѣятельности, и оно совершенно вѣрно опредѣлено А. Н. Пыпинымъ: „заслуга Каченовскаго состояла въ постоянной и упорной защитѣ критическаго пріема и права историческаго сомнѣнія (Характер. Литер. мнѣній, стр. 181). Каченовскій познакомилъ съ пріемами критическаго метода въ историческихъ изслѣдованіяхъ, выработаннаго германскою наукой; но примѣненіе этого метода у него было крайнее. Методъ въ рукахъ Каченовскаго не былъ только путеводною нитью, но онъ поглащалъ всю работу его мысли и становился такъ сказать конечной его цѣлью; оттого положительные результаты, имъ добытые, оказались большею частью невѣрными. Но тѣмъ не менѣе Каченовскій въ этомъ смыслѣ имѣлъ полезное вліяніе на своихъ слушателей. Проф. Рѣдкинъ, въ своей автобіографіи, называетъ Каченовскаго „первымъ критикомъ отечественной исторіи" и говоритъ, что „болѣе всего онъ обязанъ лекціямъ

Каченовскаго, въ отношеніи не столько самого содержанія, сколько ученыхъ пріемовъ" (Біогр. Слов. 11, стр. 380). Проф. Морошкинъ также подтверждаетъ это дѣйствіе Каченовскаго на своихъ слушателей; онъ говоритъ, что въ его время „на словесномъ факультетѣ рѣзко выступали каѳедры Мерзлякова, Каченовскаго и Давыдова; занимательность лекцій Каченовскаго заключалась не столько въ рѣзкихъ положеніяхъ науки, сколько въ самомъ процессѣ мышленія, въ его критикѣ историческихъ пріемовъ, которые поражали слушателей своей необыкновенной наивностью (?!), чуждой впрочемъ всего грубаго, не классическаго". (Тамъ же стр. 108). К. С. Аксаковъ въ своихъ „воспоминаніяхъ студентства" говоритъ о Каченовскомъ: „въ наше время любили и цѣнили и боялись при томъ чуть ли не больше всѣхъ—Каченовскаго. Молодость охотно вѣритъ, но и сомнѣвается охотно, охотно любитъ новое, самобытное мнѣніе,—и историческій скептицизмъ Каченовскаго нашелъ сильное сочувствіе во всѣхъ насъ. Строевъ, Бодянскій съ жаромъ развивали его мысль. Станкевичъ, хотя не занимался русской исторіей, но также думалъ. Только впослѣдствіи я увидѣлъ всю неосновательность нашего историческаго скептицизма" (День 1862, № 40). Изъ записокъ Гончарова видно, что Каченовскій занималъ выдающееся положеніе между профессорами въ тридцатыхъ даже годахъ. „Это былъ, по словамъ Гончарова, тонкій, аналитическій умъ, скептикъ въ вопросахъ науки и отчасти, кажется, во всемъ. При этомъ—строго справедливый и честный человѣкъ. Особенно обширны были его познанія въ исторіи и во всемъ, что входитъ въ ея сферу—археологіи и пр. Когда онъ касался спорнаго въ исторіи вопроса, щеки его, обыкновенно блѣдныя, загорались алымъ румянцемъ и глаза блистали сквозь очки, а въ голосѣ слышался задоръ редактора „Вѣстника Европы". Онъ мысленно видѣлъ передъ собою своихъ ученыхъ противниковъ и поражалъ ихъ стрѣлами своего неумолимаго анализа. И всю исторію такъ читалъ, точно смотрѣлъ въ нее глубоко, какъ въ бездну, сквозь свои критическіе очки". Скептицизмъ Каченовскаго былъ очень важенъ. Скептицизмъ вообще есть точка отправленія всякой новой и самобытной мысли; поэтому въ эпоху, когда, пресытившись подражательностью, русская мысль почувствовала потребность стать на свои ноги, скептицизмъ Каченовскаго былъ какъ нельзя болѣе у мѣста въ университетской аудиторіи. Если восторженная импровизація Мерзлякова

впервые вводила слушателя въ сферу науки, какъ совсѣмъ въ иной міръ, исполненный поэзіи и возвышенныхъ стремленій, то скептицизмъ Каченовскаго ставилъ слушателя на ноги, научая не принимать ничего на вѣру и все подвергать критическому анализу. Кромѣ этой стороны, въ дѣятельности Каченовскаго была другая, неменѣе важная и оставившая свой слѣдъ въ исторіи нашего образованія. Мы видѣли, что Каченовскій, вмѣстѣ съ Мерзляковымъ, принималъ самое живое участіе въ литературно-общественномъ движеніи своего времени, что онъ появлялся на частныхъ кружкахъ, въ родѣ напримѣръ Кокошкина, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ „Общества Любителей Россійской Словесности" и въ трудахъ его помѣщалъ свои статьи. Каченовскій пользовался авторитетомъ въ сужденіяхъ своихъ о литературѣ; Аксаковъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ", говоритъ, что „когда Мерзляковъ читалъ у Карамзина свои переводы изъ Тасса, никто не дѣлалъ ему замѣчаній кромѣ Каченовскаго, да и тѣ были весьма снисходительны". Съ журнальною дѣятельностью Каченовскаго мы уже достаточно ознакомились.

Профессоръ М. Г. Павловъ (?—1849 г.) изъ духовнаго званія поступилъ въ 1813 г. въ Харьковскій университетъ и оттуда перешелъ сначала въ Московскую Медико-хирургическую академію, а потомъ въ Московскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи по двумъ факультетамъ—математическому и медицинскому, и блистательно окончилъ курсъ по обоимъ. Павловъ, получившій степень доктора медицины, въ 1818 г. отправленъ былъ факультетомъ за границу, при содѣйствіи управлявшаго тогда Москвою кн. Д. В. Голицына, основателя Московскаго общества сельскаго хозяйства. За границей въ теченіе двухъ лѣтъ Павловъ слушалъ лекціи у знаменитыхъ ученыхъ того времени и въ особенности сельскаго хозяйства у извѣстнаго Теэра. Къ сожалѣнію, это послѣднее обстоятельство было причиною, почему М. Г. Павловъ свои главные труды и занятія посвятилъ практической отрасли хозяйства, удѣляя только часть своего времени чтенію и разработкѣ теоретической науки. По сельскому хозяйству Павловъ напечаталъ: 1) вступительную лекцію по возвращеніи изъ-за границы „О главныхъ системахъ сельскаго хозяйства съ приноровленіемъ къ Россіи" (1821); 2) рѣчь О побудительныхъ причинахъ совершенствовать сельское хозяйство въ Россіи (1823); 3) Земледѣльческую химію (1833); Курсъ сельскаго хозяй-

тва (2 т. неоконченъ); 4) нѣсколько лѣтъ издавалъ журналъ „Русскій земледѣлецъ“ и кромѣ того при другомъ своемъ журналѣ „Атеней“ — „Записки для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ“. Нѣсколько лѣтъ сряду Павловъ читалъ публичные курсы сельскаго хозяйства, на которыхъ собиралась, кромѣ лицъ заинтересованныхъ практически, масса слушателей изъ всѣхъ сословій общества. Кромѣ того Павловъ приглашенъ былъ Московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства въ директоры земледѣльческой школы и хутора. Здѣсь Павловъ примѣнялъ теоретическіе свои выводы на практикѣ и результаты печаталъ въ своихъ журналахъ; за нѣсколько лѣтъ передъ смертью Павловъ отказался отъ завѣдыванія опытнымъ хуторомъ. Тогда онъ самъ завелъ земледѣльческое училище, въ которое принимались помѣщичьи крестьянскіе мальчики, для обученія сельскому хозяйству. Смерть не позволила Павлову открыть предположенный при университетѣ агрономическій институтъ для 14 студентовъ математическаго факультета, предназначавшихся въ преподаватели агрономіи въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Павловъ былъ строгимъ и послѣдовательнымъ сторонникомъ раціональнаго хозяйства. „Признакъ раціональнаго хозяйства, говоритъ онъ въ своемъ курсѣ сельскаго хозяйства,— современность съ печатью мѣстности. Девизъ его—*вѣкъ живи, вѣкъ учись*. Но вѣкъ учиться можетъ только тотъ, кто ученью своему положитъ начало. Это начало въ сельскомъ хозяйствѣ есть наука“. Къ сожалѣнію и теоретическія, и практическія указанія Павлова не принесли никакой пользы и сельскіе хозяева, отчасти по нерадѣнію, но больше всего по неблагопріятнымъ для раціональнаго хозяйства условіямъ производства и рынка, этимъ не воспользовались. По теоретической наукѣ капитальное сочиненіе Павлова есть его физика (1825) и кромѣ того онъ написалъ нѣсколько мелкихъ статей въ журналахъ. Павловъ начинаетъ собою тотъ блестящій рядъ даровитыхъ профессоровъ, который такъ высоко поднялъ значеніе Московскаго университета въ эпоху извѣстную подъ именемъ „Строгановской“. Взглядъ свой на знаніе и науку вообще, въ статьѣ „О способахъ изслѣдованія природы“, Павловъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „сѣмя растенія до оплодотворенія есть шарикъ, въ окружности плотный, а внутри жидкій; въ немъ послѣ оплодотворенія чрезъ нѣсколько времени появляется бѣлая точка, начало зародыша, ему въ актѣ оплодотворенія сообщается одна

только возможность опредѣленнаго образованія—*идея*. Въ сѣмени каждаго растенія содержится форма всѣхъ послѣдующихъ племенъ его рода, но не вещественно, а *идеально*, въ возможности (in potentia). Сія форма въ возможности, *идея* и есть та внутренняя модель, по которой матеріалъ питанія растеній превращается въ растительное тѣло, какъ строительный матеріалъ превращается въ зданіе по фигурѣ, родившейся въ головѣ архитектора (Мнем. IV, 16—17). Поэтому всѣ формы, которыя вещество принимаетъ, временны, случайны, мнимы, ибо онѣ служатъ только отпечаткомъ существованія идеальнаго. Внѣшняя сторона природы, т.-е. все видимо-существующее въ смыслѣ явленія, — есть область эмпиріи, доступна опыту, и въ изслѣдованіи составляетъ поприще разума и постигается путемъ логики или наведенія (inductio); внутренняя сторона природы, сама идея, отражающаяся въ явленіяхъ внѣшняго міра, — можетъ быть изучаема только самопознаніемъ. Многоразличіе формъ вещественныхъ зависитъ не отъ самого вещества,—оно одно; вещество, какъ нѣчто непроницаемое въ пространствѣ, служитъ только основою явленія, такою, изъ которой образуются различныя формы, а то, что въ веществѣ проявляется, отъ чего зависитъ образованіе той или другой формы, есть нѣчто отъ вещества отличное, совершенно оному противоположное. Назовемъ сіе нѣчто веществу противоположное, въ немъ проявляющееся *идеальнымъ*, а законъ, по коему идеальное дѣйствуетъ,—*идеею* вообще, въ тѣлахъ живыхъ—*идеею жизни* (15). Формы, которыя вещество принимаетъ временны, ибо оно дѣйствію того или другаго идеальнаго, подвергается случайно; по сему, ежели опредѣленный видъ вещественнаго назвать его существованіемъ, то ясно, что сіе существованіе есть только случайное, мнимое, ибо оно служитъ только отпечаткомъ существованія идеальнаго. Но такъ какъ формы вещества, при всей ихъ случайности и недѣйствительности, находятся въ природѣ постоянно, то слѣдуетъ само собой, что дѣйствительно существуетъ только идеальное, а вещественное существуетъ случайно (17). Видимое для насъ въ каждомъ явленіи есть только случайное, мнимое существованіе (phaenomenon), а сущность онаго (noumenon) скрывается въ идеальномъ (18). Видимая, случайная сторона природы есть область эмпиріи, слѣд. поприще разума; внутренняя есть область умозрѣнія, слѣд. поприще ума (29). Начало эмпиріи—явленіе, начало умозрѣнія—самопознаніе; ходъ эмпиріи—

наведеніе (inductio), ходъ умозрѣнія—выводъ (deductio, constructio) (30). Теорія есть представленіе внутренняго хода явленія; слѣд. не дѣло эмпиріи; внутренняя сторона природы доступна для ума, а не для разума“ (33). Такимъ образомъ за точку отправленія своей философіи Павловъ принималъ систему Канта, но въ своихъ объясненіяхъ о явленіяхъ природы онъ придерживался воззрѣній Шеллинга и Окена. Тѣмъ не менѣе Павловъ былъ оригинальнымъ и самобытнымъ мыслителемъ, вполнѣ осуществлявшимъ извѣстное изреченіе: nolo jurare in verba magistri (не признаю клятвы именемъ учителя). Если, не смотря на его блестящій талантъ и усидчивость, отъ него ничего не осталось въ наукѣ, то вина въ томъ самой системы, относившейся поверхностно къ опытамъ и наблюденіямъ и ставившей впереди всего строгую послѣдовательность мысли и смѣлость обобщеній. Этими качествами Павловъ обладалъ въ высшей степени, при замѣчательной ясности изложенія, и производилъ обаятельное впечатлѣніе на слушателей, которые толпою тѣснились въ его аудиторіи. Вліяніе Павлова на студентовъ было громадное и въ высшей степени полезное. Студитскій, въ своихъ воспоминаніяхъ о Павловѣ (Москвитянинъ, 1845 г., кн. 3, стр. 23), говоритъ относительно его лекцій по физикѣ: „слушателей заинтересовывала необыкновенная послѣдовательность мысли и чрезвычайная сжатость изложенія. Павловъ не любилъ распространяться, былъ скупъ на слова. Каждое выраженіе его за то отливалось такъ хорошо, было такъ полно, такъ очевидно вязалось съ другими, что тогда уже мы, первокурсные студенты, удивлялись его логикѣ, и не могли надивиться. Этой логикѣ мысли соотвѣтствовалъ внѣшній даръ изложенія. Огонь въ глазахъ, движеніе въ каждой чертѣ лица, непрерывная смѣна неудовольствія и торжества, волненіе рѣчи, иногда спокойной и льющейся, чаще обрывистой, восторженной, патетической,—все это показывало страстную любовь къ предмету, а можетъ быть и къ своимъ слушателямъ. Отъ первой лекціи до послѣдней—не было ни одной холодной, ни одной сухой или скучной. Одушевленіе не оставляло профессора ни на минуту. И это одушевленіе переходило всегда въ его слушателей. Мысли Павлова, мало принесшія намъ пользы въ самой наукѣ, послужили однакоже для насъ путеводною нитью въ другихъ, развили или по крайней мѣрѣ послужили къ развитію какого то особеннаго, критическаго взгляда на науку вообще, на ея начала и основанія, на ея развитіе

и выполненіе". Точно то же повторяетъ другой ученикъ Павлова проф. Линовскій относительно чтеній его о сельскомъ хозяйствѣ. „Строгая логическая послѣдовательность мыслей, отчетливое ихъ изложеніе, динамическій взглядъ на природу, философскій характеръ его ученія и наконецъ умѣнье возбудить въ слушателяхъ, какого бы званія и образованія они ни были, охоту и рвеніе къ мышленію, — вотъ его неотъемлемыя заслуги, вотъ чѣмъ снискалъ онъ справедливую признательность и уваженіе всѣхъ своихъ слушателей". Герценъ (Былое и думы, ч. II) говоритъ о Павловѣ: „каѳедра философіи была закрыта съ 1826 года, Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи, вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физикѣ мудрено было научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студентовъ вопросомъ: „Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?" это чрезвычайно важно; наша молодежь, вступающая въ университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія, одни семинаристы имѣютъ понятіе о философіи, за то совершенно превратное. Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окена съ такою пластическою ясностью, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина мутности Шеллингова ученія".

Павловъ издавалъ журналъ „Атеней" впродолженіи 1828, 29, и 30 годовъ (по 24 книжки въ годъ, въ концѣ послѣдняго года журналъ выходилъ неаккуратно и закончился въ сентябрѣ, причемъ съ сентября, вмѣсто 8 книжекъ, выдано было всего 3). Въ журналѣ этомъ главными сотрудниками были профессора — Ив. Снегиревъ, Д. М. Перевощиковъ и братъ его В. Д., В. Оболенскій, Надеждинъ, Андросовъ; кромѣ того въ числѣ сотрудниковъ были А. Зиновьевъ и М. Топильскій (постоянные), Кубаревъ и Дубенскій. Поэтому журналъ имѣлъ по преимуществу литературно-научное направленіе. Программа его заключала главнымъ образомъ слѣдующія отдѣленія: 1) науки и словесность; 2) стихотворенія; 3) критику и библіографію и 4) смѣсь. Съ 1829 г. къ журналу присоединилось особое приложеніе при каждой книжкѣ, подъ заглавіемъ: Записки для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ. Изъ оригинальныхъ статей научнаго содержанія, кромѣ ста-

тей самого Павлова, перечисленныхъ въ примѣчаніи ([71]), болѣе другихъ замѣчательны: Снегирева „Иванъ Купало (1828 V, 12—29) и „О пословицахъ вообще" въ особенности о русскихъ (1829, XI, 431—452); Дубенскаго—Объясненіе выраженія Нестора „парусы кропинные" (VI, 142—146); Кубарева „О произношеніи или пѣніи древнихъ стихотвореній, извлеченіе съ примѣчаніями изъ книги Исаакія Вассія—de poëmatum cantu et viribus rythmi 1673 (IX, 2—52) и, какъ дополненіе къ этой статьѣ, Дубенскаго „О всѣхъ употребляемыхъ въ россійскомъ языкѣ стихотворныхъ размѣрахъ" (XIII, 2—44, XIV и XV, 113—170 и XVI, 285—342); Дм. Перевощикова „О кометахъ" 1832 г. (XIV и XV 273—282), „О физическихъ сочиненіяхъ Ломоносова" (1829 II, 109—120; V, 474—488); В. Перевощикова Біографія ген. Кноррннга (1828, VI, 153—198); Надеждина—Различіе между классическою и романтическою поэзіею, отрывокъ изъ его диссертаціи (1830, 1—33); Критическій взглядъ на книги, вышедшія въ свѣтъ за 1821—1825 годъ по части восточной литературы (1828, X, 184—208; XI, 295—302; XII, 399—404; XII I, 67—89). Въ переводномъ научномъ отдѣлѣ приведены извлеченія изъ лекцій Гизо, Кузена, Вильмена; изъ сочиненій Гердера (Объ организаціи народовъ, обитающихъ у Сѣвернаго полюса); Араго (Изчисленіе дѣйствующихъ волкановъ во всѣхъ частяхъ свѣта); Лакруа (Объ успѣхахъ математики въ XVIII столѣтіи); введеніе къ исторіи завоеванія Англіи Норманнами Авг. Тьери; изъ Лапласа, Systeme du monde, историческія свѣдѣнія объ открытіи закона всеобщаго тяготѣнія; изъ Герена, Ideen über die Politik etc. der Völker der alten Welt (географическое обозрѣніе Скиѳскихъ племенъ); нѣсколько статей политико экономическаго содержанія изъ Сея Edinburg Review и т. д. Въ этомъ же отдѣлѣ есть переводъ съ французскаго „О землетрясеніяхъ", подписанный Ал. Герценъ (1830, XI, 289—307). Статьи о воспитаніи заимствованы изъ книги Нимейера „Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts". Halle, 1824; изъ соч. Бонстеттена „О необходимости системы воспитанія, приличной юношеству достаточнаго состоянія", пер. съ англійскаго и системы воспитанія, основанной на положительныхъ наукахъ,—въ противоположность классицизму; изъ книги Г-жи Неккеръ де Соссюръ О постепенномъ воспитаніи (de l'education progressive); О вліяніи обстоятельствъ на воспитаніе изъ the Works of Anna Laetitia Barbauld. Литературный отдѣлъ „Атенея" сначала находился въ ру-

кахъ театральнаго кружка Кокошкина, къ которому принадлежали кн. Шаховскій, Загоскинъ, Писаревъ и М. Дмитріевъ,—кружка, который упорно придерживался классицизма и, остановившись на Карамзинѣ, отвергалъ всю новѣйшую литературу, начиная съ Жуковскаго. Шаховскій и Дмитріевъ были сначала главными поставщиками стихотворныхъ произведеній въ Атенеѣ. Дмитріевъ кромѣ того завѣдывалъ критическимъ отдѣломъ подъ псевдонимомъ В; Писарева помѣщено похвальное слово Капнисту; Загоскинъ напечаталъ два небольшіе очерка прозою: „Одно утро" въ С. П. Б. публичной библіотекѣ (1828, I, 49—63) и „Философъ и басня" (IX, 53—79) и отрывокъ изъ своего романа „Юрій Милославскій" (1829, XXII, 392—416). Изъ болѣе извѣстныхъ поэтовъ въ Атенеѣ участвовали: Шевыревъ, Вронченко, Раичъ, Тютчевъ, Ротчевъ. Стихи послѣдняго, посвященные, какъ у всѣхъ поэтовъ того времени, преимущественно любви и разгулу, отличаются легкостью и не лишены таланта. Ротчевъ иногда означалъ свои стихотворенія просто буквою Р. Въ послѣднемъ году всѣ стихотворенія принадлежатъ поэтамъ, имена которыхъ совсѣмъ забыты, хотя они задавались крупными вещами, въ родѣ Трилуннаго Ал. Шишкова 2, и проч.; въ томъ же году помѣщены два стихотворенія Н. Станкевича: „Избранный", XIV, 118—130, и „Желаніе славы", XV, 198, не упомянутыя въ біографіи Станкевича, составленной Анненковымъ. Въ „Атенеѣ" же началъ свое стихотворное поприще Кюхельбекеръ, подъ псевдонимомъ Вильгельма. Оригинальная литературная проза такъ ничтожна, что о ней и упоминать не стоитъ. Въ переводной прозѣ помѣщались больше всего повѣсти Вашингтона Ирвинга, а затѣмъ Тика, Крузе, Штендлера, Людемана, Кинда и др. Встрѣчаются также нѣсколько главъ изъ романа Фин. Купера „Поселенцы или источники Супваганны", изъ Гердера (восточная повѣсть „Летучая коляска или сила безъ употребленія и во зло употребленная") и Круммахера (притча „Тамарисъ"); также нѣсколько переводныхъ китайскихъ повѣстей. Что такое былъ критическій отдѣлъ „Атенея" въ рукахъ Дмитріева—можно себѣ представить. Разбирая IV и V главы Евгенія Онѣгина, Дмитріевъ пришелъ къ такому выводу: „нѣтъ характеровъ, нѣтъ и дѣйствія. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляетъ нѣсколько оное. Оттого и эти двѣ главы (IV и V) сбиваются просто на описаніе то особы Онѣгина, то утомительныхъ подробностей деревенской его жизни,

то занятій Ленскаго, то авторъ опять принимается за характеръ Татьяны, хотя объ ней слишкомъ много уже было толковано и во второй главѣ, то возвращается къ природѣ, описываетъ осень, зиму". Точно также сурово отозвался Дмитріевъ о „Графѣ Нулинѣ" Пушкина и „Балѣ" Баратынскаго. Кромѣ того Дмитріевъ помѣстилъ двѣ большія полемическія статьи „О противникахъ и защитникахъ исторіографа Карамзина" и отвѣтъ на сужденія Полеваго о русской литературѣ, изложенныя имъ въ разборѣ отзыва о русской литературѣ, помѣщеннаго въ этнографическомъ атласѣ Бальби (Моск. Тел. 1828). Начало этой статьи Дмитріева помѣщено было въ „Сынѣ Отечества" (1828 №№ 2 и 6). Вообще въ началѣ Атеней былъ противъ романтизма и новѣйшей литературы: такъ онъ помѣстилъ довольно пошлую насмѣшку надъ романтизмомъ въ „Письмѣ къ издателю отъ незнакомаго", за подписью „Новизнинъ" (1828, I, 86—93) и напечаталъ похвальную статью пер. „Стихотворной науки" Буало гр. Хвостовымъ. Это вызывало нерасположеніе къ Атенею со стороны публики, уже отвернувшейся отъ классицизма, и со стороны литературы: такъ Сомовъ, въ обзорѣ литературы, помѣщенномъ въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ", напалъ съ этой точки зрѣнія на Атеней. Но впослѣдствіи критическій отдѣлъ перешелъ въ руки сотрудниковъ изъ Петербурга и тонъ его совершенно перемѣнился. При появленіи „Полтавы" Пушкина, въ Атенеѣ появился очень сочувственный разборъ (подп. N) и статья Максимовича „Поэма Пушкина Полтава въ историческомъ отношеніи", гдѣ авторъ стоитъ за сохраненіе Пушкинымъ исторической правды. Критическій отдѣлъ Атенея сдѣлался совершенно удовлетворительнымъ. Въ особенности замѣчательны разборы помѣщенные харьковскимъ профессоромъ И. Срезневскимъ-отцемъ, подъ псевдонимомъ И. Ср... К... Срезневскій написалъ разборъ „Юрія Милославскаго", которому онъ отдалъ должную справедливость; историческихъ сценъ, написанныхъ Vitet подъ названіемъ La mort de Henri IV, гдѣ рецензентъ возстаетъ противъ искаженія истины въ историческихъ романахъ à la Вальтеръ Скотъ; и нѣмецкаго перевода съ итальянскаго соч. Уго Фосколо „Letzte Briefe des Jakopo Ortis", гдѣ разсматривается значеніе и требованія психологическаго романа и доказывается, что произведеніе итальянскаго автора не есть простое подражаніе Вертеру, а самобытное произведеніе. Разборы Срезневскаго можно съ пользою прочесть и

въ настоящее время. Атеней въ особенности полемизировалъ съ Московскимъ Телеграфомъ; въ этомъ участвовалъ самъ Павловъ, Дмитріевъ и др. Андросовъ помѣстилъ придирчивую критику рѣчи Полеваго „О невещественномъ капиталѣ“, прочитанной имъ на актѣ въ практической коммерческой академіи. Даже небольшія юмористическія статейки, попадавшіяся въ Атенеѣ, направлены были очевидно противъ Полеваго, таковы: Рецензентъ (1830, X, 284—288), Нѣчто о литературныхъ распряхъ и приговорахъ. Впрочемъ доставалось и другимъ журналамъ; такъ помѣщена была статья: Замѣчаніе на журнальную критику „Сына Отечества“ и „Сѣвернаго Архива“, разговоръ (1829, IX, 285—297). Въ смѣси помѣщались преимущественно извѣстія объ явленіяхъ въ области литературы и изящныхъ искусствъ, а также разныя извѣстія и открытія, анекдоты и отчеты о театрѣ. Между прочимъ помѣщены извѣстія о Манкиркской колоніи для бѣдныхъ дѣтей Фелленберга, о благотворительныхъ колоніяхъ Фридерикс-Оордской и Вартельской и о Нью-Ламарской бумагопрядильнѣ Оуэна въ Шотландіи. Павловъ имѣлъ у себя небольшой пансіонъ. Обычай содержать у себя пансіонеровъ былъ издавна довольно общій у профессоровъ университета, и эти учрежденія составляли разсадникъ для серьезнаго образованія даровитой молодежи. Такъ изъ пансіона проф. Шадена вышелъ Карамзинъ и всегда сохранялъ о немъ благодарное воспоминаніе. Профессоръ Чеботаревъ-отецъ имѣлъ пансіонъ, гдѣ онъ обучалъ вмѣстѣ съ жившими у него магистрами Панкевичемъ и Сохацкимъ, перешедшими отъ него въ профессора университета; отсюда вышли впослѣдствіи бывшіе сенаторами Карнѣевъ и Лубяновскій. Пансіонеромъ у Павлова, въ числѣ другихъ, былъ М. Н. Катковъ.

Въ исторіи русскаго театра царствованіе Императора Александра I представляетъ самую блестящую эпоху, въ особенности для Петербурга. Причиною тому было, что въ самомъ ближайшемъ управленіи театра нашлись люди не только знакомые съ дѣломъ, но и искренне ему преданные. Таковы были кн. Шаховскій и Кокошкинъ. Кн. Ал. Ал. Шаховскій (1777 — 1846) изъ Смоленской губ., воспитанникъ Московскаго университетскаго пансіона, служилъ сначала въ Преображенскомъ полку и, вслѣдствіе своей пріязни съ директоромъ театровъ А. Л. Нарышкинымъ, въ 1802 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника назначенъ репертуарнымъ членомъ

при театральномъ управленіи. Должность эту сохранялъ Шаховскій до 1818 г., до размолвки съ директоромъ театра кн. Тюфякинымъ, за исключеніемъ небольшаго перерыва въ 1812 г., когда Шаховскій поступилъ въ Московское ополченіе. Оставаясь частнымъ человѣкомъ, Шаховскій сохранялъ свое вліяніе на театръ, въ качествѣ главнаго поставщика театральныхъ піэсъ и руководителя артистовъ до 1821 года, когда кн. Тюфякинъ былъ удаленъ отъ управленія театромъ, и вмѣсто него учрежденъ былъ для управленія театрами особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора гр. Милорадовича, и членомъ сдѣланъ былъ въ числѣ другихъ д. ст. сов. кн. Шаховскій. Въ 1826 г., послѣ смерти Милорадовича и назначенія на его мѣсто предсѣдателемъ комитета кн. В. В. Долгорукова, Шаховскій былъ окончательно уволенъ отъ театральнаго вѣдомства и переселился въ Москву.

Ни до Шаховскаго, ни послѣ него не было у насъ лучшаго знатока сценическаго искусства. Никто лучше Шаховскаго не умѣлъ поставить піэсу, распредѣлить роли, придать надлежащую интонацію, указать недостатки въ выполненіи или въ пониманіи характера дѣйствующаго лица. Это достоинство признавалъ за Шаховскимъ даже самъ Кокошкинъ. Шаховскій въ свое время признавался первымъ драматическимъ писателемъ. Плодовитость его была изумительна: онъ написалъ и поставилъ болѣе ста піэсъ; одно это обстоятельство, вызванное господствовавшимъ тогда обычаемъ непремѣнно ставить новую піэсу для каждаго бенефиса, указываетъ на поспѣшность въ ущербъ внутреннему достоинству. Первая комедія Шаховскаго „Коварный", разыгранная 16 декабря 1804 г., провалилась. Изъ театральныхъ піэсъ Шаховскаго имѣли въ свое время успѣхъ на сценѣ: „Полубарскія затѣи или домашній театръ", ком.; „Ссора или два сосѣда", ком.; „Козакъ стихотворецъ", оп.; „Крестьяне или встрѣча незванныхъ", патріотическая опера (1814) „Ломоносовъ"; „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды", (1815); „Своя семья или замужняя невѣста", ком. (1818); „Не любо не слушай, а лгать не мѣшай", ком. въ стихахъ; „Два учителя или asinus asinum fricat"; „Пустодомы", одна изъ лучшихъ комедій Шаховскаго; „Какаду или слѣдствіе урока кокеткамъ", ком.; „Иваной или возвращеніе Ричарда Львинаго сердца" опера съ прологомъ Катенина (Пиръ у Іоанна Беземельнаго) (1821);

„Женщина-лунатикъ", оп. вод. (1821); „Буря", передѣлана изъ Шекспира (1812); „Фениксъ или утро журналиста", (1821); „Король и пастухъ", вод. передѣланный съ франц.; „Пѣсня или конторское приключеніе", (1823); „Финнъ", трилогія изъ Руслана и Людмилы; „Эзопъ у Ксанфа", ком. вод. (1824); трилогія „Керимъ Гирей, Крымскій ханъ", изъ Пушкина (1825); „Фальстафъ", комедія (1825); Аристофанъ или представленіе комедіи. Значеніе Шаховскаго какъ драматическаго писателя совершенно вѣрно опредѣлилъ еще Полевой. „Оригинальныхъ произведеній и порядочныхъ переводовъ такъ мало является въ русской драматической литературѣ, что кн. Шаховскій долженъ почесться однимъ изъ главнѣйшихъ драматическихъ писателей русскихъ, по пословицѣ „въ землѣ слѣпыхъ и кривой король". Онъ сочинилъ, перевелъ и передѣлалъ нѣсколько десятковъ (говорятъ 130) трагедій, комедій, драмъ, оперъ и водевилей; двѣ трети ихъ умерли при самомъ появленіи, остальныя поддерживаются или декораціями, или бѣдностью репертуара, и ни одно твореніе кн. Шаховскаго не показываетъ таланта сильнаго, самобытнаго и разнообразнаго. Недостатокъ вкуса доказывается выборомъ предметовъ въ сочиненіяхъ и переводахъ кн. Шаховскаго. Стихи его многорѣчивы, тяжелы, не гладки. Лучшими изъ его сочиненій должно почесть нѣкоторыя мелкія піэсы, какъ-то: Какаду, Любовная почта, Ссора или два сосѣда и т. п. Большія сочиненія его всѣ неудачны, а переводы плохи (Телеграфъ 1828 г., ч. 22, стр. 206). Дѣйствительно въ піэсахъ Шаховскаго нѣтъ ни естественности въ дѣйствіи, ни цѣльныхъ типичныхъ характеровъ; но онѣ удерживались на сценѣ чисто внѣшними достоинствами и обстоятельствами. Прежде всего Шаховскаго выручалъ необыкновенно счастливый составъ тогдашней труппы, силы которой прекрасно зналъ Шаховскій, и всегда создаваемыя имъ роли приноравливалъ къ средствамъ артистовъ, давая имъ возможность выставить передъ публикой всѣ блестящія стороны своего таланта. Затѣмъ успѣху піэсъ Шаховскаго способствовали разнообразіе сюжетовъ, живость дѣйствія, обусловленная глубокимъ знаніемъ сцены, непритворная веселость и остроуміе, какъ отличительныя черты характера самого Шаховскаго, искусство выставлять публикѣ съ комической стороны портреты извѣстныхъ современниковъ. Что касается до направленія авторской дѣятельности Шаховскаго, то на немъ одномъ отразились всѣ фазисы, которые

переживала драматическая литература въ его время. Сначала онъ былъ строгимъ классикомъ, переводчикомъ и подражателемъ французскихъ писателей; затѣмъ, незадолго до 1820 года онъ перешелъ на сторону романтической драмы, сюжеты для которой заимствовалъ изъ Шекспира, В. Скотта, Оссіана и Пушкина. Съ начала двадцатыхъ годовъ, онъ, какъ видно изъ письма его къ кн. Одоевскому (Р. Арх. 1864), „хотѣлъ своими опытами открыть дорогу людямъ, имѣющимъ больше его дарованія, для обогащенія нашей драматической литературы и даже къ созданію *своего собственнаго театра* на обширномъ и прочномъ фундаментѣ“.

Несравненно важнѣе заслуга Шаховскаго по образованію артистовъ и постановкѣ у насъ сценическаго искусства. Шаховскій стоялъ во главѣ цѣлаго кружка, исключительно преданнаго театральному дѣлу и имѣвшаго сильное вліяніе и на драматическую литературу, которая главнымъ образомъ сосредоточивалась въ ихъ лицѣ, и на воспитаніе крупныхъ талантовъ, украшавшихъ тогдашнюю сцену. У князя Шаховскаго съѣзжались постоянно по вечерамъ драматическіе писатели: Грибоѣдовъ, другъ Грибоѣдова Бѣгичевъ, Жандръ, Хмѣльницкій, Лобановъ, Кокошкинъ, Я. Н. Толстой, Катенинъ, А. С. Пушкинъ, Барковъ, Ал. Бестужевъ, Всеволожскій, Хмѣльницкій, Ник. Всеволожскій, П. Б. Мансуровъ, Ф. Ф. Юрьевъ, Алабьевъ, Верстовскій, много простыхъ любителей въ родѣ, напримѣръ, откупщика Чебышева, платившаго по 500 р. за бенефисные билеты. Нѣсколько первоклассныхъ артистовъ составляли ихъ общество (Араповъ, Хр. Р. Т. 277). Кружокъ этотъ, не смотря на преклоненіе его предъ французскимъ классицизмомъ и вражду къ новому направленію въ литературѣ, имѣлъ вліяніе на Грибоѣдова, имъ самимъ признанное. Въ письмѣ своемъ къ Катенину Грибоѣдовъ говоритъ: „вообще я ни предъ кѣмъ не таился и теперь повторяю, свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ, etc., etc., что тебѣ обязанъ зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью моего дарованія, если оно есть во мнѣ“. Здѣсь читались авторами театральныя піэсы и подвергались критикѣ, здѣсь же обсуживалась игра актеровъ и происходили толки о постановкѣ піэсы. Члены кружка занимались воспитаніемъ артистовъ: Гнѣдичъ руководилъ Семенову, Катенинъ обучалъ Колосову и Каратыгина. Въ средѣ самой публики выдѣлился кружокъ любителей сценическаго искусства. Присяжные посѣтители русскаго театра, которые

ежедневно являлись въ шести часамъ въ малый или большой театръ, что бы на нихъ не представляли, составили въ ту пору свое общество въ большомъ театрѣ, называя себя въ шутку *лѣвымъ фланкомъ*. Общество состояло изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, военныхъ и статскихъ, которые имѣли свои абонированные кресла въ первыхъ рядахъ на лѣвой сторонѣ театра. Эти театралы обыкновенно отъ души аплодировали актрисамъ и танцовщицамъ, ибо тогда не существовало ни цвѣтобѣсія, ни прерыванія сценъ безпрестанными вызовами, но ухаживанье за воспитанницами и за танцовщицами было въ большой модѣ. Даже было въ обычаѣ отряжать наемныхъ хлопальщиковъ въ галлереи, которые должны были дѣйствовать по условленному знаку (Арап. Хр. Р. Т. 290 и 291). Но главную заботу и по обязанности, и по призванію несъ самъ Шаховскій. Еще живы люди, помнящіе его заслуги въ преподаваніи правилъ декламаціи и въ постановкѣ театральныхъ піэсъ; свидѣтели-очевидцы—Араповъ, въ хроникѣ русскаго театра, и С. Т. Аксаковъ, въ своихъ „воспоминаніяхъ", разсказываютъ, какъ Шаховскій, акуратно посѣщавшій каждую репетицію въ театрѣ, усердно слѣдилъ за игрой актеровъ, выходилъ изъ себя до комизма и приходилъ въ неподдѣльный восторгъ при успѣхѣ. Петербургское театральное училище Шаховской поставилъ на хорошую ногу и составилъ его уставъ, утвержденный 10 мая 1829 г. (2 П. С. З. 1861). Съ 1805 г. давались на Маломъ театрѣ отдѣльно спектакли воспитанниками театральнаго училища; труппа эта извѣстна была подъ именемъ малой. Потомъ, послѣ пожара Большаго театра въ 1810 г., эта труппа воспитанниковъ перешла въ новый театръ, устроенный въ домѣ Молчанова, на Дворцовой площади, и спектакли давались разъ въ недѣлю, а иногда и чаще. Такимъ образомъ молодые таланты получали возможность приготовляться къ сценѣ не одними школьными упражненіями, но настоящей игрой, на глазахъ у публики, что чрезвычайно важно для артистическаго развитія. Правда дѣятельность Шаховскаго въ этомъ случаѣ не была безукоризненная: подъ вліяніемъ самолюбія онъ преслѣдовалъ лучшихъ артистовъ за то, что они слушались постороннихъ внушеній, — Семенову, Колосову и Каратыгину; Шаховской усиленно покровительствовалъ своимъ любимцамъ, въ родѣ Брянскаго и Валберховой, въ ущербъ другимъ талантамъ; вечера его, съ тѣхъ поръ какъ ихъ стали постоянно посѣщать Милорадовичъ и богатый театралъ Сто-

лыцинъ, наполнялись преимущественно танцовщицами и красивыми воспитанницами и приняли эротическій характеръ. Но тѣмъ не менѣе Шаховскій оставилъ труппу петербургскаго театра въ такомъ блестящемъ видѣ, какого она не достигала ни до него, ни впослѣдствіи. Шаховскій угадалъ и образовалъ таланты младшей Семеновой, Валберховой, выдвинулъ Брянскаго, Сосницкаго и Рамазанова, далъ совершенно другое направленіе талантамъ Боброва и Рѣзанова и изъ плохихъ драматическихъ актеровъ сдѣлалъ превосходныхъ комическихъ; далъ случай Рождественскому, который считался актеромъ третьестепеннымъ, развить прекрасное дарованіе въ роляхъ пурсоньяковъ и поставилъ его на глазахъ знатоковъ дѣла едва ли не на первый планъ; дарованіе Самойловыхъ, мужа и жены, и Бабиной, къ сожалѣнію такъ рано оставившей сцену, много обязаны были его настойчивымъ наставленіямъ (Воспом. стараго театрала, С. Ж—ва, Отеч. Зап. 1854, № 10, стр. 130). Одною изъ лучшихъ учениць Шаховскаго была Воробьева, вышедшая потомъ замужъ за Креницкаго. Кромѣ того Шаховскій руководилъ первые шаги Колосовой, которая должна была уступить въ трагическихъ роляхъ своей великой соперницѣ и заняла впослѣдствіи такое же выдающееся положеніе въ такъ-называемой высокой комедіи, и обогатилъ сцену Дюровой (деб. въ 1821 г.), которая считалась перломъ труппы и въ числѣ поклонниковъ которой былъ самъ Шаховскій. Араповъ сообщаетъ о ней такой восторженный отзывъ: „Если можно себѣ представить идеалъ прелести и граціи на сценѣ, то это была Дюрова; вблизи она не могла далеко слыть за красавицу, но столько было жизни и привлекательности въ ея физіономіи, столько наивной прелести въ ея глазахъ и улыбкѣ, что она превосходила всѣхъ красавицъ; голосъ у Дюровой былъ мягкій и симпатичный, дикція безукоризненна и притомъ она необыкновенно была разнообразна въ своихъ роляхъ. Дюрова была столько же хороша въ роли простодушной дѣвушки, какъ и великосвѣтской бойкой дѣвицы, кокетки и дамы высшаго общества; ея игра всегда была естественна и вмѣстѣ съ тѣмъ эффектна; она мастерски читала стихи и съ перваго выхода на сцену сдѣлалась любимицею публики (Хр. Р. Т., 303 и 304). Дюрова была замужемъ за П. А. Каратыгинымъ и скончалась въ 1828 году, на 24 году, отъ чахотки. Замѣчательно, что въ одно время съ Шаховскимъ былъ капельмейстеръ Кавосъ и балетмейстеръ Дидло. Кавосъ познакомилъ петербургскую публику съ луч-

шими произведеніями европейскихъ композиторовъ и первый поднялъ на ноги русскую оперу; легкую музыку для бывшихъ тогда въ модѣ оперъ-водевилей писали Верстовскій и Алябьевъ. Дидло образовалъ Истомину, Лихутину (1820), Таланову и Зубову— любимицъ Милорадовича (1823), танцоровъ Дидье (1821) и Гольца (1822). Дидло былъ очень любимъ балетною труппою и былъ въ своемъ родѣ то же самое, что Шаховскій въ преподаваніи драматическаго искусства, что Кавосъ въ обученіи пѣнію. Это былъ такой тріумвиратъ, при которомъ искусства росли не по днямъ, а по часамъ (Араповъ).

Репертуаръ петербургскаго театра съ 1812—1825 годъ представляетъ борьбу между старо-классическимъ и новѣйшимъ направленіемъ. Вслѣдъ за 1812 г. естественно произошелъ наплывъ патріотическихъ піэсъ: Всеобщее ополченіе, др. Висковатова, Освобожденіе Смоленска, др. соч. Свѣчинскаго и т. д. Патріотическое чувство выливалось не только въ драмахъ, но проникло въ комедію, оперетку (Казаки на Рейнѣ), гдѣ распѣвались куплеты въ честь Государя и отличившихся генераловъ, и даже въ балетъ, гдѣ въ этомъ смыслѣ отличался помощникъ Дидло, Огюстъ. Одно изъ самыхъ блестящихъ представленій подобнаго рода дано было въ Павловскѣ на площади, передъ баломъ у Императрицы Маріи Ѳеодоровны, подъ названіемъ „Возвращеніе героевъ". Но на первомъ мѣстѣ все-таки стояла классическая трагедія. Этому способствовалъ самый составъ труппы. Въ ней отъ прежняго времени сохранился Яковлевъ, самый талантливый представитель у насъ этой отрасли сценическаго искусства; 3 февраля 1802 г. дебютировала ученица Дмитревскаго и Гнѣдича Семенова, въ ролѣ Нанины въ комедіи Вольтера, по преданію и по отзывамъ современниковъ, самый крупный талантъ изъ всѣхъ появлявшихся у насъ на сценѣ; 3 мая 1820 г. дебютировалъ Каратыгинъ въ роли Фингала. Вкусъ въ публикѣ къ трагедіи поддерживала знаменитая французская актриса г-жа Жоржъ, дебютировавшая въ Петербургѣ 15 іюля 1808 г. въ роли Федры и восхитившая публику въ Петербургѣ и Москвѣ. Восторженные отзывы объ ея игрѣ наполняли всѣ тогдашніе журналы. Появились новые переводы трагедій Расина, Вольтера, Кребильона и сравнительно лучшими переводчиками были Катенинъ (Эсфирь 1818, Андромаха, Сидъ, Корнеля 1822, Гораціи Корнеля, вмѣстѣ съ Чепяговымъ, Жандромъ и Шаховскимъ

1817 г.); и Гнѣдичъ (Танкредъ Вольтера); несравненно хуже были переводы: Лобанова (Ифигенія въ Авлидѣ и Федра 1823); Гр. Хвостова (Андромаха), гр. Потемкина и Шапошникова (Британикъ Расина); Добровольскаго и Розаліонъ Сошальскаго (Семирамида Вольтера). Давались и русскія подражанія французамъ—Озерова и Грузинцева (Эдипъ царь), вмѣстѣ съ патріотической трагедіей Крюковскаго (Пожарскій). Новѣйшія произведенія классической трагической литературы были изъ рукъ вонъ плохи. Таковы были трагедіи Грузинцева (Покоренная Казань или милосердіе Іоанна Васильевича 1813, Ираклиды 1814); Капниста (Антигона, траг. въ стихахъ 1814); Корсакова (Маккавеи, траг. въ стихахъ 1813, Амбоаръ и Оренцебъ 1814, Спартакъ герой Германіи, подражаніе французскому Висковатова и Корсакова 1814); Висковатова (Владиміръ Мономахъ 1817, Инеса де Кастро, передѣланная съ французскаго 1824) и наконецъ *россійское* сочиненіе—Женевьева Брабантская или жертва клеветы и ревности, траг. Поморскаго (1825). Шекспиръ извѣстенъ былъ у насъ только въ передѣлкахъ Дюсиса: Гамлетъ переведенъ былъ Висковатымъ, Отелло—Вельяминовымъ и Король Лиръ—Гнѣдичемъ. Изъ Шиллера давались „Разбойники" въ переводѣ Сандунова, Орлеанская дѣва, Марія Стюартъ и Семела, въ переводѣ Жандра. Изрѣдка появлялся старый знакомый Коцебу, но не производилъ прежняго эффекта: изъ драмъ его продолжали нравиться публикѣ „Сынъ любви" и „Ненависть къ людямъ и раскаяніе". Съ 1820 года появляется на сценѣ русскаго театра мелодрамма, въ тридцатыхъ годахъ вытѣснившая совершенно классическую трагедію: одна изъ первыхъ „Убійца и сирота", пер. съ нѣмецкаго Зотова, шла въ 1819 г. въ бенефисъ режиссера Каратыгина, а вслѣдъ за ними въ 1825 году „Тереза, женевская сирота" пер. Волкова и „Обріева собака" пер. Шеллера. Первую драму Скриба „Валерія или слѣпая" перевелъ для Колосовой В. А. Жуковскій въ 1823 году. Это направленіе заставило сказать Шаховскаго не безъ основанія: „Театральная проза, которая вползла на нашу сцену подъ смиреннымъ именемъ драмы, не возвышаетъ душъ подобно трагедіи, и не умѣетъ, какъ комедія, просвѣщая умъ, отвратить сердце отъ порока; все достоинство ея состоитъ въ раздраженіи чувствительности; оно заставляетъ плакать и часто стыдиться слезъ пролитыхъ безъ малѣйшей пользы" (Сынъ Отеч., XIII, 23). Для комедіи петербургская труппа имѣла первоклассныхъ

артистовъ: Боброва (дебютировавшаго въ 1799 г.) и Колосову; они создали типы въ комедіяхъ Мольера и въ лучшихъ комедіяхъ Шаховскаго и Загоскина. Мольеру у насъ вообще посчастливилось: мы уже видѣли, что онъ у насъ появился еще до Петра Великаго, съ тѣхъ поръ постоянно держался на сценѣ и всегда находилъ талантливаго исполнителя. Въ это время давались Скапеновы обманы; Мнимый больной; Мизантропъ, въ переводѣ Кокошкина; Лѣкарь на зло всѣмъ или тысяча первый обманутый опекунъ, пер. Корсакова; Ученыя женщины, пер. Волкова; Школа мужей, пер. С. Т. Аксакова; Скупой; Школа женщинъ, пер. Хмѣльницкаго. Изъ классическихъ комедій держались Школа злословія, Шеридана и Женитьба Фигаро, Бомарше, въ новомъ переводѣ Левшина; Катенинъ перевелъ двѣ комедіи Мариво: Обманъ въ пользу любви (les fausses confedences) и Игру любви и случая (les jeux de l'amour et du hasard) комедію Нечаянный закладъ или безъ ключа дверь не отопремъ (la gageuse imprêvue), съ итальянскаго оперу „Гризельдъ", музыка Ферн. Пера, кромѣ того, написалъ въ подражаніе Грессе (le mechant) комедію Сплетни, имѣвшую успѣхъ на сценѣ. Вообще въ переводахъ и въ это время появлялись Реньяръ, Мерсье, Мариво, Гольбахъ, вмѣстѣ съ переводами и передѣлками появлявшихся на французской и нѣмецкой сценѣ новинокъ. Въ этомъ смыслѣ родоначальникомъ подобныхъ передѣлокъ является Хмѣльницкій, переносившій на нашу сцену французскую, какъ тогда называли, комедію-водевиль и оперу-водевиль — болѣе или менѣе занимательный фарсъ съ куплетами. Хмѣльницкому за это время принадлежатъ слѣдующіе переводы и передѣлки: „Говорунъ" (1817), „Шалости влюбленныхъ", „Воздушные замки", „Бабушкины попугаи", оп.-вод., „Семь пятницъ на недѣлѣ или нерѣшительный", „Актеры между собою или первый дебютъ Троепольскимъ", оригинальный вод., сочиненный вмѣстѣ съ Всеволожскимъ; „Суженаго конемъ не объѣдешь", оп.-вод. (1821), „Новая шалость или театральное сраженіе", „Карантинъ". Изъ послѣдователей Шаховскаго, старавшихся создать комедію изъ русской бытовой жизни, явился одинъ Загоскинъ. Загоскинъ, въ концѣ 1817 года, поступилъ на мѣсто Корсакова помощникомъ члена репертуарной части и вмѣстѣ съ нимъ издавалъ журналъ „Сѣверный Наблюдатель" (въ 1818 г.). Въ 1818 г. Загоскинъ перешелъ служить почетнымъ библіотекаремъ въ императорскую публичную библіотеку и въ 1821 г. назначенъ

членомъ по хозяйственной части при управленіи Московскимъ театромъ. Съ 1815 — 1819 г. Загоскинъ написалъ въ Петербургѣ слѣдующія комедіи: „Комедія противъ комедіи или урокъ волокитамъ“, „Проказникъ“ (не имѣвшій успѣха), „Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ“; „Вечеринка ученыхъ“; „Романъ на большой дорогѣ“. Изъ Москвы онъ поставилъ въ Петербургѣ „Добрый малый“, въ 1820, „Богатоновъ въ деревнѣ или сюрпризъ самому себѣ“ (1822), „Урокъ холостымъ или наслѣдники“ (1823). Комедіи Загоскина представляютъ болѣе внутреннихъ достоинствъ, нежели комедіи Шаховскаго; у Загоскина былъ безспорно талантъ наблюдательности и въ его комедіяхъ данный случай поставленъ всегда естественно, характерныя черты дѣйствующихъ лицъ иногда подмѣчены очень удачно. Но комизмъ Загоскина останавливался на чисто внѣшнихъ проявленіяхъ бытовой жизни, не вдаваясь въ анализъ и не уясняя себѣ внутренній смыслъ явленій; оттого типы его поверхностны и потеряли смыслъ, какъ скоро сошли со сцены его живые образцы. Грибоѣдовъ выступилъ на драматическое поприще, поставивши 29 сентября 1815 г. переведенную съ французскаго комедію въ стихахъ „Молодые супруги“ (Le secret du ménage). Стихи были очень плохи и Загоскинъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ (1817 г. № 15) помѣстилъ рѣзкій разборъ перевода, выписавши самыя слабыя мѣста, на что Грибоѣдовъ отвѣтилъ ходившей въ рукописи сатирою на Загоскина „Лубочный театръ“ (Напечатаны у Арапова, Хр. Р. Т. 260—261). Затѣмъ Загоскинъ, вмѣстѣ съ Жандромъ, передѣлалъ съ французскаго комедію Барта „Притворная невѣрность“ (les fausses infidèlités, 1818), а съ кн. Вяземскимъ поставилъ оперу-водевиль „Кто братъ, кто сестра или обманъ за обманомъ“, съ музыкою Верстовскаго (1824).

Для оперы въ то время существовалъ замѣчательный персоналъ: мужъ и жена Самойловы, Зловъ, Климовскій (изъ придворныхъ пѣвчихъ), Ефремовъ и Сандунова. Теноръ В. М. Самойловъ купеческаго званія, изъ Москвы, гдѣ пѣлъ сначала въ хорѣ купца Колокольникова, съ прекраснымъ голосомъ соединялъ превосходную игру и много огня и страсти въ выполненіи; по отзывамъ современниковъ, это былъ первоклассный талантъ, приводившій въ восторгъ слушателей. Оперы тогда были разговорныя, безъ речитативовъ, и потому игра имѣла большое значеніе и даже иногда пополняла недостатки голоса. Зловъ дебютировалъ въ Москвѣ въ

качествѣ талантливаго драматическаго артиста, а въ Петербургѣ перешелъ въ оперу только потому, что имѣлъ хорошій голосъ. Толченовъ, трагическій злодѣй, безъ голоса, никогда не учившійся пѣть, выступилъ въ роли Каспара въ Волшебномъ стрѣлкѣ. Въ январѣ 1808 г. въ русскую оперу поступила первоклассная пѣвица сопрано Менвіель-Фодоръ. Она была дочь актера Өедорова и вышла замужъ за французскаго актера Монвіеля. Монвіель, оставивши Петербургскую сцену, уѣхалъ въ Италію, гдѣ жена его пѣла и была увѣнчана въ Римѣ, гдѣ въ честь ея была выбита медаль. Фодоръ оставила русскую оперу въ концѣ 1812 года, оттого что кн. Тюфякинъ не прибавилъ ей 1000 руб. къ получаемому ей жалованью въ 2000 р. съ бенефисомъ на своихъ расходахъ. Оперы, больше всего понравившіяся въ то время, были: „Волшебная флейта“ Моцарта, „Волшебный стрѣлокъ“ Вебера, „Сорока воровка и Севильскій цирюльникъ“ Россини, „Весталка“ Спонтини, „Водовозъ“ Керубини, „Іосифъ прекрасный и Красная шапочка“ Мегюля, „Жанъ Парижскій“ Боальдье, „Жаконда“ Николо Изуара, „Ив. Сусанинъ“ Кавоса, либретто кн. Шаховскаго), „Ромео и Юлія и Сандрильона“ Штейбельта, который поступилъ въ театръ въ 1810 г. и первый получилъ званіе придворнаго капельмейстера.

Вообще публика того времени любила больше всего блестящій спектакль, къ которому пріучилъ ее кн. Шаховскій. Комедія „Чудныя встрѣчи или суматоха въ маскарадѣ“ Бор. Өедорова (28 октября 1818 г.) держалась только потому, что въ ней участвовали всѣ труппы, въ самыхъ разнородныхъ костюмахъ, и продѣлывали всевозможные фарсы. Опера-водевиль, переведенная съ французскаго Хмѣльницкимъ, „Новая шалость или театральное сраженіе“, вызвала необыкновенный фуроръ въ 1822 году только потому, что въ ней появились семь хорошенькихъ воспитанницъ, одѣтыхъ мальчиками. „Сынъ Отечества“ о вкусѣ, господствующемъ въ публикѣ, говорилъ въ 1815 году: „Извѣстно, что нравится нашимъ зрителямъ: легкія двусмысленности и эпиграммы на женщинъ возбуждаютъ всегда громкій смѣхъ и общія рукоплесканія. Вторую степень составляютъ выходки на французскихъ мамзелей и модное воспитаніе, на мотовство и свѣтскую жизнь. Наконецъ, слова Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ, которыя встати и не встати прилаживаются ко всякому фарсу, но уже нынѣ отъ без-

прерывнаго употребленія на сценѣ, понизились въ курсѣ (стр. 215 и 216). Успѣхъ въ театральномъ родѣ сдѣлался нынѣ не слишкомъ труднымъ: наборъ смѣшныхъ именъ, нѣсколько удачныхъ стиховъ, нѣкоторыя забавныя, хотя и не весьма натуральныя каррикатуры, повтореніе обыкновенныхъ разсказовъ, наскучившихъ въ другихъ комедіяхъ, но одѣтыхъ въ новыя выраженія —могутъ, при удачной игрѣ актеровъ, поддержать какую угодно піэсу" („С. О." 1816, № V, стр. 213).

Въ Москвѣ театральное дѣло было въ рукахъ Кокошкина. Ф. Ф. Кокошкинъ былъ москвичъ и служилъ сначала московскимъ губернскимъ прокуроромъ. Въ 1818 г. директоръ театра кн. Тюфякинъ, уволивши кн. Шаховскаго вызвалъ на его мѣсто Кокошкина въ управленіе театромъ членомъ его по репертуарной части, до 1821 года, когда кн. Шаховскій, послѣ удаленія Тюфякина, вновь получилъ тоже мѣсто во вновь образованномъ комитетѣ по управленію театрами. Въ 1823 г. изъ театральной конторы, находившейся подъ непосредственнымъ управленіемъ московскаго генералъ-губернатора, образовалась отдѣльная дирекція. Директоромъ опредѣленъ былъ Кокошкинъ, а членами: по хозяйственной части Загоскинъ, а по репертуарной—Арсеньевъ, предоставившій свою часть въ полное завѣдываніе Кокошкина. Кокошкинъ не обладалъ авторскимъ талантомъ, даже наравнѣ съ Шаховскимъ; онъ былъ незавиднымъ переводчикомъ французскихъ піэсъ, былъ строгій классикъ и даже о Шекспирѣ отзывался не иначе, какъ презрительно. Но у Кокошкина были другія заслуги, одинакія съ Шаховскимъ. Кокошкинъ соединялъ въ себѣ знаніе драматическаго искусства со сценическимъ талантомъ: онъ былъ извѣстный декламаторъ и отличный по тогдашнему времени актеръ. Впрочемъ, объ его декламаторскомъ талантѣ такъ отзывается С. Т. Аксаковъ: „полнозвучный, сильный, пріятный и выработанный голосъ его обнималъ всю залу и не было слушателя, который бы не слыхалъ явственно каждаго слова, потому что произношеніе его было необыкновенно чисто". Но Аксаковъ признается, что его чтеніе было чисто декламаторское и что въ немъ истиннаго, сердечнаго чувства и теплоты не было, несмотря на наружный жаръ и даже подчасъ вызванныя слезы. Что касается до его сценическаго таланта, то московскіе старожилы помнятъ его классическую игру на благородныхъ спектакляхъ, гдѣ по временамъ принимала участіе и кн. Гагарина,

урожденная Семенова. Кромѣ того, Кокошкинъ, по московскому обычаю, былъ извѣстный хлѣбосолъ и гостепріимный хозяинъ; у него нерѣдко собирались всѣ московскіе литераторы и даже петербургскіе, когда пріѣзжали въ Москву (Разн. соч., стр. 58). Въ числѣ обычныхъ посѣтителей этого кружка С. Т. Аксаковъ называетъ Каченовскаго, Мерзлякова, друга его Ѳ. Ѳ. Иванова, впослѣдствіи Загоскина, Писарева и кн. Шаховскаго, послѣ переѣзда его изъ Петербурга. Кружокъ этотъ,—гдѣ въ первое время господствующую роль играли Мерзляковъ и Каченовскій, впослѣдствіи устранившіеся,—воспитанный произведеніями французскаго лжеклассицизма, былъ самымъ строго консервативнымъ въ литературномъ смыслѣ, чуждался всякаго прогрессивнаго движенія и недружелюбно относился и къ позднѣйшей литературѣ, и къ умственному движенію, проявившемуся у насъ въ двадцатыхъ годахъ. Подъ конецъ этотъ кружокъ обратился въ исключительно театральный. Время завѣдыванія московскимъ театромъ Кокошкина (1822—1830) сами артисты признаютъ незабвенной и самою блестящею эпохой (см. воспоминанія Н. И. Куликова въ журналѣ „Искусство"). Театральная школа, съ назначеніемъ Кокошкина, приняла совсѣмъ другой видъ. Учителемъ въ школѣ исторіи, географіи и словесности поступилъ не изъ-за жалованья, а изъ любви къ театральному искусству членъ Кокошкинскаго кружка—извѣстный тогда въ Москвѣ юристъ-стряпчій, а впослѣдствіи директоръ департамента министерства юстиціи М. М. Карніолинъ-Пинскій, авторъ комедіи „Эгоизмъ и Филантропія". Пинскій повелъ ученіе строго и толково. Послѣ перевода его въ Петербургъ, мѣсто Карніолина-Пинскаго въ школѣ занялъ Надеждинъ. Начальной практикѣ въ школѣ обучалъ самъ Кокошкинъ. При этомъ Кокошкинъ обратилъ серьезное вниманіе на постановку піэсъ и, сдѣлавшись самъ режиссеромъ, неутомимо посѣщалъ репетиціи, руководилъ совѣтами и успѣлъ въ самихъ артистахъ развить любовь и уваженіе къ своему искусству. Кокошкинъ отовсюду привлекалъ любителей сценическаго искусства, былъ доступенъ и съ искреннимъ сочувствіемъ принималъ всякаго, кто желалъ поступить на сцену. Такъ онъ нашелъ въ Рязани Львову-Синецкую и самъ занимался съ любовью ея образованіемъ въ Москвѣ; услышавши о талантѣ, Щепкина, отличавшагося тогда въ путешествовавшей по губерніямъ Полтавской, Харьковской и Курской труппѣ иностранца Штейна, Кокош-

кинъ командировалъ Загоскина и переманилъ въ Москву даровитаго артиста, не стѣсняясь высокимъ окладомъ, которымъ долженъ былъ обезпечить себя Щепкинъ, стѣсненный большою семьей. Кокошкинъ принялъ въ актеры 18 лѣтняго Рязанцева, помѣщеннаго въ школу изъ купеческой фамиліи Воробьевыхъ и принявшаго фамилію Ленскаго, бѣднаго чиновника Бантышева, Лаврова, сдѣлавшагося потомъ извѣстнымъ оперным артистомъ; въ театральной школѣ онъ открылъ талантъ Живокини и указалъ ему настоящій путь. Неудивительно, что труппа Московскаго театра достигла до небывалаго до того времени совершенства. Особенно выдающимися талантами были: Мочаловъ, Щепкинъ, Сабуровъ, Рязанцевъ, Лавровъ, Живокини, Степановъ, актрисы: Львова-Синецкая, Рѣпина, Кавалерова, Сабурова, ученица театральной школы Сабурова (впослѣдствіи Лаврова). Въ театральной школѣ воспитывались въ то время будущія знаменитости: Куликова, вышедшая замужъ за Орлова и сдѣлавшаяся лучшею драматическою артисткою сороковыхъ годовъ, и Шумскій. Къ сожалѣнію, относительно репертуара за это время Московскаго театра не существуетъ никакихъ сколько-нибудь полныхъ данныхъ. Самостоятельная драматическая дѣятельность началась въ Москвѣ съ переѣздомъ туда Загоскина и Шаховскаго, продолжавшихъ и здѣсь постановку своихъ піэсъ. Кромѣ того съ 1824 года при ихъ содѣйствіи выступилъ передѣлывателемъ французскихъ піэсъ Писаревъ. Писаревъ вмѣстѣ съ Хмѣльницкимъ создали русскій водевиль съ болѣе или менѣе остроумными куплетами. Вскорѣ имъ нашлись подражатели и, начиная съ тридцатыхъ годовъ, водевиль заполонилъ сцену обѣихъ столицъ (П. А. Каратыгинъ, Ленскій и мног. друг. Писаревъ переносилъ на сцену даже свои литературныя отношенія ([73]). Полевой въ своихъ рецензіяхъ неблагосклонно отозвался о Писаревѣ; послѣдній, помимо журнальной перебранки, при каждомъ удобномъ случаѣ вставлялъ бранные и совершенно прозрачные намеки на Полеваго. Такимъ образомъ серьезные для того времени литературные интересы,—вражда между сторонниками и противниками Телеграфа, между *отцами* и *дѣтьми*,—нашли свой отголосокъ и на театральныхъ подмосткахъ. Въ это же время появилась въ Москвѣ обстоятельная театральная критика въ журнальныхъ статьяхъ С. Т. Аксакова, Н. В. Ушакова и Н. А. Полеваго.

Живя въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ, Александръ Ивано-

вичъ раздѣлялъ общую тогда страсть къ театру, какъ это видно изъ письма къ нему 12 ноября 1824 года Ал. С. Норова. „Я ненарадуюсь, что ты пристрастился къ спектаклямъ. Если хочешь быть знатокомъ, наблюдай, опредѣляй игру актеровъ, характеръ ихъ ролей, *старайся сравнивать съ натурой* и пиши объ этомъ мнѣ подробнѣе". Этотъ вызовъ со стороны Александра Ивановича остался безъ вниманія.

Намъ остается разсмотрѣть, какимъ образомъ это возбужденіе общественной мысли и стремленіе къ самобытности отразилось на литературѣ и притомъ именно періодической, — на журналахъ. Исторія нашей литературы вообще, и періодической въ особенности, начиная съ 1812 года, есть исторія непрерывной и притомъ становящейся все болѣе и болѣе интенсивною борьбы съ цензурою. Эта патологическая сторона нашей литературы того времени достаточно подробно и вѣрно изслѣдована въ извѣстныхъ сочиненіяхъ гг. Сухомлинова, Пятковскаго и Скабичевскаго. Поэтому, мы коснемся ея только стороною, возобновивъ въ памяти читателя тѣ только крупные факты, которые намъ необходимы для цѣлости изложенія. До 1804 года у насъ не было *предварительной цензуры* и не чувствовалось въ ней необходимости. Литература носила по преимуществу правительственный характеръ, дѣятели ея были исключительно состоявшіе на службѣ и притомъ бо̀льшею частью именно въ качествѣ литераторовъ лица, которыя писали отъ правительства и для правительства. Исключенія были рѣдки и кончали бо̀льшею частью несчастливо. Изъ первыхъ *общественныхъ* литераторовъ у насъ были Новиковъ и Радищевъ, — судьба ихъ извѣстна. Самъ Карамзинъ уцѣлѣлъ и пріобрѣлъ значеніе только потому, что онъ вскорѣ изъ общественнаго литератора обратился въ оффиціальнаго исторіографа. Начиная съ Новикова и Радищева преслѣдованія сочиненій, почему-либо неугодныхъ правительству, становятся все чаще и строже и въ царствованіе императора Павла,— въ видахъ охраненія Россіи отъ вольнодумства, заносившагося къ намъ изъ Западной Европы, преимущественно изъ революціонной Франціи,—принимались самыя строгія мѣры. Въ царствованіе императора Павла, Указомъ 4 іюля 1797 года, повелѣно было книги, цензурою признаваемыя недозволенными, и даже тѣ, кои кажутся сомнительными, представлять въ Совѣтъ Его Величества. Указъ этотъ былъ лишь подтвержденіемъ и развитіемъ Екатерининскаго указа

1796 года объ устройствѣ особой цензуры при портахъ; теперь эта мѣра была обобщена. 18 апрѣля 1800 года былъ изданъ указъ о запрещеніи выпуска изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы онѣ языкѣ ни были безъ изъятія, равномѣрно и музыку. Либеральное направленіе первой эпохи Александровскаго царствованія сказалось и въ этой области: 18 апрѣля 1800 г. было снято запрещеніе на ввозъ книгъ изъ-за границы и вновь разрѣшены частныя типографіи; указомъ 9 февраля 1802 г. пропускъ книгъ иностранныхъ облегченъ, типографіи, относительно порядка учрежденія, сравнены съ прочими фабриками и цензура книгъ, выходящихъ изъ вольныхъ типографій, вмѣсто управы благочинія, передана самимъ гражданскимъ губернаторамъ чрезъ посредство директоровъ народныхъ училищъ. 9 іюня 1804 года вышелъ указъ, положившій у насъ начало предварительной цензурѣ, но самой либеральной изъ всѣхъ по этому предмету. Достаточно привести § 22 этого указа, гдѣ говорилось, что „скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающаго успѣхи просвѣщенія". Все цензурное дѣло сосредоточено было въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Время отъ 1800—1812 г. было самымъ либеральнымъ въ цензурномъ отношеніи, главнымъ образомъ вслѣдствіе направленія стоящихъ во главѣ лицъ, а затѣмъ вслѣдствіе невмѣшательства въ цензурное дѣло постороннихъ вѣдомствъ. Только безпрестанно колебавшіяся политическія сношенія ставили журналистику въ столкновеніе съ цензурою, требовали соглашенія статей съ правительственнымъ настроеніемъ данной минуты. Въ 1811 г. учреждено было новое министерство полиціи, которое получило право цензурной ревизіи или наблюденіе, чтобы не обращались въ обществѣ не только книги, не разрѣшенныя цензурою, но и такія, которыя хотя и были пропущены, но подавали поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ. Такимъ образомъ литература сразу поставлена была между двухъ огней. До какой степени усилилось цензурное стѣсненіе въ періодъ съ 1812 года до конца царствованія императора Александра I, достаточно привести два-три факта. Въ 1824

году Магницкій, не объявляя своего имени, прислалъ въ цензурный комитетъ рукопись, „Нѣчто о конституціяхъ“, гдѣ доказывалъ превосходство неограниченной монархіи предъ конституціонною. Комитетъ запретилъ печатаніе этой книги, высказавъ между прочимъ, что онъ „не находитъ ни нужнымъ, ни полезнымъ въ государствѣ съ самодержавнымъ образомъ правленія разсуждать о конституціяхъ“. Въ 1816 г., несмотря на Высочайшее повелѣніе, дежурный генералъ гр. Закревскій остановилъ печатаніе въ военной типографіи исторіи Карамзина, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не была пропущена ценгурою. Въ 1822 году, несмотря на придворное положеніе Жуковскаго, цензура не пропустила переводъ баллады Вальтеръ-Скота о Смолькгольмскомъ баронѣ. Разрѣшеніе на изданіе новыхъ журналовъ зависѣло вполнѣ отъ оцѣнки благонадежности редактора со стороны цензурнаго комитета. Такъ въ 1820 г. было разрѣшено изданіе журнала „Невскій Зритель“ магистру Сниткину, „какъ по ученой степени его, такъ и по сочиненію, показывавшему здравыя сужденія, ясное отношеніе и чистоту русскаго языка“; Свиньину—изданіе „Отечественныхъ Записокъ“, судя по прежнимъ его сочиненіямъ; въ 1821 г. Олину—изданіе газеты „Рецензентъ“, на томъ основаніи, что онъ „уже умѣлъ заслужить вниманіе и довѣріе публики“. Но въ 1819 году просьба объ изданіи журнала Ал. Бестужева была отказана Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ на основаніи его молодости и неопытности въ литературномъ дѣлѣ, причемъ комитетъ придрался и къ тому, что въ представленной имъ программѣ замѣтилъ три ошибки противъ правописанія, что доказываетъ, по меньшей мѣрѣ, его невнимательность и небрежность. Съ 1824 года, со вступленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія Шишкова, цензурныя строгости еще усилились и увѣнчались изданіемъ цензурнаго устава 1826 года настолько стѣснительнаго, что онъ не могъ продержаться далѣе двухъ лѣтъ. Слѣдующій затѣмъ цензурный уставъ 1828 году нѣсколько смягчилъ суровость перваго, но уставъ: 1) запрещалъ всякія разсужденія о потребности и средствахъ по улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства въ имперіи и вообще сужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ (§ 12) и 2) положилъ начало той множественности цензуры, какая развилась мало-по-малу въ теченіи 30 и 40 годовъ, ставя появленіе статей различнаго содержанія въ

зависимости отъ согласія извѣстныхъ вѣдомствъ, до которыхъ статьи эти относились. Въ особенности ревниво охраняло въ этомъ случаѣ права свои министерство финансовъ при Канкринѣ. Тѣмъ не менѣе періодъ 1828—1830 г. былъ самымъ либеральнымъ въ цензурномъ отношеніи во все царствованіе императора Николая.

Такова была легальная постановка цензуры въ разсматриваемый нами періодъ. Надо признаться, что положеніе литературы вообще, и въ частности журналистики, на которую обращено было главное вниманіе, оказывалось не легкое. Но тяжесть эта усиливалась еще тѣмъ, что отношенія писателей къ цензурѣ подчинялись полному произволу послѣдней. Не только личныя убѣжденія и отношенія высшихъ правительственныхъ лицъ, но даже личный вкусъ и соображенія самихъ цензоровъ имѣли рѣшающее значеніе для всякаго писателя, не смотря на положеніе, занимаемое имъ въ литературѣ. При этомъ возможности приноровиться къ требованіямъ цензуры не было никакой; что сегодня разрѣшалось, то завтра подлежало запрещенію и наоборотъ. Иногда высшая цензурная инстанція оказывалась либеральнѣе низшей, а иногда наоборотъ, за пропускъ статьи съ болѣе консервативнымъ направленіемъ цензоръ, ее пропустившій, подвергался взысканію.

Примѣромъ такого стѣснительнаго положенія, въ которомъ находилась журналистика того времени, служитъ издававшійся съ 1816—1820 годъ (включительно) „Духъ Журналовъ". Исторія борьбы его редактора съ цензурою и направленіе журнала обстоятельно изложены г. Пятковскимъ (Истор. Общ. и Лит. разв. Т. II, стр. 301 и слѣд.). Этимъ редакторомъ былъ Григ. Макс. Яценко. Яценко получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ и былъ въ числѣ воспитанниковъ, отправленныхъ Муравьевымъ въ Гёттингенъ для приготовленія къ занятію профессорской каѳедры. Муравьевъ былъ высокаго мнѣнія объ Яценко. Въ одномъ письмѣ своемъ къ Тимковскому онъ говоритъ: „я желаю университету, чтобы онъ нашелъ въ васъ достойнаго соревнователя дѣлающихъ: Щеголевыхъ, Тимковскихъ, *Яценковъ*, Мерзляковыхъ, и не сомнѣваюсь, чтобы вы не поставили долгомъ своимъ принять примѣръ старины и предали оный послѣдующимъ" (Барсуковъ, 34). Былъ ли Яценко профессоромъ — въ точности неизвѣстно. Г. Пятковскій и вслѣдъ за нимъ г. Скабичевскій утверждаютъ, что Яценко былъ сначала учителемъ латинскаго и греческаго язы-

ковъ, а потомъ „адъюнктомъ философіи и свободныхъ наукъ" въ Московскомъ университетѣ. Но ни въ „Исторіи" университета, составленной Шевыревымъ, ни въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ" объ Яценко не упоминается. Едва ли такой пропускъ возможенъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что Яценко былъ преподавателемъ въ университетскомъ пансіонѣ; этому обстоятельству должно приписать, что въ журналѣ его, въ стихотворномъ отдѣлѣ, принимали участіе питомцы пансіона: Жуковскій (Пѣснь русскому Царю отъ его воинства, ч. VIII), Авр. С. Норовъ, Родзянко, Вл. Раевскій, Араповъ и др. Вообще точныхъ біографическихъ данныхъ объ Яценко не существуетъ въ печати. До 1803 года Яценко оставался въ Москвѣ, занимался переводами и участвовалъ въ московскихъ журналахъ, а затѣмъ онъ перешелъ въ Петербургъ и получилъ должность цензора (72). Въ этой службѣ Яценко отличался своимъ либеральнымъ направленіемъ, не разъ подвергался взысканію за пропускъ статей, казавшихся слишкомъ вольными тогдашнимъ обскурантамъ и, наконецъ, былъ уволенъ. Куда поступилъ потомъ на службу Яценко и когда онъ умеръ — свѣдѣній не имѣется; видно только, что Яценко съ 1825 — 1829 годъ былъ редакторомъ „Журнала мануфактуръ и торговли", издававшагося департаментомъ мануфактуръ и торговли. „Духъ Журналовъ" признавался за самый либеральный журналъ своего времени; такъ смотрѣли на него правительство и цензура, такъ стоялъ онъ въ общественномъ мнѣніи и съ этой стороны преслѣдовали его журналисты-конкуренты. Но только сравненіе этого журнала съ остальными можетъ для насъ сколько-нибудь разъяснить причины такой репутаціи. Теперешній читатель тщетно будетъ отыскивать въ „Духѣ журналовъ" слѣдовъ его либерализма: до такой степени онъ проникнутъ благонамѣренностью, до такой степени его тонъ отличается скромностью и умѣренностью, не простирая никуда и никакихъ требованій. Но все направленіе журнала—ибо „Духъ журналовъ" имѣлъ въ нѣкоторой степени это достоинство—отдѣляло его отъ остальныхъ и вносило въ общество понятія болѣе либеральныя и независимыя въ вопросахъ политической и общественной жизни. „Духъ журналовъ" тѣмъ именно и отличался, что эти вопросы онъ ставилъ на первомъ планѣ и въ сущности былъ единственный не *литературный*, а *публицистическій* журналъ. Въ 1817 году Яценко, указывая на многіе вопросы вну-

тренней жизни, затронутые въ журналѣ, говоритъ: „Матерія сего рода была прежде почти вовсе исключена изъ періодическихъ изданій, „Духъ журналовъ“ первый распространилъ охоту и силу особенному занятію, и уже въ продолженіе трехъ лѣтъ его изданія многіе предметы величайшей важности, до государственнаго порядка относящіеся, были разсмотрѣны со всею основательностью и безпристрастіемъ, заслужившими всеобщее одобреніе.“ Это именно и обрушило на него всю тяжесть правительственнаго преслѣдованія: министръ полиціи Вязмитиновъ еще до изданія журнала при представленіи его программы, гдѣ издатели предполагали изслѣдовать „великіе способы Россіи и выгоды, нѣкоторые недостатки и злоупотребленія“, нашелъ статью „совершенно неприличною“, ибо „упоминаемые въ ней предметы относятся до попеченія самого правительства и отнюдь не могутъ подлежать сужденію частныхъ лицъ публично“. Яценко сдѣланъ былъ выговоръ до появленія его журнала. Въ 1815 году, когда засѣдалъ конгрессъ въ Вѣнѣ и появился Наполеонъ, Яценко „за лучшее принималъ остановить на нѣкоторое время другія статьи, а статью исторіи и политики, какъ самую важную въ жизни въ настоящее время, сдѣлать сколько возможно полною, дабы она служила архивою для исторіи и политики“. При чемъ онъ поставилъ себѣ непремѣннымъ долгомъ всѣ оффиціальные иностранные акты сообщать съ величайшею точностью въ переводѣ (ч. 4). Въ 1816 году предъ изданіемъ новаго тарифа Яценко все первое полугодіе употребилъ на защиту принципа свободной торговли и подвергнулъ обстоятельному разбору вышедшую тогда книгу подъ заглавіемъ „Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи и о тарифѣ“, гдѣ вопросъ разсматривался съ точки зрѣнія запретительной системы. Яценко въ этомъ случаѣ смотрѣлъ на журналъ даже какъ на органъ общественной агитаціи. По выходѣ тарифа онъ говоритъ: „Счастливый успѣхъ: теперь можно прекратить всѣ споры о мануфактурахъ и о тарифѣ, правое дѣло восторжествовало! Монополисты побѣждены. „Духъ журналовъ“ не вотще подвизался“ (710, 217). Цѣль, которую Яценко преслѣдовалъ въ своей защитѣ свободной торговли, было установленіе дешевизны мануфактурныхъ товаровъ въ пользу недостаточныхъ людей и прекращеніе вредной монополіи торгующихъ. Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ Яценко прикрывался авторитетомъ Императрицы Екатерины, печатая въ

своемъ журналѣ взгляды и письма ея по вопросу о мануфактурахъ и торговыхъ монополіяхъ; но это не спасло его отъ преслѣдованій. Министръ Вязмитиновъ жаловался, что человѣкъ, „не имѣющій ни малѣйшаго понятія о началахъ науки (хотя Яценко печаталъ выдержки изъ сочиненія Ж. Б. Сея, считавшагося тогда первымъ авторитетомъ), дерзаетъ дѣлать примѣненія и сравненія относительно мѣръ, принятыхъ или пріемлемыхъ правительствомъ въ разныя времена, по части государственнаго хозяйства". И за пропускъ этихъ статей Цензурному Комитету сдѣланъ былъ выговоръ. Изъ другихъ внутреннихъ вопросовъ затронутъ былъ дворяниномъ Правдинымъ вопросъ *о почтѣ*, по случаю появленія брошюры „Отрывки, содержащіе въ себѣ нѣкоторыя разсужденія о почтахъ и почтовой гоньбѣ", гдѣ предлагалось между прочимъ возвышеніе прогонныхъ денегъ. Правдинъ возстаетъ противъ этого новаго налога на всѣхъ, имѣющихъ нужду въ почтовомъ сообщеніи исключительно въ пользу ямщиковъ и почтъ-содержателей. Онъ доказываетъ, что существующая плата прогоновъ представляетъ достаточное вознагражденіе, что злоупотребленія, вызывающія со стороны почтъ-содержателя затрату излишнихъ расходовъ, должны быть, помимо возвышенія платы, уничтожены и что для возвышенія государственныхъ доходовъ существуютъ другіе источники. Замѣчателенъ проэктъ А. Арсеньева о винномъ откупѣ, очень сходный съ существующими теперь узаконеніями по питейной части. Арсеньевъ предлагаетъ вмѣсто существовавшихъ тогда откуповъ по губерніямъ и уѣздамъ сдавать съ торговъ каждый кабакъ въ отдѣльности, установить акцизъ съ вина и пива въ 50 к. ас. съ ведра и закрыть казенные винокуренные заводы. Помѣщикамъ предоставлялось право оставлять за собою кабакъ въ чертѣ ихъ имѣнія по цѣнѣ, состоявшейся на торгахъ; кабаки въ селеніяхъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ должны были перейти къ селеніямъ, а въ городахъ въ вѣдѣніе магистратовъ. Сторонній сотрудникъ, въ виду неудобствъ доставленія адресатамъ почтовой корреспонденціи, предлагалъ устройство въ столицахъ внутренней почты, на манеръ теперь существующей городской, и почтовыхъ ящиковъ при полицейскихъ будкахъ. Всѣ эти статьи помѣщены были въ 1817 году, но дальнѣйшее помѣщеніе статей по внутреннимъ вопросамъ повидимому пріостановлено было по распоряженію цензуры: по крайней мѣрѣ съ 1818 года статей такого рода

уже не встрѣчается и книжки журнала дѣлаются все тоньше и тоньше. Это, между прочимъ, доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что окончательное рѣшеніе о закрытіи журнала сложилось въ 1819 году за помѣщеніе статьи „О сохранныхъ кассахъ", не имѣющей непосредственнаго примѣненія въ Россіи. Авторъ разсматриваетъ появленіе въ западной Европѣ фабричнаго пролетаріата и при этомъ замѣчаетъ, что сохранныя кассы единственная система „усовершенствованія" или улучшенія матеріальнаго положенія рабочихъ тамъ, гдѣ система наемничества замѣнила собою помѣстный трудъ. Мнѣнія журнала о крѣпостномъ правѣ высказаны вскользь и не съ такою опредѣленностью, какъ по другимъ вопросамъ. Это понятно: вопросъ этотъ былъ въ то время самый щекотливый, и журналу, безъ того бывшему на дурномъ замѣчаніи, затрогивать его вполнѣ искренне и свободно было опасно. Въ „Духѣ журналовъ" по этому вопросу помѣщены даже статьи, противорѣчащія общему направленію журнала. Дворянинъ Правдинъ въ статьѣ „Сравненіе русскихъ крестьянъ съ иноземными" смотритъ на русское право съ очень оптимистической точки зрѣнія, что и вызвало рѣзкую критику со стороны „Сына Отечества", принадлежавшую Куницину; въ другой статьѣ Правдинъ разсуждаетъ „О преимущественной выгодѣ крестьянъ на барщинѣ передъ оброчными". Въ заявленіяхъ, принадлежащихъ самой редакціи, просвѣчиваетъ несочувствіе самого Яценко къ помѣщеннымъ имъ статьямъ подобнаго направленія; очевидно, онѣ были уступкою тѣмъ либеральнымъ и знатнымъ „особамъ", которыя поддерживали журналъ, но, какъ всѣ люди того времени, не могли примириться съ какимъ-либо ограниченіемъ крѣпостнаго права. И всетаки, не смотря на эту сдержанность и на уступку совершенно въ духѣ господствующаго мнѣнія, журналъ подвергся осужденію за статьи, содержащія въ себѣ разсужденіе о вольности и рабствѣ крестьянъ.

Въ политическомъ отношеніи Яценко, какъ видно, стоялъ за конституціонное правленіе и за свободу печати, но прямое и послѣдовательное заявленіе подобнаго мнѣнія было слишкомъ опасно. Насколько строго можно относиться къ послѣдовательности воззрѣній того или другаго автора въ разсматриваемую эпоху, видно лучше всего изъ примѣра „Духа Журналовъ". Что самъ Яценко въ политическихъ вопросахъ держался либеральнаго направленія — это доказать не трудно. Въ самомъ началѣ

редакторъ и не скрывалъ этого, помѣщая всѣ извѣстія, гдѣ только затрогивали вопросъ о конституціи, напр. нота Ганноверскихъ уполномоченныхъ о возстановленіи земскихъ чиновъ въ германскихъ владѣніяхъ; переведенная изъ Гамбургскаго журнала статья: „Какъ могутъ 26 милліоновъ народа противъ воли покоряться немногимъ тысячамъ человѣкъ", гдѣ на примѣрѣ Франціи, во время возвращенія Наполеона въ 1815 г., доказывается, какое давленіе на народъ можетъ оказывать дисциплинированная армія и какъ мало она служитъ выраженіемъ дѣйствительныхъ народныхъ желаній и потребностей. Впослѣдствіи Яценко, несмотря на стѣсненія, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы поднять вопросъ въ этомъ смыслѣ: такъ, когда въ 1818 г. Высочайше дарована была конституція Польшѣ и произнесена была извѣстная рѣчь Императоромъ Александромъ, Яценко въ первой книжкѣ 1819 года помѣстилъ обратившую на себя вниманіе статью подъ заглавіемъ „Чего требуетъ духъ времени? чего желаютъ народы?", гдѣ весьма энергически и основательно указывается на первомъ мѣстѣ допущеніе народныхъ представителей ([78]). Очень важное мѣсто въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ занимали въ журналѣ „Письма одного нѣмца изъ Америки" (изъ Филадельфіи, Балтиморы, Вашингтона), гдѣ излагались всѣ выгоды политическаго устройства и свободы печати въ Соединеныхъ Штатахъ—статьи, по указанію самого редактора, обратившія на себя общее вниманіе. И несмотря на это, въ виду необходимой уступки, Яценко долженъ былъ помѣщать статьи: „Не въ конституціяхъ благо народа", переводъ изъ посланія епископа Троаскаго, „Нерѣдко конституціи ускоряютъ гибель государствъ". Журналъ обращалъ вниманіе исключительно на Англію и Сѣверную Америку. Такъ въ немъ помѣщены: „Обзоръ англійской и американской конституціи", „Историческій обзоръ англійскаго банка", „Біографія политическихъ дѣятелей при королѣ Георгѣ III" (изъ Hist. memoirs of my own time, by Wraxoll), статьи объ экономическомъ положеніи Англіи, пренія въ англійскомъ парламентѣ о хлѣбныхъ законахъ и о политическихъ вопросахъ, нѣсколько статей о различныхъ учрежденіяхъ въ сѣверо-американскихъ штатахъ. Въ числѣ переводныхъ отрывковъ помѣщена рѣчь Люлли Таландаля, гдѣ доказывается необходимость и польза свободы книгопечатанія вообще и въ особенности для журналовъ. Это, по преимуществу, полити-

ческое и экономическое направленіе журнала выражалось и въ переводахъ, и въ критическихъ разборахъ. Такъ переведены: отрывки изъ руководствъ Ж. Б. Сея, Шаптала (de l'industrie française); Сисмонди (nouveaux principes de l'economie politique); изъ Бентама о лихоимствѣ; такъ помѣщенъ подробный разборъ соч. К. Арсеньева „Начертаніе статистики россійскаго государства", вызвавшей полемику съ „Сыномъ Отечества", гдѣ появился отвѣтъ на этотъ разборъ (1819, №№ 10, 11 и 13); не оконченный разборъ Н. Тургенева „Опытъ о теоріи налоговъ", который начинается съ длиннаго возраженія противъ положенія, заимствованнаго Тургеневымъ у Бентама—„всякій законъ есть зло, ибо всякій законъ есть нарушеніе свободы"; обстоятельный разборъ разсужденія Мордвинова „О могущихъ послѣдовать пользахъ отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ", гдѣ доказывается непрактичность приведенныхъ Мордвиновымъ разсчетовъ; изложеніе содержанія книги Гр. Стройновскаго „Всеобщая экономія народовъ".

За то въ литературномъ отношеніи „Духъ Журналовъ" не представляетъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго, да это, впрочемъ, и не входило въ его разсчетъ. Стихотворный отдѣлъ въ немъ хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь. За исключеніемъ вышеупомянутыхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона, изъ числа сколько-нибудь извѣстныхъ поэтовъ въ немъ принимали участіе: Гр. Хвостовъ, Б. Ѳедоровъ, Анна Волкова и П. Корсаковъ, а затѣмъ слѣдуютъ совершенно неизвѣстные и самые бездарные (Лузановъ, Свѣчинъ, Полетика, Мацневъ, Ив. Бахтинъ, Мандорфъ, Ив. Кокошкинъ и другіе). Изъ оригинальныхъ повѣстей помѣщена небольшая повѣсть Бахтина „Степаша или добродѣтельное воспитаніе", написанная въ 1799 году; изъ переводныхъ—„Гласъ совѣсти", истинное происшествіе, изъ Мейснера, въ первые два года—нѣсколько повѣстей изъ Бульи въ отвѣтъ на требованіе какихъ-нибудь „воспитательныхъ статей" для молодаго возраста. Отношеніе самого Яценко къ крупнымъ современнымъ явленіямъ иностранной литературы очень странное. Такъ, въ заключительной статьѣ, указывая на помѣщенные имъ въ переводахъ съ французскаго разборы Шлегеля и Фихте, Яценко говоритъ: „остроумная критика на Шлегеля, можетъ-быть, остережетъ нашихъ молодыхъ литераторовъ отъ уродливаго вкуса нѣмецкихъ драматическихъ писателей, а критика Фихте отвратитъ можетъ-быть педантовъ углуб-

ляться въ безпонятную Кантову философію". Переведенный также съ французскаго разборъ драмы Шиллера „Марія Стюартъ" содержитъ такой приговоръ: „ни одна комедія на нашихъ лубочныхъ театрахъ не имѣетъ столько *тусности*, сколько я нахожу въ Шиллеровской трагедіи Марія Стюартъ". Критическихъ разборовъ очень мало. Изъ чисто литературныхъ произведеній разобранъ только переводъ Тасса, сдѣланный Мерзляковымъ.

Вообще „Духъ журналовъ", насколько было возможно при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, былъ единственный журналъ, представлявшій собою цѣльное направленіе и имѣвшій опредѣленныя задачи: въ политическомъ отношеніи онъ проводилъ конституціонныя начала, а въ экономическомъ—свободу торговли, теорія которой въ то время только-что появилась въ области политической экономіи. Журналъ, какъ видно, встрѣченъ былъ съ сочувствіемъ: редакторъ о многихъ статьяхъ говоритъ, что на нихъ было обращено общее вниманіе и что журналъ его поступалъ въ руки „знатныхъ особъ". Любопытно отношеніе тогдашней журналистики къ разсматриваемому журналу. Она вся встрѣтила его недружелюбно, такъ что редакція въ своихъ отвѣтахъ говоритъ объ общемъ противъ нея заговорѣ. Сначала это была боязнь за свои интересы: редакторы вообразили себѣ, что „Духъ журналовъ" будетъ цѣликомъ перепечатывать лучшія статьи изъ русскихъ журналовъ и такимъ образомъ пріобрѣтать себѣ подписчиковъ на чужой счетъ. Но когда это не оправдалось, стали укорять въ противномъ—зачѣмъ нельзя тамъ найти ничего изъ напечатаннаго у другихъ. Мы видѣли, что „Духъ журналовъ" преимущественно занимался Англіею; по этому поводу „Вѣстникъ Европы" замѣчаетъ: смѣшны подражатели французамъ, но не менѣе смѣшны и англоманы; пусть русскій выродокъ въ Англіи восхищается легіонами дѣловыхъ нищихъ, воровъ и разбойниковъ, у насъ не надлежало бы печатать этихъ бредней, или по крайней мѣрѣ безъ достаточныхъ замѣчаній (1815, 3, 217). Журнальная критика даже не стѣснялась нападать на самую уязвимую сторону противника. Тотъ же „Вѣстникъ Европы" говоритъ: издатели его стараются отличиться какимъ-то.... *тономъ*, вовсе непристойнымъ русскому журналу и приносящимъ мало чести его издателямъ у людей благомыслящихъ (№ 18, 138). Въ числѣ нападавшихъ на „Духъ журналовъ" оказался даже Е. Измайловъ. Когда „Духъ журналовъ" уже прекратился, въ

„Сынѣ отечества", въ статьѣ „Обзоръ журналовъ" (1821 года) говорится: „Здѣсь судили о правленіи разныхъ государствъ, о законахъ, финансахъ, торговлѣ, тарифѣ, благоустройствѣ, причинахъ благоденствія и величія народовъ, часто весьма справедливо, но часто и ошибочно, *съ какою-то неумѣстною рѣшительностью.*

Что же могла дать тогдашняя журналистика при такихъ тяжелыхъ условіяхъ? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, должно прежде всего познакомиться съ характеромъ и направленіемъ главныхъ ея дѣятелей. Корифеями нашей журналистики двадцатыхъ годовъ были Каченовскій съ своимъ „Вѣстникомъ Европы" и Гречъ съ „Сыномъ Отечества". Каченовскій прежде всего былъ ученый въ собственномъ смыслѣ этого слова и такимъ онъ явился и въ своемъ журналѣ. Къ вопросамъ политическимъ и общественнымъ онъ былъ вполнѣ индифферентенъ и если касался ихъ, то мимоходомъ, только потому, что журналъ болѣе или менѣе требовалъ на нихъ отвѣта. Одно греческое возстаніе вывело изъ этой апатіи Каченовскаго. Грекъ по происхожденію, Каченовскій, съ самого появленія греческаго возстанія, началъ въ 1820 году печатать сочувственныя статьи изъ главнѣйшихъ Европейскихъ журналовъ, патріотическія стихотворенія: военный гимнъ грековъ, патріотическая лира Греціи (1824, № 23), біографіи знаменитыхъ дѣятелей этого движенія (Марко Воцарисъ, посланіе Колокотрони). Въ качествѣ ученаго, Каченовскій обращалъ въ своемъ журналѣ особенное вниманіе на статьи ученаго содержанія; и дѣйствительно въ этомъ отношеніи ни одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ не могъ быть поставленъ на ряду; репутація „Вѣстника Европы", какъ серьезнаго журнала, была прочно установлена во время его изданія. Гречъ, въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы" (СПб. 1822 г.), несмотря на журнальное соперничество, не могъ не заявить, что Каченовскій заслужилъ вниманіе и благодарность русской публики преимущественно изданіемъ „Вѣстника Европы", который занимаетъ первое мѣсто въ числѣ русскихъ журналовъ (стр. 268). Не только московская, писалъ Дмитріевъ А. И. Тургеневу въ 1819 г., но вся наша литература, кажется, заключается въ одномъ Каченовскомъ; публика время отъ времени болѣе узнаетъ цѣпу его и, если онъ не устанетъ въ продолженіе года издѣваться надъ исторіографомъ, то вѣроятно принесетъ журналомъ своимъ значительный доходъ университету (на счетъ котораго издавался „Вѣстникъ Европы").

(Прив. у Иконникова, скептическая школа въ Р. исторіографіи, К. 1871, стр. 49 Прим.). Каченовскій имѣлъ для этого подъ рукой самыя удобныя средства. „Вѣстникъ Европы“ считался университетскимъ органомъ и въ немъ помѣщали статьи не только профессора, но всѣ молодые люди, примыкавшіе къ университету и связанному съ нимъ благородному пансіону. Даже профессора другихъ русскихъ университетовъ ученые труды свои присылали въ этотъ журналъ. Статьи по русской исторіи, помѣщенныя въ „Вѣстникѣ Европы“, были, можно сказать, единственнымъ научнымъ явленіемъ въ тогдашней журналистикѣ; на его страницахъ появились имена почти всѣхъ лицъ, серьезно занимавшихся русской исторіей въ то время: кромѣ самого редактора, Калайдовичъ, митрополитъ Евгеній, Брусиловъ, Арцыбашевъ, Бутковъ, Зубаревъ, Погодинъ, Доленго Ходаковскій, Гр. Спасскій, Кубаревъ, Снегиревъ, Берхъ, Германъ, Максимовичъ, Мурзакевичъ, Вад. Пассекъ. Каченовскій не упускалъ изъ виду замѣчательныхъ сочиненій по славянской исторіи и философіи, появлявшихся заграницею, и вообще журналъ его болѣе всѣхъ другихъ давалъ матеріалы, знакомившіе публику съ литературой и исторіей народовъ, намъ соплеменныхъ и, преимущественно, поляковъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ прямымъ предшественникомъ славянофильской журналистики и опередилъ даже современные намъ журналы. Такъ онъ помѣстилъ переводъ разсужденія „О происхожденіи русскаго языка и бывшихъ въ немъ перемѣнахъ“ извѣстнаго нѣмецкаго филолога Фатера, два извлеченія изъ исторіи польскаго народа, Бандтке, извлеченіе изъ матеріаловъ для сербской исторіи, Вука Стефановича. Вообще въ журналѣ Каченовскаго много переводовъ изъ польскихъ журналовъ. Между прочимъ Каченовскій напечаталъ двѣ статьи, и теперь еще имѣющія значеніе: „О движеніи польскаго законодательства“, Ѳад. Чацкаго, и описаніе отрывка изъ путешествія по славянскимъ землямъ, проф. Виленскаго университета, каноника Бобровскаго. Изъ журнала „Славянки“, издававшагося на нѣмецкомъ языкѣ каноникомъ Добровскимъ, Каченовскій помѣстилъ также двѣ статьи „О древнихъ славянскихъ названіяхъ 12-ти мѣсяцевъ“ и „Которое изъ славянскихъ нарѣчій можно назвать самымъ чистымъ преимущественно предъ всѣми другими“. Съ итальянскаго переведено интересное и имѣющее отношеніе къ русской исторіи сочиненіе Гроберга „Замѣчанія о

финляндцахъ и лапонцахъ" и помѣщены двѣ статьи проф. Абовскаго университета Лагуса „О финнахъ прежнихъ и нынѣшнихъ"; Каченовскій принималъ въ свой журналъ стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ.

По иностранной литературѣ Каченовскій постоянно знакомилъ читателей съ крупными учеными сочиненіями, вслѣдъ за ихъ появленіемъ. Такъ Каченовскій напечаталъ отрывки: изъ Гумбольдта путешествіе въ центральную Америку, Робертсона—исторія царствованія Карла V, изъ Сисмонди (de la litterature du midi de l'Europe), изъ Мекензи (путешествіе его въ Америку), изъ Герена (Jdeen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt), изъ Джиллиса—„Исторія Греціи", сочиненіе, которое обратило на себя особенное вниманіе тогдашней журналистики и сообщалось въ переводахъ и въ извлеченіяхъ многими журналами, изъ лекцій Гизо „О составѣ римскаго общества въ IV столѣтіи" (по Journ. des Debats), „О римской исторіи Нибура" (оттуда же). По древней философіи въ послѣднемъ году напечатано нѣсколько обстоятельныхъ статей Надеждина (за подписью Н) о философіи Платона. Только относительно нѣмецкой умозрительной философіи Каченовскій не стоялъ на уровнѣ своего времени и высказывалъ о ней странныя сужденія. Въ 1817 г. Каченовскій помѣстилъ небольшую статью: „Нѣчто о разныхъ толкахъ германской философіи", отрывокъ изъ разбора одной польской книги, подъ названіемъ „О философіи", написанной по руководству нѣмецкихъ авторовъ и въ особенности Венцеля; отрывокъ этотъ переведенъ изъ „Виленскаго Дневника" (1817 г., № 20, стр. 257 и слѣд.). Здѣсь доказывается несостоятельность нѣмецкой умозрительной философіи тѣмъ разнообразіемъ основныхъ положеній философской науки, которыя возникли между преемниками Канта. Къ этой оригинальной характеристикѣ нѣмецкой философіи Каченовскій прибавилъ отъ себя слѣдующія курьезныя примѣчанія: „непонятно, по какому чудесному обстоятельству Шеллингъ не преподаетъ ученія своего въ домѣ сумасшедшихъ! вотъ до чего доводитъ безумное желаніе—недосягаемую глубину измѣрить своимъ аршиномъ! Просимъ великодушнаго терпѣнія у читателей. Нѣмецкая галиматья и въ русскомъ переводѣ не можетъ не быть галиматьею же; а ее никакъ нельзя избѣжать, говоря о метафизикѣ нѣмецкихъ философовъ" (стр. 259). Курьезъ этотъ вызвалъ сильное волненіе въ средѣ слушателей Московской

духовной академіи. Измайловъ разсказываетъ, что, прочитавши подобный отзывъ, студенты Московской духовной академіи сначала повѣрили критикѣ и посмѣялись надъ собой, думая: „въ самомъ дѣлѣ не безуміе ли, что мы чтимъ всякія нѣмецкія бредни и силимся ихъ проникнуть, пожалуй и самъ угодишь въ домъ сумасшедшихъ; но послѣ, поговоривши со старшими, поумнѣе насъ, студентами, удивлялись, какъ такой нелѣпый отзывъ рѣшился пустить въ публику русскій университетъ". (Взглядъ на мою жизнь 128—129). Помѣщая въ 1823 году переводъ статьи Ансильона „О новѣйшихъ системахъ метафизики въ Германіи", Каченовскій въ подстрочномъ примѣчаніи выражался нѣсколько мягче: „Нѣмецкія системы у насъ мало извѣстны и немногими почитаемы. *Онѣ никогда не будутъ имѣть догматической важности*. Совсѣмъ тѣмъ любопытно знать, какими путями и до какихъ предѣловъ простираются умозрѣнія матафизиковъ нѣмецкихъ". Каченовскій до самаго конца придерживался подобнаго взгляда на нѣмецкую философію. Въ послѣднемъ 1830 году Каченовскій помѣстилъ: „Отчетъ безпристрастнаго цѣнителя системъ нѣмецкой философіи", изъ книги Des doctrines exclusives en philosophie rationnelle par L. D. Choisi, Genève 1828, заключающій поверхностный разборъ системъ умозрительной нѣмецкой философіи, сопровождая его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „и чего ради, смѣемъ спросить, изъ германскихъ головъ этотъ весь товаръ, состоящій изъ невразумительныхъ или затѣйливыхъ диковинокъ, перегрузить желаютъ въ головы русскія". Изъ сочиненій по современной философіи, кромѣ коротенькихъ и неважныхъ, переведенныхъ изъ французскихъ журналовъ, Каченовскій помѣстилъ обширную статью извѣстнаго польскаго астронома, проф. Виленскаго университета Яна Снядецкаго, выступившаго въ числѣ главныхъ противниковъ Канта,—„О философіи", 1819 г., № 11. Затѣмъ, въ видѣ прибавленія, обширную статью подъ названіемъ „Примѣчаній" (1822 г. №№ 23 и 24 и 1823 г. № 2). Рядомъ съ этимъ Каченовскій помѣстилъ и довольно слабую защиту Кантовой философіи, изложенную Андросовымъ (1823 г., №№ 3 и 61). Кромѣ того „Вѣстникъ Европы" отъ времени до времени наполнялся популярными статьями о философіи Давыдова. Это обстоятельство при совершенномъ отсутствіи оригинальныхъ статей въ другихъ журналахъ заставило Андросова выставить впередъ такую слабую заслугу Вѣстника Европы. „Обыкновенно говорятъ, что мы

еще не созрѣли для наукъ умственныхъ; разумѣется это голосъ нѣкоторыхъ, и слово *мы* принимается въ тѣсномъ смыслѣ; но если судить только по журналамъ, изъ которыхъ мы учимся, то мы и не начинаемъ еще *готовиться*. Большая часть оныхъ наполняется статьями историческими не новыми, повѣстями нелюбопытными, переведенными, легкими частными замѣчаніями о словесности, но истиннаго, умственнаго, общаго мы не видимъ. Только въ „Вѣстникѣ Европы" съ нѣкотораго времени помѣщаются статьи, которыя могутъ быть отнесены къ сему роду. Разборъ Варнеевъ Бонстетенова сочиненія о человѣкѣ, нравственные афоризмы и разборъ Сольгера заслуживаютъ все вниманіе, какъ по важности предмета такъ и по способу изложенія".

Другое отличительное качество „Вѣстника Европы" было то, что онъ до конца оставался вѣренъ своему названію и первоначальной цѣли своего изданія — знакомить читателей съ выдающимися явленіями западной литературы. Прозаическій литературный отдѣлъ журнала наполнялся исключительно переводами. Заслуга Каченовскаго въ этомъ случаѣ та, что онъ ближе всѣхъ другихъ журналовъ познакомилъ читателей съ англійскою литературою, которая въ то время была господствующею въ Европѣ. Представителями ея въ „Вѣстникѣ Европы" были: Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ и Вашингтонъ-Ирвингъ, который въ двадцатыхъ годахъ наполнялъ по преимуществу страницы нашихъ журналовъ благодаря тому, что изъ его сочиненій можно было выбирать небольшія повѣсти, удобныя для помѣщенія въ цѣломъ видѣ въ журналахъ. Въ 1820 году Каченовскій въ „Замѣткахъ" увѣдомилъ читателей, что въ Парижѣ вышло полное собраніе сочиненій лорда Байрона. Каченовскій вслѣдъ за симъ помѣстилъ „Осаду Коринѳа", въ 1821 году, „Мазепу", „Колмаръ и Орла", „Джяуръ", „Абидосская невѣста", „Оскаръ Альвинъ" одно изъ самыхъ первыхъ произведеній Байрона. Всѣ сочиненія Байрона помѣщены даже не въ точныхъ переводахъ, а въ изложеніи прозою на основаніи французскаго перевода. Въ 1820 году Каченовскій помѣстилъ отрывокъ изъ романа Вальтеръ-Скотта подъ заглавіемъ „Ричардъ Львиное сердце и пустынникъ" съ такимъ примѣчаніемъ: „Сочинитель его Вальтеръ-Скоттъ нынѣ въ чрезвычайной модѣ: не только между соотечественниками своими, но и за морями люди разныхъ партій отдаютъ справедливую похвалу его таланту". Въ концѣ перевода

Каченовскій добавилъ такую характеристику знаменитаго романиста: „Этотъ сокращенный отрывокъ *достоенъ Жилблаза.* Въ подлинникѣ онъ разсказанъ подробно. Англичане вообще любятъ слишкомъ распространяться, изображая свои портреты и характеры, и Вальтеръ-Скотта можно упрекнуть въ этомъ же порокѣ; за то красоты въ его романахъ многочисленны и разнообразны, характеры естественны, портреты вѣрны, описанія правдивы“. Въ 1825 году помѣщено нѣсколько главъ изъ романа „Ивангое“, нѣкоторыя въ сокращенномъ видѣ. Въ 1829 г. „Обойная комната“ изъ Кипсека на 1829 годъ. Изъ Вашингтона Ирвинга помѣщены повѣсти: „Ѳома Валькеръ“ (1826); „Виндзорская тюрьма“, „Царица Мая“, „Растерзанное сердце“ (1829). Въ 1825 г. Каченовскій помѣстилъ извѣстіе изъ французскаго журнала о романѣ Фенимора Купера „Ліонель Линкольнъ“, гдѣ между прочимъ содержится такой отзывъ объ этомъ писателѣ: „критика могла замѣтить недостатки въ этомъ сочиненіи, не смотря на то оно достойно чтенія и заслуживаетъ, чтобы его переводили“. Изъ нѣмецкой литературы Каченовскій познакомилъ съ Гофманомъ и Жанъ Поль Рихтеромъ. Изъ перваго переведены повѣсти: „Счастье игроковъ“ (1823), „Sanctus“, „Клермонская скрипка“ (1830), кромѣ того въ переводахъ съ французскаго: „О послѣднихъ дняхъ жизни и смерти Гофмана“ и „О фантастическихъ повѣстяхъ Гофмана“ (1830). Изъ Жанъ Поль Рихтера переведенъ небольшой отрывокъ подъ названіемъ „Мысли“ (1826) и повѣсть „Ночь несчастнаго подъ новый годъ“, изъ его „Картинъ“ (1829). На ряду съ этимъ журналъ изобиловалъ переводами повѣстей второстепенныхъ писателей, преимущественно, тогдашнихъ модныхъ французскихъ: Сарразена, г-жи Монтолье, Бульи, Лафонтена; изъ англичанъ—одного изъ подражателей Вальтеръ Скотта—Горація Смита, тоже появлявшагося въ тогдашнихъ журналахъ и др. По всему видно, что Каченовскій самъ не имѣлъ никакого устоявшагося и опредѣленнаго мнѣнія ни о литературныхъ дѣятеляхъ, ни о значеніи и направленіи даже выдающихся произведеній русской и иностранной печати, не смотря на то, что онъ занималъ каѳедру по русской словесности въ университетѣ. Каченовскій, по выраженію проф. Соловьева въ его біографіи, старался всегда удержаться въ равновѣсіи между двумя крайностями и часто садился между двумя стульями. Такъ, желая дать понятіе читателямъ о Вальтеръ Скоттѣ, Каче-

новскій обращается къ журналу преній (какъ тогда называли Journal des debats) и даже къ московскому литературному журналу (the English lit. journ. of Moscow). Въ 23-й кн. „Вѣстника Европы“ за 1821 г. помѣщено мнѣніе французовъ о лордѣ Байронѣ. Въ первой статьѣ, заимствованной изъ французскаго журнала (не обозначено какого), излагается кратко жизнь Байрона и отсюда выводится характеръ его поэзіи. Между прочимъ встрѣчается, какъ характеристика Байрона, слѣдующая фраза: „будучи увѣренъ, что добро гнѣздится въ душѣ его и что не могъ онъ употребить добро для счастья своей жизни, такой человѣкъ дѣлаетъ заключеніе, что зло находится внѣ его, то-есть въ обществѣ“. Редакторъ тотчасъ же оговаривается въ подстрочномъ примѣчаніи: такое заключеніе выводится не здравымъ разумомъ и не безстрастіемъ, оно есть плодъ безусловнаго себялюбія, противно истинѣ и вредно для общества“ (стр. 212). Все же эта первая статья проникнута сочувствіемъ къ поэзіи Байрона. Но рядомъ Каченовскій помѣстилъ другое мнѣніе, гдѣ доказывается, что въ поэмахъ Байрона нѣтъ плана, слогъ его не только теменъ и тяжелъ для головы читателя, но въ немъ есть еще ошибки противъ натуральности и грѣхи противъ вкуса. Каченовскій сопоставленіе двухъ этихъ различныхъ отзывовъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Это (послѣднее) мнѣніе во многомъ не сходно съ первымъ, но удивляться тому не должно: творенія писателя, имѣющаго Европейскую славу, читаемаго вездѣ учеными и неучеными, подлежатъ суду общему, а *вкусы читателей весьма разнообразны* (стр. 213). Въ 13 кн. 1824 г. помѣщено извлеченіе изъ „Journal des Debats“ о новыхъ одахъ Виктора Гугона и о поэзіи романической; оно сопровождается слѣдующимъ любопытнымъ примѣчаніемъ переводчика. „Викторъ Гугонъ, поэтъ не безъ дарованія, уже былъ замѣченъ французскими критиками въ нѣкоторыхъ шалостяхъ романическихъ и въ уклоненіи отъ подчиненности правиламъ здраваго вкуса“ (стр. 45 прим.). Не менѣе интересенъ отзывъ Каченовскаго о Руссо. Помѣстивши нѣсколько переводовъ изъ Руссо, Каченовскій въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ: „Сей великій философъ, между нами сказать, по странностямъ своимъ былъ чудакъ, а по заблужденіямъ, противностямъ во мнѣніяхъ своихъ и по дикой опрометчивости сумасбродъ, достойный жалости, а не подражанія“ (1810 г. Августъ, № 16, стр. 326). Что касается до критики, то

самъ Каченовскій хорошо помнилъ завѣтъ основателей своего журнала—Карамзина и Жуковскаго, признававшихъ критику за явленіе несвоевременное. Даже В. Измайловъ, принимая въ 1811 г. журналъ временно въ свое завѣдываніе, поспѣшилъ оговориться, что „отъ критики польза кажется намъ сомнительною, трудъ критики неблагодарнымъ". Поэтому и Каченовскій, какъ самъ о томъ заявлялъ, не пускался въ критику и полемику и не дѣлалъ изъ нихъ серьезнаго отдѣла въ своемъ журналѣ. Притомъ единственный разъ, когда Каченовскій самъ выступилъ на критическое поприще,—въ статьяхъ, гдѣ онъ разбиралъ предисловіе къ „Исторіи россійскаго государства" Карамзина, опытъ наглядно показалъ Каченовскому всю непріятную сторону тогдашней критики. Въ письмѣ къ Гнѣдичу Каченовскій писалъ: „12 іюля 1820 г. Не говорите Бога ради о критикѣ на исторію (Карамзина)! Досталось ужъ мнѣ и за рецензію на одно лишь *предисловіе*: одни отворачивались отъ меня, другіе меня не узнавали, третьи называли меня попеременно то сумасброднымъ, то опаснымъ человѣкомъ; иные даже старались вредить мнѣ по службѣ. Жуковскій, выругавши меня добрымъ порядкомъ въ письмѣ, прекратилъ со мною всякое сношеніе" (Р. Арх. 1868, 7 и 8, стр. 972). Впослѣдствіи самъ Каченовскій усвоилъ себѣ подобныя оригинальныя понятія о критикѣ. Когда напалъ на него Полевой въ „Телеграфѣ", Каченовскій не нашелъ ничего лучше, какъ обратиться съ жалобой къ начальству за личное оскорбленіе въ качествѣ генерала, что и вызвало на него, по справедливости, цѣлую бурю въ тогдашнемъ литературномъ обществѣ. Несмотря на личное безучастіе въ дѣлѣ критики, Каченовскій никогда не отказывалъ въ помѣщеніи критической статьи, если статья приходила къ нему со стороны, причемъ онъ не обращалъ вниманія ни на личность рецензента, ни на направленіе статьи. Такъ онъ помѣстилъ рецензію Булгарина на „Избранныя сочиненія", изданныя Воейковымъ, только потому, что статью эту отказался помѣстить у себя Гречъ. Объ одномъ и томъ же авторѣ Каченовскому ничего не стоило представить два совершенно противоположные отзыва: такъ въ 1820 году „Житель Бутырской слободы" въ статьѣ „Еще критика,—письмо къ редактору" (№ 11, стр. 213) помѣстилъ пустую, но придирчивую и недоброжелательную критику на поэму Пушкина „Русланъ и Людмила"; а въ 1823 г. М. П. (Погодинъ) помѣстилъ очень сочувственную

статью, расхваливавшую „Кавказскаго плѣнника“. Тѣмъ не менѣе изъ большинства помѣщенныхъ въ журналѣ критическихъ статей неизбѣжно вытекаетъ, что сочувствіе Каченовскаго было на сторонѣ классицизма и, только уступая общему влеченію къ торжествующему романтизму, только поддаваясь силѣ общественнаго мнѣнія, склоняющагося въ эту сторону, онъ давалъ мѣсто и произведеніямъ романтической поэзіи, и критическимъ статьямъ, болѣе или менѣе къ нимъ сочувственнымъ, въ родѣ Погодинской. Это естественно. Воспитанный въ строгихъ правилахъ классической французской риторики Каченовскій не могъ вдругъ перейти на совершенно противоположную сторону и понять сразу внутреннее достоинство произведеній, представлявшихъ по внѣшней своей формѣ отрицаніе привычныхъ и шаблонныхъ правилъ, въ которыя Каченовскій вѣрилъ, какъ въ непреложный догматъ. Лучшимъ доказательствомъ, на сколько научная рутина мѣшаетъ даже талантливому человѣку освоиться съ самобытными явленіями въ области мысли, не признающими лежащей на ней ферулы, служитъ Надеждинъ, скрасившій своими статьями вымираніе Вѣстника Европы. Въ своихъ урокахъ въ Рязанской семинаріи въ 1825 году Надеждинъ, рекомендуя въ смыслѣ образцевъ для краснорѣчія Св. Писаніе и отечественныхъ классиковъ Ломоносовскаго и Державинскаго періода, предостерегаетъ слушателей отъ увлеченія западною литературой, предупреждая ихъ, что тамъ „господствующій характеръ новыхъ мыслителей и авторовъ, особенно въ извѣстныхъ странахъ Европы, составляетъ суетное остроуміе и дерзкое вольномысліе, прикрытое обольстительными прикрасами ложнаго краснорѣчія“. Въ „Вѣстникѣ Европы“ Надеждинъ выступилъ прежде всего въ качествѣ совершенно лишеннаго таланта иплохаго даже въ смыслѣ тогдашнихъ поэтическихъ бездарностей поэта; его стихотворныя піэсы по своему характеру и направленію совершенно подходятъ къ тогдашней манерѣ напыщеннаго и избитаго по содержанію риѳмоплетства. Сюда относятся стихотворенія Надеждина: „Промыслъ человѣка“ изъ Ламартина (1828, № 8, 293), „Пѣснь красотѣ“ (тамъ же № 07, 30); въ 1829 г. „Воспоминанія“ (№ 1), „Рапсодія“ изъ Козегартена (Подп. Н. Н. № 4, 303), „Хижина на горахъ Валдайскихъ“ (№ 8), „Жалоба“, „Въ день рожденія“, „Элегія“, „Жалоба“ (въ томъ же году). Отъ поэзіи Надеждинъ тотчасъ же перешелъ къ занятію, для него болѣе сподручному—критикѣ. При первомъ своемъ

выступленіи Надеждинъ заявилъ себя поклонникомъ старыхъ классическихъ пріемовъ въ области критики и отсюда началъ свою борьбу съ романтизмомъ; этимъ и объясняется его преобладающее сотрудничество въ послѣдніе два года изданія „Вѣстника Европы". Надеждинъ оплакиваетъ, что въ романтической поэзіи „законодательная власть здраваго вкуса признана торжественно несовмѣстной съ безусловной свободой генія и отвергнута, какъ тиранское злоупотребленіе; освѣщенныя древностью и оправданныя вѣковыми опытами правила, составлявшія доселѣ *коренное* уложеніе критическаго судопроизводства, провозглашены постыдными оковами, осрамляющими безграничное самодержавіе творящаго духа, и отринуты съ поруганіемъ и презрѣніемъ. какъ ребяческія погремушки, забавляющія раболѣпную посредственность" 1824 г., № 8, 289). Выдающійся талантъ помогъ Надеждину скоро сбросить съ себя эти школьныя, традиціонныя оковы; мало-помалу онъ усвоилъ себѣ взглядъ на искусство, выработанный нѣмецкою философіей. Въ статьѣ „Искаженіе романтической поэзіи" Надеждинъ является уже совершенно самостоятельнымъ, отрекается отъ классицизма и высказываетъ такія требованія, которыя литература исполнила только въ ближайшія къ намъ времена. Участіе Надеждина въ „Вѣстникѣ Европы" продолжалось не долго и не исчерпываетъ всей его критической дѣятельности, имѣвшей важное значеніе въ исторіи русской мысли, и потому мы изложимъ оцѣнку ее въ свое время, говоря объ эпохѣ тридцатыхъ годовъ, когда дѣятельность Надеждина вполнѣ развилась и опредѣлилась. Журналъ Каченовскаго былъ съ самаго начала поприщемъ для критической дѣятельности Мерзлякова, самаго даровитаго представителя старой, классической критической школы. Рядомъ съ этимъ Каченовскій охотно давалъ мѣсто въ своемъ журналѣ всѣмъ критикамъ-классикамъ, восхвалявшимъ нелѣпыя, но вѣрныя стариннымъ литературнымъ традиціямъ поэмы, въ родѣ „Величія Россіи" Волкова и при всякомъ удобномъ случаѣ вооружавшимся противъ новѣйшихъ писателей романтиковъ. Въ одной изъ первыхъ полемическихъ битвъ между кн. Вяземскимъ, присоединившимъ къ изданію „Бахчисарайскаго фонтана" разговоръ между издателемъ и классикомъ въ защиту романтизма, и Дмитріевымъ, выступившимъ противъ положеній кн. Вяземскаго, Каченовскій далъ въ своемъ журналѣ пріютъ Дмитріеву, придумавшему такую оригинальную характеристику тогдашней нашей романтиче-

ской школы: „отличительный признакъ сей школы состоитъ въ какой-то смѣси мрачности съ сладострастіемъ, быстроты разсказа съ неподвижностью дѣйствія, пылкости страстей съ холодностью характеровъ, а у плохихъ подражателей новой школы есть еще свойственный имъ однимъ признакъ, состоящій въ томъ, что части картинъ ихъ разбросаны, несоотвѣтственны одна другой и не окончены, чувства неопредѣленны, языкъ тёменъ“ (В. Е. 1824, кн. 5, стр. 49). Журналъ Каченовскаго, представлявшій первый у насъ опытъ серьезнаго, *ученаго журнала*, важенъ еще тѣмъ, что онъ радушно помѣщалъ на своихъ страницахъ труды молодыхъ людей, только что выступавшихъ на литературное поприще. Такъ, здѣсь начали свое поэтическое поприще Писаревъ, М. Дмитріевъ, Полежаевъ. Изъ лицъ занимающаго насъ кружка здѣсь печатали первыя свои произведенія кн. Одоевскій, Погодинъ, Шевыревъ, А. С. Норовъ и А. И. Кошелевъ, которому, по всей вѣроятности, принадлежитъ статья „О нынѣшней Персіи“ (В. Евр. 1827 г. № 7, стр. 215—221, заимствованная изъ Н. Р.). Лучшая пора „Вѣстника Европы“ оканчивается 1825 годомъ. Съ этимъ годомъ журналъ измѣнился и началъ быстро ухудшаться. Прежніе сотрудники начали мало-помалу отъ него отходить: еще съ 1820 года московскіе поэты М. Дмитріевъ и Писаревъ появились въ „Сынѣ Отечества“. Поступившіе на мѣсто прежнихъ новые сотрудники не имѣли ни такой учености, ни таланта, ни литературной привычки. Даже стихотворный отдѣлъ значительно упалъ: въ немъ появились неизвѣстные, бездарные и теперь окончательно забытые поэты— убійственный поэтъ изъ Оренбурга П. Кудряшевъ, Сарандинаки, Кобозевъ, учавствовавшій въ журналѣ Невзорова „Другъ Юношества“, Алякритскій (74) и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнившееся направленіе журналистики отразилось и на „Вѣстникѣ Европы“. „Сынъ Отечества“ ввелъ въ моду библіографію и критику, которая съ выступленіемъ на сцену новыхъ журналовъ въ 1825 году обратилась въ ожесточенную полемическую войну. Волей-неволей Каченовскій долженъ былъ подчиниться этому направленію и отвести критикѣ видное мѣсто въ своемъ журналѣ. Въ своемъ объявленіи объ изданіи журнала въ 1829 году Каченовскій прямо высказываетъ, что безпристрастная и чуждая личностей критика есть одно изъ существенныхъ условій журнала. Этимъ объясняется литературная связь его съ Надеждинымъ, и надо признаться, что выборъ

Каченовскаго въ этомъ случаѣ былъ самый счастливый. Въ послѣднемъ 1830 году Каченовскій ввелъ въ своемъ журналѣ постоянный отдѣлъ библіографіи, русской и иностранной. Но уже по „Вѣстнику Европы“ было очевидно, что старая журналистика первой четверти нашего вѣка отжила и на смѣну ея должна была появиться другая, видно, что прежніе литературные кружки разлагались, происходила новая группировка рабочихъ силъ на этомъ поприщѣ, потребность обновленія дѣлалась осязательной. Нарождалось новое поколѣніе писателей, воспитанныхъ подъ иными условіями быстро двигавшейся въ ту эпоху европейской культуры и живаго обмѣна между народами, сплоченными между собой событіями только что окончившейся великой борьбы; въ Россіи появился Пушкинъ и вслѣдъ за нимъ цѣлая вереница талантливой молодежи, смѣло выступившей на новое поприще литературной дѣятельности. Къ этому въ Москвѣ присоединились толчекъ, данный распространенію въ обществѣ шеллингизма съ возвращеніемъ Павлова изъ-за границы въ 1820 году и результаты критической дѣятельности Мерзлякова. Старая московская журналистика должна была посторониться и дать мѣсто новой, какъ во времена Карамзина уступила ему свое мѣсто журналистика Новиковской эпохи. Это во время созналъ и самъ Каченовскій. Оканчивая свой журналъ 1830 годомъ Каченовскій отъ лица „Вѣстника Европы“ заявилъ, что „умираетъ смертью обыкновенною, *по чину естества*, неизбѣжною для всѣхъ органическихъ созданій“.

Гречъ принадлежалъ къ тому извѣстному тріумвирату (Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій), который властвовалъ неограниченно въ нашей журналистикѣ тридцатыхъ годовъ. За этимъ тріумвиратомъ осталось въ исторіи не красивое, но заслуженное имя благонамѣренной, консервативной, мелочно-завистливой и поверхностной журналистики, неспособной оцѣнить ни проявленія самобытнаго таланта, ни живой, свободной мысли журналистики, преслѣдовавшей, главнымъ образомъ, въ литературѣ цѣли своекорыстныя, всякими дозволенными и недозволенными средствами. Само собою разумѣется, что снимать это нареканіе было бы предпріятіе и неумѣстное, и безплодное, такъ какъ факты, его подтверждающіе, слишкомъ ярки и несомнѣнны. Но относясь къ вопросу объективно, какъ и слѣдуетъ во всякомъ историческомъ изложеніи, куда не должны переноситься общественныя страсти и личныя

симпатіи и антипатіи, необходимо уяснить себѣ: а) когда дѣятельность каждаго изъ членовъ тріумвирата приняла то направленіе, которое возбудило противъ нихъ общественное мнѣніе, b) помимо своей зазорной стороны какія услуги каждый въ свою очередь оказалъ обществу, ибо безъ всякихъ услугъ, одною подлостью нельзя пріобрѣсти того значенія, какое имѣли въ свое время члены тріумвирата. Отголосокъ общественнаго мнѣнія современниковъ и ближайшаго потомства сливаетъ въ одно цѣльное чувство всѣ хорошія и дурныя стороны дѣятельности извѣстнаго лица и этимъ опредѣляетъ степень его нравственнаго вліянія; но такое убѣжденіе не можетъ служить единственнымъ критеріемъ для опредѣленія значенія болѣе или менѣе крупнаго литературнаго дѣятеля въ данную эпоху, такъ какъ кромѣ нравственнаго элемента каждый вноситъ въ общественный оборотъ извѣстный запасъ умственнаго труда, извѣстный отвѣтъ на поставленныя задачи и такимъ образомъ выполняетъ свою долю участія въ общемъ движеніи. Дѣятельность журнальнаго тріумвирата созрѣла уже въ тридцатыхъ годахъ, а до тѣхъ поръ каждый изъ членовъ шелъ отдѣльно, своей дорогой. Въ царствованіе Императора Александра Гречъ подвергался преслѣдованіямъ: онъ привлеченъ былъ, хотя совершенно случайно, какъ хозяинъ типографіи, къ дѣлу о печатаніи книги Госнера; Гречъ подозрѣвался даже въ революціонномъ направленіи, какъ учитель и инспекторъ военныхъ Ланкастерскихъ школъ. Гречъ никогда не былъ искреннимъ и серьезнымъ либераломъ, въ чемъ всего лучше можно убѣдиться чтеніемъ его „записокъ"; для него идеаломъ представлялся внѣшній порядокъ, поддерживаемый полицейскими мѣрами, не обращая вниманія на то, что этотъ порядокъ внутри себя скрывалъ полный застой мысли и внутреннее нравственное разложеніе. Правда, Гречъ говоритъ про себя: „я былъ въ то время отъявленнымъ либераломъ, напитавшись этого духа въ краткое пребываніе мое во Франціи въ 1817 г." (Зап. стр. 446). Но онъ самъ же спѣшитъ прибавить, что „при началѣ „Сѣверной Пчелы" я уже вытрезвился отъ либеральныхъ идей волею и неволею" (стр. 450). Что такое либералы подобнаго рода, мы научились цѣнить въ недавно прошедшее время. Мало ли было либераловъ въ памятную эпоху освобожденія крестьянъ, когда быть либеральнымъ было общепринято и выгодно, либераловъ, которые, казалось, готовы на все во имя своихъ

принциповъ, но которые мгновенно перевернули фронтъ, какъ скоро только въ воздухѣ почуялась перемѣна настроенія. Но во всякомъ случаѣ до сближенія своего съ Булгаринымъ Гречъ не заискивалъ въ правительствѣ; такъ или иначе онъ выражалъ свои собственныя, независимыя убѣжденія и желалъ принести посильную услугу обществу. Бѣлинскій относительно Греча пришелъ къ заключенію, что „Гречъ не поэтъ, не ученый, но литераторъ, по достоинству занимающій въ нашей литературѣ одно изъ видныхъ мѣстъ и оказавшій ей большія услуги". Значеніе *литератора* Бѣлинскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „литераторъ—человѣкъ, который, не произведя ничего прочнаго, безусловно имѣющаго всегдашнюю цѣну, пишетъ много такого, что имѣетъ цѣну современности, не научая даетъ средства научаться, не восторгая, доставляетъ удовольствіе". Поворотъ къ худшему вызванъ былъ въ Гречѣ его связью съ Булгаринымъ, съ которымъ онъ трудился вмѣстѣ надъ изданіемъ „Волшебнаго Фонаря", или „Литературныхъ Листковъ", печатавшихся въ видѣ прибавленія къ „Сѣверному Архиву", и сошелся окончательно въ 1825 году, когда они начали вмѣстѣ изданіе „Сѣверной Пчелы" и продолжали „Сынъ Отечества" и „Сѣверный Архивъ". Гречъ не скрываетъ въ своихъ запискахъ ни безнравственности Булгарина, ни дурнаго его на себя вліянія. По словамъ Греча въ Булгаринѣ „скрывалась только исключительная жадность къ деньгамъ, имѣвшая цѣлью не столько накопленіе богатства, сколько удовлетвореніе тщеславія. Признаюсь—говоритъ онъ—если бы я зналъ, каковъ Булгаринъ дѣйствительно, я ни за что не вошелъ бы съ нимъ въ союзъ. Когда я убѣдился въ возрастаніи недружелюбія, зависти и злобы въ Булгаринѣ, надобно бы было расторгнуть нашу связь, но отъ нея зависѣло благосостояніе моего семейства" (447 и 448). Журнальное свое поприще Гречъ началъ, какъ мы видѣли, въ лучшемъ Петербургскомъ литературномъ кружкѣ того времени—въ Обществѣ любителей русской словесности, наукъ и художествъ, когда оно занято было изданіемъ „Петербургскаго Вѣстника". Въ этомъ журналѣ, отличавшемся, главнымъ образомъ, критическимъ направленіемъ, Гречъ по этой части былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ. Дѣятельность свою въ этомъ направленіи Гречъ продолжалъ и сдѣлавшись самостоятельнымъ редакторомъ: она-то именно опредѣлила значеніе его журнала и придала ему цѣну въ глазахъ современнаго общества. До 1825 года,

т.-е. до соединенія съ Булгаринымъ, Гречъ помѣщалъ въ „Сынѣ Отечества“ самую полную библіографію книгъ, выходившихъ за это время по всѣмъ отраслямъ, вмѣстѣ съ краткими отзывами объ ихъ достоинствѣ. Отзывы эти относительно дурныхъ изданій часто ограничивались коротенькою насмѣшкою, иногда уничтожающею разбираемое сочиненіе надежнѣе пространной рецензіи. Гречъ въ этомъ случаѣ былъ прямымъ предшественникомъ Сенковскаго, употреблявшаго тотъ же пріемъ только съ большимъ остроуміемъ, но съ меньшею осторожностью. Критическая дѣятельность Греча имѣла большое значеніе для общества; еще и теперь эта, такъ сказать, предупредительная критика спасаетъ читателя отъ дурныхъ и безполезныхъ книгъ, руководя до нѣкоторой степени выборомъ его въ чтеніи, но на литераторовъ навела панику и возбудила къ Гречу глубокую ненависть. При самомъ еще началѣ одинъ изъ числа обиженныхъ, укрывавшихся обыкновенно на страницахъ „Вѣстника Европы“, обратился къ редактору съ такой слезницей: „Состраданіе къ соотчичамъ и любовь къ словесности заставляютъ меня просить васъ вступиться за нашихъ сочинителей, переводчиковъ и издателей новыхъ книгъ. Сужденія о нихъ журнала „Сына Отечества“, кажется мнѣ, слишкомъ строги и даже могутъ быть вредны нашей литературѣ“. Другой сотрудникъ „Вѣстника Европы“ заявляетъ, что похвалы Греча, укоры, приговоры почитались закономъ; самое молчаніе, самые крестики и звѣздочки (значки, употреблявшіеся въ библіографіи при заглавіи книгъ, о которыхъ не помѣщалось отзыва), повидимому маловажные значки, впослѣдствіи сдѣлались очень важными, отправляли должность критики и имѣли удивительное дѣйствіе надъ сочинителями и книгопродавцами (7 и 8, 226). Третій съ сожалѣніемъ удостовѣряетъ, что „читатели столь привыкли къ приговорамъ журналистовъ, невыгоднымъ для самолюбія авторовъ, столько любятъ находить въ нихъ (т.-е. приговорахъ) эпиграммы и насмѣшки!“ (1821). Неудовольствія не смутили Греча, не разъ онъ повторялъ: „пусть бранятъ сочинителя современной русской библіографіи за краткіе, рѣзкіе приговоры его глупымъ и нелѣпымъ книгамъ. Онъ обѣщаетъ друзьямъ и недругамъ своимъ, что, никогда не отстанетъ отъ своей привычки, и всегда будетъ называть черное чернымъ, бѣлое бѣлымъ, глупое глупымъ; къ сему побуждаетъ его не только долгъ издателя журнала, читаемаго во всѣхъ краяхъ Россіи, но и увѣренность въ пользѣ сихъ

замѣчаній. Гдѣ столько печатаютъ переводовъ съ французскаго, какъ у насъ, тамъ критика становится уже необходимою, не столько для оцѣнки дарованій у себя, какъ для обнаруживанія дурнаго вкуса въ тѣхъ, которымъ преимущественно привыкли подражать. Лессингъ, одинъ изъ величайшихъ критиковъ въ Германіи, возникъ прежде, нежели образовалась истинная нѣмецкая литература, и сколько онъ принесъ пользы нѣмецкой словесности! А мы почти въ томъ положеніи, въ которомъ находились нѣмцы, прежде нежели Виландъ началъ писать, и предразсудокъ Фридриха II противъ своего языка дѣйствовалъ еще надъ многими умами" (1814 № 39, стр. 8). Но не всегда Гречъ называлъ черное чернымъ и бѣлое бѣлымъ. Такъ, напримѣръ, когда вышла книга Галича „Исторія философскихъ системъ", Гречъ отозвался объ ней иронически, заявляя, что онъ никогда не могъ дойти до втораго листа, отдалъ ее читать пріятелю, который зналъ по нѣмецки, и пріятель, сначала думавшій, что книга написана по русски, нашелъ, что она нѣмецкая. Этотъ незаслуженный ироническій отзывъ вызвалъ въ „Вѣстникѣ Европы" возраженіе, подписанное П. С. гдѣ авторъ, „осуждая непримиримую ненависть нашихъ поэтовъ и словесниковъ къ философіи", называетъ книгу Галича „неоцѣненнымъ подаркомъ для тѣхъ, которые безъ предразсудковъ, съ искреннимъ расположеніемъ и доброю волею желаютъ познать истину". Гречъ отвѣтилъ на эту полемику, признаваясь, что онъ разбиралъ книгу Галича *шуткою*, но въ то же время выписалъ изъ нея цѣлый рядъ тяжелыхъ оборотовъ. Это было до нѣкоторой степени справедливо, хотя діалектическое построеніе умозрительной философіи, требующее особой, тонкой терминологіи, въ то время у насъ совершенно не обработанной, само подавало поводъ къ нѣкоторой неясности, такъ что выставлять впереди всего этотъ недостатокъ Галича было несправедливо. Но хуже всего то, что Гречъ въ томъ же самомъ году самъ помѣстилъ переводъ съ англійскаго „О происхожденіи искусствъ", Созоновича, котораго рѣшительно понять нельзя, и въ сравненіи съ которымъ книга Галича — образецъ ясности и легкости слога. Отзываясь иронически о Галичѣ Гречъ о книгѣ Велланскаго „Свѣтъ и теплота", изъ Окена помѣстилъ рецензію, гдѣ сказано: „сочиненіе сіе есть одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній новѣйшей теоріи. Оно наиболѣе отличается какъ глубокомысленностью, такъ и основательностью раз-

сужденій о сей матеріи. Въ сей книгѣ убѣдительнѣйшими доводами опровергнуты произвольныя предположенія двухъ господствующихъ доселѣ теорій о свѣтѣ такъ, что, можно сказать *ощупью* (?), каждый любителей физики найдетъ несовершенство оныхъ". Между тѣмъ относительно ясности изложенія и легкости языка Велланскій далеко уступаетъ Галичу. Привычка относиться съ заслуженною ироніею къ дурнымъ книгамъ нечувствительно придала рецензіи тонъ заносчивый, рѣзкій и переходящій въ брань; авторъ разбираемаго сочиненія представлялся какъ бы личнымъ врагомъ, къ которому слѣдовало *придираться* (выраженіе, которое Гречъ самъ считалъ наивно обязанностью рецензента), котораго слѣдовало разругать. Анд. Раевскій въ предисловіи къ своимъ воспоминанімъ о о походахъ 1812 и 1813 годовъ, изданнымъ въ 1822 году, говоритъ: „издавая въ свѣтъ сіи записки я не ищу ни славы писателя, ни одобренія журналистовъ: *критика обратилась нынѣ въ ругательство*". До какой степени этотъ общій духъ заразилъ даже людей серьезныхъ и умныхъ, доказываетъ разборъ изданнаго харьковскимъ профессоромъ Успенскимъ извѣстнаго „Опыта повѣствованій о древностяхъ россійскихъ", написанный Строевымъ. Строевъ былъ самъ археологъ и хорошо понималъ цѣну сборника Успенскаго, не утратившуюся до сихъ поръ, но онъ нападаетъ на автора за отсутствіе ученой разработки и системы, желая видѣть не сырой матеріалъ, а сводъ результатовъ, тогда какъ въ то время именно важно было собраніе матеріаловъ, которому Строевъ самъ посвятилъ цѣлую свою жизнь. Успенскій отвѣтилъ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" и „Сынѣ Отечества"; но Строевъ въ своемъ отвѣтѣ продолжалъ свои возраженія въ томъ же направленіи. Рецензія скоро обратилась въ полемику и сдѣлалась еще нетерпимѣе и придирчивѣе, дѣло переходило въ личность, и страницы журнала наполнялись перебранками между собою по самому ничтожному поводу. Первымъ поводомъ къ полемикѣ, съ самаго начала относительно скромной, послужило изданіе Воейковымъ „Собранія русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ", Спб. 1810 г. Изданіе это произвело сильное волненіе въ литературной средѣ: пропущенные авторы сильно обидѣлись и черезъ пріятельскія руки посыпались изліянія этихъ обидъ. Полемическій характеръ рецензій въ особенности усилился съ 1825 года, въ эпоху появленія многихъ журналовъ и въ особенности „Телеграфа", издаваемаго По-

левымъ: въ эту эпоху соединенія Греча съ Булгаринымъ отдѣлъ библіографіи въ „Сынѣ Отечества" уничтожился, и вмѣсто него появились разборы отдѣльныхъ сочиненій задорнаго тона, разборы вызывавшіе болѣе или менѣе продолжительную полемику. Появился даже особый отдѣлъ иронической критики подъ именемъ „ящика", который постоянно переругивался съ московскими журналами — „Вѣстникомъ Европы", „Галатеею" и „Телеграфомъ". Положеніе нашей литературы вызвало въ 1829 году такіе отзывы Надеждина въ „Вѣстникѣ Европы". „Какое странное зрѣлище представляетъ нынѣ Парнасъ нашъ? Сыны благодатнаго Феба, жрецы кроткихъ музъ только что не вцѣпляются другъ другу въ волосы; куда не обернись вездѣ шумъ и крикъ, вездѣ смуты и сплетни, вездѣ свары и брань. Кровь чернильная льется потоками въ междоусобныхъ бояхъ, и перяныя стрѣлы изощряются только на взаимное пораженіе и истребленіе" (8, 288). Этотъ характеръ критики въ смыслѣ полемической руготни надолго остался въ нашей журналистикѣ и господствовалъ съ полною силою еще въ шестидесятыхъ годахъ, напоминая пріемы двадцатыхъ годовъ и даже повторяя „ящикъ" „Сына Отечества", „свисткомъ" „Современника". Но вплоть до 1825 года, т. е. до появленія „Телеграфа", „Сынъ Отечества" представлялъ либеральный лагерь въ русской литературѣ и отстаивалъ отъ нападенія поколѣніе молодыхъ литераторовъ противъ старо-классиковъ „Вѣстника Европы" и другихъ журналовъ. Представителями критическаго отдѣла „Сына Отечества" были кн. Вяземскій, устранившійся отъ „Вѣстника Европы" послѣ размолвки съ Каченовскимъ, и А. Бестужевъ, начавшій свое критическое поприще въ „Сынѣ Отечества". Оба они въ свое время были лучшими критиками: въ нихъ разборахъ замѣтно было присутствіе живой мысли и вѣрнаго литературнаго чутья, а не шаблонное примѣненіе заученныхъ риторическихъ правилъ и внѣшняя придирчивость къ отдѣльнымъ выраженіямъ и недостаткамъ слога. Замѣчательно, что Бестужевъ, помѣщая въ „Сынѣ Отечества" отвѣтъ на рецензію „Обзора русской литературы", помѣщеннаго имъ въ „Полярной Звѣздѣ" за 1822 годъ, даетъ, между прочимъ, такое объясненіе: „чтобы быть прочтену, я былъ принужденъ писать коротко, *ново* и *странно*". Вотъ подъ какимъ убѣжденіемъ выработанъ слогъ Бестужева, дѣйствительно представляющій собою погоню за *новизною* и *странностью*. Того же

самаго направленія, т. е. сочувственнаго направленія новой литературы держались и второстепенные критики „Сына Отечества“— Ор. Сомовъ, Вас. Умановъ, Срезневскій старшій и разные псевдонимы, ратовавшіе съ псевдонимами классиками „Вѣстника Европы“ ([75]). До 1825 г. въ „Сынѣ Отечества“ помимо библіографіи помѣщены отдѣльныя критическія статьи: о Муравьевѣ, Батюшкова, Басни Агафи, Сушкова, въ 1814 году, разборъ басенъ Крылова, Измайлова, полемика о сочиненіяхъ Катенина, гдѣ, въ отвѣтъ на хвалебный разборъ, напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“, неизвѣстный критикъ помѣстилъ строгій и справедливый приговоръ, вызвавшій опроверженіе со стороны пріятеля Катенина, Грибоѣдова, о Державинѣ, кн. Вяземскаго (1816). Воейковъ тотчасъ по вступленіи въ товарищество съ Гречемъ по изданію „Сына Отечества“ помѣстилъ въ 1820 году разборъ „Руслана и Людмилы“, сочувственный, но тяжело и бездарно написанный, и при томъ по старинному шаблону, гдѣ вся критика ограничивалась разборомъ отдѣльныхъ выраженій. По этому поводу въ самомъ „Сынѣ Отечества“ возгорѣлась полемика, о которой въ „Историческомъ и критическомъ обозрѣніи русскихъ журналовъ“ нѣкто В. заявилъ, что полемика эта сильно надоѣла читателямъ и заключала въ себѣ лишь темныя выраженія, тупыя остроты, плохія насмѣшки, коими осыпали другъ друга защитники и хулители сего стихотворенія, и заставляетъ жалѣть о потерянныхъ мысляхъ и чернилахъ (С. О. 1821, № 14, 174). То же самое слѣдуетъ признать за общую характеристику полемической борьбы, наполнявшей журналы двадцатыхъ годовъ и перенесенной въ послѣдующее время. „Сынъ Отечества“ въ исторіи нашей журналистики имѣлъ значеніе по преимуществу *критическаго журнала*: онъ первый показалъ важность этого отдѣла для журнала и значеніе его въ общественномъ смыслѣ, первый установилъ пріемъ для журнальной критики, повторившійся потомъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, смотря по таланту редактора, въ другихъ современныхъ и позднѣйшихъ изданіяхъ. Въ этомъ состоитъ единственная заслуга Греча въ области журналистики. Помимо критическаго значенія „Сынъ Отечества“ не представлялъ ничего выдающагося. До 1825 года журналъ вѣренъ былъ своей программѣ и давалъ своимъ читателямъ подъ именемъ „политическихъ новостей“ обзоръ текущихъ событій, обзоръ запоздалый, чисто фактическій, и вообще съ характеромъ самымъ консервативнымъ, не смотря на

увѣренія Греча, что онъ въ то время былъ ультра-либераломъ. Случайно—вслѣдствіе личныхъ отношеній съ Куницынымъ по педагогическому институту въ 1818 г., т. е. въ самый разгаръ правительственнаго либерализма—„Сынъ Отечества" увлекся общимъ направленіемъ. Куницынъ помѣстилъ неподписанную и очень энергическую статью „О состояніи иностранныхъ крестьянъ" въ отвѣтъ на статью, помѣщенную какимъ-то Правдинымъ въ „Духѣ журналовъ", гдѣ Правдинъ доказывалъ невозможность у насъ освобожденія крестьянъ обезпеченнымъ положеніемъ, которое они имѣютъ сравнительно съ западными свободными земледѣльцами. Куницынъ ярко очерчиваетъ всѣ неудобства рабства, въ которое погружены были наши крестьяне и вредъ тяготѣвшаго надъ ними помѣщичьяго произвола. Другая статья Куницына „О конституціи" есть повтореніе мысли, высказанной гр. Уваровымъ при открытіи каѳедры восточныхъ языковъ въ педагогическомъ институтѣ 22 марта 1818 года. Самая рѣчь Уварова подробно изложена Куницынымъ въ „Сынѣ Отечества" того же года. Основная мысль Куницына вслѣдъ за Уваровымъ заключается въ слѣдующемъ: „Жители нынѣшнихъ государствъ, вопреки духу древнихъ республиканцевъ не желая сами быть законодателями, хотятъ только имѣть при лицѣ верховнаго властителя своихъ *представителей*, которые бы его, яко отца народа, извѣщали о нуждахъ общественныхъ, *умоляли* о принятіи мѣръ противъ золъ, существующихъ въ обществѣ и съ благодарностью могли испрашивать у его правосудія законовъ для всѣхъ равно благодѣтельныхъ. Слѣдовательно, желанія новѣйшихъ народовъ стремятся только къ тому, чтобы верховная власть имѣла всю возможность къ открытію общественныхъ безпорядковъ и всю силу, потребную къ прекращенію оныхъ" (стр. 206). Такимъ образомъ, желанія Уварова и Куницына не шли далѣе *права совѣщательнаго голоса земскихъ выборныхъ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ*. Прозаическаго литературнаго отдѣла почти не существовало въ „Сынѣ Отечества" до 1823 года, а въ стихотворномъ отдѣлѣ, въ особенности до соединенія Греча съ Булгаринымъ и до усиленнаго появленія альманаховъ, участвовали всѣ извѣстные и второстепенные поэты, а также всѣ начинающіе. Тамъ помѣщали свои стихотворенія: Жуковскій, Пушкинъ, Дельвигъ, Плетневъ, Баратынскій, Авр. Норовъ, Рылѣевъ, Козловъ, Ободовскій, даже московскіе поэты: Писаревъ, Мих. Дмитріевъ,

Раичъ; послѣ 1825 года Вердеревскій, Ознобишинъ, бар. Розенъ, Бестужевъ-Рюминъ, Карлгофъ, Лихонинъ и др. Главное содержаніе „Сына Отечества“ составляли отрывки изъ сочиненій и переводовъ, вслѣдъ за тѣмъ являвшихся въ печати въ видѣ рекламы—способъ очень удобный и выгодный для дароваго наполненія столбцовъ журнала. Выписки эти касались, главнымъ образомъ, путешествій и военныхъ подвиговъ: такъ были напечатаны безконечныя выписки изъ путешествій и записокъ Броневскаго, выдержки изъ путешествій Свиньина, Беллингсгаузена, Лазарева, Крузенштерна, Головнина, Биллингса, Сенковскаго, Доленги-Ходаковскаго и др. Изъ русскихъ книгъ Гречъ предварительно напечаталъ пространные отрывки изъ географическихъ сочиненій Берга, военно-историческихъ сочиненій Бутурлина, нѣсколько главъ изъ исторіи Карамзина и даже не одинъ отрывокъ изъ всеобщей исторіи Кайданова. Отрывокъ изъ сочиненія Мишо „О крестовыхъ походахъ“ также занялъ много мѣста благодаря явившемуся затѣмъ въ печати полному переводу. Гречъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ переводные отрывки изъ Шлёцера, Монтескье (Духъ законовъ), г-жи Сталь, изъ сочиненія Флассана „о французской дипломатіи“, изъ „римскихъ писемъ или путешествія Поликлета“, бар. Алекс.-де-Тейса, исторіи Италіи съ 1789 — 1814 г., Ботта, изъ греческой исторіи Джиллиса, изъ „мыслей“ Паскаля, о египетскихъ гіероглифахъ Шампольона (1824), біографія Дженнера, изобрѣтателя привитія коровьей оспы (1824). Какъ сочиненія, относящіяся къ современнымъ событіямъ—войнѣ Греціи за независимость, интересны приведенныя въ отрывкахъ записки полк. Вутье о греческой войнѣ и отрывки изъ путешествія въ Грецію Пуквевиля. Какъ балластъ литературнаго содержанія вошли сюда отрывки изъ Вальтеръ-Скотта, отрывки изъ Genie du christianisme Шатобріана, „Нѣчто о лордѣ Байронѣ“, переводъ изъ Morgenblatt. Въ „Сынѣ Отечества“ принимали по русской исторіи участіе Строевъ (О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ) и Руссовъ (о супругѣ франц. короля Генриха I-го Аннѣ, дочери Ярослава, опытъ объ идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ, о кормчей книгѣ, соч. Б. Розенкампфа). Здѣсь же помѣщены: переводъ изслѣдованія Уварова о трехъ греческихъ трагикахъ, Оленина—Краткое разсужденіе о бухгалтеріи (1824), Рылѣева — Нѣсколько мыслей о поэзіи (1825), Анастасевича — Краковскіе памятники (1822 г.). Въ числѣ доку-

ментовъ по русской исторіи послѣ 1825 года напечатаны: Записка Бирона о смутномъ времени его жизни (1829), Духовное завѣщаніе, письма и акты, относящіеся до четвертой супруги Грознаго Анны Алексѣевны изъ рода Колтовскихъ (1829—1830), Наказъ объ ученіи царевича Алексѣя Петровича, мировая запись новгородскаго Аркажскаго монастыря игумена Наѳанаила съ боярскимъ сыномъ Нечаемъ Харламовымъ (1830).

Такимъ образомъ журналъ Греча, не заключая въ себѣ ни переводной, ни оригинальной литературной прозы, не давалъ ничего для легкаго чтенія, потребность въ которому въ то время значительно усилилась. Это побудило Греча къ выпуску литературныхъ прибавленій къ „Сыну Отечества". Успѣхъ этихъ прибавленій вскорѣ вызвалъ подражаніе со стороны Воейкова (Новости русской литературы, 1823 г.) и затѣмъ Булгарина (Литературные Листки, 1823 г.). Безплатныя прибавленія къ „Сыну Отечества", выходили въ 1822 и 1823 году подъ заглавіемъ „Библіотека для чтенія, составленная изъ повѣстей, анекдотовъ и другихъ произведеній словесности", а въ 1824 году, подъ заглавіемъ „Новая библіотека для чтенія". Библіотека эта состояла бо́льшею частью изъ повѣстей переводныхъ, но въ ней встрѣчаются и оригинальныя. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ: Ал. Бестужева (Листокъ изъ дневника гвардейскаго офицера, Замокъ Венденъ), В. Панаева (Обручальное кольцо, Иванъ Костинъ, изъ крестьянскаго быта, Портретъ въ альбомѣ), Н. Бестужева (Бѣглецъ, означено Н. Б.), Ѳ. Булгарина (Милость и правосудіе, Законъ), Измайлова (Мнѣ до того какое дѣло), Ѳ. Глинки (Завѣтное зеркало, аллегорія); и нѣсколько другихъ, неизвѣстныхъ. Изъ числа переводныхъ повѣстей и отрывковъ помѣщены: „Подарокъ на новый годъ", изъ записокъ бѣднаго Вильгирскаго священника, разсказъ изъ „Britich Magasine", подавшій мысль Гольдсмиту для его „Векфильдскаго священника", монологъ Вильгельма Телля, изъ Шиллера, Гофмана (Дѣвица Скюдери, Дожъ и Догаресса), изъ романа В. Скотта „Антикварій" (сказка „Мартынъ Вальдекъ"), изъ Гольдсмита (Странствующій актеръ), изъ Гердера (Примѣры дней, китайская повѣсть). Затѣмъ помѣщены переводы изъ второстепенныхъ авторовъ, пользовавшихся въ свое время извѣстностью: Мейстера младш., Жюи, Пиго лe-Бреня, Були, Лагарпа, Жанлисъ, Коцебу, Цшокке, Каролины Пихлеръ; г-жи Гизо (L'ecolier ou Raoul et Victor), Монтолье, Авг. Ла-

фонтена, изъ Ѳомы Голькрафта (Adventures of High Trevor) и т. д.

Въ 1825 году въ виду новаго движенія въ журнальной литературѣ, о которомъ мы уже говорили, Гречъ и Булгаринъ соединились вмѣстѣ и, уничтоживши литературныя прибавленія къ своимъ журналамъ, начали вмѣстѣ издавать „Сынъ Отечества" и „Сѣверный Архивъ". Отъ этого соединенія „Сынъ Отечества" не выигралъ. Полный библіографическій отдѣлъ былъ уничтоженъ и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилось исключительное его вліяніе на литературу, въ смыслѣ руководящей читателей критики; послѣдняя получила задорно полемическій тонъ, главная вина котораго падала на Булгарина. Тогда же началось соревнованіе во взаимномъ самовосхваленіи обоихъ редакторовъ, напоминающее рекламы мелкихъ торгашей и возбудившее негодованіе въ несочувствующей такимъ пріемамъ литературной средѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно былъ усиленъ оригинальный и переводный отдѣлъ литературной прозы. Изъ оригинальныхъ прозаическихъ статей помѣщены: Желаніе В. С. Ф-чъ (1825), Бѣдный Ефимъ В. У. (Вас. Ушакова), отрывокъ изъ малороссійской повѣсти Гайдамакъ, отрывки изъ Димитрія Самозванца Ф. Булгарина (1828 г.), Дуэль, Второй офицерскій вечеръ В. Карльгофа, Марлинскаго: Испытаніе, Вечеръ на Кавказскихъ водахъ, въ 1824 году, Пріемъ ученика, В-тъ Вій. Изъ первоклассныхъ писателей помѣщены въ періодъ съ 1825—1830 годъ включительно: переводы изъ Вашингтона Ирвинга: (the Brit. Sketch Book) „Отрывокъ изъ разсказовъ одного путешественника, Кухня въ трактирѣ, Томъ Вольфъ, Живописецъ, Вдова учительница горъ (изъ романа the Chronicles of Canongate), Саламанкскій студентъ". Изъ Вальтеръ-Скотта: „Квитанція послѣ смерти, изъ романа Редонктлета, Біографія Лесажа, Опытъ о романахъ, Біографія Анны Радклифъ, Отрывки изъ жизнеописанія Наполеона, О чудесномъ въ романѣ. Изъ Томаса Мура: Свѣтъ гарема, поэма, прозою. Изъ Гёте—отрывокъ изъ его автобіографіи. Изъ Гофмана: Синьора Формика и статья о его жизни и смерти. Изъ второстепенныхъ писателей по нѣмецкой литературѣ: изъ Клауренса, г-жи Пихлеръ, Цшокке, Крузе, г-жи Шопенгауеръ, Людвига Тика, Сарторіуса, Блуменбаха, Фан-дер-Фельда, Эрнеста Раупаха. По французской литературѣ: изъ Пикара (le Gilblaze de la revolution); Бульи, Лафонтена, Ламотъ-Фуке, г-жи Суза, Казиміръ Делавиня, изъ „Жизни Шекспира", приложенной

Гизо къ переводу Шекспира, Поль-де-Кока (изъ его романа „Бѣлый домъ"). По англійской литературѣ: похожденія Хаджи Бабы испаганскаго, Мирье (2 главы изъ 1-й части, съ нѣмецкаго); Lady Morgan, Горація Смита. Кромѣ того въ „Сынѣ Отечества" есть тоже указаніе на романъ Купера „Ліонель Линкольнъ". Изъ восточной литературы—два перевода изъ Гарири Сенковскаго (подъ именемъ Делюбардера). „Караванъ" и „Золотая монета" (1830, подпись Д.). Изъ оригинальныхъ статей ученаго содержанія замѣчательны Сенковскаго, подъ именемъ Делюбардера: О восточной поэзіи (1826); Нѣсколько замѣчаній на статьи Герена о Рамаянѣ и на переводъ ея въ „Московскомъ Вѣстникѣ" (1827); П. Кеппена, Исторія училищъ; Сомова, Курсъ французской литературы, Вильмена; Блокада и осада Корфу, Висковатова (1828); біографія бар. Любераса (1829); Воспоминанія о Грибоѣдовѣ, Ф. Булгарина и дополненіе къ нимъ (1830, № 1 и 2); Объ истинномъ и ложномъ романтизмѣ В. Бриммера. Изъ переводныхъ статей встрѣчаются: Отрывки изъ географіи Риттера, Статья о календарѣ Сентъ Мартена, О нынѣшнемъ состояніи нѣмецкаго театра и драматической литературы, Людвига Тика, изъ его драматическихъ листовъ; Помпея, Шамполіона младшаго; драма Чернаки или кастильская честь, Виктора Гюго, изъ Revue Enciclopedique. По части философіи „Сынъ Отечества" главнымъ образомъ пробавлялся, и то до соединенія съ Булгаринымъ, переводами отрывковъ изъ Дежерандо; на раду съ этимъ помѣщались статьи антропологическаго содержанія изъ Вирея (Histoire naturelle de l'homme и мелкихъ его статей). Нѣмецкую философію „Сынъ Отечества" игнорировалъ и только, въ насмѣшку надъ послѣдователями ея въ Россіи послѣ 1825 года, помѣстилъ пародію подъ заглавіемъ „Шеллингова философія (ч. 133, стр. 117 и слѣд.).

Въ періодъ 1812—1825 года преобладающее положеніе, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи пріобрѣла, петербургская журналистика: за это время изъ 30 вновь появившихся журналовъ [76] 21 явились въ Петербургѣ, въ Москвѣ, сверхъ удержавшихся „Вѣстника Европы", „Русскаго Вѣстника", получили начало только 9.

Въ петербургской журналистикѣ самое видное мѣсто заняли журнальные труды существовавшихъ тамъ литературныхъ обществъ. Изъ числа самыхъ видныхъ и талантливыхъ членовъ этихъ обществъ были декабристы братья А. и Н. Бестужевы, Кюхельбекеръ и Рылѣевъ. Значеніе ихъ въ журнальной литературѣ своего времени вполнѣ не

выяснено, между тѣмъ они были не случайными, а постоянными сотрудниками большинства тогдашнихъ петербургскихъ журналовъ: „Сына Отечества", „Благонамѣреннаго", „Соревнователя", и „Невскаго Зрителя", и пр. Они, не освободившись, конечно, изъ подъ ферулы подражательности, составлявшей общій характеръ тогдашней руской литературы, всетаки относились болѣе чутко къ роднымъ мотивамъ нашей исторической и бытовой жизни. Критическія статьи А. Бестужева и Кюхельбекера впервые начали снимать лоскъ съ прославленныхъ старыхъ авторитетовъ, еще державшихся въ обществѣ не смотря на свою приторную вычурность и внутреннюю пустоту, и установили критику не какъ школьное упражненіе въ примѣненіи заученныхъ правилъ, не какъ наивное восхищеніе красивымъ стихомъ и удачнымъ выраженіемъ, а какъ самостоятельную работу мысли, руководимой литературнымъ вкусомъ и художественнымъ чувствомъ. Въ этомъ смыслѣ они были прямыми предшественниками Полеваго и Бѣлинскаго. Ал. Бестужевъ первый понялъ неудовлетворительность современной ему журналистики и потребность въ новомъ журналѣ, какъ проводникѣ измѣнившагося направленія въ литературѣ; мы видѣли, что еще въ 1819 году А. Бестужевъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему на изданіе журнала и получилъ отказъ. Въ 1822 году онъ первый открылъ рядъ альманаховъ, окончательно подорвавшихъ старую журналистику изданіемъ вмѣстѣ съ Рылѣевымъ „Полярной Звѣзды" (77). При отсутствіи талантливаго редактора и при неустановившейся еще группировкѣ литературныхъ силъ альманахъ, какъ сборникъ литературныхъ произведеній единомысленнаго пріятельскаго кружка, былъ самою подходящею формою для проведенія въ литературѣ новыхъ идей и подготовленіемъ къ той новой журналистикѣ, которая съ 1825 года выступила въ Москвѣ въ лицѣ Полеваго, а въ 30-хъ годахъ—Надеждина и Бѣлинскаго.

Общество любителей словесности, наукъ и художествъ, вслѣдствіе непріятельскаго погрома, прекратило свои засѣданія въ 1813 году и возобновило ихъ уже въ 1816 году подъ предсѣдательствомъ А. Е. Измайлова. Общество въ это время уже не составляло единственнаго центра, гдѣ группировались незначительные въ прежнее время кружки талантливой и преданной литературнымъ занятіямъ петербургской осѣдлой молодежи, какъ это было до 1812 года. Кромѣ самого Измайлова въ обществѣ оставалось немного прежнихъ членовъ,

а изъ новыхъ прибыло нѣсколько выдающихся: Бестужевы, Панаевъ, Плетнёвъ, Загоскинъ, Рылѣевъ и Кюхельбекеръ. Въ спискѣ членовъ, собравшихся въ засѣданіи 15 іюля 1820 года, упоминаются *вновь избранные:* Н. Н. Анненковъ, Лыкошинъ, Ренсдорфъ, С. В. Капнистъ, Илличевскій, А. С. Норовъ, Гевличъ, П. Л. Яковлевъ, Гиттенфервальтеръ Власовъ, и И. А. Шиловъ; къ нимъ постепенно присоединились другіе. Общество, по словамъ предсѣдателя, не могло отъ своего лица предпринять никакого серьезнаго и оставляющаго прочный слѣдъ въ литературѣ труда, такъ какъ члены его отвлечены были служебными занятіями и собственными дѣлами. Не смотря на то, чтенія въ обществѣ продолжались, и потому поступавшія въ общество статьи членовъ и постороннихъ лицъ помѣщались отчасти въ „Сынѣ Отечества", но преимущественно въ издававшемся Измайловымъ журналѣ. Журналъ Измайлова „Благонамѣренный" начался 1 января 1818 г. и продолжался по 1 іюля 1826 г., сначала выходилъ по 12 книжекъ въ годъ (1818) а затѣмъ по 52 (въ 1822 и 1825) и по 24 (въ остальные годы). Журналъ вообще выходилъ не аккуратно: послѣднія книжки опаздывали, а за 1825 годъ не додано было 12 номеровъ, такъ что 32 части вовсе не существуютъ (Замѣчанія Полторацкаго на экземплярѣ Рум. Муз.). Журналъ Измайлова былъ чисто литературный и сначала имѣлъ только два отдѣла—литературу и смѣсь, но вскорѣ присоединились къ этому „Извѣстія о новыхъ русскихъ книгахъ", а въ отдѣлѣ смѣси стали появляться обзоры русскихъ театровъ. Въ 1820 г. программа журнала окончательно установилась въ слѣдующемъ видѣ: I) изящная словесность, т.-е. стихотворенія и проза; II) науки и художества: теорія словесности, наукъ и художествъ, разсужденіе о разныхъ ученыхъ предметахъ, критика; III) смѣсь: 1) біографіи знаменитыхъ мужей, 2) иностранные и отечественные анекдоты, 3) нравоучительныя мысли и разныя замѣчанія, 4) загадки, шарады, логогрифы, омонимы, анаграммы и проч. Сверхъ того при каждой книжкѣ были особыя прибавленія, гдѣ помѣщались: а) извѣстія о новыхъ важнѣйшихъ открытіяхъ въ ученомъ свѣтѣ, b) извѣстія о новыхъ иностранныхъ и всѣхъ русскихъ книгахъ, съ краткими на нѣкоторыя изъ нихъ замѣчаніями, c) извѣстія о новыхъ театральныхъ піэсахъ и объ игрѣ актеровъ, d) любопытныя новости, e) извѣстія о бѣдныхъ, благотворенія. Журналъ во второмъ отдѣлѣ смѣси помѣщалъ извѣстія, получавшіяся отъ сво-

ихъ заграничныхъ корреспондентовъ. Трудъ редакціи раздѣлялъ съ Измайловымъ П. Яковлевъ, которому принадлежитъ наибольшая доля участія по оригинальной беллетристикѣ, за исключеніемъ послѣднихъ годовъ, и который кромѣ того занимался переводами и составленіемъ коротенькихъ и очень поверхностныхъ статей по научному отдѣлу. Яковлевъ вмѣстѣ съ Измайловымъ издалъ въ 1826 г. альманахъ „Календарь музъ". Главными переводчиками въ журналѣ послѣдовательно являются Ор. Сомовъ, Вл. (вѣроятно Владиславлевъ, впослѣдствіи издатель альманаха „Утренняя заря"), и А. Очкинъ; кромѣ того Огинскій, переводчикъ съ греческаго, польскаго и англійскаго и др. „Благонамѣренный" былъ типичный журналъ своего времени. Центръ тяжести журнала лежалъ въ *стихотвореніяхъ*. Томилинъ, въ статьѣ „О романахъ", разговоръ между пріятелями (1822, VII, 3—18), такъ опредѣляетъ отношеніе между романомъ и стихотвореніемъ: „Этотъ родъ сочиненій (романъ) совершенно не годится для молодаго человѣка. По моему мнѣнію, лучшіе романы должны читать женщины и старики. Женщины, имѣя болѣе насъ свободнаго времени и менѣе занимаясь науками, *могутъ почерпать изъ нихъ нравственность и познанія*. Старики же, читая ихъ, могутъ съ пріятностью вспоминать свою молодость, и, не имѣя нужды при концѣ жизни отягощать свой слабѣющій разумъ, пусть занимаются легкою, романическою философіею. Не лучше ли вмѣсто „Удольфскихъ таинствъ" прочесть какое-нибудь высокое прозаическое твореніе, или прекрасные, исполненные чувствъ стихи. Гармонія музыки или стиховъ мало-по-малу обворожитъ слухъ твой, и ты найдешь въ нихъ такое удовольствіе, какое еще ни одна романическая завязка тебѣ не доставляла. Если ты полюбилъ стихи, то прекрасныя оды Ломоносова и Державина, величественные монологи Озерова, забавныя басни Дмитріева и Крылова также ясно будутъ существовать въ твоей памяти, какъ и на бумагѣ; ты не соскучишься читать ихъ сто разъ на день—и всегда съ большимъ удовольствіемъ. Притомъ, ежели ты хоть слабыя имѣешь дарованія къ поэзіи, то и негладкій куплетъ собственнаго произведенія удобно разгонитъ твою скуку". Такое занятіе поэзіею, какъ личнымъ развлеченіемъ, было господствующимъ въ литературныхъ нравахъ: „баловни-поэты", какъ ихъ тогда характеристично называли, наводняли печать, давали тонъ и взаимно другъ друга поддерживали. Читающая публика начинала ими тяготиться. Одинъ изъ сотруд-

никовъ „Благонамѣреннаго“ въ статьѣ „Письма въ Тамбовъ о новостяхъ русской словесности“ изливается въ такихъ жалобахъ на поэтическое наводненіе того времени: „Кругохвальство, т.-е. взаимныя похвалы взаимнымъ нелѣпостямъ *друзей литераторовъ*, есть существенный признакъ *новой школы*. Взгляни на какой хочешь журналъ, вездѣ найдешь стихотворенія, въ которыхъ безпрестанно твердятъ: я поэтъ! я поэтъ! и заставляютъ бѣдныхъ читателей мучиться тщетнымъ отысканіемъ хоть одной черты поэзіи, въ которыхъ превознося свою гармонію, производятъ себя въ меценаты всѣхъ своихъ пріятелей соучениковъ, удостоивая ихъ посланіями, посвященіемъ разномѣрной галиматьи и титлами Гораціевъ, Анакреоновъ“ (т. XXVI, 55). Но, не смотря на эти жалобы, „поэты-баловни“ съ одинаковымъ паѳосомъ восхваляли въ своихъ бездарныхъ риѳмосплетеніяхъ и „потерю своихъ милыхъ малютокъ“, и „грудную булавку съ пушкой, держащею сердечко на золотой цѣпочкѣ“. Складомъ упражненія всѣхъ этихъ забытыхъ и совершенно лишенныхъ таланта поэтовъ былъ „Благонамѣреный“. Болѣе крупные таланты того времени принимали въ немъ очень незначительное участіе: Пушкинъ помѣстилъ два незначительныхъ стихотворенія („Надпись къ портрету Жуковскаго“ и „Молдаванскую пѣсню“), и журналъ перепечаталъ отрывокъ изъ напечатаннаго уже отдѣльно „Кавказскаго плѣнника“; помѣщалъ въ 1819 и 1820 г. четыре свои стихотворенія Баратынскій, но затѣмъ совсѣмъ отстранился; встрѣчается по одному и по нѣскольку стихотвореній Б. Дельвига, Д. Давыдова, Загоскина, Козлова, Милонова (сравнительно болѣе), Ф. Глинки, С. Глинки, Туманскаго, Плетнева, Бестужева (Марлинскаго), Рылѣева, Кюхельбекера и Языкова. Даже ревностный Гр. Хвостовъ не особенно наводнялъ страницы журнала, а кн. Шаликовъ помѣстилъ двѣ-три мелочи. За то запасъ второстепенныхъ поэтовъ неистощимъ: изъ любопытства мы приводимъ перечень именъ ихъ въ примѣчаніи (⁷⁶). Большинство стихотвореній относится къ легкому роду: въ альбомъ, даже самому себѣ (!), на именины, на разлуку и т. д.; существуетъ цѣлый особый отдѣлъ тогда модныхъ мелочей: шарадъ, логогрифовъ, омонимовъ, эпитафій, надгробій, надписей, эпиграммъ, рондо, акростиховъ и т. п. Одинъ изъ поэтовъ сотрудниковъ „Благонамѣреннаго“ вмѣнялъ себѣ въ особую заслугу, что онъ первый ввелъ въ Россіи *омонимъ*, изобрѣтенный въ Германіи. Главными поставщиками изъ болѣе извѣстныхъ стихотворцевъ были самъ

издатель, помѣстившій свои сказки, басни и цѣлую массу мелочей, Б. Федоровъ и Панаевъ, печатавшій здѣсь свои „идилліи"; затѣмъ И. Чеславскій напечаталъ въ „Благонамѣренномъ" нѣсколько отрывковъ изъ своего перевода „Федры" Расина. Перечислять крупныя произведенія и переводы остальныхъ поэтовъ „Благонамѣреннаго" не стоитъ труда. Главными представителями литературной прозы въ журналѣ были П. Яковлевъ (подъ псевдонимами ій — оы, J, Я. и П. Л.) и В. Панаевъ. Первому принадлежатъ три самыя большія повѣсти подъ заглавіемъ: „Разсказы Лужницкаго старца", „Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту" и „Несчастье отъ слезъ и вздоховъ". Самыя заглавія двухъ послѣднихъ произведеній указываютъ на прежній, сантиментально напыщенный характеръ, и потому мы остановимся только на послѣднемъ, которое было издано отдѣльно (Разсказы Лужницкаго старца и мои воспоминанія о немъ, М. 1828 г.). Разсказы эти представляютъ типъ господствовавшаго тогда обычая нанизывать цѣлый калейдоскопъ коротенькихъ отрывочныхъ и не имѣющихъ между собою никакой связи разсказовъ, лишь бы они представляли, каждый самъ по себѣ, нѣкоторую занимательность и написаны были сколько нибудь литературнымъ языкомъ. На 125 страницахъ маленькой книжки втиснуты: лирическое вступленіе о Московскихъ окрестностяхъ съ претензіей на осмѣяніе выспренняго слога какъ у классиковъ, такъ и у романтиковъ; знакомство автора съ чудакомъ литераторомъ, проживавшимъ въ Лужникахъ и осаждаемымъ, по недоразумѣнію, всѣми обиженными въ критическихъ статьяхъ „Вѣстника Европы", такъ какъ подъ именемъ „Лужницкаго старца" извѣстенъ былъ самъ Каченовскій, жившій въ Лужникахъ, и въ письмахъ на его имя сотрудники послѣдняго журнала помѣщали самыя разнообразныя статьи, отчасти критическаго, а болѣе юмористическаго содержанія; сожженіе двойникомъ Лужницкаго старца своихъ литературныхъ опытовъ, потому что его предупредили другіе; характеристика русскихъ чудаковъ; исторія любви чувствительнаго героя къ измѣнившей красавицѣ; біографія пріятеля, который, въ силу удачнаго для него окончанія всѣхъ житейскихъ непріятностей, пришелъ къ убѣжденію, что „все къ лучшему"; исторія авторскихъ попытокъ Лужницкаго старца; повѣсть о прекрасной Ельминіи, вышедшей за мужъ для спасенія отца и помѣстившей въ своемъ домѣ прежняго жениха въ качествѣ любовника; разсказъ о

Московскихъ событіяхъ при вступленіи въ Москву Наполеона и приключенія съ Лужницкимъ старцемъ, принужденнымъ оставить столицу по этому поводу. Панаевъ помѣстилъ въ первые года журнала восемь статей литературнаго содержанія: „Не родись, ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ", „Нѣсколько словъ о кокетствѣ", „Два персидскіе анекдота", „Романическое письмо изъ Петербурга", „Жестокая игра судьбы", „Отеческое наказаніе", „Стихи и собака", „Приключенія въ маскарадѣ"; статьи эти всѣ относятся къ тому особому роду нравственно описательныхъ произведеній, имѣющихъ анекдотическій характеръ, который былъ у насъ вызванъ сочиненіемъ Жюи и его французскихъ подражателей. Самъ Измайловъ помѣстилъ нѣсколько мелкихъ отрывковъ, за которыми по крайней мѣрѣ нельзя не признать достоинства легкаго сатирическаго остроумія и которыя читаются безъ труда. Плетневъ написалъ два юмористическіе разсказа—„Ученый споръ" и „Медоръ". Какъ видно, Измайловъ не смотрѣлъ серьезно на отдѣлъ литературной прозы и готовъ былъ помѣщать все, что угодно. Достаточно привести тотъ фактъ, что кружокъ пяти шести знакомыхъ ему литераторовъ разъ вечеромъ вздумалъ заняться тѣмъ, что тогда у насъ называлось petits jeux de société: собесѣдники согласились писать разсказы на *заданныя слова*. Эти шуточныя произведенія Измайловъ цѣлый годъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ. Измайловъ не задумался помѣстить „Чертогъ Зораиды" изъ повѣсти „Вѣнецъ Калифа Альманзора",—лебединую пѣснь извѣстнаго неудачнаго литератора П. Львова; попался ему воспитанникъ С.-Петербургской гимназіи В. Троицкій, и Измайловъ цѣлыхъ два года наводнялъ журналъ его ученическими подражаніями то старымъ сантиментальнымъ и безсодержательнымъ повѣстямъ, то вновь овладѣвшему общественнымъ вниманіемъ Марлинскому. Вообще, когда просматриваемъ весь тотъ литературный баластъ, которымъ пополнялись журналы двадцатыхъ годовъ, то становится понятнымъ, почему общество такъ набросилось на произведенія не только Марлинскаго, но даже Булгарина. Потребность въ чтеніи произведеній, заимствованныхъ изъ русской жизни, была въ то время развита сильнѣе, чѣмъ въ послѣдующее время, но она не находила никакого удовлетворенія въ современной литературѣ, лишенной и оригинальности, и наблюдательности, не только малѣйшихъ признаковъ таланта. Понятно, что какъ скоро являлось что нибудь

удовлетворяющее первымъ двумъ требованіямъ, оно получало оцѣнку не сообразно внутреннимъ своимъ достоинствамъ, а только въ смыслѣ отвѣта на запросъ. „Выжигина" въ нѣсколько дней раскуплено было до 2.000 экземпляровъ и всѣ тогдашніе журналы разсыпались въ похвалахъ роману Булгарина. Нѣсколько раньше „Выжигина" въ 1823 году появилась „Полярная Звѣзда", изданная А. Бестужевымъ и Рылѣевымъ: издатели поднесли по экземпляру императрицамъ и получили—Рылѣевъ два брилліантовые перстня, а А. А. Бестужевъ золотую табакерку. Точно также въ три недѣли „Полярной Звѣзды" раскуплено было 1500 экземпляровъ, успѣхъ, котораго, за исключеніемъ „Исторіи Карамзина", не имѣла до того времени ни одна книга, ни одинъ журналъ. Въ прозаическомъ отдѣлѣ „Благонамѣреннаго" помѣщены между прочимъ статьи: А. Бестужева „Исторія серебрянаго рубля" (1820 г., № VII, 13—22) и Н. Бестужева „Толбухинскій маякъ" (1820 г., № XIV, 109—118). Переводный прозаическій отдѣлъ по объему всетаки превосходилъ оригинальный, въ особенности въ началѣ и въ концѣ журнала. Въ отдѣлѣ наукъ по части оригинальныхъ статей болѣе другихъ замѣчательны: Краткое описаніе дѣлъ императрицы Екатерины II; О пастушеской или сельской поэзіи, Вл. Панаева; Жизнеописаніе кн. Як. Ф. Долгорукова, В. Перевощикова; Опытъ россійскихъ синонимовъ, Княжевича, начатый еще въ „Цвѣтникѣ"; очень интересная Переписка генералъ-майора де Генинна съ Петромъ Великимъ и разными особами (въ 1823 г. въ 8 №№); Отрывки изъ путешествія въ Персію дипломатическаго чиновника при посольствѣ Ермолова въ 1817 году (1826 г., № VIII, 67—98). Кромѣ того въ „Благонамѣренномъ" помѣщены: рѣчь Каразина въ засѣданіи Харьковскаго Филотехническаго общества „Объ истинной и ложной любви къ отечеству" и отрывокъ изъ „Историческаго похвальнаго слова Кутузову", Вл. Панаева. Рашковъ помѣстилъ оригинальныя статьи о Клопштокѣ и Виландѣ, а А. Н—нъ очень поверхностныя статьи объ эпическихъ поэтахъ: Гомерѣ, Виргиліи, Луканѣ, Камоенсѣ, Мильтонѣ, Тассѣ и Вольтерѣ. По части переводной „Благонамѣренный" наслѣдовалъ по смерти Никольскаго его переводъ начала „Векфильдскаго священника" Оливьера Гольдсмита" и „Приключеній Жилблаза" Лесажа. Изъ классическихъ писателей большею частью помѣщены лишь небольшіе отрывки,— такъ двѣ, три странички изъ В. Скотта, Жанъ Поля Рихтера, Жанъ

Жака Руссо и др. Крупнѣе—отрывокъ изъ вновь вышедшаго тогда романа В. Скота—„Коннетабль Честерскій". Изъ Байрона помѣщены переводы въ прозѣ съ французскаго пяти его элегій, и стансовъ и очень плохими стихами переводъ его поэмы „Оскаръ д'Альви" Кудряшева. Нѣсколько сценъ изъ „Донъ Карлоса" Шиллера переведены невозможнымъ слогомъ; гораздо лучше переводъ Броневскаго сценъ изъ трагедіи „Ѳемистоклъ" Метастазіо. Но главнымъ запасомъ для переводовъ послужили второстепенные французскіе и нѣмецкіе писатели; и притомъ прежде всего тѣ, безъ которыхъ не обходился ни одинъ тогдашній журналъ: г-жа Сталь (о Германіи), г-жа Жанлисъ, гр. Сегюръ, Августъ Лафонтенъ, Вейссъ, Жюи, Лантье. Болѣе всего переводовъ приходится на долю Бульи (7 его повѣстей), Пиго Лебрена, Цшокке. „Благонамѣренный" придерживался старой симпатіи къ такъ называвшимся сантиментальнымъ путешествіямъ, типъ которыхъ былъ впервые воспроизведенъ Стерномъ; въ журналѣ помѣщены отрывки изъ Стернова „Sentimental Journey", изъ путешествія Анахарзиса и всевозможныхъ французскихъ путешественниковъ: „Hermite en Province", „Hermite de Londres", Лантье: „Les voyageurs en Suisse" „L'Hermite du Faubourg St.-Germain", „L'Hermite de la Guiane" „Contes du vieux Hermite de la Vallée du Vaubouin". „Благонамѣренный" не ограничивался переводными отрывками: тамъ помѣщались кромѣ того русскія передѣлки и подражанія, принадлежавшія разнымъ анонимнымъ авторамъ. Затѣмъ помѣщены по части нѣмецкой литературы: отрывки Гердера, профессора Фишгабера, Линдау, Ф. Лауна, Фридр. Кинда, Имберга, Круммахера (притчи), Эбергардта, Гервея, Эленшлегера, Клауренса; изъ французской литературы: Мармонтель, гр. Монтолье, г-жа Дюффренуа, С.-Тома, Фьеве, Лемонтей, Баланшъ, С.-Ламбертъ, Молина, Шамфора, Сарразена, Праделя, г-жи Севинье, Дюкредюмениля (такъ называвшійся тогда вольный переводъ). Изъ древней литературы встрѣчаются переводы: изъ поэмы Гезіода „Работы и дни", письмо Цицерона; изъ исторіи Тита Ливія и Юстина. Съ польскаго переведена баллада Одынца „Софья и Генрихъ. Изъ переводныхъ статей научнаго содержанія заслуживаютъ вниманія: нѣсколько большихъ отрывковъ изъ „Теоріи изящнаго" Зульцера; изъ уроковъ Блера; объ идиліи, изъ сочиненія Жоффре; нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія Aimé Martin: lettres á Sophie sur la physique,

la chimie et l'histoire naturelle; отрывокъ изъ путешествія на островъ С. Доминго Карла Риттера; о древнѣйшей поэзіи въ Германіи Эйхгорна; три статьи объ искусствѣ писать и о письмѣ у китайцевъ и египтянъ, съ французскаго, безъ указанія источника, откуда позаимствованы; вступительная рѣчь Бюффона о слогѣ или объ искусствѣ писать, обошедшая всѣ тогдашніе журналы. Кромѣ того помѣщены выдержки изъ книгъ, обратившихъ на себя общее въ то время вниманіе и вышедшихъ въ отдѣльныхъ переводахъ: „Исторія Греціи" Гиллиса и „Путешествія по Греціи и Малой Азіи" Полк. Вутье. Послѣдняя книга произвела большее впечатлѣніе въ Россіи, вслѣдствіе общаго сочувствія къ Греческому возстанію того времени. Есть два-три перевода статей изъ энциклопедіи, но коротенькихъ и не важнаго содержанія.

Критикою самъ Измайловъ почти вовсе не занимался; онъ въ этомъ случаѣ сосредоточился на басняхъ и помѣстилъ въ „Благонамѣренномъ" подробный разборъ трехъ басенъ: Хемницера „Воля и неволя", Дмитріева „Котъ, ласточка и кроликъ" и Крылова „Лягушки, просящія царя", замѣчанія на новыя басни Крылова и разборъ новыхъ повѣстей Нарѣжнаго. Въ журналѣ помѣщалась библіографія, но она ограничивалась изложеніемъ содержанія, болѣе или менѣе пространными выписками и заканчивалась постоянно черезчуръ общею и шаблонной похвалой, тѣмъ болѣе, что указывались только книги, почему либо остановившія на себѣ вниманіе редактора. Такъ въ библіографическомъ извѣстіи о „Кавказскомъ плѣнникѣ" Пушкина значеніе его выражено слѣдующимъ образомъ: „Прекраснѣйшія картины, списанныя съ натуръ мастерскою рукою, естественный и благородный разсказъ, легкая и исправная версификація—вотъ главнѣйшія достоинства сей новой поэмы перваго изъ молодыхъ нашихъ стихотворцевъ, А. С. Пушкина. Ни въ одномъ изъ нашихъ поэтовъ не расцвѣталъ, такъ сказать, столь рано талантъ и не созрѣвалъ столь скоро, какъ въ любезномъ пѣвцѣ Руслана и Людмилы" (ч. 19, 1822 г. стр. 299). Между тѣмъ потребность литературной критики чувствовалась въ обществѣ. Въ томъ же самомъ „Благонамѣренномъ" кн. Цертелевъ говоритъ, что „пока нація отягощена оковами предразсудковъ, *пока словесность ея не имѣетъ критики, до тѣхъ поръ слава ея писателей весьма ненадежна*" (1819, XXIII и XXIV, 352). Въ этихъ словахъ уже ясно слышится потребность нарожденія жур-

нальнаго дѣятеля въ смыслѣ Полеваго и Бѣлинскаго. Теоретическая борьба между классицизмомъ и романтизмомъ уже покончилась, авторитетъ талантливыхъ представителей послѣдняго установился въ обществѣ. Надобно было разобраться въ той массѣ неумѣлыхъ послѣдователей, появленіе которыхъ было вызвано новымъ направленіемъ въ литературѣ. Одинъ изъ сотрудниковъ „Благонамѣреннаго", Д. В. р...ствъ, въ разговорахъ „О романтикахъ и о Черной рѣчкѣ", говоритъ между прочимъ: „Безпристрастные критики возстаютъ не противъ романтической поэзіи, а противъ *самозванцевъ романтиковъ*, которые дозволяютъ себѣ писать всякія нелѣпости подъ предлогомъ, что пишутъ въ романтическомъ вкусѣ, хотя въ ихъ произведеніяхъ не видно ни глубокихъ чувствъ, ни прелестей мечтательности, составляющихъ существенность поэзіи романтической". Издатель прибавляетъ въ подстрочномъ примѣчаніи: „ни піитической живописи, ни благородной простоты, ни логики, ни грамматики". Шиллеръ, Байронъ, Муръ, Жуковскій и Пушкинъ, почитаемые образцовыми писателями въ романтическомъ родѣ, скорѣе отказались бы отъ славы своей, чѣмъ согласились считаться однородными пѣвцами *любви кипящей Гетеръ* и проч. окружающихъ свои—*онъ, она, ея*,—сплетеніемъ безсмыслицъ и противорѣчіемъ понятій". Такъ, повидимому, думалъ и самъ Измайловъ, но онъ не съумѣлъ ни выработать для себя опредѣленнаго воззрѣнія, ни отказаться вполнѣ отъ старыхъ традицій. Въ критикѣ онъ разрѣшалъ каждому сотруднику заявлять какія угодно убѣжденія, лишь бы они не были противны „ни грамматикѣ, ни логикѣ". Поэтому критическій отдѣлъ „Благонамѣреннаго" поражаетъ своими противорѣчіями. Въ немъ помѣщается невозможный хвалебный дифирамбъ сочинителю возбуждавшихъ всеобщій смѣхъ драмъ, извѣстному чудаку Ганину отъ не менѣе извѣстнаго Геракова, и рядомъ съ тѣмъ нѣсколько статей, гдѣ драмы Ганина осмѣиваются совершенно, какъ и слѣдовало. Въ одной статьѣ (О басняхъ Гр. Хвостова, О—въ, 1820, IX, 176—182), Гр. Хвостовъ причисляется къ знаменитымъ писателямъ, и указывается превосходство его предъ другими извѣстными баснописцами; въ другой (Новая школа словесности, 1822, VI, 430—438) стихи его подвергаются серьезной и безпощадной критикѣ. Но помимо всѣхъ этихъ противорѣчій, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и плодовитыхъ представителей критики „Благонамѣреннаго", старавшійся повидимому держаться на

нейтральной почвѣ и осуждать только заслуживающее осужденія, житель Васильевскаго острова, подъ которымъ совершенно неправильно разумѣютъ Ореста Сомова, видимо склонялся на сторону классицизма и не прочь былъ осудить романтизмъ въ *принципѣ*, несмотря на относительное достоинство самихъ его представителей. Житель Васильевскаго острова, между прочимъ, о романтической поэзіи вообще говоритъ: „*піитическая нагота* (по старой школѣ неблагопристойность), *дивное* (по ст. шк. вздорное) и *таинственное* (по ст. шк. безтолковое) составляютъ главнѣйшія красоты поэтовъ новой школы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же критикъ замѣтилъ, что „личныя ругательства и сладострастіе сдѣлались любимыми предметами сочиненій, какъ будто нельзя говорить о книгѣ, не трогая автора, критиковать произведеніе безъ зависти, изъ одной любви къ истинѣ, желая отдѣлить хорошее отъ дурнаго, какъ будто нельзя веселиться безъ пьянства, говорить о любви языкомъ благороднымъ“. Другой критикъ „Благонамѣреннаго“, въ „Разговорѣ о романтизмѣ и о Черной рѣчкѣ“ между прочимъ помѣстилъ такой обмѣнъ мыслей въ своемъ разговорѣ: „Думаю, что романтическою поэзіей, которую противополагаютъ обыкновенно классической, называютъ стихотворенія, писанныя безъ всякихъ правилъ, утвержденныхъ вѣками и основанныхъ на истинномъ вкусѣ. — Стало быть стихотворенія вздорныя?—По крайней мѣрѣ весьма далеки отъ совершенства“ (Ч. 23, стр. 66). Критика „Благонамѣреннаго“, даже когда она серьезно принималась за дѣло (напримѣръ, пространный разборъ идиліи Гнѣдича „Рыбаки“ И. Истова), еще не могла освободиться отъ старыхъ шаблонныхъ пріемовъ и ограничивалась одной внѣшней стороной, — стилистическимъ разборомъ отдѣльныхъ стиховъ и выраженій, употребляемыхъ авторомъ. Но при этомъ слѣдуетъ сказать, что въ критическомъ отдѣлѣ помѣщены совершенно отдѣляющіяся отъ общаго тона статьи: очень сочувственный разборъ „Евгенія Онѣгина“ Кюхельбекера, письмо Марлинскаго „О переводѣ трагедіи Офелія“ Катенинымъ и Плетнева „О средствахъ усовершенствованія русской словесности, какъ науки“. Кюхельбекеръ, Бестужевъ и Плетневъ, очевидно, оказались несоотвѣтствующими духу журнала и взглядамъ самого редактора, поэтому они скоро отстранились и не появлялись въ слѣдующіе года. Въ критическомъ своемъ отдѣлѣ „Благонамѣренный“ помѣщалъ очень обстоятельный и постоянный разборъ театральныхъ піэсъ и игры актеровъ на Петербург-

скомъ и отчасти на Московскомъ театрахъ: разборы эти писались нѣсколькими лицами, скрывавшимися за разными псевдонимами,— тогда еще не было въ обычаѣ критиковать кого либо открыто и отъ своего имени,—и въ нашей тогдашней журналистикѣ они представляютъ самый интересный и цѣнный матеріалъ для исторіи русскаго театра. XXIII и XXIV книжка 1820 года посвящены памяти умершаго въ ноябрѣ Милонова. Здѣсь напечатаны двѣ рѣчи въ честь его А. и Дм. Княжевичей, хвалебные разборы его сочиненій вообще (Н-ст-въ) и двухъ отдѣльныхъ стихотвореній, — перевода Шиллеровой піэсы „die Ideale" параллельно съ Жуковскимъ (В. Княжевича) и стихотворенія „Бѣдный поэтъ" (Ор. Сомовъ); стихи на кончину Милонова В. Панаева и надгробіе Измайлова (79). Въ 1816 году основано было „Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія", переименованное потомъ (въ 1820 году) въ „Вольное общество любителей россійской словесности". Уставъ его утвержденъ 19 января 1818. Общество это кромѣ цѣли литературной имѣло еще и благотворительную—пособіе нуждающимся литераторамъ, являясь такимъ образомъ предшественникомъ позднѣйшаго литературнаго фонда. Изъ отчета за 1823 г. видно, что общество раздало въ единовременное пособіе и въ видѣ ежегодныхъ пенсіоновъ несчастнымъ и бѣднымъ литераторамъ, ученымъ и художникамъ 20.376 р., а на 1823 г. назначено 2.840 р. Почетными попечителями Общества состояли въ хронологическомъ порядкѣ: кн. А. Н. Голицынъ, М. М. Дмитріевъ, ген.-ад. Балашевъ, графъ В. П. Кочубей. Членами основателями Общества были: два брата Боровковы, Никитинъ, Люценко, Ильинъ, Дуровъ и Кеппенъ. Къ нимъ въ теченіе 1816 г. присоединились: Розенмейеръ, берггауптманъ 5 класса Е. П. Ковалевскій, Бриммеръ, Гр. Хвостовъ, гр. С. П. Салтыковъ и Ф. Н. Глинка. Въ 1823 г. общество считало въ числѣ своихъ дѣйствительныхъ членовъ между прочими литераторовъ: А. Измайлова, Греча, Б. Дельвига, Анастасевича, Б. М. Федорова, Плетнева, Каразина, Кюхельбекера, Панаева, Загоскина, Сенковскаго, Лажечникова, Сомова, А. и Н. А. Бестужевыхъ, Баратынскаго, Гнѣдича, Лобойко (проф. русской словесности Виленскаго унив.), А. С. Норова, трехъ братьевъ Дм. Ал. и Вл. Мих. Княжевичей, Авр. С. Норова. Въ числѣ почетныхъ членовъ были извѣстные литераторы: Крыловъ, Жуковскій, Карамзинъ, Батюшковъ, кн. Вяземскій, Н. И. Тургеневъ, Востоковъ; профессора

и ученые: Тимковскій, Аделунгъ, Каченовскій; государственные люди: Ал. Ив. Тургеневъ, А. П. Ермоловъ, Сперанскій, Оленинъ, Уваровъ, адм. Мордвиновъ, адм. Шишковъ. Изъ иностранцевъ въ числѣ почетныхъ членовъ состояли: Линде, Добровскій, Раковецкій, Лелевель, Вукъ Стефановичъ, Зоріанъ Доленго-Хадаковскій, Пельчинскій, магистръ философіи въ Вильнѣ, Раскъ—въ Копенгагенѣ. Но рядомъ съ этими почтенными именами въ числѣ почетныхъ членовъ упоминаются: Магницкій, Кавелинъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Аракчеевъ, Фонъ-Фокъ, директоръ канцеляріи III отдѣленія. Общество издавало журналъ подъ названіемъ „Соревнователь просвѣщенія и благотворительности", а въ другихъ экземплярахъ просто „Труды вольнаго общества россійской словесности". Журналъ выходилъ съ 1 января 1818 по августъ 1825 года и состоялъ изъ четырехъ отдѣленій: литературы, науки, критики и смѣси. Общество, во время изданія имѣло сначала предсѣдателемъ гр. Салтыкова, а помощникомъ его Ф. И. Глинку, но вскорѣ роли обоихъ перемѣнились. Первый годъ изданія—1818 г., былъ очень плохъ. Стихотворенія въ 1818 году помѣщали главнымъ образомъ: Ф. Н. Глинка, А. Крыловъ, Дуровъ, Люценко, Гр. Хвостовъ, а затѣмъ гр. Салтыковъ, Бриммеръ, Боровковъ, Розенмейеръ, А. В. Кирѣевскій, проф. Лобойко, П. Теряевъ, О. Сомовъ и Е. П. Ковалевскій; изъ прежнихъ извѣстныхъ поэтовъ есть одно стихотвореніе кн. И. Долгорукова и нѣсколько пѣсенъ Нелединскаго-Мелецкаго, переложенныхъ на ноты. Прозаическій отдѣлъ напоминалъ еще сантиментальныя повѣсти конца XVIII столѣтія, какъ напримѣръ, „Ратміръ и Всемила" Дурова, „Разговоръ о чувствительности между чувствительнымъ и хладнокровнымъ" Бриммера и нѣкоторыя другія, не исключая и „Славянскихъ вечеровъ" В. Нарѣжнаго. Критикой журналъ не занимался и о литературныхъ достоинствахъ русскихъ писателей руководился мнѣніями прошлаго столѣтія, называя В. П. Петрова, въ „воспоминаніи о немъ", *соперникомъ Флакка и Марона*. Но по крайней мѣрѣ редакція не имѣла тѣхъ классическихъ традицій, которыя обнаруживалъ въ своемъ журналѣ Измайловъ и которыя заставляли сторониться отъ него молодое поколѣніе литераторовъ, охотно группировавшихся возлѣ редакціи „Соревнователя". Съ этой стороны, какъ открытое поприще для начинающихъ литераторовъ, въ особенности жившихъ въ Петербургѣ, „Соревнователь" стоялъ впереди другихъ журналовъ. Впо-

слѣдствіи журналъ прямо перешелъ на сторону новаго романтическаго направленія. О. Сомовъ, въ очень обстоятельныхъ и интересныхъ для своего времени статьяхъ о романтической поэзіи, говоритъ: „Мы плѣнены, очарованы стихотвореніемъ, которое при строгомъ разборѣ представляетъ намъ явное нарушеніе правилъ, требуемыхъ приверженцами поэзіи классической; что же составляетъ эту безусловную прелесть поэзіи? Мнѣ кажется, что сія прелесть состоитъ въ новости, неожиданности мыслей, картинъ, положеній драматическихъ и выраженій, которыми поэтъ тѣмъ сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, чѣмъ менѣе мы къ нимъ были приготовлены" (1823, 3, 45 и 46). Переводчикъ статьи о Байронѣ изъ Revue Encyclopedique К. Б. П., указывая на „какое-то непростительное недоброжелательство французскаго рецензента къ англійскому поэту", говоритъ между прочимъ: „если во многихъ своихъ сочиненіяхъ Лордъ Байронъ не соблюлъ строго правилъ словесности, можно его извинить тѣмъ, что онъ, кажется, объявилъ себя врагомъ всякой принужденности, и что онъ рѣшительно хочетъ окончить поприще свое, не бывъ ни подражателемъ, ни подражаемымъ. Единственный его геній доставляетъ ему неоспоримую славу, и всѣ тѣ, которые примутъ на себя трудъ заняться произведеніями сего необыкновеннаго человѣка, найдутъ награду въ удовольствіи, приносимомъ его сочиненіями". Критическій отдѣлъ „Соревнователя" замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что здѣсь помѣстилъ первые свои критическіе опыты Плетневъ: въ 1822 г. „Шильонскій узникъ" Байрона, пер. Жуковскаго, „Кавказскій плѣнникъ" Пушкина; 1824: разборъ анакреонтической оды Державина „Мечта", разборъ Оды Петрова Адм. Н. С. Мордвинову. Русская критика, которой первые шаги были намѣчены Макаровымъ, Беницкимъ, Никольскимъ и Дашковымъ и которая, въ смыслѣ необходимаго и существеннаго отдѣла, введена была въ нашу журналистику Гречемъ, пріобрѣла въ это время новыхъ представителей въ лицѣ Ор. Сомова, Плетнева, кн. Вяземскаго, Бестужева и Кюхельбекера. Критическія способности всѣхъ этихъ лицъ были далеко не одинаковы, но онѣ имѣли одно общее достоинство: протестъ противъ незаслуженныхъ авторитетовъ прежняго подражательнаго направленія, которые пустоту внутренняго содержанія и совершенное отсутствіе интересовъ и явленій русской жизни прикрывали тяжелой и напыщенной формой; они выдвигали впередъ новые таланты, также уходив-

шіе въ сторону подражательности, но по крайней мѣрѣ переносившіе къ намъ послѣдующіе образцы Европейской литтературы, въ лицѣ вновь явившихся великихъ ея представителей, и продолжали дѣло Карамзина, въ смыслѣ обработки русскаго языка и слога. Критическій талантъ Плетнева былъ впрочемъ скорѣе внѣшній и отличался болѣе выработанною округленностью фразы и научною подготовкою, нежели глубиною и опредѣленностью мысли. Какъ бы то ни было, въ силу такого сочувственнаго отношенія критики „Соревнователя" къ нарождающемуся новому слою русскихъ писателей, начиная съ 1818 года, тамъ наравнѣ съ прежними литературными извѣстностями начали появляться и произведенія начинающихъ писателей. Въ отдѣлѣ поэзіи, на ряду съ Воейковымъ, Измайловымъ, Востоковымъ и другими, въ слѣдующемъ же 1819 году появилось нѣсколько стихотвореній Жуковскаго и три мелкихъ вещицы Пушкина, слѣдомъ за ними Д. Давыдовъ, Н. Языковъ (еще въ качествѣ воспитанника Горнаго Корпуса), Кюхельбекеръ, Дельвигъ, Плетневъ, Баратынскій, Гнѣдичъ, Загоскинъ, Писаревъ, Рылѣевъ, Ознобишинъ, кн. Вяземскій, Ободовскій, Мих. Дмитріевъ, Козловъ, Туманскій. Въ прозаическомъ литературномъ отдѣлѣ „Соревнователь" помѣстилъ статьи: М. Загоскина (отрывокъ изъ комедіи „Добрый малый", „Любитель Словесности", отрывокъ изъ его путешествія), Лажечникова (Отрывки изъ походныхъ записокъ русскаго офицера), Кюхельбекера (Европейскія письма); Ал. Бестужева (Путешествіе въ Ревель (1821), Анекдоты изъ дневника гвардейскаго офицера, Второй вечеръ на бивуакѣ. Научный и переводный отдѣлы „Соревнователя" ничѣмъ не отличались отъ другихъ журналовъ, и потому мы не будемъ утомлять читателей перечнемъ помѣщенныхъ тамъ статей (⁶⁰).

Но всетаки „Соревнователь Просвѣщенія", какъ журналъ, не вполнѣ удовлетворилъ собравшуюся около него молодежь и она вскорѣ затѣяла свой журналъ. Для изданія этого журнала соединились между собою Кругликовъ, Сниткинъ и М. Яковлевъ и начали его съ 1820 г. подъ заглавіемъ „Невскій Зритель". Программа журнала была очень обширная и заключала въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: I. Исторія и политика, II. Воспитаніе, III. Нравы, IV. Изящная литература, V. Критика, VI. Изящныя искусства, VII. Смѣсь. Начало журнала было блестящее. Изъ числа редакторовъ Сниткинъ, магистръ исторіи, задался помѣщеніемъ ряда историческихъ статей,

гдѣ онъ предполагалъ описать въ разныя времена и у разныхъ народовъ состояніе правленія, законодательствъ, наукъ и искусствъ, показать различіе между господствомъ язычества, магометантства и *истинной* религіи, которой Европа обязана своимъ возвышеніемъ—вотъ тѣ предметы, на которые особенно будетъ обращено вниманіе въ „Невскомъ Зрителѣ". Такимъ образомъ историческому изученію журналъ придавалъ уже въ то время значеніе, которое въ современномъ изложеніи получило названіе „исторіи культуры". Но Сниткинъ ограничился помѣщеніемъ четырехъ статей, гдѣ онъ разсматривалъ постепенное образованіе гражданскихъ обществъ, начиная отъ дикаго состоянія, а затѣмъ весьма кратко правленіе и культуру Греціи и Рима, до уничтоженія царскаго достоинства. Потомъ Сниткинъ началъ помѣщать обозрѣніе современныхъ происшествій и политическаго состоянія Европы и статьи экономическаго содержанія. Журналъ, въ политическомъ отношеніи, былъ относительно либеральный и высказывался за конституціонно-монархическое правленіе; такъ помѣщенъ былъ, съ видимымъ сочувствіемъ „Обзоръ конституціи Кортесовъ въ Испаніи и великаго герцогства Дармштадтскаго". Но при этомъ Сниткинъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: „По конституціи Кортесовъ не существуетъ, какъ въ Англіи Верхняя Палата Лордовъ, а во Франціи Палата Перовъ, составленныя изъ знатнѣйшаго дворянства и духовенства. Это неминуемо должно будетъ сдѣлать испанское правленіе демократическимъ и разрушить всѣ бывшія основанія власти. Вотъ причина, по которой не надо желать сохраненія испанской конституціи". Рашковъ въ статьѣ „Взглядъ на исторію воспитанія" изложилъ краткую исторію педагогики съ древнѣйшихъ временъ и остановился на обозрѣніи современныхъ системъ воспитанія на западѣ—филантропической, основанной Базедовомъ, школы гуманистовъ и школы эклектиковъ. Потомъ тотъ же Рашковъ помѣстилъ очень дѣльныя статьи: „О сохраненіи здоровья дѣтей", „О гимнастикѣ" (по извѣстному въ то время сочиненію Гутсмутса die Gymnastik fur die Jugend), „О нравственномъ воспитаніи" и нѣк. др., но потомъ отдѣлъ этотъ, постепенно слабѣя, къ концу изданія совершенно стушевался. Кругликовъ писалъ стихи и разборы и занимался переводами; Яковлевъ тоже упражнялся въ поэзіи и помѣстилъ нѣсколько недурныхъ разсказовъ съ сатирическимъ оттѣнкомъ. Вообще говоря, журналъ былъ задуманъ широко и вѣрно,

но редакторы лишены были литературнаго таланта; кромѣ того и самое достоинство содержанія, въ началѣ журнала, не подходило къ жизненнымъ требованіямъ публики, еще продолжавшей искать въ журналѣ только забавнаго и, какъ тогда называлось, „пріятнаго" развлеченія, а не присутствія серьезной мысли и опредѣленнаго направленія, котораго впрочемъ въ журналѣ и не было. Неудивительно поэтому, что, при несочувствіи массы читающей публики, журналъ скоро прекратился, просуществовавъ всего полтора года (съ 1 января 1820 г. по іюль 1821 г. включительно). Неудовлетворительность журнала всего рельефнѣе выразилась въ отдѣлѣ критики. Въ статьѣ о критикѣ, подписанной Б. Б., значеніе и пріемы критики объяснялись въ такомъ видѣ: „Всякое твореніе ума, если оно достойно того божественнаго источника, откуда получило свое начало, должно имѣть цѣлью распространеніе и усовершенствованіе познаній, т.-е. разумныхъ и нравственныхъ наслажденій человѣческаго рода (I, 103). Никто не можетъ возразить чтобы правила, которымъ мы будемъ слѣдовать въ нашихъ изысканіяхъ и которыя будутъ основаніемъ нашихъ мнѣній, были малоизвѣстны, непрочны и неопредѣлительны. Вѣчное уложеніе истинъ, дознанныхъ опытомъ и утвержденныхъ высшею властью (или общественнымъ мнѣніемъ)—вотъ книга, съ которой мы будемъ постоянно совѣтоваться во всѣхъ нашихъ изысканіяхъ, вотъ, по нашему мнѣнію, единственное законодательство хорошей критики (стр. 109). Проложить рождающемуся таланту дорогу къ истинѣ и познанію общественнаго блага, ободрить его первые успѣхи, поддержать мнѣніе публики о настоящемъ достоинствѣ литературы, и особенно отечественной, отвлечь слабые, заблудшіе умы отъ тѣхъ авторовъ, которые соблазняютъ красотами ихъ слога и блескомъ ложныхъ мыслей, обратить ихъ вниманіе къ тѣмъ героямъ древней и новой литературы, которые съ непорочною славою проходили свое поприще, наконецъ, направлять голосомъ кротости писателей, увлеченныхъ вихремъ времени, сражаться оружіемъ разума и справедливости съ умами злонамѣренными, поражать стрѣлами краснорѣчія разсѣвателей правилъ, противныхъ общественному порядку—вотъ должность истинной критики, вотъ занятіе, достойное благомыслящаго человѣка, друга порядка и правды (107). Разборъ классическихъ иностранныхъ авторовъ послужитъ къ тому, чтобы очистить и исчерпать языкъ нашихъ предковъ, удалить отъ

него вліяніе нарѣчій иностранныхъ и дать ему образованіе историческое и національное. Сочиненія современныя доставятъ случай обозрѣвать время отъ времени настоящее состояніе и постепенный ходъ разумнаго и нравственнаго образованія европейскихъ народовъ" (стр. 111). Но исполненіе не совсѣмъ соотвѣтствовало программѣ.

Кюхельбекеръ помѣстилъ двѣ статьи„—Взглядъ на текущую словесность", гдѣ онъ, обозрѣвая содержаніе тогдашнихъ журналовъ, остановился въ особенности на поэмѣ Воейкова „Искусства и науки" и на стихотвореніяхъ Катенина и Буниной, за которыми онъ призналъ несомнѣнное достоинство. Сомовъ помѣстилъ разборъ трагедіи „Ифигенія въ Авлидѣ", переведенной Лобановымъ, гдѣ онъ указывалъ на невѣрность этого перевода и вообще не считалъ его образцовымъ, какъ онъ названъ былъ въ „Сынѣ Отечества". При разборѣ сочиненій кн. В. Долгорукаго рецензентъ, признавая не заслуживающими похвалы его оды, заявляетъ, что въ шутливомъ родѣ Долгорукій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между русскими писателями. Но рядомъ съ этимъ неизвѣстный рецензентъ въ статьѣ „Замѣчанія на поэму Русланъ и Людмила" высказываетъ такое заключеніе: „Должно отдать справедливость г. Пушкину: какою смѣлою и роскошною рукою раскидываетъ онъ красоты поэзіи, въ стихахъ его то живость, то легкость, — кажется будто они у него выливались сами собой. Такъ велико и непримѣтно искусство! Все показываетъ въ немъ поэта. При всемъ томъ надобно жалѣть, что дарованіе не избрало для себя болѣе благороднаго и возвышеннаго предмета, а обратилось на такой, который могъ занимать тогда только, когда *умъ* и *знаніе* были еще во младенчествѣ" (III, 68). Остальные критики „Невскаго зрителя" (Георгіевскій, Осетровъ, Синельниковъ, Богдановъ) почему-то задались преимущественно восхваленіемъ Гр. Хвостова, Катенина и вообще бездарныхъ поэтовъ; а „Житель Васильевскаго острова" съ ожесточеніемъ напалъ на Жуковскаго, разбирая балладу его „Рыбакъ". Георгіевскій, юный и вскорѣ умершій авторъ романа „Евгенія или письма къ другу", помѣстилъ хвалебный взглядъ на стихотворенія „Пѣвца Кубры". Въ разборѣ Н. Б-ва (Н. Бестужева?) стихотворенія „Тоска араба и его милой", перваго опыта Я. Ростовцева, критикъ привѣтствуетъ нарождающійся талантъ, который „Музы возлюбили съ колыбели". Оттого, хотя въ самомъ

началѣ въ журналѣ принимали участіе лучшіе поэты того времени: Пушкинъ (отрывокъ изъ первой пѣсни „Русланъ и Людмила"), Жуковскій, Баратынскій, Дельвигъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе встрѣчается второстепенныхъ и совершенно неизвѣстныхъ и бездарныхъ виршеслагателей, во главѣ которыхъ заполонилъ журналъ самъ Гр. Хвостовъ и стихами и прозою. Довольно сильное участіе въ журналѣ принимали декабристы Бестужевъ, Рылѣевъ и Кюхельбекеръ. Въ отдѣлѣ оригинальной прозы журналъ отличался помѣщеніемъ нѣсколькихъ бытовыхъ разсказовъ, заимствованныхъ изъ русской жизни и написанныхъ живо и съ сатирическимъ оттѣнкомъ: они принадлежатъ М. Яковлеву и отчасти Рылѣеву. Въ особенности выдѣляются: небольшой разсказъ Рылѣева „Гостиный дворъ", гдѣ описывается несчастное положеніе мужа провинціала, котораго разоряетъ жена, путешествующая въ столицѣ по французскимъ магазинамъ, и Яковлева неоконченный разсказъ „Удивительный человѣкъ", подъ именемъ котораго авторъ обрисовываетъ неуча, женившагося на богатой купчихѣ и зажившаго большимъ бариномъ. Въ концѣ описано путешествіе героя въ свою вотчину, село Талантово, на 23 повозкахъ со всевозможною свитою: баринъ сознаетъ, что „онъ будетъ здѣсь султаномъ" и принимается за образованіе мужиковъ. Прежде всего онъ желаетъ учредить сельскій судъ, состоящій изъ 3 отдѣленій, барскаго, гражданскаго и уголовнаго: въ гражданскомъ будутъ разбирать ссоры, въ уголовномъ—наказывать, въ барскомъ будутъ заниматься взиманіемъ оброка". Очевидно, что потребность народной, бытовой литературы появилась уже среди общества и съ перваго же раза стали выдѣляться типы, въ родѣ полк. Кошкарева, Гоголя. Отдѣлъ переводной прозы не представляетъ ни серьезнаго выбора, ни опредѣленнаго направленія. Такъ сюда вошли коротенькія повѣсти: Пиголебреня „Старый горбунъ"; Флоріана „Селика", африканская повѣсть; Лафонтена „Саидъ или дружество", восточная повѣсть; Фуке „Любовный напитокъ"; Лангбейна „Свадебный котрактъ"; неизбѣжные отрывки изъ путешественниковъ Жюи („Hermite en province и Hermite de la Chaussé d'Antin") и отрывокъ изъ „Памятныхъ записокъ" Мармонтеля, переведенныхъ на русскій языкъ Вороновымъ. Въ отдѣлѣ смѣси помѣщались коротенькія извѣстія объ иностранной литературѣ и объ отдѣльныхъ писателяхъ (Шиллеръ, гр. Штальбергъ и др.), замѣтки о произведеніяхъ искусства и о

35*

художникахъ, отзывы о театрахъ русскомъ и иностранныхъ и проч. Политическія извѣстія были весьма кратки, очень запаздывали и излагались чисто фактически, безъ всякихъ разсужденій.

Съ легкой руки Глинки и его „Русскаго Вѣстника" журналы, разсчитанные главнымъ образомъ на удовлетвореніе любознательности предметами и вопросами народной жизни въ ея прошедшемъ и настоящемъ, появились и въ Петербургѣ. Спросъ, повидимому, былъ на нихъ очень значителенъ. Пробудившееся народное сознаніе охватило весь грамотный кругъ; узнать свою старину сдѣлалось потребностью всей мыслящей части общества. Нарождались люди, для которыхъ занятіе русской исторіей было уже не только предметомъ личной любознательности, но такъ сказать *профессіею*, въ смыслѣ, занятія, избраннаго на цѣлую жизнь, съ каѳедры или на литературномъ поприщѣ. Явился и меценатъ, извѣстный гр. Румянцевъ, которому такъ много обязана наука русской исторіи и который неутомимо и ревностно старался поддержать всякаго труженика на этомъ поприщѣ. Онъ былъ въ сношеніи со всѣми лицами, занимавшимися русскою исторіею въ Россіи и за границей; подъ его покровомъ дѣлали свои первые шаги молодые и начинающіе люди, какъ Калайдовичъ, Погодинъ и много другихъ. Съ своей стороны публика жадно и неразборчиво поглощала все, что ей подносили; охота къ чтенію и стремленіе къ писанію тогда проявлялись несравненно сильнѣе, нежели впослѣдствіи. Модной литературной забавой тогда была поэзія. Интересно пересчитать число всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ, появлявшихся на страницахъ журналовъ и альманаховъ, подписывавшихъ и замаскировавшихъ свои имена различными знаками или просто скрывавшихся и извѣстныхъ только болѣе или менѣе обширному кружку своихъ знакомыхъ: имя этихъ поэтовъ—легіонъ, „ихъ же нѣсть числа". Ко всякому литератору, написавшему нѣсколько строкъ въ видѣ шарады, эпитафіи или экспромта, общество относилось съ уваженіемъ; онъ немедленно причислялся къ сонму привиллегированныхъ и вносился въ списокъ членовъ одного изъ обществъ, соединявшихъ въ то время пишущую братію. Петербургскій литературный кружокъ, собиравшійся главнымъ образомъ въ двухъ обществахъ: „соревнователей просвѣщенія" и „любителей наукъ и художествъ"—представлялъ собраніе пестрое и разнохарактерное, гдѣ не принималась въ разсчетъ разность ни талантовъ, ни убѣжденій, ни нравственнаго характера пи-

сателя; здѣсь на равнѣ съ Грибоѣдовымъ, Рылѣевымъ и Бестужевымъ самую видную роль играли Гречъ, Б. Өедоровъ и даже Булгаринъ. Публика къ печатному слову относилась съ какимъ то суевѣрнымъ почтеніемъ, вѣрила ему въ такой степени, что, по словамъ поэта, „печатный каждый листъ казался намъ святымъ". Поэтому успѣхъ вновь вышедшихъ журналовъ, не смотря на отсутствіе таланта и знанія въ редакторахъ, въ то время несравненно понятнѣе и законнѣе, нежели успѣхъ „Московскаго Листка" на нашихъ глазахъ. Издателями такихъ журналовъ, отвѣчающихъ запросу на отечественное, явились Свиньинъ и Булгаринъ.

Уроженецъ Костромской губерніи, получившій свое образованіе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, П. П. Свиньинъ представлялъ своеобразный типъ своего времени. Онъ много путешествовалъ, былъ даже въ Америкѣ, что тогда было рѣдкостью, и наводнялъ тогдашніе журналы, въ особенности „Сынъ Отечества", разсказами о своихъ путешествіяхъ, за что Гречъ прозвалъ его „наблюдательнымъ путешественникомъ". Свиньинъ на своемъ вѣку писалъ и печаталъ очень много. Вотъ перечень его изданій: „Взглядъ на республику соединенныхъ Американскихъ областей", С.-Пб. 1814 г., нѣсколько изданій; „Опытъ живописнаго путешествія по Америкѣ", 1815 г. и 2 изд. 1818 г.; „Достопамятности С.-Петербурга", на русскомъ и французскомъ языкахъ, 6 частей, выходили періодически 1816—1828 года; „Ежедневныя записки въ Лондонѣ", С.-Пб. 1817 г. „Несомнѣнное исцѣленіе отъ укушенія бѣшеною собакою", С.-Пб.1817 г.; „Воспоминанія на флотѣ", 3 ч. С.-Пб. 1818—1819; „Записки о жизни Генералъ-Фельдмаршала кн. Н. И. Салтыкова", С.-Пб. 1818 г.; „Жизнь русскаго механика Кулибина и его изобрѣтенія", С.-Пб. 1819 г.; „Указатель главнѣйшихъ достопамятностей, сохраняющихся въ мастерской оружейной палаты", С.-Пб. 1826 г.; „Шемякинъ судъ или послѣднее междоусобіе князей русскихъ", романъ въ 4 частяхъ, М. 1832 г.; „Картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ", С.-Пб. 1839 г. На журнальномъ поприщѣ Свиньинъ появился прежде всего въ „Пантеонѣ славныхъ россійскихъ мужей". Пантеонъ этотъ прежде, въ 1816 г., издавалъ Кропотовъ и остановился на первомъ полугодіи: въ вышедшихъ 12 книжкахъ (по 2 въ мѣсяцъ) помѣщены были біографіи: Нестора, Миниха, Ермака, гр. Ал. А. Мусина-Пушкина, Минина и Пожарскаго, Филарета Никитича Романова, гр. Орлова-Чесменскаго, Л. Ст. Стрѣш-

нева, патріарха Гермогена и кн. Потемкина. Всѣ эти біографіи написаны напыщеннымъ, реторическимъ слогомъ, содержатъ очень мало данныхъ и притомъ общеизвѣстныхъ, но много неумѣлыхъ измышленій самого автора, — напримѣръ въ біографіи Стрѣшнева цѣлые его разговоры съ Царемъ. Для разнообразія, „Пантеонъ" наполнялся всевозможнымъ балластомъ: самыми бездарными стихами неизвѣстныхъ поэтовъ, скорѣе всего самого автора, безграмотными разсужденіями, въ родѣ напримѣръ—„Защищеніе изящныхъ искусствъ противъ мнѣнія" (?!), переводными отрывками дидактическаго и литературнаго содержанія. Такъ встрѣчаются отрывки изъ путешествія Верна, переводъ изъ Фенелона (Приключенія Аристоменовы), Лафонтена (повѣсть Великодушные соперники), повѣсть Гулькемъ. Въ 1818 г. „Пантеонъ" былъ возобновленъ новыми издателями, но въ числѣ ихъ не находимъ, какъ видно изъ предисловія, Свиньина, вопреки указанію въ извѣстной статьѣ книжника „О русскихъ журналахъ", помѣщенной въ „Московскомъ Телеграфѣ". Но Свиньину принадлежитъ значительная доля участія въ новомъ журналѣ: здѣсь помѣщена длинная статья, подъ заглавіемъ „Воспоминанія на флотѣ", гдѣ разсказывается кампанія вице-адмирала Синявина на Средиземномъ морѣ; „Нѣчто о Яковлевѣ" съ приложеніемъ оставшагося послѣ него въ рукописи отрывка „Наушникъ или разговоръ живописца съ подъячимъ"; „Записки о жизни фельдмаршала Н. И. Салтыкова". Отрывки изъ „Воспоминаній на флотѣ" перепечатаны были въ „Сынѣ Отечества", жизни Салтыкова—въ „Отечественныхъ Запискахъ" и кромѣ того изданы особо. Б. Ѳедоровъ (который повидимому и былъ редакторомъ) помѣстилъ: О судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ; Жизнь боярина Матвѣева; Характеръ и жизнь гр. П. А. Румянцева Задунайскаго; Ѳ. Глинка: Краткое описаніе жизни и подвиговъ гр. Милорадовича, Подвиги ген. лейт. Котляревскаго въ походѣ 1812 г.; Ан. Раевскій: Воспоминанія русскаго офицера, изданныя потомъ отдѣльно; П. Побѣдоносцевъ: Воспоминанія о П. А. Плавильщиковѣ; и наконецъ отрывокъ изъ путешествія Алексѣя Россійскаго, штурмана на кораблѣ „Суворовъ", совершившаго кругосвѣтное плаваніе подъ командою Лазарева въ 1813—1815 годахъ. Журналъ также окончился по истеченіи полугодія. Въ томъ же 1818 г. началъ издавать свой журналъ Свиньинъ подъ названіемъ „Отечественныя Записки", появившійся первоначально въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ въ 1818 и 1819 годахъ,

а затѣмъ выходившій постоянно по книжкѣ въ мѣсяцъ съ 1820 по 1830 годъ включительно. Въ 1824 году во время путешествія Свиньина по Россіи редакціею завѣдывалъ Б. Ѳедоровъ, въ теченіе 6 мѣсяцевъ (съ мая по ноябрь). Направленіе своего журнала Свиньинъ высказалъ въ предисловіи къ первому сборнику 1818 г.: „Путешествіе по чужимъ краямъ съ нѣкоторою наблюдательностью, сверхъ многихъ другихъ преимуществъ, полезно для русскаго всего болѣе тѣмъ, что, по самому легчайшему сравненію своего отечества съ другими государствами, во многомъ *нравственномъ* онъ будетъ долженъ отдать справедливость первому и, если пагубное иностранное воспитаніе, стремящееся въ насъ охладить любовь и уваженіе ко всему русскому и сдѣлало его по несчастью пристрастнымъ къ чужеземному, то почтеніе, отдаваемое во всѣхъ краяхъ свѣта имени русскаго, уваженіе, выгоды и ласки, оказываемыя ему единственно за счастіе быть русскимъ,—невольнымъ образомъ возгоржаютъ его, заставляютъ нашъ бытъ и свое отечество изучить, откуда происходитъ сіе равнодушіе, сія *скромность* соотечественниковъ его къ достоинству своему. Возвратясь въ свою отчизну, русскій горитъ пламенемъ узрѣть памятники славы своего отечества, познакомиться съ соотчичами своими". Поэтому журналъ Свиньина не содержитъ ничего иностраннаго и касается исключительно русской жизни; до послѣднихъ лѣтъ журналъ даже не помѣщалъ ничего литературнаго, сосредоточиваясь на вопросахъ изъ русской исторіи, древней и современной, географіи, статистики и путешестія русскихъ людей и иностранцевъ исключительно въ предѣлахъ Россіи. Большинство статей въ журналѣ принадлежатъ самому редактору. Литературнаго таланта Свиньинъ не имѣлъ вовсе, что всего ярче сказалось въ его романѣ; кромѣ того онъ усвоилъ себѣ и примѣрно напыщенный языкъ бездарныхъ корифеевъ Карамзинскаго періода, выражаясь о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ „языкомъ боговъ". Такъ, напримѣръ, вмѣсто того чтобы выразиться просто, что онъ слышалъ игру на балалайкѣ Мордвинъ, Свиньинъ пишетъ: „послышались звуки *лютенъ* и заунывныхъ пѣсенъ мордовскихъ рыболововъ, только плески водъ прерывали изрѣдка *гармонію эха*" (?!). Къ этимъ недостаткамъ Свиньинъ присоединялъ страсть сильно преувеличивать для возбужденія интереса, что не прошло не замѣченнымъ для современниковъ. Даже въ „Сынѣ Отечества", благосклонно относившемся къ Свиньину, обозрѣватель журналовъ

(Орестъ Сомовъ) желаетъ ему больше *вѣрности*, нежели горячаго усердія, больше *осмотрительности*, нежели поспѣшности въ распространеніи свѣдѣній и болѣе *скромности*, нежели *преувеличенія* въ извѣстіяхъ объ отечественныхъ талантахъ и изобрѣтеніяхъ. Измайловъ, въ сказкѣ „Лгунъ", написанной на Свиньина, охарактеризовалъ его слѣдующимъ образомъ:

Павлушка—*мѣдный лобъ* (приличное прозванье)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье,
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ!
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ то лгать пустился!...
Однажды,—ахъ его лукавый побери!
Однажды этотъ лгунъ бездушный
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушный—
Представьте—говорилъ—какъ этотъ шаръ великъ!
Клянуся честію, такого не бывало!
Съ адмиралтейство!... что, нѣтъ мало!—
А дѣлалъ кто его?—Мужикъ,
Нашъ русскій маркитантъ, Коломенскій мясникъ
Сафронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрена,
И Таня маленькая дочь.

Впрочемъ въ этомъ саркастическомъ отношеніи къ Свиньину товарищей и литераторовъ выражалось болѣе всего чувство неприличія—*выводить на сцену мужика*. Свиньинъ конечно преувеличивалъ, но въ его извѣстіяхъ было много правды; кромѣ того никто тогда не обращалъ вниманія на даровитыхъ людей изъ народной массы. Я лично зналъ одного изъ описанныхъ Свиньинымъ механиковъ,—купца А. В. Красильникова въ Костромѣ: онъ дѣйствительно былъ замѣчательный самородокъ и разсказъ о немъ Свиньина совершенно вѣренъ. Но Свиньинъ имѣлъ за собою, какъ журналистъ, и положительныя достоинства. Свиньинъ понялъ, что изученіе Россіи въ то время невозможно иначе, какъ путемъ личнаго ознакомленія и разспроса мѣстныхъ жителей. И вотъ онъ въ теченіе 10 лѣтъ путешествовалъ по Россіи, во всѣхъ ея концахъ, подготовляясь, по мѣрѣ возможности, собраніемъ всевозможныхъ

историческихъ замѣтокъ о странѣ, куда лежалъ его путь. Оттого путешествія его представляютъ пестрый калейдоскопъ личныхъ наблюденій, собранныхъ слуховъ, статистическихъ данныхъ и историческихъ замѣтокъ безъ всякой критики, не представляющій ничего дѣльнаго и серьезнаго, но здѣсь попадаются иногда очень цѣнные и имѣющіе даже въ настоящее время свое значеніе факты и наблюденія. Во время своихъ путешествій Свиньинъ старался сблизиться со всѣми лицами, занимавшимися изученіемъ своей мѣстности и усиленно вызывалъ ихъ на работу, охотно предоставляя имъ страницы своего журнала. Такъ, по приглашенію Свиньина, появились историко-статистическія описанія разныхъ городовъ, преимущественно Рязанской губерніи, доставленныя ему отъ тамошнихъ учителей; свѣдѣнія о сѣверномъ Поморьѣ (р. Печорѣ, Важской землѣ и Шенкурскѣ) прислали ему тамошніе обыватели Ал. Деньгинъ и Матвѣй Мясниковъ, послѣдній въ очень длинной и интересной статьѣ и т. д. Свиньинъ обращалъ главное вниманіе на выдающихся лицъ изъ простаго сословія, что тогда было большою рѣдкостью и не только помѣщалъ о нихъ въ своемъ журналѣ, но даже помогалъ лично, присылкою книгъ, рекомендаціею и т. д. Такъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" болѣе или менѣе подробно упоминаются замѣчательные люди изъ простаго званія: химикъ Власовъ, механики Калашниковъ, Соболевъ, Кулибинъ, Красильниковъ, Казимановъ, Немиловъ, Чистяковъ, В. М. Лебедевъ въ Грязовицѣ, купецъ Гребенщиковъ, гранильщикъ Шубинъ, мясникъ-астрономъ Семеновъ, купецъ Кикинъ, усовершенствовавшій кожевенное дѣло, художникъ Тарасъ, ваятель Сухановъ, поэты Сибиряковъ, Алипановъ, крестьянинъ села Лопасни Петръ Борисовъ, писатель крестьянинъ П. М. Захарьинъ. Но, къ сожалѣнію, здѣсь-то именно, главнымъ образомъ, и впадалъ Свиньинъ въ преувеличеніе: на изобрѣтенія и работы способныхъ русскихъ людей, сами по себѣ замѣчательныя и достойныя поощренія, Свиньинъ смотрѣлъ не просто, а въ увеличительное стекло и надѣлялъ ихъ качествами, которыхъ онѣ не имѣли. Даже некрологъ цыганки Свиньинъ озаглавилъ „Русская Каталани". Наконецъ въ эпоху неприличной полемики и безсодержательной взаимной руготни между журналами Свиньинъ держалъ себя въ сторонѣ. Онъ указываетъ съ сожалѣніемъ, что во время его отсутствія редакторъ Ѳедоровъ вошелъ въ пререканіе съ Булгаринымъ и только поэтому

онъ и самъ впослѣдствіи поднялъ брошенную ему перчатку. У Свиньина не было jalousie du metier, что каждаго изъ тогдашнихъ журналистовъ ополчало на всѣхъ остальныхъ своихъ собратій. Въ эпоху поголовнаго ополченія на „Телеграфъ", щедрою рукой раздававшій возмездіе всѣмъ, къ нему придиравшимся, Свиньинъ о „Телеграфѣ" выражался такимъ образомъ: „Напрасно Славянинъ съ причтомъ стараются уронить „Московскій Телеграфъ". Чтобы они ни дѣлали, какъ ни напрягались, а публика сама видитъ ревность издателя Телеграфа ознакомить Россію съ ходомъ наукъ и словесности Европейской; публика давно признала журналъ сей лучшимъ литературнымъ журналомъ; великодушно прощаетъ ему нѣкоторую небрежность въ переводахъ, нѣкоторую рѣшительность, рѣзкость въ приговорахъ и сужденіяхъ, искупаемыя впрочемъ благонамѣренностью цѣли и, слишкомъ можетъ быть, пламенною любовью къ истинѣ и совершенству, и вопреки гонителей и подражателей, подписка на Телеграфъ увеличивается ежегодно". Ни одинъ изъ журналовъ того времени не напечаталъ столько интересныхъ и важныхъ для русской исторіи документовъ, сколько „Отечественныя Записки". Достаточно указать на записки Храповицкаго, жизнь Неплюева, памятныя записки Нащокина, изслѣдованіе Дона, Азовскаго моря, Воронежа и Азова вице-адмираломъ Крейсомъ по повелѣнію Петра В., выписки изъ иноземныхъ путешественниковъ по Россіи, грамоты, письма разныхъ лицъ и пр. и пр. Но къ сожалѣнію Свиньинъ имѣлъ привычку не всегда указывать источники, откуда онъ заимствовалъ свои извѣстія, текстъ переиначивать, примѣняясь къ современному языку и иногда пропускать важнѣйшее (наприм. въ запискахъ Храповицкаго, гдѣ нѣкоторыя мѣста обозначены точками). Большинство собранныхъ Свиньинымъ актовъ и документовъ издано впослѣдствіи со всѣми научными пріемами, такъ что въ настоящее время „Отечественныя Записки" въ этомъ смыслѣ представляютъ мало интереса. Изъ статей постороннихъ сотрудниковъ научнаго содержанія болѣе другихъ замѣчательны: статьи Стемпковскаго о Крымскихъ древностяхъ; нѣсколько статей Руссова, преимущественно полемическаго характера по отдѣльнымъ вопросамъ изъ русской исторіи; переписка П. Львова и Ф. Баженова о Марьинской и Вышневолоцкой системахъ; статьи ген. М. Дебу о Кавказѣ и народахъ, въ немъ обитающихъ; о россійскомъ театрѣ, отъ начала до царствованія Екатерины, П. Су-

марокова; русскія лубочныя картинки, Ив. Снегирева; свѣдѣнія о частной жизни и дѣяніяхъ гр. Румянцова-Задунайскаго; замѣчанія на записки Манштейна о Россіи; лѣтопись древняго города Изборска и о десятинной церкви, митрополита Евгенія; монограмма или рядъ гербовыхъ знаковъ на стѣнахъ храма Изборскаго, гр. Канкрина, замѣчательна болѣе именемъ самого автора; приготовленіе къ проѣзду Петра В. черезъ Рязанскую губернію, Гуляева. Особенно интересенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" отдѣлъ военныхъ извѣстій, имѣющій значеніе и въ настоящее время по цѣнности собранныхъ матеріаловъ и по личности составителей. Сюда относятся: описаніе Бородинской битвы, гр. Толя; дѣйствіе русскаго флота во время трехъ кампаній противъ Шведовъ, А. С. Шишкова; первый походъ русскаго флота въ Архипелагъ, описанный Адм. Грейгомъ; турецкій походъ Кутузова въ 1811 году, Гр. Закревскаго; военныя дѣйствія русско-турецкихъ войскъ подъ Анконою въ 1799 г., А. Висковатова; Чесменскій бой и Гангоудское сраженіе въ 1714 г., Глотова; отрывокъ изъ записокъ партизана Давыдова. За исключеніемъ романа Б. Ѳедорова „Князь Курбскій, черты отечественныхъ событій и нравовъ русскихъ XVI вѣка", помѣщеннаго во время его редакторства, литературный отдѣлъ не существовалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" до 1829 г., когда окончились путешествія Свиньина по Россіи, и истощился запасъ собранныхъ имъ документовъ, вслѣдствіе чего журналъ, очевидно, клонился къ прекращенію. Съ тѣхъ поръ въ литературномъ отдѣлѣ преобладаютъ повѣсти Петра Кудряшева, помѣстившаго: „Киргизскій плѣнникъ", оренбургская быль, „Ябурятъ", башкирская повѣсть, „Сокрушитель Пугачева, Илецкій казакъ Иванъ", оренбургская повѣсть, „Даржа" калмыцкая повѣсть. Этотъ Кудряшевъ († 1827) служилъ аудиторомъ въ Оренбургѣ, воспитывался въ Верхнеуральскомъ сиротскомъ отдѣленіи и терпѣлъ какое-то притѣсненіе отъ начальства. О немъ помѣщены извѣстія въ „Отечественныхъ Запискахъ" и полемика въ „Вѣстникѣ Европы". По словамъ Свиньина онъ могъ написать набѣло 250 стиховъ въ день и наводнялъ ими многіе изъ тогдашнихъ журналовъ, преимущественно „Вѣстникъ Европы"; даже, какъ мы видѣли, перевелъ стихами цѣлую поэму Байрона, помѣщенную въ „Благонамѣренномъ". Можетъ быть, при болѣе тщательномъ образованіи, Кудряшевъ выписался бы, но признаковъ самобытнаго таланта во всѣхъ его

произведеніяхъ открыть нельзя. Свиньинъ въ своемъ литературномъ отдѣлѣ отвелъ мѣсто поэтамъ-крестьянамъ Слѣпушкину и Алипанову и помѣстилъ „Путевый журналъ" крестьянина Суханова отъ Архангельска до Петербурга. Кромѣ того въ литературномъ отдѣлѣ помѣщены: „Кызъ Брунъ", черкесская повѣсть Ивана Радожицкаго; длинный и безсвязный нравственный романъ въ письмахъ: „Торжество воспитанія или исправленный мужъ", неизвѣстнаго; „*Умористика*", Вл. Бурнашева; рядъ статей, пустыхъ по содержанію, подъ заглавіемъ „Визитная карточка или страсть къ нововведеніямъ", „Люди не на своихъ мѣстахъ", „Поѣздка въ маскарадъ", „Наполеонова сабля" и пр.; „Бисабрюкъ или вечеръ наканунѣ Ивана Купала", малороссійская повѣсть, разсказанная дьячкомъ Покровской церкви. Въ отдѣлѣ стихотвореній помѣщена комедія „Свѣтскій бытъ", безъ подписи. Критическихъ статей въ журналѣ не много и онѣ, большею частью, состоятъ въ болѣе или менѣе подробномъ изложеніи содержанія, съ приличною похвалою. Вообще даромъ критики Свиньинъ не отличался; онъ превозноситъ Пушкина, превозноситъ „Юрія Милославскаго", но точно въ такой же мѣрѣ превозноситъ и „Петра Выжигина", Булгарина. Изъ постороннихъ статей замѣчательны дѣльныя возраженія на статью проф. Васильева, помѣщенную въ „Вѣстникѣ Европы" (1822, № 7) подъ заглавіемъ: „Историческое обозрѣніе древняго россійскаго законодательства" (замѣчанія на статью, важную по предмету своему); и не безъинтересны нѣкоторыя замѣчанія на „Опытъ теоріи налоговъ" Тургенева, Н. П. Демидова, автора нѣсколькихъ французскихъ брошюръ по политической экономіи. Съ перваго же года въ „Отечественныхъ Запискахъ" открытъ особый отдѣлъ, сначала называвшійся „Письма изъ Петербурга", гдѣ помѣщалась текущая хроника общественной жизни: придворныя извѣстія, увеселенія публики, балы, концерты, театры, гулянья и пр., маневры и смотры, засѣданія ученыхъ обществъ, выпускъ изъ учебныхъ заведеній, выставки и произведенія искусствъ, появленіе новыхъ сочиненій, публичныя работы, естественныя происшествія и всякаго рода выдающіяся событія. Отдѣлъ этотъ, представляющій довольно полную лѣтопись современной общественности, интересенъ и теперь, а въ свое время онъ, безъ сомнѣнія, придавалъ жизнь журналу ([81]).

Если Свиньинъ принялся за изданіе своего журнала безкорыстно и искренно, побуждаемый лишь своею страстью къ литературной дѣя-

тельности, то мотивы Булгарина были совсѣмъ инаго свойства. На страницахъ своихъ записокъ Гречъ безцеремонно, но правдиво и рельефно охарактеризовалъ литературную дѣятельность своего пріятеля. Онъ говоритъ: „До 1823 года Булгаринъ литературою занимался мало, посвящая все свое время, всю свою дѣятельность веденію своего процесса. И мнѣ кажется, что занятія этимъ процессомъ, сопряженныя съ уловками и продѣлками, которыя не всегда оправдываются законами чести и долга, имѣли вредное вліяніе на развитіе его понятій и характера. Для достиженія своей цѣли онъ употреблялъ всѣ возможныя средства: съ утра до вечера таскался по сенаторскимъ и оберъ-прокурорскимъ переднимъ, посѣщалъ секретарей и стряпчихъ, кормилъ и подкупалъ ихъ, привозилъ игрушки и лакомства ихъ дѣтямъ, подарки женамъ и любовницамъ. Польская натура нашла въ этихъ маневрахъ обильную пищу своей низкопоклонности, лести, хвастовству и хлѣбосольству, съ опредѣленною цѣлью. Эти подвиги, оправдываемые свойствомъ его занятій, произвели въ его умѣ смѣшанную теорію правилъ войны, сутяжничества и литературы. Потерявъ возможность продолжать съ успѣхомъ военную службу, онъ пошелъ въ стряпчіе; *видя, что можно литературою пріобрѣсти извѣстность, онъ наконецъ взялся за нее, руководствуясь на каждомъ изъ сихъ поприщъ правилами достигнуть цѣли жизни, т.-е. удовлетворенія тщеславію и любостяжанію*" (Зап. Греча, стр. 447). Булгаринъ иногда самъ невольно проговаривался въ этомъ смыслѣ. Въ одной статьѣ литературныхъ прибавленій (Новый годъ) рѣчь идетъ, кому и какъ поздравлять съ Новымъ годомъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ, Горевъ, говоритъ: „кто, подобно мнѣ, имѣетъ несчастный процессъ впродолженіи восьми лѣтъ, кто сверхъ того долженъ имѣть по многимъ обстоятельствамъ сношенія съ людьми не по выбору, но по необходимости, тому, повѣрьте, друзья, адресъ-календарь противу воли часто заступаетъ мѣсто сердца и памяти" (Лит. листки 1824, № 1, стр. 4 и 5). Практическая смѣтка сейчасъ же указала Булгарину, гдѣ лежитъ корень самой скорой и удобной литературной наживы — въ изданіи журнала, посвященнаго преимущественно отечественнымъ интересамъ. Въ себѣ самомъ матеріала Булгаринъ не находилъ, и вотъ собравши нѣсколько интересныхъ документовъ, онъ съ января 1822 года началъ изданіе „Сѣвернаго Архива". Участія личнаго въ этомъ журналѣ Булгаринъ почти не принималъ; единственная его *ученая*

статья есть біографія Марины Мнишекъ, преимущественно по польскимъ источникамъ; но она написана скорѣе въ родѣ похожденій Выжигина и вовсе не представляетъ исторіи той великой драмы смутнаго времени, гдѣ случайно замѣшалась польская искательница приключеній. Гречъ передаетъ, что статья окончательно провалилась при чтеніи въ Обществѣ соревнователей просвѣщенія и благотворительности въ маѣ 1823 года, такъ что Булгаринъ сразу прекратилъ свои набѣги на русскую исторію. Но всетаки Булгаринъ велъ свое журнальное дѣло съ большею ловкостью, и его „Архивъ“ обратилъ на себя общее вниманіе не только у насъ, но и заграницею, гдѣ интересныя статьи переводились или сообщались въ извлеченіи. Булгаринъ съ перваго же раза съумѣлъ подделаться къ Румянцеву, который передалъ ему сборникъ интересныхъ писемъ къ фельдмаршалу Румянцеву; онъ успѣшно вытаскивалъ интересные документы у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ; онъ успѣлъ привязать къ своему журналу всѣхъ лицъ, въ то время занимавшихся русскою исторіею. На первыхъ порахъ сотрудниками въ его журналѣ являются Берхъ, Дм. Языковъ, Бутковъ, Корниловичъ, Вихманъ, Ходаковскій, проф. Цеплинъ, Левшинъ, изслѣдовавшій бытъ уральскихъ казаковъ и восточныхъ инородцевъ; впослѣдствіи къ нему присоединились Калайдовичъ, Погодинъ, Зубаревъ. Начиная съ 1824 года, когда „Архивъ“ началъ все болѣе и болѣе наполняться переводными статьями, возлѣ него сплотилась цѣлая фаланга трудолюбивыхъ и привычныхъ переводчиковъ: Ник. Безакъ, М. Михайловъ, Рашковъ, Сомовъ (преимущественно по статьямъ литературнаго содержанія) и въ особенности Очкинъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи постояннымъ сотрудникомъ Булгарина. Самое польское происхожденіе оказало ему въ дѣлѣ изданія не малую пользу. Возстановленіе Польскаго королевства и дарованіе ему конституціи оживили Польшу и пробудили въ ней обманувшія ея надежды; польская литература и въ особенности научная дѣятельность того времени представляетъ одну изъ блестящихъ страницъ, украшенныхъ именемъ Мицкевича. Виленскій университъ и Варшавское общество любителей наукъ принялись дѣятельно за разработку польской и славянской исторіи: Лелевель, Линде, Бандтке, Нарбутъ, Нѣмцевичъ, Суровецкій, Ѳ. Чацкій, гр. Ив. Потоцкій, Даниловичъ и др. были болѣе или менѣе видными и блестящими представителями этого направленія. Въ то же время поляки,

болѣе нежели когда нибудь, готовы были сближаться съ русскими: польскіе ученые интересовались русскою исторіею и литературою; Линде перевелъ и снабдилъ примѣчаніями исторію литературы Греча; Лелевель съ уваженіемъ разбиралъ Карамзина и отдавалъ ему полную справедливость, Доленго-Ходаковскій сдѣлался по призванію ходакомъ по Россіи, отыскивающимъ исторію ея старины и т. п. Булгаринъ украсилъ на первыхъ же порахъ свой журналъ помѣщеніемъ интересныхъ „Путевыхъ записокъ“ Сенковскаго и разборомъ „Исторіи государства россійскаго“ Лелевеля. Переводы съ польскаго занимаютъ видное мѣсто и теперь еще сохраняютъ свою цѣну. Сюда относятся: Суровецкаго („О руническихъ письменахъ у европейскихъ народовъ“ и обширное изслѣдованіе о происхожденіи славянскихъ народовъ, повторенное въ чтеніяхъ О. И. и Др.); Ѳ. Чацкаго („О татарахъ, живущихъ въ Польшѣ“); Ходаковскаго (Опытъ объясненія слова „князь“ и „Письма изъ путешествій по Россіи“); „Изслѣдованіе о евреяхъ“ Ѳ. Чацкаго; „Путешествіе графа Потоцкаго въ Астрахань и окрестныя страны“; „Историческое и этнографическое изслѣдованіе о цыганахъ“ проф. Игн. Даниловича; „Біографія гр. Завадовскаго“ Снядецкаго; мелкія статьи Нарбута (Древности Литвы и др.); Глѣбовича (Литовская миѳологія); проф. Опацевича („Изъ путевыхъ записокъ по Гродненской губ.“).

Изъ польскихъ источниковъ Булгаринъ извлекъ много интересныхъ данныхъ для русской исторіи: письмо Смоленскаго воеводы князя Хованскаго къ австрійскому послу Эразму Гайделіусу 1615—1616 г.; договоръ между В. К. Тверскимъ Борисомъ Александровичемъ и В. К. Витовтомъ (напеч. у Глѣбовича, въ жизнеописаніи Витовта) и акты о сношеніяхъ Литвы съ Московскимъ государствомъ (сообщены имъ же); древнія грамоты Литовскихъ князей Видригайло и Витовта, сообщ, Казаковскимъ; дневникъ Самуила Маскевича о пребываніи поляковъ въ Россіи 1612 г. (изъ собранія памятниковъ о бывшей Польшѣ, Нѣмцевича); дневная записка о путешествіи къ запорожскому войску польскихъ коммиссаровъ (оттуда же); записка о дѣлахъ московскихъ въ 1598 г., представленная Сигизмунду III Гримовскимъ. Постоянными отдѣлами въ журналѣ были: 1) исторія; 2) путешествія, и 3) статистика вмѣстѣ съ географіей и этнографіей. Другіе отдѣлы — правовѣдѣніе и политическая экономія — являлись лишь только изрѣдка. Сначала издатель обѣщалъ всеобщую библіографію по исторіи, статистикѣ, путеше-

ствіямъ и этнографіи, но исполненіе этого обѣщанія свелось послѣ перваго номера къ появленію только изрѣдка критическихъ разборовъ, а больше просто библіографическихъ указаній, съ изложеніемъ содержанія о наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ книгахъ по этой части; иностранная библіографія, вмѣстѣ съ русскою, появилась только въ послѣднемъ 1828 году. По исторіи до 1825 года помѣщено нѣсколько интересныхъ документовъ, но вообще въ „Сѣверномъ Архивѣ" ихъ сравнительно менѣе, нежели въ „Отечественныхъ Запискахъ" Свиньина. За то въ „Архивѣ" содержится нѣсколько статей и теперь еще не утратившихъ своего значенія и принадлежащихъ Буткову, Калайдовичу, Берху, Корниловичу и друг. Кромѣ того въ переводѣ помѣщено разсужденіе Клапрота о татарахъ и отрывки изъ исторіи итальянскихъ республикъ Сисмонди. Періодъ двадцатыхъ годовъ былъ блестящею эпохою для путешествій; успокоившаяся отъ волненій Европа высылала во всѣ стороны своихъ развѣдчиковъ, приготовившихъ предстоявшее развитіе европейскаго рынка для фабрикантовъ и промышленниковъ и на путешествіяхъ сосредоточено было общественное вниманіе. Россія тогда въ этомъ отношеніи не отставала отъ другихъ. Первый толчекъ поданъ былъ Р. Американскою компаніею, которая съ основанія по 1824 г. снарядила восемь кругосвѣтныхъ экспедицій для своихъ колоній: корабли „Надежда" и „Нева" подъ командою Крузенштерна 1803 г., „Нева" подъ командою Гагенмейстера въ 1806 г., „Суворовъ", ком. Лазаревъ въ 1813 г., „Кутузовъ" и „Суворовъ", ком. Гагенмейстеръ и Панафидинъ въ 1816 г., „Бородино" ком. Панафидинъ въ 1819 г., „Кутузовъ" ком. Дохтуровъ въ 1820 г., „Рюрикъ" и „Елизавета" ком. Клочковъ въ 1821 г., „Елена" ком. Чистяковъ въ 1825 г. Кромѣ того ученыя экспедиціи совершили: Коцебу 1815 — 1816 г., Головнинъ въ 1817 г., Беллингсгаузенъ и Лазаревъ 1818, 1820 и 1821 г. Снаряжено было также нѣсколько ученыхъ экспедицій сухимъ путемъ въ Бухару, Сибирь, Тибетъ и по владѣніямъ сѣверо-американской компаніи: Негри и Эверсманъ, Тимковскій, Муравьевъ, Врангель, и др. Извѣстія о всѣхъ этихъ экспедиціяхъ помѣщались въ „Сѣверномъ Архивѣ" и возбуждали общее любопытство. По этнографіи замѣчательна статья „Описаніе Якутовъ"; по географіи и статистикѣ содержится нѣсколько очень интересныхъ для сравненія и въ настоящее время статей объ иностранныхъ колонистахъ въ южной Россіи, а также описаніе Аландскихъ остро-

вовъ. Статьи Левшина объ Уральскихъ казакахъ вошли потомъ въ составъ отдѣльнаго его сочиненія. Изъ критическихъ разборовъ выдаются: разборъ путешествія въ Туркменію и Хиву Н. Муравьева; разборъ перевода Линде на польскій языкъ „Опыта объ исторіи русской литературы“ Греча и примѣчаній къ нему самого переводчика; разборъ изданія Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку, проф. Тимковскаго, подписанный Н. Полевымъ. По политической экономіи помѣщено извлеченіе „О цѣли и пользѣ политической экономіи“; переводъ изъ Скарбека „Трактата о политической экономіи“.

Если и теперь журналъ чисто ученый, наполненный исключительно серьезными статьями не совсѣмъ удовлетворяетъ вкусу большинства, требующаго легкаго и занимательнаго чтенія изъ происшествій обыденной жизни, то еще менѣе можно было разсчитывать въ то время на распространеніе журнала, вовсе лишеннаго беллетристики. Булгаринъ вскорѣ это понялъ. Вслѣдъ за Воейковымъ со второй половины 1823 года онъ началъ издавать „Литературные Листки“, какъ безплатное прибавленіе къ „Сѣверному Архиву“, по 24 книжки въ годъ. Изданіе продолжалось въ теченіе всего 1824 года. Здѣсь Булгаринъ разомъ очутился въ своей сферѣ, гдѣ могъ принять и личное участіе. Содержаніе журнала было очень разнообразно и заключало въ себѣ: 1) мелкіе прозаическіе разсказы, которыхъ исключительнымъ почти поставщикомъ былъ самъ Булгаринъ; 2) стихотворенія; 3) Волшебный фонарь или разныя извѣстія, гдѣ помѣщались критическія замѣтки, извѣстія о выходѣ въ свѣтъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній, свѣдѣнія о театрѣ, общественныхъ новостяхъ, некрологи замѣчательныхъ лицъ, анекдоты и проч.; 4) моды. Въ отдѣлѣ прозаическомъ, кромѣ двухъ переводовъ съ нѣмецкаго (одинъ изъ нихъ „Утѣшеніе въ несчастіяхъ“, изъ Вейса обозначенъ А. Б., то-есть А. Бестужевъ) и трехъ статей принадлежащихъ другимъ лицамъ (въ томъ числѣ Праздникъ 27 іюня при Петрѣ I, А. Корниловича) всѣ остальныя принадлежатъ Булгарину и нѣкоторыя изъ нихъ не лишены тѣхъ качествъ, которыя въ свое время придали значеніе Выжигину,—довольно легкой для своего времени внѣшней формы разсказа и нѣкоторой наблюдательности. Стихотворенія принадлежали большею частью Очкину и отчасти Федорову, есть по одному: Ав. Норова, Туманскаго, П. Корсакова, Гри-

горьева и другихъ мало извѣстныхъ. Критика Булгарина была весьма поверхностная и большею частью самая снисходительная, еще не усвоившая того запальчиваго тона, которымъ она отличалась впослѣдствіи въ „Сѣверной Пчелѣ". Булгаринъ тогда былъ въ восторгѣ отъ Пушкина, былъ другомъ Бестужевыхъ, которые принимали участіе въ его журналѣ, и Грибоѣдова. Помѣстивши разборъ „Бахчисарайскаго фонтана" Очкина, гдѣ послѣдній, отдавая справедливость стиху Пушкина, нашелъ, что въ поэмѣ нѣтъ характеровъ, описанія неумѣстны, длинны и холодны, частыя отступленія въ разсказѣ не въ гармоніи съ ходомъ піэсы и представляются разноцвѣтными и вшитыми лоскутками, — Булгаринъ нашелъ эту критику слишкомъ строгою: „въ поэмѣ Пушкина находятся всѣ принадлежности такъ называемаго романтическаго рода, т.-е. общее согласіе въ цѣломъ и живое изображеніе духовныхъ движеній, все вмѣстѣ трогающее сердце и впечатлѣвающееся въ памяти" (II, 268, прим.). Надо сказать, что въ 1824 году—въ эпоху разгара спора у насъ о классицизмѣ и романтизмѣ,—Булгаринъ стоялъ на совершенно вѣрной точкѣ зрѣнія. Вотъ его слова: „Не говоря о предварительномъ образованіи, необходимомъ для поэта и не поэта, для дарованія должна быть одна школа, одинъ образецъ—природа. Кто вѣрно списываетъ ея образы, изображаетъ предметы живыми красками, изъясняется сладкозвучно и возбуждаетъ въ душѣ читателя желаемое ощущеніе, тотъ истинный поэтъ и его произведеніе равно прекрасно, къ какому бы роду оно ни принадлежало" (II, 266—7 прим.). „Сѣверный Архивъ" въ концѣ 1824 года началъ выходить неакуратно: матеріалы истощались, прежніе сотрудники или исписались или отошли отъ журнала. Тогда Булгаринъ и Гречъ рѣшились прекратить взаимную конкурренцію и слить свою издательскую дѣятельность. „Сынъ Отечества" и „Сѣверный Архивъ" продолжали выходить по прежнему подъ общею редакціею, а „Литературные Листки" уничтожились и присоединились къ „Сѣверному Архиву". „Сѣверный Архивъ" въ новой редакціи продолжался до 1829 года, когда общая издательская дѣятельность Греча и Булгарина сосредоточилась исключительно на „Сынѣ Отечества" въ смыслѣ литературно-научнаго журнала и на „Сѣверной Пчелѣ", какъ ежедневной газетѣ для сообщенія текущихъ извѣстій по отраслямъ народной жизни. Отдѣлъ исторіи въ новой редакціи оказался нѣсколько слабѣе и принялъ болѣе пере-

водный характеръ. Въ особенности это замѣчаніе относится къ оригинальнымъ статьямъ по древней русской исторіи; въ числѣ ихъ важнѣйшія принадлежатъ тѣмъ же лицамъ—Бутковў и Берху. За то значительно усилился переводный отдѣлъ, въ которомъ помѣщены отрывки изъ сочиненій Сея, Баранта, Гиллиса, Деппинга, Отфрида Мюллера, Клапрота, Герена, Кузена, Шафарика, Эверсмана, Коха. Отдѣлъ путешествій, въ особенности иностранныхъ, очень разроссся; въ этомъ отдѣлѣ интересны похожденія крестьянина Дем. Ив. Цикулина въ Азіи, Египтѣ и восточной Индіи въ 1808—1821 г., имъ самимъ разсказанныя. Здѣсь же помѣщенъ отрывокъ изъ путешествія по южной Франціи Кюхельбекера. По статистикѣ для настоящаго времени имѣютъ нѣкоторую цѣну слѣдующія статьи: отрывокъ изъ записокъ, сочиненныхъ въ 1815 году М. Т. С. Н—мъ О рыбопромышленности астраханской; Мысли о возможности и легкости сухопутнаго сношенія Россіи съ Индіею и Китаемъ Г. Ш.; Статистика пяти губерній, входящихъ въ генералъ губернаторство Балашова. По этнографіи замѣчательны: О чувашахъ; О колюшахъ или колошахъ В. Романова; О просвѣщеніи Киргизъ - Кайсаковъ Левшина; Изъ критическихъ изслѣдованій Эверса, статья Погодина; О примѣчательныхъ обычаяхъ и увеселеніяхъ малороссіянъ на праздникѣ Рождества Христова и на Новый Годъ, Лукашевича. По политической экономіи, кромѣ переводовъ изъ Сея, помѣщены двѣ оригинальныя статьи: О вліяніи машинъ на народное хозяйство вообще и у насъ въ особенности, М. Михайлова и О дѣйствіи причинъ, имѣвшихъ неблагопріятствующее вліяніе на общественныя выгоды въ Россіи, В. Пельчинскаго. По правовѣдѣнію также есть двѣ оригинальныя статьи: Историческое обозрѣніе россійскаго законодательства изъ книги „Памятникъ изъ законовъ" и Законы Мунгальскіе и Калмыцкіе, по сообщенію гр. Шереметева. Въ отдѣлѣ критики за 1825 годъ помѣщена обширная и неоконченная статья безъ подписи—Критическій взглядъ на X и XI томы Исторіи Государства Россійскаго, Карамзина и Критическія замѣчанія на начертаніе всеобщей географіи, К. Арсеньева—Корниловича. Кромѣ того этотъ годъ наполнялся полемикой Сѣвернаго Архива" съ „Отечественными Записками", „Дамскимъ журналомъ" и въ особенности съ „Московскимъ Телеграфомъ", отъ лица самого издателя Булгарина и отъ имени его сотрудниковъ. Литературный отдѣлъ, замѣнившій „Литературные Листки", подъ за-

главіемъ „Нравы“ въ 1825 г. наполнялся разсказами самого Булгарина въ томъ же родѣ, какъ и въ „Литературныхъ Листкахъ“, но съ начала 1826 года Булгаринъ перестаетъ писать эти мелкіе разсказы и, какъ видно, принимается уже за большіе свои романы, рядъ которыхъ открылся Иваномъ Выжигинымъ. Отрывки изъ Выжигина появляются въ „Сѣверномъ Архивѣ“, начиная съ мая 1825 года. Мѣсто Булгарина по части мелкихъ разсказовъ занялъ московскій литераторъ Василій Ушаковъ, помѣщавшій свои статьи за подписью В. У. и начавшій свое участіе еще съ „Литературныхъ Листковъ“. Сочиненія Ушакова еще пустѣе и бездарнѣе самого Булгарина, у котораго, по крайней мѣрѣ, были проблески наблюдательности и сатирическій оттѣнокъ, придававшій нѣкоторую жизнь его мелочамъ. Но начиная съ 1826 г. оригинальныя статьи все болѣе и болѣе отступаютъ передъ переводными, которыми занялся О. Сомовъ, въ видѣ переложенія мелкихъ статей изъ неизвѣстныхъ французскихъ изданій или подражанія имъ. Въ числѣ переводовъ съ указаніемъ авторовъ помѣщены: изъ г-жи Жанлисъ, Кольне (Пустынникъ С. Жерменскаго предмѣстья), Жуи (Антенскій пустынникъ, Гвіанскій пустынникъ), Ирландскаго пустынника Имбера (moeurs administratifs), Альфреда де Виньи (Кабинетъ кардинала Ришелье изъ его романа „Cinq Mars, ou une conjuration sous Louis XIII). Булгаринъ не даромъ остановился на французскихъ пустынникахъ (Hermite) разныхъ авторовъ: они служили главными образцами для подражанія ему самому и его alter ego Ушакову.

Вообще послѣдній (1828) годъ былъ годомъ вымиранія Сѣвернаго Архива“: книжки запаздывали, такъ что послѣднія выходили уже въ слѣдующемъ году, интереснаго было очень мало и почти весь годъ наполненъ путевыми письмами къ Булгарину Г. Ш. (82). Съ спеціальною цѣлью издавался въ Петербургѣ Журналъ изящныхъ искусствъ Вл. Григоровичемъ. Журналъ этотъ началъ выходить съ апрѣля 1824 года, по одной книжкѣ черезъ два мѣсяца, и прекратился на третей книжкѣ 1825 года, даже не окончивши начатыхъ статей, вѣроятно за недостаткомъ подписчиковъ. Журналъ стоилъ очень дорого, 55 р. въ Петербургѣ и 60 р. для иногородныхъ. Главнымъ въ немъ сотрудникомъ былъ Плетневъ: ему принадлежатъ переводы, обозначенные буквою П., стихи (Тассъ) и разборы стихотворенія Гете „Путешественникъ“ въ переводѣ Жу-

ковскаго и баллады Батюшкова „Умирающій Тассъ". По теоріи изящныхъ искусствъ помѣщены статьи: „О происхожденіи художествъ" изъ Винкельмана; „Сущность, цѣль и польза изящныхъ искусствъ", по теоріи Сулцера; „Объ отношеніи древней и новѣйшей живописи къ поэзіи", чтеніе Берлинскаго профессора Тэлькена"; „О вліяніи климата, одной изъ главнѣйшихъ причинъ различія художествъ у разныхъ народовъ"; „О происхожденіи, успѣхахъ и упадкѣ искусствъ, основывающихся на рисункѣ" Рафаэля Менгса; и „Письмо живописца Людовика Дольче къ Гаспару Беллини", отнесенное къ 1551 году. По исторіи искусствъ помѣщена обширная и обстоятельная статья „О характерѣ художествъ у египтянъ" и біографіи Рафаэля Санціо и Микель Анджело Буанаротти. Въ отдѣлѣ „Обычаи, обряды и костюмы древнихъ народовъ", напечатаны: статья „О костюмѣ" и переводъ Монжеса „О костюмѣ Персовъ во времена владычества царей Ахеменидовъ и царей династіи преемниковъ Александра". Изъ русскихъ памятниковъ разсмотрѣны картины извѣстныя подъ именемъ Каппоніановыхъ и Корсунскія ворота въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ; помѣщены также свѣдѣнія о русскихъ художникахъ Гр. Ив. Угрюмовѣ и Кир. Ив. Головачевскомъ. Русскій отдѣлъ наполненъ кромѣ того большою и обстоятельною статьей издателя объ академической выставкѣ 1825 г., извѣстіемъ о торжественномъ трехгодичномъ собраніи Академіи художествъ 18 сентября 1824 г. и отчетами общества поощренія художествъ. Помѣщены также письма Оленина о составленіи проэкта возобновленнаго Петровскаго театра въ Москвѣ и живописца Алекс Брюлова къ П. А. Кикину о его художественныхъ занятіяхъ за границею, а равно переписка издателя съ гр. Толстымъ относительно критическаго разбора рисунка послѣдняго. Въ отдѣлѣ художественной критики разобраны: картина Корреджіо Мученіе св. Петра, находящаяся въ эрмитажѣ; Пареенонъ Аеинскій и его мраморы; одинъ изъ рисунковъ гр. Толстаго къ „Душенькѣ" Богдановича; Соборъ св. Петра въ Римѣ; Мозаическій столикъ, бывшій на выставкѣ въ Римѣ 1823 г., работы кавалера Барбери; и статуи „Ахиллесъ" и „Гекторъ", произведенія русскихъ скульпторовъ Гольберга и Крылова. Журналъ, по тогдашнему обычаю не могъ обойтись безъ стиховъ; въ него вошли: отрывокъ изъ перевода Иліады, Гнѣдича, отрывокъ изъ перевода Расиновой „Федры", Лобанова, отрывокъ изъ перевода Виргиліевой Энеиды, Дм. Шелехова,

стихотворенія Плетнева и Ф. Глинки. Въ смѣси помѣщались извѣстія о всѣхъ современныхъ произведеніяхъ русскаго искусства. Интересно, какое значеніе получилъ этотъ журналъ между художниками. Художникъ Н. въ письмѣ къ издателю приходитъ въ негодованіе, что *молодый* человѣкъ, не имѣющій званія художника и не бывшій въ Академіи, дерзаетъ критиковать ошибки геніевъ „находитъ недостатокъ у знаменитыхъ русскихъ художниковъ". „У насъ и такъ мало любятъ художниковъ русскихъ, говорится въ письмѣ, между тѣмъ какъ иноземцы художники, къ намъ пріѣзжающіе, находятъ занятіе и покровительство. Къ чему же ведетъ критика? Къ тому, чтобы и послѣднее уваженіе къ своимъ художникамъ разрушить въ публикѣ, чтобы лишить ихъ духа и даже хлѣба насущнаго, для котораго, по малому къ нимъ вниманію, они обыкновенно работать должны. Сколько у насъ было дарованій, которыя исчезли или убиты? Сколько геніевъ отличныхъ, единственныхъ, скрылись въ неизвѣстности, именно по той причинѣ, что не было людей, столько любящихъ отечество и художество, чтобы для славы перваго дать лучшій ходъ послѣднимъ. Въ Россіи много любителей. Но есть ли хотя одинъ, который вмѣнилъ бы себѣ въ честь предпочитать русское достойное иноземному посредственному и нерѣдко даже дурному. Тысячи платятъ за вздоры, за французскія бронзы, за часы съ Мининымъ и Пожарскимъ, на которыхъ твореніе сіе совершенно изуродовано. Это ли значитъ любить художества? И притомъ еще нашелся издатель журнала, который думаетъ оказать услугу публикѣ, выставляя недостатки отечественныхъ художниковъ, или требуя, чтобы тотъ или другой не занимались произведеніями маловажными, мелочными. *Въ Россіи рано, рано затѣянъ журналъ изящныхъ искусствъ*" (IV, 320, 341). Другой художникъ О—ъ также нападаетъ на то, что авторъ взялся за критику произведеній искусствъ, не бывши самъ художникомъ, и дѣлаетъ такое сопоставленіе: „повѣритъ ли художникъ, даже и молодый, чтобы издатель, не произведшій ничего, не извѣстный даже ни однимъ чертежемъ, ни одною чертою, дѣлалъ замѣчанія, заслуживающія, чтобы имъ слѣдовать. Позвольте мнѣ сказать о себѣ: я страстный любитель литературы, которая, какъ говорятъ, есть сестра художества; но повѣрили бы мнѣ Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ и проч., еслибы я вздумалъ дѣлать замѣчанія на ихъ сочиненія; я бы имъ показался слишкомъ смѣшнымъ,

только одинъ примѣръ дѣйствителенъ, написалъ ли онъ самъ, сказали бы про меня, хоть шараду“ (VI, 522).

Журнальная дѣятельность Воейкова была ничтожна и прошла безслѣдно. *Первый* ученикъ Московскаго университетскаго пансіона, Воейковъ одаренъ былъ недюжинными способностями. Воейковъ даже не былъ совершенно лишенъ поэтическаго таланта, но его убило мелочное и раздражительное самолюбіе. Воейковъ вынесъ изъ пансіона то блестящее, но энциклопедическое поверхностное образованіе, которымъ въ свое время щеголяли воспитанники. Онъ продолжалъ свои занятія и потомъ, такъ что Карамзинъ удивлялся познаніямъ Воейкова; но, несмотря на профессуру въ Дерптѣ, благодаря покровительству Жуковскаго, Воейковъ ни до какого серьезнаго результата не достигъ. Критика его представляетъ тяжелое и неумѣлое примѣненіе шаблонныхъ правилъ и пріемовъ, безъ всякихъ признаковъ самостоятельнаго сужденія и эстетическаго вкуса. Умъ Воейкова, направленный его мелочнымъ самолюбіемъ, развилъ въ немъ мѣткое, но злое остроуміе, всегда въ обществѣ придающее извѣстный вѣсъ лицу; это качество, въ соединеніи съ образованностью, для своего времени выдающеюся, поставило Воейкова въ очень выгодное положеніе какъ въ обществѣ, такъ и среди литераторовъ, въ особенности по родству Воейкова съ Карамзинымъ и по женитьбѣ его на Протасовой, племянницѣ Жуковскаго, воспѣтой имъ подъ именемъ Свѣтланы. Но въ нравственномъ отношеніи Воейковъ не имѣлъ никакихъ устоевъ, и, при своемъ неуживчивомъ характерѣ, вѣчно приходилъ въ столкновеніе съ женой, съ пріятелями, съ собратіями по ремеслу. Самолюбіе, не дававшее ему покоя, постоянно заставляло его добиваться извѣстности и славы: и скорѣе эти недостатки, но не внутренній инстинктъ творчества, были причиною его плодовитой, но безполезной литературной дѣятельности. Первый опытъ былъ удаченъ. Извѣстная сатира Воейкова „Домъ съумасшедшихъ“ прочтена была цѣлой Россіей, успѣхъ ея можно сравнить развѣ только съ успѣхомъ Гоголевскаго „Ревизора“ въ первое время. Дѣйствительно, сатира вѣрно и зло задѣвала лицъ, въ то время вызвавшихъ противъ себя общее неудовольствіе,—Кавелина и Рунича; она вѣрно подмѣтила слабыя стороны въ литераторахъ, пользовавшихся тогда извѣстностью. Но со стороны самого Воейкова такой протестъ былъ совершенно ненамѣренный: въ его гла-

захъ были одинаково *смѣшны* и Кавелинъ съ Руничемъ, и невинно-наивный Шаликовъ, и Глинка съ его непритворнымъ патріотизмомъ, и Жуковскій, несмотря ни на его литературныя заслуги и даже на все добро, которымъ онъ постоянно осыпалъ Воейкова. Ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, Воейковъ настойчиво устремился въ погоню за славой, но успѣхъ не соотвѣтствовалъ ни желанію, ни труду. Воейковъ попробовалъ другую сатиру — не удалось; онъ избралъ другой путь. Тогда лавровые вѣнки раздавались исключительно жрецамъ Аполлона; за отсутствіемъ собственной изобрѣтательности поэты перелаживали классическія произведенія изъ другихъ литературъ. Воейковъ остановился на бездарной, скучной и напыщенной поэмѣ Делиля „Сады“ и этимъ ясно обнаружилъ отсутствіе художественнаго вкуса. Но всетаки, по заведенному обычаю, лавровый вѣнокъ онъ получилъ и сопричисленъ былъ къ сонму поэтовъ классиковъ, пользовавшихся извѣстностью въ обществѣ и уваженіемъ въ литературномъ кругу. Передъ нимъ раскрылись даже двери Россійской академіи, которую онъ передъ этимъ избралъ предметомъ своей второй, неудавшейся сатиры. Затѣмъ, когда журналъ сдѣлался въ Россіи не только литературнымъ достояніемъ, но и доходною статьею, Воейковъ, послѣ неудачнаго соредакторства съ Гречемъ въ „Сынѣ Отечества“, испросилъ себѣ, при помощи Жуковскаго, изданіе „Русскаго Инвалида“. „Инвалидъ“ въ рукахъ Воейкова не давалъ ничего кромѣ громкихъ фразъ, пошлыхъ претензій на патріотическое чувство, напримѣръ сравненія побѣдъ на скачкѣ англійскаго скакуна надъ Донскою лошадью съ взятіемъ Москвы, жиденькихъ описаній отечественныхъ происшествій, да выписокъ, сдѣланныхъ безъ всякой системы изъ иностранныхъ газетъ (Колбасинъ, литер. дѣятельн., стр. 267). Когда дѣла по „Инвалиду“ разстроились вслѣдствіе уменьшенія подписчиковъ, Воейковъ сталъ издавать „Новости русской литературы“, еженедѣльныя безплатныя прибавленія къ „Русскому Инвалиду“ (1823—1826), которыя сначала стали быстро расходиться и, какъ мы видѣли, вызвали подражаніе со стороны Булгарина. Въ этихъ „прибавленіяхъ“ помѣщались стихи, принадлежавшія извѣстнымъ тогда писателямъ (Баратынскій, Козловъ и др.), мелкіе разсказы, критика и переводы. Когда „Инвалидъ“ отошелъ отъ Воейкова, онъ завелъ самостоятельный журналъ „Славянинъ“ (1827—1828). Но во всѣхъ этихъ изданіяхъ встрѣ-

чалось мало самостоятельнаго и ничего выдающагося; часто редактора уличали даже въ перепечаткахъ изъ другихъ журналовъ и изданій.

Остальные Петербургскіе журналы, издававшіеся Б. М. Федоровымъ, Кропотовымъ, Корсаковымъ и Очкинымъ, не имѣютъ значенія; изъ нихъ только „Демокритъ" Кропотова (1816 года 6 книжекъ) получилъ даже въ свое время печальную извѣстность пошлаго и неблаговиднаго изданія, издѣвавшагося надъ всѣмъ честнымъ, благороднымъ и образованнымъ. Онъ нашелъ въ томъ же году подражателя въ провинціи — „Харьковскій Демокритъ", который былъ еще хуже даже своего оригинала.

Въ Москвѣ съ 1823 года началъ издавать „Дамскій журналъ" кн. Шаликовъ, сначала одинъ, а съ 1825 года въ сотрудничествѣ съ М. Н. Макаровымъ, прежнимъ издателемъ „Журнала для милыхъ". „Дамскій журналъ", съ эпиграфомъ на первомъ году „все служитъ красотѣ", продолжался по 1-е января 1833 г. и выходилъ по 12 книжекъ въ годъ, а подъ конецъ еженедѣльно. О направленіи Шаликова и его журнала мы уже говорили; онъ былъ даже болѣе чѣмъ „Благонамѣренный" прямымъ переживаніемъ прежней эпохи, когда журналъ имѣлъ чисто переводное значеніе и въ смыслѣ оригинальности ограничивался стихотвореніями и слабыми бездарными подражаніями иноземныхъ повѣстей, то въ сантиментальномъ смыслѣ, то въ ужасномъ, то аллегорически дидактическомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ Шаликова былъ представителемъ галантнаго направленія, внесеннаго въ нашу литературу Макаровыми, но не съ эротическимъ пошибомъ, несмотря на участіе М. Н. Макарова. Напротивъ кн. Шаликовъ отличался наивною скромностью. Разсказывая о циркѣ Турньера, Шаликовъ между прочимъ такъ выражается о его наѣздницахъ: „самыя блестящія минуты, самый лучшій тріумфъ сихъ *конныхъ актрисъ* сопряжены съ такимъ униженіемъ для ихъ пола, столько оскорбляютъ разборчивость чувствъ, такъ противны назначенію *милыхъ* существъ, до того несовмѣстны съ ихъ натуральными прелестями, что невольно поворачиваешься то въ ту, то въ другую сторону, изъ уваженія къ скромности". „Что есть женскій полъ, говоритъ кн. Шаликовъ, какъ не піитическая половина рода человѣческаго. Самые недостатки ихъ стихотворнѣе нежели добродѣтели, подъ личиною которыхъ не рѣдко мущина скрываетъ честолюбіе, корыстолюбіе, суемудріе и проч. и проч."

Но духовная пища, которую преподносилъ кн. Шаликовъ въ своемъ журналѣ этой „піитической половинѣ“ была не изъ самыхъ здоровыхъ и утонченныхъ. Главными сотрудниками кн. Шаликова были: извѣстный писатель по сельскому хозяйству Дм. Шелеховъ, Нечаевъ, Кобозевъ, Волковъ, отчасти кн. Вяземскій, кн. Ег. Дадіанъ, Мар. Лисицына (авторъ изданной отдѣльно повѣсти „Эмилій Лихтенбергъ“, М. 1825 г.) и Залыбѣдскій: всѣ они, за исключеченіемъ послѣдняго, помѣщали свои стихотворенія, сочиняли прозаическія статьи и занимались переводами. Ядро каждой книжки составляла повѣсть большею частію переводная съ французскаго или съ нѣмецкаго. Более всего помѣщено повѣстей Бульи, а затѣмъ неизбѣжнаго въ то время Вашингтона Ирвинга (съ французскаго перевода Адели Борегаръ). Кромѣ того въ переводѣ появлялись г-жа Пихлеръ, г-жа Жанлисъ, герц. Дюрасъ (Урика), г-жа Монтолье, Беркенъ, Жоффре, Кернеръ. Изъ Вальтеръ Скотта переведены: поэма „Помолвка Тріермена или долина св. Іоанна“ и баллада „Пѣснь Утлава Мурра“; изъ Байрона—элегія „Прости“; изъ Виланда — отрывокъ изъ „Пиѳагорейскихъ женщинъ“ и три параболы (притчи) Крумахера. Есть переводъ съ Венгерскаго повѣсти г-жи Нитра „Боярыня Калличадо и Готфридъ Оппель-Майеръ, или письма двухъ любовниковъ, живущихъ въ горахъ Карпатскихъ, при берегахъ рѣки Быстрицы“,—подражаніе страданіямъ юнаго Вертера, романа Гете. Интересны также не по содержанію, а по личности автора отрывки изъ сочиненій Авг. Десальера, англичанина, убѣжавшаго сиротою изъ Пруссіи въ Россію, поступившаго въ военную службу, перешедшаго къ польскимъ конфедератамъ и послѣ странствованій по Европѣ, наполненныхъ приключеніями, снова опредѣлившагося въ русскую армію. Оригинальныя прозаическія повѣсти и разсказы ниже всякой критики; нѣкоторые прямо названы подражаніями, даже иногда съ добросовѣстнымъ эпиграфомъ. —*слабымъ* подражаніемъ; относительно другихъ, какъ напримѣръ, „Софья и Алексѣй или красивый замокъ на дикомъ берегу Камы“ Е. Ч. совершенно по рецепту Радклифъ, — это подразумѣвается. Кромѣ этихъ неумѣлыхъ подражаній, въ оригинальной прозѣ встрѣчаются, согласно старому обычаю, путешествія, образцомъ которыхъ служили разные Hermites Лантье, Жюи, Кольне и др. Таковы: Прогулка въ Архангельскъ и Царицыно самого Шаликова, Письмо изъ путешествія въ Таган-

рогъ, Одессу и Крымъ, Измайлова, длинный, предлинный журналъ пѣшеходовъ и Старый житель столицы въ провинціи, Залыбѣдскаго. Кромѣ повѣстей и разсказовъ помѣщались или разныя отрывочныя истины, подъ заглавіемъ: „Мысли, характеры и портреты"; или мелкіе отрывки, также большею частью переводные и приноровленные ко вкусу и требованіямъ „піитической половины". Таковы, напримѣръ, Разсужденія о любви — изъ сочиненія Сталя „De l'influence des passions sur le bonheur des individues et des nations; Похвальное слово женщинамъ, Прекрасный полъ, О чувствительности, О хорошемъ обществѣ и т. д. Источниками для статей этого рода служили преимущественно: Journal des Dames, Petit Courier des Dames, Damen-Zeitung, Essai sur l'ésprit de la conversation, Economie of human Life и др.

Журналъ Шаликова, имѣя въ виду преимущественно читательницъ преслѣдовалъ совершенно правильную цѣль—познакомить съ выдающимися личностями изъ женщинъ. Но при этомъ Шаликовъ остановился преимущественно на самыхъ коротенькихъ извѣстіяхъ объ извѣстныхъ француженкахъ, не исключая и получившихъ Монтіоновскую премію за добродѣтель (изъ Монтіоновскаго альманаха на 1826 г.). Изъ русскихъ помѣщены краткая біографія кн. Дашковой, очень поверхностныя и коротенькія извѣстія, доставленныя Макаровымъ объ Екатеринѣ I, Вел. кн. Екатеринѣ Дмитріевнѣ, супругѣ Димитрія Донскаго, Королевѣ Виртембергской Екатеринѣ Павловнѣ и кн. Нат. Григ. Бѣлосельской; а также біографическое извѣстіе объ Ел. Сем. Сандуновой, доставленное кн. Ег. Дадіаномъ. Въ этомъ отношеніи не лишены интереса статьи „О женщинахъ, упражнявшихся въ сочиненіяхъ и покровительствовавшихъ сочинителей въ Греціи, Римѣ, Италіи и Франціи" за подписью „Люблино" и „Имена почетныхъ дамъ и дѣвицъ русскихъ" (списокъ членовъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, статсъ-дамъ и фрейлинъ, кавалерственныхъ дамъ и пр.) Въ „Дамскомъ журналѣ" помѣщенъ краткій некрологъ Б. Дельвига, написанный Плетневымъ. Стихотворная часть очень слаба и не представляетъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго произведенія. Изъ болѣе извѣстныхъ поэтовъ въ журналѣ принимали участіе: кн. Вяземскій, Вл. Пушкинъ, Гр. Хвостовъ, Воейковъ, А. Измайловъ, кн. Ив. Долгоруковъ, Бар. Розенъ, Мих. Дмитріевъ, Ив. Козловъ, Бор. Ѳедоровъ, Ан. Бунина, С. Глинка, Ѳ. Глинка; изъ менѣе извѣстныхъ, кромѣ названныхъ

выше сотрудниковъ, Головинъ, Авр. Норовъ, Глѣбовъ, Иванчинъ Писаревъ, А. Писаревъ (попечитель М. У.), и многіе другіе. Въ этомъ отдѣлѣ есть одно стихотвореніе „Александръ I“ княгини Зин. Волковской (ч. XIII, 74) и Грановскаго „Страдалецъ“ (ч. XXII, 87). Тимоѳей Николаевичъ былъ воспитанникъ пансіона Кистера, откуда онъ вышелъ съ серебряною медалью; у Кистера заведено было публичное собраніе воспитанниковъ, по примѣру университетскаго благороднаго пансіона, и на первомъ засѣданіи въ 1826 году, гдѣ Грановскій избранъ былъ президентомъ, онъ прочелъ означенное стихотвореніе. Журналъ Шаликова занимался также и критикой. Какого рода была эта критика, видно изъ слѣдующаго отзыва о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ Пушкина: „это фонтанъ, бьющій розовою водой, которая разливаетъ благоуханіе въ чистѣйшей атмосферѣ прелестнаго востока и утоляетъ пламенную жажду чувства и воображенія“. Но это не помѣшало кн. Шаликову отнестись совершенно правильно къ Борису Годунову, гдѣ онъ, въ числѣ немногихъ тогдашнихъ критиковъ, прозрѣлъ великое произведеніе народнаго творчества. Съ другой стороны кн. Шаликовъ напалъ на первыя произведенія Одоевскаго, помѣщенныя въ „Вѣстникѣ Европы“, съ которымъ „Дамскій журналъ“ сохранялъ дружелюбныя отношенія, несмотря на полемику между Вяземскимъ и М. Дмитріевымъ, по поводу Бахчисарайскаго Фонтана, („Дни досадъ“). Шаликовъ никакъ не могъ простить Одоевскому его презрѣнія къ свѣтской жизни. Въ полемику вдавался „Дамскій журналъ“ очень охотно, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ очень часто служилъ темою для своихъ собратій. Въ этомъ случаѣ, если журналъ не отличался остроуміемъ и серьезностью, то по крайней мѣрѣ онъ былъ строгъ и рѣшителенъ въ своихъ приговорахъ. Послѣ появленія первыхъ двухъ книжекъ „Московскаго Телеграфа“, „Дамскій журналъ“, въ письмѣ одного изъ своихъ сотрудниковъ, порѣшилъ: „Этотъ журналъ начинаетъ сердить насъ до смерти: въ немъ, позвольте употребить это слово, господствуетъ и скучный педантизмъ, и несносная самоувѣренность; пристрастныя и вынужденныя сужденія обо всѣхъ отрасляхъ литературы, художествахъ и даже о журналахъ и книгахъ иностранныхъ (!!)“. Съ „Телеграфомъ“ и впослѣдствіи „Дамскій журналъ“ постоянно пререкался; даже съ этой цѣлью завелъ особый отдѣлъ, подъ названіемъ „антижурналистика“. Тотчасъ послѣ выхода Галатеи „Дамскій Жур-

налъ", по поводу виньетки бабочки на обертк̀ѣ журнала, порѣшилъ, что „отъ этой твари не бывать пути", и жестоко нападалъ на новое изданіе. Наконецъ въ „Дамскомъ журналѣ" былъ особый отдѣлъ съ 1826 года подъ названіемъ „Письма для иногородныхъ", гдѣ помѣщались свѣдѣнія о всѣхъ балахъ и увеселеніяхъ въ высшемъ обществѣ, концертахъ и театрахъ: отдѣлъ этотъ не лишенъ интереса въ смыслѣ хроники тогдашней общественной жизни. Само собою разумѣется, что къ журналу прилагались постоянно моды и изрѣдка романсы съ нотами. Съ 1829 года журналъ началъ издаваться еженедѣльно, подъ конецъ очень неакуратно, тоненькими тетрадками, безъ обертки и оглавленія. Это еще хуже отразилось на его содержаніи: оно все наполнялось коротенькими отрывками, переводными и оригинальными, не представляющими ничего серьезнаго. Главнымъ сотрудникомъ, писавшимъ и стихами и прозой, во всѣхъ родахъ, былъ съ 1829 г. С. Н. Глинка, подъ псевдонимомъ „Мечтатель".

Журнальная дѣятельность профессоровъ Московскаго университета выразилась въ изданіи „Амфіона" Мерзляковымъ, „Атенея" Павловымъ и „Русскаго Зрителя", задуманнаго Калайдовичемъ. О первыхъ двухъ мы уже говорили; скажемъ нѣсколько словъ о послѣднемъ. К. Ф. Калайдовичъ предпринялъ съ 1 января 1828 года журналъ „Русскій Зритель", журналъ исторіи, археологіи, словесности, и сравнительныхъ костюмовъ. Самъ Калайдовичъ собралъ только матеріалы, но затѣмъ тяжкая болѣзнь помѣшала ему заняться изданіемъ. Это дѣло приняли на себя друзья-литераторы больнаго: Погодинъ, С. Т. Аксаковъ, М. А. Дмитріевъ, И. В. Кирѣевскій, М. А. Максимовичъ, В. И. Оболенскій, Д. П. Ознобишинъ, С. Е. Раичъ, А. Ф. Томашевскій, С. П. Шевыревъ; издательскую часть принялъ на себя С. А. Ширяевъ. Матеріалъ, собранный Калайдовичемъ, былъ выпущенъ въ 1 — 6 книжкахъ Погодинымъ и въ 7 и 8 — Ознобишинымъ; затѣмъ №№ 9 и 10 издалъ С. П. Шевыревъ, 11 и 12—А. Томашевскій, №№ 13 и 17—Раичъ, 15 и 16 М. С. А—въ (С. Аксаковъ), 17, 18, 19 и 20 — П. и И. Калайдовичи; №№ 21 и 22—неизвѣстно кто. Во всѣхъ дополнительныхъ книжкахъ помѣщены матеріалы, собранные самими составителями. Книжки очень запаздывали и послѣдняя вышла только въ началѣ 1830 г. Самую существенную часть журнала составляли, какъ и слѣдовало ожидать, статьи по русской исторіи. Изъ матеріаловъ, собранныхъ

самимъ Калайдовичемъ, напечатаны въ I—IX №№: вопросъ о мѣстѣ рожденія имп. Петра Великаго; путешествіе Іосафата Барбаро, посланника венеціанскаго въ Танну, нынѣ Азовъ, 1436 г. (пер. Горбунова); письмо Калайдовича къ Карамзину съ отчетомъ объ обозрѣніи мѣстности Тушинскаго стана втораго Лжедимитрія; надгробный памятникъ Мареы, будто бы посадницы Новогородской; нѣкоторыя черты изъ жизни и дѣяній ген.-маіора Д. В. Давыдова; донесеніе имп. Леопольду цесаревскихъ посланниковъ Августина Мейерберга и Горація-Вильгельма Кальвуція, бывшихъ въ Москвѣ съ 17 февраля 1661 г. до 22 февраля 1662; нѣчто о церкви Николая чудотворца, что въ Котлахъ, Погодина; поѣздка великой княгини Елены Іоанновны въ Вильну для бракосочетанія ея съ литовскимъ великимъ княземъ Александромъ, заимствована изъ посольскихъ дѣлъ,—документы относительно этого брака напечатаны были и въ „Сѣверномъ Архивѣ"; историческій и географическій опытъ о торговлѣ и сношеніи арабовъ и персовъ съ Россіею и Скандинавіею въ среднихъ вѣкахъ, проф. Копенгагенскаго университета Расмузена, съ англійскаго перевода въ „Edinburgh Magazine"; интересное странствованіе ко св. мѣстамъ архидіакона Зосимы въ 1420 году; взглядъ на коренные языки Ив. Калайдовича. Въ послѣдующихъ №№ помѣщены: взятіе Казани, обширная статья сводная изъ всѣхъ печатныхъ источниковъ и сочиненій; общія замѣчанія о русской правдѣ изъ критическихъ изслѣдованій Эверса; о титулѣ и гербѣ россійскихъ государей, изъ путешествія Рафаила Барберини (переводъ адъюнктъ-проф. Галлера); анекдоты о Петрѣ Великомъ, переведенные съ нѣмецкаго; отрывокъ изъ путешествія Олеарія по Россіи; нѣчто о городѣ Бѣжецкѣ (изъ письма къ С. В. Т.-Б—въ); сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго, найденное проф. Тимковскимъ въ сборникѣ начала XVII вѣка, изд. Снегирева; торжественное посольство королевы Анны къ Петру I, въ удовлетвореніе за заключеніе въ тюрьму кредиторомъ россійскаго посла, Гр. Матвѣева; списокъ твореній Іоанна, экзарха болгарскаго, въ библіотекѣ кн. Н. М. Голицына; глаголическая рукопись въ собраніи А. П. Курбатова; письмо черногорскаго митрополита Даніила. Изъ оригинальныхъ статей научнаго содержанія интереснѣе другихъ: рѣчь объ участіи Московскаго университета въ просвѣщеніи Россіи, сказанная адъюнктомъ М. Максимовичемъ на актѣ 12 января 1830 года; нѣсколько

статей о Монголіи, подписанныхъ I. (Іовскій), конечно компилятивныхъ; изъ исторіи итальянской литературы, Раича; о крымскихъ пещерахъ, Кеппена. Въ отдѣлѣ переводовъ: объ эпической поэзіи, изъ эстетики Бахмана; объ исторіи вообще изъ „Vorlesungen über die neueste Geschichte“ Шлегеля; отрывки изъ исторіи Западной имперіи Гиббона и изъ греческой исторіи Ройю. В. Измайловъ помѣстилъ статью „о романахъ“, переводъ изъ предисловія къ роману Жюи „Cecile ou les passions“. Литературная часть въ журналѣ довольно слаба. Кромѣ неизвѣстныхъ поэтовъ, напечатаны стихотворенія Б. Розена, Ознобишина, Тютчева, В. Перцова, Раича, С. Глинки, Муравьева, П. Колачевскаго, М. Лисицына, Ю. Познанскаго, Н. Суслова. Здѣсь же Н. И. Надеждинъ помѣстилъ свой переводъ стихами, довольно впрочемъ неудачный, „Гимновъ Орфея“. Изъ стихотвореній неизвѣстныхъ поэтовъ замѣчательна своимъ легкимъ стихомъ піэса „Цареградская обѣдня“ (1—11, 70—74). Повѣсти, разсказы и путешествія, помѣщенные въ „Зрителѣ“, такъ же плохи, какъ и въ остальныхъ журналахъ; таковы „Несчастіе отъ французской кадрили“, Анд. де-Шапелета; „Темиръ“, повѣсть профес. В. Оболенскаго; „Нѣсколько сценъ въ Москвѣ, въ 1612 г.“ Но довольно легко и съ интересомъ читается статья В. Шереметевскаго „Исторія калачей“ (V и VI, 93—115), гдѣ приведены всѣ прежнія указанія о значеніи калачей въ домашнемъ обиходѣ старинной русской жизни. Въ переводномъ отдѣлѣ помѣщены: В. Скотта, двѣ главы изъ романа „Певериль“; Томаса Мура, первыя 5 главъ изъ романа „Эпикуреецъ“; изъ Жанъ-Поль Рихтера „Левана“, отрывокъ; отрывокъ изъ „Frau Hernwald Wanderungen“, соч. Вакенродера (Тика); изъ Вашингтона Ирвинга; повѣсть Крузе,— „Изображеніе Іуды“, два отрывка изъ восточныхъ произведеній и пр. По части критики помѣщены: Объ армянскихъ книгахъ; словарь, составленный членами Венеціанской армянской академіи; грамматика Мих. Чамчіана и риторика Стеф. Аконцъ, А. А; замѣчанія на словарь Академіи россійской К. (Калайдовичъ); о сочиненіяхъ Шатрова; мнѣніе о малороссійскомъ языкѣ и правописаніи на ономъ, М. Максимовича.

Что касается до остальныхъ московскихъ журналовъ: „Телеграфа“, „Московскаго Вѣстника“ и „Галатеи“, то ихъ обозрѣніе мы откладываемъ до дальнѣйшаго изложенія, такъ какъ въ ихъ

изданіи принималъ болѣе или менѣе прямое участіе кружокъ, къ которому принадлежалъ Александръ Ивановичъ.

Изъ представленнаго мною обзора неизбѣжно вытекаетъ одно общее заключеніе: къ концу двадцатыхъ годовъ русское образованное меньшинство значительно выросло и возмужало. „Это былъ одинъ изъ тѣхъ періодовъ оживленія, какіе случались (хоть очень рѣдко), въ исторіи русскаго общества, когда задержанная внутренняя жизнь высказывается порывами къ реформѣ, которые въ молодыхъ умахъ легко переходили въ невозможные фантастическіе планы“ (Пып.). Молодежь того времени вездѣ легко сходилась въ кружки съ политическимъ оттѣнкомъ, овладѣвшимъ цѣлымъ обществомъ подъ вліяніемъ великихъ событій и стремленія къ реформамъ, проявившагося съ такой напряженностью въ началѣ царствованія императора Александра. Не одни декабристы на своихъ тайныхъ сходкахъ обдумывали несбыточныя утопіи для будущаго политическаго устройства Россіи: объ этомъ же, въ болѣе скромныхъ и дозволенныхъ, но еще болѣе фантастическихъ увлеченіяхъ, разсуждали молодые офицеры гвардіи. Изъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго (Р. Арх. 1886—87) видно, что въ первый годъ пребыванія его въ Петербургѣ составился возлѣ него тѣсный дружескій кружокъ, нѣчто въ родѣ тайнаго общества. Муравьевъ мечталъ удалиться чрезъ пять лѣтъ на какой нибудь островъ, населенный дикими, взять съ собою надежныхъ товарищей и составить новую республику, для чего товарищи его обязывались быть ему помощниками. Члены кружка писали и обсуждали законы для новой республики. Среди всей читающей публики явилась потребность къ болѣе серьезному взгляду и это выразилось между прочимъ распространеніемъ философскихъ знаній. Потребность къ самоуглубленію и наблюденію надъ своей внутренней, бытовой жизнью, въ ея прошломъ и настоящемъ, стремленіе къ народности и самобытной литературѣ, опирающейся на дѣйствительной русской почвѣ, произвели то, что журналы теряли свой исключительно переводный характеръ и старались наполнить свои страницы оригинальными произведеніями съ мотивами, заимствованными изъ русской старины или изъ окружающей дѣйствительности. Страсть къ чтенію развита была болѣе, нежели въ послѣдующее время: мы видѣли, что все сколько нибудь возвышавшееся надъ уровнемъ тогдашней скудной и неумѣлой прозаической литературы

расходилось съ непомѣрной быстротой. Зарождающаяся потребность къ самостоятельности мысли и творчества придала особое значеніе критикѣ, какъ первому шагу, съ котораго начинается работа мысли, освобождающейся отъ указки учителя. Въ литературѣ явились таланты, на которыхъ отразился общественный ростъ и получился отвѣтъ на вновь зародившіяся въ обществѣ потребности, но журналистика оставалась далеко назади. Старые дѣятели сходили со сцены „по чину естества"; изъ новыхъ удержались Булгаринъ и Гречъ, исключительно въ силу практическаго умѣнья устраивать свои дѣла и съ внѣшней стороны приноравливаться къ потребностямъ читателей.

Въ этомъ культурномъ движеніи Москва сохранила свое первенствующее значеніе. Московскій университетъ и въ двадцатыхъ годахъ оставался центромъ, гдѣ зарождалось и откуда развивалось движеніе впередъ въ области науки и литературы. Театръ начиналъ свою славную эпоху сороковыхъ годовъ, когда соединеніе разнообразныхъ талантовъ воспитывало въ обществѣ, путемъ непосредственнаго воздѣйствія, его эстетическое чувство, а серьезный репертуаръ знакомилъ публику съ первоклассными представителями драматическаго искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ двадцатыхъ годахъ театръ сдѣлался до нѣкоторой степени выраженіемъ литературныхъ интересовъ того времени. Оттого возрожденіе журналистики, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, должно было произойти и дѣйствительно произошло именно въ Москвѣ, а не въ какомъ нибудь другомъ пунктѣ. Московское общество, по прежнему, принимало живое участіе въ дѣлѣ образованія. Еще Грановскій замѣтилъ, что высшее сословіе Александровскихъ временъ было образованнѣе, чѣмъ въ современную ему эпоху. Между тѣмъ старинный духъ оппортунизма нашелъ новую почву въ общемъ неудовольствіи, распространившемся вслѣдствіе реакціи послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Александра и литература въ Москвѣ заняла болѣе видное и независимое положеніе, сохраняя свое неблагосклонное отношеніе къ Петербургской, заискивавшей и продажной въ лицѣ господствовавшаго тамъ дуумвирата. Различіе между направленіемъ литературы въ Петербургѣ и Москвѣ того времени лучше всего характеризуется съ извѣстной точки зрѣнія въ обвинительной запискѣ противъ Полеваго, поданной 19 августа 1827 г. въ III Отдѣленіе. „Москва есть большая

деревня. Тамъ вещи идутъ другимъ порядкомъ, нежели въ Петербургѣ и цензура тамъ никогда не имѣла ни постоянныхъ правилъ, ни ограниченнаго круга дѣйствія. Замѣчательно, что отъ временъ Новикова всѣ запрещенныя книги и всѣ вредныя, нынѣ находящіяся въ обществѣ, напечатаны и одобрены въ Москвѣ. Даже „Думы“ Рылѣева и его поэма „Войнаровскій“, запрещенные въ Петербургѣ, позволены въ Москвѣ. Все запрещаемое здѣсь печатается, безъ малѣйшаго затрудненія въ Петербургѣ. Сколько было промаховъ по газетамъ и журналамъ, то всегда это случалось въ Москвѣ. Всѣ политическія и внутреннія происшествія иначе понимаются и иначе толкуются въ Москвѣ, даже людьми просвѣщенными“. („Истор. Вѣстн.“ мартъ 1836 г., ст. Сухомлинова, стр. 522—23).

Историческія преданія и чувство народности, естественно, въ Москвѣ были и остались сильнѣе, нежели гдѣ-нибудь въ Россіи. Подъ вліяніемъ этого, при развитіи образованія, въ Москвѣ начали складываться понятія объ ея, заимствуя выраженіе славянофиловъ, *соборномъ* значеніи. Въ одной изъ своихъ рѣчей Хомяковъ сказалъ: „Чѣмъ внимательнѣе всмотримся мы въ умственное движеніе русское и въ отношеніе къ нему Москвы, тѣмъ болѣе убѣдимся мы, что именно въ ней постоянно совершается серьезный размѣнъ мысли, что въ ней созидаются, такъ сказать, формы общественныхъ направленій. Конечно, и великій художникъ, и великій мыслитель могутъ возникнуть и воспитаться въ какомъ угодно углу русской земли, но составиться, созрѣть, сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ, мысль общественная можетъ только здѣсь; русскій, чтобы сдуматься, столковаться съ русскими, обращается къ Москвѣ. Въ этомъ убѣдится всякій, кто только прослѣдитъ ходъ нашего просвѣщенія. Всѣ убѣжденія, болѣе или менѣе охватывавшія жизнь нашу, или проникавшія ее, возникали въ Москвѣ“ (соч. I, 748, изд. 2). Иначе смотрѣли на Москву такъ называемые западники. Т. Н. Грановскій однажды разразился противъ Москвы такой филиппикой: „Съ этой барской, пошлой, тупоумной Москвой, представителемъ которой является англійскій клубъ, съ этой апатичной, лѣнивой Москвой, которая только съ просонокъ важничаетъ и, какъ старая баба, хвалится своимъ древнимъ родомъ, своими прежними заслугами, *толкуетъ по старой памяти о своемъ умственномъ превосходствѣ, нелѣпо хвастаетъ какой-то будто независи-*

мостью, которую пріобрѣла она, — съ этой Москвой, я не могу, не хочу и не долженъ имѣть ничего общаго. Человѣку съ свѣжими силами, съ неостывшей энергіей, съ жаждой дѣятельности,—въ Москвѣ дѣлать нечего. Такого человѣка не можетъ удовлетворить одно только безплодное возвращеніе къ своему прошедшему, эгоистическое наслажденіе своими воспоминаніями, ему некогда праздно оглядываться назадъ, онъ стремится впередъ и впередъ... Ему должно казаться нестерпимымъ это бездѣятельное, глупое самодовольствіе, въ которое погружена Москва. Такое самодовольствіе есть несомнѣнный признакъ отсталости и дряхлости". Много нужно было горя и личныхъ невзгодъ, чтобы изъ благодушной души Тимоѳея Николаевича вырвать этотъ тяжелый крикъ негодованія. Но вотъ какъ въ минуту спокойную, хладнокровно отзывался о Москвѣ Бѣлинскій: „Въ дѣлѣ вопросовъ, касающихся до науки, искусства, литературы, у москвичей больше простора, знанія, вкуса, образованности, чѣмъ у большинства читающей и даже пишущей петербургской публики. Въ Москвѣ люди, поставившіе образованность цѣлью своей жизни, сначала бываютъ молодыми людьми, подающими о себѣ большія надежды, и потомъ, если во время не выѣдутъ изъ Москвы, дѣлаются москвичами и тогда перестаютъ уже подавать о себѣ какія-либо надежды, какъ люди, для которыхъ прошла пора обѣщаній а пора исполнить еще не наступила. Даже и молодые люди, подающіе о себѣ большія надежды, въ Москвѣ имѣютъ тотъ общій недостатокъ, что часто смѣшиваютъ между собою различныя и противоположныя понятія, какъ то: стихотворство съ дѣломъ, фантазіи празднаго ума съ мышленіемъ. Отсюда игра словами, которыя принимаются за дѣло, игра въ понятія, которыя считаются фактами" (Соч. т. XII, стр. 221—222). Это намекъ на славянофиловъ, какъ ясно видно изъ дальнѣйшаго изложенія: „Кто, живя въ Петербургѣ, не увлекся водоворотомъ призрачной жизни, умѣлъ сберечь и душу, и сердце не на счетъ здраваго смысла, сохранить свое человѣческое достоинство, не предаваясь Донкихотству, — тому смѣло вы можете протянуть руку какъ человѣку... Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство: сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не *убѣжденія*, а *мечты*, порожденныя праздною жизнью и

рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности,—и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святаго, человѣческаго!“ (Тамъ же стр. 230). Въ этомъ отзывѣ Бѣлинскаго также очень много личнаго, но справедливо только одно, что въ его время для громаднаго большинства образованныхъ людей *дѣлать* значило *служить*, а служить дѣйствительно съ пользой, по крайней мѣрѣ для себя, можно было преимущественно въ Петербургѣ; только это вовсе не похвала и едва ли московское *бездѣлье* было хуже петербургской *дѣятельности*. Въ обоихъ этихъ отзывахъ есть значительная доля личнаго раздраженія, безъ сомнѣнія, справедливаго и вызваннаго обстоятельствами. Но помимо этого есть въ нихъ двѣ серьезныя черты, которыя, помимо воли говорившихъ, высказались въ ихъ словахъ,—это безспорная принадлежность Москвѣ историческихъ культурныхъ традицій и разрывъ съ ними тогдашней интеллигенціи, спасавшейся отъ нихъ союзомъ съ Петербургомъ. Она, эта интеллигенція, благородно и безкорыстно погружена была въ западную науку, она исполнена была любви къ родинѣ и желала ей возможнаго добра, но стремясь все впередъ и впередъ, она позабыла и забвеніемъ порвала всѣ связи съ историческимъ прошедшимъ, безъ которыхъ человѣкъ является чужимъ среди окружающаго. Естественно, что въ исторической Москвѣ долженъ былъ появиться кружокъ, воплощающій въ себѣ отпоръ противъ такого отрицанія народности, кружокъ, который ставилъ себѣ задачею связать вновь эти порванныя связи и который нельзя было упрекать въ лѣности и апатіи. Такимъ кружкомъ явились славянофилы, продуктъ чисто московскій и именно эпохи крайняго увлеченія западною цивилизаціей. Оттого именно они, по роковой силѣ вещей, и должны были вдаваться въ крайность. Проф. Веселовскій совершенно справедливо замѣчаетъ что „культурная исторія Европы за послѣднія два столѣтія показываетъ намъ, что *почти ни одна страна* не обошлась въ свое время безъ движенія, вполнѣ схожаго съ нашимъ славянофильствомъ. Сантиментальное поклоненіе странѣ, исканіе въ ней одной величайшихъ доблестей, мистическій оттѣнокъ національной гордости и рядомъ съ этимъ пробужденіе интереса къ народной жизни, поэзіи, повѣріямъ и т. д.—такова программа всѣхъ этихъ сектъ“ (Зап. вліяніе, стр. 181). При этомъ авторъ сближаетъ явленіе у насъ славянофильства съ научно-патріотической чешской школой, двинувшей славянское возрожденіе

текущаго вѣка, съ польскимъ мистико-политическимъ направленіемъ въ дѣятельности Лелевеля, Мицкевича и Товянскаго и германскимъ народно-романтическимъ движеніемъ. Еще подробнѣе, и при томъ съ оригинальной точки зрѣнія, это сближеніе сдѣлано г. Урсинымъ въ его сочиненіи „Очерки изъ психологіи славянскаго племени: славянофилы", С.-Пб. 1887 г. Сопоставляя съ одной стороны Мицкевича, Словацкаго и Товянскаго, а съ другой славянофиловъ перваго слоя (Хомякова, Кирѣевскаго и К. Аксакова), авторъ всѣхъ ихъ считаетъ представителями политическаго мистицизма, названнаго имъ „мессіанизмомъ". Сущность этого мессіанизма авторъ полагаетъ въ слѣдующемъ: „вѣра въ великое будущее народа, основанная *не на умственныхъ способностяхъ* или культурномъ превосходствѣ племени, но *на чувствѣ* и происходящая отсюда способность постигать и увлекаться религіозными и общественными идеалами,—черта общая какъ русскому, такъ и польскому направленію" (стр. 144). Немного дальше (145 стр.) авторъ говоритъ: „Критическое начало, отсутствующее въ восторженномъ бредѣ польскихъ поэтовъ, довольно сильно обнаружилось у славянофиловъ". Какъ же согласить это невозможное противорѣчіе!?! неужели и присутствіе критическаго анализа надо искать въ *чувствѣ?!* Не менѣе наивно заключеніе автора, что славянофильство русское въ этическомъ отношеніи ниже польскаго потому, что оно „дало поводъ къ тѣмъ превратнымъ истолкованіямъ, которыя исказили ученіе Хомякова!!" (стр. 151). Какъ бы то ни было этотъ историческій параллелизмъ, конечно, не умалитъ заслугъ славянофиловъ, которыхъ постараемся разобрать въ своемъ мѣстѣ; но мы хотѣли съ самаго начала опредѣлить значеніе славянофильства съ точки зрѣнія исторической необходимости, какъ самой существенной подкладки всякаго историческаго явленія.